

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ТЕХНИКА

JURIDICAL TECHNIQUES

№ 15

2021

«ЮРТЕХНЕТИКА – НАУКА О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, КОТОРАЯ ВЫСТУПАЕТ ЭЛЕМЕНТОМ ТЕХНОСФЕРЫ, ВАРИАНТОМ ТЕХНОНАУКИ, ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ, ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРАВООБРАЗОВАНИЯ, ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА, РЕАЛИЗАЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ».

ПРОФЕССОР В.М. БАРАНОВ

Нижегородский исследовательский
научно-прикладной центр
«Юридическая техника»

К 800-летию Нижнего Новгорода

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Ежегодник

№ 15

**«Юридические инновации
(доктрина, практика, техника)»**

Издается с 2007 года

Учредитель:
Фонд В.М. Баранова
«Нижегородский исследовательский
научно-прикладной центр
"Юридическая техника"»
(Фонд НИИПЦ «Юртех»)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС 77-27713
от 11 апреля 2007 года

В авторской редакции
Компьютерная верстка Г.А. Федуловой
Дизайн обложки К.А. Быкова

Подписано в печать 12.01.2021.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 88,62.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ №
Дата выхода в свет

Издатель:
Фонд НИИПЦ «Юртех».
Адрес редакции и издателя:
603081, г. Нижний Новгород,
ул. Сурикова, 16а, оф. 81;
тел. 8 (831) 421-72-90;
e-mail: baranov_prof@bk.ru

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография».
142300 МО, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Нижний Новгород)

Редакционная коллегия:

Апт Людмила Фальковна — кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Арзамасов Юрий Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор (Москва)

Баранова Марина Владимировна — доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Нижний Новгород)

Власенко Николай Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Габов Андрей Владимирович — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Давыдова Марина Леонидовна — доктор юридических наук, профессор (Волгоград)

Зайцев Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Исаков Владимир Борисович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Кабанов Павел Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород)

Карташов Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ярославль)

Кашанина Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор (Москва)

Колоколов Никита Александрович — доктор юридических наук, профессор (Москва)

Лазарев Валерий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Лушников Андрей Михайлович — доктор юридических наук, профессор (Ярославль)

Мацкевич Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Панько Кирилл Константинович — доктор юридических наук, профессор (Воронеж)

Поляков Михаил Петрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород)

Пчелкин Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород)

Ромашов Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Романовская Вера Борисовна — доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород)

Сенякин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Саратов)

Сивицкий Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Стариков Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор (Воронеж)

Тарасов Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург)

Тихонова Светлана Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, (Нижний Новгород)

Тихомиров Юрий Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Туранин Владислав Юрьевич — доктор юридических наук, профессор (Белгород)

Эбзеев Борис Сафарович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

Юридические инновации в ракурсе правовой эволюции. Вступительное слово профессора В.М. Баранова при открытии XXII форума «Юртехнетика»	8
Приветственное слово председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.А. Клишаса	19
Приветственное слово председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Е.В. Лебедева	20
Приветственное слово начальника Нижегородской академии МВД России, кандидата юридических наук, доцента, академика Российской академии юридических наук, генерал-майора полиции Д.Н. Архипова	21
Приветственное слово ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, доктора медицинских наук, член-корреспондента Российской академии наук Е.В. Загайновой	22
Приветственное слово генерального директора издательства «Проспект», кандидата юридических наук Л.В. Рожникова	23

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Мацкевич И.М. Повышение качества диссертационных работ по юридическим наукам: новые управленческие решения, проекты инновационной модернизации и проблемы их реализации	25
Крусс В.И. Феномен аконституционной инновации как «вторичный иммунодефицит» социологии и политики права	31
Ромашов Р.А. Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации	41
Власенко Н.А. Антиинновационные тенденции в современной юридической науке	48
Поляков С.Б. Результаты юридической инновации	58
Колоколов Н.А. Юридические инновации в сфере судебного строительства от века индустриального до эпохи второго постмодерна (доктрина, практика, техника)	64
Андреановская И.И. Развитие современного трудового права России: преемственность и новизна	79
Баранов В.М. Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника	85
Исаков В.Б. Карта юриста-инноватора	100
Исаков В.Б. Яркая инновация в юридическом образовании. Презентация 4-томного научно-образовательного комплекса по теории государства и права, подготовленного кафедрой теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ и вышедшего в 2020 году в центральном издательстве «Норма»	117
Андреева П.Н. Новая номенклатура научных специальностей по праву: особенности и перспектива. Презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки»	121

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Профессорское собрание

Баранова М.В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен	123
Биюшкина Н.И. Историко-правовые аспекты проблемы соотношения юридической инновации и инновации в праве	129
Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как полигон инноваций	134
Голоскоков Л.В. О социокультурном измерении юридических инноваций	140
Грязнова Т.Е. Инновации в российской юридической науке второй половины XIX — начала XX вв.	148
Гук П.А. Инновации судебного нормотворчества в России: доктрина, практика, техника	152
Давыдова М.Л. Инновационные правотворческие технологии и проблемы их применения	158
Захарцев С.И., Сальников В.П. Компренхендная теория как инновационный подход к познанию права ..	166
Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу об инновационном праве	175
Карташов В.Н. Преступная деятельность (краткий очерк инновационного исследования)	179

СОДЕРЖАНИЕ

Кодан С.В. Методологический подход: место, роль и значение в инновационных процессах развития юридического научного знания	184
Кожевина М.А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса	191
Ланова Г.М. Инновации в праве: новшества или нововведения	199
Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в законотворческой деятельности России и зарубежных стран	204
Мазуренко А.П., Бушнев В.В. К вопросу о правовой политике России в сфере инноваций	209
Макарейко Н.В. Инновации в фокусе национальной безопасности	217
Миронова С.А. «Инновации и качество регионального законодательства на примере автономно-территориального образования Гагаузии»	221
Овчинников А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении	227
Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права	231
Симонян С.А., Гамбарян А.С., Необходимость и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта	237
Смирнова М.Г. Социальные притязания и юридические инновации: проблемы соотношения и взаимодействия	241
Соколова А.А. Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания	245
Трофимов В.В. Современная государственно-правовая политика в области инновационного развития России: общенациональный и региональный срезы (научный мониторинг общего состояния и некоторые планы на перспективу)	250
Туранин В.Ю. Дистанция как предпосылка для формирования юридических инноваций	259
Толстик В.А. Конституционные новации в регулировании местного самоуправления: вынужденная половинчатость или правовая позиция законодателя?	263
Хужин А.М., Хужина О.Н. Опыт инновационного использования социальных сетей в образовательном процессе	268
Червонюк В.И. Инновационные юридические технологии	273
Шафиров В.М. Человеческое измерение и инновации в праве	294

Корпус исследователей с ученой степенью кандидата наук и практикующих юристов

Варенцова Л.Ю. Указ царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г. как инновация в законодательстве по вопросу о социально-экономическом и политическом развитии царского домена в Российском государстве в XVII в.	301
Васильев П.В. Об инновационных предложениях по преодолению кризиса юридической науки на основе критериального подхода	306
Вершинина Е.С. Принятие единого стандарта в области документационного обеспечения управления как инновационный способ регламентации данного вида деятельности	312
Ерыгин А.А. Новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов российской федерации	315
Ерыгина В.И. Инновационное правовое регулирование российской партийной системы	321
Зайцева Е.С. Правовое прогнозирование как средство внедрения инноваций в праве	326
Илюхина В.А. Традиции и инновации в закреплении принципов права	329
Корелов О.А., Морозов О.Л. Использование информационных технологий и систем искусственного интеллекта в процессе законотворчества	335
Кротов А.В. Современная доктрина судейского усмотрения в западном праве как результат инновационного развития теории судебного разбирательства в фокусе либеральной идеологии ...	340
Кулик О.В. Принцип инновационности правотворчества	343
Купцова О.Б. Топические основания латинской юридической терминологии в текстах форм права: традиции и инновации	346
Курьшев Е.Ю. Инновации в праве: введение в теорию	351
Леонтенкова Е.А. Этнокультурная экспертиза законодательных инноваций	358
Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения в период глобального инновационного конституционализма	361
Мальшева И.В. Инновационные принципы и формы систематизации законодательства в условиях неопределённости общественных отношений	365
Мальшкин А.В. Интеграция и дезинтеграция социальных регуляторов: юридические инновации в условиях пандемии COVID-19	371
Михайлов А.Е. Инновационность изменения правовой охраны рационализаторских предложений в России (доктрина, практика, техника)	376

СОДЕРЖАНИЕ

Мурсалимов К.Р. Современная правообразующая деятельность государства: от деформации к инновационному развитию	385
Никиташина А.М. Искусственный интеллект в юриспруденции: миф или реальность?.....	388
Орлова Ю.М. Эволюция процедуры совместного принятия решений: проблемы и инновации	394
Осипов Р.А. Инновационные подходы повышения уровня правосознания граждан (теоретический аспект)	399
Павлов В.И. Перспективы развития теории и практики правотворчества в классической общеправовой теории и в антропологическом подходе к праву в контексте новых национальных нормотворческих инструментов	402
Парфенов А.В. Альтернативное разрешение споров как специфический аспект инновационного пути развития права	408
Петрова Е.А. Инновации в развитии правовых систем современности.....	412
Пишина С.Г., Агеев А.Н. Традиции и инновации в юридическом образовании: проблемы поиска оптимального соотношения.....	418
Плетников В.С. Модель государства — «terra incognita» современного отечественного государственоведения.....	422
Русакова Н.Г. Кодексы профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел: традиции и инновации	428
Сивицкий В.А. Правовой традиционализм и правовое новаторство: найти разумный компромисс.....	432
Скляренко М.В. Инновации в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ: доктрина, практика техника	437
Скурко Е.В. Правовое регулирование в сфере инноваций в контексте рисков международного сотрудничества.....	448
Степаненко Д.М. Техничко-юридические правотворческие средства реализации инновационной функции государства.....	451
Теткин Д.В., Кутякин С.А. Об актуальности вопроса инструментальной ценности неформального права в рамках функционального подхода к исследованию «инновационной» правовой системы современного общества	459
Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы	463
Червяковский А.В. Закон о нормативных правовых актах как юридическая инновация (опыт России и государств ближнего зарубежья)	470
Шаханов В.В. Метафеноменальный анализ как инновация в сфере методологии права	474

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Профессорское собрание

Берлявский Л.Г., Махова А.В. Избирательные права в цифровую эпоху	478
Боголюбов С.А. Соперничество инерции и новаторства: законотворчество 1920-х в лесной сфере... ..	484
Гаврилов Б.Я. Потребность в новом УПК РФ: современные реалии или фантом	491
Горшенков Г.Н. Доктринальные инновации в криминологии: сущность, ценность, проблемы реализации	498
Ковтун Н.Н., Ковтун И.С. «Декларации — Инновации — Профанации»: апробированная формула перманентных реформ в сфере уголовно-процессуального права России	508
Кузнецов А.П. Обязательные работы — уголовно-правовая инновация в системе наказаний	516
Либанова С.Э. Социокультурное измерение юридических инноваций через блокчейн.....	524
Минеева Т.Г., Иммаева Б.А. Инновации в деятельности органов исполнительной власти по автоматизации и цифровизации документационных процессов	529
Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Уголовно-правовая текстология как инновационный проект.....	536
Нематов А.Р., Абдуджалилов А. Теория, практика и техника электронного договорного права	544
Петрянин А.В. Юридические новации в области противодействия преступлениям экстремистской направленности: доктрина, практика, техника	549
Погодина Т.Г., Бородачева И.В. Необходимые инновации в сфере правового регулирования охраны здоровья граждан.....	551
Скоробогатов А.В., Борисова Н.Р. Инновации в образовательном законодательстве как средство повышения эффективности правового регулирования отношений в сфере образования	555
Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Межотраслевая конвергенция процедурных механизмов как элемент инноваций в правовой системе	560
Тимофеева А.В. Новые технологии в практике Европейского суда по правам человека	564
Фурсов Д.А. Инновации в юридическом образовании, профессиональной деятельности и повышении квалификации	567

Корпус исследователей с ученой степенью кандидата наук и практикующих юристов

Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе.....	571
Балалаева М.В. Инновационные педагогические технологии преподавания дисциплины «Криминалистика»: современное состояние и перспективы внедрения в образовательный процесс	575
Волчкова А.А. К вопросу об уголовной ответственности за вред, причиненный роботом	580
Джагарян И.А. Объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом: вопросы инновационного правового регулирования.....	585
Золотова Е.В. Инновационные технологии кадровой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации	586
Калюжная О.В. Инновационный подход к правовому регулированию и этическому содержанию нахождения сотрудников правоохранительных органов в социальных сетях и мессенджерах.....	590
Князькин С.И. Юридические инновации и типы правопонимания в цивилистическом процессе.....	592
Креховец А.В., Никифорова А.А. Инновационные уголовно-правовые механизмы охраны общественных отношений в период распространения новой коронавирусной инфекции	595
Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона	600
Ламтева А.В. Реновация идеи современного типа уголовного процесса: сумма оригинальных юридических предложений и их аргументация.....	607
Магнутов Ю.С. Юридические новации в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности: доктрина, практика, техника	612
Мацкевич О.В. Инновации в правовом регулировании рынка труда России	615
Миловидова А.С. Инновации в форме и содержании права: конституционно-правовой аспект	619
Остроумов Н.В. Правовые аспекты внедрения смарт-контрактов в области электроэнергетики.....	622
Пронина М.П. Влияние юридико-технических инноваций на уголовное законодательство	626
Ремизов П.В. Юридические инновации и реформа законодательства об административных правонарушениях	629
Санинский Р.А. Юридические новации в области противодействия теневой экономической деятельности: доктрина, практика, техника	631
Сизова В.Н. Институт уголовной ответственности юридических лиц как инновационный элемент системы российского уголовного законодательства	634
Соловьева С.В. Влияние цифровых технологий на трудовые отношения: плюсы и минусы	637
Федосеева О.И. Психологические аспекты формирования правового сознания в процессе инновационной подготовки сотрудников ОВД	640
Федулов А.В. Юридические инновации в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.....	644
Чирикин В.А. Закрепление института системы публичной власти в Конституции Российской Федерации как правовая инновация.....	648
Щербакова М.П. Актуальные проблемы государственного управления инновациями в системе образования и пути их решения.....	651

Трибуна молодых ученых

Юридические инновации в исследованиях соискателей, аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов, слушателей

Агафонов В.В. Инновационное совершенствование правовых положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление	654
Александрина Н.М. Инновационный подход в системе государственного контроля (надзора) за деятельностью юридических лиц.....	658
Балалаева Ю.С. Упрощенная процедура банкротства физических лиц как инновация в производстве по делам о несостоятельности: SWOT-анализ	661
Баранова М.В. О специфике новелл опережающего правотворчества современной России (доктрина, практика, техника).....	665
Власова М.А. Имеет ли инновационный характер трансформация гражданско-правовых категорий в конституционно-правовые?	671
Гилев И.А. Информационные технологии — инновация правоприменительного процесса	676
Зуева Ю.В. Самозащита в контексте юридических инноваций.....	681
Ковалев А.Ф. Фрагментарное лишение свободы как инновационная альтернатива уголовному наказанию в виде лишения свободы на определенный срок	685
Кочнева А.А. Актуальные вопросы признания абсолютной природы правоотношений по реализации цифровых прав	689
Красненкова А.В. Инновационные способы получения оперативно значимой информации по делам о преступлениях, связанных с криминальными банкротствами	694

СОДЕРЖАНИЕ

Кротова Е.Н. Инновационный подход к исследованию проблемы неправомерных деяний в системе юридических фактов	697
Кипарисов Ф.Г. Перспективы бланкетного регулирования в условиях инновационного развития	700
Крошилин А.Е., Блинов Е.Е. Внедрение инноваций в сфере информационных технологий, как способ повышения уровня раскрытия квартирных краж	703
Порываева Н.Ф. Предпосылки возникновения машиночитаемого права	706
Трапезникова Е.В. Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права	710
Токарева Ю.В. Государственный реестр как инновационное технико-юридическое средство оптимизации юридической деятельности	715
Фотоэтюды	719
Сырых В.М. Об Л.Ф. Апт	759

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

Юридические инновации в ракурсе правовой эволюции. Вступительное слово профессора В.М. Баранова при открытии XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика»

Уважаемые коллеги!

XXII Международный научно-практический форум «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» разрешите считать открытым и учредители нашей встречи искренне признательны каждому из Вас за приезд, за преодоление немалых трудностей, связанных с пандемией коронавируса. Все необходимые меры безопасности учредителями форума приняты.

Цифровая характеристика участников форума по имеющейся у Вас программе такова.

Заявлено — 297 докладов.

Среди участников:

96 — доктора наук, профессора;

131 — кандидаты наук, доценты;

28 — преподаватели вузов без ученой степени и ученого звания;

34 — практические работники;

93 — исследователи из системы МВД России;

28 — соискатели, аспиранты, адъюнкты;

17 — магистры, студенты, курсанты, слушатели;

27 — иностранные участники (Азербайджан, Алжир, Армения, Беларусь, Израиль, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Литва, Молдова, Монголия, США, Таджикистан, Узбекистан, Франция, Чехия, Эстония).

«География» форума — представлена 35 научными центрами: Барнаул, Белгород, Владимир, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Москва, Нальчик, Нижний Новгород, Новокузнецк, Омск, Орехово-Зуево, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Симферополь, Тамбов, Тверь, Тольятти, Томск, Тула, Ульяновск, Уфа, Ярославль.

Год назад участникам предыдущего форума было предложено информационное письмо о теме «Юридические инновации» и выдвинуты на обсуждение следующие проблемные вопросы:

- понятие юридической инновации и спорные проблемы ее дефинирования;
- соотношение понятий «юридические инновации» и «инновации в праве»;
- юридические или правовые инновации;
- традиции и инновации как парные правовые категории;
- функции инноваций в праве;
- формы инноваций в праве;
- субъекты инноваций в праве;
- методология анализа юридических инноваций;
- инновации в юридической методологии;
- юридическая инновация как особая разновидность социальной инновации;
- юридические инновации как элемент правовой политики современной России;
- инновационные подходы в достижении национальных целей;
- юридические инновации и политико-правовые приоритеты: соотношение и проблемы взаимодействия;
- инновационные юридические стратегии: сущность, виды, техника формирования и реализации;
- влияние СМИ на юридические инновации;
- традиции и инновации в праве;
- инновации в праве: их типы и виды;
- инновационное законодательство;
- инновационный подход к структурированию права и законодательства на отрасли;
- специфика инноваций в романо-германской правовой системе;
- оригинальность инноваций в англо-саксонской правовой системе;
- особенности инноваций в мусульманской правовой системе;

- автоматизация юридической деятельности;
- мобильные приложения в правовой сфере;
- особенности юридических инноваций в «молодых» комплексных отраслях права;
- инновационная прокуратура: новаторские формы деятельности и их нормативно-правовое оформление;
- юридические инновации в органах представительной власти;
- специфика юридических инноваций в органах исполнительной власти;
- юридические инновации в судебной деятельности;
- инновационный путь развития права — закономерность развития права в условиях глобализации и интеграции правовых систем;
- инновационные инструменты влияния гражданского общества на органы власти;
- юридическая техника и новые технологии;
- правовые порталы;
- неисчерпанные возможности визуализации права (инфографики);
- электронные библиотеки материалов по правовой тематике;
- правовые энциклопедии;
- раскрытие правовой информации;
- правовые IT-интеграторы;
- чат-боты и роботы-поисковики в юриспруденции;
- инновационные правовые продукты;
- автоматизированный документооборот;
- юридический стартап: природа и эффективность;
- технологические инновации в юридических услугах;
- юридические услуги с моделью фриланса;
- искусственный интеллект в праве;
- угрозы юридических инноваций;
- риски юридических инноваций;
- кибербезопасность в праве: новаторские приемы защиты;
- правовое регулирование инновационной деятельности;
- алгоритмизация правового регулирования: возможности, пределы, плюсы и минусы;
- алгоритмизация правоприменения (правореализации): возможности, пределы, плюсы и минусы;
- цифровизация права;
- «новшество» в праве;
- «изобретение» в праве;
- «рационализация» в праве;
- «открытие» в праве;
- оценка эффективности юридических инноваций;
- правовой инжиниринг;
- правовой консалтинг;
- правовые трансферты;
- legal IT;
- инновационный потенциал юридической техники;
- возможности и пределы инноваций в сфере юридической техники;
- инновационные средства юридической техники;
- инновационное право: образ будущего;
- принцип инновационного развития права;
- инновации в праве и их эффективность;
- эффективность инновационной деятельности;
- правовые стандарты и инновации в праве: единство и противоречия;
- инновационный путь развития права в условиях информационного общества;
- инновационное законодательство и его место в системе современного законодательства;
- инновации и качество законодательства;
- инновации в правотворческой деятельности: формы и механизмы;
- инновационные формы и механизмы в реализации права;
- пределы инноваций в применении и толковании права;
- возможности и пределы инноваций в сфере формы нормативного правового акта;
- инновационный путь развития современной юридической науки;
- социокультурное измерение юридических инноваций;

- стратегия как юридическая инновация;
- субъекты юридических инноваций;
- инновационные технологии в праве;
- сервис-ориентированный подход в государственном управлении;
- Интернет как новая сфера правового регулирования и правореализации;
- аутсорсинг государственных услуг: правовое регулирование и проблема определения границ;
- цифровизация управленческого процесса;
- риск-ориентированный подход в системе государственного контроля (надзора);
- нормативное правовое регулирование цифровизации финансовых активов государства;
- государственное управление цифровыми сетями;
- инновационные подходы в обеспечении цифровой безопасности;
- проблемы обеспечения безопасности цифровой экономики;
- цифровая экономика как новая сфера правового регулирования;
- инновационные подходы в подготовке государственных (муниципальных) служащих;
- инновации в правовом регулировании рынка труда;
- препятствия на пути инновационного развития государственного управления;
- использование потенциала бенчмаркинга в государственном управлении;
- проблемы государственного управления инновациями;
- инновационные технологии в государственном управлении;
- система юридических инноваций: реальность или миф;
- система региональных юридических инноваций;
- системное управление юридическими инновациями;
- опережающие региональные юридические инновации;
- правовая практика и юридические инновации: проблемы взаимодействия;
- юридические инновации как средство формирования правового пространства России и глобализирующегося мира;
- юридические инновации как механизм систематизации правового пространства;
- показатели интенсивности и критерии результативности юридических инноваций;
- инструментальные (техничко-юридические) новации в законотворчестве, толковании и реализации правовых норм;
- реестр как инновационный технико-юридический инструмент;
- новаторские виды систематизации правовой информации как эффективные инструменты обеспечения правотворческой и правоприменительной деятельности;
- инновационные информационные характеристики правовых актов и их влияние на институт правотворчества;
- инновационное формирование и упорядочение понятийного аппарата законодательства;
- совершенствование юридических инноваций как условие устойчивого развития экономики России;
- создание территорий с особым экономико-правовым статусом как разновидность правовых инноваций;
- гражданское общество России как потребитель юридических инноваций;
- ускорение экономического и технологического обновления как катализатор роста юридических инноваций;
- процессуальные проблемы инноваций в правоведении, юридической практике и технике;
- стоимость юридических инноваций: проблемы их удешевления и реальность оценок;
- невосприимчивость экономики и культуры России к доктринальным юридическим инновациям: причины и пути преодоления;
- рейтинг инновационных регионов Российской Федерации и его роль в развитии юридической науки и практики, правовом воспитании граждан и должностных лиц;
- экспертиза юридических инноваций;
- стимулирование юридических инноваций;
- юридические инновации как необходимое условие модернизации России;
- искусственный интеллект в юриспруденции и правовой практике: вызов или реальность;
- модели и алгоритмы государственного управления процессом распространения юридических инноваций;
- основные направления развития юридических инноваций;
- юрико-технические инновации;
- инновационные правовые конструкции;
- инновационные правовые институты в отраслях современного публичного и частного права;
- цифровые права как объекты гражданских прав;

— утилитарные цифровые права в ракурсе Федерального закона от 2 августа 2019 года № 298 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- принцип предосторожности законодательного обеспечения медицинских инноваций;
- электронная форма сделок как юридическая инновация;
- энергетический интернет: сущность, структура, место в цифровом правовом пространстве;
- «Умные договоры» как правовая и технологическая инновация;
- смарт-контракты в системе договорного права;
- венчурное инвестирование в корпоративных отношениях;
- каршеринг в системе инновационных договорных конструкций;
- эскроу-отношения в современном гражданском праве;
- SaaS как гражданско-правовая форма использования облачных технологий;
- цифровое правосудие в современной России: проблемы и перспективы;
- электронное правосудие: пределы и способы интеграции в традиционные процессуальные формы;
- консерватизм и новаторство в правовом регулировании: поиск необходимого баланса;
- технодетерминизм и биопринтинг как инновации в сфере гражданско-правового регулирования;
- инновационное правовое обеспечение исследований физико-химических и биологических процессов мозга;

- антимонопольный комплайнс: российские реалии и перспективы правового регулирования;
- юридические IT-платформы как инновационные формы обработки информации;
- Legal tech-разработки в юридической сфере;
- организация юридических инноваций в локальном правовом регулировании;
- юридические инновации как средство разрешения социальных конфликтов;
- юридические инновации как стимул для научно-технического развития страны при рисках и угрозах глобализации;

— юридические инновации как инструмент установления равновесия (баланса) между традицией и модернизацией;

- юридические инновации как средство поддержания стабильности гражданско-правовых отношений;
- юридические инновации в срезе права собственности;
- юридические инновации и право интеллектуальной собственности;
- эксперимент (экспериментальный правовой режим) как способ апробации правовых инноваций;
- применение юридических инноваций в налоговом администрировании;
- юридические инновации и международное судопроизводство;
- инновационные проблемы законодательной регламентации самозанятости;
- инновационные информационно-коммуникативные технологии в государственном управлении в свете Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017—2030 годы»;

- правовые основы реализации инновационно-предпринимательской деятельности;
- неизбежна ли казуистичность правового регулирования при реализации правовых инноваций;
- влияние развития технологий на конституционно-правовой статус личности;
- правовые проблемы создания и функционирования региональных инновационных образовательных центров («Высшая школа музыкального и театрального искусства»);
- инновационные юридические идеи: выдвижение, учет, оценка, реализация;
- инновационные технологии подготовки правотворческих актов;
- инновационные технологии подготовки интерпретационных правовых актов;
- инновационные технологии подготовки правоприменительных актов;
- новации уголовного процесса и преемственность традиций отечественного уголовного судопроизводства;

- новеллы конституционного законодательства;
- новеллы гражданского законодательства;
- инновации в уголовном праве и криминологии;
- юридические инновации и социальная ответственность;
- инновационные прорывы цифровизации юридического знания;
- цифровая энергетика: инновационные тренды развития;
- электронное правительство: теоретические модели, реальная практика, технико-юридические перспективы;

- электронное правительство в публичном управлении (инновационный аспект);
- инновационные технологии как средство подхода к электронному правосудию;
- лженовеллы, псевдоновеллы в юриспруденции: сущность, опасность, пути противодействия;

- цифровизация юриспруденции;
- юридические специальности и инновационное отраслевое деление права;
- роботизация как новая сфера правового регулирования;
- роботизация юридической деятельности: надежды и опасения;
- инновационные подходы к вузовской подготовке правоведа;
- инновационные проблемы внедрения юридических технологий в систему вузовской подготовки правоведа;
- традиции и инновации в юридическом образовании;
- инновационные педагогические технологии в системе высшего юридического образования;
- теория, практика, техника обучения инновационной юридической деятельности;
- инновационные методики преподавания юридических дисциплин;
- традиционное и инновационное в методике преподавания техники правотворчества;
- интерактивные обучающие программы по юриспруденции;
- правовая инноватика и юридическая экспертная деятельность;
- правовая инноватика и общественная экспертиза;
- зарубежные юридические инновации и организационно-управленческие пути их применения в России;
- юридические инновации: проблемы и средства популяризации;
- инновационные форматы издания юридической литературы: цели, востребованность, перспективы.

Я всегда сознательно воспроизвожу вопросы по темам наших форумов, поскольку они сами по себе представляют значительную доктринальную ценность, являясь продуктом интеллектуального труда многих из Вас. Некоторые из ранее сформулированных для форумов вопросов стали предметом диссертационных исследований. Приятно отметить, что вопросник каждого предыдущего форума творческими усилиями заинтересованных участников расширяется и обогащается Вашими статьями.

Касаясь **содержательной части работы нашего форума**, тезисно обозначу лишь несколько сюжетов.

Первое. Науке, в том числе правовой, не чужд (а точнее — присущ) **момент моды**. Нельзя отрицать, что лидируемость тематики об инновациях в современной гуманитарной и технических науках в значительной мере обусловливается модой. Инновации в любом формате, в любом качестве выделены в особую привлекательную и будоражащую область. Те, кто «задействован» в этой сфере априори считаются на переднем крае науки.

Составляется по двадцати девяти индикаторам **рейтинг** инновационных регионов России, разделенных на 4 группы — сильные, среднесильные, средние, и среднеслабые инноваторы.

Любопытно отметить — есть даже премия «Инновация» (юридически учреждена Министерством культуры Российской Федерации и Государственным Центром современного искусства). Ею отмечают лучшие художественные проекты и книги, представляющие собой актуальный срез современного российского искусства за год. На мой дилетантский, но выстрадавший взгляд — это слишком однолинейный подход: какая может быть новизна **«в году»**. А где же иные характеристики и заслуги, «отправляющие» художественное произведение в «вечность». Часто говорят и пишут об «искусстве» инновации, что, по всей видимости, предполагает существование инновационного «ремесла». Вряд ли кто из нас желает прослыть «ремесленником» от правовой инновации.

Хочется надеяться, что мы не «заложники» моды и попытаемся так поставить работу и представить такой промежуточный результат, который не удастся по следующим поколениям исследователей «не заметить» и обойти вниманием Ваши статьи.

Не могу не подчеркнуть социальный «фон» юридических инноваций — он очень непросто и, пожалуй, выступает отягчающим фактором новаторской деятельности. Социологи установили, что только 2% россиян открыты к изменениям и новациям (в Европе — 20%). По данным ВЦИОМ, 60% россиян не желают открывать бизнес, то есть, даже в личностном плане они не стремятся к инновационным шагам. Выходит, Россия чрезмерно консервативна, что некоторые связывают с тяжелым историческим опытом. Это обстоятельство совсем не означает, что в поиске и накоплении юридических инноваций у нас есть свой особый путь и некие уникальные возможности. Потребуется значительно больше усилий для продвижения юридических новаций и надо к этому быть готовым, этому учить и учиться.

Юридическая инновация — лишь точка в огромной инновационной среде, но ее можно «квалифицировать» именно в качестве **лидирующей**, поскольку любое инновационное решение немислимо без адекватного правового оформления, любое инновационное достижение не будет функционировать без надлежащего правового режима.

Не исключено, что из этой «точки» со временем вырастет цельное передовое научное направление, которое сможет «вобрать» в себя множество систем гуманитарных и естественно-технических знаний и приобрести характер не формальной, а содержательной междисциплинарности. По признанию

специалистов, «лидирующее направление — внутренний параметр динамики научного исследования, который имеет место на разных этапах исторического развития науки»¹.

В том числе и по этой причине юридической инноватике не грозит вуаль забвения. Важно не пройти мимо правовой новации, «оповестить» и заинтересовать юридическую общественность её новаторской сущностью и открывающимися возможностями.

Мы ощущаем (хотя и не всегда принимаем) — как необратимо и кардинально меняется содержание законодательства, модифицируются его формы, происходит «оцифровка» целых институтов права (например, правительство России посчитало необходимым переименовать Минкомсвязь в Минцифры). Все это с неизбежностью влечет **расширение границ** техники законотворчества и реализации. Ныне, пожалуй, уместно вести речь об особом относительно-самостоятельном аналитическом **технико-юридическом методе**, который базируется на правовом обеспечении достижений **новых** гуманитарных и естественных знаний и дисциплин.

Единение, систематизация в процессе законотворчества достижений новейших дисциплин предполагает самый причудливый синтез антропологии, генетики, биологии, физиологии, медицины, психологии, этнологии, геологии и даже космологии.

Второе. Одной из приоритетных задач является общетеоретическое обоснование категории **«системная юридическая инновация»**. Она нужна для привлечения внимания к тому, что недостаточно рождения и внедрения разовых (единичных), даже очень успешных, юридических инноваций. И здесь я имею в виду не модернизацию и расширение практики «пакетов законов» — это лишь одно из направлений. Речь идет о другом — выдвигании таких юридических инноваций, которые содержат взаимосвязанный, последовательный иерархически структурированный **набор (портфель)** правовых нововведений либо в масштабе всего законодательства, либо в какой-то определенной сфере юридической регламентации. Системная юридическая инновация предполагает единство целей и средств каждого элемента (новшества), определение вектора приоритетов и этапов их реализации, расчет затрат на каждый инновационный юридический проект, установление временных и пространственных границ инновационной деятельности, выбор методов экспертной оценки, ее рисков, предложение направлений её цифровизации (цифровых платформ, модулей), обозначение ожидаемого (прогнозируемого) синергетического результата.

От количественного и качественного состава (набора) инновационных юридических проектов напрямую зависит число и специализация (не только правоведов) субъектов (в том числе и иностранных) инновационного непрерывного процесса.

Системная юридическая инновация может лечь в основу оптимального управления инновационными юридическими проектами, ведущим элементом при выработке стратегий и программ инновационного правового развития, для моделирования инновационной как эволюционной, так и революционной юридической политики.

Третье. В научной и публицистической литературе содержится необозримое число определений правотворчества, сформулированы разноплановые и якобы «существенные» признаки этого сложнейшего феномена. С сожалением должен констатировать, что в их число не входит один, который напрямую связан с темой нашего форума. Сразу сделаю оговорку — очень редко и обычно в связи с общей характеристикой правотворчества некоторые исследователи отмечали это обстоятельство.

Так, В.С. Нерсесянц подчеркивал: «Главное для правотворчества — выработка и утверждение **новых** (курсив мой — В.Б.) правовых норм. В этом **в первую очередь** (курсив мой — В.Б.) проявляется назначение данной формы государственной деятельности»².

Считаю, что **признак инновационности** должен не только «возглавлять» всю систему существенных признаков при формулировании дефиниций (и доктринальной, и законодательной) правотворчества, но и «пронизывать» каждый из них.

Может быть кому-то покажется моё предложение чрезмерным и неоправданным, но я полагаю: надо к минимуму свести (а лучше — вообще исключить) в научной литературе и СМИ понятие **«законодательная деятельность»**. В стратегических правовых документах, законодательстве, применении норм права есть резон оперировать категориями **«законотворчество»**, **«правотворчество»**.

Творчество — вот ядро этого вида уникальной деятельности. Творчество предполагает не рутинность (она тоже неизбежно присутствует в этой области), а инновационность и именно она должна превалировать, доминировать, при выполнении этого требования количество принимаемых законов будет исчисляться десятками, а не тысячами. Законодатель призван быть социальным «конструктором», «изобретателем», а не «фиксатором», «регистратором», «ретранслятором» кем-то предложенных юридических норм и институтов.

Создание **новых** юридических норм, подготовка **первичных, базовых** законов — вот квинтэссенция правотворчества и именно этот акцент должен выдвигаться на первое место. Изменение законодательства тоже должно быть не всяким, а **новаторским** и тогда не будет оснований «квалифицировать»

¹ Новиков А.С. Философия научного поиска. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.— с. 220.

² Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории государства и права. М.: 2002.— с. 270.

его вспомогательным, дополнительным, второстепенным видом правотворчества. Даже отмена правовой нормы либо юридического акта может содержать инновационный элемент, если она открывает возможность новой законодательной регламентации. Без упора на «инновационность» создание законов и иных нормативных правовых актов нельзя считать «творчеством».

Четвертое. Не могу не обратить внимания на то, что проблема выработки, продвижения, применения правовых новаций нередко чрезмерно драматизируется. Один из известных журналистов, специализирующийся на юридической тематике, заявил, что для практикующих юристов «понятия «применять новации» и «гулять по минному полю» почти синонимы»¹.

Есть констатации, где суть правовой инновационности подменяется и за нее по разным причинам «выдается» иной юридический процесс — архитрудный и редко осуществляемый. Может быть я ошибаюсь, но трудно согласиться с В.М. Шафировым, когда он пишет: «Применение основополагающих принципов — это работа *инновационная* (курсив мой — В.Б.), повышенной степени сложности, предполагающая для установления смысла, содержания правового регулирования общественных отношений переход на высокий уровень нормативных обобщений»². Применение на практике принципов права, конечно, не новаторская деятельность: она с большим или меньшим успехом, в большей или меньшей степени осуществляется с римских времен. И совсем другое дело, что современный правоприменитель **не желает** рисковать, не стремится проявлять высокий профессионализм и доказательно реализовать тот или иной принцип права при решении конкретного дела. По всей видимости, настало время особо отмечать применение имеющихся, еще не устоявшихся в практике, юридических новаций и особо поощрять их в государственном масштабе. По сути, это работа испытателя, если прибегнуть к аналогии с апробацией новых типов самолетов.

Пятое. Лидирующие (локомотивные) сферы (сектора) инновационной деятельности разнообразны: телематические транспортные системы, интеллектуальная городская мобильность, транспортно-логические услуги, дистанционное зондирование земли и мониторинг для сельского хозяйства, перевозка товаров и грузов, поиск и спасение людей в аварийных ситуациях; цифровая навигация и связь, инновационное судостроение, освоение ресурсов океана; нейроассистенты, нейрообразование, нейромедтехника и фарма, нейроразвлечения; превентивная медицина, медицинская генетика, ИТ в медицине, здоровое долголетие, биомедицина; распределительные сети, интеллектуальная распределенная энергетика, персональная энергетика, и сервисы; цифровое проектирование и моделирование, новые материалы, аддитивные технологии, робототехника, BigData и интернет вещей, безопасность платформ управления и приложений, биометрический контроль и аутентификация, безопасность сетей, промышленные интеграционные услуги; распределенный реестр и автоматизированные контакты crowd-технологии, новые технологии в традиционных финансах, сенсорика, фотоника, природоподобные технологии, «умное» сельское хозяйство, ускоренная селекция, новые источники сырья, доступная органика, персонализированное питание, генно-модифицированные процессы питания, атомная энергетика, гиперзвуковое оружие, модели прогнозирования политических процессов.³

Многие ли юристы привлечены к организационно — управленческим механизмам управления этой громадной инновационной средой? Где пролегал эволюционный предел юридического в этой среде? На сколько плодотворна стратегия, когда в основу управления инновационной юридической средой положена интуитивная прозорливость, способность делать глубокие выводы из случайных наблюдений, личная доктринальная смелость?

Способны ли правоведы — исследователи и практики — самостоятельно освоить эти «среды» инновационной деятельности и инновационно принять участие в их правовом обеспечении? Какие научно-образовательные центры могут обладать правовым аспектом управления инновационной юридической средой?

Шестое. Инновации и традиции в юридической науке и практике, правовом образовании и воспитании! До сих пор нет четких критериев различения: есть лишь абстрактные суждения **о необходимости** их отличия. Вот лишь один из очень спорных тезисов.

По мнению Ю.А. Гавриловой, «строго разделять, где имеет место традиция, а где новация, в сфере юридической интерпретации вряд ли уместно, поскольку в повседневной жизни они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом»⁴. Получается, что в юридической науке (а значит и в правовой практике) нет возможности и целесообразности «вычленив» новизну, определить прирост новых знаний и умений. Выходит: аналитика (и весь ее инструментарий) настолько слаба и примитивна, что не в состоянии разделить традиционное, давно известное и инновационное, возникшее или созданное креативным путем.

¹ Куликов В. Чужие в кадре // Российская газета. 2015. — 30 июня.

² Шафиров В.М. Принципы в праве: комплексный подход к проблеме // Принципы права: проблемы теории и практики: Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 1. — М.: РГУП, 2017. — с. 129.

³ См: Варшавский А.Е. Проблемные инновации: риски для человечества.

М.: Ленанд, 2018; Арчакова С.Ю. Управление инновационной средой в условиях цифровой экономики: автореф. дисс. канд. экон. наук, Воронеж, 2019.

⁴ Гаврилова Ю.А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23, № 2. С. 201.

Эту ситуацию, конечно, надо менять: юридические новеллы, правовые новации не должны «исчезать» в тени социальных традиций, «растворяться» в общем потоке правовой эволюции. Еще в 2013 году, анализируя юридическую инноватику, я подчеркивал: «Пик» инновационного мастерства — найти баланс между правовой традицией и юридическими новеллами»¹.

Юридическая инновация — своего рода «возвышение» над традиционностью. Это всегда (в большей или меньшей степени) приращение нового содержания, нового смысла, нового оттенка, нового нюанса, новой детали известного правового механизма.

«Старые идеи — прочные оковы. Новые идеи — острые ножи». Я не знаю точно, кому принадлежит этот афоризм, но история государства и права свидетельствует о его истинности применительно к оценке синтеза выдержавших испытания временем юридических явлений и функционированием правовых новшеств.

Директор Института государства и права РАН Савенков А.Н. остро сформулировал вопрос и дал на него точный ответ: «Должно ли право гибко реагировать на появление новых научно-технических решений и инноваций? Или же правовое регулирование должно сохранять некоторые консервативные формы, проверенные временем и соответствующие уровню развития экономики? При ответе на этот вопрос важно помнить, что перед тем, как проводить новые реформы, в обществе должна сложиться убежденность, что предшествующие сработали, как надо»².

«Инновации, полностью и целиком отвергающие традицию, никогда не включаются в поток культурной трансляции, — отмечает В.С. Степин и поясняет: «Новое вырастает из старого и, возникнув, обозначает то, что его отличает от традиции и что сохраняется из традиции как преемственное»³.

Кстати, инновационность как юридическое качество или свойство можно частично выявить посредством анализа соответствующих законодательных дефиниций, формул, оценочных понятий. Например, пункт 10¹ статьи 4 Федерального закона Российской Федерации от 12 апреля 2010 года № 61 «Об обращении лекарственных средств» определяет, что **оригинальным** (*курсив мой — В.Б.*) является лекарственный препарат с **новым** (*курсив мой — В.Б.*) веществом, который **первым** зарегистрирован в Российской Федерации или в иностранных государствах на основании результата доклинических исследований лекарственных средств и клинических исследований лекарственных препаратов, подтверждающих его качество, эффективность и безопасность»⁴.

Выделенные мною курсивом законодательные термины констатируют реальную доказуемую новизну не только лекарства, но и правовой формы его признания.

Примерно та же картина наблюдается между еще двумя феноменами — **фундаментальными и прикладными юридическими инновациями**. Их гармонизация не может доходить до неразличимости. Конечно, это не антиподы и не полярные друг другу явления, но их логика гносеологическая и организационно-управленческая роль очень разные. Их «правовая энергия» несопоставима по мощности и форматам реализации. Фундаментальные юридические инновации относятся к классу **формирующих**, а прикладные юридические инновации — разряд **формируемых**. Так или иначе, но устойчивое, инновационное развитие общества и государства⁵, подлинный переход к инновационной экономике невозможны без разрешения этих ключевых проблем.

Седьмое. Признавая эволюционный характер права и законодательства, неизбежность их цифровизации, надо констатировать: ныне отсутствует комплексный целостный подход к цифровой трансформации правовой системы, правового пространства, правовой среды. Позволю себе высказать лишь некоторые сомнения относительно новаторских идей по этому поводу в интересной статье Д.А. Пашенцева и Д.Р. Алимовой с примечательным названием — «Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений»⁶.

¹ Подробнее см.: Баранов В.М. Юридическая инноватика// Юридическая науки и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.— 2013.— №21.— с. 8.

² Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права// Государство и право.— 2019.— № 4.— с. 10

³ Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. — СПб.: СПбГУП, 2018.— с. 162.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2019 года № 475 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» и Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»// Российская газета.— 2019.— 31 декабря.

⁵ См.: Левкина А.О. Онто-гносеологические аспекты формирования концепции устойчивого инновационного развития общества: автореф. дис...докт. философ. Наук. Тюмень, 2019. На с. 6 автор отмечает: «Сегодня на первый план выходит не столько вопрос изучения общественных инноваций на основе современной рыночно-ориентированной объяснительной теоретической базы, сколько вопрос о том, *каким образом сейчас существует инновационное развитие общества и каким должно быть инновационное развитие, если мы нацелены на достижение устойчивого развития общества, обретения им качества перспективной жизнеспособности*».

⁶ Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений// Государство и право.— 2019.— № 6.— с. 102-106. Иной, более осторожный и рациональный анализ проблем цифровизации («технологизации») права см.: Система права и система законодательства в цифровую эпоху: монография/ Под научн. ред. А.В. Корнева.—М.: Проспект, 2019; Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал.— 2019.— с. 24-37. Цифровое право: учебник/ под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. — Москва: Проспект, 2020.

Я солидарен с авторами в том, что под воздействием цифровизации могут измениться форма закона и порядок его принятия, но вот пределы и некоторые направления предполагаемого изменения вряд ли приемлемы практически исполнимы.

Авторы подчеркивают, что цифровизация не изменит сущности права и его морального содержания. При этом они полагают, что право уже меняет свое содержание. Думается, что в реальной юридической действительности точно определить и тем более четко разграничить элементы сущности и содержания невозможно. По всей видимости, авторы просто решили «застраховаться» от упреков в радикальности выдвигаемых ими прогнозов и сделали оговорки абстрактного плана.

«Гибкость» законодательного регулирования, за которую ратуют авторы, вступает, на мой, может быть спорный, взгляд в резкое противоречие с сущностными признаками права — общеобязательностью определенностью, юридической системностью¹. Цифровизация (кстати, не только она одна), конечно, влияет на психику и правосознание субъектов права. Но это вряд ли предполагает принятие такой модели закона, когда он «будет состоять из ряда альтернативных сценариев, из которых пользователи-граждане могут выбирать и принимать на себя сценарии на полностью индивидуализированной основе» (с. 103).

Интерактивность закона, о которой пишут авторы, не может и не должна преобразовывать его в рекомендации или схему действий, от которых пользователь может легко уклониться. Авторы, выдвигая свои предложения, относительно расширения субъектов законотворческого процесса, не смогли найти разумный баланс между общенормативным и индивидуальным правовым регулированием.

На с. 105 Д.А. Пашенцев и Д.Р. Алимova обозначили основные риски цифровизации закона (ослабление его легитимности, несанкционированные изменения текста, увеличение неопределенности содержания, ущемление права граждан на участие в законотворчестве), но даже в общей форме не показали — как исключить или предотвратить эти весьма опасные последствия.

На этой же странице авторы отмечают: «не смотря на грядущие изменения в праве и правотворчестве, нравственные начала права должны сохраниться». Каким образом это можно сделать не поясняется, обходятся молчанием ключевые вопросы — о принципиальной невозможности цифровизации нравственности, недопустимости чрезмерной морализации содержания законодательства².

Восьмое. В российском законодательстве (например, в федеральном законе от 28 сентября 2010 года № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»») устанавливается цель — «развитие исследовательской деятельности и коммерциализация ее результатов»³. Возникает больной (по крайней мере, для меня) вопрос — всякая ли научная разработка может быть коммерциализованна и принести материальную выгоду? Может это все-таки факультативное условие применительно к значительному числу правовых разработок? Инновационные научно-технологические центры — это одна сфера, а гуманитарные центры — совсем другая, как правило, некоммерческая область. Сомневаюсь, что можно сформировать личностную мотивацию правоведа (исследователя, преподавателя) к инновационной деятельности, если требовать от его доктринальных изысканий денежную прибыль. Даниэль Белл убежден: «Успехи того или иного общества все в большей мере определяется инновациями и нововведениями, которые непосредственно являются продуктом *теоретической науки*»⁴ (*курсив мой — В.Б.*).

«Стоимость» юридической инновации, «цена» ее реализации должна измеряться прежде всего гуманитарно-аксиологическими параметрами, оцениваться по позитивным изменениям качества жизни людей.

Девятое. Главная проблема юриспруденции — реализация попперовского методологического вопроса «как возможен рост знаний?». При этом требуется не просто и не только **количественный рост**

¹ На с. 104 авторы заявляют, что «изменяется представление о юридической технике, в частности, может исчезнуть требование о ясности и внутренней непротиворечивости закона».

² Подробнее см.: Баранов В.М. «Перегруженность российского законодательства и практики его применения нравственными стандартами: содержательные параметры, техникоюридические средства, социальная вредность». — Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов/ отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. — Москва: РГ—Пресс, 2019. — с.298—309; «Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника)». — Юридическая техника: Ежегодник. 2018. № 12: «Ограничения в праве: теория, практика, техника». — С. 56—72. — « Перегруженность российского законодательства и практики его применения нравственными стандартами: содержательные параметры, технико-юридические средства, социальная вредность». — Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов/ отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. — Москва: РГ—Пресс, 2019. — с.298—309; «Удовлетворение справедливых требований морали» как цель ограничения прав человека». — Права и свободы человека в современном мире (к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10 декабря 2008 года: В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Толстика. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. — Т. 1. — С. 24—42.;

³ Российская газета. — 2019. — 7 августа.

⁴ Даниэль Белл, Владислав Иноземцев. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества. — 2007. — с. 17

научной правовой информации, а прирост **качественных инновационных знаний** образующих предмет юриспруденции.

Инновационные процессы в юриспруденции отражают, предметно конкретизируют и выражают масштабные **креативные** процессы, текущие в обществе и государстве. Обоснование новизны юридического знания — неотъемлемый процесс порождения, распространения и закрепления полученного научного юридического знания.

Эврилогия — комплексная наука о творчестве — не может считаться цельной, завершенной без учета специфики инноваций в юриспруденции, правовой практике и технике. Исследуя инновации в науке, философ В.А.Яковлев пишет: «Можно сформулировать *три методологических принципа исследования творчества в науке — кластирования, бинарности и резонанса*. Принцип кластирования базисных философских категорий ориентирует на рассмотрение в системе других категорий научного творчества как одного из типов социокультурной деятельности. Принцип бинарности акцентирует внимание на особенностях противоречивого процесса перехода новаций в инновации, а принцип резонанса — на нелинейности и диспозиционном характере инновационных процессов в науке»¹. Данные принципы могут и должны получить «предметную привязку» к юриспруденции.

Автор прав, когда на с.308 подчеркивает: «Нельзя одновременно анализировать процессуальность инновационных феноменов и сами инновации как итоговые продукты творческой деятельности». Применительно к правотворчеству это означает: надо различать (но не «разрывать» кардинально) инновационные законотворческие технологии и конечные результаты деятельности законодателя (концепции законов, нормативные правовые акты, кодексы, нормативные договоры).

Зарождение и признание инновации в юриспруденции (как и в любой другой науке) это не единый, не единовременный, последовательный процесс. Чаще всего перед нами дискретное развитие юридического знания, где возможны различные отклонения, «уходы в сторону», неоправданные дробления либо, наоборот, непродуктивные обобщения.

Надо признать, что некоторые механизмы креативности (вдохновение, воображение, интуиция) в юриспруденции и правовой практике изучены слабо, надлежащего технико-юридического обеспечения не имеют и, полагаю, что это существенно «тормозит» инновационное развитие почти всех видов юридически значимой деятельности.

В гуманитарной науке все активнее «продвигается» принцип бинарности, идея «бинарных оппозиций». Исследователи полагают, что конструкция диалектического противоречия является слишком «крупной» и неадекватной единицей для анализа креативных процессов в науке. В.А.Яковлев, аргументируя такой подход, констатирует: «В отличие от понятия противоречия понятие бинарных оппозиций позволяет более четко и конкретно фиксировать противоречивость смысловых структур отдельных процессов и явлений, поскольку опирается не на традиционную глобальную классификационную схему противоречий, а на логику конкретных исследований. Если при использовании понятия противоречия акцент делается на процессах борьбы, взаимопроникновения, снятия одних противоположностей и рождения новых, то бинарные оппозиции, описывая этапы становления и развития противоречия, не претендуют на его разрешение и тем более на замену старого противоречия новым, так как фиксируют лишь прошлое и настоящее реальных объектов, задавая для них через организацию исходного эмпирического материала определенную концептуальную объяснительную матрицу»².

Эти методологические суждения вполне применимы при анализе **парности** юридических категорий, обосновании **полярности** тех или иных юридических феноменов.

Материалы XXII форума, как и всех предыдущих наших встреч, будут опубликованы в конце первого квартала 2021 года московским издательством «Проспект». По формату — это будет 15 номер ежегодника «Юридическая техника», который, если следовать терминологии ГОСТа Р 7.0. 100-2018 является **серийным ресурсом**.

По традиции — о следующей встрече. XXIII Международный научно-практический форум «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба предлагается провести **23-25 сентября 2021 года** на тему: «**Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)**».

Информационное письмо с вопросами для обсуждения каждый из Вас получил — оно находится в портфеле участника форума. Уверен, что за целый год найти свою доктринальную нишу в рамках тео-

¹ В. А. Яковлев Инновации в науке // Актуальные проблемы философии науки / [отв. ред.: Э. В. Гирусов]. — Москва : Прогресс-Традиция, 2007. — С. 307. На с.309 автор отмечает: «Новация и инновация в общем плане понимаются как исходный момент и конечный результат деятельности субъекта на каждом уровне познавательной деятельности. Однако, естественно, что содержание характеристик новизны и значимости будет существенно варьироваться от уровня к уровню. То, что выступает как новое и важное для отдельного ученого, может не представляться таковым на уровне сообщества. А то, что констатируется в определенный исторический момент в качестве инновации на уровне научного сообщества, может, как показывает история науки, впоследствии потерять такой статус и, более того, получить характеристику лженауки».

² В. А. Яковлев Инновации в науке // Актуальные проблемы философии науки / [отв. ред.: Э. В. Гирусов]. — Москва : Прогресс-Традиция, 2007. — С. 314-315.

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

рии, практики и техники правотворческой экспертологии труда не составит и Вы привлечете для анализа этой проблематики своих коллег и учеников.

Форум организован с соблюдением всех необходимых противоэпидемических мер: предусмотрен контроль температуры тела участников; все Вы обеспечены масками и перчатками; антисептиками; установлен дезинфицирующий тоннель.

Теперь наступило время приветственных слов.

Их тексты размещены на специальной телевизионной панели, «прокручиваются» со скоростью, позволяющей легко осваивать содержание, и будут «сопровождать» в качестве торжественно-управленческого фона все заседания форума.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОМИТЕТ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И
ГОСУДАРСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

ул. Б.Дмитровка, д. 26, Москва, 103426

«18» августа 2020 г.

№ 3.1-40/4317

Организаторам и участникам
XXII Международного
научно-практического
форума «Юртехнетика»

Юридические инновации – неординарный, трудный и на данный момент малоисследованный предмет междисциплинарного анализа. В этом контексте сложно переоценить актуальность выбранной темы для законотворческой и правореализационной деятельности современной России.

После принятия высокоценных поправок в Конституцию Российской Федерации со всей остротой встает проблема разработки инновационных базовых законов, конкретизирующих внесенные изменения.

Инновационность правоприменения – особый пласт юридической деятельности, который при надлежащей организации способен кардинально улучшить атмосферу правовой жизни, усилить доверие граждан к государственной власти.

Передовые юридические технологии, дальнейшее совершенствование информационного права являются высокозначимыми факторами повышения эффективности российского законодательства, а новаторская правовая активность граждан – мощный ресурс подлинного демократического государства, и он должен быть задействован в полном объеме.

Уверен, что вышеобозначенные и многие другие дискуссионные научно-практические проблемы окажутся в центре внимания участников форума и трансформируются в дельные оригинальные законодательные предложения и качественные частные методики для правоприменителей.

Желаю всем вам интересных дискуссий, творческих удач и благополучия!

Председатель комитета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А.А. Клишас

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Кремль, корп. 2, Нижний Новгород, 603082
тел.: (831) 439-05-38, факс: (831) 439-17-17, e-mail: zsno@sinn.ru

Участникам XXII
Международного научно-
практического форума
"Юртехнетика"

Дорогие друзья!

От имени Законодательного Собрания Нижегородской области и себя лично приветствую организаторов, участников, гостей XXII Международного научно-практического форума "Юртехнетика"!

Не в первый раз Нижегородская земля становится дискуссионной площадкой, местом встречи ведущих исследователей, известных ученых, представляющих различные государства. Форум проводится уже в двадцать второй раз, и приятно отметить, что интерес к нему не ослабевает. Он по праву считается одним из самых представительных юридических научных мероприятий, проводимых в нашем регионе. В этом, безусловно, заслуга организаторов, прикладывающих все силы для того, чтобы программа форума всегда была актуальной, интересной, чтобы участники имели возможность открыто делиться своим опытом, идеями, дискутировать, спорить. Ведь именно в споре, в дискуссии рождается истина, выявляются проблемы, а также предлагаются оптимальные пути их разрешения.

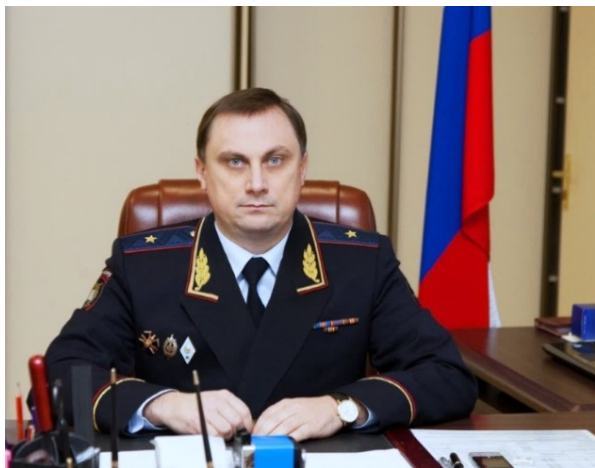
Тема этого года "Юридические инновации (доктрина, практика, техника)". Современный мир пронизан инновациями, именно поэтому так важно выявить формы, функции, достоинства, преимущества и возможные риски применения инноваций в праве и иных сферах жизни общества.

Желаю вам плодотворной работы. До новых встреч на Нижегородской земле!

Председатель Собрания

Е.В. Лебедев

**Приветственное слово начальника Нижегородской академии МВД России
кандидата юридических наук, доцента
генерал-майора полиции Дмитрия Николаевича Архипова**

Уважаемые участники, гости, друзья!

Для меня большая честь приветствовать на одном из самых значимых и масштабных событий в жизни научной общественности всех тех, кто посвятил себя исследованию юриспруденции.

В этом году ставший традиционным международный научно-практический форум «Юртехнетика» посвящен исключительно актуальной теме «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)».

Активное внедрение инноваций в сферу правовых услуг обуславливает стремительную трансформацию профессии юриста; требует от специалистов оптимизации внутренних организационных процессов, способностей и навыков быстро и качественно осваивать новые компетенции, находить для них разные области применения.

К сожалению, об инновационной юридической деятельности как в общественном массовом сознании, так и профессиональной среде сложилось поверхностное представление, ограничивающееся предпринимательской или производственной сферами. Очевидно, что столь дискуссионное явление, как юридические инновации, предполагает существование большого количества разнополярных точек зрения. В то же время это обстоятельство создает возможность рождения истины, получения бесценного опыта от совместной деятельности.

Убежден, что именно в рамках форума состоится конструктивный диалог об инноватике как образе жизни и стиле мышления в любой сфере, включая и юридическую деятельность.

Желаю всем участникам форума продуктивной работы, эффективного сотрудничества и доброжелательного отношения друг к другу. Надеемся, что каждый из присутствующих найдет для себя массу положительного и действительно ценного, получит хорошее впечатление и по окончании мероприятия сохранит о нем лишь приятные воспоминания.

Уважаемые члены организационного комитета, участники и гости конференции!

Приветствую вас на XXII Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика»!

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского неизменно рад принимать участие в организации мероприятия, выступающего платформой для содержательной научной дискуссии. В этом году форум объединяет ученых и практиков из более чем 30 различных регионов нашей страны и 17 иностранных государств.

Работа форума посвящена безусловно актуальной для отечественной юридической науки теме: проблемам юридических инноваций. Научное осмысление категории юридических инноваций позволит сформировать рекомендации по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Выражаю уверенность, что в ходе дискуссии участников форума будут выработаны новые подходы к определению концептуальных параметров дальнейшего инновационного развития современной российской государственно-правовой системы, обеспечивающей эффективность правового регулирования общественных отношений в различных областях.

Желаю участникам форума плодотворной работы!

Ректор Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

 Е.В. Загайнова

Участникам XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика»

Приветствую участников форума и должен сразу сделать признание: издательство «Проспект» впервые отступило от сложившихся в коллективе традиций и деловых обыкновений — мы ранее не издавали журнала. Но значимость и востребованность 14 объемных ежегодников «Юридическая техника» сподвигнули нас на этот инновационный шаг. И дело не в том, что издание имеет весьма высокий импакт-фактор — занимает 56 место среди всех (1450) юридических журналов. Естественно, это связано с актуальностью проблем техники современного законодательства, значительным числом технико-юридических дефектов в системе государственного управления.

Для издательства «Проспект» высокоценным является стабильный и весьма широкий круг известных российских и зарубежных правоведов, участвующих в системной разработке технико-юридических проблем актуальных сфер деятельности. Многие из присутствующих в зале или вошедших в программу форума исследователей являются авторами издательства «Проспект» и я надеюсь, что после нашей встречи число сотрудничающих с нами ученых увеличится.

Кратко характеризуя издательство «Проспект», считаю важным отметить следующее:

С 1994 года Издательство «Проспект» считает основным видом своей деятельности издание книг юридической тематики. Первыми шагом стал выпуск серии учебников для юридических ВУЗов. Со временем список расширился и к настоящему времени портфель издательства составляет около десяти тысяч проектов. Здесь важно отметить — что многие издания имеют 2-й, 3-й и так далее порядковый номер. Это говорит о том, что наши авторы не стоят на месте, постоянно дополняют свои произведения в соответствии с изменениями в российском законодательстве. И теперь это не только учебники, но и пособия, практикумы, хрестоматии по всем отраслям юридических наук. Отдельным и весьма востребованным видом деятельности стал выпуск нормативной литературы. Это направление повлекло за собой качественно иной уровень издаваемой литературы в целом. Комментарии к кодексам, федеральным законам, монографии по актуальным проблемам законодательства привлекли в издательство без преувеличения весь цвет российской юридической мысли.

Один из наших принципов — это открытость для сотрудничества и создания новых проектов как непосредственно с авторами, так и авторскими коллективами. Мы рады не только новым книгам от наших давних друзей — заслуженных ученых, так и тому, что к нам приходят их ученики, открываются новые имена. Ведь для молодого ученого также важен выбор издательства в котором будет опубликована его первая научная работа. Здесь необходимым шагом для молодого ученого является участие в сборниках, которые издательство выпускает по результатам научно-практических конференций. И данный форум также не будет исключением. И поверьте, нет более высокой оценки труда всего коллектива издательства, когда приходит человек и говорит, «я учился по учебникам вашего издательства, а теперь горд, что отдаю в работу свою рукопись». Этому способствуют еще два ведущих принципа «Проспекта» — первое, это издание книг силами и на средства Издательства, то есть мы не требуем от авторов каких-либо финансовых вложений. Это наш риск, который, как известно, является делом благородным, и следует отметить, что авторы нас никогда в этом вопросе не подводили. Второй момент — это полное продвижение книг благодаря накопленному за два с лишним десятилетия опыту. Автор может быть абсолютно уверен, что его книга не окажется незамеченной. Присвоение индекса DOI, размещение в РИНЦ, сотрудничество с Национальной Электронной Библиотекой, являются обязательными условиями для выхода нового издания. Также книга в обязательном порядке попадает в ЭБС издательства, что автоматически означает ее участие в учебном процессе и знакомство с ней широкого круга преподавателей и студентов. Кроме того, каждая новая книга *поступает в виде специального предложения* во все ведущие ВУЗы и библиотеки страны. А также, при условии более узкой специализации — в различные профильные государственные структуры. Если говорить о коммерческом распространении, то это все ведущие интернет-магазины, торговые сети федерального и региональных уровней. Каждому нашему автору мы с уверенностью можем сказать, в каком книжном магазине его города он увидит свое произведение на витрине.

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

Этот год стал серьезным испытанием для издательства, впрочем, как и для всей книжной отрасли, но мы преодолели трудности и будем очень рады продолжению работы с нашими главными друзьями и партнерами — глубокоуважаемыми авторами.

Желаю участникам форума в первую очередь здоровья, творческих озарений и прорывов, инновационных правовых идей.

А также оригинальных и реализуемых проектов совершенствования современной правотворческой деятельности.

Кандидат юридических наук,
генеральный директор
издательства «Перспектив»

Л.В. Рожников

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Мацкевич Игорь Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, главный ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Igor Mikhailovich Matskevich

doctor of law, professor, head of the chair of criminology and executive law chair at the Moscow state law university named after O.E. Kutafin, professor of Moscow state university named after M.V. Lomonosov, head of the laboratory for anticriminal research in the field of energy security of the Russian state university of oil and gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, honored Scientist of Russia, president of the Union of criminalists and criminologists, president of the International foundation for legal initiatives, chief scientific secretary of the Higher attestation commission under the Ministry of science and higher education of the Russian Federation

E-mail: mackevich2004@mail.ru

Повышение качества диссертационных работ по юридическим наукам: новые управленческие решения, проекты инновационной модернизации и проблемы их реализации

Improving the quality of dissertations in legal sciences: new management solutions, innovative modernization projects and problems of their implementation

---

Аннотация. Статья посвящена деятельности Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, касающейся вопросов: а) номенклатуры научных специальностей; б) деятельности советов, которые присуждают ученые степени; в) повышения требований к ученым; г) расширения возможностей защиты диссертаций; д) внедрения дистанционных технологий в научную аттестацию.

Рассматривается зарубежный опыт разработки и внедрения научных классификаторов.

Предложены направления совершенствования научной работы и финансирования научных исследований.

Ключевые слова: диссертация, научный доклад, номенклатура, диссертационный совет, соискатель, ученый, Высшая аттестационная комиссия, наука, право.

Annotation. The article is devoted to the activities of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, concerning the following issues: a) the nomenclature of scientific specialties; b) the activities of the councils that award academic degrees; c) increasing requirements for scien-

tists; d) expanding opportunities for the defense of dissertations; e) introduction of remote sensing technologies into scientific certification.

The foreign experience in the development and implementation of scientific classifiers is considered.

The directions of improving scientific work and financing of scientific research are proposed.

Key words: dissertation, scientific report, nomenclature, dissertation, dissertation council, applicant, scientist, Higher Attestation Commission, science, law.

Основные подходы в работе Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее — ВАК), касающиеся обозначенных в названии статьи вопросов сводятся к трем главным направлениям, которые, скорее всего будут определять содержание научной экспертизы диссертационных исследований, а следовательно и требования к их подготовке в самой ближайшей перспективе.

1. Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

2. Качество и количество членов советов, которые присуждают ученые степени кандидата и доктора наук.

3. Изменения нормативных правовых предписания для соискателей ученых степеней.

Рассмотрим эти направления в заявленном порядке.

Номенклатура научных специальностей (далее — номенклатура). Работа по номенклатуре велась достаточно давно. Завершающим этапом окончания этой работы можно считать декабрь 2018 года, когда была принята соответствующая рекомендация ВАК.¹ 2 октября 2020 года состоялось заседание ВАК, на котором был принят в окончательном виде проект номенклатуры.

Должен сказать, что номенклатура неоднократно рассматривалась на заседании рабочей группы, которая была создана отдельным приказом Министра науки и образования (Котюков Михаил Михайлович) от 12 июля 2019 г. № 499. Предложения в проект номенклатуры подавались как от государственных органов исполнительной и законодательной власти, так и от научных и научно-образовательных организаций (в том числе от конкретных ученых). Нередко одни и те же предложения подавались по несколько раз от разных организаций, хотя было очевидно, что инициатором этих конкретных предложений выступал один человек, лоббируя свои интересы как и где только это было возможно.

При разработке номенклатуры были согласованы следующие принципиальные подходы: а) номенклатура должна учитывать зарубежный опыт научной классификации; б) быть сопоставимой с известными международными правилами; в) иметь междисциплинарную направленность; г) ориентировать исследователей на новые подходы; д) обеспечивать прирост новых знаний.

Предсказуемо наибольшие проблемы возникли из-за междисциплинарности. Каждый ученый, предлагая собственный вариант научной специальности упорно тащил, что называется, одеяло на себя. Что будет с исследованиями в другой области его не интересовало, — лишь бы моя специальность фигурировала в номенклатуре. При этом юристы в отличие от других ученых проявили известное мужество и понимание стратегических задач, стоящих перед современной наукой.

(Разумеется, были исключения, когда отдельные правоведы стремились «застолбить» очень узкую специализацию в качестве научной специальности, прибегая при этом к подкованным играм и откровенным манипуляциям. Например, одна из сторонниц энергетического права направила во все возможные инстанции письмо, в котором утверждала, что исключение этой специальности из проекта номенклатуры — это интриги ученых Университета имени О.Е. Кутафина, которые работают в ВАК, не больше и не меньше. Кстати, при этом говорилось об упреках в ее адрес, что ее аспиранты не защищаются в МГЮА, где она является заведующей кафедрой, а защищаются в СПбГУ, хотя это действительно выглядит несколько парадоксально).

В целом могу констатировать, что работа над номенклатурой не привела к консолидации ученых, хотя некоторый сдвиг в этом вопросе все-таки обозначился. Понимание, что нельзя научные юридические проблемы изучать в отрыве от предмета регулирования, содержание которого выходит за пределы правовой казуистики, медленно, но приходит. Тоже самое могу с некоторым осторожным оптимизмом утверждать применительно к другим областям знаний. Многие представители естественных, технических и медицинских наук живо интересуются, как придуманные ими новации будут функционировать в правовом поле.

Разорвать науку невозможно, но мы именно этим частенько занимаемся. Не потому ли в целом важные и полезные научные идеи так плохо внедряются в практику?

В мою задачу не входит проведение агитации «за» номенклатуру, но в качестве иллюстрации того, как проходила работа над ней приведу в качестве примера работу, так называемой группы Фраскати.

В 2002 году в итальянском городке Фраскати, недалеко от Альбанских гор, начала свою работу группа экспертов по науке и индикаторам технологий во главе с голландским ученым Яном К. Г. Ван Стееном. В рабочую группу входили не только эксперты, но и представители ЮНЕСКО и статистической службы Евростат. Была поставлена задача пересмотреть FOS-классификатор (а «Field of Science»

---

¹ В настоящее время готовится сборник основных рекомендаций ВАК за несколько последних лет.

classification), т.е. научный классификатор. Представители рабочей группы не торопились и спустя 5 лет (*пять лет!*)¹ 26 февраля 2007 года под эгидой ОЭСР или OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development) был принят FOS-классификатор — «Пересмотренная область классификации науки и технологий, руководство Фраскати» (так называется документ).

Нет необходимости останавливаться на общих принципах FOS-классификатора. Важно отметить следующее. Согласно позиции самих разработчиков, научный классификатор (буду называть его для краткости так) необходим для систематизации исследований в области науки и технологии. Научный классификатор следует *использовать для расходов* на исследования на государственном, частном уровне и на уровне финансирования со стороны коммерческих предприятий. При этом члены рабочей группы руководства Фраскати призывают проводить различие между национальными и международными целями при использовании научного классификатора. Конкретные названия научных областей и специальностей направлены не на механическое согласование данных, а на достижение *минимального уровня* сопоставимости результатов научных исследований на международном уровне. Кроме того, задача научного классификатора состоит в достижении баланса между потребностями исследователя (ученого) и необходимостью минимизировать административную нагрузку на него, связанную со статистическими отчетами. Поэтому при составлении научного классификатора был принят максимально прагматичный подход, и была предпринята попытка сделать все для того, чтобы количество и значение двухзначных категорий научных областей и специальностей *было низким, а не высоким*.

Принятие руководства Фраскати для меня важно потому, что несмотря на относительно мягкие процедуры при написании и защиты диссертаций, скажем, в большинстве европейских стран, ведущие ученые этих стран не могут обойтись без классификации области научных исследований. Обращаю на это внимание, поскольку нередко слышу от номенклатуры надо вовсе избавиться.

На самом деле ровно эти задачи, о которых говорилось выше, должна выполнять отечественная научная номенклатура — научный классификатор. Превращение ее в нечто большее, чем она должна быть (из классификатора в документ, определяющий становление научного направления, например) приводит к не рациональным результатам, необоснованной трате сил и средств, защите диссертаций ради самой диссертации и многих другим последствиям, некоторые из которых по уровню и характеру своей невостребованности даже не поддаются определению.

Например, отечественный перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций (так называемый, перечень ВАК), утверждается приказом Минобрнауки России,² который должен быть зарегистрирован в Минюсте России. При этом одно из требований к отечественным научным изданиям состоит в указании научной специальности, по которой в них будут публиковаться научные статьи (в соответствии с номенклатурой, разумеется) — п.7, пп. в) п. 11 и другие пункты Правил формирования перечня рецензируемых научных изданий. Одновременно в этом же приказе говорится, что научные журналы (не только, и даже не столько отечественные, сколько зарубежные), которые входят хотя бы в одну из международных баз данных (Web of Science, Scopus и ряд других) освобождаются от этой обязанности, т.е. научные статьи в них можно публиковать по любой научной специальности (п.5 указанных выше правил).

Таким образом, благодаря отечественной номенклатуре не только введено не понятное с точки зрения развития науки ограничение (искусственно ставится затруднение для публикации статей на междисциплинарные темы или на темы, которые могут вообще не укладываться в конкретные научные специальности), но благодаря нашей номенклатуре наши научные издания ставятся в заведомо невыгодное (даже с точки зрения коммерческих рисков) положение по сравнению с зарубежными научными изданиями.

Тема научных изданий отдельная и чрезвычайно тяжелая, и не об этом речь. Я лишь хочу подчеркнуть, что номенклатура используется для целей для которых она совершенно не предназначена, или во всяком случае, не на эти цели должна быть направлена. Как представляется жесткость и детализация научной номенклатуры предопределяет подобные перекосы ее применения.

В FOS-классификаторе говорится: неправильно думать, что можно разработать научную классификацию, *которая удовлетворит все возможные потребности* всех участников научной деятельности. Это связано, с одной стороны, с разными взглядами ученых на, в том числе, одни и те же проблемы, с административной системой организации науки в разных странах, с субъективным восприятием научного классификатора отдельными его пользователями. С другой стороны, динамика самой науки, например, появление междисциплинарных направлений и даже наук предопределяет несовершенство любой классификации. Таким образом, как обоснованно утверждают разработчики FOS-классификатора, окончательная классификация представляет собой компромисс между различными точками зрения и потребностями ее пользователей.

Между прочим в FOS-классификаторе практически во всех областях научных знаний последним элементом значится понятие — «другие науки». Некоторые ученые полагают, что это сделано для того,

¹ Здесь и далее курсив мой — Игорь Мацкевич

² Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 28.04.2017.

чтобы в других странах классификатор мог быть дополнен собственным видением научных областей и специальностей. Полагаю, что это не совсем точно. Разработчики FOS-классификатора тем самым хотели подчеркнуть неопределенность собственной системы стандартизации. Сделано это для того, чтобы новые научные направления и даже области научных знаний не чувствовали себя ущемленными, не вписываясь в ту или иную графу классификатора. Неопределенность — главная характеристика не только нашей науки, но и нашей жизни. Мы не знаем — *ignoramus* — вот девиз науки нескольких последних столетий!

Члены советов, которые присуждают ученые степени кандидата и доктора наук. К сожалению, состав членов многих советов по присуждению ученых степеней (далее — диссоветы) не просто возрастной, но предельно возрастной. Помимо этого зачастую одни и те же ученые одновременно работают в нескольких диссоветах, что, на мой взгляд, сужает палитру возможностей научной дискуссии. Кроме того, из поля научной диссертационной полемики совершенно выпали наши ученые со степенью Phd, которую они получили в престижных и главных авторитетных в научном мире зарубежных научных образовательных организациях. Наконец, представляется, что диссовет в составе 19 человек сегодня явно не соответствует потребностям динамичного мира. Это тем более показательно, что в каждом случае защиты конкретной диссертации в заключении обязательно указывается, сколько человек представляют научную специальность, соответствующую диссертационной работе. И это, не более 5-7 ученых. Что же делают остальные 12-14? Кого мы вводим в заблуждение? Как обычно сами себя!

Исходя из этого сформировались ряд взаимосвязанных предложений: а) сократить численный состав диссоветов до 11-12 человек; б) включать в состав диссоветов ученых со степенями Phd и кандидата наук (многие наши кандидаты наук доказали свою научную состоятельность и вполне способны участвовать в оценке не только кандидатских, но и докторских диссертаций); в) существенно повысить требования к уровню научных достижений членов диссоветов.

В частности, к членам диссоветов со степенями Phd и кандидата наук должны быть введены следующие оценочные критерии: а) количество и качество научных публикаций (не менее 10 публикаций за 5 лет в изданиях из Q1-Q2 международных баз данных); б) наличие научно-педагогического стажа не менее 5 лет; в) цитируемость научных работ в изданиях, включенных в международные базы данных.

При этом доля членов диссоветов со степенью PhD и кандидата наук должна составлять не более 1/3 от количества членов совета.

Важно подчеркнуть, что эти критерии должны рассматриваться в совокупности, а не отдельно друг от друга и не каждый по себе. Более того, руководитель организации, при которой создается диссовет, может как ввести дополнительные еще более жесткие критерии, так и не вводить ученых со степенью PhD и кандидата наук в состав диссовета. Диссовет, если так считает руководитель, может состоять исключительно из докторов наук. Вводить или не вводить ученых не имеющих степень доктора наук — это его право, но не обязанность.

Система научной аттестации должна стать более гибкой, более маневренной и предоставляемая возможность привлекать к работе в диссоветах активных и знаковых ученых — хороший дополнительный стимул заниматься наукой, в том числе молодым амбициозным аспирантам.

Изменения нормативных правовых предписаний для соискателей ученых степеней: новые возможности. Прежде всего настала пора повысить требовательность к соискателям ученых степеней. С этой целью предлагается увеличить количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях. При этом возвращается возможность защиты докторской диссертации в виде научного доклада. Количество публикаций за последние 10 лет, на основе которых подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора наук в виде научного доклада, должно быть: а) по историческим, педагогическим, политическим, психологическим, социологическим, филологическим, философским, экономическим, юридическим отраслям науки, искусствоведению, культурологии и теологии — не менее 50, в том числе в изданиях первого, второго и третьего квартилей, включенных в международные базы данных и системы цитирования Web of Science, Scopus и других хорошо себя зарекомендовавших международных баз данных; б) по остальным отраслям науки — не менее 30, в изданиях первого и второго квартилей, включенных в международные базы данных.

При защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук в виде научного доклада, подготовленного на основе совокупности ранее опубликованных соискателем работ по соответствующей отрасли науки, имеющих большое значение для науки и практики в интернете размещается список публикаций, в которых излагаются основные результаты диссертации, со ссылкой, содержащей сетевой адрес (URL), используемый для прямого доступа к этим публикациям, либо сканированные копии указанных публикаций.

Хочу подчеркнуть, что возможность защиты докторской диссертации в виде научного доклада не заменяет возможность защиты диссертации в виде полноценной самостоятельной рукописи. Удивительно, но многие действующие ученые воспринимают предложения о вариативности подготовки и защиты диссертации, как установление дополнительных ограничений. Почему-то они возмущаются тем, что от потенциального доктора наук, который собирается защищать научных доклад требуют дополнительных

публикаций. Но если ученый состоялся, он должен подтвердить это! Если он пока еще не готов к этому, пусть работает над диссертацией.

Не ограничения и запреты, этот путь мы прошли и надеюсь к нему больше не вернемся, а расширение возможностей для ученых, стремящихся к реализации своих интересов и потребностей — вот то направление, по которому предлагается начать движение. Причем это направление должно быть разновекторным, а не узколинейным.

Ignoramus (вместо заключения). Юваль Ной Харари говорит: современная наука принципиально отличается от традиционного знания по трем параметрам.

1. Готовность признать свое невежество.
2. Ключевая роль наблюдений и вычислений.
3. Расширение возможностей.¹

Научный классификатор, которым должна быть признана научная номенклатура, входит в естественное противоречие с одним из основополагающих принципов развития современной науки — каждое новое знание свидетельствует о том, что мы еще крайне мало знаем, и еще меньше пониманием то, о чем мы знаем.

Современная наука разрушила условности и границы. Едва ли не любые исследования связаны одновременно с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям. Исследования экологии непосредственно влияют на решения огромного количества технологических задач, которые, в свою очередь прямо связаны с экономикой и политикой. Казалось бы физика элементарных частей полностью автономна, однако каждый вновь открытый элемент таблицы Менделеева поднимает вопросы философского значения. Исследования космоса в ближайшее время столкнутся с проблемами его правовой охраны и определения статуса по крайней мере луны.

Поэтому номенклатура должна быть гибкой. С одной стороны номенклатура должна предельно точно показывать генеральные линии развития науки, чутко отзываясь на потребности науки с учетом мировых тенденций и практических задач современности. С другой стороны механизм ее функционирования должен предполагать возможность коррекции научных специальностей. С третьей стороны, номенклатура не должна мешать появлению новых научных специальностей.

На мой скромный взгляд она и называться должна по другому — научная номенклатура.

Не номенклатура должна определять зависимость ученого от нее, а ученый должен определять необходимость введения, коррекции научной специальности, равно также, как и отказ от научной специальности, подтвердить значимость которой ученому не удалось. Ответственность ученого за подобную ошибку — предмет отдельного долгого разговора. Тем более, что ошибка в науке часто подталкивает к новым открытиям!

При таких условиях (признания за номенклатурой роли научного классификатора) возрастает роль и значение паспортов научных специальностей. Здесь должны быть сосредоточены все нюансы конкретной научной специальности, здесь должны иметь место пересечения научных направлений, дублирование предмета исследований с другими смежными научными специальностями и специализациями. Если говорить условно и упрощенно, в паспортах научных специальностей должны проявиться в максимальном объеме (при этом весьма концентрированно) научные фантазии и иллюзии ученых.

В настоящее время легитимность паспортов научных специальностей утрачена, хотя они продолжают разрабатываться экспертными советами ВАК и рассматриваться на научно-отраслевых сессиях Президиума ВАК. Произошло это по причине механического отнесения аспирантуры и вообще всего, что касается подготовки и защиты диссертации к уровню образования. Соответственно все вопросы, связанные с аспирантурой, а заодно и с докторантурой были изъяты из компетенции ВАК. Хотя, что мешало, даже при таком решении (о пагубных последствиях данного решения говорилось много раз, в том числе и много лишнего, так что в настоящее время этот вопрос совершенным образом запутан) оставить за экспертными советами ВАК возможность определять содержание кандидатских экзаменов, непонятно. К сожалению, организационные решения, связанные с наукой и высшим образованием (без которого не может быть науки) принимаются без учета собственных традиций и без серьезного анализа всех особенностей функционирования видов научной и образовательной деятельности в той или иной стране. Мир не ходит строем, тем более мир науки. Не подстраиваться под ту или иную систему, а брать лучшее из каждой из них и адаптировать к нашим условиям — вот, как представляется заведомо лучший путь развития науки (и не только науки). Трансформация (лат. *transfar-matio*) — преобразование, адаптация (лат. *adapto*) — приспособление, а не копирование (лат. *copia*) — множество, под которым в современном мире понимается всего лишь процесс изготовления копий.

Исходя из этого, в новых условиях создания гибкой научной номенклатуры, для паспортов необходимо: а) создать легитимный мягкий режим их принятия (принимаются рекомендацией ВАК при Минобрнауки России); б) обеспечить максимально широкий спектр их обсуждения (разрабатываются экспертными советами ВАК на основе поступивших из научных и научно-образовательных организаций предложений); в) организовать их общественное принятие (паспорта проходят рецензирование всех экспертных

---

¹ Юваль Ной Харари. *Sapiens. Краткая история человечества*. М., Синдбад. 2017. — 512 с.

советов ВАК); г) разработать прозрачный механизм их функционирования (паспорта публикуются в Вестнике ВАК и на сайте ВАК); д) иметь возможность быстро дорабатывать и менять их редакцию в случае необходимости.

Вытекающим из нового подхода к формированию научной номенклатуры будет вопрос финансирования науки в целом и научных изысканий в конкретной области в частности. Поскольку финансирование, как мы видим, прямо связано с научными отраслями, группами научных специальностей и специальностями, полностью отказаться от такого принципа его формирования не удастся, и, наверное, в этом нет необходимости. В то же время следует пересмотреть отдельные подходы в этом направлении. Представляется, что вопросы финансирования науки следует дифференцировать. Исходя из того, что почти вся наука у нас финансируется за счет государственного бюджета, направления здесь видятся следующие.

1. Поиски дополнительных средств финансирования и прежде всего стимулирование предпринимателей для вкладывания денег в науку. Проект закона о науке, к сожалению, эту задачу даже не определил. Проблема действительно чрезвычайно сложная, особенно с учетом того, что предприниматель никогда просто так деньги не отдаст. Однако есть опыт других стран, который достаточно разнообразен, от предоставления существенных налоговых вычетов, до законодательного регламентирования социального обременения финансирования высшего образования и науки.

2. Определение доходов от патентов и депонирования научных результатов.

3. Включение в оценку эффективности ученого всех возможных вариантов получения кем-либо дополнительных источников дохода.

4. Дифференцированное и одновременно комплексное финансирование областей знаний и научно-исследовательских организаций, а также *финансирование конкретных ученых*.

5. Финансирование студенческой науки.

В завершении скажу о небольшой, но многообещающей практике внедрения дистанционных технологий в работу диссоветов. Я думаю, что возможность участия членов диссоветов и оппонентов в защите диссертаций посредством видеоконференций придаст этой процедуре и динамизм, и разнообразие. Благодаря этому появляется возможность услышать мнение не того ученого, которого удалось, извините, «вытащить» на заседание, а того, кому интересна именно эта диссертация, и мнение которого важно для членов диссовета. Разумеется, здесь есть много нюансов и много подводных камней, но не воспользоваться современными возможностями одновременного присутствия на заседании людей с именами в науке из совершенно разных городов и даже стран, было бы, по меньшей мере, странно. Понятно, что при всех условиях присутствие на защите самого соискателя, как, по всей видимости, руководителей диссовета и ученого секретаря будет всегда обязательным.

Наука и юридическая наука в том числе — это искусство. Творческий характер научной работы предопределяет множество особенностей, связанных как с ученым, так и с теми видами деятельности, которые он осуществляет. Настоящий ученый — не политик, не общественный деятель, не администратор. Он — ученый. Он — человек, который критически воспринимает этот мир и наивно полагает, что может изменить его в лучшую сторону. Я это говорю только потому, что ученого часто пытаются втянуть в орбиту не свойственных для него дел и требуют от него решения задач, которые не должны им решаться.

Отечественный ученый во многом принижен не потому, что он не соответствует мнимым мировым стандартам, которых в науке быть не может, что называется по определению, а потому что в науку насильственным образом приходят чиновники. Понимание того, что наукой должны заниматься ученые, а не чиновники придет тогда, когда чиновники перестанут защищать диссертации, которые за них пишут другие люди. И это вопрос не запрета, а внутреннего понимания конкретного человека.

Красс Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета

Kruss Vladimir Ivanovich

doctor of law, professor, head of the department of legal theory Tver state university

Email: t-prava@yandex.ru

Феномен аконституционной инновации как «вторичный иммунодефицит» социологии и политики права¹

Phenomenon of unconstitutional innovation as a "secondary immunodeficiency" of sociology and legal policy

---

Аннотация: В публикации ставится проблема специфической деформации научного правосознания значительного круга российских ученых-юристов. Суть феномена выражает метафора «вторичного иммунодефицита». Признаки и следствия такой деформации проявляются, прежде всего, в росте неосновательных притязаний на инновационный характер заявляемых научных исследований. Наряду с этим имеет место очевидная «потеря интереса» к верификации и/или фальсификации «аконституционных» юридических теорий и основывающихся на них разработок. К объективным предпосылкам сложившегося положения дел автор относит размывание методологической основы и утрату идеологической составляющей научных поисков, информационное пропагандистское воздействие, некритическое восприятие западных «демократических» ценностей, а также ошибки государственной политики в сфере науки и образования. Отдельное внимание уделяется критике юридических концептов, отсылающих к постнеклассической методологической установке. Преодолеть болезненное состояние российское правоведение может, по мнению автора, только на основе конституционного правопонимания.

Ключевые слова: юридические инновации, научное правосознание, иммунодефицитное состояние, «аконституционное» позиционирование, конституционное правопонимание.

Abstract: the publication raises the problem of specific deformation of the scientific legal consciousness of a significant circle of Russian legal scientists. The essence of the phenomenon is expressed by the metaphor of "secondary immunodeficiency". Signs and consequences of such deformation are manifested, first of all, in the growth of unfounded claims to the innovative nature of the claimed scientific research. Along with this, there is an obvious "loss of interest" in the verification and/or falsification of "unconstitutional" legal theories and developments based on them. The author considers the blurring of the methodological basis and the loss of the ideological component of scientific research, informational propaganda influence, uncritical perception of Western "democratic" values, as well as errors in state policy in the field of science and education to be objective prerequisites of the current state of Affairs. Special attention is paid to the criticism of legal concepts that refer to the post-non-classical methodological approach. According to the author, Russian law can overcome this painful state only on the basis of a constitutional legal understanding.

Keywords: legal innovations, scientific legal awareness, immunodeficiency, "unconstitutional" positioning, constitutional legal understanding.

Три пути ведут к знанию: путь размышления — самый благородный, путь подражания — самый лёгкий — и путь опыта — самый горький.

Конфуций

---

¹ Статья выполнена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Прежде всего, обратим внимание на принципиально значимое для наших размышлений и отчасти парадоксальное обстоятельство. Кажется очевидным, что инновационный посыл некорректно-двузначным образом проецируется на проблематику научной состоятельности юриспруденции (правоведения), ее актуальной методологии и функционального «портфолио», по определению предполагающих примат эвристической компоненты. Наука права, с учетом уникальной феноменальности ее предмета, должна быть прежде всего эвристической. Имея своим призванием творческую созидательную артикуляцию познаваемого, она не только сугубо ответственна за «открытие» (социально-культурное «обретение»), но и за постоянную «доработку», расширение и уточнение истинных сведений (знаний) о той «территории смыслов», которую обозначила на «карте» цивилизации как «право», утвердив монополию на дальнейшие в этой области изыскания и открытия. Тем самым, любая научно-юридическая деятельность (а не ее имитация или профанация) должна — по своему посылу и результатам — выражаться в «инновациях». И каждый претендент на статус члена научно-юридической корпорации должен подтвердить свои намерения и обосновать готовность к эвристическому умножению правовых знаний, содержательному «наполнению» и «обогащению» правового континуума. Что, собственно, и имеет место быть де-факто (точнее — открыто не оспаривается), поскольку любой очередная соискатель ученой степени должен методологически убедительно обосновать актуальность исследовательской фокусировки (предмета) и научную новизну полученных им результатов.

Действительно, научно-юридический результат (продукт) не может быть не инновационным или, во всяком случае, не претендовать на такое значение. Благодаря чему — через принципиальное соотношение с уровнем юридической практики (инженерии) — и оказываются, собственно, возможными и понятийно корректными практики правотворчества и толкования (созидательной интерпретации) права, а также эксплицирующее научные инновации правоприменение. Не означает ли в этой связи та масштабная артикуляция важности «юридических инноваций», какую демонстрирует программа форума, неявную либо осознанную готовность признать сложившееся несоответствие предназначения и статус-кво научно-юридической деятельности? Во всяком случае, нельзя исключить нелюбезный ответ на вопрос поставленный подобным образом. С чем, во многом, и связано наше намерение оценить «научность» современной юридической науки сквозь призму феномена экспансии новаций *особого типа*, которые предлагается определять как аконституционные.

Кроме того, поскольку на фоне аффектов глобальной пандемии 2020 продуктивным видится ресурс междисциплинарного терминологического обогащения юридического языка за счет тезауруса медицинской науки, — обратимся к метафоре «синдрома вторичного иммунодефицита». Прибегнуть к ней побуждает концептуальная «диагностика» причин и степени распространенности соответствующих инноваций, как и выраженного «непонимания» (отсутствия признаков критической рефлексии) их пагубности.

Имунодефицит — это ослабление физиологического иммунитета, приводящее к иммунодефицитному состоянию (ИДС), характеризующемуся повышением частоты инфекционных заболеваний (агрессивная инклюзия) и более тяжелому их течению. В зависимости от причин выделяют первичный и вторичный иммунодефицит. Первичный иммунодефицит — генетическое заболевание и не заразен. Отечественному правоведению близкая по смыслу патология не присуща. Разумеется, если мы говорим о генезисе российской юридической традиции и «золотом периоде» ее научно-университетского становления. Внимательное и ответственное (если не сказать трепетное) восприятие лучших достижений европейской философско-правовой мысли учеными-преподавателями юридических факультетов императорских университетов XIX — начала XX столетий счастливо соединилось с генетически присущей русской (православной) культуре интенцией «предчувствия» и восприятия права как искусства добра и справедливости. Осмысление такого права и овладение им невозможно без духовной (религиозной) и нравственной рефлексии. В «имманентной России» правовой абсолют — при всем многообразии его мыслимых «оттенков» — как таковой никогда под сомнение не ставился, предполагая юридический «дискурс духовности»¹. Для посвятившего себя правоведению и наделенному русской душой интеллигента изначально *излишними* были рациональные доказательства необходимости и бытия подлинной правды в общественной жизни, как и того, что естественным образом «эта мысль и духовная забота должны были сложиться в особую научную дисциплину»².

Другое дело — деформация духовно-интеллектуальная, во многом подобная иммунодефициту вторичному (приобретенному). Согласно медицинской доктрине, такое состояние развивается независимо от генетических дефектов организма, под воздействием токсичных внешних и внутренних факторов. По нашему убеждению сходный синдром и получает распространение в российской юридической науке, признаками чего выступают, прежде всего, «толерантная» потеря интереса (продуктивной способности?) к верификации и/или фальсификации научно-юридических теорий при внешней «инновационной» активности и плюрализме мнений. ИДС постепенно отражается на всех органических функциях правоведения. Очевидно зависимые от благополучия «генерирующего центра» — научно-теоретического базиса — от-

¹ См.: Сорокин В.В. Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 21—31 и др.

² См.: Франк Л.С. Духовные основы общества. М., 1992. С. 20—21.

раслевые и прикладные дисциплины страдают познавательными дисфункциями опосредованно. Причем, порою «бессимптомно», т.е. «благополучно» не замечая этого, порою же — прибегая к своего рода к «самолечению», выдвигая собственные «квази-теоретические» постулаты, подходящие и достаточные, по их разумению, для диагностики и купирования видимых (внешних) признаков деформаций в национальной правовой системе. Критически малая востребованность подобного рода «рецептов» (научных рекомендаций) юридической практикой — возможно наиболее благоприятный сценарий декларируемого взаимодействия.

Предлагаемая характеристика ИДС российской юридической науки побуждает внимательнее подойти и к заимствованию из дискурса экономической прагматики самого понятия инновации¹. Как известно, социальные инновации (socialinnovation) — это новые идеи, стратегии, технологии, которые способствуют решению *особо* актуальных социальных задач и *глубинной* общественной модернизации. Коренное отличие инноваций от иных многообразных новшеств — достоверная связь с потенциальным переходом в качественно иное состояние и абсолютным пересмотром устаревших положений и норм, обоснованием новых институтов. Соответственно этому на титул правовой инновации могут претендовать обоснования, направленные на преодоление (снятие) наиболее важных юридических противоречий, принципиально новые научные идеи, а также их производные — адекватно отображающие (фиксирующие) идейный посыл легальные нормативные конструкции, практики (технологии и техники) решения фундаментальных, достоверно актуальных и значимых юридических задач. В таком выражении речь может идти исключительно о правовых инновациях, во-первых, общетеоретических, во-вторых, не доктринальных *только* (перманентная конкуренция теорий о сущности права стала едва ли не притчей во языцех), но претендующих на утверждение принципиально (типологически) отличного от множества предшествующих концептуального обоснования единства онтологического, аксиологического и телеологического образов права, предопределяющего возможность его (права) познания как понимания и обретения (утверждения).

На стадии выработки перспективно-притязательной эвристической диспозиции (обособления) выступают типы исходной локализации поля правовых инноваций (исследовательские суперпозиции). В версии доминирующей — широко представленной в описаниях позитивистского и неопозитивистского толков следствий проекции идеи права на правовую систему общества — инновационные «цели» связаны стратегией прогрессивного усовершенствования (развития) элементов такой системы. Соответственно, предлагаются научные разработки «для» уровня правового сознания (априори нуждающегося в развитии и избавлении от деформаций); обоснования усовершенствований (отраслевых, институциональных, элементарных) в системах позитивного права и его источников; не менее активно продвигаются и практико-обусловленные рекомендации по «текущему ремонту», настройке или доработке низовых звеньев механизма правового регулирования. Как уже отмечалось, называть идеи и проекты обозначенных видов юридическими инновациями некорректно и неправильно, даже если их авторы публично на том настаивают².

Альтернативный тип инновационных устремлений соотносится с предложенным Г. А. Гаджиевым образом юридического концепта действительности, сочетающим тяготение к феноменологическому сочетанию «реального права» с активно развивающейся доктриной российского судебного конституционализма³. Здесь открывается — хотя бы и в не вполне ясном, «затуманенном» сомнениями и малодоступном для «оптики» имеющейся кратности выражении, — перспектива соединения сущего и должного в праве, возможность обретения того баснословного «правового идеала», о котором всегда «тосковало» отечественное правоведение, даже когда отказывалось в том признаться (П. И. Новгородцев и Г. Ф. Шершеневич). Опровержение неизбывных сомнений на пути к правовому идеалу и качественное усовершенствование средств его умозрительного восприятия (а, значит, и моделирования) — задача и притязание именно инновационного уровня. Справедливо и обратное: уровень юридических иннова-

¹ Актуализацию термина «социальная инновация» связывают с именем М. Юнуса, автора концепции микрокредитов, лауреата нобелевской премии мира за спасение от нищеты людей из стран с неразвитыми экономиками. Между тем, получение престижной премии осталось едва ли не наиболее достоверным результатом его разработок. Попутно заметим, что вскоре прогрессивным средством чудесного спасения немущих была объявлена и такая одиозная с позиций конституционного правопонимания финансовая инновация как майнинг криптовалют. См.: Крусс В.И. Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 126—142.

² К соответствующему «граду» эвристической притязательности побуждает и политика финансового стимулирования научных исследований из государственных фондов (например, РФФИ). Ученые-юристы не могут рассчитывать на принципиально важную в современных экономических реалиях поддержку своих планов без анонсирования фундаментального значения ожидаемых результатов. При этом в большинстве своем, хочется верить, благополучно понимая, что выдают желаемое за действительное (фундаментальные научно-юридические открытия и «откровения» — редки, как золотые самородки), и потому, зачастую, даже не особо усердствуя в разработке необходимых «легенд» в заявке и отчетах по поддержанным грантам.

³ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с. С. 34—36 и др.

ций — это концептуальные теоретические разработки, претендующие на статус модернизации существующей или внедрение новой научно-юридической парадигмы (Т. Кун) либо научно-исследовательской программы с более высоким эвристическим потенциалом (И. Лакатос). С той сугубо юридической, для идеально-типического гуманитарного знания «терминологической правкой», которая в философии и теории права в России обусловлена доктринальным продвижением (инновация В. С. Нерсесянца) категории «тип правопонимания»¹.

Концептуальная юридическая инновация — это законченное (отрефлексированное) убеждение в необходимости актуализации нового образа правовой действительности и практическое продвижение в заявленном направлении на основе актуально-эвристического типа правопонимания, последовательно и системно учитывающее и преодолевающее риски редукции и дискретности (отраслевого, прикладного, классификационно-технического и иного юридически определенного характера). На деле же (фактор ИДС) имеет место, скорее, полифония или какофония юридических «инноваций» отраслевых и институциональных. И главную причину (предпосылку) такого положения дел мы усматриваем отнюдь не на уровне правосознания «ведомых» ученых-специалистов, вполне имеющих право поставить под сомнение качество «ведущих» теоретико-правовых пропозиций и методологической поддержки.

Не составив труда, опираясь на цитирование классиков, показать, что юридическая концептуализация всегда предполагала и включала актуальную телеологию. Однако на фоне ИДС, решение таких задач «доверяется», преимущественно, формально-догматической позитивной аналитике, социологии права и политике права. Причем соответствующие исследования могут «благополучно» опираться и на, казалось бы, противостоящие подходы. Будь то, классическое следование убеждению, что философия позитивного права «не должна создавать нового содержания высшим юридическим понятиям, ей следует ограничить свою задачу определением природы, установлением отличительных признаков тех явлений общественной жизни, которые носили и носят в разное время и у разных народов название права, государства, преступления...»². (В рассматриваемом отношении достижения приверженцев подобного технико-юридического консерватизма заслуживают, в лучшем случае, титула «инновационного декора».) Либо имеет место своего рода юридико-догматический прогрессизм, подразумевающий и не останавливающийся перед притязаниями на (очередную) «окончательную» доктринальную инновацию и истину о праве. Как, например, заявленные в утверждении, что «во всех своих проявлениях (объяснительных, программно-ориентирующих, критических, юридико-мировоззренческих и т.д.) концепция цивилизма выступает как теоретическое обоснование и выражение абсолютного смысла категорического императива всей постсоциалистической эпохи — идеи и требования движения к более высокой, чем это было в прошлой истории, ступени правового равенства, свободы и справедливости»³.

Амбивалентное сосуществование и вектор концептуально артикулируемых юридических инноваций побуждает обратиться к проблеме их соотношения с ценностью правовой традиции. Задуматься и дать себе отчет в том, что мы потенциально-эвристическим образом обретаем и от чего, следовательно, отрекаемся, — необходимо во всяком случае. И даже в первом приближении итоговые ответы и выбор будут значительно разниться в зависимости от того, понимаем ли мы под правой традицией архаичную приверженность стереотипам юридического мышления и мотиваций поведения, либо — существенно важные элементы права, правосознания и правоприменительной практики, переходящие, видоизменяясь, из одной исторической эпохи в другую. Удовлетвориться такой очевидностью, впрочем, нельзя. Продвигаясь же далее, мы неизбежно придем к актуализации национальной юридической традиции, в ее — предопределенном — соотношении ценностью (важностью и целесообразностью) правовых инноваций.

В отечественной литературе широкое признание получили выделенные американским теоретиком Г. Дж. Берманом основные характеристики Западной традиции права. Мы полагаем их вполне убедительными и ограничимся краткой экспликацией свойств, позволявших праву оставаться универсальным принципом жизни западной цивилизации. Подчеркнем также, что речь идет именно о научно-теоретических характеристиках и представлениях о праве как уникальном социальном явлении, которому присущи: 1. выраженная нормативно-институциональная автономия; 2. *институциональная научная* составляющая; 3. «органическое» системное единство; 4. *инновации* как истолкование прошлого «в интересах» юридически значимого настоящего и будущего; 5. хронологически «сквозная» *интенция конституционализма* как принципа верховенства права (над политикой); 6. внутрисистемный плюрализм юрисдикций и устойчивость к политическим трансформациям⁴.

Размышляя о том, в какой мере названные признаки (качества) учтены и/или заимствованы (имплементация, рецепция) в России, беремся утверждать (разумеется, в ряду многих представлений и,

¹ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. М.: Издательская группа ИФРА*М — НОРМА, 1997. 652 с. С. 32—35.

² См.: Шершеневич Г.Ф. История философии права. Второе издание. СПб, Издание Бр. Башмаковых, 1907. 589 с. С. 17.

³ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 398.

⁴ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИФРА*М — НОРМА, 1998. 624 с. С. 25—27.

вынужденно, без развернутой аргументации) достоверное наличие — пусть и сложившейся значительно позже по времени — отечественной правовой традиции. Ее цивилизационно-культурное своеобразие раскрывается как синтез «рационального откровения» Западной традиции права с духовно артикулированной метафизикой императива добра и справедливости. На этой основе российская философия (политика) права *пошла далее европейских наставников* (Канта, Фихте, Гегеля), ответственно следуя основному посылу *гегелевского панлогизма*: «преодолеть (делогизировать) концепцию рационализма, заменив ее концепцией телеологии реальной нравственности; телеологически разумного и «органически конкретного» правопорядка»¹.

С учетом раскрытого И. А. Ильиным глубокого своеобразия особенно огорчительно признавать, что современная российская юридическая наука пристрастия и даже выраженного интереса к обозначенной концептуально связанной телеологии, преимущественно, не обнаруживает. Её «инновации» (исследования и проекты в форматах социологии права и политики права) образуют «множество конкретностей», уже не претендующая на выражение всеобщей сущности права. «Диагностику» такого настроения вполне характеризует ИДС научного правосознания значительно числа российских юристов.

«Патология», проявляющаяся как *дефицит конституционного правопонимания*² в анамнезе аконституционного рационально-логического отстранения и эмоционального («скорбного») бесчувствия на фоне роста эмпирической разобщенности и неопределенности познаваемых явлений и феноменов, определяет и параметры заинтересованного противодействия возможному драматическому финалу. Основной комплексной задачей (в стилистике «протокола лечения») становится обоснование титула (качества) легитимной доктринальной инновации *исключительно для концепта конституционного правопонимания*, утверждение необходимости его консолидированного научного признания и юридико-практического воплощения в контексте национальной правовой традиции³. Однако надеяться хотя бы на приближение к такому результату, можно только *открыто* определившись с причинами прогрессирующего научного заблуждения. Здесь, мы полагаем, можно с уверенностью говорить о нескольких «токсичных» факторах кумулятивного вредоносного действия.

Во-первых, это онтологическая дискредитация наличия и поисков правовых смыслов, методологическая безосновность, иницирующая либо равнодушно провоцирующая (по умолчанию) как фантомные иллюзии советского легизма, так и аконституционное расширение недопустимости государственной идеологии до сферы духовно-ментального народного единения.

Во-вторых, приходится признать весьма эффективным иницируемое западной социологией права информационно-цифровое пропагандистское «вменение», воплощающее эпистемологические производные гибридной войны в эпоху постмодерна и отрицающее — по общему правилу — легитимность научных «убеждений и верований» (Б. Мелкевик и др.)⁴.

В-третьих, навязчивая склонность к декларативно-демократической риторике побуждает предположить аксиологическое «отравление» научного сознания многих российских ученых вследствие длительного приема общедоступных («общепризнанных») лекарственных препаратов («БАДов»), как безапелляционно-прогрессивных «идеалов и ценностей» нелиберального сорта.

В-четвертых (фактор только формально внутренний и, на деле, возможно, решающий) — это психологический стресс и выхолащивание на удручающем фоне последовательно-непоследовательной государственной политики и «инноваций» в сфере науки и образования в последние десятилетия, критически подрывающих преимущество, авторитет и веру теоретического правоведения в его способность к эвристико-инженерной миссии в монетаристском социальном контексте.

Конституционное правопонимание последовательно учитывает названные факторы при разработке инновационных проектов, а равно и оперируя критериями научности в отношении предложений своих «конкурентов», в которых надеется найти единомышленников. Исходной аксиомой в обоих случаях является тезис, что достоверная и адекватная научно-доктринальная инновация предполагает конституционно-правовую состоятельность⁵. В суммативном выражении это означает что, для подтверждения притязаний на конституционно-правовой статус (т. е. — на легитимное значение) доктринальная инновация должна быть, прежде всего, обоснована эксплицитно-наглядным образом в форме обобщения правовых позиций Конституционного Суда РФ как единственного субъекта конституционализации (ординарный юридико-технический вариант). Далее, она должна быть разработана посредством концептуально взвешенного погружения в смысловую архитектуру текста Конституции РФ (как фундаментальной иннова-

¹ См.: Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В двух томах. СПб: «Наука», 1994. 543 с. С. 497—499 и др.

² См., в частности: Кресс В.И. Конституционная апологетика и русская идея: уроки и задачи И. А. Ильина // История государства и права. 2015. № 12. С. 24—30.

³ Развернутое обоснование значения конституционного правопонимания для научного соучастия в разработке и реализации стратегии реального конституционализма в России представлено нами в ряде опубликованных работ. Конституционное правопользование и конституционное правопонимание // Проблемы понимания права. Вып. 3: Право России: новые подходы: сб. науч. ст. / ред. В. Г. Графский [и др.]. Саратов, 2007. 450 с. С. 311—339.

⁴ См., например: Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 6—49.

⁵ См.: Кресс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с. С. 22—33, 472—493 и др.

ционной «матрицы») любого юридического контента). И, в конечном счете, инновация должна получить заявленное подтверждение своего статуса в актах конституционализации права (и) законодательства, безотносительно к формальным аспектам признания и уточнения авторства проделанной работы.

Существуют ли, однако, теоретико-правовые инновации, отвечающие названным критериям? Ответ на этот вопрос неизбежно останется субъективно-оценочным, но конституционное правопонимание объективно предполагает минимизацию коннотаций пристрастия. Во всяком случае, убеждение в парадигмальном значении концепта конституционного правопонимания и универсальном познавательном характере его методологии выражает последовательность доктринальных инноваций. Таковой нам видится, например актуализация особой категории «личностных» (соматических) прав и свобод человека, давшая толчок к развитию направления юридической соматологии¹. Или же — недавний пример — программное обоснование конституционной модернизации в России института субфедерального нормотворчества, вполне отвечающее запросам перехода к цифровому конституционализму².

Инновационными производными (вторичными проектами) интегральной установки конституционного правопонимания выступают общая теория конституционного правопользования как качественно новой формы реализации современного права с опорой на соответствующую легальную конструкцию и институциональный блок этой разработки — теория сущности, признаков и противодействия злоупотреблению правом, как онтологически неконституционному феномену³.

Требование необходимой экспликации достоверных (легитимных) конституционно-правовых установлений — для всякой инновационной юридической стратегии — стало лейтмотивом синтеза теорий конституционализации и конституционной модернизации национальной правовой системы России, развивающих интуицию генетической однородности и целостности современного национального права⁴.

Под всеобъемлюще-инновационной *конституционализацией* следует понимать соответствующий аутентичной конституционной модели суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования (развития, обновления) национальной правовой системы (как феномена конституционного правопорядка). Первоисточником и генерирующей матрицей конституционализации (ее смыслов и векторов) выступает Конституция РФ, её *текст в широком смысле*, как бытийствующий («существующий») «до» и «после» формальной объективации или номинального расширения знакового поля.

В том же контексте значение актора конституционализации и легитимного источника права получает практика Конституционного Суда РФ, его акты и особые правоустанавливающие, доктринально-нормативные положения (правовые позиции). Названные феномены — есть безусловные конституционно-правовые инновации, и крайне тревожно, что данное обстоятельство не получило надлежащего научного признания и не подкрепляется ответственной практикой законодательной (нормотворческой) имплементации инновационных продуктов. При этом формально — в позитивистской логике — на статус инновационного продукта в России может претендовать любой федеральный закон, тем более — под титулом «О внесении изменений и дополнений...». И каждый из них получает научное (инновационное) обоснование! По сути же соответствующие практики и результаты носят «ремонтно-восстановительный» характер, а количество правок наиболее важных законов все более удручает.

Инновационное поле и ресурсы научной юриспруденции в конституционно-правовой системе актуально соотнесены с результатами конституционализации в имплементационной и доктринально-прогностической формах содействия. Наряду с этим, юридическая наука — это ответственный контролер внедрения конституционных инноваций и проектировщик, инженер и прораб в формате *конституционной модернизации* национальной правовой системы как процесса, который — в идеальном выражении — предполагает «открытый конкурс» на доктринально-проектное обоснование инновационных преобразований.

Особую инновационную значимость обоим названным — взаимосвязанным — концептам придает то, что они намечают (задают) гештальт *любых* актуальных преобразований в институциональной целостности современного национально права, «освобождаемого» от спекулятивно-архаичных отраслевых демаркаций и представляющего композиционным выражением принципиально связанной реальности неотчуждаемых конституционных прав, свобод и обязанностей личности. Между тем, хотя о конституционализации и конституционной модернизации все чаще начинают упоминать в научных публикациях и разработках различной тематической направленности, едва ли не все из таковых выражают традиционную

¹ См.: Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43—50.

² Информационные технологии и сервисы федеративной законодательной коммуникации позволяют оптимизировать субфедеральный законотворческий процесс в алгоритме присоединения к федеральным законодательным конструкциям, необходимо предполагающим расширяющее «подключение» к механизму обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. См.: Крусс В.И. Конституционный федерализм и состоятельность субфедерального законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 31—35.

³ См.: Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с. С. 28—43 и др.

⁴ См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с. С. 22—33 и др.

(номенклатурно-отраслевую) диспозицию исследователей. Работ же номенклатурных теоретиков права по данной проблеме мы не находим.

В поисках дополнительных аргументов в пользу уникального инновационного (познавательного и преобразующего) ресурса конституционного правопонимания может быть предложена производная типологизация хорошо известных и вновь представленных в отечественной науке юридико-концептуальных подходов. Их совокупная композиция вполне описывается следующими понятиями: 1. конституционное правопонимание; 2. аконституционное правопонимание (в рамках более широкой позиции неконституционного позиционирования); 3. антиконституционные концепты нормативной регламентации.

Конституционное правопонимание есть — прежде всего — *легитимное научное убеждение* («вера», суперпозиция) в исторически инновационном значении текста национальной Конституции РФ как генерирующей матрицы системы позитивного права и механизма реального воплощения нормативных конституционных ценностей, включая неотчуждаемые конституционные права и свободы человека и гражданина.

Отсутствие такой «веры» не равнозначно прямому отрицанию ее допустимости, тем более — воинствующему опровержению. На таком важном различии строится обособление и характеристика чрезвычайно многообразных современных проявлений аконституционного правопонимания. На первое место по уровню научной проработки и инновационной притязательности в этом ряду следует поставить либертарный концепт В. С. Нерсесянца. Причем к проявлениям синдрома «вторичного иммунодефицита» равным следует отнести и тот факт, что именно этот ученый претендует на доктринальное первенство в отношении терминологической инновации «конституционное правопонимание», и то, что данное обстоятельство апологетами либертарной концепции права «не замечается» и не комментируется. Выдающийся теоретик был столько же прозорлив, сколько и предусмотрителен, посвятив в концептуальном учебнике конституционному правопониманию отдельный параграф¹. В его характеристике конституционное правопонимание — это «юридический тип правопонимания, на который опирается Конституция РФ». Сообразно чему за Конституцией РФ и признается правовой характер *лишь в той мере*, в какой она («преимущественно», скорее да чем нет) это демонстрирует. Актуально-инновационным критерием «опоры Конституции РФ» выступает доктринальное понятие права как принципа формального равенства. Много и акцентировано говорится также о правах человека как о «праве в человеческом измерении», о праве «прежде всего и в конечном счете», но и, одновременно, признается исключительно их доктринально-либертарная композиция: строго определенный правовой принцип применительно ко всякому «реальному правовому содержанию».

В инновационной интерпретации В. С. Нерсесянца все чрезвычайно «тонко» и выверено. Права человека не называются субъективными правами (ИДС у неопозитивистов); ученый использует взвешенную характеристику-предикат «индивидуальные», но права и свободы человека нигде не называются им конституционными. Тогда как подлинно конституционное правопонимание говорит именно о конституционных правах, поскольку Конституция РФ (конституция современного типа) утверждает многообразие конституционных ценностей, а не одних только неотчуждаемых прав и свобод человека, во-первых; предопределяет возможность и необходимость нормативного и правоприменительного (актуального) конституционно-соразмерного (пропорционального) ограничения конституционных прав человека, наряду с обеспечением надлежащего несения (выполнения) конституционных обязанностей каждого, во-вторых.

Во многом пропедевтическое воспроизведение В.С. Нерсесянцем текста Конституции РФ не идет далее констатации, что здесь «нашли свое выражение и нормативное закрепление *все три* основных компонента правовой государственности — гуманитарно-правовой (права и свободы человека и гражданина), нормативно-правовой (конституционно-правовая природа и требования ко всем источникам действующего права) и институционально-правовой (система разделения и взаимодействия властей)». Однако необходимого синтезирующего перехода к универсализации легитимного требования (критерия и принципа) конституционности здесь нет. Конституционная композиция «позволила» ученому-теоретику заявить и настаивать на реализации своего инновационного проекта цивилизма как «русской идеи в контексте всемирной истории»². Тем самым — в духе философско-правовой трансгрессии, — подразумевается еще более «высокий» тип цивилитарного понимания права, очевидно также аконституционный («пренебрегающей» аксиомой юридического верховенства Конституции РФ). Конституционному правопониманию отводится роль уместной (благодарной) предпосылки «подлинно инновационному» доктринальному моделированию.

Сходным образом обходится с интенцией конституционного правопонимания В. М. Шафиров. В его интерпретации «конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный естественно-позитивный характер»³. Известная со времен древнегреческих софистов теза о «желатель-

¹ См.: Нерсесянц В.С. Указ соч. С. 372—380.

² См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 349—352 и др.

³ См.: Шафиров В.М. Проблема обеспечения права и конституционное понимание права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 6. С. 61.

ности» содержательной гармонизации права естественного и человеческого (волеустановленного) облекается в форму доктринальной инновации, а конституционное правопонимание остается своего рода номинальным аксессуаром, призванным придать размышлениям о «юридическом механизме обеспечения права» злободневный характер. Ученый искренне увлечен своими эвристическими идеями, и его предварительные отсылки к основным конституционным положениям носят, невольно или намеренно, «дежурный» характер. И с этим ничего не поделаешь: отвлеченная юридическая догматика подобна интроверту и не способна преодолеть «соблазн» аконституционного позиционирования.

Служебная морфема «а» в русской лингвистике зачастую приравнивается по значению к приставке «не». Однако в отношении понятия «аконституционное правопонимание» именно она обеспечивает необходимое смысловое раскрытие. Речь идет не об отрицании, а своего рода смысловом логико-эмоциональном и ценностном *умалении признака (качества) конституционности* (и, соответственно, национальной Конституции РФ), причем сугубо на уровне научного восприятия феномена права. Соответственно — в конституционном тезаурусе — для общезначимых форм самовыражения следует использовать приставку «не». Например, характеризуя *неконституционные* деяния и притязания, выражающие суть злоупотреблений правом как «легальных правонарушений».

Обращение к научно-философскому наследию В. С. Нерсисянца проясняет *онтологическую и мировоззренческую* оппозицию двух концептуальных трактовок конституционного правопонимания как соответственно факультативного и аутентичного выражения идеи реального (судебного) конституционализма. Проблема, однако, в том, что большинство отечественных теоретиков права демонстрируют критическое невнимание к соответствующим развернутым обоснованиям, представленным, в частности, монографических трудах Н. С. Бондаря. Их не привлекает концептуалистика философского уровня, раскрывающая, наряду с прочим, методологию конституционного оформления ключевых юридических категорий, актуального утверждения правовых ценностей и «сертификации» правовых инноваций, в том числе связанных с активным и агрессивным вторжением в жизнь новых технологий¹.

Если юридико-догматические пристрастия и «инновации» неизбежно аконституционны, хотя бы они и декларировали обратное, то конституционное правопонимание открыто адогматично и априори предполагает приоритет Конституции РФ, а не права. Конституция «выше» права. С этой позиции консолидированная задача юридической науки — конструктивное обоснование того, *каким* — во всякой актуально значимой и онтологически юридизируемой ситуации — *право может быть и каким оно быть не может*. Конституционное должествование шире формально-правового и инвариантно включает — в технике конституционной актуализации — все типы правового воздействия.

Пренебрегая обозначенными доводами, аконституционное правопонимание сосредоточено на доктринально-техническом редактировании *протоконституционных* наработок. Так, «*интегрально-интегративное*» правопонимание, увлеченное «реконструкцией» достижений социологии и политики права начала XX века, сосредоточено на *описании* современных правовых явлений и полагает достаточным «визировать» правоту своих наблюдений отсылками к доконституционному каталогу трактовок сущности права. Подобные обретения не могут до конца удовлетворять даже самих авторов. Полагаем, что не стилистики ради один из наиболее авторитетных теоретиков этого круга — В. В. Лазарев говорит именно об интегративном *исследовании* права и его соответствующем *восприятии*². Синтезирование методологических установок — есть достоверно ценный познавательный ресурс правоведения, основательно разработанный Б. А. Кистяковским, С. А. Котляревским, А. С. Яценко и вновь актуализируемый в контексте диалога культур и перспективы «альянса цивилизаций». Однако поступая подобным образом, ученые-юристы не освобождаются от «обязанности» быть уверенными (убежденными), что предметом познания остается право, а не очередной, кем-то предложенный, его фальсификат или симулякр. Который вполне может представляться и интегративным, тем более что определения «интегративное» и «интегрированное» — отнюдь не синонимы.

Стремясь отобразить присущую праву органическую и феноменальную целостность в особой терминологической версии, корректнее признать, что конституционное правопонимание и есть интегральное видение (умозрительное восприятие) права. С позиций этого подхода, в практико-ориентированной дефиниции право есть конституционный интеграл справедливости, «найденный» и воплощенный в конституционном (безотносительно к форме судопроизводства) судебном решении. Во всякой *имманентно конституционной* доктринальной позиции открытое упоминание о Конституции РФ избавляет от рисков тавтологии и «тайны» предопределяющего. Например, только в отсылающей к тексту Конституции РФ онтологической редакции получает необходимую завершенность емкое научное суждение, что «*позитивное право... является последовательной актуализацией и конкретизацией основных принципов*»³.

¹ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25 — 42.

² См.: Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность.. 2017. № 2. С. 20—29.

³ Лазарев В.В. Функциональная характеристика принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 208.

Равным образом и правовой континуитет принципов, ценностей и целей логически мыслим исключительно как конституционная целостность¹.

Остается догадываться, почему подобные необходимо-предопределяющие уточнения и константы остаются невостребованными. Как следствие, парадоксальным проявлением ИДС отечественного правоведения равно предстает и «сокрушительная» критика догматических пристрастий в рамках общего — аконституционного — дискурса², и отстраненное равнодушие («научная толерантность») к методологическим притязаниям «иного уровня», претендующим на принадлежность к иным познавательным парадигмам и (даже) эпистемам. Даже разработки, доходящие до «инновационного» отрицания всякой правовой основательности и, следовательно, научной истинности, находят уместным упрекнуть не более чем в намерении выдать «подсознательно желаемое» за действительное, в логическом противоречии стремления представить правовую коммуникацию («межсубъектное взаимодействие», «интерсубъективную реальность» и т.д.) *одновременно* «интегральным свойством, качеством и онтологической основой права»³.

Продуктивный диалог между адептами классической и постнеклассической юридической методологии невозможен: барьеры носят эпохальный и мировоззренческий характер⁴. Однако если классические постулаты ищут опору в общественном запросе заслона от хаотического натиска перемен, то над очередной актуализацией «прогрессивного видения» вполне приземленно довлеет искушение необоснованного возвеличивания, менторского «исторического эгоизма», от которого предостерегал еще Савиньи⁵.

Преодолевая догматику, конституционное правопонимание находит смысл (и призвание) не в оппорировании аконституционным теориям и познавательным установкам как таковым, а в диагностике *болезненного невнимания* (симптом ИДС) к тем неизбежным следствиям такого внутреннего развития, когда уже начинают провозглашать анти-правовые манифесты, и «продвигать» квази-юридический инструментализм с позиции глобальной прогрессивной инновации «могильщика» классической юридической парадигмы⁶.

Конституционное правопонимание призывает адекватно реагировать на подобные призывы зарубежных теоретиков, в которых находят свое выражение «глубинный дух» и интенция постнеклассической методологии права, увлеченно «адаптируемой» к российским реалиям. Утверждая «тоталитарный» характер юридической онтологии, Б. Мелкевик в философско-беллетристической форме «проговаривается» о том, о чем «стесняются» сказать отечественные прозелиты политико-юридической программы постмодерна. Их номинальный отказ от *безоговорочного* принятия постулатов истины, рациональности и добра дезавуируется *имманентными оговорками* об абсолютной ценности неолиберализма и «юридических» технологий его «трансформации самовоспроизводства»⁷. Наступает время определиться с «юридическими верованиями». Конструктивистская картина деградации политико-правовой реальности в США-2020 наглядно раскрывает неизбежные следствия метального укоренения в «глубинах» государства «цивилизации адвокатов» столь «инновационного и прогрессивного» посыла.

Конституционное правопонимание «неуязвимо» для последовательной доктринально-юридической критики. Другое дело — социальный контекст. Здесь, например, может быть поставлен и «фарисейский» вопрос о том, является ли российская реформа 2020 конституционно-правовой инновацией? Учитывая общеизвестные предпосылки и факторы, полагаем возможным характеризовать названное событие как фундаментальную, стратегически взвешенную политико-правовую операцию по расширению объективно-знакового выражения (текста) Конституции РФ, обусловленную подтвержденными голосованием демократическими запросами и не входящую в противоречие с легитимной интерпретацией этого текста, хотя и нарушающую отчасти его первоначальную логику и композицию.

Политическое напряжение чревато пограничными аффектами. Конституционная «матрица» не материальна и допускает такое технологическое преобразование как объективация «скрытых» смыслов. Тем более что каждому заинтересованному участнику интеракции всероссийского голосования в данном случае была обеспечена перформативная установка целенаправленного прояснения («расширения и

¹ См.: Кабышев С.В. Принцип конституционного континуитета // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 154—157.

² В частности, именно такой критике была подвергнута «концепция интегративного понимания права» со стороны видного позитивиста А. Ф. Черданцева, что спровоцировало беспрецедентно болезненную ответную реакцию. См.: Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал Российского права. 2016. № 10. С. 5—15.

³ См.: Максимов С.И. Мировоззренческо-методологические подходы к осмыслению права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 141—142.

⁴ См., например: Сырых В.М. Герменевтический круг как методологический тупик / Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 195—234.

⁵ Комментируя это предостережение, Н.М. Коркунов справедливо указывал на весомую роль во всякой социальной теории тех факторов, которые весьма далеки от объективного научного основания: «чувств, верований, метафизических или этических чаяний». См.: Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям / Вступ. ст. И.Д. Осипова. СПб.: Наука, 2019. 505 с. С. 18.

⁶ См., в частности: Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже-право». С. 12—13.

⁷ См.: Мелкевик Б. Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 527—545.

развития») конституционного текста. Равным образом и конституционность полномочий главы государства (Президента РФ) определяет не легальное обнуление сроков «доступности» таковых, а легитимная практика их реализации как конституционное выполнение должного. Все это, однако, не опровергает тезиса об избыточности (плеоназме) *достоверно конституционных* положений, как «уже» укорененных в Конституции РФ, с одной стороны, и недопустимости *сущностно* неконституционных новшеств, с другой стороны.

Отечественное право в его «дореформенном» и «пореформенном» конституционном воплощении по-прежнему отчетливо соотносится с почти уже уникальной (в глобальном контексте) миссией — содействовать сохранению необходимого минимума человечности в России (и на Земле) в перспективе угроз грядущей селективной цивилизации потребления и праздности. Задача отечественного правоведения — содействовать реализации такого предназначения. Сосредоточиться на ее решении можно только выйдя из ИДС, опираясь на конституционное правопонимание, поскольку выздоровление есть наиболее актуальная и продуктивная инновация для всякого больного.

Возвращаясь в завершении к эпиграфу статьи, подчеркнем: правовые инновации — путь конституционно обусловленных размышлений о смыслах традиционных российских ценностей, возможностях их заботливого сохранения и сбалансированного преумножения в соотношении с ценностью неотчуждаемых непосредственно действующих прав и свобод человека. Тогда как лицепрятное подражание «инновационным поветриям» с Запада, или даже вполне объективные, казалось бы, отклики на эмпирически-наглядные нестроения в практиках реализации позитивного права, не подкрепленные логикой конституционного восхождения от абстрактного к конкретному и национальной телеологией должного, — безосновательно претендуют на прогрессивное значение и заменой достоверно конституционного пути для России быть не могут.

Ромашов Роман Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Romashov Roman Anatolyevich

doctor of law, professor, honored scientist of the Russian Federation, professor of the department of theory of law and law enforcement of the Saint Petersburg humanitarian university of trade unions, head of the department of theory and history of state and law of the Leningrad state university named after A.S. Pushkin

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

**Поправки к Конституции России
как форма конституционно-правовой инновации¹**

**Amendments to the Russian Constitution
as a form of constitutional and legal innovation**

Аннотация. В рамках авторского понимания инновации в качестве этапного явления качественным образом отличающегося от предшествующих аналогов, конституция представляет собой политико-правовое явление, возникающее в эпоху буржуазных преобразований и выражающее ценность Западной правовой культуры. Проведенный сравнительный анализ особенностей конституционной реформы в советской и постсоветской России позволяет говорить об инновационной природе первых советских конституций (РСФСР 1918 г., СССР 1924 г.). Действующая Конституция РФ представляет собой новационный продукт разработанный и принятый под воздействием двух разнонаправленных тенденций: продемонстрировать приверженность «новой» России к системе общечеловеческих (см. либерально-буржуазных) ценностей, сформировавшихся в условиях правовой культуры Запада и, вместе с тем, отстаивать роль «сверхдержавы», ранее принадлежавшую СССР. Осуществляемое по инициативе «сверху» изменение текста действующей Конституции является наглядным свидетельством ее «гибкости» и потенциальной готовности к последующим рестайлинговым преобразованиям, отражающим изменения государственной воли, облеченной в конституционную форму.

Ключевые слова: инновация, конституция, поколения прав человека, правовая культура, государственно-правовая система, поправки к конституции, юридическая техника.

Annotation. Within the framework of the author's understanding of innovation as a milestone phenomenon that qualitatively differs from previous analogs, the constitution is a political and legal phenomenon that arises in the era of bourgeois transformations and expresses the value of Western legal culture. The comparative analysis of the features of the constitutional reform in Soviet and post-Soviet Russia allows us to speak about the innovative nature of the first Soviet constitutions (RSFSR 1918, USSR 1924). The current Constitution of the Russian Federation is an innovative product developed and adopted under the influence of two opposite tendencies: to demonstrate the adherence of the "new" Russia to the system of universal (see liberal-bourgeois) values formed in the conditions of the legal culture of the West and, at the same time, to defend the role of a "superpower" ", Previously owned by the USSR. The amendment of the text of the current Constitution, carried out on the initiative of "from above", is a clear evidence of its "flexibility" and potential readiness for subsequent restyled transformations, reflecting changes in the state will, denounced in constitutional form.

Keywords: innovation, constitution, generations of human rights, legal culture, state legal system, amendments to the constitution, legal technique.

---

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.

1. Конституция как вид правовой инновации

2020 год безусловно выделяется среди аналогичных хронологических периодов. Два события мирового масштаба: пандемия корона вируса и выборы самого пожилого в истории США Президента — Джо Байдена.

Для Российской Федерации, в этом году, особую значимость представляли два события — отложенный, по причине все той же пандемии, но в итоге проведенный, военный парад, посвященный 75-летию победы Советского (не путать с Российским — Р.Р.) народа под руководством КПСС в Великой Отечественной Войне 1941 — 1945 гг., а также процесс разработки и принятия поправок к Конституции РФ. Если первое событие, являет собой выражение верности историческим традициям, положенным в основу патриотизма как национальной идеи, имеющей своей основной целью обеспечить «братских народов союз вековой»¹, то относительно второго события, однозначного мнения не выработано. Откуда возникла сама идея масштабного изменения конституционного текста? Является ли процесс поправок к Конституции завершенным, либо следует ждать последующих трансформаций? Если да, то, когда и в связи с чем? Можно ли вообще каким-либо образом осуществлять достоверное планирование в сфере российского конституционного строительства? Число вопросов можно множить. Ясно одно: в современной России, не только сохраняется, но и все более ярко проявляется тенденция реформ, осуществляемых по инициативе «сверху». Естественно, что «главным реформатором» в рамках такой тенденции выступает глава государства — действующий Президент РФ В.В. Путин.

В контексте заявленной в теме статьи проблематики, будет предпринята попытка, во-первых, исследовать саму конституцию как инновацию в российской государственно-правовой системе, а во-вторых, показать соотношение внесенных поправок с аутентичным конституционным текстом, с тем, чтобы сделать вывод о влиянии осуществленных изменений на эффективность конституционно-правового регулирования.

Перед тем как перейти к изложению обозначенных вопросов, следует определиться с основными понятиями, к числу которых относятся собственно «инновация» и «конституция».

Слово инновация является продуктом современного русского «новояза», поскольку его нет в толковых словарях русского языка изданных в «допутинской» России². В Современном толковом словаре русского языка (2004 г.), осуществляется лингвистическая интерпретация инновации как «нововведения; комплекса мероприятий, направленных на внедрение новой техники, технологии, изобретения; модернизации...»³. Инновацию отличает от новации степень новизны. Приставка «ин», означает не просто «инаковость», как показатель различия «старого» и «нового», а их принципиальную несводимость в единую конструкцию, где все «новое», есть не что иное как «хорошо забытое старое». Инновационные знания и техники, представляют собой этапные (циклические, волновые) системные явления способные оказывать на современную им реальность как позитивное (конструктивное), так и негативное (деструктивное) воздействие.

Конституция, в ее современном понимании, представляет собой явление неразрывно связанное с эпохой буржуазных революций, являвшихся следствием и результатом борьбы за первое поколение прав человека (естественные (личные неотчуждаемые) и политические права граждан). Будучи продуктами западной политико-правовой культуры конституция и конституционализм возникают по сути одновременно в Американской и Британской правовых системах. При этом, если для США конституция, стала подобием священного писания — писаным Основным Законом, претендующим на правовую истину и в силу этого столь же неизменным, сколь неизменной является Библия, то в британской системе commonlaw, охватывающей различные, и вместе с тем, формально равные по юридической силе источники права, конституция не сводится к отдельному нормативно-правовому акту и даже группе актов, выступая как единый комплекс объединяющий наряду с законодательством, прецеденты, доктрины, обычаи. Английская конституция: «Это неписаная конституция, под которой подразумевается обычай нации, выраженный в органическом законе и собранный из актов парламента, практики правительства, исторических прецедентов и решений судов»⁴.

Таким образом в Западной правовой культуре складываются и в дальнейшем достаточно мирно сосуществуют два подхода к пониманию западной конституции — *позитивистский*, в рамках которого конституция представляет нормативно-правовой акт (основной закон), издаваемый в порядке особой процедуры и наделяемый особыми юридическими свойствами и *исторический*, предполагающий отноше-

¹ Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 3-ФКЗ (ред. от 21.12.2013) «О Государственном гимне Российской Федерации». Приложение 2 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29673/

² См., к примеру: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

³ Современный толковый словарь русского языка / Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», С. 245

⁴ «It is an unwritten Constitution, by which is meant the custom of the nation in organic law, to be gathered from acts of Parliament, the practice of the Government, historical precedents, and the decisions of the courts» (Fisher S.G. The Trial on the Constitution. Philadelphia, 1862. P. 20). Цит. по: Томсинов В.А. Развитие британской конституции в XX — начале XXI в. (статья первая) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2013. № 2. С. 3-4.

ние к конституции как к национальной правовой традиции в основу которой положены национальный правовой язык и национальный правовой дух.

2. *Советская государственно-правовая система и «советская» Российская конституция — инновационные явление в мировой практике государственного и конституционного строительства*

«Советская» Российская конституция представляет собой явление инновационное как по отношению к политико-правовой системе Российской Империи, так и в сравнении с Западными (британо-американскими) аналогами.

Говоря об истории отечественной конституции, следует прежде всего отметить, что: «В формально-юридическом смысле конституции как акта высшей юридической силы в Российской Империи не было и быть не могло. И дело, даже не в том, что монархическое российское государство на всем протяжении своего существования тяготело к абсолютизму, исключавшему любые внешние ограничения за исключением тех, которые накладывает на самодержца Бог и собственная совесть. Конституция была попросту не нужна ни придворным, ни светской и духовной аристократии, ни простому народу. Российское государство и общество жило в рамках государственной традиции, основанной на несменяемости царствующего Дома Романовых и механизме «ручного управления», в котором любые решения во всех жизненно важных сферах в конечном итоге «замыкались» на фигуре царствующего императора. При таком подходе конституция в ее франко-американском (западном/буржуазном — Р.Р.) выражении рассматривалась властью, объективно тяготеющей к политическому консерватизму, в качестве экстремистского акта, направленного на ниспровержение «Богом хранимого царя» и разрушение «единой и неделимой» Российской империи»¹.

Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. была событием несомненно мирового масштаба, равно как и последовавшая в конце XX века Российская контрреволюция.

В результате Октябрьской Революции была разрушена Российская Империя и на политической карте мира появилось инновационное государственно-правовое образование — советская социалистическая республика, закрепившая основополагающие положения и принципы общественного и государственного строя в Конституции (Основном Законе) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918 г.)².

Инновационный характер революционных преобразований российской государственно-правовой системы, заключался прежде всего в смене буржуазной общественно-экономической формации на социалистическую, являющуюся, по мнению «отцов-основателей», одновременно последней фазой государственного этапа развития человечества, связанной с формированием государства нового исторического типа — советской социалистической республики и преддверием формирования «земного коммунистического рая», где государство как форма социальной организации и механизм публичной власти «отомрет».

Анализ советских конституций позволяет разделить их на две группы: учредительные и этапные.

Основной целью учредительных конституций являлось юридическое закрепление нового государственного строя.

Конституция РСФСР 1918 г. объявляла Россию «республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...учреждаемой на основе свободного союза свободных наций...». В свою очередь Конституция СССР 1924 г. провозглашала «новое союзное государство» являвшееся «достойным увенчанием заложенных еще в 1917 году основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов...и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». При этом объединяет и ту и другую конституции, то, что в качестве основной цели, они провозглашали мировую революцию, с которой собственно говоря связывали «оптимистическое» завершение истории социалистического государства и начало без государственной коммунистической истории «мирового человечества».

Конституции 1936 и 1977 гг. выступали в качестве «этапных вех» социалистического строительства, конечной целью которого являлось построение коммунизма. При этом в отличие от учредительных конституций 1918 и 1924 гг. ориентированных, как уже отмечалось на мировую революцию и победу интернационального пролетариата, этапные советские конституции разрабатывались и принимались в рамках утвердившейся в советской политике сталинской концепции «построения социализма и коммунизма в отдельно взятой стране (группе стран)».

Конституция 1936 г. легитимировала решения XVII съезда ВКП (б) 1934 г. в которых отмечалось, что социализм в СССР победил и в основном построен. С этим обстоятельством связано неофициальное название Основного закона — «Конституция победившего социализма».

Конституция 1977 г. имела своей целью отразить и закрепить изменения, связанные с формированием мировой системы социализма и формированием в СССР «развитого социалистического общества — закономерного этапа на пути к коммунизму».

---

¹ Ромашов Р.А. Феномен конституции в новой и новейшей истории Российского государства // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 72-73.

² См. Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма // История государства и права. 2016. № 22. С. 14-21.

Не смотря на отличительные черты, все советские конституции были одинаковы в главном: закреплении на доктринальном уровне не юридико-правовых, а идеологических ценностей, главной из которых безусловно была идея коммунистического преобразования мироустройства. Во всех конституциях отмечалась биполярная модель существующего мира, в котором на стороне прогресса находится социалистическая система, ориентированная на построение бесклассового коммунистического общества, соответственно регресс — представляет «загнивающий империализм» — «коллективный Запад». «Со времени образования советских республик, государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма. Там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и война. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожителство и братское сотрудничество народов»¹.

Возникшая на «обломках» советского союзного государства «четвертая» Российская республика (*первая республика* — Российская буржуазно-демократическая республика (февраль — ноябрь 1917 г.); *вторая республика* — РСФСР (1918 — 1922 гг.); *третья республика* — РСФСР в составе СССР (1923-1991 гг.); *четвертая республика* — РФ (1992 г. — по наст. время)., не смотря на объявленное правопреемство от СССР, качественным образом отличается от него, не являясь при этом государственно-правовой системой инновационного типа. Прежде всего, современная Россия, в составе СССР являлась всего лишь *одной из* формально равных союзных республик (РСФСР), соответственно не корректной является «подмена понятий» — прекративший свое государственное существование СССР не есть обновленная РФ. В современных условиях, противопоставление с «коллективным» Западом, ранее имевшее объективные религиозные, идеологические, экономические основания, сменилось противопоставлением субъективного, межличностного характера: «мы достойны любви, но плохой Запад нас не любит». При этом на конституционном уровне получили свое закрепление политико-правовые ценности западной культуры, то же самое можно сказать об экономической системе, включенной в международные рыночные отношения и непосредственным образом зависящей как от мировых цен на энергоносители, так и от валютных котировок на международных биржах. Современная Россия в реальности является *одним из* субъектов международных отношений (по своему международному статусу равным другим государствам, возникшим на постсоветском пространстве). При этом в отличие от СССР, занимавшего место безусловного лидера мировой системы социализма, в настоящее время на мировом уровне Российская Федерация не может рассматриваться в качестве ведущей сверхдержавы в сферах экономики, наукоемких технологий, программ социальной поддержки населения и т.п.

Современное конституционное право России, представляет собой своего рода рестайлинг советского государственного права, изменившего название, однако сохранившего собственно государственную сущность. В подобном понимании и современное Российское государство и действующая Российская Конституция не являются инновационными образованиями и по своим основным параметрам в наибольшей степени соответствуют соответствующим конструкциям характерным для политико-правовой культуры Запада. При этом то, что на уровне официальной государственной пропаганды подобное сходство отрицается, существенного значения для содержательной характеристики вышеназванных явлений, не имеет.

3. Современные новации в сфере юридической техники изменения конституции

Конституция 1993 г. выступая в качестве «учредительной» для «новой» России, вместе с тем рассматривалась (и рассматривается) в качестве документа по своей направленности обращенного в будущее. По мнению И.А. Дудко: «Преобладающим лейтмотивом в ее создании выступало отвержение социалистических идеалов советских конституций (СССР и РСФСР), а также устремленность создателей Конституции к западноевропейским идеалам и ценностям либерального направления».² Вместе с тем, Президент России В.В. Путин в своем интервью британской газете Financial Times заявил: «Так называемая либеральная идея, себя просто изжила окончательно».³ Возникает логичный вопрос: если либеральная идея себя изжила, то как быть с либеральными по сути разделами Конституции, которые не могут быть изменены иначе, как путем принятия новой Конституции (ст. 135)?

Ответ: либо следует принимать новую конституцию, адаптированную к современным реалиям, либо посредством коррекции глав 3-8, приспособлять к этим реалиям конституционный текст, практически меняя его суть, путем «вымывания» из него «изживших себя» либерально-правовых конструкций.

Что касается принципиальной возможности принятия новой конституции России. Представляется, что этот процесс мог быть инициирован Президентом в рамках начала «первого второго» срока полномочий, ориентировочно в 2005 г. В этот период конституционная реформа была бы логичной и в целом оправданной. «Ельцинскую» конституцию разработанную и принятую в условиях открытой конфронтации между сторонниками и противниками тогдашнего Президента сменила бы «Путинская» конституция,

¹ Конституция СССР (1924 г.) Раздел первый «Декларация об образовании СССР» // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm>

² Дудко И.А. Конституция как основа правовой системы России//LexRussica. 2018. № 11 (44). С. 94.

³ Путин: либеральная идея себя изжила // https://tvrzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201962896-aoUz9.html

закреплявшая основы конституционного строя «новой, возрожденной и вставшей с колен» России, ассоциируемой с правлением ныне действующего Главы государства. Однако в обозначенный временной период этого не случилось. Более того, руководством страны неоднократно подчеркивалась нецелесообразность масштабных конституционных изменений. В частности, в своем выступлении на пресс-конференции 20 декабря 2012 г. В.В. Путин сказал: «Если бы я считал, что тоталитарная или авторитарная система является для нас наиболее предпочтительной, то я бы просто изменил Конституцию. Как Вы понимаете, это было легко сделать»¹.

Прошло восемь лет и Президент, обозначив необходимость «прорыва во всех сферах» в качестве вопроса «будущего нашей страны»², с легкостью о которой говорил ранее, инициировал изменение Конституции, обосновав свои действия тем, что предлагаемые им поправки «продиктованы просто жизнью»³, а «смысл конституционных новаций состоит в том, чтобы на десятилетия вперед зафиксировать сохранение России как сильной президентской республики»⁴. При этом Президентом была предложена отличная от предусмотренной главой 9 Конституции и ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04.03.1998 № 33-ФЗ юридическую технику их рассмотрения и принятия поправок. Речь идет о созданной распоряжением Президента Рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации⁵, а также о вынесении поправок на всероссийское голосование, сроки и порядок которого определялись специальным президентским указом⁶.

Рассмотрим хронологию событий связанных с внесением поправок в текст писаной Конституции.

15 января 2020 г.

Обращение Президента В.В. Путина Федеральному Собранию, анонсирование изменения Конституции РФ; отставка Правительства РФ, внесение кандидатуры М. Мишустина на должность Председателя Правительства РФ; создание рабочей группы по подготовке предложений об изменении Конституции РФ;

20 января 2020 г.

Внесение в ГД ФС РФ законопроекта о поправке к Конституции РФ;

23 января 2020 г.

Принятие законопроекта о поправке к Конституции РФ Государственной Думой в первом чтении;

10 марта 2020 г.

Принятие законопроекта о поправке к Конституции РФ Государственной Думой во втором чтении;

11 марта 2020 г.

Принятие законопроекта о поправке к Конституции РФ Государственной Думой в третьем чтении;

11 марта 2020 г.

Одобрение закона по поправке к Конституции РФ Советом Федерации;

13 марта 2020 г.

Одобрение закона по поправке к Конституции РФ законодательными собраниями субъектов РФ (все 85 субъектов в течение одного дня одобрили все поправки)

14 марта 2020 г.

Подписание закона по поправке к Конституции РФ Президентом РФ

16 марта 2020 г.

Конституционный Суд РФ признал закон по поправке к Конституции РФ соответствующим действующей Конституции РФ

25 июня — 1 июля 2020 г.

Проведение общероссийского голосования по вопросу одобрения пакета поправок к Конституции РФ;

3 июля 2020 г.

Указ Президента РФ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в неё поправками»;

4 июля 2020 г.

Вступление в силу внесенных в Конституцию РФ поправок в юридическую силу.

Скорость с которой принимались и одобрялись инициированные Президентом поправки, наглядно свидетельствует о том, что в реальности, действующая Конституция РФ не является жесткой. Также нельзя не отметить того, что поправки к главам 3-8, разрабатывались членами Рабочей группы, абсолютное большинство из которых, к конституции никакого отношения не имели.

---

¹ Я бы просто изменил Конституцию, если бы хотел тоталитаризма — Путин // <https://newizv.ru/news/politics/20-12-2012/174964-ja-by-prosto-izmenil-konstituciju-esli-by-hotel-totalitarizma-putin>.

² Путин: «Обеспечение прорывов практически во всех сферах нашей жизни — это вопрос будущего страны» // <https://www.business-gazeta.ru/news/380507>

³ Путин: поправки в Конституцию продиктованы жизнью // <https://www.vesti.ru/article/1271311>

⁴ Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на встрече с сенаторами // <https://rg.ru/2020/09/23/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-vstreche-s-senatorami.html>

⁵ См.: Образована рабочая группа по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию // <http://kremlin.ru/events/president/news/62589>.

⁶ См.: Кремль наметил дату голосования по поправкам в Конституцию // <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2020/5e24c4519a794734422360e0>.

Если же говорить о неподлежащих текстуальной корректировке главах 1, 2, 9, то их смысловое содержание, как выяснилось, может достаточно легко измениться за счет альтернативных техник, не включенных в конституционный текст, и, вместе с тем, не противоречащих ему.

В качестве одной из техник смысловой коррекции конституционного текста, следует выделить его официальное толкование Конституционным Судом с приданием интерпретационным актам юридической силы «живой конституции», что не просто уравнивает их с писанным текстом «Основного закона», но придает «живым» нормам большую юридическую силу по сравнению с аутентичными.¹ В качестве примеров можно привести положения, закрепленные в статьях 15 и 20 Конституции. Статья 15 устанавливает приоритет международного права по отношению к национальному законодательству. Вместе с тем в настоящее время, сложилась практика, в соответствии с которой международные договоры, нормы, принципы, а также решения, принимаемые международными органами и в первую очередь, международными судами признаются Россией и включаются в российскую правовую систему, только в случае признания их соответствующими действующей Конституции Конституционным Судом². Данная практика получила свое конституционное закрепление в новой редакции статьи 125, в которой закрепляется положение о том, что «Конституционный Суд ... разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решений иностранного или международного (межгосударственного) суда..., в случае если это решение противоречит основам публичного права Российской Федерации».

Еще более интересная ситуация складывается с конституционным институтом смертной казни, основания и порядок применения которого детально регламентированы в УК, УПК и УИК Российской Федерации. Конституционное закрепление названного института в ст. 20 гл. 2 Конституции, предполагает исключительно буквальное толкование, в рамках которого полностью совпадают «буква и дух» Конституции. «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» (ч. 2 ст. 20). Федеральным законом, устанавливающим смертную казнь, является действующий УК, в котором несмотря на многочисленные изменения затронувшие абсолютное большинство статей, санкция в виде смертной казни продолжает оставаться действующей (ст. 44, 105). Вместе с тем на практике, названные статьи в части реального действия смертной казни как конституционного средства правового воздействия не применяются. Поскольку в качестве элемента «живой» Конституции в настоящее время действует позиция Конституционного суда, в соответствии с которой, в современной России «... сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Россией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер и рассчитанной лишь на некоторый переходный период. Поэтому введение 1 января 2010 года суда присяжных на всей территории Российской Федерации не создает возможность назначения смертной казни».³

Подводя итог вышесказанному следует сформулировать несколько выводов обобщающего характера.

1. Право, как юридический феномен в его современном понимании представляет элемент культуры буржуазного («Западного») модерна, характеризующегося следующими признаками:

— Главенствующей формой социальной организации и механизма публичной политической власти является «state of law» — основанный на формально-юридическом праве порядок общежития и управления.

— Основным критерием социальной дифференциации является экономическое неравенство.

— Представительство социальных групп с различными интересами осуществляется конкурирующими политическими партиями. При этом основными движителями социально-экономического прогресса являются относительно независимые от государственной администрации крупная и средняя буржуазия

— Основным потребителем производимых в условиях капиталистической экономики товаров и услуг является общество, живущее в условиях «культуры потребления»

— Формальное право является технологией в одинаковой степени обязательной для тех, кем руководят и тех, кто руководит.

2. Специфика российской правовой модернизации определяется с одной стороны догоняющей моделью («инновационного заимствования»), а с другой — акцентом на особом статусе России в системе мирового порядка (Россия одновременно «щит» призванный спасать европейский (христианский) мир, приносимая во имя его (европейского мира) жизни «жертва», собственная национально-культурная идентичность мессианского типа — «у советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока»). При этом для Российской политико-правовой культуры является характерным стремление перейти

¹ См.: Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи // http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20181212/292461034.html.

² См: «Ничего никому не должны». Конституционный суд постановил не исполнять решение Европейского суда по делу акционеров ЮКОСа // <https://novayagazeta.ru/articles/2017/01/20/71224-nichego-nikomu-ne-dolzhyu>.

³ Конституционный суд о запрете применения смертной казни в России // <https://pravo.ru/news/view/20423/>.

к некому идеалу будущего (постмодерну) минуя концептуально завершённую модель современности (модерна), что обуславливает тождество «детских страхов» переходных периодов российской государственности: страха быть **не таким** как все и страха быть **таким же** как все, что в свою очередь обуславливает «разброс и метания» в сфере как внутригосударственной, так и международной политики.

3. Российская советская конституция — это инновационный результат конституционного развития, создание которого ориентировано на двуединую цель:

— показать, что советская Россия *такая же* демократическая республика, как и все остальные, современные ей, государства с республиканской формой правления и демократическим политическим режимом (на момент «рождения» РСФСР — этим критериям соответствовали традиционные Западные демократии);

— показать, что советская Россия, являя собой политико-правовую инновацию качественным образом *отличается от других* республиканских государственно-правовых систем, пребывающих в состоянии буржуазного «отстающего» от социального прогресса существования

4. Действующая Российская Конституция — продукт постсоветского обновления (модернизации) советского аналога.

Изначальная цель «Ельцинской» конституции — показать приверженность «возрождающейся, поднимающейся с колен» России системе «общечеловеческих», по сути, буржуазно-либеральных ценностей. Стремление политического истеблишмента «новой» России быть *таким же*, как и в странах западной демократии.

Цель конституционного «рестайлинга» 2020 г. — осуществление анонсированного В.В. Путиным «прорыва во всех сферах», на практике заключающегося в легализации и легитимации представительной конституционной монархии, определяющей на «грядущие десятилетия» путь конституционно-правового развития России в качестве «сильной президентской республики», в которой система государственной власти сводится к государственной бюрократии, встроенной в жесткую вертикаль публичной власти, замкнутой в своем функционировании на конкретную личность — правящего Президента.

5. Осуществляемая «сверху» конституционная модернизация наглядно демонстрирует «гибкость» действующей «живой» Конституции России и свидетельствует о ее потенциальной «готовности» к последующим рестайлинговым изменениям, отражающим трансформацию обличенной в закон воли государства, представленного в современной политической реальности триединой конструкцией — «Москва-Кремль-Путин».

Власенко Николай Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Vlasenko Nikolay Aleksandrovich

doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of theory of law and state at the RUDN Law institute, chief researcher at the institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

E-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

Антиинновационные тенденции в современной юридической науке

Anti-innovation trends in modern legal science

Когда речь идёт о научных инновациях, нужно быть предельно бдительным

Аннотация. Анализируется развитие кризисных тенденций в современной юридической науке. Новации в правоведении не всегда продуктивны и полезны, более того «засоряют» понятийный аппарат теории права, привносят неаргументированные положения и идеи. Бездоказательные знания — одна из главных и социально опасных тенденций в современной правовой науке. Бесплодные положения и идеи превращают науку в социально бессмысленное явление, не способное к саморазвитию и не нужное для практики. Не менее опасным, особенно для развития понятийного аппарата, является удвоение терминологии. «Новые» категории и понятия часто имеют двойников и ничего кроме путаницы для развития юридической науки не дают. Попытки обоснования метафор как новых юридических категорий часто бесплодны и бесполезны, ибо они также имеют дублёров.

Нарушение методологических принципов познания нередко подаются как новации в теории права. Философские категории без всяких оговорок, осмотрительности, особенностей адаптации называют правовыми. Такая лёгкость «переодевания» не допустима. Нередко исследуемые явления учёные называют категориями. Предлагается отличать правовые понятия, отражающие с той или иной полнотой реалии действительности и научные категории как наиболее общие понятийные образования, отражающие фундаментальные закономерности развития юридической науки. Критикуется увлечение специалистами обосновывать «парность» правовых категорий. Автор считает, что правовому регулированию свойственна парность, но это не означает наличие в теории права парных категорий. Делается вывод — в правоведении нет и быть не может парных категорий. Однородность такого явления как право это исключает.

Отдельное внимание уделяется заимствованиям. Приводятся примеры тиражирования одних и тех же идей в авторефератах, научных статьях, а также примеры, когда одно и то же положение защищается в диссертациях по несколько раз. Делается вывод о недопустимости такого явления в российской юридической науке.

Подводя итог сказанному, отмечается, что юридическая наука — явление консервативное, которое ей придают особенности права, его природа. Но в этом и ценность права. Юридическая наука — явление самостоятельное, со своими закономерностями, предполагающая адекватное отражение таких реалий как государство и право.

Ключевые слова: юридическая наука, кризис права, кризис юридической науки, научные инновации, ложные знания, юридическая терминология, метафоры, принципы научного познания, плагиат, заимствования.

Annotation. The article analyzes the development of crisis trends in modern legal science. Innovations in jurisprudence are not always productive and useful; moreover, they "clog" the conceptual apparatus of the theory of law, introduce unreasoned propositions and ideas. Unsubstantiated knowledge is one of the main and socially dangerous tendencies in modern legal science. Barren positions and ideas turn science into a socially meaningless phenomenon, incapable of self-development and not needed for practice. No less dangerous, especially for the development of the conceptual apparatus, is the doubling of terminology. "New" categories and concepts often have duplicates and give

nothing but confusion for the development of legal science. Attempts to substantiate metaphors as new legal categories are often fruitless and useless, because they also have duplicates.

Violation of the methodological principles of knowledge is often presented as innovations in the theory of law. Philosophical categories are called legal categories without any reservations, caution, or special adaptations. This ease of "dressing up" is not acceptable. Scientists often call the studied phenomena categories. It is proposed to distinguish between legal concepts that reflect with one or another completeness the realities of reality and scientific categories as the most general conceptual formations, reflecting the fundamental laws of the development of legal science. The author criticizes the specialists' interest in justifying the "parity" of legal categories. The author believes that pairing is inherent in legal regulation, but this does not mean that paired categories exist in the theory of law. It is concluded that there are no paired categories in law. The homogeneity of such a phenomenon as law excludes this.

Special attention is paid to borrowings. Examples of replication of the same ideas in abstracts, scientific articles, as well as examples when the same position is defended in dissertations several times are given. The conclusion is made about the inadmissibility of such a phenomenon in the Russian legal science.

Summing up the above, it is noted that legal science is a conservative phenomenon, which is given to it by the peculiarities of law, its nature. But this is the value of law. Legal science is an independent phenomenon, with its own regularities, assuming an adequate reflection of such realities as the state and law.

Key words: legal science, crisis of law, crisis of legal science, scientific innovation, false knowledge, legal terminology, metaphors, principles of scientific knowledge, plagiarism, borrowing.

Введение

О кризисе современной правовой надстройки, в том числе в законодательном процессе и юридической науке мне уже приходилось писать¹. Многие авторы с этим согласились, другие — нет. Тема конференции об юридических инновациях вначале мне показалась «околоюридической», однако, размышляя, пришёл к выводу, что поставленные организаторами форума проблемы чрезвычайно актуальны ещё и потому, что это и повод обсудить «внутренние дела» в корпусе учёных-юристов. Одна из них, как видится, качество исследований, их продуманность, выверенность с позиции философии, теории познания как высших мерил истинности суждений. Я выбрал проблему, которая не первый год беспокоит меня — уровень, обоснованность и фундаментальность научных достижений. Речь идёт о качестве диссертаций, причём и кандидатских, и докторских. Положения, выносимые на защиту, сформулированные в них, — часто не новы, не доказательны, технически не поданы и не отточены. Конечно, в последние годы, после реформы диссоветов, введения критериев «оригинальность», «степень заимствования» и др., многие показатели улучшились. Между тем, сказать, что дело исправилось полностью или даже в большей части, пока нельзя. Цель доклада — обратить внимание на складывающиеся неблагоприятные закономерности в формировании отечественных научных знаний о праве. В первом приближении видятся следующие тенденции, так или иначе не способствующие развитию юридической науки. Это наполнение системы знаний необоснованными и бездоказательными идеями и конструкциями, удвоение терминологии, необоснованная метафоричность, так называемая «философская вольность» или попросту игнорирование принципов и требований научного познания, прямое или скрытое заимствование чужих идей и положений.

Необоснованные и неаргументированные знания

Одной из тенденций антиинновационных «новаций» является появление бездоказательных или слабо аргументированных знаний. В большинстве случаев такие «знания» подкрепляются примерами и фактами, не обладающими качеством подтверждения тезиса, идеи; нередко они и тенденциозно подобраны. Научное познание требует такого плана ложности и необоснованности опровергать. Само по себе опровержение есть логическая операция установления ложности или необоснованности выдвинутого тезиса². Способы опровержения известны: опровержение фактами, установление ложности, антитезис, выявление несостоятельности демонстрацией³. Здесь заметим следующее. Юридическая наука по характеру и природе — социальная, и выдвигаемые положения в большинстве случаев требует подкрепления аргументами, фактами. Некоторые авторы стремятся их привести как можно больше, полагая, что это придаст убедительность идее. И вот здесь, исходя из сказанного выше, на помощь приходит такой логический приём как выявление несостоятельности идеи, положения демонстрацией. Этот способ показывает ошибки в системе доказывания. Речь идёт о подборе аргументов, из которых истинность опровергаемого тезиса не вытекает. Известный специалист по формальной логике А.Д. Гетманова уточняет: «Обнаружив ошибки в ходе демонстрации, мы опровергаем её ход, но не опровергаем сам тезис»⁴. Таким образом, тезис или идея в юридической науке могут и «жить», но без научного обоснования. Приведём пример. Н.В. Путило постави-

---

¹ Власенко Н.А. Разумность и определённость в правовом регулировании. М., 2015. С. 35-37; он же: Кризис права: проблемы и подходы к решению. Журнал российского права. 2013, № 8; он же: О кризисных тенденциях в праве. Юридическая техника. 2014, № 8.

² Гетманова А.Д. Учебник по логике. М., 1994. С. 185.

³ Гетманова А.Д. Указ. соч. С. 186-187.

⁴ Гетманова А.Д. Указ. соч. С. 187; см. также: Ивин А.А. Современная логика. М., 2009. С. 173-175.

ла задачу поиска критериев социального государства. Автор приводит немало точек зрения по этому вопросу, сожалея, что ни одну позицию нельзя признать истинной, и предлагает свои одиннадцать «формально-юридических критериев социального государства». Прежде всего, смущает подход: правомерно ли вообще ставить вопрос об юридических критериях социального государства? По-другому говоря, может ли право быть критерием оценок государственности? Дело в том, что социальных положений и ценностей в формально-правовой основе государства может быть заложено немало. Так, в модернизированной Конституции России в 2020 году их стало ещё больше. Но является ли это средством измерения социальности государства? Получается некая игра: государство, называя себя социальным, пусть даже посредством обсуждения и голосования, прописывает это качество в собственных нормативных правовых документах, убеждая население в этом не сомневаться. Что-то напоминает сталинскую Конституцию СССР 1936 года, в которой с точки зрения логики и юридической техники всё было выписано безукоризненно, но в жизни представляло собой фикцию. Да и сами формально-юридические критерии, предложенные Путило, не убеждают, например, закрепление принципа социального государства в конституции, отражение в Основном законе социальных прав, состояние социального законодательства и др. Нового подхода у автора не получилось¹. Здесь и срабатывает логика опровержения — продемонстрированные автором критерии «не работают», не убеждают в том, что они есть реальные показатели социальности государства. Истина в том, что тезис о социальном государстве, его критериях может иметь место, но предложенный в обоснование фактаж не подтверждает утверждения.

Однако есть случаи ещё более проблематичные. Речь идёт о ситуациях, когда идея заявляется, но аргументов в её обоснование не приводится. Такое наблюдается в статье И.А. Фаргиева «Специальный закон о толковании права — веление времени!». Как видно, название материала резкое, я бы сказал пафосное. Однако, проследим аргументацию в пользу такого заявления. В начале статьи автор говорит о важности толкования права в практической жизни и юридической деятельности, с чем никто не спорит. И неожиданно подытоживает: «В России и в мире в целом сложилось два основных типа правопонимания: позитивистское и интегративное, последний тип, в свою очередь, дифференцируется на два вида: научно-дискуссионное и научно-обоснованное»². Автор не учитывает, что в современном мире, в том числе и России, существует пёстрая гамма школ и направлений правопонимания, более того, они эволюционируют, где так называемый чистый позитивизм уступает место умеренному (естественно-позитивистскому направлению); не менее популярна школа нового естественного права; набирают обороты коммуникативные подходы правопонимания и др. Интегративное правопонимание никогда не было альтернативой какому-либо правопониманию, тем более такому классическому как юридический позитивизм. После статьи А.Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права»³, желающих «разделить» данную позицию в деле правопонимания, как показывает анализ современной юридической литературы, поуменилось. Вызывает недоумение тезис Фаргиева о том, что интегративное правопонимание дифференцируется (а кем — неизвестно?) на два вида: «научно-дискуссионное» и «научно-обоснованное». Неясно, где же скрывается этот таинственный критерий, позволяющий отграничить научно-дискуссионное и научно-обоснованное интегративное правопонимание. Всё это похоже на околонучную схоластику, и не более того. Дальше больше. Автор вдруг заявляет: «Правовой (юридический) позитивизм» рассматривает право «независимо от экономических и классовых отношений». Где и кто из позитивистов писал, что право не зависит от экономики, классовой структуры общества и др.? Как раз наоборот. Тот же А.Ф. Черданцев, несомненно, сторонник позитивизма, указывает на следующие основные черты права: «В заключение напомним интеграторам основные характеристики понимания права: нормативность, системность, генетическая и функциональная связь с государством (государство издаёт или санкционирует другие социальные нормы, обеспечивает их соблюдение), волевой характер права, общеобязательность, обусловленность права общественным бытием (экономика, политика, мораль, идеология, интересы и т.п.). Все указанные признаки существенны, могут быть конкретизированы. Элиминация (исключение) какого-либо из них превращает право в нечто иное. Спрашивается, — подытоживает автор, — чего же недостаёт с точки зрения интегративистов в приведённой характеристике права?»⁴

Автор считает теоретически несостоятельной и практически неприемлемой позицию, согласно которой толкование выполняет прагматическую функцию в правоприменительной деятельности, т.е. способствует преодолению технических неясностей, неточностей и восполнению пробелов в праве⁵. Спрашивается, в чём же тогда смысл прагматической функции? Только в том, чтобы разъяснять смысловые дефекты? Это означает, не более или не менее, как недооценку роли толкования права в юридической практике, практической жизни в целом. Завершает статью в общем верный тезис о повышении роли толкования «в случае принятия специального закона о нормативных правовых актах»⁶, где предлагается

¹ Путило Н.В. Юридические критерии социального государства: новые подходы. ЖРП. 2016, № 10. С 15-25.

² Фаргиев И.А. Специальный закон о толковании права — веление времени! Правосудие.2020. № 2. С. 33.

³ Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание право. ЖРП, № 10.2016. С. 9-14.

⁴ Черданцев А.Ф., указ. соч., с. 14.

⁵ Фаргиев И.А. Указ. соч., с. 40.

⁶ Там же. С. 42.

«дать легальное определение толкованию прав». Возникает вопрос — для чего нужно было так пафосно ставить вопрос о необходимости специального закона о толковании права как велении времени, да ещё в названии материала, если всё свелось к идее, имеющей где-то тридцатилетнюю историю, о необходимости принятия закона о нормативно-правовых актах? А как начиналось! Но больше всего удивляет вывод Фаргиева И.А.: «Толкование права, оказывающее *серьёзное влияние* (выделено нами — Н.В.) на правотворческую и правореализационную практику, может быть только официальным»¹. Оставим без комментария мысль учёного, особенно в части «серьёзности».

О теоретических «новинках», или удвоение терминологии

Одна из вредных тенденций в современной теории права — удвоение терминологии, ибо это необоснованно засоряет терминологический арсенал науки. Нередко это связано с употреблением метафор, на что обращалось внимание в юридической науке, в том числе и мною². Например, совершенно несостоятельна попытка обоснования такой научной категории как «правовое поле». Это ничто иное как метафора и, анализируя доводы авторов, становится понятным, что речь идёт о предмете правового регулирования. Таких примеров можно привести немало. Однако печаль ещё и в том, что удвоение понятийного аппарата проникает и в сферу диссертационных исследований. Так, в 2017 году Тарасевичем И.Б. была защищена кандидатская диссертация «Адекватность языка закона». Возникает вопрос — что понимать под адекватностью языка закона? Теории юридической техники известны такие требования к законодательству как ясность и точность его текста. В середине 90-х мною обосновывалась идея точности выражения формы права³. В чём же самостоятельность «категории адекватность языка закона»? Читаю автореферат. В самом начале раздела «Научная новизна» автор заявляет следующее: «Диссертация является первым теоретико-правовым исследованием, в котором проблема адекватности языка закона рассматривается как самостоятельная, не совпадающая с проблемой его качества»⁴. Трудно объяснить позицию автора, по его мысли — адекватность языка нужна и необходима, это красная линия диссертационного исследования, но с качеством текста нормативно-правового акта она, оказывается, никак не связана. Обращаем свой взор на объект и предмет исследования. Здесь также много, мягко говоря, неясностей и вопросов. Под объектом исследования учёный видит «многообразие языковых форм и способов конструирования и выражения законов...». «Предметом исследования, — утверждает автор, — являются корреляции признаков адекватности языка закона с наиболее эффективными технико-юридическими, организационными и идеологическими средствами её достижения, применяемыми в разных сферах действия права»⁵. В связи со сказанным отметим. Языковые формы (средства) выражения права были предметом многочисленных работ теоретиков права, достаточно вспомнить такие имена как А.А. Ушаков, А.С. Пиголкин и др. Под предметом, если я правильно понял, и если развеять витиеватость, соискателю видится адекватное выражение мысли нормоустановителя, с помощью которого можно достигнуть максимального эффекта его действия. Мысль не нова — у неё многовековое прошлое.

Словом, адекватность языка закона, как самостоятельный термин, не выдерживает критики. Термины точность языка закона, точность выражения формы права давно и прочно вошли в юридическую науку и в дублире не нуждаются. Сама диссертация есть некая калька известных положений теории права. Обратимся к отраслевым примерам.

Д.С. Дерхо в своей диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук обосновывает идею конституционного правообразования как категории конституционного права⁶. В положениях, выносимых на защиту (п. 1), отмечается, что это авторская концепция, согласно которой вся совокупность процессов, обеспечивающих возникновение и последующую динамику правил поведения конституционного уровня, охватывается единым понятием «конституционное правообразование», включающее две формы — «конституционное правотворчество» и «конституционно-правотворческая интерпретация»⁷. Прежде заметим, что проблема правообразования достаточно исследована и исследуется в юридической науке⁸. Большинство авторов исходит из того, что правообразование — многофакторный социальный процесс возникновения, изменения и развития права. В.В. Оксамытный в своём учебнике выде-

¹ Фаргиев И.А. Указ. соч. С. 42.

² Власенко Н.А. Риск как правовое понятие и как метафора. Юридическая техника. 2019, № 13. С. 136-141; Власенко Н.А., Баранов В.М. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы. Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1, С. 11-18.

³ Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ). Докторская диссертация. 1997.

⁴ Тарасевич И.Б. Адекватность языка закона. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М., 2017. С. 9.

⁵ Тарасевич И.Б. Указ. соч., с. 6.

⁶ Дерхо Д.С. Конституционное правообразование как категория конституционного права и нормативная модель. Автореферат канд. дисс. Екатеринбург. 2019.

⁷ Дерхо Д.С. Указ. соч. С. 9.

⁸ См., например: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009; Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012.

лил около десяти правообразовательных форм, в том числе интерпретационное право¹. Возникает вопрос не только в новизне и не сколько, а необходимости в «множении» отраслевых видов правообразования. Если следовать идее автора, можно выделить десятки отраслевых видов правообразовательного процесса. Наверное, в каких-то отраслях найдутся особенности, но в работе Д.С. Дерхо их нет. Однако исследователь в части «множения» категорий идёт дальше и пишет следующее. «Автором введены в научный оборот понятия «конституционно-правотворческая интерпретация», «конституционно-правотворческая синергия», «каузативная и селективная детерминация конституционного правообразования»². Начинаем выяснять — а что нового таят предлагаемые категории конституционного права? Выясняется, что всё несложно и давно известно. Не текстуальное развитие конституции есть ничто иное как «конституционно-правотворческая интерпретация»³. Каузативная детерминация конституционного правообразования есть накопление факторов, порождающих «нуждаемость в текстуальном и нетекстуальном развитии Конституции». «Селективную детерминацию конституционного правообразования» автор связывает «сознательно-волевой деятельностью компетентных субъектов» в деле выбора форм конституционного правообразования. Как видно, всё достаточно просто и давно известно — и в части накопления факторов, подвигающих правосознание к необходимой модернизации конституции, и в части компетентных субъектов в выборе законных форм в решении обновления конституции. И что же термин «каузативность» существенного вносит в науку конституционное право? И здесь всё просто — термин активно используется в лингвистике, когда речь идёт о формах глагола, их побудительных начал. В настоящее время термин «перекинулся» в игры, где означает действие, ход другого игрока. Так насколько же обогатилась теория конституционного права? Неужели никто никогда не написал о связи юридических фактов, о их зависимости и т.д.? Такой литературы в юриспруденции немало. Теперь о такой «добавке» в лексикон конституционного права как «селективная детерминация конституционного правообразования». И здесь всё просто и, простите, банально. Термин, по данным Википедии, берёт своё происхождение из технических наук (физики, электротехники и др.) и означает выбор, защиту. Автором используется в значении выбора должных форм конституционного правообразования.

О синергии. У Дерхо находим понятие «признаки синергетической системы», а также «конституционно-правотворческая синергия». Существо предлагаемых новелл у автора сводится к «слиянию Основного закона и правовых позиций КС РФ в неразрывный регулятивный комплекс — единый источник права метауровня, образование и развитие которого обеспечивается синергетическим взаимодействием конституционного правотворчества и конституционной правовой интерпретации». Нужно ли было столько «накручивать», чтобы сказать простое: Конституция и правовые позиции КС РФ есть нечто связанное, есть некая нормативная основа правовой системы. И кто с этим спорит? Другое дело — так ли уж слиты и всегда ли едины норматив Конституции и правовые позиции КС РФ? Тем более, что сам и КС РФ к своим высказываниям, с позиции времени, относится весьма осторожно.

Итак, состоятельность нововведений Дерхо Д.С. сомнительна. Результат размышления над такими новеллами приводит к сожалению о нарастающей тенденции «засорения» научного лексикона в юриспруденции. Такие примеры можно продолжить.

Философские вольности как «новации» в современном правоведении

Философия утверждает, что категория — это «предельно широкое понятие, в котором отображены наиболее общие существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира»⁴. Иногда философы утверждают, что категория — предельно общие, фундаментальные понятия⁵. По К. Марксу категория — это существенное, типическое во всем многообразии содержания.

«Каждая наука, — констатирует Н.И. Кондаков, — имеет систему своих категорий»⁶. В правоведении такую попытку в 1976 году осуществил А.М. Васильев⁷. С тех пор прошло немало времени, и, несомненно, современная юридическая наука давно нуждается в аргументированном фундаментальном исследовании в этой области.

Так, философия исходит из того, что категории — это фундаментальные и наиболее общие понятия, отражающие в явлении наиболее существенное и типичное. Категории в науках имеют системно-структурное построение, предопределяемое их онтологической связью, зависимостью. Многим категориям свойственна так называемая «парность». А.П. Шептулин блестяще показал систему парных категорий (движение и покой; количество и качество; причина и следствие; содержание и форма; сущность и явление; и др.)⁸. Парные категории имеют специфические отношения между собой: их стороны («субъ-

¹ Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. М., 2015. С. 319-320.

² Дерхо Д.С. Указ. соч. С. 8

³ Там же. С. 9.

⁴ Кондаков Н.И. Логический словарь — справочник. М., 1976. С. 240.

⁵ Философский энциклопедический словарь. По ред. А.М. Прохорова. М., 1983. С. 251.

⁶ Кондаков Н.И. Указ. соч. С. 241.

⁷ Васильев А.М. Правовые категории. М., 1976. В сфере правовой политики интерес представляет книга А.С. Автономова. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М., 1999.

⁸ Шептулин А.П. Категории диалектики. М., 1971. С. 159-222

екты») отражают разное содержание и находятся в состоянии «покоя», могут не меняться (сохранять состояние покоя), несмотря на изменение содержания противоположности.

Если философию считать методологической основой, базой познания действительности социальными науками, в том числе юридической, то учёный, по крайней мере, должен придерживаться её рекомендаций. Сказанное — вещь очевидная, но приходится об этом напоминать. В связи со сказанным правоведению необходимо решить следующие вопросы:

— насколько учёные-правоведы свободны, когда философские категории, без всяких оговорок и осмотрительности, называют правовыми? Нет сомнения, что речь идёт о наполнении юридическим содержанием философских понятий. Однако лёгкость «переодевания» правовой материи в философские категориистораживает, например, вопрос о парности категорий «определённость» и «неопределённость» в философских и иных науках до сих пор не решён и практически никто из философов данные категории парными не называет. В юридической науке так называемая «философская нерешённость» часто игнорируется¹;

— допустимо ли практически любое исследуемое явление и сформулированное понятие называть категорией? С.Ю. Суменков провёл интересное и полезное изучение исключений в праве, при этом «правила и исключения», охарактеризовал «как парные юридические категории»². Представляется, что всё-таки нужно отличать правовые понятия, отражающие с той или иной полнотой реалии действительности и имеющие разные предназначения в теории и научные категории, их систему. Именно это обстоятельство не только создаёт науку, но и предопределяет, фиксирует уровень её развития, выступает основой динамики знаний. С нашей точки зрения, А.М. Васильев, создавая книгу «Правовые категории», шёл по этому пути.

О парности явлений в праве и «резком» появлении парных правовых категорий нужно отметить специально. Парность явлений замечена давно, пожалуй, со времён Платона. О присущей праву и праворегулированию парности отмечает А.Ф. Черданцев³. Уже упомянутый А.М. Васильев поставил проблему парных категорий в правоведении⁴. В.В. Нырков провёл специальное исследование по данной проблеме и сформулировал следующее определение: «Парные юридические категории есть такая логическая форма (особая пара понятий), которая имеет целью отразить в общей теории объективное единство и взаимодействие двух противоположных явлений, тенденций, свойств правовой жизни характеризуется специальным алгоритмом, основанным на логико-философских знаниях своего теоретического рассмотрения»⁵. В этой дефиниции смущает так называемая «правовая жизнь», по существу отрицающая парность. Если явления, выраженные в правоведении в форме категорий, имеют *общую* правовую природу, то вправе ли мы ставить вопрос об их взаимоисключаемости, полярности и изолированности? Эти требования познавательной методологии в данном случае невыполнимы. Возможно, А.М. Васильев именно это останавливало, и он лишь поставил проблему парных категорий в праве. Сомнение в существовании парных категорий в праве я выражал и ранее⁶, но сейчас всё больше убеждаюсь в своей правоте. На мой взгляд, происходит подмена понятий — парность, существующая в праве, часто подменяется обоснованием, а затем сопоставлением категорий. Последние есть фундаментальные, ёмкие понятия, как уже отмечалось. Когда же речь идёт о парности, то имеется ввиду их разная, взаимоотталкивающая природа (например, движение — покой). Отсюда вывод — в юридической науке *запарные правовые категории* часто *выдают явление парности*. Парных правовых категорий в правоведении нет и быть не может — однородность такого явления как право это исключает.

Между тем, парные категории в современном правоведении множатся и множатся. С.Ю. Суменков, как отмечалось, парными категориями называет «правила и исключения»⁷. Это не категории правоведения, а понятия, имеющие общую природу социальных правил. Исключение из общего правового правила — также правило, только иное по характеру. Д.Е. Петров дифференциацию и интеграцию юридических норм называет парными категориями⁸. Тенденции дифференциации и интерпретации есть общее свойство материи, в том числе социальных правил и их разновидности — юридических, и с этих позиций собственными категориями права рассматриваться не могут. Это подмена понятий.

Ф.М. Раянов предлагает рассматривать «гражданское общество и правовое государство как парные категории в теории обществоведения и в реальной жизни»⁹. Автор считает, что в качестве парных кате-

¹ Например, название научной конференции «Определённость и неопределённость права как парные категории: проблемы теории и практики» говорит само за себя. См.: Материалы XII международной научно-практической конференции 17-21 апреля 2017 г. М., 2018.

² Суменков С.Ю. Исключения в праве. М., 2016. С. 84-101.

³ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 272.

⁴ Васильев А.М. Правовые категории. С. 238-262.

⁵ Современные методы исследования в правоведении. Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 193-194.

⁶ Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределённости. С. 18.

⁷ Суменков С.Ю. Исключения в праве. С. 84-100.

⁸ Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов, 2015. С. 99.

⁹ Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство. М., 2015. С. 263 (и др.).

горий они могут иметь место и в теории познания и в обществоведении. Несомненно, «гражданское общество» и «правовое государство» — самостоятельные научные категории, имеющие большую репутацию в общественном познании, и здесь вопросов в определении их статуса нет. Однако, правомерно ли рассматривать их как категории парные — насколько отношения парности отвечают требованиям взаимоисключаемости и независимости. Может ли одна категория сохранить «покой» и стабильность, если другая, противоположная, подвергнута изменениям или движению, на что обращают внимание философы. Нет, потому что очевидно, что правовое государство — часть гражданского общества, его элемент и т.д. В учебниках по философии констатируется, что общество имеет социальную систему как «отдельно взятое самодостаточное общество, функционирующее в форме суверенного государства»¹. Если общество, как полагал Аристотель, наделено свойство государствообразования, то можно ли ставить вопрос о парности этих понятий? Ответ напрашивается сам собой — конечно, нет.

Удвоение терминологии. Роль метафоричности

О роли метафор в юридической науке, их методологической опасности выше уже отмечалось. Подчеркнём, с одной стороны, метафоры в правовой науке есть средство наглядности и образности, с другой — представляют собой опасность в случае их понимания как истины. Однако, не верным будет полагать, что «метафорические» диссертации в юридической науке не нужны. Совершенно нет. Интересный в этом плане является исследование Васильевой А.А. «Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств»², где речь идёт о погружении части территории под воду. Здесь метафора «исчезновение территории» по существу выполняет функцию юридической категории. Аналогичное можно сказать об устоявшемся метафорическом высказывании «автоматические санкции»³. Эти примеры можно продолжить. Однако сказать о том, что попытка обосновать метафоры как парные категории продолжается, иногда и с привлечением оценочных понятий. Например, А.В. Одинокова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Повышенная юридическая ответственность специального субъекта» (Н. Новгород, 2020) Однако в теории права с давних времён для решения частных проблем используется такое свойство права как соразмерность⁴.

О заимствованиях

Социальные и гуманитарные науки — вещь непростая, крайне информативная, бурная, поточная; что-то конструктивное привносится и с годами становится и устоявшимся, и привычным, и само собой разумеющимся. В этом плане интересен феномен книги Д. Рене «Основные правовые системы современности», которая впервые была переведена на русский язык и издана в СССР в середине 60-х годов прошлого века⁵. Книга многократно переиздавалась и сегодня больше известна как работа, выполненная в соавторстве с Камиллой Жоффре-Спинози⁶.

Давид Рене, и в этом его историческая заслуга перед мировой юридической наукой, первым произвёл классификацию правовых систем в мире посредством разделения их на семьи. Первоначально были выделены такие семьи как романо-германская, семья общего права, мусульманское право и социалистическое право (тяготеющее к романо-германской правовой системе). Эти положения стали базовыми и вошли в университетские учебные программы по теории государства и права в большинстве стран мира. Современная учебная литература около пятидесяти лет воспроизводит модель деления правовых систем, предложенную Д. Рене⁷. Последующие авторы, издав объёмные учебные пособия, с интереснейшей детализацией многих правовых систем, также не ушли от указанного классического деления⁸.

Возникает вопрос: в какой мере допустимо использование идеи Д. Рене без каких-либо упоминаний о его книге? Дело в том, что в современной учебной литературе раздел о планетарных правовых системах присутствует обязательно, и это правильно. Другое дело ссылка на автора. Однако, многие коллеги в лучшем случае, лишь упоминают Д. Рене в общем списке рекомендованной или использованной литературы. Думаю, что пока время простого упоминания автора наряду с теми, кто исследовал эту проблему, не пришло. Моральная обязанность каждого, пишущего на эту тему, отдать должное автору в тексте, где речь идёт о замечательном делении правовых систем. Таков ответ на поставленный мной вопрос.

В теории права время от времени появляются новые положения; в начале они нередко активно подхватываются и разрабатываются представителями отраслевых наук. Наступает момент, и теорети-

¹ Антюшин С.С. Основы философии. М., 2010. С. 331.

² Васильева А.А. Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств. Автореферат канд. юрид. наук. М., 2018.

³ Васильев П.В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника). Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014.

⁴ См. подробнее: Бажанов А.А. Соразмерность как принцип права. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2019.

⁵ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.

⁶ Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. М., 1998.

⁷ Правовые системы мира. Под ред. А.Ф. Черданцева. Екатеринбург. 1995; надо сказать, что и автор этих строк в учебнике по теории государства и права, в гл. Правовые системы современности, воспроизвёл эту классическую модель (см. Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2018 (гл. 20).

⁸ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М., 2000; Хашматулла Бехруз. Сравнительное правоведение. М., 2008.

ческая идея, что называется, пошла в жизнь, т.е. она наполняется отраслевым содержанием. Конечно, бывает и другой путь развития идей, противоположный — отраслевика предлагают, теория права обобщает, например, такое случилось с категорией «правовые позиции», первоначально прозвучавшей в теории конституционного права (Витрук Н.В. и др.). В чём здесь проблема, и о чём приходится сожалеть? Скажем, автор издаёт книгу, защищает диссертацию и т.д. Однако качество трансформации идей теории иногда настолько слабое, иногда просто «халтурное», но, что важно — такое «произведение» ставит преграду настоящим творческим исследованиям. Нередко приходится слышать о том, что тот или иной молодой учёный взялся бы за ту или иную проблему как диссертационную, но по проблематике уже защищена диссертация (хотя уровень её крайне слабый) и это, что называется, «отпугивает». В результате творческая отраслевая апробация теоретических новелл затягивается на многие и многие годы. Обратимся к свежему примеру.

Без печального, где-то горького юмора нельзя читать работу Марии Васильевны Сидоренко, которая решила на докторском уровне обогатить проблематику определённости и неопределённости в праве посредством уголовно-процессуальной материи¹. Обратимся к автореферату. В п. 1 положений, выносимых на защиту, автор заявляет, что под принципом правовой определённости следует понимать «самостоятельную, фундаментальную, общеправовую идею мировоззренческого характера»². Между тем, в юридической науке правовая определённость с позиции общетеоретического понимания охарактеризована уже достаточно давно как многостороннее явление, причём с позиций разных методологических подходов³. Более того, в 2018 году, как отмечалось, в 2-х томах издан сборник материалов международной научно-практической конференции, где опубликована статья Л.А. Морозовой «Правовая определённость как общеправовой универсальный принцип», в которой дана такого плана характеристика правовому феномену⁴. Можно идти ещё дальше. В книге И.С. Дикарева «Принцип правовой определённости и законная сила судебного решения в уголовном процессе» изложены характеристики правовой определённости — это и «общепризнанный принцип международного права», и «элемент обеспечения стабильности правоприменительных решений», и «состояние (режим) в обществе»⁵. Итак, встаёт вопрос — что защищает автор в данном пункте, если правовая определённость как правовой принцип охарактеризован в общетеоретической и специальной, подчеркнём, уголовно-процессуальной литературе?

Далее. В п. 2 положений, выносимых на защиту, автореферата Сидоренко речь идёт о содержании идеи правовой определённости в уголовном судопроизводстве. Автор отмечает, что оно «не может быть сведено ни исключительно к ясности и точности действующих предписаний закона (определённость закона), ни к сути и следствиям принципа *res iudicata* (определённость окончательных актов суда)»⁶. Однако никто из серьёзных исследователей не сводил идею определённости к ясности и точности законодательства и вынесенных на его основе решений. Ещё в диссертации Т.Н. Назаренко была заложена идея форм проявления определённости права (также как и неопределённости)⁷; у автора этих строк вышел специальный материал посвящённый способам выражения в праве таких его свойств как определённость и неопределённость⁸. Спрашивается — так в чём новизна исследования? Есть в автореферате и, скажем так, загадочные положения, и они тоже вынесены на защиту. Приведу их полностью: «б. Обоснование того, что неопределённость закона не есть тождество и условие неопределённости права; верховенство закона не есть тождество определённости права»⁹. Если автор хотел сказать то, что неопределённость норм закона ещё не говорит о неопределённости права, то это очевидно и не требует обоснования, также как и то, что верховенство закона предполагает определённость его норм. Продолжим, цитирую буквально: «П. 7. Вывод о том, что система источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права свидетельствует о состоянии неопределённости как этой системы, так и отдельных её элементов. Обуславливает это коллизионное состояние неопределённость: сути, содержания, роли в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, их реально-го «места» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права...»¹⁰. Можно ли что-то здесь понять? Возможно да, но я не смог.

Однако, возвращаясь к поставленному мною выше вопросу, ещё раз подчеркну — вряд ли кто-то из специалистов в ближайшие годы возьмётся исследовать данные вопросы в уголовно-процессуальном

¹ Сидоренко М.В. Правовая определённость российского уголовно-процессуального права. М., 2019.

² Там же. С. 16.

³ См., например: Власенко Н.А. Неопределённость в праве: понятие и пути исследования. Российское правосудие. 2006. № 7; Назаренко Т.Н. Неопределённость в российском праве. Дисс. канд. юрид. наук. М. 2006; и др.

⁴ Определённость и неопределённость права как парные категории: проблемы теории и практики. Материалы XII международной научно-практической конференции 17-21 апреля 2017 г. В 2-х томах. М., 2018.

⁵ Дикарев И.С. Принцип правовой определённости и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград. 2015. С. 4-5; и др.

⁶ Сидоренко М.В. Там же, с. 16.

⁷ Назаренко Т.Н. С. 5-8.

⁸ Власенко Н.А. Неопределённость в праве: природа и способы выражения. Журнал российского права. 2013. № 2.

⁹ Сидоренко М.В. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 18.

праве, ибо, в любом случае, — защищена докторская. Тем не менее проблематика ждёт своего автора и серьёзного анализа. Таких примеров можно привести немало.

И ещё одна проблема заимствований, связанная с отраслевыми юридическими науками. Мною уже обращалось внимание на то, что в отраслевых юридических науках нередко защищают теоретические положения, которые данными авторами не открывались и не обосновывались. Речь идёт о докторской диссертации Дёмина А.А., статье Кауфмана М.А.¹ Эти факты можно продолжить.

Дабы быть справедливым, вернёмся к проблеме качества теоретических правовых исследований. В своей библиотеке я сделал подборку авторефератов кандидатских диссертаций по проблеме коллизий юридических норм, их насчиталось свыше двадцати. У меня есть желание проанализировать, насколько за последние десятилетия продвинулась теория коллизионного права. Часть авторефератов представляют исследования проблемы в отраслевых науках. Приведу лишь несколько примеров, когда в течение десятилетий защищаются одни и те же положения, давно сформулированные в науке.

В кандидатской диссертации, а затем в монографии, я исследовал понятие коллизии норм права и пришёл к выводу, что это отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического обстоятельства². В существующей на тот момент литературе коллизию норм определяли как противоречие. Я постарался обосновать, что противоречивость норм — это случаи взаимоисключения норм и того, что ими предписано, различие же, ситуации несоответствия положений есть, например, в санкциях. Хорошо помню, что В.В. Лазарев, будучи оппонентом на защите диссертации, сказал, что различие — это тоже противоречие. По большому счёту, он прав, однако, такая деталь даёт возможность более всесторонне охарактеризовать явление, в том числе в практической ситуации. И вот лишь некоторые положения из отдельных авторефератов. Так, О.Н. Халак пишет: «Юридические коллизии в правовом регулировании статуса гражданина России — это различия или противоречия между правовыми предписаниями...»³. В.Г. Карташов отмечает следующее: «Коллизии в правотворчестве (в муниципальных правовых актах — это несогласованность (противоречие или различие) правовых норм»⁴. Думаю, поиск в этом направлении можно продолжить. Другая деталь, и тоже из коллизионного права. О причинах противоречий норм писали ещё задолго до моего исследования. Единственное, что я сделал, так это разделил их на объективные и субъективные, обосновывая различия⁵. Между тем, А.И. Юдин в числе новых положений указывает: «Многообразие причин возникновения юридических коллизий следует дифференцировать на объективные и субъективные...»⁶. Пожалуй, дальше всех ушёл В.В. Денисенко, отмечая, что «научная новизна диссертации заключается в том, что соискателем проведено первое (обратите внимание — Н.В.) в общей теории права системное монографическое теоретическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых актов в современной отечественной системе законодательства»⁷. Но какое же это первое монографическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых норм? А как же труды В.Н. Кудрявцева, А.А. Тилле, Л.А. Лунца, А.Ф. Черданцева и др.? Побоюсь быть нескромным, но в моей монографии 1984 года есть раздел «Способы устранения и преодоления коллизий в праве»⁸. Остаётся только развить руками.

Примеры тиражирования одного и того же, да ещё поощряемые присуждением учёных степеней, можно продолжить. Приходится глубоко сожалеть об этом и надеяться на то, что когда-то волна поверхностных работ схлынет и всё станет на свои места.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Юридическая наука — явление консервативное, и этого стесняться не следует. Консервативность ей придают правовая материя и само право, которое таково по своей глубинной природе, и в этом его социальная ценность. В то же время наука о праве — явление самостоятельное, имеющее собственные принципы и закономерности развития. Несомненно, есть исторические периоды расцвета правовых исследований, ознаменованные выходом в свет фундаментальных работ, определяющих на определённое время вехи и канву будущих исследований. Нынешний исторический период, который можно обозначить с начала 90-х прошлого века — период либеральной свободы и дозволенности, прежде всего отметившийся в методологических пристрастиях. Это

¹ Власенко Н.А. Проблемы правовой неопределённости. Курс лекций. М., 2015. С. 164-165.

² Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве (переиздание). М. 2018. С. 23.

³ Халак О.Н. Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы. Авт. канд. юр. наук. Владимир. 2012. С. 9.

⁴ Карташов В.Г. Правовой механизм разрешения коллизий в сфере муниципального самоуправления. Авт-т канд. дисс. М., 2008. С. 10; см. также: Бужков А.Ю. Юридические коллизии и способы их разрешения. Авт-т канд. дисс. Саратов. 1999. С. 7.

⁵ Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. С. 23-24.

⁶ Юдин А.И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект. Авт-т канд. дисс. Краснодар. 2014. С. 7.

⁷ Денисенко В.В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект). Авт-т дисс. канд. юр. наук. Санкт-Петербург. 2004. С. 8.

⁸ Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. С. 29-35.

тоже можно объяснить: многодесятилетнее господство советской идеологии не могло не породить обратной реакции; жаль, что с этим отрицанием выплёскиваются диалектика Гегеля, марксизм и др. Однако, время и практика всё расставят на свои места. Другой вопрос, что в 90-ые годы наукой стало заниматься модно, не в смысле быть учёным или посвятить свою жизнь науке, а получения учёной степени и фиксирования этого факта на своей красивой визитке. Но это крайняя ситуация и оценивать такого плана исследования нужно по факту. Другое дело — желание преуспеть в науке, пооригинальничать любым способом, что-то изобрести и др. И вот здесь «новации» главным образом цветут и процветают. В таких случаях критика необходима. Там, где автор искренне не разобрался, ему нужно помочь, и в этих случаях, как правило, на критику не обижаются. В докладе я попытался уделить внимание, прежде всего, недобросовестности и торопливости в деле научных изысканий. Возможно, это как-то поведет и поможет остановить поток недобросовестных и поверхностных работ в юридической науке.

Поляков Сергей Борисович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Polyakov Sergey Borisovich

doctor of law, associate professor, professor of the department of theory and history of state and law of the Perm state national research university

E-mail: psb59@rambler.ru.

Результаты юридической инновации

Results of legal innovation

Аннотация. В статье через главный признак инноваций — улучшение качества жизни большинства людей (общества) — доказывается, что юридические инновации достигаются юридическими технологиями. Претензии на фундаментальность рассуждений по вопросам государства и права вне связи с положительными изменениями юридической практики не имеют научной ценности. Показаны политическая и экономическая зависимость юридических инноваций от государства, вред методов количественной оценки научной работы для юридических инноваций.

Ключевые слова: результат, цель, качество жизни, юридические технологии, наука, государство.

Annotation. In the article on the basis of the main feature of innovations that is improvement of life quality of most people (society) the author proves that legal innovations are built with legal technologies. Fundamental reflections about state and law which are not aimed at positive changes in legal practice are not of scientific value. Political and economic dependence of legal innovations on state, harm of methods of quantitative analysis of scientific work for legal innovations are shown.

Key words: result, aim, life quality, legal technologies, science, state.

При разных толкованиях привнесенного в русский язык слова «инновация» в основном все-таки отмечают, что оно обозначает (приставкой «ин») не любое новшество и/или нововведение, а только то, которое, во-первых, делает соответствующую систему существенно более эффективной, и, во-вторых, как следствие, имеет положительную оценку. Поэтому, встречая в текстах слово «инновация», следует понимать, что за ним стоит весьма радикальное улучшение чего-либо. А отмечая те или иные конкретные новшества и/или нововведения, следует считать их инновациями только тогда, когда они существенно улучшили качество жизни человека¹. Отсюда определение результата новшества и его оценки составляют суть чего-либо для признания инновацией.

Прилагательное к слову инновация «юридическая» заставляет увидеть результат в юридической системе. Общеизвестное понятие цели — предвосхищение в сознании результата². Соответственно, видение результата зависит от цели исследователей юридической системы. Разнообразие их целей показывают вечнозеленость темы правопонимания и поиск фундаментальности в юридической науке. Результаты реализации целей показывают способность каждой из них приносить улучшение качества жизни человека, а вместе с тем полезность или никчемность целей правоведов.

Результатами реализации цели постижения права как «формы объективированного бытия разума в области внешних, практических отношений, воплощающего свободу, высокие духовные, моральные начала, и их регулирования»³; «священной категории — цели в жизни человеческого сообщества, самого святого из того, что есть у Бога не земле»⁴ являются прилагательные к словам «право» и «государство», ранее к

---

¹ См.: Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме? М., 2013. С.11.

² Философский словарь. М., 1987. С.534.

³ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С.575.

⁴ Там же. С.675.

ним не применявшиеся. Либо предлагается некий идеал вместо малопривлекательной действительности. На что Бентам писал: «Придет еще один и скажет вам, что существует вечный и непреложный закон права; что этот закон предписывает то-то; после этого он изложит вам свои личные чувства, которые вы обязаны принять, как такое же количество параграфов вечного закона права. <...> Иногда фраза меняется; говорят также: естественное право, естественная справедливость, права человека и проч.»¹.

Новые прилагательные и идеалы — это новые результаты. Во всяком случае, они подходят под определение новшества/нововведения, известного автору настоящей статьи от О.Б. Купцовой и М.В. Барановой: «в таком порядке слова еще никто не расставлял».

Такие прилагательные и идеалы нередко выдаются за фундаментальную высокую науку, оперирующую «категориями высшего смыслового порядка» против практической юриспруденции (юридического позитивизма) — отрасли знаний «невысокого науковедческого уровня»².

Фундаментальными работами называют деятельность, «мотивом которой является стремление получить новое знание ради него самого... не связанное с какими-либо текущими потребностями... и имеющее целью внести вклад в углубление понимания естественных законов»³. Поэтому новые словесные конструкции вокруг слов «право» и «государство» без связи с текущими потребностями можно отнести к фундаментальным достижениям. Но как они способны улучшить качество жизни человека, а тем более существенно, уму непостижимо. Как известно, сколько ни говори халва, во рту слаще не будет. Поэтому понятию инновация такие «фундаментальные достижения» не соответствуют, а рождают вопрос: зачем они нужны? «Никакое общество не меняется по мановению чьей-то руки или благодаря ловкой теоретической фразе»⁴.

Новое знание ради него самого — как признак фундаментальности исследований — в естественных науках, изучающих взаимодействие человека с природой, способно улучшить качество жизни человека последующими идеями о том, какие технологии можно создать из природных выявленных закономерностей. К гуманитарным наукам, изучающим взаимодействие людей между собой, а не с природой, названное понятие фундаментальности исследований не годится. Н.А. Власенко показывал бесплодность словесных «открытий» на учебниках по теории государства и права, в которых далее первых глав они не простирались. Вслед за новыми правопониманиями воспроизводились конструкции охаиваемого юридического позитивизма. Если такие «фундаментальные знания» не способны породить новое даже в пределах учебника, то для государственно-правовой действительности они тем более бесполезны.

Деление юридической науки на фундаментальную и прикладную по образу естественных наук неприемлемо. Д. Белл писал, что в отличие от взаимодействия человека с природой «экономическая и социальная жизнь — это игра между людьми, прогнозирование которой имеет дело со стратегиями, диспозициями и ожиданиями, изменяющимися в ходе того, как индивиды стремятся, — либо сотрудничая, либо находясь в антагонистических отношениях с другими индивидами, — увеличить собственные преимущества»⁵. Тем более понятие «игра между людьми» относится к праву, цель которого, по Р. Иерингу, мир, а средство для этого борьба. И именно между людьми.

Инструментальное отношение к праву, как к средству достижения социального мира, рождает цель создания средств упорядочения общественных отношений на основе формально-определенных правил поведения против произвола неофициальной или официальной силы, презирующей правила.

Упорядочение общественных отношений по заранее известным правилам проявляется в воспроизводимых действиях, что соответствует распространенному понятию технологии: «применение научного знания для выявления способов совершать воспроизводимые действия»⁶. «В сфере права, где действия и поступки людей всегда должны быть ориентированы на закон и в этом смысле быть предсказуемыми, применение технологий приобретает не только оптимально ожидаемый, но и социально ценностный характер»⁷.

Именно юридические технологии создают инструменты для упорядочения общественных отношений на основе формально-определенных правил поведения и улучшения качества жизни человека против состояния произвола (гражданской войны, тирании и т.п.), а именно инструменты:

¹ Бентам И. Принципы законодательства // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы законодательства. — О влиянии условий времени и места на законодательства. — Руководство по политической экономии. М., 1896. С.11—12.

² Алексеев С.С. Указ. соч. С.703.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 348.

⁴ Там же. С.286.

⁵ Белл Д. Указ. соч. С. 286.

⁶ Brooks H. Technology and the Ecological Crisis. 1971. P. 13. Цит. по Белл Д. Указ. соч. С. 38.

⁷ Червонюк В.И. Прикладная юриспруденция, или Учение о правовых технологиях: место в системе правоведения, предметные области (инновационный подход к развитию общей теории государства и права в XXI веке) // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). — М.: ИД Юриспруденция, 2016. С.300.

— диагностирования государственно-правовой действительности (правовой мониторинг и др.)¹;
— правотворчества²;
— правоприменения³ и других юридических способов и методов улучшения качества жизни человека⁴. С такой целью правоправедения нельзя противопоставлять и бессмысленно различать фундаментальные исследования в праве и юридические технологии. Более того, «проблема правовой технологии — одна из фундаментальных в современной юриспруденции»⁵.

Но результаты юридических технологий еще не результаты юридических инноваций, а только их предтеча.

Общая для всех наук проблема внедрения ее достижений в практику для применения достижений юридических технологий научного знания в воспроизводимые правотворческие и правоприменительные действия отягчается общностью поля деятельности правоведов и государственной власти.

У правоведов и власть имущих есть общая цель в поиске оптимальных средств решения общественных конфликтов. Но у обладателей государственной власти она подчинена цели сохранения власти. А реализовать юридические идеи в законодательстве и правоприменительной практике можно только через власть⁶.

Какие-то достижения юридических технологий признаются властью и становятся результатами юридических инноваций. Например, приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации». Однако, несмотря на упоминание в учебниках принципа научности правотворчества далеко не всегда подготовка и издание нормативных правовых актов соответствуют технологиям социальной и юридико-технической адекватности правотворческой деятельности. Профессионалов правотворческой деятельности в стране попросту не готовят⁷.

Отсюда лишь небольшая часть нормативных правовых актов улучшает качество жизни человека, т.е. может претендовать на то, чтобы именоваться результатами юридической инновации, даже если забыть признак радикального улучшения. Хотели как лучше, но получается как всегда, потому что социальные проблемы «в меньшей степени как последствия умышленного зла и в большей — как непреднамеренные результаты сложности задач и некомпетентности исполнителей; решения лежат не в области эмоциональных упрощений, а в систематическом применении социальных и научных знаний»⁸.

Тем более правоприменительная практика, творимая в большинстве своем обладателями дипломов с преобладанием в них троек, не соответствует почти в той же пропорции не то, что достижениям правоприменительных технологий, но даже их азам. Что-то из правоприменительных технологий в большинстве случаев неосознанно, случайно и избирательно реализуется в деятельности органов, призванных обеспечивать режим законности, уровень которой в правовом государстве России ниже, чем в советском государстве «неправовой законности».

Общность поля деятельности правоведов и государственной власти при объективном верховенстве государственной силы невольно побуждает последнюю отодвигать на второй план юридические технологии. А вместе с тем юридическим инновациям предпочитать новшества демонстрации силы и популизма, пагубных не только для общества, но и для власти, как для обычного человека — обжорство и пьянство.

Государственная власть по своей природе опирается на бюрократию, формируемую по возвращающим некомпетентность исполнителей известным заповедям: «подчиненный должен иметь вид лихой и слегка придурковатый дабы разумением своим не смущать начальство», «не смей свое суждение иметь». Милые власти бюрократы призваны изводить ученых, докучающих правовым мониторингом о неэффективности правотворчества и правоприменения.

¹ Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4; Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М., 2009; Правовой мониторинг: Научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М., 2009; Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. Н.Н. Черногора. М., 2010; Колесник И.В. Технология мониторинга правоприменения // Наука. Мысль. 2016. № 3; Законность: теория и практика: монография / М.С. Андрианов, С.А. Боголюбов, Н.Д. Бут и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. М., 2017; Поляков С.Б. Диагностика правосознания правоприменителей. Пермь, 2017; Червонюк В.И. Правовая диагностика в структуре прикладной юриспруденции // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С.44—50и др.

² Баранов В.М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С.16—29; Нормрайтер как профессия. Материалы дискуссии. М., 2019 и др.

³ Колесник И.В. Правоприменительная технология: теоретико-методологический и практический аспекты. М., 2012 и др.

⁴ См, например. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве научно-практическое пособие. М., 2020. С.18—20 и далее.

⁵ Червонюк В.И. Прикладная юриспруденция... С.301.

⁶ Подробнее см. Поляков С.Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С.16—22.

⁷ Подробнее см.: Баранов В.М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С.16—21.

⁸ Brzezinski Zb. Between Two Ages. N.Y., 1970. Part II. Sec. IV. Цит. по Белл Д. Указ. соч. С.103.

«Фундаментальные» исследования в праве — это часто вторжения правоведов в сферы других наук с провозглашением их в форме лирических сочинений объективным правом при непонимании методов выявления закономерностей этих наук (отсюда социальная неадекватность законов, регулирующих предмет изучения других наук) и при непонимании сути игры между людьми (давно открытых не правоведением закономерностей противоборства). А в любой такой игре используются приемы введения в заблуждение. Например, в шахматах есть комбинации отвлечения и завлечения, в военном деле — ложные десанты и отвлекающие обстрелы, а вор громче всех кричит: «Держи вора!». Солидная тема лекции Остапа Бендера в Васюках «Плодотворная дебютная идея» в действительности преследовала цель выманить деньжат у незадачливых провинциальных шахматистов, вознамерившихся изведать эликсир победы. И худо-бедно результат истинной цели комбинатора был достигнут красочными фразами авантюриста высокого полета (аж до межпланетного турнира), позорно называвшего ладью турой и, конечно же, не знавшего ни одного дебюта.

По таким же законам игры бюрократия отгоняет с поля деятельности государственной власти правоведов в «фундаментальные» просторы и придумывает для упирающихся отраву в виде муляжей «фундаментальной» науки типа публикаций в изданиях, входящих в международные системы научного цитирования Web of Science и (или) Scopus.

Несложно увидеть следующие функции и результаты таких публикаций:

1) Функция юридических фактов, порождающих право на переменную часть заработной платы преподавателей и научных работников. Введение таких фактов позволило существенно сократить расходы всяких бюджетов путем урезания доходов преподавателей и научных работников. Такой результат ради конспирации не выпячивается при фанфарах официальной цели повышения зарплат преподавателям и научным работникам, хотя наверняка в кругу бюрократии им очень гордятся, а власть ее за такой результат любит. Научного результата и улучшения качества жизни нет.

2) Коррупционная функция. Публикация в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus платная. Наш замдекана по научной работе, напутствуя набор аспирантов, предупредила их о необходимости для защиты кандидатской диссертации, как минимум одной такой статьи, что потребует от них не менее 1000 долларов. Меньшие суммы не называются, обычно — в несколько раз больше.

Результат — не слабое обогащение бизнесменов Web of Science и Scopus за счет принуждаемых бюрократией к дани научных работников, преподавателей, аспирантов. Для выявления скрываемого под личиной заботы о фундаментальной науке напрашивающегося результата обогащения чиновников за счет отката от бизнесменов Web of Science и Scopus нужно начать оперативно-розыскные мероприятия. Но для показателей борьбы с коррупцией проще делать провокации взятки тем же преподавателям.

Научного результата нет. Есть улучшение качества жизни бизнесменов Web of Science и Scopus и, вероятнее всего, чиновников. Есть ухудшение качества жизни научных работников, преподавателей, аспирантов.

3) Функция сокращения научных кадров, как еще одно средство экономии расходов на преподавателей и научных работников. Умный человек не видит резона в том, чтобы заплатить 1000—5000 долларов с сомнительной надеждой возратить хотя бы часть по так называемому эффективному контракту, притом что без этих публикаций по такому контракту другая научная работа не оплачивается, оставит это неблагодарное дело. Большинство аспирантов, особенно женского пола, которым не грозит призыв в армию, после вышеназванного предупреждения заметно задумались о том, в нужное ли им дело они ввязались.

Без ученых науки быть не может. Следовательно, научный результат отрицательный. Есть ухудшение качества жизни научных работников, преподавателей, аспирантов. Улучшения качества жизни ни у кого нет.

4) Мошенническая функция. На тех, кто не решился покинуть вуз и науку регулярно, никак не реже назойливых предложений кредитов банков и телефонных мошенников, через интернет сыплются приглашения опубликоваться в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus. Естественно, за предоплату. Сколько предоплат оказалось безвозвратными и безвозмездными сосчитать сложно. Ученым лохом быть стыдно.

Научных результатов явно нет. Есть ухудшение качества жизни наивных обманутых научных работников, преподавателей, аспирантов. Есть улучшение жизни жуликов с новым видом мошенничества, порожденным образовательно-научной бюрократией.

5) Функция повышения индекса Хирша зарубежных ученых, поскольку по требованиям журналов, индексируемых в Web of Science и Scopus, должно быть огромное количество ссылок на зарубежные издания.

Научный результат непонятный. Есть улучшение качества жизни зарубежных ученых и только.

6) Функция промышленного шпионажа. Публикация в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, действительно ценного научного результата естественных наук, облегчает получение его иностранными государствами, куда более расторопными в создании из них инноваций, чем Россия.

Российская юридическая наука для пользы зарубежных правовых систем интерес вряд ли представляет. Но показ изъянов российской правовой системы (результат публикаций) позволяет определить

уязвимые места и в политической системе России для ее расшатывания, против чего государственная власть постоянно закликает «чур меня».

Названные неюридические научные результаты улучшают качество жизни иностранных государств, а юридические — угрожают интересам государственной власти, близорукой в потакании коррупционно-бюрократическим интересам апологетов Web of Science и Scopus, хвастающихся экономией расходов на ученых¹.

7) Провокационная функция. Публикация в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, научного результата естественных наук с предыдущей функцией, чревата для ее авторов уголовным преследованием за государственную измену (ст.275 УК РФ). У ФСБ есть свои Web of Science и Scopus, по которым надо показывать результаты работы, в том числе по графам ученые и выявление выдачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну. Правовед выдать что-нибудь тянущее на ст.275 УК РФ вряд ли способен. Но вытянуть в требуемой от него публикации на ст.280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), наверно, сможет.

Научные результаты отсутствуют. Есть возможности для ФСБ легко сочинять уголовные дела по ст. 275 и 280 УК РФ и немножко улучшать качество жизни своих сотрудников. Есть возможности у ученых ухудшить свою жизнь, причем лет так на пятнадцать.

Итак, очевидные функции и результаты публикаций в журналах, индексируемых в Web of Science и (или) Scopus,

— не являются для российского общества научными результатами либо являются отрицательными для него результатами;

— улучшают качество жизни бизнесменов Web of Science и Scopus, зарубежных ученых, мошенников и, вероятнее всего, породивших их российских чиновников от образования и науки;

— создают возможность для ФСБ улучшить показатели своей работы и немножко качество жизни своих сотрудников;

— существенно ухудшают качество жизни российских научных работников, преподавателей, аспирантов.

Против этого апологеты публикаций в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, не афиширующие себя, не сообщали о каких-либо научных результатах таких публикаций в виде улучшения качества жизни кого-нибудь кроме себя.

Формальный критерий научной результативности в виде подсчета статей в журналах определенного типа, диссертаций и т.п. количественных показателей является бюджетно-сберегающей, мошеннической, коррупционной, шпионской, бизнес-инновацией для узкого круга людей. К их выгодам снижается качество жизни общества, не получающего от убиваемой такими «инновациями» науки реальных результатов.

Подмена содержания формой — излюбленный прием бюрократии. Но как раз отсутствие результата инновации — улучшения качества жизни общества — изобличает один из главных таких приемов в игре образовательно-научной бюрократии с учеными и преподавателями.

Бюрократия — главное и мощное препятствие для юридических инноваций, зависимых от государственной власти.

Однако, появились средства непосредственного воплощения продуктов научной работы правоведов в жизнь — компьютерные программы.

Очевидные продукты информационных технологий, которые являются результатами юридических инноваций, — справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант». Они созданы помимо государственной власти, которая и не заставляет юристов всех профессий и уровня подготовки пользоваться этими системами. Но сегодня сложно представить себе правотворческую, правоприменительную, юридико-образовательную деятельность без этих систем.

Созданы программы для обработки и систематизации судебных документов, что именуется электронным правосудием, хотя является всего лишь обеспечением документооборота. Тем не менее, очевидна существенная экономия времени аппарата судов и появились новые возможности для участников дел в доступе к материалам дела и ознакомления с ними.

Наконец, начали появляться компьютерные программы для собственно правоприменительного процесса². На форум нами презентована программа информационно-технологической поддержки приня-

¹ Эти функции и результаты так или иначе показаны Бобровой Н.А. О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 г. // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С.42—46; Она же. Боброва Н.А. Зачем мы кормим чужую науку в условиях санкций и кто нас заставляет это делать. https://zavtra.ru/blogs/natal_ya_bobrova_zachem_mi_kormim_chuzhuyu_nauku_v_usloviyah_sanktcij. Дата обращения 21.09.2020.

² Аликперов Х.Д. Компьютерная программа определения меры наказания. Материалы доклада, сделанного на международной презентации «Электронных весов правосудия» в Баку 14 мая 2019 г. (Издание второе. Дополненное). Баку, 2019.

тия мотивированных судебных решений по делам искового производства по правилам ГПК РФ «Лазер»-ИП-ГПК-2020¹. Эти программы при их применении способны скрадывать дефекты профессионального уровня судей, повысить качество правосудия и существенно экономить рабочее время судьи, т.е. это результаты юридической инновации.

Но для таких результатов и реализации их в юридической практике существует ряд проблем.

Первая собственно научная проблема — совмещение двух наук: юридической и информатики.

Создание алгоритмов правотворческой и правоприменительной деятельности — удел юридической науки. Создание соответствующих им структур данных — труд программистов. Но как показала наша (Полякова С.Б. и Гилева И.А) работа — это далеко не простое сложение. Мы могли найти нужные решения только вместе и даже сложно разделить личный вклад каждого в определении последовательности тех или иных правоприменительных операций, комбинаций языковых, логических правил, юридических конструкций, приводящих к соответствующим выводам.

«Интеллектуальная технология представляет собой замену интуитивных суждений алгоритмами (правилами решения проблемы)»². А к созданию их юристы мало приспособлены. Сочинять литературные произведения с мудреными словами «дискурс», «парадигма» и т.п., выдавая эссе за «высокую теорию», несложно. Надо только презирать юридическую практику. Но для выявления множества вариантов операций толкования, установления и преодоления коллизий и пробелов в праве и т.д. и складывающихся из них комбинаций для перевода их на язык, понятный компьютеру, нужно не витать в облаках «высокой теории», а кропотливо копать вглубь юридической материи. «Проблема количества переменных является решающим фактором в расширяющихся областях системного анализа»³. По отдельности «переменные» правоприменительного процесса — не наши открытия, цель таковых даже не ставилась, что дает повод для пренебрежительной оценки научности нашей работы.

Операции программирования, реально необходимые и использованные для правоприменительных операций, также известны. Но научный результат совмещения известных юридических и информационных технологий — абсолютно новый, притом что юристы, понаслушавшись о нейронных сетях, думают, что те сами по себе, пока они пишут сочинения о высокой теории, сотворят искусственный интеллект роботов-судей.

М.Л. Давыдова, в своем выступлении на форуме показывая элементы правотворческой работы, позволяющие выбрать самое оптимальное нормотворческое решение, назвала результат верной комбинации приемов, самих по себе известных, волшебством. Совмещения известных юридических и информационных технологий рождает волшебство правотворческой и правоприменительной деятельности.

Вторая проблема — поиск значительного числа юристов, желающих заниматься кропотливым трудом создания алгоритмов юридической деятельности (что представила в упомянутом выступлении М.Л. Давыдова), пренебрежительно называемым ремеслом, а не наукой, и объединение их усилий. Качественный программный продукт для массового точного правоприменения в одиночку создать нельзя. Ошибки, прощупывая, прочие недостатки при таком подходе неизбежны. А программы с «дырами» только дискредитируют инновацию. Любая компьютерная программа, внедряемая без широкого обсуждения и без коллективного совершенствования, может приводить к противоположным, чем задумывалось, результатам. Так, программа «антиплагиат» провоцирует в изложении научных работ на нарушения логических законов достаточного основания (для нужного процента по этой программе опасно приводить опубликованные научные результаты в качестве оснований своих утверждений и выводов) и тождества (для нужного процента по этой программе следует исказить используемые или критикуемые положения научных работ).

Необходимость совмещения труда представителей разных наук для юридических инноваций в виде компьютерных программ натывается на проблему отсутствия материальной заинтересованности, прежде всего, для программистов (третья проблема). Опять проявляется зависимость от государства, но уже экономическая, а не политическая. Программный продукт для государственной деятельности, каковой является правоприменительная и правотворческая, может внедриться не по воле государства. Так, наша программа, доведенная до стабильной работы, может практически полностью освободить судью от отдельной от процесса рассмотрения дела работы по составлению мотивированного решения, отнимающей у него сейчас большое количество времени. Подчиненная требованиям закона, программа для применения не требует каких-либо властных решений. Другое дело, как бесплатно создавать такую программу. Без государственных вложений в это дело компьютерная юридическая инновация экономически невозможна.

Подытоживая, надо признать, что результаты юридических инноваций без участия в той или иной форме государства весьма проблематичны. А определить результаты юридических инноваций предлагается, как введенные в юридическую практику правовыми актами или иными мерами государственного воздействия либо программным обеспечением при нейтральном отношении к нему государства правотворческие и правоприменительные технологии, эффективно упорядочивающие общественные отношения и повышающие качество жизни человека.

---

¹ Поляков С.Б., Гилев И.А. Алгоритмы судебного решения. Пермь, 2020.

² Белл Д. Указ. соч. С.39.

³ Там же.

Колоколов Никита Александрович

доктор юридических наук, судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Московского педагогического государственного университета

Kolokolov Nikita Aleksandrovich

doctor of law, judge of the Supreme Court of the Russian Federation, honorary retirement, head of the department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the Moscow state pedagogical university

E-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

**Юридические инновации в сфере судебного строительства
от века индустриального до эпохи второго постмодерна
(доктрина, практика, техника)**

**Legal innovations in the field of judicial construction from the industrial age
to the second postmodern era (doctrine, practice, technique)**

Аннотация: Использование традиционных методов исследования социально-правовой материи (каковыми являются судебная власть, судебные системы и судебная деятельность): исторического, сравнительно-правового и статистического позволило автору проследить категорию юридических инноваций в сфере судебного строительства на протяжении трех веков: от эпохи индустриальной до современного второго (высокого) постмодерна (XVIII — XXI вв.), как в мировом масштабе, так и в России. Приводится авторское видение таких базовых понятий как: право, государство, судебная власть, судебное строительство, судебная система, судебная реформа, инновационное развитие в судебной деятельности. Отдельное внимание уделяется некоторым провалам в инновационной деятельности.

Ключевые слова: право, государство, закон, судебная власть, судебное строительство, судебная система, суд, судья, вектор развития, «эффект колеи», эволюция судебных систем, судебная реформа, судебная контрреформа, революция в судопроизводстве, контрреволюция в судопроизводстве, новации и инновация в судебной деятельности, контринновации в правосудии, лайфхак в судебной деятельности, глобализация в судопроизводстве, общепризнанные стандарты справедливого правосудия, индустриальная эпоха, модерн, постмодерн, второй постмодерн.

Resume: The use of traditional methods of researching social and legal matter (such as the judiciary, judicial systems and judicial activity): historical, comparative legal and statistical allowed the author to trace the category of legal innovations in the field of judicial construction over three centuries: from the industrial era to the modern second (high) postmodern (XVIII — XXI centuries), both globally and in Russia. The author's vision of such basic concepts as: law, state, judicial power, judicial construction, judicial system, judicial reform, innovative development in judicial activity is given. Special attention is paid to some failures in innovation.

Keywords: law, state, law, judiciary, judicial construction, judicial system, court, judge, vector of development, "rut effect", evolution of judicial systems, judicial reform, judicial counter-reform, revolution in legal proceedings, counter-revolution in legal proceedings, innovations and innovation in judicial activity, counter-innovation in justice, life hack in judicial activity, globalization in legal proceedings, generally recognized standards of fair justice, industrial era, modernity, postmodernity, second postmodernity.

«Обгонять не догоняя»

Девиз инноваторов

Введение

Право, опирающееся на него государство и свойственная данному совокупному феномену сложная (не всегда и не обязательно стройная и завершенная) система организации власти — объективно существующие, признанные общественными науками, самостоятельные и, в тоже время, тесно взаимосвя-

занные юридические категории. Изучение данных социально-правовых явлений (права, государства и системы организации власти) не мыслимо без уяснения сути, в частности, таких понятий, как «судебная власть», «судебное строительство», «судебная система», «суд», «судья», «судебная деятельность», «судопроизводство», «правосудие». Отдельные результаты нашего подхода к осмыслению перечисленных категорий нашли свое отражение в целом комплексе монографических исследований¹.

Предметом настоящего повествования является перманентный процесс эволюции судебных систем, периодически «взбадриваемый» иницируемыми правящими элитами судебными реформами (контрреформами), перебиваемый спонтанными яркими революциями (контрреволюциями) в организации судопроизводства, со свойственным данным событиям новациями (контрновациями), инновациям (контринновациями) в судебной деятельности в целом, в правосудии в частности, а равно хаотичным комплексом лайфхаков в судебной работе. Основные движущие силы всех этих непростых процессов в текущий момент времени просматриваются в тотальной глобализации, выравнивании в мировом масштабе общепризнанных стандартов справедливого правосудия², что, в конечном итоге, определяет вектор развития суда в самом широком смысле этого термина.

Анализ перечисленных явлений проблемного характера мы считаем нужным начать с краткого изложения авторского видения некоторых базовых категорий, включающих понятия: право, государство, судебная система, судебная деятельность и др.

1. Право

«Современное реальное право — адская смесь следственных, прокурорских и судейских практик. Насколько допустимо практикам от юриспруденции готовить такую смесь», судья Верховного суда США Б. Кардозо, творивший в 20-30 годы XX века, объяснять не стал, он только «констатировал: такая смесь реальность»³. По большому счету, писанные нормы права в некоторых странах (например, в Англии) эпизодически появляются только лишь для того, чтобы несколько упорядочить процесс формирования реального права судами. Насколько это получается у российского законодателя, судить читателю, мы же только констатируем: творец писанных норм, не успев принять один закон, положенный в основу судебной деятельности, с помощью совокупности других тут же пытается его улучшить.

Право — юридическая ноосфера⁴ — творческая эволюция (L'évolution créatrice) регулятора, в употребляемом обществом виде формируемого, в первую очередь, практиками, процесс непрерывный, в его основе «жизненный порыв» (l'élan vital), генерация которого обусловлена текущей потребностью в сфере правоприменения. В основе этого процесса такие туманные категории как: справедливость (justice) и общая польза (general utility) для наших целей.

Особо следует подчеркнуть, что в организации судебной деятельности право далеко не единственный, а порой и не самый важный регулятор общественной жизни. Так, в СССР компетенция судебных инстанций была необычайно узка: дела серьезные (уголовные) + дела «тряпичные» (гражданские). Основной объем споров разрешался в административном, а то и вообще внеправового поля, в частности («партийном») порядке: исключили человека из членов КПСС — автоматически утратил право на должность. Правом на иск в суд о восстановлении на работе обладали, в основном, лица, «производившие что-то руками» (гегемон), в то время как их руководители, должности которых входили в два специальных списка, такой возможности были лишены. Особо следует подчеркнуть, что не по закону (КЗоТ РСФСР), а в силу заурядного подзаконного административного акта, который, как видим, в те годы по силе легко превосходил все прочие нормы, включая Конституцию СССР.

Дезавуирование значимости этих актов (демократическая инновация!) привело к тому, что в суды «ринулись», обиженные руководители. Результат: по решению гарнизонного военного трибунала — появились сразу два командира дивизии внутренних войск в Орле; по решению Верховного Суда РФ — при одной штатной единице — два первых заместителя прокурора Курской области.

Со временем суды научились при рассмотрении подобных исков руководствоваться не только и не столько формальным правом истца на конкретную должность, но и скрытым в совокупности многих прочих регуляторов особым государственным интересом.

¹ Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномене в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005. он же. О праве, суде и правосудии: (избранное). М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006; он же. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. М.: Юрлитинформ, 2007. (в соавторстве с Павликовым С.Г.); он же. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Издательская группа «Юрист», 2007; он же. Самосовершенствование судебной системы в законодательных инициативах Верховного Суда Российской Федерации. М.: ИГ «Юрист», 2007; он же. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010.

² Системы процесса разные, а суть одна: на первом месте, по крайней мере, в западных моделях процесса декларируются, права человека. См. об этом: Головкин Л.В. Основные модели уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная карта мира // Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головкин. М.: Статут, 2016. С. 182-194.

³ Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности. М.: Статут, 2017. С. 10-11.

⁴ Ноосфера (от греч. νόος — разум и σφαῖρα — шар, дословно — «сфера разума») — сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера»).

Что есть право? В прошлом веке на данный вопрос пытался ответить Герберт Л.А. Харт¹. С этого вопроса начинается одну из своих книг Рональд Дворкин, этим же вопросом ее он и завершает². В поиске науки о праве и государстве пребывает проф. В.В. Лазарев³. Некоторые современные российские теоретики заговорили об интегративном понимании права. На что проф. Л.В. Головкин вопрошает: «Какую норму применять российскому судье: писанную или интегративную?»⁴.

Не будем забывать, в нашем Отечестве практики хорошо помнят, знают и ценят определение права, данное А.Я. Вышинским на I Всесоюзном собрании по вопросам науки советского государства и права в июле 1938 года, согласно которому: «право — совокупность правил, установленных государственной властью» (читай, правящей элитой)⁵.

Российская судебная система относится к категории систем открытых, следовательно, информация о сути права поступает к носителям власти судебной не только изнутри (от А.Я. Вышинского и иже с ним), но и с некоторых пор извне, особенно с того момента, как решения Европейского Суда по правам человека были включены в нормативную базу, обязательную для правоприменения⁶.

2. Государство

Государство, как и право, понятие гораздо более емкое, чем об этом принято писать в современных конституциях, регламентирующих организацию власти в обществе (официальное государство). Наряду с государством, представленном его легальными (конституционными) органами, существует и, так называемое, «глубинное (скрытое) государство», «государство конгломерат», система совокупности параллельных властей, совокупности ядер всевозможных социально-правовых режимов⁷.

Признание Россией отдельных стандартов правосудия европейского уровня, подталкивает наших правоприменителей к поиску практического знания в другой книге Г.Л.А. Харта «Право, свобода и мораль»⁸, в которой рассуждения теоретика созвучны основным мировоззренческим понятиям практиков.

Сложности, характерные системам организации власти, предопределяют и вектор развития судебных систем, и свойственные этому процессу инновационные комплексы.

3. Судебная власть

Судебная власть — это метафизическая и историческая реальность, уникальные, возникающие на базе законов природы *общественные отношения*, источник которых заключается в потенциальной способности человечества, опираясь на такую социально-коммуникационную ценность как право и прочие регуляторы, посредством определенного комплекса когнитивных средств мобилизовать свои ресурсы для разрешения некоторых видов социальных конфликтов. Сказанное означает, что судебная власть присуща социальной природе человека как *средство самосохранения*, необходимое *условие* функционирования любой высоко развитой общности. Судебная власть — это признанная нами процессуально-правовая *парадигма* поведения некоторых субъектов права при разрешении социальных конфликтов.

Безусловно, что в таком виде судебная власть — *ресурс*, который необходим для осуществления целенаправленных действий. В организации судопроизводства используется практически все, что может быть конвертировано во власть: богатство, влияние и культура. Судебная власть — это еще и форма *творчества*, позволяющая человеку находить новые оригинальные конфигурации применения своих прежних потенциальных ресурсов и функций.

Надстраиваемая судом *коммуникация*, порождает новый смысл жизни народа, гарантирует ему новую уникальную увязку целей и средств, выдвигает неожиданные критерии и основания существования власти, и эффективность в целедостижении. Например, право суда на превентивный судебный контроль проектов законов, включая проекты по изменению конституций.

Феномен судебной власти многогранен, для него характерны следующие аспекты: 1) *директивный*, в соответствии с которым судебная власть понимается как реальное господство, в основе которого уверенность целого народа, объединенного в государство, в законности текущей политики; 2) *технологический* — совокупность социальных практик, позволяющих реализовать потенцию государственной власти при разрешении конфликтных ситуаций; 3) *коммуникативный* — судебная власть — это язык, понятный всем субъектам государственно-правового властеотношения: назначили виновному в смерти другого человека реальное лишение свободы и все успокоились. При этом о том, что эквивалент жизни — годы в заключении всего лишь наркотив, большинство народа даже и не задумывается, ибо так принято.

¹ Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. — 302 с.

² См.: Дворкин Р. Империя права. М.: Издательство Институт Гайдара, 2020. С. 17, 546.

³ См.: Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М.: Норма, 2020. С. 30-42.

⁴ См.: Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права: сборник статей. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 109-110.

⁵ См., например: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.

⁶ О сути обозначенного, однако далеко не исследованного явления см. Ковлер А.И. Европейская Конвенция в международной системе защиты прав человека. М.: Норма, 2019. — 304 с.

⁷ См. подробнее: Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 412-426.

⁸ Харт Г.Л.А. Право, свобода, мораль. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. — 136 с.

4. Судебная система

Судебная система — *аппарат судебной власти*. В статике это — иерархически выстроенная совокупность государственных учреждений, призванных заниматься отправлением правосудия (совокупность организационных правоотношений). В динамике судебная система — совместная, согласованная, основанная на специальном законе деятельность (процессуальные правоотношения).

Особую роль в механизме организации судебной власти, функционировании судебных систем по традиции играют стороны, а вместе с ними и все общество, поскольку суд это не рядовое государственное учреждение (офис, контора, управа), даже не столько государственное учреждение, сколько способ разрешения различных конфликтных ситуаций, реализуемый сразу всем обществом на основе норм права (создание прецедента), в том числе, и с помощью действующей судебной системы.

Система — термин греческий, буквально, означает целое, составленное из отдельных частей (элементов). В другом значении, система — порядок, определяемый правильным расположением частей и их взаимосвязями. Применительно к организации судебной власти термин «система» относится к числу наиболее употребляемых. Во-первых, потому, что реализация судебной власти в современных условиях носит (должна носить) в высшей степени упорядоченный, системный характер. Во-вторых, потому, что носитель судебной власти — ее аппарат (суды, судьи в их совокупности) не только представляет собой явление явно системное, но и практически, во всех странах от США до России аппарат судебной власти так и называются — *судебная система*¹. Если взглянуть на организацию судов еще шире, то, необходимо вспомнить, что системность: это и объективное свойство всего сущего, и — важнейшая характеристика материи.

В то же время, простая совокупность сама по себе далеко еще — не система, чтобы доказать системность совокупности судебных органов государства или какой-то их части, необходимо найти системообразующий фактор. Общая теория систем подсказывает, что структура аппарата судебной власти не сможет не нести на себе отпечатка воздействия всех первичных, естественных систем, а равно метасистемы, в число которых изначально входят природные (биологические) и все социальные системы. При этом они «удачно» или «неудачно» (оценочная категория), но во всех без исключения случаях образуют ту природную, социальную среду, в которой судебной системе конкретного государства предстоит образоваться, функционировать и развиваться. Поэтому вполне логичным будет предположить, что судебная система, например, такой федерации как Канада с ее огромными северными территориями, неравномерным распределением относительно малочисленного населения по южным провинциям, индейцами, живущими в резервациях, в силу целого комплекса других важных и объективных обстоятельств, не может быть идентичной судебной системе той же Федеративной Республики Германия, в которой, как известно, и просторов канадских нет, и национальный состав населения более однороден, да и по площади государства оно распределено примерно равномерно.

Судебные системы государств входят в совокупность систем, созданных человеком. Практически все они все — результат творения многих поколений. Имеются достаточные основания рассматривать судебные системы некоторых современных государств как самодостаточные, развивающиеся системы, которые возникли естественным путем, содержат в себе значительный потенциал, отличающийся огромным разнообразием культур, ценностей, социальных организаций, этносов, что, в конечном итоге, и обеспечивает им высокий потенциал саморазвития. Судебные системы могут развиваться в течении продолжительного периода времени, как только посредством уже накопленного многообразия, так и путем тиражирования достижений разных народов.

Для судебных систем свойственна не только высокая организованность, следует отметить, что их социальная материя постоянно меняет и совершенствует свою организационную структуру. Структурные изменения в судебных системах происходят не только от эпохи к эпохе, но и в силу целого комплекса причин. Преобразования в судебных системах различных государств отличаются неповторимыми цивилизационными, этническими и культурологическими формами.

В тоже время опыт истории свидетельствует, что в экстремальных, кризисных условиях организация судебных систем в государствах становится жесткой, мобилизационной, отличающейся узкой целевой ориентацией, ограничением степеней свободы ее элементов. В нормальной, межкризисной обстановке судебные системы государств обретают значительное число вариаций и степеней свободы.

Среди основных характеристик судебных систем целесообразно выделить их полиструктурность, полифункциональность и поливариантность в развитии. Сравнительный анализ показывает: судебные системы государств принципиально множественны, многолики, многоальтернативны, характеризуются множественностью состояний. Благодаря наличию у судебной власти собственных механизмов целеполагания судебные системы самостоятельно формируют свои цели, направления движения и программы развития. Кроме того, судебные системы обладают свойствами адаптивности, сохранения свой самобытности.

¹ Сравните, например: die Gerichtsverfassung — в немецком, Organization of Courts — в английском, словосочетание «судебная система» в русском языке весьма органично и употреблено в названии Конституционного закона, регламентирующего порядок ее организации.

5. Эволюция судебных систем

Evolutio (лат.) — развёртывание — естественный процесс развития, как всего многообразия природы в целом, так и социума (человечества) в частности. Стабильного в широком смысле нет ничего, а парадигма устойчивого развития человечества — не более чем очередной нарратив отдельных оракулов, пусть даже и «под крышей» ООН. По общему правилу эволюция в живой природе сопровождается изменением, в первую очередь, генетического (базового) состава имеющихся в природе популяций. Сказанное имеет прямое отношение и к такому проявлению человеческой деятельности как судебная¹. В рамках судебного строительства, поиска надлежащих процедур наблюдается: с одной стороны, успешная адаптация некоторых судебных популяций к экстраординарным вызовам окружающей среды, в процессе чего может происходить образование целого ряда новых специальных видов судоговорения; с другой стороны, изменения в окружающей среде ведут к вымиранию отживших свое популяций, в числе которых и целые народы, свойственные их культуре государства, и, соответственно, судебные системы, их процессуальные практики.

В основе построения отношений, возникающих в человеческой популяции лежит биология существа, хвастливо именующего себя человеком разумным (*Homo Sapiens*). Если учесть, что биология эта на всем протяжении существования вида практически неизменна, то все те преобразования которые произошли за короткую историю *Homo Sapiens* — есть не что иное как порождение его культуры. Человек, как на заре своего появления, стремился к биохимическому счастью (сытости и умиротворенности), так и в наши дни продолжает за ним гнаться, не случайно почти половина осужденных и в США и в России — наркоманы². Очевидно, что существующая уголовная политика в сфере борьбы с наркоманией практически бессильна, так как человек пытается с помощью придуманных им технологий голодной индустриальной эпохи изменить законы природы в относительно сытый период жизни человечества.

Важнейшими этапами развития (эволюции) человеческого социума являются генезис народов, наций, признанных ими норм права, государств, механизмов государственной власти, в том числе и механизмов власти судебной — судебных систем. Сказанное означает, что имеются все основания утверждать, что судебные системы — организационно-правовые элементы, свойственные, как биологической, следовательно, и социальной природе человека, так и его культуре. Что в свою очередь, позволяет сделать вывод, что для развития судебных систем естественны все те процессы, которые характеризуют эволюционный трафик развития популяций: зарождение (генезис), развитие, рождение новых видов (эволюция) и смерть отживших свое организационно-правовых конструкций.

6. Козволюция и кооперация с участием судебных систем

Анализ исторического прошлого судебной деятельности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, направленный отбор — изменения среднего значения признака судебной деятельности в течение долгого времени, например, увеличение численности судей (экстенсивное развитие). Во-вторых, диджитализация отбор — преодоление крайних значений существующего признака — учреждение новых элементов судебной системы: для современной России — это реинкорнация института мировой юстиции, самостоятельных подсистем в апелляции и кассации. В-третьих, стабилизирующий отбор — устроение некоторых крайних значений признака, что приводит к уменьшению его дисперсии, сокращению разнообразия (Создание в 2014 году на базе Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ — единого Верховного Суда РФ, преобразование системы военных трибуналов в подсистему военных судов, поэтапное свертывание ее компетенции).

В определенной мере можно утверждать, что для развития судебных системы характерны их адаптация (эволюционный процесс) к социальной действительности, благодаря чему организм суда становится лучше приспособлен к месту своего функционирования. Следовательно, можно говорить об адаптивности судебных систем (адаптивная черта) — наличию у них качеств, позволяющих функционировать и развиваться в разных «местах обитания». Адаптация судебной деятельности в вызовам времени ведет как к появлению у нее некоторых новых черт, так и к потере черт предковых.

Взаимодействие между различными государственными организмами может вызвать как конфликт между ними, последствием чего будет смерть какого-либо одного конкретного государственного аппарата, так и их коэволюцию и кооперацию. Если взаимодействует пара государственных организмов, таких, например, как в 1917-1991 года, суд и его реальный хозяин аппарат правящей партии, то у них развиваются связанные адаптации. Эволюция одного вида (КПСС) в таких парах вызывает эволюцию у других видов, в частности, суда, а это, в свою очередь, вызывает эволюцию первого вида (КПСС) и т. д. Этот цикл носит название коэволюции, классическим примером чего являются публичные процессы, организованные в СССР в 1929-1953 годах в отношении «врагов народа», коими в основном являлись лица, всего лишь не согласные с политикой И.В. Сталина.

Аналогичные связи в США, скорее всего, следует расценивать как обоюдовыгодную кооперацию. В частности Верховный суд США практически во всем поддерживает правящую партию, последняя, в свою очередь, рекрутирует в высший судебный орган государства своих сторонников.

¹ Предлагаемую нами периодизацию эволюции судебных систем см.: Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010. С. 51-52.

² См. об этом: Харари Ю.Н. *HomoDeus*: краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018. С. 51-52.

7. Инновации в судебном строительстве и судебной деятельности

Термин «инновация» восходит к латинскому «novatio», что означает «обновление» (или «изменение»). Добавление приставки «in», которая переводится с латинского как «в направлении», то дословно «Innovatio» — «движение в направлении изменений». Инновацией является не всякое новшество или нововведение, а лишь такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы. Инновация — результат инвестирования интеллектуального решения в разработку чего-либо и получение нового знания.

Инновация (нововведение) в сфере судебной деятельности — внедрённое (внедряемое) новшество, теоретически призванное обеспечить повышение эффективности процессов, протекающих в судебных системах, улучшить качества их продукции (разрешение споров), что может быть положительно оценено и востребовано обществом. Инновации в сфере судебной деятельности должны соответствовать актуальным социально-экономическим и культурным потребностям. Примером таких инноваций является учреждение судебных инстанций с новыми для социума потребительскими свойствами (вовлечение населения в оправление правосудия), повышение эффективности производства по конкретной категории дел, организация юридической помощи тяжущимся. В сфере судебной деятельности инновации принято делить на:

1. *Технологические* — получение нового, эффективного производства. Например, популярные ныне институты судебного приказа и заочного производства, соглашения сторон обвинения и защиты о признании подсудимым своей вины (Plea Bargaining и Plea and Cooperation Agreement).

2. *Процессные* — стороны собирают доказательства, суд только принимает решение, судья — инквизитор — сам дело расследует, сам собирает доказательства, к информации, представляемой тяжущимися и их представителями доверия у него нет.

3. *Продуктовые* — в частности, качество итогового продукта судебной деятельности — приговор, предопределяется не только и не столько работой судьи, сколько вердиктом коллегии присяжных заседателей, решение которых автоматически приравнивается к не подвергаемому никаким сомнениям гласу народа. Пусть данная инновация — мифологема, но она демонстрирует завидную популярность.

4. *Организационные* — перевод документооборота в судах на электронный формат, аудио и видеозапись процессов.

5. *Маркетинговые* — юридических ребрендинг — переименование части преступлений небольшой тяжести в уголовный проступок, трансформация тяжкого преступления «злостное хулиганство» в правонарушение небольшой тяжести посредством отказа от институтов «особая дерзость» и «исключительный цинизм».

6. *Суперинновационные* — замена интеллекта судьи интеллектом искусственным (ИИ).

Считается, что инновации в судоговорении — единственный реальный источник увеличения эффективности правового регулирования. В рамках анализа среды инновационного функционирования в сфере развития судебной деятельности принято выделять: 1) инновационных лидеров (Франция, по сути своей революционное законодательство которой многие, в том числе и Россия, усиленно копируют); инновационных последователей (Германия, США, Индия, Шри-Ланка); страны — умеренные инноваторы (до начала XXI века консервативная Англия, Италия); догоняющие страны (так называемые развивающиеся — государства третьего мира, в число которых следует отнести и страны бывшего «социалистического лагеря»).

Суть любого инновационного процесса очень точно передает девиз: «Обгонять не догоняя» — иными словами не повторять ошибок других в решении общих проблем находить свои принципиально новые решения.

Успешное развитие инновационных процессов зависит не только от достижений в сфере юриспруденции, но и от политико-экономической системы, гарантирующей равные права собственности на основе закона. Например, базой инновационных процессов в США, является America's Technology Highway — территории, на которых принято искать кардинально новые методы решения старых вопросов, что, в свою очередь, влечет за собой и инновации в судебной деятельности.

8. Доктрина Д. Бентама — основа организации современных судебных учреждений и их деятельности

Актуальная в наши дни доктрина построения судебных систем была сформулирована Джереми (Иеремией) Бентамом (1748-1832) в XVIII веке, еще до Викторианский период. Применительно к избранной теме широко известен основной его труд «О судостроительстве»¹, переведенный сначала на французский, а затем накануне Великой судебной реформы 1864 года по решению Правительствующего Сената уже и на русский.

По Бентаму метод становления судебной системы — эволюция, основанная на многовековых традициях. Великий британский юрист творил на рубеже XVIII-XIX веков, это — заря промышленной революции, грубо говоря, как минимум, 200 лет назад.

¹ Бентам Д. О судостроительстве. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1860. — 225 с.

Великобританию в тот период олицетворялась фактически с одним народом (нацией)¹, государством — империей во главе с королем (королевой). Тогда правили: Георг III (1760-1820), Георг 1820-1830, Вильгельм (1830-1837), Виктория (1837-1901) — государство представляло единую работающую корпорацию (то, о чем местах В.И. Ленин). Для англичан тех лет была характерна единая государственная идеология — религия (англиканская церковь, только 10-16% католики). Подбор кандидатов на епископские кафедры осуществляет Премьер-Министр. Идеологическая ячейка общества — приход. Перед богом все равны: и богатые, и бедные, и знатные, и без родные — исходная база принципа равенства всех перед законом и судом.

Основное звено судебной системы — судья, призванный не столько разрешить дело по закону (на основе общепризнанных прецедентов) сколько установить/восстановить гражданский мир. Режим работы: от квартальной сессии к следующей квартальной сессии (сессии могли быть и полугодовыми и, даже, годовыми).

Коронные судьи — в основном из джентри (культурные люди) назначаются они, естественно, короной, но не лично королем (негоже царственной особе заниматься делами бранными).

Присяжные — тоже в основном джентри подбираются из числа уважаемых членов прихода (их списки вывешены в сакральном месте — храме).

Суд — государственное учреждение, правосудие вершится именем короля. В основе судебной системы — сеть местных судов, максимальное расстояние до которых от дома до суда — 3-4 мили — тяжущийся должен успеть за день добраться до суда и вернуться домой.

Для сравнения, в современной южной Канаде — до суда час по автостраде — 100 км. Принцип тот же — тяжущийся должен успеть за день обернуться по пути из дома в суд и обратно. В малонаселенных местах, закрытых анклавах, например, в резервациях индейцев суд работает, как и в Викторианской Англии, день-два, максимум, неделю — от сессии до сессии: раз в месяц, квартал, год.

Защита от судейского произвола по Бентаму, в первую очередь, — гласность. Нет образованной, «хорошей» публики в зале — нет и суда! Второй способ защиты и от произвола судей в первой инстанции — система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений. Правда, система апелляции, кассации и прочих форм переоценки первоначальных судебных решений в промышленной Англии была развита слабо. Высшая судебная инстанция со времен Бентама и практически до последнего времени — Палата Лордов², в наши дни компактный Верховный суд³.

Чисто теоретически — выносимые судами королевства решения верховную власть совершенно не интересуют (бренное).

Для Бентама характерно крайне настороженное отношение к специализации судей, ибо дуализм в судебной деятельности неизбежно ведет к разночтениям в правоприменении (вспомним, в силу каких причин в 2014 году Верховным Судом РФ фактически поглотил своего конкурента — Высший Арбитражный суд РФ).

9. Инновации в организации судебной деятельности России (XIX-XXI вв.)

9.1. Досоветский период: российский суд в свете реформ 1864 года

До периода Великих реформ XIX века суда в современном понимании этого слова в Российской империи в силу ее сословности, унаследованной со времен Средневековья, не было. С 1864 года основной метод формирования судебной системы — рецепция (копирование) одновременно французского (в основном) и британского опыта (в частном). К середине XIX века в большинстве стран Европы, государственное устройство, которых мы столетиями усердно копируем, уже сложились вполне современные государственно-правовые системы. Таким образом, сама история в середине позапрошлого столетия поставила перед Россией цель — как можно скорее воспринять все лучшее, что к этому моменту было создано человечеством в сфере государственно-правового строительства. Иными словами: перед народами России в очередной раз была поставлена задача: догнать Европу. Догоняющее развитие в судебном строительстве, несмотря на очевидные успехи, по большому счету, — инновацией не является.

О последствиях одновременной имплементации россиянами западных и восточных управленческих и правовых конструкций в свое время очень точно высказался М.М. Сперанский (1772-1839): законы у нас могут быть греческими и английскими, а вот управление останется турецким⁴.

¹ В рассматриваемый период население делилось на три больших сословия (threeestates of therealm): духовенство (clergy) — высшее и низшее; аристократию (nobility) — герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны и, собственно, совокупность граждан (commonalty) — коммонеров. Commonalty (точный перевод термина на русский отсутствует, скорее всего, гражданское общество), в свою очередь, делилось на три большие группы: gentry (опять-таки, точного перевода на русский язык нет, самом общем виде — культурные, цивилизованные люди); lowernobility (младшее дворянство), именовавшие себя джентльменами; yeomanry — мелкие землевладельцы, городские обыватели, торговцы, ремесленники, хирурги, низший разряд адвокатов; практически бесправная чернь.

² Внаши дни: The Right Honourable the Lords Spiritual and Temporal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in Parliament assembled.

³ Учрежден в 2005 году, фактически заработал в 2009 году Supreme Court of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland.

⁴ Замечание это для некоторых до того горькое, что отечественные историки стараются о его существовании не вспоминать. Зато наша современница — Элен Каррер д'Анкокс (Зурабишвили) писать об этом не стесняется.

Основная государственная религия — православие, следствие этого народ делится на православных и иноверцев. Император — помазанник божий, который в отличие от своего британского собрата наделен возможностью вникнуть в факт назначения на должность каждого не только каждого из окружных судей, но и даже всех судебных следователей, которые состояли при окружных судах. Управление судебной системой осуществляет представитель власти административной — Министр юстиции.

По крайней мере чисто теоретически выносимые судами решения верховную власть не интересуют. Специализация судов (судей), если не считать мировую юстицию и коммерческие суды, не развита.

В основе организации судебной системы дуализм. Это, во-первых, по малозначительным делам «народный» — мировой судья, которого вскоре в большинстве территорий заменят на земского начальника (погонялу), во-вторых, основная «рабочая лошадка» — окружной суд.

Кем же были судьи из народа, присяжные? Вот, например, список присяжных заседателей, когда-то (31 марта 1878 года) оправдавших Веру Засулич: надворный советник А. И. Лохов, надворный советник А. И. Сергеев, надворный советник К. С. Алексеев, купец второй гильдии В. А. Якимов, свободный художник С. Ф. Верховцев, помощник смотрителя Александрово-Невского духовного училища М. Г. Мысловский, надворный советник П. С. Купинский, титулярный советник Н. В. Дадонов, коллежский секретарь Д. П. Петров, студент А. И. Хализеев, коллежский регистратор А. А. Джамусов, дворянин Р. Е. Шульц-Торма¹.

В крестьянской России, естественно, что в основной массе присяжными были крестьяне — это уважаемые люди, землевладельцы, мещане. В некоторых западных территориях присяжные — представители местечковой еврейской общины.

В отличие от викторианской Англии для дореволюционной России (1864-1917 гг.) характерна стройная и завершенная система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: апелляция, и довольно мощная кассация.

9.2. Был ли справедливый суд в царской России?

Информацией об отсутствии настоящего суда переполнена практически вся литература. Вот, например записи и дневник академика и профессора А.В. Никитенко. «Отец верил, что закон должен быть на стороне того, кто перед ним чист. Он не хотел понять, что жил в стране бюрократического произвола и что такому бедняку, как он не прилично опираться на право там, где его в сущности никто не имел, а он меньше всех»².

9.3. Советский период времени

Коммунистическая идеология — демократический централизм, то есть правят высшие партийные инстанции, которые фактически вне критики. Базовая ячейка управления — райком, на районном уровне происходит формирования корпуса советских «коронных» судей и народных заседателей. Суды не имеют право отклоняться от политики партии и правительства, большинство судей — члены правящей партии, одновременно члены райкомов, обкомов, райисполкомов, депутаты представительных органов государственной власти местного и регионального уровня.

Составители книги «Верховный Суд России» не случайно привели текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 г., на котором лидер СССР Н.С. Хрущев в отсутствие нормы уголовного закона требовал расстрела валютчиков, угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР т. Горкину увольнением. Как известно: презумпция «обратной силы» волевым решением была легко преодолена, валютчики — расстреляны. Это был один из «черных дней» российского правосудия³.

Судебная практика — часть практики органов управления. Все годы советской власти (господства аппаратов ВКП (б), КПСС) отношения к судам было, если не презрительным, то снисходительным. В 1939 году во всесоюзном сатирическом журнале «Крокодил» появилась такая публикация: «Куда идти, кому жаловаться». Минимум текста: «В ряде районов Москвы народные суды ютятся в непригодных помещениях». Обыватель, глядя на такое «непригодное» строение, обращаясь к прохожему, вопрошает: «Как можно жить в такой лачуге? Почему жильцы не обращаются в суд?» Прохожий в ответ: «Да, здесь самый суд и помещается»⁴. Автор этих строк свою судебную деятельность в 1991 году начал в общежитии завода «Элеватормелмаш», в десятке помещений которого ютился Промышленный районный суд г. Курска.

9.4. Постсоветский период времени

Идеология? Православие? Режим — демократия? Однозначно вне критики только Президент РФ! Он назначает основную массу коронных судей. Базовая ячейка управления в регионах — фактически рекомендованный Президентом РФ губернатор.

Кадры мировой юстиции теоретически — компетенция регионов, однако реально данная функция принадлежит руководителем региональных судов.

¹ 24 апреля (6 мая) 1878 года оправдательный приговор В. Засулич был отменен по формальным основаниям.

² См.: Никитенко А.В. Повесть о само себе. Посмертные записи и дневник академика и профессора Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. 1888. Октябрь. С. 61.

³ Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Верховный Суд России: Монография. Пятигорск, 2012. С. 320-323.

⁴ Куда идти, кому жаловаться // Крокодил. 1939. №26. С. 3.

Механизм подбора присяжных = хаосу.

Руководство страны, включая Президента РФ, пристально следит за судебной практикой

Законодательство, призванное путем на инновационных решений трансформировать суд «советский» в суд «мирового уровня» находится под пристальным вниманием российских ученых¹. Некоторые из них утверждают, что «новые институты» функционируют, как «старые»². Ряд организационных решений дает обратный эффект. Например, принято считать, что рост заработной платы судей должен способствовать их независимости, однако в России эта мера привела к росту их зависимости³.

Вопрос к читателю: не являются ли приведенные примеры демонстрацией провалов в инновационной деятельности в сфере организации судопроизводства.

9.5. Дело Фарбера: суд прислушался к мнению В.В. Путина

Органами предварительного расследования Фарбер обвинялся в том, что в июле-августе 2011 года получил от подрядчика, выполнявшего ремонт ДК, взятку — 300 тыс. руб. за возможность продолжения работ, в сентябре того же года уже под контролем спецслужб Фарбер «взял» еще одну взятку — 132 тыс. руб. за подписание акта выполненных работ. Обвиняя Фарбера по ст. 285 УК РФ, следствие утверждало, что ремонтные работы не были выполнены, ущерб бюджету — 941 тыс. руб.

Позиция Фарбера — деньги в стройку вкладывал свои, подрядчик лишь ему их вернул, ДК он реконструировал в рамках своих представлений о прекрасном.

С учетом данных о личности Фарбера общество склонно было верить ему, а не обвинению.

Дело рассматривал Тверской областной суд с участием присяжных. Защита преждевременно поверила в безоговорочное оправдание Фарбера, однако прокурор убедил присяжных в доказанности его вины по всем пунктам.

10 августа 2012 года Тверской областной суд признал Фарбера виновным, по п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Правда, с применением ст. 62 и 64 УК РФ, но все равно больше чем рядовому убийце, судья назначил ему 8 лет лишения свободы со штрафом 3,2 млн. руб.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 года приговор отменен, с учетом изменения подсудности дело попало в Осташковский городской суд. 1 августа 2014 года Фарбер был осужден, ему назначено наказание 7 лет и 1 месяц лишения свободы.

Президент РФ В.В. Путин в интервью «Первому каналу» и агентству АР назвал наказание, назначенное Фарберу «вопиющим», посчитав это «ошибкой». Данных слов оказалось достаточным, чтобы прокуратура уже за пределами сроков на апелляционное обжалование внесла представление, в котором просила сократить наказание до 5 лет лишения свободы.

Апелляционная инстанция Тверского областного суда благоразумно пошла еще дальше, сократила Фарберу наказание до 3 лет лишения свободы, то есть, до фактически им отбытого срока. По ч. 1 ст. 285 УК РФ прокуратура вообще отказалась от обвинения, приговор в этой части отменен, за Фарбером по этому эпизоду признано право на реабилитацию. Осужденный вышел на свободу. Общество восприняло это благосклонно.

«Бросили стаканчик — это сегодня, а завтра бутылку бросит...»⁴

9.6. Ход судебной реформы в России конца XX — начала XXI вв.

В конце века XX на повестку дня в очередной раз на повестку дня встал вопрос о проведении полномасштабной государственно-правовой реформы. Поскольку развитие права само по себе немислимо, речь шла о реформировании экономики, а также всего государства, в первую очередь его судебной системы, поскольку именно судьи, в состоянии наполнить формальные правовые конструкции необходимым содержанием.

Еще до распада Союза ССР (1991 года) Верховным Советом РСФСР формально по инициативе Президента РСФСР Б.Н. Ельцина была обсуждена предложенная инициативной группой (С.А. Пашин и др.) «Концепция судебной реформы в РСФСР», которая была Российским Парламентом была принята как руководство к действию. Данный юридический факт был оформлен Постановлением от 24 октября 1991 года №1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» (Далее — Концепция). В данном документе, во-первых, отмечалось, что «проведение судебной реформы является необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства», во-вторых, указывалось, что и судебная реформа является «одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности». В числе главных задач тогда декларировалось:

во-первых, «утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной»;

во-вторых, закрепление в нормах права «положений, отвечающих рекомендациям юридической науки».

¹ Хронику трансформации суда в постсоветский период см.: Горбуз А.К., Красном М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. СПб.: Норма, 2010. С. 44-194.

² Горбуз А.К., Красном М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Указ. соч. С. 15.

³ Горбуз А.К., Красном М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Указ. соч. С. 19.

⁴ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 10 декабря 2019 года.

В качестве важнейшего направления судебной реформы «рассматривалось создание федеральной судебной системы».

Текст Концепции начинался с весьма спорной констатации «о возвращении Отечества нашего в лоно некой мировой цивилизации». Интересно, что имел в виду Российский Парламент, употребляя в 1991 году термин «мировая цивилизация»? Из личных бесед с некоторыми из реальных авторов Концепции (Т.Г. Морщакова, С.А. Пашин) нам удалось выяснить, что под таковой они подразумевали цивилизацию, свойственную Западной Европе, важнейшим элементом которой является правовая культура США.

Совершенно очевидно, что понятие «цивилизация мировая» гораздо шире одной лишь «западной цивилизации», а свойственный последней вариант разрешения споров воспринят далеко не всеми.

Так, в частности создатель корпорации «Sony» Акио Морита в своей автобиографической книге «Sony. Сделано в Японии», сравнивая американский и японский стили разрешения социальных, политических и экономических конфликтов, пусть и крайне деликатно, фактически высмеял систему правосудия в США, «стране в которой все судятся со всеми». По поводу массы бесчисленного количества процессов, возникающих явно по надуманным основаниям Акио заметил, что у них в Японии, судиться по каждому пустяку неприлично, ибо существуют иные формы разрешения споров¹.

Если в 1864 году Россия в организации суда копировала Францию, то в 1991 году сочла нужным вернуться в век XIX и для начала воссоздать многое из того, что было безжалостно уничтожено «Великим Октябрем». Иными словами: инновационного развития (прорыва) в организации суда и судебной деятельности, как не наблюдалось в веке позапрошлом, так и нет серьезных инноваций и в наши дни.

Пока чуда не произошло, европейский уровень культуры в судопроизводстве, в том числе и его юридико-техническая составляющая, не достигнута, «барьер не взят» (В.Д. Зорькин). Как и в конце века позапрошлого крепнут голоса тех, кто считает, что европейская культура россиянам чужда.

Судья соотечественниками воспринимается не как самостоятельный и независимый арбитр в споре равных, а как заурядный чиновник, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного».

Параллельно отметим, что экономическая целесообразность заставила и закоренелых американских сутяжников искать, если не полной замены традиционному состязательному судебному разбирательству, то изыскивать различные инновационные способы его удешевить. Начиная с 2016 года за океаном резко заговорили о глобальной процессуальной реформе (the «Big Bang» of procedural reform)², которую весьма уместным будет сравнить с отечественной «процессуальной революцией» 2017—2019 годов.

9.7. За Веру, Царя и Отечество!

Универсальный девиз, вынесенный в подзаголовок, начиная с XIX века, был широко распространен в Российской империи. Существовали и иные его версии, например: «Православие, самодержавие и народность». Их расшифровка была понятна каждому. Вера — идеология, Царь — форма правления, трансформированная в конкретных лидеров, Отечество — это то, что каждый понимает по-своему, памятуя при этом, что оно у конкретного народа одно.

Современной европейской цивилизации (другие нами не рассматриваются) известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская. На текущий момент времени побеждает первая. Коммунистическая идеология и соответствующая ей форма государства уже прошла основные стадии своего существования (генезис, расцвет и смерть), фашистская идеология опорочила себя еще на этапе зарождения.

Собственно говоря, существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае бесправные изгои лица, названные эксплуататорами, их уничтожали целыми классами, во втором — изгои — целые нации, представители которых также уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще, судебновластные отношения для России не характерны, ибо для россиянина основа власти ее вертикаль. Судья — мелкий чиновник, в советские годы даже председатель суда в районе был менее авторитетен, чем, например, прокурор, не говоря уже о начальнике милиции. Председатель суда на работу ходил пешком, а прокурора и начальника милиции возили на машине. Скажем больше, у начальника милиции был еще и многочисленный аппарат, который мог к правонарушителю и силу применить. Перечисленных символов власти судья всегда был лишен.

Каков же в таких условиях девиз служителей Фемиды? Если с Родиной все ясно, то возникает вопрос: какова идеология правосудия, какого Царя почитают в судебной системе?

¹ Морита А. Sony. Сделано в Японии. М., 2006. С. 158-162.

² The «BigBang» ofproceduralreform образца 2016 года сравните с отечественной «процессуальной революцией» 2017-219 годов, России.

Вопрос далеко не праздный, особенно в силу того, что без идеологии нет политики, а суд, сколько бы не говорили о его деидеологизации и деполитизации, — орган государственной, следовательно, политической власти, которая без идеологии не мыслима¹. В текущий момент времени Россия в очередной раз пересматривает свое отношение к европейской идеологии. Ряд свойственных ей суждений, облеченных в решения Европейского Суда по права человека, уже признан неприемлемым, как долго будет длиться данный процесс, судить читателю.

9.8. Подходы к организации судебных систем

Нашей истории известны два подхода к организации современных судебных системы. Первый, единое царство делится на судебные округа, в которых функционируют суды первой инстанции. Функцию второй инстанции возложи на 12 судебных палат. Следующая инстанция — Сенат. Ну а выше — Государь, помазанник божий.

Второй — сталинский. Первое ключевое звено системы управления — районная партийная организация (райком). На подведомственной ей территории функционируют райсоветы, райисполком, райотдел милиции (РОВД), райпрокурор, ну и, конечно, райсуд. Как правило — односоставный. Дела, в основном уголовный, ну и «тряпичные». Так раньше судьи снисходительно говорили о делах гражданских.

Итак, начиная с 30-х годов основное звено судебной системы — районный народный суд. Второе звено — областной суд. Выше только суды союзной республики и СССР. Изменилось ли что-то тех пор? В принципе ничего, было три звена, три базовых звена и осталось (район, область, Россия). Правда, вместо слова «народный» в районном звене, появился термин — федеральный. Последнее означает, что судьи в нем не местные, комиссары (уполномоченные представители) центральный судебной власти.

20 лет назад было учрежден институт мировых судей. С одной стороны, они, вроде как, в федеральную систему входить не должны, с другой — они ее элемент, формируемый представителями центра, управляемый и снабжаемый из центра.

9.9. «Жители забытой деревни»

Н.А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая деревня» (1855) предельно четко сформулировал правовую идеологию россиян — ждут, когда приедет барин, который их рассудит. Естественно, что такой не приехал, да и зачем барину себя утруждать разрешением споров, без разрешения которых общество, как существовало, так и существует.

В этой связи удивляет: с одной стороны терпеливое ожидание российского общества, жаждущего некоего хорошего, доброго чиновника от правосудия; с другой — административный нажим на судей: они только «должны», «обязаны»...²

Да, судьи, безусловно, и должны, и обязаны, но, как в таких случаях говорил Петерим Сорокин³, а есть ли у них возможность для классического служения праву (или, хотя бы, закону)? Говоря уже современным языком, «человек с лопатой — может копать, а может — и не копать», поскольку и мотивированность, и направленность его действий предопределена множеством фактов, в числе которых «добрая воля конкретного судьи»⁴, далеко не самая главная составляющая в оправлении правосудия. В очередной раз напомним: судья, даже мудрейший, — не всемогущ, так как главное в процессе не он, а стороны. А вот сторон то и нет, они окопались в «забытой деревне», ждут барина...

10. Эффективность судебной власти

Об эффективности судебной власти в целом, то есть об эффективности судебно-властных отношений, мы тоже неоднократно писали. Судебно-властные правоотношения — составная часть, элемент, разновидность государственно-властных правоотношений. Поскольку судебно-властные отношения элемент в системе, то и уровень их развития, и эффективность предопределены уровнем развития государственно-властных отношений. Речь идет о сложении всех активностей в системе государства и общества. В таких условиях мечты о том, что нужно найти такой суд, который «вытащит» экономику, схоластические рассуждения аналогичные поискам философского камня. Не может быть суда (государства в целом) более передового, чем тот который дан нашему сознанию.

Е.И. Алексеевская пишет: «Мы сознательно уклоняемся от построения идеальных моделей судебной системы, поскольку разделяем убеждение С.П. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия»⁵.

11. Plea Bargaining — суперинновация

Уже на этапе индустриализации стало очевидно, что классический состязательный процесс, ведущий к разрешению спора через обострение конфликта между тяжущимися сторонами становится тормо-

¹ Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4-9; 2003. № 6. С. 29-35.

² См. подробнее: Нравственные начала российского правосудия. Материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016.

³ См., например: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.

⁴ Термин подсказан участниками конференции. См. Предыдущую сноску. С. 25.

⁵ Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. С. 95.

зом. Поэтому в начале XIX века в США, на рубеже XX-XXI столетий в России в обход законодателя инициаторами поиска допустимых форм соглашения между, например, лицами, обвиняемыми в совершении правонарушений (преступлений), и государством явились практики, испытывавшие на себе последствия роста процессуальной нагрузки.

Если в США инноваторами, внедрявшими в практическую деятельность институты Plea Bargaining и Plea and Cooperation Agreement были прокуроры; в СССР — органы правоохраны (в первую очередь, МВД), то в современной демократической России данную функцию на себя взяли судьи, перегруженные никому не нужными «бессмысленными ритуалами»¹. Результат: различные формы взаимоотношений между государством и правонарушителем, базирующиеся на основах института Plea Bargaining, оказалась не только распространенной мировой практикой, но и нашли отражение в документах международного характера. Комитет министров государств-членов Совета Европы в Рекомендации №R(87)18 от 17 сентября 1987 года одобрил идею урегулирования уголовно-правовых споров, опираясь на существующие к этому моменту модели предложил конкретные формы соглашения между государством и правонарушителем. Рекомендация № R(99)19 Комитет министров Совета Европы от 15 сентября 1999 года была специально посвящена формам «альтернативной» реакции государства на преступление.

Поэтому неудивительно, инновация в виде различных «ускоренных» и «упрощенных» производств 3 апреля 1998 года была одобрена Советом судей России, в ноябре 2000 года предложение о его внедрении в судебную деятельность поддержал V Всероссийский съезд судей.

На протяжении всего периода разработки УПК РФ (1992-2001) на необходимости включения в него российских вариантов Plea Bargaining и Plea and Cooperation Agreement по поручению руководства Верховного Суда РФ персонально отстаивали: судья Верховного Суда РФ, секретарь Пленума Верховного Суда РФ — В.В. Демидов, судья Верховного Суда РФ — С.А. Разумов. Фактически речь шла о переходе от экстенсивных путей развития судебной деятельности (увеличение числа судей) к ее интенсификации: введение в процесс сокращенных, суммарных производств, отказ от излишней бюрократизации процесса, внедрение в судебную деятельность различных форм сотрудничества суда с правонарушителями (обвиняемыми, подсудимыми).

В последние годы Верховный Суд РФ в очередной раз активизировал разработку законопроектов, суть которых — оптимизация судебной деятельности за счет ее упрощения и ускорения на основе оперативного поиска соглашения между сторонами в конфликте. Данный вид судебной деятельности получил положительную оценку Президента РФ — В.В. Путина, который 23 января 2018 года на тождественном заседании, посвященном 95-летию со дня основания Верховного Суда РФ отметил, что «большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда РФ, которая позволяет восполнять пробелы в законодательстве», «разгрузить суды от бессмысленной рутины»².

Пока в юридической науке «констатируется системный кризис традиционной концепции реакции государства на преступление»³, практики, несмотря на отсутствие теоретического базиса, четкого нормативного регламента в УПК РФ, инноваторы от практики смело идут на диверсификацию уголовной политики. Институт заключения соглашения о признании вины (Plea Bargaining), иные формы сотрудничества государства с правонарушителем в России — объективная реальность, ибо в «особом», как правильно пишет О.В. Качалова, давно ставшем основным порядке порой в целом по стране рассматривается — 70%, а в некоторых регионах и до — 92% уголовных дел (Для сравнения, в США и Канаде — до 98%).

Институт «заключения взаимовыгодного соглашения государства с правонарушителем» — междисциплинарная категория, основной объем заключенной в нем примирительной деятельности находится далеко за рамками классических процессуальных регламентов.

Впрочем, Высший орган судебной власти в системе общей юрисдикции — Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях №56 от 05.12.2006 (законодателем не поддержан) и № 8 от 11 апреля 2019 года (законопроект не рассмотрен) дважды ставил вопрос о сужении перечня дел, по которым государство вправе идти на компромисс с правонарушителем в форме, регламентируемой главой 40 УПК РФ.

11 апреля 2019 года Пленум Верховного Суда РФ в порядке законодательной инициативы и внес в Государственную Думу очередной законопроект о внесении изменений в главу 40 УПК РФ, суть его та же: исключить применение особого порядка по делам о тяжких преступлениях. На это раз к Высшему судебному органу страны законодатель прислушался. Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ по делам о тяжких преступлениях лишил обвиняемого ранее обоснованного на процессуальном законе смысла: заявлять о признании вины, своей согласии с предъявленным обвинением (разгружать следствие) и

¹ Данный термин принадлежит Секретарю Пленума Верховного Суда РФ, проф. В.В. Момотову. См. подробнее: <https://news.rambler.ru/other/39242475-spch-posporil-s-vs-o-bessmyslennom-rituale/>

² Путин В.В. Из выступления на праздновании 95-летия Верховного Суда РФ // Kremlin.ru. Дата обращения 24.01.2018.

³ См., в частности: Tulkens F. Les transformations du droit penal aux Etats-Unis. Pour un autre module de justice // Revue de science criminelle et de droit penal compare. 1993. № 2. P. 220.

ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. 314 УПК РФ)¹ — разгружать суды.

Замалчивается тот факт, что данная контринновация ударила и по потерпевшим, так как в предыдущей редакции закона усматривалась реальная мотивация виновного к урегулированию отношений с жертвой преступления².

Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) также отмечает: «Хотя признание вины является важным инструментом, повышающим эффективность в области уголовного правосудия, его частое использование может вызвать обеспокоенность по поводу качества правосудия в для обвиняемого конкретной стране. В частности, системы отказа от судебного разбирательства могут создавать стимулы для того, чтобы признать вину и избежать судебного разбирательства, а также скрыть любые потенциальные нарушения прав человека от рассмотрения в открытом суде»³.

Институт «заключения соглашения о признании вины» регулярно подвергается критике и на его исторической родине — в США⁴.

Отмеченные выше противоречия в организации правоохранительной, правозащитной и судебной деятельности только подчеркивают актуальность темы нашего диссертационного исследования.

12. Лафхак в правосудии: примеры

Несколько лет назад один из московских районных судов по ходатайству органов предварительного расследования по делу о мошенничестве арестовал несколько земельных участков. В текущий момент данное уголовное дело слушается в одном из судов Хабаровского края.

Владелец земельных участков собрал документы, доказывающие, что арестованные по делу земельные участки никакого отношения к подсудимым не имеют, после чего заявил слушающему делу суду ходатайство о снятии ареста с земельных участков.

Суд первой инстанции в удовлетворении данного ходатайства безмотивно отказал. В рамках оперативного судебного контроля данное промежуточное решение в апелляционном порядке обжаловано в Хабаровский краевой суд. Рассмотрение жалобы было назначено на 27 октября 2020 года. Законных оснований для отказа в удовлетворении данной жалобы не было.

Имеются некоторые основания предполагать, что судья апелляционной инстанции, не желая лично принимать решение о снятии ареста с земельных участков, попросил суд первой инстанции досрочно рассмотреть вопрос о продлении срока ареста на спорные участки, что последним и было сделано.

Постановление Хабаровского краевого суда от 27 октября 2020 года решение районного суда о продлении срока ареста на земельные участки было отменено, в то же время, в снятии ареста с земельных участков апелляционная инстанция отказала, так как срок ареста накануне был продлен.

В результате данной комбинации судебные участки остались под арестом, а их владелец поставлен перед выбором:

- 1) обжаловать последнее решение о продлении срока ареста;
- 2) дожидаться завершения рассмотрения уголовного дела по существу.

13. Роль личности в судебном строительстве

О роли личности в истории написано предостаточно, так что порой создается впечатление, что таковую творят одни только личности. Например, не секрет, что Наполеон 200 лет назад фактически создал следственную и судебную системы Франции, актуальные и в наши дни нормы гражданского и процессуального права. Широко известен план court-packing plan (упаковки суда) — Judicial Procedures Reform Bill of 1937, инициированный Президентом Ф.Д. Рузвельтом. В российском сегменте интернета гуляет миф о 100%, проведенной за одну ночь, люстрации французских судей де Голлем.

Применительно к нашему Отечеству данную тему принято говорить относительно роли В.Ф. Яковлева в создании, становлении и развитии Высшего Арбитражного Суда РФ. Проф. Л.В. Головкин, выступая на площадке Moscow Lawyers, высказал суждение о том, что если бы Высшим Арбитражным Судом РФ и дальше руководил бы Вениамин Федорович, то его поглощения в 2014 году Верховным Судом РФ мы бы не увидели. При этом Леонид Витальевич усомнился в целесообразности дуализма в организации высших судебных инстанций, характеризовал ВАС РФ — как некий элитарный клуб.

¹ См. подробнее: Колоколов Н.А., Цветков Ю.А. «Plea Bargaining»: триумф или трагедия // Уголовное судопроизводство. 2020. №2. С. 3-11; Колоколов Н.А. Институт Plea Bargaining в России: оправдан ли шаг назад? // Уголовное судопроизводство. 2020. №3. С. 3-10.; Корчаго Е.В. Уголовно-процессуальный запрет на покаяние делает его бессмысленным // Уголовное судопроизводство. 2020. №4. С. 6-10; Следственная деятельность. Книга третья. Plea Bargaining: монография / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2021. — 264 с.

² Об этой проблеме см.: Колоколов Н.А. Защита жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. М., 1999. С. 14-17.

³ См.: Systemes judiciaires europeens — Efficacite et qualite de la justice» Edition 2018 (donnees 2016) Etudes de la CEPEJ №26 (Европейские судебные системы. Эффективность и качество правосудия Исследование CEPEJ №26. Издание 2018 года (данные 2016 года). Страсбург: Издательство Совета Европы, 2018. С. 302.

⁴ Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам делать, чтобы восстановить ее. М., 2019. — 280 с.

Проф. Л.В. также обратил внимание, что заявление о модернизации высших судебных инстанций Президент РФ — В.В. Путин сделал, выступая на Петербургском международном экономическом форуме в 2013 году в присутствии некоторых ведущих политиков мирового уровня.

14. Искусственный интеллект в правосудии

«Очень скоро технологическая революция может вытеснить с рынка труда миллионы работников и образовать многочисленный класс лишних людей»¹, «через какие-нибудь 10-20 лет миллиарды людей станут не нужными для экономики»². «Чем яснее мы понимаем механизмы биохимических процессов, лежащих в основе человеческих эмоций, желаний и поступков, тем успешнее компьютеры анализируют поведение человека и предсказывают его решения, заменяя водителей, банкиров юристов»³. Свое повествование мы начали с цитирования мыслей футуролога Юваля Ной Харари, которые были им сформулированы на основе анализа результатов информационной революции, захватившей все население земного шара на рубеже второго и третье тысячелетий.

Информационные технологии продвинулись необычайно далеко, появились понятия «умный дом», «умный автомобиль» — системы, управляемые электроникой, иными словами, искусственным интеллектом (Далее — ИИ). В текущий момент времени можно констатировать, что ИИ изо дня в день, неутомимо и, что немаловажно, успешно решает за человека множество когда-то обременительных для него задач.

Уже в наши дни «умные электронные судьи» без личного участия сотрудников автоинспекции также успешно и очень оперативно выявляют нарушения норм права, допускаемые, например, водителями, уверенно штрафуют правонарушителей (ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ). При таких обстоятельствах мы не видим никаких существенных препятствий заявить, что ИИ тоже уже пришел в правосудие. Скажем больше, роль его в отправлении данного вида государственной деятельности будет только возрастать, ибо даже в текущий момент времени ничто не мешает делегировать машине те функции, которые сейчас с великим трудом пытаются разрешить создатели ЭВМ — люди. О некоторых проблемах использования ИИ в судопроизводстве мы уже писали⁴.

15. «Громкие дела»: как бы без человека их рассмотрела машина?

Например, попробуем через призму видения событий компьютером проанализировать два последних «громких» уголовных дела. Первое — в отношении Кокорина, Мамаева и Протасовицкого, второе — в отношении Ефремова. База для работы электроники — объективная фиксация имевших место событий многочисленными видеокameraми: лучших доказательств в уголовном процессе, не пожелаешь⁵. Объем отснятого материала настолько велик, что он явно больше тех отрывочных сведений, которые сначала следователю, а затем и суду сообщили свидетели.

Скажем больше, по делу Кокорина и др. уже в стадии предварительного расследования выяснилось, что в отличие от видеозаписей показания свидетелей оказались фрагментарными и непоследовательными. При таких обстоятельствах для «освежения» памяти допрашиваемых следователи были вынуждены в процессе допросов демонстрировать им видеозаписи. Совершенно очевидно, что в данной ситуации человек, рассказывая о событиях, которые он когда-то давно наблюдал на месте происшествия, волей-неволей корректировал свои впечатления путем сопоставления содержащегося в памяти с тем, что он увидел по телевизору, а также с тем, что ему показал следователь. Совершенно не случайно, сторона защиты констатировала, что такие показания не обладают свойством допустимости.

Парируя данный довод, Московский городской суд, например, в своем апелляционном приговоре от 13 июня 2019 года был вынужден записать: «Факт демонстрации в ряде случаев в процессе допросов свидетелей видеозаписей не ставит под сомнение достоверность их показаний и не является основанием для их исключения из перечня доказательств, тем более, свидетели давали показания о непосредственно наблюдаемых ими обстоятельствах, ориентируясь на собственные воспоминания и впечатления, что и было подтверждено свидетелями в ходе судебного следствия. В связи с чем, судебная коллегия признает показания указанных лиц допустимыми доказательствами»⁶.

По большому счету нет ничего удивительного в том, что данный приговор, в муках выстраданный людьми, обложенными в судейские мантии, 13 мая 2020 года был отменен Вторым кассационным судом, в первую очередь потому, что чиновники (следователи, прокуроры и судьи) изначально увидели (не захотели увидеть) то, чего не зафиксировали камеры, а именно того факта, что стул в руках Кокорина, трансформирующий конфликт между мужчинами из дела частного обвинения в дело обвинения публичного, был только один — ни Мамаев, ни Протасовицкий к нему не прикасались. Следовательно, в деле

¹ Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М., 2019. С. 39.

² Харари Ю.Н. Указ. соч. С. 40.

³ Харари Ю.Н. Указ. соч. С. 41.

⁴ Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. №3. С. 3-7.

⁵ Зеленев Д. Потерпевший продолжил силовые действия в отношении Мамаева и повалил его на стол. Речь адвоката, убедившая суд отменить приговор — без купюр // <https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/pochemu-sud-otmenil-prigovor-mamaevu-i-kokorinu-rech-advokata-1672256/>

⁶ См., например: Апелляционный приговор Московского городского суда от 13 июня 2019 года. Электронный архив Московского городского суда за 2019 год.

хулиган также только один — «вооруженный стулом» Кокорин, а оба его спутника рядовые драчуны, бузотеры, действия которых, как считает сторона защиты, не вышли за пределы правонарушений, очерченных КоАП РФ¹.

Вопрос: для чего по делу Кокорина и др. были нужны органы предварительного расследования, прокуроры и адвокаты? Для того, чтобы подсчитать удары, нанесенные каждым из обвиняемых? Очевидно, что «машина» сделала бы это и быстрее, и точнее. Скажем больше, подсчитывая удары, нанесенные стулом, она бы бесстрастно констатировала: бил только один Кокорин. Очевидно и то, что у нее не было бы соблазна в группу к нему добавить обоих его спутников.

Не исключено, что в этом месте у некоторых читателей появятся возражения, но ведь Кокорин был не один, он действовал в группе, что, бесспорно, придавало кумулятивный эффект им содеянному? Да, это так, однако, вернемся к закону в его нынешней редакции. В целях существенного сокращения числа осужденных отечественный законодатель «похоронил» уголовно-правовые категории «особая дерзость» и «исключительный цинизм». В уголовной политике возобладал принцип утилитаризма: удар по телу человека — это материально. Важен ли при таких обстоятельствах мотив? Авторы демонтажа «советского» хулиганства утвердительного ответа на данный вопрос не дали².

Аналогична ситуация и по делу Ефремова, после долгих слушаний осужденного 8 сентября Пресненским судом г. Москвы. Совершенно очевидно, что одна ЭВМ уже в момент ДТП выдала бы информацию — «Черный «Jeep» пересек сплошную линию дорожной разметки и выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с автомобилем ВАЗ». Вторая ЭВМ после введения в нее дополнительных данных: «За рулем «Jeep» был находившийся в состоянии алкогольного опьянения Ефремов, а водитель ВАЗа погиб», мгновенно квалифицировала бы содеянное виновным по ч. 4 ст. 264 УК РФ и, «неходя от кассы» также мгновенно назначила бы ему «справедливое» наказание.

16. Для приведения судебной деятельности с требованиями века XXI необходимо:

1. Создание законодательной базы.
2. Создание материально-технической базы.
3. Кадры решают все!

Решение данных трех задач позволит, для начала, подтянуть процесс к реалиям современности, только после этого можно говорить соответственно об АТ правосудии.

4. Документы в суд: объем ограничен в мегобайтах

5. АТ правосудие (для приличия назовем его квазиправосудие) уже существует: миллионы штрафов в месяц за нарушение ПДД.

17. С чего начать?

С разработки формализации алгоритмов подготовки материалов для рассмотрения их ЭВМ без вмешательства человека.

18. Что выигрываем?

Убираем такую неизбежную составляющую человеческой деятельности как произвол. Машине человеческие слабости не ведомы! Это потолок!

19. Что теряем?

Человека! Совесть! Правосознание! Этого у машины нет. Почему собственно нет? Несмотря на данные неизбежные потери роль ИИ в судопроизводстве будет только возрастать.

Основные научно-практические выводы:

Судебная власть — явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому обществу, начиная от организации отношений в семье, заканчивая властью государственной.

Аппарат судебной власти — судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества целом.

Судебно-властные отношения — элемент государственно-властных отношений, что и определяет потолок их эффективности.

Прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, какие инновационные решения необходимо воплотить в жизнь, необходимо ответить на следующие вопросы: Как называется общество, в котором мы живем? Какими параметрами должно обладать общество, в котором нам хотелось бы жить? Имеются ли на планете Земля образцы такого общества, или нам предстоит вновь обогнать всех не догоняя. Насколько последнее реально, судить читателю. Пока же мы наблюдаем дрейф в развитии судебных систем, предопределяемых общеэволюционными социальными процессами.

¹ См. Зеленов Д. Указ. соч.

² Подробнее см. о проблеме: Колоколов Н.А. Хулиганство: апофеоз эволюции — особая дерзость абордажа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1(5). С. 153-174.

Андреановская Ирина Ивановна

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН

Andrianovskaya Irina Ivanovna

doctor of law, associate professor, leading researcher in the sector of labor law and social security law of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences

E-mail: _anirina_@inbox.ru

**Развитие современного трудового права России:
преемственность и новизна**

Development of modern labor law in Russia: continuity and novelty

---

Аннотация. В предлагаемой статье развитие современного трудового права показано в русле взаимодействия двух важнейших процессов: преемственности и новизны. Проанализировано соотношение преемственных и новых норм. Первая группа норм обеспечивает стабильность правового регулирования отношений, вторая свидетельствует о динамике. Правильное (оптимальное) с правовой точки зрения соотношение преемственных и новых норм позволяет сохранить определенный правовой баланс, напротив, неправильное (неоптимальное) их сочетание порождает дисбаланс. Посредством анализа преемственных и новых норм трудового права выявлены несбалансированные элементы в современном правовом регулировании отношений в сфере применения труда, предложены варианты их устранения.

Ключевые слова: развитие, преемственность, новизна, стабильность, динамика, баланс норм, гармония в праве.

Abstract. In the proposed article, the development of modern labor law is shown in the mainstream of the interaction of two most important processes: continuity and novelty. The ratio of successive and new norms is analyzed. The first group of norms ensures the stability of the legal regulation of relations, the second indicates the dynamics. Correct (optimal) from a legal point of view, the ratio of successive and new norms allows you to maintain a certain legal balance, on the contrary, their incorrect (suboptimal) combination generates an imbalance. By analyzing the successive and new norms of labor law, unbalanced elements in the modern legal regulation of relations in the field of labor application have been identified, options for their elimination have been proposed.

Key words: development, continuity, novelty, stability, dynamics, balance of norms, harmony in law.

Развитие современного отечественного права осуществляется в рамках взаимодействия двух важнейших процессов: преемственности и новизны. Эти два процесса происходят в правовой материи постоянно, они взаимозависимы, взаимообусловлены и, как нам представляется, одинаково важны для развития права. В той или иной степени эти процессы проявляются во всех правовых отраслях. Рассмотреть их воздействие в рамках отдельной самостоятельной отрасли российского права можно на примере современного трудового права. Динамика в трудовом праве, как и праве в целом (его отраслях), проявляется за счёт новизны, а стабильность — за счёт преемственности в регулировании соответствующей группы отношений. Нельзя не сказать о том, что в разных отраслях права различна степень преемственности. С правовой точки зрения, на наш взгляд, соотношение преемственных и новых норм в трудовом праве как отрасли права в сложившихся условиях осуществляется наиболее правильно.

Несомненно, в развитии современного трудового права проявление преемственности и новизны, как правило, наблюдается при кодификации трудового законодательства. Преемственные нормы позво-

ляют осуществить стабильное правовое регулирование отношений, поскольку они сложились и действуют длительное время. На их основе формируются устойчивые (стабильные) правовые связи отрасли¹. Наряду с преемственными нормами трудового права вводятся и новые нормы, посредством которых происходит модернизация (обновление) правовой отрасли. Обновление свидетельствует о динамичном развитии отрасли. Оно осуществляется в результате принятия новых нормативных правовых актов (вне-сечения изменений в действующее трудовое законодательство). Нередко процессы преемственности и новизны «переплетаются», то есть они находятся в тесной взаимосвязи. Это происходит тогда, когда в стабильное состояние отдельной правовой отрасли включается процесс динамики. Таким образом, одновременно наряду с преемственностью проявляется и новизна в регламентации определенного круга отношений. Безусловно, в приоритете любого государства должна оставаться стабильность в регламентации определённого круга отношений, но нельзя не учитывать динамику. При этом она должна быть целесообразной: право не может подвергаться модернизации настолько, насколько быстро происходят различного рода изменения в экономике, политике и социальной сфере государства. Постоянство правовой материи (стабильность) задают наиболее устойчивые ее части (элементы). Одни из них заимствуются законодателем в целом, другие — в части, претерпевая определённые изменения и дополнения, третьи — воспроизводятся только в виде идеи. Они пребывают в праве постоянно, объективно составляя его ценностную основу. При этом неизбежна модернизация в праве (отраслях), вызванная различного рода преобразованиями, происходящими в государстве и обществе. Таким образом, в современных условиях в праве (отраслях) одновременно наблюдается и статика, и динамика. Как говорилось, процессы преемственности и новизны в праве (отраслях) взаимосвязаны, и, полагаем, только в исследовательских целях их можно разделить.

Целесообразно начать настоящее исследование с вопроса о понимании в праве категорий преемственности и новизны. В философской литературе под преемственностью понимается связь между различными этапами или ступенями развития, сущность которой, состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы². В общей теории права, отдельных отраслях права категория «преемственность» используется при исследовании правовых явлений. Вместе с тем нельзя не отметить то, что однозначного определения исследуемой категории в правовой науке не выработано. Например, в работе Н. Неновски, специально посвящённой преемственности в праве, не содержится определения рассматриваемой категории, хотя вопрос о понятии в монографии поставлен. В предисловии к русскому изданию он пишет: «преемственность в праве означает связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления, суть этой связи состоит в сохранении определённых элементов или сторон права (в его сущности, содержании, форме, структуре, функциях и др.) при соответствующих его изменениях»³. В более поздних отечественных работах общетеоретического характера понимание преемственности находит отражение, но единой правовой точки зрения на определение её понятия не выработано. Например, В. А. Рыбаков, по существу, воспроизводя мысль Н. Неновски, представляет её как: «связь между этапами развития права, состоящую в сохранении части элементов системы права»⁴. Несколько по-другому рассматривает преемственность Ф. Ф. Литвинович: «как объективную закономерность развития права во времени»⁵.

В качестве ключевых слов при определении исследуемой категории используются следующие: «заимствование, перенесение, сохранение». В этом видится развитие общесмыслового и философского понимания преемственности: переход (передача от одного другому) позволяет сохранить и перенести (заимствовать) определённый опыт правового регулирования, в результате чего право развивается на основе признанных ценностей. Конечно, при формировании и развитии права сохраняется определённый (национальный) опыт регулирования общественных отношений, а также заимствуются некоторые более совершенные элементы международного права. В результате в праве устанавливаются особые связи (генетические⁶), выявляются закономерности, определяющие тенденции его развития. Преемственность, как отмечал Г.В. Швеков, явление универсальное «сопровождает право на всех этапах его развития»⁷. И в этом смысле преемственность можно представить как правовое явление. Несмотря на правильность представленных в общетеоретической литературе суждений по поводу понимания преемственности, считаем, что необходимо определить это правовое явление так, чтобы была отражена его правовая сущность. По нашему мнению, это невозможно сделать без анализа норм отдельных отраслей

¹ См. подробнее: Андриановская И.И. Обеспечение стабильности в современном трудовом праве России // Российский ежегодник трудового права. № 9. 2013 / под. ред. д-ра юридических наук Е.Б. Хохлова. СПб: ООО Университетский издательский консорциум, 2014. С. 120-126.

² Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Сов. Энциклопедия, 1967. Т.4. С. 360.

³ Неновски Н. Преемственность в праве. М.: Юрид. лит., 1977. С.10. Надо заметить, что в его работе подчёркивается, что исходным в исследовании является философское понимание преемственности.

⁴ Рыбаков В. А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 42.

⁵ Литвинович Ф. Ф. Преемственность в праве: вопросы теории и практики. дис... канд юрид. наук. Уфа, 2000. С. 37.

⁶ См. подробнее: Андриановская И.И. Значение первого кодифицированного акта для правового регулирования отношений в сфере труда // Кадровик, 2020. № 8. С.48-58.

⁷ Швеков Г. В. Преемственность в праве. М.: Высшая школа, 1983. С. 11.

права. Надо заметить, что исходным в исследовании будет положение о том, что преемственность в праве — явление, объективно связующее правовую материю во времени. Для этого необходимо представить рассматриваемую категорию всесторонне, в различных её проявлениях. Только такой подход позволит проанализировать теоретические основы, отдельные нормы права, практику их применения и выработать рекомендации, направленные на их совершенствование.

Отметим то, что вполне возможно обозначение категории «преемственность в праве» по-другому, предположим, следующим образом: «правовая преемственность»¹. Но исследуемое правовое явление, как нам представляется, есть смысл называть: преемственность в праве. Итак, преемственность в праве в том числе и трудовом, можно рассматривать в двух аспектах: 1) как его качественную особенность; 2) как процесс, происходящий в праве.

Преемственность выступает специфическим качеством (свойством) права и внутренне присуща ему. Поэтому преемственность в праве может быть определена как *специфическое качество права, позволяющее формировать действующее право на основе исторически сложившихся наиболее оптимальных норм (их отдельных положений)*. Представить преемственность как качественную особенность или качественный признак (специфическое качество) права, отрасли права, вполне возможно, если исходить из того, что преемственность имманентна праву и свидетельствует о его высоком качестве², является показателем ценностных элементов в праве. Она может быть представлена как объективное свойство существования правовой материи. Преемственность в праве проявляется в виде своеобразной константы, обеспечивающей стабильность правовой регламентации общественных отношений.

Преемственность в праве (отраслях) может быть представлена и в виде процесса (как в объективном, так и в субъективном смысле). С одной стороны, преемственность можно представить как *объективно происходящий процесс сохранения наиболее ценных элементов правовой материи*. То есть, в широком смысле слова преемственность можно представить как *объективный процесс воспроизводства норм, внутренне присущий праву при формировании и развитии права (его отраслей)*. С другой стороны, можно представить преемственность в виде процесса субъективного характера (в более узком смысле). *В узком смысле слова преемственность в праве (отдельных отраслях) может быть представлена как субъективный правотворческий процесс отбора, посредством которого происходит оставление для дальнейшего использования в праве норм, либо их отдельных положений, действующих длительное время, признанных наиболее оптимальными в правовом регулировании различных видов отношений*.

Новизна осуществляется за счёт привнесения в правовую материю новых элементов. В этом случае происходит обновление права (отрасли права). Нередко о новизне в праве говорят, применяя такие слова: «новелла», «модернизация». В одном из словарей приводится следующее толкование слова «новелла»: (в переводе с латыни novellus — новый) — закон, дополняющий или частично заменяющий действующие кодексы законов³. Слово «модернезировать»: (в переводе с французского moderniser<moderne современный) — изменить что-либо соответственно современным требованиям...⁴. Модернизация правовой материи необходима, поскольку право должно соответствовать современным социально-экономическим условиям. При его обновлении следует учитывать различного рода преобразования, происходящие в государстве и обществе. Модернизация права происходит, как правило, в ходе кодификации законодательства, проводимой раз в двадцать — тридцать лет. Вместе с тем осуществляется и постоянное обновление права, его отдельных институтов, норм, что наблюдается при текущем изменении законодательства. В современных условиях обновление норм трудового права проводится одновременно в трёх направлениях: в рамках развития международного права (глобальной сфере права), в межгосударственной области права (региональной), во внутригосударственной области (национальной).

В *международной сфере* российское право (как и право любого государства) обновляется на базе норм, установленных на международно-правовом уровне. Это обновление закономерно для права (отраслей), поскольку национальное право развивается в рамках глобальной правовой материи. Модернизация национального права в этой связи происходит путём восприятия международных стандартов. Этот процесс осуществляется в общемировой правовой практике постоянно со времени образования и деятельности международных организаций. Совершенствование ряда норм национального права за счёт

¹ Например, Швеков Г. В. использует категорию «правопреемственность». Представляется более правильным говорить именно о преемственности в праве, поскольку преемственность как таковая наблюдается не только в праве, но и в культуре, в искусстве в иных областях общественной жизни. Причём, Н. Неновски отмечал, что «преемственность в праве не может породить известной преемственности в науке о праве». Неновски Н. Преемственность в праве. С. 158. Здесь следует добавить, — а также и в сфере применения права. В правоприменительной практике преемственность проследить сложнее, но, тем не менее, можно говорить о её присутствии в той или иной мере.

² В толковом словаре качество рассматривается как то или иное свойство, достоинство, степень ценности чего-нибудь // Краткий толковый словарь русского языка / Под ред. В.В. Розановой. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1987. С. 77.

³ См.: Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. Изд. 5-е стереот. М, Русский язык, 1976. С. 183.

⁴ См.: Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. С. 175.

имплементации норм, содержащихся в международных актах, позволяет сформировать более высокий уровень правового регулирования труда. По большому счёту, в данном процессе правового восприятия проявляется единство регламентации определённой группы отношений в международной сфере, и определяются перспективы социально-экономического развития каждого государства, прогрессивного развития мирового сообщества в целом.

Вмежгосударственной (региональной) сфере обновление норм национального права наблюдается при заимствовании опыта правовой регламентации определённого круга отношений между двумя государствами, государствами региона, между несколькими государствами (их союзами, содружествами государств) и т.п. Необходимость выработки общих положений для регламентации определённого круга отношений в последние десятилетия в межгосударственной сфере диктуется общими социально-экономическими интересами государств (содружеств, союзов), нескольких (соседних) государств (ЕС, ЕврАзЭС, СНГ и др.). В настоящем контексте, полагаем, следует отметить две области обновления права отдельного современного государства: область восприятия им региональных актов и область заимствования норм другого (соседнего) государства. Позитивный опыт заимствования трудового законодательства отдельными государствами известен и успешно используется. Этот процесс, в той или иной мере, наблюдается в праве на различных этапах развития отдельных (как правило соседних) государств. Он происходит при формировании норм различных отраслей права в случае обращения законодателя к позитивному опыту регламентации отношений другого государства. Возможно и некоторое обоюдное заимствование государствами оптимальных норм, происходящее между государствами, находящимися на одном уровне развития. В процессе расширения между государствами социально-экономических связей совершенствуется национальное право (этих государств) и осуществляется межгосударственная унификация правового регулирования, позволяющая в условиях развивающейся трудовой миграции устанавливать единые наиболее приемлемые правила в сфере применения труда.

Во внутригосударственной сфере обновление отечественного права происходит на собственной правовой базе. В сложившихся условиях оно осуществляется в рамках совершенствования основных отраслевых норм, включённых в кодифицированный нормативный правовой акт, и норм, содержащихся в отдельных законах, подзаконных актах.

Учитывая происходящие в праве процессы преемственности и новизны, перед российским законодателем стоит нелегкая задача: согласовать преемственные и новые нормы (их элементы). Как правило, определенное (сбалансированное) соотношение преемственных и новых элементов в правовой отрасли (праве), происходит в ходе кодификации трудового законодательства, однако, нередко такое соотношение наблюдается и при текущем обновлении законодательства. В результате этих процессов происходит сохранение преемственных и введение новых норм. Правильное (целесообразное) с правовой точки зрения сочетание преемственных и новых норм позволяет сохранить определённый правовой баланс. Такое их верное нормативное соотношение (сочетание) свидетельствует о прогрессивном развитии права.

Примеров сбалансированного (оптимального) сочетания преемственных и новых норм в действующем трудовом праве много. Например, начиная с КЗоТ 1918 г. по настоящее время законодатель использует термин «*нормальное рабочее время*», который был воспринят последующими КЗоТами, в том числе и ТК РФ. Это первый вид рабочего времени, нашедший закрепление в первом Кодексе, используемый законодателем в ходе всех кодификаций трудового законодательства, проводимых в России. Второй вид — рабочее время сокращённой продолжительности или *сокращённое рабочее время* как вид рабочего времени получил закрепление в КЗоТ 1922 г. В этой связи, необходимо специально отметить то обстоятельство, что в КЗоТе 1918 г. как таковые нормы о рабочем времени сокращённой продолжительности не были специально выделены (названы). Они представлены в Кодексе своеобразно, — как нормы о нормальном рабочем времени, но по их содержанию можно понять, что речь идет о сокращении рабочего времени: «продолжительность нормального рабочего времени каждого трудящегося не может превышать 6 часов: а) для лиц, не достигших 18-летнего возраста, и б) в отраслях труда, особо тяжких и неблагоприятных для здоровья» (ст. 85 КЗоТ 1918 г.). То есть, по содержанию эти нормы посвящены сокращению нормального рабочего времени, а, по существу, так они не названы. Поэтому, получается, официально группа норм о сокращённом рабочем времени (в полном согласовании их формы и содержания) была сформирована только в результате второй кодификации трудового законодательства. В теоретическом аспекте можно сказать, что в первых Кодексах (на время их действия) последовательно получили закрепление два вида рабочего времени. КЗоТ 1922 г. включал нормы о сокращении рабочего времени для определённых категорий работников. К ним были отнесены: лица в возрасте от 16 до 18 лет; лица, занятые умственным и конторским трудом, за исключением тех, работа которых связана непосредственно с производством; лица, занятые на подземных работах; лица, занятые в отраслях производства, особо тяжёлых и вредных для здоровья (ст. 95). В ст. 136 этого кодекса указывалось на то, что для лиц, моложе 16 лет устанавливается 4-часовой рабочий день. В КЗоТе 1971 г. указанные положения предшествующего Кодекса о сокращении продолжительности рабочего времени получают дальнейшее развитие и совершенствование. Примечательно, в отдельных статьях представлены нормы о сокращении рабочего времени: для работников моложе 18 лет (ст. 43); для работников, занятых на работах с вредными условиями труда, (ст. 44); для отдельных категорий работников (ст. 45). В ст. 45 на-

званы работники, для которых установлена сокращённая продолжительность рабочего времени: учителя, врачи и другие. По сути, для этих работников сокращённая (36-часовая) рабочая неделя сохранилась до настоящего времени. В ТК РФ основные правила сокращения рабочего времени предусмотрены в ст. 92.

Третий вид — рабочее время неполной продолжительности или *неполное рабочее время* как вид рабочего времени впервые получил закрепление в трудовом законодательстве в результате третьей кодификации (ст. 49 КЗоТ 1971 г.). Отдельные положения этой статьи получили развитие в ст. 93 ТК РФ. Таким образом, во всех кодифицированных нормативных правовых актах (основных актах правовой отрасли) последовательно получили закрепление виды рабочего времени. Эти три вида рабочего времени (нормальной, сокращенной и неполной продолжительности) представлены и действующем ТК РФ.

Следующий пример свидетельствует о закреплении в ТК РФ норм о запрете дискриминации в сфере труда (общего характера), сформулированных в результате восприятия отечественным законодателем международных стандартов. Введение этих норм в действующее законодательство позволяет правильно сочетать нормы, предусматривающие общие (базовые) положения правового регулирования труда, и нормы, их детализирующие. До принятия ТК РФ общих положений, содержащих запрет на дискриминацию в сфере труда в ранее действовавших кодексах не было. Можно назвать лишь отдельные нормы, расположенные в КЗоТе 1971 г. (глава Ш «Трудовой договор»). К ним следует отнести нормы, содержащие запрет на «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при приёме на работу в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности и отношения к религии» (ст. 16 КЗоТ). Надо заметить, что законодатель представлял их в виде гарантий, поскольку ст. 16 КЗоТ называлась: «Гарантии при приеме на работу». В этих нормах речь шла о том, что не допустимы ограничения или преимущества при приеме на работу, но, повторимся, норм общего характера о запрете дискриминации не было.

Впервые в результате четвертой кодификации трудового законодательства были введены общие положения о запрете дискриминации в сфере труда (в виде принципа). Законодатель, представляя в ст. 2 ТК РФ перечень принципов трудового права, отмечает, что принципы сформулированы на основе: «общепризнанных принципов и норм международного права». Исследуемый принцип сформулирован следующим образом: «Запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда». В последующих нормах предусмотрены его основные положения, устанавливающие: запрет дискриминации в сфере труда (ст. 3 ТК РФ); запрет принудительного труда (ст. 4 ТК РФ). В статье третьей Кодекса говорится о том, что никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника. Эти положения общего характера находят дальнейшее выражение в статье 64 ТК РФ «Гарантии при заключении трудового договора»: «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников не допускается...». В отдельных случаях, говорится в статье, могут быть исключения, но только те, которые предусмотрены в федеральном законе. Как видно, в ст. 64 ТК РФ воспроизведены отдельные преамбульные положения из ст.15 предшествовавшего Кодекса, дополненные новыми элементами. Таким образом, в отечественное трудовое право были включены нормы общего характера, в развитии которых приняты нормы отдельных институтов трудового права как отрасли права, имеющие преамбульную основу в прошлом законодательстве. Не исключено введение новых норм (в рамках других институтов отрасли), основанных на общих нормах о запрете дискриминации в сфере труда.

Немало примеров, свидетельствующих о несбалансированности норм, содержится в действующем Трудовом кодексе. Дисбаланс в правовой материи образуется в результате неправильного (нецелесообразного) правового сочетания преамбульных и новых норм. Это случается, когда законодателю сложно сбалансировать преамбульные и новые нормы (они остаются несбалансированными), правоприменитель их не использует, или применяет неверно. Например, с 1922г. по настоящее время во всех кодифицированных нормативных правовых актах отрасли закреплено следующее основание прекращения трудового договора: по соглашению сторон (ст. 44 КЗоТ 1922 г.; ст. 29 КЗоТ 1971 г.; ст. 77 ТК РФ). На протяжении всего времени включения его в перечень оснований прекращения трудового договора существенных изменений в наименовании самого основания и правил его применения не было. Во-первых, формулировка основания не изменилась: «соглашение сторон» (п.1 ст.77 ТК РФ). Во-вторых, помимо названия этого основания в предшествующих кодексах не содержалось каких-либо правил увольнения по данному основанию. Это понятно: все возникающие вопросы при прекращении трудового

договора стороны должны решить сами (путем достижения соглашения между собой). Оно применимо сторонами при их обоюдном согласии, направленном на прекращение трудового договора, при любых обстоятельствах, имеющих значение для сторон. При этом инициатором прекращения трудового договора может быть как работник, так и работодатель. В современных условиях особых изменений не наблюдается: по п. 1 ст. 77 ТК РФ можно расторгнуть договор на любых приемлемых для сторон условиях, главное, чтобы эти условия не ухудшали положение работника и работодателя и стороны добровольно согласились на эти условия. Но были внесены новые правила применения данного основания увольнения. Элемент новизны исследуемых норм состоит в отдельном уточнении, введенном в ходе четвертой кодификации. Оно содержится в ст. 78 ТК РФ: «трудоу договор может быть в любое время расторгнут по соглашению сторон трудового договора». Представляется, эта норма не относится к процедуре увольнения по данному основанию, поскольку она носит уточняющий характер: в ней идет речь о выборе сторонами времени прекращения трудового договора по данному основанию. В этом уточнении, на наш взгляд, нет необходимости, так как оно не имеет правового смысла, ведь в самой формулировке основания прекращения трудового договора закреплён способ его реализации: соглашение сторон. И поэтому, как следует из формулировки основания, любые уточнения прекращения трудового договора (время, место, иные обстоятельства) излишни. Они не подлежат закреплению в кодифицированном нормативном правовом акте. По нашему мнению, приведенное в Кодексе уточнение нецелесообразно, от него следует отказаться.

Введение новых норм, не согласующихся с преемственными, не улучшает качества права. К таким нормам можно отнести нормы об аннулировании трудового договора, содержащиеся в ч. 4 ст. 61 ТК РФ «Вступление договора в силу». В этой части статьи предусмотрено право работодателя аннулировать трудовой договор в случае если работник не приступил к работе в установленный нормами анализируемой статьи срок. Во-первых, термин «аннулирование» трудно истолковать. Во-вторых, сложно понять правовое значение этого явления и правовые последствия применения норм об аннулировании трудового договора. С одной стороны, в исследуемой статье говорится, что аннулированный трудовой договор считается незаключённым (ч. 4 ст. 61 ТК РФ). С другой, — в нормах ч. 1 ст. 61 ТК РФ указано на то, что трудовой договор вступает в силу со дня подписания его сторонами, либо со дня фактического допущения к работе с ведома или по поручению работодателя (уполномоченного им представителя). Получается, что трудовой договор, по нормам ч.1 исследуемой статьи заключён, а по нормам ч. 4 этой же статьи — нет. Правовые последствия аннулирования трудового договора, предусмотренные ч. 4 ст. 61 ТК РФ, на наш взгляд, удивительны: «аннулирование трудового договора не лишает работника права на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию при наступлении страхового случая в период со дня заключения трудового договора до дня его аннулирования». Однако в нормах ч.4 ст. 61 ТК РФ отмечено: аннулированный трудовой договор считается незаключённым. А если он не заключен, то какие правовые последствия он может повлечь? Необходимо отметить, что практика применения этих норм не отличается однообразием. При применении указанной статьи правоприменитель нередко отождествляет понятия: аннулирование и недействительность трудового договора. На наш взгляд, нормы об аннулировании трудового договора необходимо исключить из анализируемой статьи.

Таким образом, вновь принятые правовые нормы должны быть действительно необходимы для регламентации отношений и всесторонне обоснованы. К сожалению, нередко бывает так, что в этих новых нормах вообще нет необходимости, в результате они не пригодны для регулирования современных отношений. Такие нормы привносятся в современное право без учёта сложившихся социально-экономических условий, в результате они оказываются неприемлемыми для правовой регламентации современных отношений. При введении таких новых норм нарушается согласованность уже имеющихся (действующих) норм. В итоге, новые нормы, не имеющие преемственной основы, введенные в действующее трудовое право без должного правового обоснования, остаются невостребованными современными правоприменителями.

Баранов Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranov Vladimir Mikhailovich

doctor of law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to the head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activities, President of the Nizhny Novgorod research and applied center "Legal technology"

E-mail:baranov_prof@bk.ru

**Инновационные юридические проекты
в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника**

**Innovative legal projects in the focus of failures (innovation failures):
doctrine, practice, and technique**

*«Так называемая жизнь
Кого из нас не чаровала
И если разочаровала,
Прости ей все и удержишь.
В согласии на неуспех».*

*Нерсесянц В.С. Настроения. Стихи разных лет.
Москва, 1996. С. 4.*

Аннотация. Привлекается внимание юридической общественности к отсутствию в России научного направления *innovation failures*, активно развиваемого за рубежом. Обосновывается необходимость сбора, хранения, систематизации и аналитической обработки по специальной схеме неудачных инновационных юридических проектов. Целесообразна подготовка банка инновационных юридических неудач. Предлагается классификация типичных инновационных юридических неудач и обозначаются похожие проекты, которые не относятся к ним. Выявляются основные причины инновационных юридических неудач. Раскрывается специфика технико-юридического оформления инновационных юридических неудач.

Ключевые слова: *innovation failures*, инновационный юридический проект, неудачный инновационный юридический проект, инициативный неудачный инновационный юридический проект, банк инновационных юридических неудач, причины неудачных инновационных юридических проектов, технико-юридическое оформление инновационных юридических неудач.

Annotation. The article draws the attention of the legal community to the absence of the scientific direction *innovation failures* in Russia, which is actively developed abroad. The article substantiates the need to collect, store, systematize and analyze unsuccessful innovative legal projects according to a special scheme. It is advisable to prepare a Bank for innovative legal failures. A classification of typical innovative legal failures is proposed and similar projects that are not related to them are identified. The main reasons for innovative legal failures are identified. The article reveals the specifics of technical and legal registration of innovative legal failures.

Key words: *innovation failures*, innovative legal project, unsuccessful innovative legal project, initiative unsuccessful innovative legal project, Bank of innovative legal failures, reasons for unsuccessful innovative legal projects, technical and legal registration of innovative legal failures.

---

1. К вопросу о сущности и значении анализа неудачных инновационных юридических проектов.

Вынесение в заголовок работы словосочетания «innovation failures» преследует одну предельно конкретную цель — привлечь внимание правоведов (ученых и практиков) к отсутствию в России научного направления, активно развиваемого за рубежом.

Речь идет о деятельности Международного комитета по истории технологий, который с 1980 года проводит исследования и организывает научные симпозиумы об инновационных неудачах предпринимателей. Под эгидой комитета публикуются аналитические кейсы о крупных резонансных неудавшихся инновационных проектах.

Специалисты в области инновационного техпредпринимательства, фиксируя отсутствие целостной инновационной политики, считают: «Как это и бывает в инновационной сфере, процесс этот сопровождается провалами и неудачами, которых *больше* (курсив мой. — В.Б.), чем историй успеха»¹. Автор на этой же странице сетует, что понятие «инновация» практически исчезло с локаторов большой политики. Он полагает: проанализировать опыт науки — значит подготовить условия для коррекции деятельности государственной власти и «вернуть» инновационную тему в «большую повестку» нашей экономики. Д.С. Медовников констатирует: «Изучение неудачного опыта для этого может оказаться даже полезнее, чем смакование единичных звездных историй».

К инновационным юридическим проектам эти оценки в полной мере неприменимы — гуманитарная специфика «рисует» несколько иную картину.

В юридической науке и практике культура анализа дефектов правотворчества и правоприменения прижилась, опыт такого анализа весьма значительный². Но неудачи инновационных юридических проектов из этого анализа пока выпадают.

Так, белорусский исследователь Д.М. Степаненко, анализируя инновационную функцию российского государства и выступая за подготовку Инновационного кодекса Российской Федерации, даже не упоминает о высокой рискованности новаторской деятельности и возможности неудач на этом пути³. Речь идет о возможности реального практического развития теории, практики, техники, дефектов законодательства и иных дезорганизующих элементов правовой системы и гибком переходе к контролю за ними для недопущения неудач инновационных юридических проектов и поэтапного их устранения.

Рассуждая об инновации как базовом понятии инновационного правового понятийного аппарата, И.П. Кожокарь полагает, что «Основной правовой понятийный **ИННОВАЦИОННЫЙ** ряд должен строиться по принципу соподчиненности к базовому понятию инноваций и отражать его признаки». По его мнению, «к основным понятиям этого ряда следует отнести понятия инновационный продукт, инновационная деятельность, инновационная система, информационная инфраструктура, инновационная политика. Под каждым из этих понятий могут быть выстроены собственные понятийные ряды»⁴.

Такой подход чрезмерно схематичен и с практической точки зрения вряд ли реализуем, мы не знаем, что в итоге войдет в «собственные» понятийные ряды ключевых понятий, как они станут взаимодействовать друг с другом. Но не только в этом дело — предлагаемая автором понятийная сеть «затеняет» важнейший элемент правовой инновационности: **процесс** и **результат** каждого из субъективно обозначенных им понятий. Именно поэтому из его схемы «выпадает» феномен инновационной юридической неудачи. Совершенно неясно — где это явление может «расположиться» на пересечении множества конкретизирующих «инновацию» понятий и терминосистем.

Неудачный инновационный юридический проект — понятие, которое вряд ли когда-либо получит законодательное определение. Предметом четкой и работающей законодательной дефиниции это понятие в ближайшей перспективе вряд ли станет.

Неудача (failure) — гипероним (то есть наиболее общее понятие), которое охватывает собой и такой терминологический ряд (гипонимы) — fault, mistake, error (вина, отказ, оплошность, девиация, ошибка).

¹ Медовников Д.С. Дайте наконец рискнуть! // Инновации: разбор полетов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели / под ред. Д.С. Медовникова. Москва: Стимул, 2019. С. 211.

² См.: Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола (29—30 мая 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. Москва: Проспект, 2009; Жильцов М.А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011; Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. Москва, 2014; Соколова М.А. Дефекты юридических документов. Москва, 2016; Кожокарь И.П. Основы теории цивилистической дефектологии. Москва: Проспект, 2017; Викулин А.Ю. Начала теории законодательных дефектов. Москва: Норма, 2019; Савенков А.Н., Жуков В.Н. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. Москва: Институт государства и права РАН, 2019; Понкин И.В. Девиантология государственного управления: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2019; Кожокарь И.П. Технично-юридические дефекты в российском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020.

³ См.: Степаненко Д.М. Инновационная функция российского государства как ключевой фактор его развития в XXI веке // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 5—8.

⁴ Кожокарь И.П. Инновации и инновационная деятельность: правовой аспект // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 3. С. 182.

Осмелюсь предположить: наряду с понятием failure (неудача), можно использовать исчисляемый в денежном эквиваленте синоним loss (потеря, убыток, поражение).

В словаре В.И. Даля понятия «рисковать», «рискнуть», кроме значения «пускаться наудачу, на неверное дело...», определяются и так — «подвергаться неудаче». Провальные, непроходные, неудавшиеся эмоционально-популистские, демагогические, непосильные, неисполнимые, финансово необеспеченные — вот еще один «ряд» негативных характеристик, нередко обращаемых к неудачным инновационным юридическим проектам. Охватить весь «спектр» приведенных отрицательных оценок, пожалуй, можно условным словосочетанием «инновационная юридическая неудача».

Понятие «провал» по своему смысловому содержанию близко к понятию «фиаско». «Потерпел фиаско» — характеристика таких инновационных юридических проектов, от реализации которых был вынужден отказаться сам его инициатор (автор). Речь идет о крайней степени неудачи, сокрушительном и безвозвратном провале инновационного юридического проекта.

Таким образом, используя разные терминологические образования, можно фиксировать (при достижении доктринального консенсуса) различную степень неудачи инновационного юридического проекта, ее уровень и понесенные потери.

Иная правовая ситуация складывается, когда инновационный юридический проект «закрывается», «прекращается» волевым решением властной структуры при убежденности инициатора в возможности его успешного завершения. Здесь все зависит от цены инновационного юридического проекта, его трудоемкости, потребности в технических средствах и способности инициатора самостоятельно закончить проект.

Разумная «увязка» этих близких по смыслу понятий в сфере юридической проблематики поможет избежать разночтений при выяснении сущности, анализе видов и причин инновационных правовых проектов.

По наблюдению специалистов, «неудача — это, как правило, относительная характеристика, имеющая субъективно-оценочную природу. То, что один человек оценит как крах, другой сочтет временной неудачей, третий увидит в ней полезный опыт, четвертый отметит, что это эпизод на большом жизненном пути и основа для дальнейшего развития, а пятый — что неудача конкретного проекта стала существенным вкладом в развитие экономики страны в целом и создала целый веер положительных внешних эффектов»¹.

Неудачи в юридических инновациях не только многочисленны, но и довольно информативны. По замечанию С.В. Борзых, «гораздо лучше и плодотворнее изучать то, что приводит к неудовлетворительным последствиям, чем корпеть над единичными иллюстрациями обратного»².

Социальная практика свидетельствует о том, что неудачные инновационные проекты — весьма частое явление, но системное выявление причин и реальных последствий осуществляется редко. Больше всего этим занимаются экономисты, социологи, науковеды, психологи. Важно создание такой атмосферы, такого микроклимата в любом творческом виде деятельности, когда неудача не драматизируется, когда ей не придается характер краха и трагедии, когда нет необходимости всеми доступными средствами скрывать неуспех.

Видный теоретик предпринимательства Шихар Гош из Гарвардской школы бизнеса заметил: «стартаперы и их инвесторы предпочитают хоронить своих мертвецов в тишине»³. И это понятно — инноваторы не имеют желания делиться с общественностью и специалистами подробностями провала их проектов. Задача — последовательно воспитывать социальную толерантность к инновационным неудачам, воспринимать их как нормальный вариант творческой поисковой деятельности. Допускаю, что это элемент подлинной инновационной правовой культуры, где реальная оценка постигших юридическую новацию неудачу — обычный процесс. Неудачи в выборе, разработке или реализации инновационного юридического проекта — элемент творческой свободы. Если угодно: риск творчества в любой сфере предполагает право на неудачу. Инновационная юридическая деятельность — свидетельство неординарности, самобытности исследователя-разработчика, доказательство его профессионализма, интеллектуального бесстрашия, гражданской смелости, способности к обоснованному риску.

Вышеприведенные положительные характеристики личности инноватора желательно модифицировать применительно к коллективным субъектам инициативной инновационной юридической деятельности (органам государственной власти, институтам гражданского общества, различным объединениям муниципального уровня).

С 1 января 2011 года вступает в силу серия статей (пункт 4² части 1 статья 25¹, статья 26¹, статья 56¹) Федерального закона Российской Федерации от 20 июля 2020 года № 236-ФЗ «О внесении из-

¹ Медовников Д., Розмирович С. По ту сторону мифа об удачных инновациях // Инновации: разбор полетов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели / под ред. Д.С. Медовникова. Москва: Стимул, 2019. С. 12.

² Борзых С.В. Критерии истины. Москва: ИНФРА-М, 2019. С. 85.

³ Цит. по: Оганесян Т. Нехватка технологического интеллекта. Инновационные неудачи: обзор зарубежных публикаций // Инновации: разбор полетов. Как ошибаются российские технологические предприниматели. Москва: Стимул, 2019. С. 218.

менений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» (далее — федеральный закон № 236), посвященных инициативным проектам¹.

Федеральное законодательство, пожалуй, впервые столь детально урегулировало вопросы выдвижения, подготовки, отбора и реализации инициативных проектов в сфере муниципального управления. Нельзя забывать, что именно муниципальная власть ближе всего к гражданам и именно в этой сфере множество десятилетиями не решаемых проблем. Успешная правовая и иная активность граждан на этом уровне в состоянии кардинально изменить отношение населения к государственной власти, включая президентскую.

Согласно статье 26¹ «Инициативные проекты» анализируемого Федерального закона: «1. В целях реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования или его части, по решению вопросов местного значения или иных вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления, в местную администрацию может быть внесен инициативный проект. Порядок определения части территории муниципального образования, на которой могут реализовываться инициативные проекты, устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

2. С инициативой о внесении инициативного проекта вправе выступить инициативная группа численностью не менее десяти граждан, достигших шестнадцатилетнего возраста и проживающих на территории соответствующего муниципального образования, органы территориального общественного самоуправления, староста сельского населенного пункта (далее — инициаторы проекта). Минимальная численность инициативной группы может быть уменьшена нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Право выступить инициатором проекта в соответствии с нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования может быть предоставлено также иным лицам, осуществляющим деятельность на территории соответствующего муниципального образования.

3. Инициативный проект должен содержать следующие сведения:

1) описание проблемы, решение которой имеет приоритетное значение для жителей муниципально-го образования или его части;

2) обоснование предложений по решению указанной проблемы;

3) описание ожидаемого результата (ожидаемых результатов) реализации инициативного проекта;

4) предварительный расчет необходимых расходов на реализацию инициативного проекта;

5) планируемые сроки реализации инициативного проекта;

6) сведения о планируемом (возможном) финансовом, имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных лиц в реализации данного проекта;

7) указание на объем средств местного бюджета в случае, если предполагается использование этих средств на реализацию инициативного проекта, за исключением планируемого объема инициативных платежей;

8) указание на территорию муниципального образования или его часть, в границах которой будет реализовываться инициативный проект, в соответствии с порядком, установленным нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования;

9) иные сведения, предусмотренные нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

4. Инициативный проект до его внесения в местную администрацию подлежит рассмотрению на сходе, собрании или конференции граждан, в том числе на собрании или конференции граждан по вопросам осуществления территориального общественного самоуправления, в целях обсуждения инициативного проекта, определения его соответствия интересам жителей муниципального образования или его части, целесообразности реализации инициативного проекта, а также принятия сходом, собранием или конференцией граждан решения о поддержке инициативного проекта. При этом возможно рассмотрение нескольких инициативных проектов на одном сходе, одном собрании или на одной конференции граждан.

Нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования может быть предусмотрена возможность выявления мнения граждан по вопросу о поддержке инициативного проекта также путем опроса граждан, сбора их подписей.

Инициаторы проекта при внесении инициативного проекта в местную администрацию прикладывают к нему соответственно протокол схода, собрания или конференции граждан, результаты опроса граждан и (или) подписные листы, подтверждающие поддержку инициативного проекта жителями муниципального образования или его части».

Статья 56¹ Федерального закона определяет финансовое и иное обеспечение реализации инициативных проектов, содержит дефиницию понятия «инициативные платежи» — это денежные средства граждан, индивидуальных предпринимателей и образованных в соответствии с законодательством Российской Федерации юридических лиц, уплачиваемые на федеральной основе и зачисляемые в соответ-

¹ Российская газета. 2020. 24 июля.

ствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов. Предусмотрена этим законом реализация инициативных проектов в форме добровольного имущественного и (или) трудового участия заинтересованных лиц.

Нет необходимости проводить масштабные научные изыскания, чтобы констатировать: «львиная доля» инициативных проектов в муниципальных образованиях будет посвящена реализации национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни»¹.

Преломляя эту повестку к проблеме инновационных неудач, надо отметить два важных обстоятельства.

Первое связано с тем, что федеральный закон № 236 напрямую определяет суть инициативных проектов с их приоритетным знанием для жителей муниципального образования.

Речь идет о том, что приоритетность инициативного проекта в данном контексте отождествляется с его новизной и острой практической надобностью.

Второе обстоятельство предполагает своевременную организацию всех неудачных инициативных проектов, анализ причин провала. В масштабе страны это может серьезно помочь в выявлении «боле-вых точек» государственного управления.

После принятия федерального закона № 236 были внесены необходимые изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации. В частности, статья 165 Кодекса была дополнена новым абзацем следующего содержания: «осуществляет методическое обеспечение планирования и исполнения расходов бюджетов субъектов Российской Федерации (местных бюджетов) в целях реализации инициативных проектов»². Этот абзац желательно расширить указанием (установлением) об **обязательности** сбора, фиксации, анализа, систематизации, хранения информации о неудачных, не состоявшихся инновационных юридических проектах.

Инновационные инициативные юридические проекты, по всей видимости, можно рассматривать в качестве разновидности интеллектуального предпринимательства, и важно, чтобы нетерпимое, чрезмерно резкое отрицательное отношение к неудачам в этой сфере не «гасило» столь ценную социальную активность.

Значимость официальной и неофициальной фиксации неудачи идеи, концепции закона, законопроекта тесно связана с процессами преемственности законодательства, его конвергенции, гармонизации.

Неудачные инновационные юридические проекты, если к ним относиться нейтрально, доктринально и организационно равнодушно, нередко активно заимствуются, тиражируются, постоянно воспроизводятся в иных сферах и уровнях. Ясно, что это ведет к непомерным временным затратам, материальным потерям, напрасной трате интеллектуальных сил. Например, в ходе становления в СССР, а затем и в Российской Федерации инвестиционного законодательства было допущено немало принципиальных ошибок — была, по признанию специалистов, утрачена сама суть правового регулирования: защита права собственности иностранного инвестора. Эти и некоторые другие неудачные правовые решения потом стали заимствовать все бывшие союзные республики³.

В этом смысле можно только приветствовать позицию главы Сбербанка России Германа Грефа. В интервью в рамках спецпроекта ТАСС «Первые лица бизнеса» на вопрос: «Часто бывает, когда команды работали, креативили, но в итоге не полетело?» он ответил: «Регулярно. Но у нас очень много инициатив. Отрицательный опыт тоже полезен. Считайте, мы его купили»⁴.

Любой инновационный проект в **любой** сфере в большей или меньшей степени имеет нормативное правовое обеспечение, но когда происходит провал и проект не просто рушится, а даже причиняет вред, юристы обычно остаются в стороне. К юристам, как правило, претензии не предъявляют, поскольку бытует мнение о вторичности, второстепенности их роли в инновационном экономическом, биомедицинском, техническом проекте. Надо быть самокритичным — это не вполне справедливо. Подлинное правовое обеспечение инновационного проекта предполагает знание регламентируемой проблемы изнутри, и ответственность должна быть солидарная, но, разумеется, пропорциональная, дозированная.

При этом надо различать правовую и организационную форму инновационной деятельности, под которой «следует понимать внутреннее упорядоченное объединение сил и средств, посредством которого достигаются цели инновационного проекта»⁵.

Подлинно инновационная деятельность немислима без новаторского, адекватного в новом прочтении юридического обеспечения. При этом юридическая инновация из-за новаторского предмета регламента-

¹ См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 24 июля 2020 года № 474 // Российская газета. 2020. 22 июля.

² См.: О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 20 июля 2020 года № 216-ФЗ // Российская газета. 2020. 24 июля.

³ Подробнее см.: *Доронина Н.Г.* Идея правового регулирования инвестиций и перспективы развития законодательства. Москва: Юриспруденция, 2010. С. 4—5.

⁴ Герман Греф: Я — игрок в долгую // Литературная газета. 2020. 8—14 июля, С. 5. Об интересных фактах многочисленных неудач изобретателей см.: *Милевский А.* Алгоритм для идеи // Российская газета. 2019. 17 апреля.

⁵ *Городов О.А.* Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности). Санкт-Петербург: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. С. 85.

ции, как правило, приобретает самостоятельную новизну. И ее не следует смешивать и отождествлять с инновационностью регулируемой деятельности. Юридическая инновация — специальная правовая территория, уникальное (объемное или малое) пространство. Реалистичные 3D-модели женского и мужского тела, где можно увидеть 4 000 объектов человеческого тела, разумеется, инновация. Но это не юридическая инновация до тех пор, пока не появится правовой механизм, правовой режим применения этих моделей. И так обстоит дело со всякой прорывной технологией в естественных науках и практиках.

Нельзя не видеть организационно-управленческой трудности «подключения» юридического обеспечения к инновационной деятельности в той или иной сфере — правоведа не в состоянии «отслеживать» инновационные разработки даже в открытых наиболее популярных областях науки и производства. Системы ознакомления с ними не существует. Далекое не все юристы в состоянии определить реальные перспективы, «точки роста» той или иной инновационной разработки, ее «слабые звенья» и создать адекватные юридические процедуры.

Неудачи юридических инноваций необходимо тщательно собирать, надежно хранить, систематизировать и последовательно анализировать (обрабатывать). Работу по сбору инновационных юридических неудач надо вести десятилетиями, суммируя опыт разных стран, и только тогда можно будет выработать истинные и эффективные магистральные пути решения кардинальных правовых проблем. Конечно, это трудоемкое направление деятельности, но оно неизбежное и, пожалуй, беспроектное. Со временем эта деятельность приведет к созданию специализированного **банка** инновационных юридических неудач. Представление информации (по определенной схеме) в этот банк не может содержать каких-либо ограничений, за исключением неудачных проектов, содержащих государственную тайну.

В качестве иллюстрации могу привести предложение Максима Филипенко, заведующего лабораторией фармакогеномики Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, одного из разработчиков прототипа экспресс-теста для первичного выявления больных коронавирусом: «Я бы обратил внимание на биобанкирование (центры сбора, хранения и обработки) различных типов биологических образцов. Хорошо было бы сейчас замораживать образцы больных SARS—COV—2, фиксировать активность их иммунной системы, отображать активность различных биомаркеров. Для понимания механизмов протекания этого заболевания и дальнейших исследований это просто необходимо»¹.

И, действительно, генетический материал коронавируса настолько изменчив, его мутации настолько многообразны, способы размножения и распространения столь необозримы, что долговременный анализ их практически необходим.

По сути, тоже самое происходит с юридическими инновациями. В правовом обеспечении нуждаются почти все экономические, политические, социальные, культурно-воспитательные процессы, касающиеся человеческой жизнедеятельности.

Формируя «банк» неудачных юридических инновационных проектов, желательно выделять **приоритетные** сферы деятельности граждан, государства, общественных объединений. При этом надо отличать реальные инновационные юридические проекты от мнимо новых. Имитация инновационного юридического проекта не может быть оценена как неудачная либо удачная. Речь идет об особой разновидности социальной имитации и оценивать ее объективными наукометрическими и иными критериями нецелесообразно.

Как правило, государственная инновационная политика трактуется в качестве составной части государственной социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к инновационной деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти в области науки, техники и реализации достижений науки и техники².

Вопрос о существовании относительно самостоятельной государственной юридической инновационной политики с надлежащей остротой и глубиной в многочисленных трудах о правовой политике не ставится. Возникает резонный вопрос — есть ли необходимость в такого рода политике, какова ее сущность, в чем ее особенности применительно к современной России, каково ее технико-юридическое оформление. По всей видимости, кто-то может возразить: государственная юридическая инновационная политика — закономерный этап, стадия или направление существующей и функционирующей (с большим или меньшим эффектом) правовой политики современной России.

Полагаю, что такой подход — **принижение** феномена «государственная юридическая инновационная политика», **недооценка** ее методологической и методической роли, **неверие** в ее практическую значимость.

Инновационная юридическая деятельность, ее природа и политика, должна стать предметом специального анализа. Для целей настоящей работы важно отметить — необходимым и весьма значимым ее элементом выступают неудачные юридические проекты. Возможность неудачи инновационного юридического проекта должна быть отражена и учтена в инновационной правовой политике и практике. Ныне почти все харак-

¹ *Филипенко М.* Пришелец в короне // Троицкий вариант — Наука. 2020. 1 апреля. С. 1.

² См.: *Кочетков А.П.* Некоторые особенности государственной инновационной политики в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 6. С. 98.

теристики и определения инновационной юридической деятельности носят идеализированные, неоправданно комплиментарные оценки (она якобы и системная, и научнообоснованная, и результативная).

Инновационный результат проекта научной или практической (включая образовательную) деятельности в юридической среде может быть «квалифицирован» в качестве неудачи, когда он:

1. пытается расширить сферу правовой регламентации посредством «внедрения» нового предмета регулирования, но в итоге этот предмет «не вписывается» в действующую систему законодательства, оказывается в ней инородным телом и потому мертворожденным продуктом;

2. предлагает кардинально изменить направление либо предмет правовой политики или юридической практики, но политическое руководство отвергает (мотивированно или без объяснения причин) проект и избирает иной вектор модернизации государственной и общественной жизни;

3. обосновывает целесообразность существенной модернизации правовых средств государственной поддержки инновационной деятельности, но для этого не оказывается финансовых средств, кадровых ресурсов и предлагаемое изменение признается излишним, нецелесообразным, ненужным;

4. выступает с аргументацией введения нового метода (режима) правового регулирования в традиционной юридически значимой сфере деятельности, но метод (режим) не «приживается» в системе имеющихся технико-юридических средств и фактически «вытесняется» ими;

5. увеличивает круг субъектов, участвующих в тех или иных инновационных правоотношениях, но им не «достается» полномочий, не «находится» юридических обязанностей, и они оказываются в «правовом вакууме»;

6. создает новаторский механизм восполнения институционального пробела законодательства, но законодатель подтверждает намерение сохранить квалифицированное молчание;

7. предлагает новую правовую позицию, способную, по убеждению инициатора проекта, в будущем «преобразоваться» в юридическую норму, но побеждает альтернативная правовая позиция;

8. «реанимирует» в новых условиях ранее функционировавший правовой феномен, но среда отвергает, не принимает его;

9. новаторски заимствует и предлагает реальные пути применения в российской действительности зарубежной правовой идеи, концепции, института, но массовое правосознание и профессиональная культура законодателя отвергает иностранное достижение;

10. понижает уровень правовой регламентации (вместо закона постановление правительства, вместо постановления правительства инструкция министерства), что в результате резко уменьшает ее эффективность;

11. повышает уровень правовой регламентации (вместо приказа министра постановление правительства, вместо постановления правительства федеральный закон), что в итоге «распыляет» юридическую ответственность и ослабляет государственный контроль (надзор);

12. приводит к новаторской систематизации законодательства (новым кодификационным актам, оригинальным инкорпорациям, консолидациям), но упорядочение норм не происходит либо из-за недостаточного их количества, либо из-за малозначительности предмета, либо из-за расположения их в разных иных систематизированных правовых документах;

13. «выводит» на формулирование нового принципа юридически значимой деятельности, но он не принимается, не помещается в правовое пространство, поскольку является элементом иного более высокого по уровню принципа;

14. завершается выдвижением идеи, концепции закона либо цельного законопроекта, но юридическая общественность, правотворческие инстанции в силу разных причин не принимают проект к рассмотрению, и действенных механизмов его продвижения у инноватора нет;

15. «выливается» в креативную образовательную программу (модуль, модель) для подготовки юристов определенного профиля, но не находится университета (института, центра, частной компании), который взялся бы за ее внедрение;

16. способствует, по мнению инноватора, обновлению содержания, разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации или Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но эти высшие судебные инстанции занимают иную правовую позицию и оставляют свой акт без изменения;

17. генерирование новой законодательной инициативы завершилось, но инноватор без объяснения мотивов и причин не посчитал нужным ее обнародовать, оставил «для себя», «положил под сукно».

С особой осторожностью следует «квалифицировать» в качестве неудачи те инновационные юридические проекты, которые связаны и опосредуют экономические процессы и состояния. Здесь необходима тщательная фиксация неудачи в нынешних экономических условиях, но с учетом перспектив улучшения этих условий — ведь в иной ситуации провалившийся проект может быть реализован и стать успешным. Например, известно, что законодательная инициатива о создании госкорпорации «Росшельф» и расширении доступа к шельфу частных недропользователей, по сути, в 2020 году не поддержана Минприроды и Минэнерго, отвергнута иными заинтересованными субъектами.

Ясно, что перед нами конфликт экономических интересов между целым рядом участников рынка («Ростнефть», «Газпром», «Росприроднадзор») — налицо угроза выстроенной системе недро-

пользования¹. И пока не появится крупный инвестор, пока государство не пожелает поделиться своими полномочиями в этой сфере, в целом интересный инновационный экономико-юридический проект не осуществится.

На мой взгляд, в естественно-технических сферах имеется немало инновационных проектов, которые по разным причинам не были реализованы, но по ним до сих пор идут дискуссии о возможности их успешной реализации в будущем (например, уничтожение ледников в Арктике, возвращение Амура в историческое русло).

Нельзя относить к инновационной юридической неудаче справедливую победу альтернативного и публично конкурирующего проекта.

Не инновационной юридической неудачей, а проявлением низкого профессионализма либо научной недобросовестности является ситуация, когда исследователь не обосновывает, не «выводит» из серии аргументов, а выдумывает псевдоновую дефиницию и предлагает ее закрепить в законодательстве.

Вряд ли является неудачей подготовка качественного инновационного юридического проекта, но он не принимается по политическим, этническим, культурно-нравственным причинам. Так, уже около 10 лет в России по политическим соображениям стопорится принятие закона о частных военных компаниях. Проблема актуализировалась в июле 2020 года, когда под Минском были задержаны 32 гражданина Российской Федерации, члены частной военной компании Вагнера. Однако до сих пор политической воли по этому поводу не проявлено и соответствующий юридический документ не принят. Депутаты Госдумы, неоднократно вносившие законопроект (впервые 24 апреля 2012 года), полагают, что власти выгодно использовать частные военные компании, скрытно ссылаясь на коммерческую тайну частного бизнеса.

Гласное либо теневое противодействие проекту той или иной инновационной юридической нормы не может считаться неудачей. Например, ныне идет активное движение некоторых отельеров за отказ от системы обязательной классификации гостиниц. Они ратуют за переход к добровольному присвоению «звездности». Затеваются бесконечные споры о чрезмерности технических требований процесса обслуживания «звезд» — наличие бассейна, конференц-зала, портье у входа². Подлинное качество гостиничного обслуживания немислимо без определенной системы требований, обуславливающих ценовую политику. Без внедрения этой системы субъективизма в назначении цен на номерной фонд гостиниц избежать нельзя.

Можно ли четырехмесячные усилия демократической партии США подвергнуть республиканского президента Дональда Трампа политико-юридической процедуре импичмента считать неудачным инновационным правовым проектом? Или это не инновационный юридический проект, поскольку это уже третий в истории США неудачный импичмент (Эндрю Джонсон в 1868 году, Билл Клинтон в 1998 году). Четвертый по счету импичмент в 1974 году Ричарду Никсону тоже не завершился — президент под тяжестью доказательств ушел в отставку, не дожидаясь формального выдвижения обвинений Палатой представителей. Как профилактическое политическое и технико-юридическое средство импичмент, по всей видимости, нужен, но, стопроцентный успех его в США ставит под сомнение эффективность нынешней процедуры. Политическая составляющая в этом механизме должна быть уменьшена, а юридическая и, может быть, нравственная, усилена. Алгоритм юридических действий при импичменте требует упрощения и конкретизации, поскольку все чаще идут «сбои» действующей избирательной системы.

Особенно много инновационных проектов выдвигается в юридической науке. И это понятно — научное творчество предполагает такого рода результаты. Беда в том, что никто официально постоянно обосновываемые в диссертациях, монографиях, статьях, аналитических докладах юридического профиля идеи, концепции, законодательные предложения **не систематизирует** и **не оценивает**. Подавляющее большинство этих разноплановых новаций в сокровищницу юридических знаний не попадает, они просто постепенно исчезают, оказываются в забвении. Как эту ситуацию квалифицировать? Это неудача или досадные просчеты организации юридической науки. Я не знаю. Но может быть из-за понимания того, что на их труд реально никто не обратит внимания, и в погоне за цифрами публикационной активности многие исследователи считают возможным издавать самые несуразные юридические проекты, не опасаясь доктринальной критики, а порой сознательно провоцируя ее ради повышения индекса Хирша.

Иллюстраций можно привести великое множество, но как противостоять этому валу «новаций» — неясно. Есть даже мнение, что не надо с этим бороться: пусть время рассудит. Приведу лишь один показательный пример. Алексей Александрович Федорченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Минюста России (на момент его публикации) в своей статье весьма резко критикует современное российское правотворчество. «Существующие тенденции правотворчества не отвечают духу сегодняшнего времени», «правотворчество ведет общество к ценностно-нормативной деградации», «ныне господствующая идеология выражает край-

¹ Подробнее см.: *Козлов Д.* «Росшельф» топят всем миром. Профильные министерства раскритиковали проект Минвостокразвития // Коммерсантъ. 2020. 18 февраля.

² См.: *Мерцалова А.* Отельеры прячутся от звезд. Классификацию просят сделать добровольной // Коммерсантъ. 2020. 14 февраля.

нюю степень пренебрежения к высокому духовно-нравственному (мировоззренческому) смыслу и социальному предназначению» — вот лишь некоторые суждения автора. Такого рода критика, конечно, право исследователя, но вот какой «новаторский» проект он предлагает для исправления столь гнетущего положения. Ссылаясь на малоизвестную философскую концепцию, он ратует за Свод начал, за так называемые Нормы Разумного Бытия: развитие, единение, любовь, гармонию, радость, охрану, свободу¹. Автор считает, что государство и законодательство должны организовать весь уклад нашей жизни в соответствии с этими нормами. Но как это сделать? Возможно ли это сделать? Я мог бы долго показывать, что большинство этих Норм в принципе не могут быть целевыми ориентирами и тем более содержанием конкретных юридических норм и институтов, но задача статьи иная. Надо ли и как оценить этот инновационный доктринальный юридический проект? Можно польстить автору и заявить, что это новый вариант «возрождения» естественного права, но реализовать его абстрактную идею невозможно, и в этом ключе перед нами неудача.

Инновационные юридические проекты — творческая деятельность, причин неудачи ее множество и возникает вопрос о целесообразности существования правовой и иной ответственности за провал. Как известно, многие исследователи (я и мои ученики также внесли свою лепту в этот процесс) активно выступают за реальную дифференцированную юридическую и нравственную ответственность за правотворческие, интерпретационные, правоприменительные ошибки. Надо признать, что цена неудач некоторых инновационных юридических проектов может быть весьма значительной. Должна ли в этих не столь уж редких случаях следовать соразмерная юридическая ответственность?

Я считаю: если это новаторский правовой проект и окончательное государственное управленческое решение о его реализации не принято, то в случае неудачи никакая мера юридической ответственности на его инициаторов и исполнителей возложена быть не может. Надо заранее предполагать возможность «издержек юридического производства». Усилия здесь уместнее направить на профилактику появления необоснованных и вредных юридических проектов, на качество их независимой профессиональной экспертизы.

Аксиологическое измерение инновационных юридических проектов, естественно, предполагает ответственность ученых за последствия их реализации, но не за факт неудачи при их разработке.

Технико-юридическое оформление инновационной юридической неудачи не может не обладать ярко выраженной спецификой. И связано это с тем, что инновационная правовая деятельность регламентируется особым «жанром» юридических актов — стратегиями, национальными проектами, концепциями, доктринами, декларациями и другими **программного плана** документами. Почти все они декларируют необходимость инновационных моделей правового развития, цифровых технологий, и другое дело, что далеко не всегда эти декларации выполнимы.

Возникает вопрос — в каком технико-юридическом формате может и должна выражаться инновационная юридическая неудача? В каком именно юридическом документе надлежит показать неудачу (полную или частичную) Стратегии, Доктрины, Национального проекта? Когда это следует сделать?

В действующем российском законодательстве при планировании и проведении различных (крупных либо малых) реформ закреплять эти юридические проблемы не принято. В идеале каждый такого рода социально-политический и правовой акт должен фиксировать и возможность неудачи и обозначать форму ее признания и обнародования. Ясно, что для этого прежде всего нужна политическая воля.

Особенно важно не ошибиться в Стратегии развития той или иной юридической деятельности, и именно потому необходима адекватная доктринальная трактовка этой разновидности правовых актов.

«Правовые стратегии,— отмечает И.Н. Правкина, — следует понимать как *недетализированный план* (курсив мой. — **В.Б.**) воздействия, целью которого является закономерное развитие права и других компонентов правовой системы общества. Успешное воплощение на практике такой стратегии обуславливает *необратимое* (курсив мой. — **В.Б.**) преобразование права и иных структурных элементов правовой системы общества, придавая им качественно новые характеристики»². Такой подход вызывает сомнение в силу двух обстоятельств: в нем отсутствует различие стратегии как юридического акта и стратегии как общенаучного феномена (логико-познавательного инструмента) и присутствует явная гиперболизация роли этого феномена — о необратимых преобразованиях в политико-правовом пространстве вести речь проблематично.

Что касается «недетализированности» правовой стратегии, то они бывают разные и некоторые из них отличаются весьма конкретной программой действий.

¹ Федорченко А.А. Прогнозирование как функция правотворчества: приближение к объективным тенденциям правообразования// Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник научных статей: материалы научно-практической конференции, состоявшейся 13—16 апреля 2009 года в Российской академии правосудия/ отв. ред. В.М. Сырых, М.А. Залина. Москва: Российская академия правосудия, 2010. С. 182—188.

² Правкина И.Н. Роль правовых стратегий в развитии современного конституционного права: сборник научных статей по итогам III Международной конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына (19 декабря 2018 года)/ под ред. А.Г. Мамонтова, А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кирья, 2019. С. 205—206.

Е.Г. Кирсанова, анализируя Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, отметила: «Большинство целей и задач фактически воспроизводятся из предыдущих документов без конкретного анализа неудач их выполнения. Как следствие, задачи и способы их выполнения не соотносятся должным образом друг с другом, а нерешенные проблемы постепенно накапливаются»¹. В этой связи любопытна статья 48 «Участие в развитии государства» Конституции Республики Руанда, которая гласит: «Государство обязано разрабатывать стратегии развития с участием своих граждан»².

Инновационные юридические проекты рождаются и осуществляются как по инициативе прогрессоров, так и по поручению (приказу, предложению) государственной власти, бизнеса, институтов гражданского общества, научных организаций. Инициативные инновационные юридические проекты, как правило, носят новаторский характер с ярко выраженным стремлением (личной мотивацией) получить новый результат (продукт). Доктринальное и публицистическое внимание к неудачным законодательным инициативам требуется для того, чтобы граждане, общественные объединения и другие институты гражданского общества не опасались осуждения или государственного преследования, продолжали активное заинтересованное участие в совершенствовании действующего законодательства. Когда я веду речь о государственном преследовании, то имею в виду политизированные законодательные инициативы, которые по некоторым признакам можно при определенной пристрастности оценить как экстремистскую деятельность.

Субъекты законодательной инициативы призваны быть подлинными инновационными лидерами. Обладающий таким качеством законодатель не станет предлагать бессодержательные популистские законопроекты, а будет вести поиск по-настоящему глубоких идей и проблем, требующих юридической регламентации.

2. Основные причины неудач инновационных юридических проектов.

Отсутствие практики и атмосферы официального признания неудачи на основе осознания и принятия ошибки при выборе, организации и оформлении результата инновационного юридического проекта — одна из доминирующих причин сложившегося положения.

Особой остротой отличается проблема **официального признания** неудачи принятия и практической вредности реализации законов, инициированных Президентом России, Правительством страны, правящей партией в парламенте.

Ложно понимаемый авторитет власти «заставляет» не просто «не замечать» ошибочность или провал принятого закона, но и преподносить его как успех и правотворческую заслугу.

Приведу в этой связи один известный факт, и беда в том, что механизма исправления подобных дефектов нет и создать его вряд ли удастся без политической воли самих инициаторов.

Оценивая эффективность еще проекта «закона Яровой» (точнее целого пакета актов), Эдвард Сноуден (бесспорно, он знаток проблемы) назвал его «не просто опасным, но и непрактичным»: «Массовая слежка не работает. Законопроект отнимет деньги и свободу у каждого россиянина, при этом уровень безопасности не вырастет». Сноуден оценил стоимость нововведения минимум в 33 млрд долларов, не считая неизвестного возрастания цен на услуги связи»³.

Фактический провал тех или иных юридических проектов, как правило, происходит без какой-либо официальной правовой фиксации. Если же такой юридический документ предусматривается и готовится, то его зачастую огласке не предадут.

В случае невозможности сокрытия неудачи инициаторы (либо назначенные исполнители) инновационного юридического проекта обычно представляют крайне скудную (урезанную) информацию, не позволяющую достоверно установить истинные и полные факторы неуспеха. Это, естественно, приводит к повторению ошибок и тиражированию неудач инновационных юридических проектов.

Разноплановость и высокая латентность инновационных юридических проектов не позволяет достоверно и полно выявить, а затем директивно оформить причины их неудач в единую непротиворечивую систему.

Достигнутый ныне уровень знаний предоставляет возможность сформировать некую совокупность типовых общих и узкоспециальных причин неудавшихся инновационных юридических проектов.

Классические первопричины инновационных юридических проектов выделить вряд ли возможно из-за их разного масштаба, правовых нововведений и множества сфер их приложения.

К неудаче того или иного инновационного юридического проекта обычно приводит не одна какая-то причина (даже весьма существенная и косящая стратегический просчет), а их группа. Естественно, что в комплексе этих причин при желании можно установить ряд доминирующих факторов.

¹ Кирсанова Е.Г. Инновационная политика современной России: к вопросу о соотношении теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 6. С. 106.

² Конституции государств Африки и Океании: сборник. Т. 2: Восточная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 568.

³ Подробнее см.: Воронцов С.А. О предупреждении коррупционных рисков в процессе правотворческой деятельности // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 18.

В первом приближении могу обозначить серию следующих значимых причин неудач инновационных юридических проектов:

- недостаточная новизна (новаторство) представленного юридического проекта — малоинновационные проекты зачастую оказываются нежизнеспособными;
- отсутствие поддержки высшего руководства, несформированный стиль непосредственного руководства проекта;
- опасение инноваторов за карьеру, боясь санкций за неудавшееся инновационное предложение;
- нежелание в случае провала проекта понести личный финансовый ущерб;
- чрезмерно высокая степень сложности проекта, отторгающая потенциальных потребителей (пользователей), не желающих осваивать проект, преодолевать познавательные и организационные трудности;
- отсутствие либо нехватка человеческих (кадровых) и иных ресурсов, времени на качественную разработку и последующую реализацию проекта;
- реальное противоречие между потребностями в инновационном юридическом развитии и административно-директивным сдерживанием инновационного творческого потенциала;
- неосновательное предпочтение «коротких», «быстрых» проектов инновационной правовой деятельности ради достижения зримого эффекта в среднесрочный период (3—5 лет);
- инновационный юридический проект разрабатывается столичным мегаполисом и по параметрам их социально-экономического и культурного уровня без учета коридора возможностей регионов, где адаптация и реализация нововведений без поддержки федерального центра невозможна;
- разногласия в среде инициаторов проекта, разобщенность, раздробленность внутри коллектива исполнителей;
- привлечение непрофессиональных или неопытных экспертов, способных своевременно скорректировать поиск приоритетных шагов при продвижении проекта, предупредить нарушение последовательности этапов его реализации;
- слабая популяризация проекта, отсутствие рекламных продуктов, способных привлечь инвесторов и сторонников.

Некоторые из причин неудач инновационных юридических проектов есть резон рассмотреть отдельно, поскольку в силу их сложности и неоднозначности доктринальных интерпретаций требуется развернутое пояснение.

Нравственное неприятие сути и целей инновационного юридического проекта. Приведу примеры из зарубежного правового опыта, где были зафиксированы этические нарушения при организации новаторских исследований и экспериментов.

Целью одного исследования было выявить реакцию учащихся надискриминирующие действия и сделать предположение: «Все белые люди — расисты?».

Многие участники эксперимента были против такого условия и исследование провалилось до стадии сбора данных.

Второй пример о сиделке, медицинской сестре, тренировавшей пациентов умирать от голода, то есть прибегавшей к явно аморальной процедуре эвтаназии.

Третий пример — сокрытие в ходе клинических испытаний инновационного медицинского препарата отрицательных результатов: были опубликованы только положительные данные, подтверждающие эффективность лекарства. Такое деяние исследователей было оценено как уважительное отношение к этническому контракту.

Пациенты не знали, что были объектом исследования и добровольной смерти от голода, проводимыми медицинской сестрой для диссертационной работы: она ставила неконтролируемые эксперименты по методам, приводящим к смерти альтернативным способом¹.

Недостижение необходимой степени зрелости инновационного юридического проекта — существенная причина многих неудач в их реализации. Когда идет речь о движении от удачного инновационного проекта к неудаче, то нельзя забывать о «пограничных состояниях», которые могут быть весьма длительными. Обратимся к феномену Илона Маска — беспрецедентному росту прибыли его компании Tesla. За 2019 год акции компании выросли в 7 раз. И это в разгар пандемии. Вера в электромобили, в перспективы беспилотных авто и космических кораблей, признание творческого гения Илона Маска, можно сказать, **заставила** людей вкладывать деньги в его проект. Между тем проект не бесспорен, его реализация рискованна и отдалена, но, новаторская идея настолько захватывает миллионы инвесторов, что они радостно идут на самообман. По интересному замечанию Андрея Ионина, сдержанно оценивающего проект Tesla, «самой продвинутой и не самой бедной к тому же части современного общества нужны творцы. Героями для них становятся те, кто трансформирует жизнь вокруг, строит будущее и ведет туда остальных»².

Весьма громкое событие, связанное с применением искусственного интеллекта в медицине (соответственно и его правовое обеспечение), — это провал широко разрекламированной дорогостоящей

---

¹ See: Researchers' Ethical Failures Expository Essay Updated: August 20, 2019.

² Ионин А. Почему растут акции Tesla, или кое-что о вере в человечество // Новая газета. 2020. 29 июля.

системы «Ватсон» знаменитой фирмы IBM. Оказалось, что она ставит диагнозы и консультирует хуже среднего врача. После нескольких лет работы систему удалили с рынка¹.

Избыток инновационных элементов в новаторском правовом проекте — еще одна опасность, существенная угроза для его принятия и реализации. Мера инновационности, традиционности, новизны и стабильности (консервативности) — непереносимое условие успеха. Ярким примером неумеренности и чрезмерности прорывных инноваций является амбициозный, но неудачный проект «Ё-мобиль». Сценарий создания автомобиля предполагал: гибридную схему, быстрозаряжающийся суперконденсатор, легкий композитный кузов, роторно-лопастный газобензиновый двигатель. Создатели полагали, что только опираясь на неординарный подход, можно конкурировать с гигантами мирового автопрома².

Одновременно эти технические инновации осуществить оказалось невозможно и проект потерял коммерческие перспективы.

Завершить открытый (и далеко не полный) перечень причин неудач инновационных юридических проектов можно еще одним отрицательным обстоятельством. Профессор И.В. Понкин, исследуя дефекты государственного управления и государственной политики в сфере науки, отметил «чрезмерную увлеченность риторикой инновационности» («реформ», «новаторства») без корреспондирующих этому реальных и эффективных, имеющих прагматическую релевантность инструментариев и подходов, прошедших апробацию и валидацию³. Как бы дополняя и развивая его тезис, В.В. Сорокин замечает: «Нормативно-правовые акты избыточно прагматичны новеллами, порождаемыми порой преходящими ситуациями и в силу этого не способными в полной мере раскрыть свои регулятивные возможности»⁴.

Вышеприведенный перечень причин неудачи инновационных юридических проектов в значительной степени субъективен, условен — при необходимости возможна их перестановка местами.

На сегодня мы можем зафиксировать явную и крупную инновационную юридическую неудачу — неосновательный и, по сути, скрытый отказ о подготовке Свода законов России.

Инновационный правовой прорыв в современной России возможен при одном непереносимом условии — создании, формировании Свода законов Российской Федерации в формате «кодекса кодексов». Без этой объединяющей и поистине национальной юридической идеи ни о какой цельной, планомерной инновационной правовой политике вести речь не приходится. Единый цикл инновационного правового развития, его непрерывность и все дальнейшее совершенствование может обеспечить только Свод законов государства. Естественно, имеется в виду его электронный вариант — все нынешние цифровые достижения надо сконцентрировать, аккумулировать для решения этой глобальной для России (а может быть и мира) задачи.

Являясь убежденным сторонником острой необходимости создания Свода законов России в формате Кодекса кодексов, отдаю себе отчет в том, что «любая кодификация — это упрощение действительности, которая не может быть полностью описана даже самым полным сводом законов и правил»⁵. Но речь идет о таком уровне «упрощения» правовой регламентации, такой степени формализации многомерного юридического пространства, которые радикально улучшат освоение людьми законодательства и значительно укрепят законность.

Принятие Свода законов Российской Федерации вполне можно считать «эпохальной инновацией» (термин Нобелевского лауреата Саймона Кузнецца) в глубокой трансформации правовой сферы. Эпохальной юридической инновацией потому, что он может стать прорывом в совершенствовании всей системы действующего законодательства, мощным и определяющим катализатором долгосрочного упрочения правопорядка, препятствием для реализации юридических псевдоноваций и антиноваций. Свод законов Российской Федерации призван стать базисной инновационной национальной юридической системой и хочется надеяться, что в ближайшее время его (Свода) формирование войдет в число стратегических социально-политических приоритетов.

В современной России в условиях режима экономии все-таки находятся средства на реализацию крупных социально-гуманитарных проектов. Например, могу привести в качестве успешного и нужного проекта функционирование в электронной версии (она постоянно обновляется) Большой российской энциклопедии — 35 объемных нумерованных томов и дополнительного тома «Россия». Интернет-версия Энциклопедии содержит более 80 тысяч статей. Многие предрекали неудачу этому проекту, но он состоялся. Более того, в России впервые в мире реализуется очень амбициозный проект — создается общенациональный энциклопедический интерактивный портал, в котором примет участие примерно 10 тысяч

¹ См.: *Медведев Ю.* Ремонтируем ИИ. Дорого. Как вернуть уехавших за границу российских ученых // Российская газета. 2020. 16 сентября.

² См.: *Механик А.* Маск на букву «Ё» (кейс проекта «Ё-мобиль») // Инновации: разбор полетов. Как ошибаются российские инновационные предприниматели / под ред. Д.С. Медовникова. Москва: Стимул, 2019. С. 67—77.

³ См.: *Понкин И.В.* О некоторых причинах неуспешности организации научной деятельности в образовательных организациях высшего образования России // *Аграрное и земельное право*. 2018. № 6 (162). С. 34.

⁴ *Сорокин В.В.* Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. С. 193.

⁵ *Майленова Ф.Г.* Между этикой и психологией. Творчество или буква кодекса? // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / отв. ред. Г.Л. Белкина. Москва: Ленанд, 2016. С. 210.

авторитетных экспертов¹. Свод законов России вполне может «действовать» в таком же цифровом режиме с ежемесячным (либо ежеквартальным) внесением принятых изменений.

Крупный отдельный полиструктурный том Свода законов России целесообразно посвятить правовому обеспечению инновационной деятельности. Этот элемент Свода российского государства должен быть в самом начале этой официальной инкорпорации — может быть резон его разместить сразу после разделов (томов) о политической системе общества, после конституционных основ государства, законодательства о правах человека. В том можно сконцентрировать кодексы и иные комплексы юридических норм о науке, образовании, изобретениях и открытиях, нанотехнологиях, цифровизации и искусственном интеллекте. Самостоятельный подраздел в этом томе желательно отвести организации банка инновационных юридических неудач, порядку их установления, признания и обнародования.

Другого уровня и плана, но также весьма крупная, инновационная юридическая неудача — после многолетних усилий² не был принят Образовательный кодекс России. Никто из инициаторов и непосредственных разработчиков столь нужного юридического акта так и не счел нужным показать явные и скрытые причины неудачи. При той массе (очень часто необоснованных) предложений о принятии самых экзотических кодексов этот объективный анализ помог бы «охладить» пыл начинающих «кодификаторов».

Насколько мне известно (из бесед с участниками рабочих групп), причины неудачи коренятся скорее в субъективном факторе, нежели имеют объективные основания для отказа в рассмотрении соответствующего законопроекта. Против принятия образовательного кодекса публично на разных площадках и латентно в административном ключе выступили Высшая школа экономики, МГЮА, которые не были привлечены к разработке документа. Не проявило в силу разных обстоятельств твердости Минобрнауки России, не поддержало идею кодекса Правовое управление администрации Президента России. Но главное — не смогла сконцентрировать свои силы и возможности юридическая общественность, институты гражданского общества — качественной подлинно независимой правовой экспертизы с участием международных организаций проведено не было.

Требуется разработка Концепции правового обеспечения инновационных юридических неудач. Именно такого рода документ может выступить организующе-управленческим центром всей системы «сопровождения» неудачной инновационной деятельности. Обычный алгоритм юридического обеспечения инновационной юридической неудачи как будто бы ясен: необходимо отслеживать инновационные разработки и своевременно готовить для них правовую оболочку, проводя мониторинг и фиксацию просчетов. Но комплексное технико-юридическое «обрамление» его оказывается весьма сложным: необходимо междисциплинарное обсуждение каждого элемента инновационной юридической неудачи, последовательности ее этапов, примерные сроки оценки результатов, системы контроля за объективной фиксацией неудачи.

Время подведения результатов инновационного юридического проекта — трудная и, пожалуй, в некоторых случаях **неразрешимая** проблема. Своевременность и не своевременность продвижения инновационного юридического проекта — причина успеха либо неудачи. Начну с актуальной иллюстрации — кто, как и когда может вынести «вердикт» об успешности либо неудачности инновационных изменений Конституции России 1 июля 2020 года?

Известен разброс мнений относительно нужности, ценности, своевременности внесенных изменений в Основной закон Российской Федерации (термин «поправки», на мой взгляд, не вполне точен, поскольку создает в массовом правосознании иллюзию ранее существовавших конституционных ошибок).

Радикальная политическая оппозиция, не дожидаясь практики реализации обновленной Конституции, объявляет о провале конституционной реформы. «Можно оставить на совести юристов, насколько данные новации вообще соответствуют нормам и самому предмету конституционного права, — пишет, например, Александр Рубцов, — но как идейные доминанты и идеологические конструкты они слишком напоминают литературность образов и знаковую символику Военного храма»³. До этих своего рода итоговых строк автор прибегает к оценке проведенного властью «конституционного маневра» в координатах «красиво» — «некрасиво», полагая: «конфликт «эстетических разногласий с властью» сильнее любого другого несогласия», а «отвращение и стыд сильнее несогласия и страха». А. Рубцов (надо признать образность его статьи) применяет числа, слова и символы архитектуры к не только построенному Военно-

¹ См.: *Медведев Ю.* Один против Гугла // Российская газета. 2020. 3 сентября.

² См.: *Лазарев В.В.* Теоретические предпосылки подготовки образовательного кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Нижний Новгород, 2009. С. 621—630. См. также: *Образовательное право как отрасль российского права.* Москва, 2000; *Сырых В.М.* Введение в теорию образовательного права. Москва, 2002; *Сласская В.В.* Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007; *Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А., Феклин С.И.* Образовательное право: вопросы теории и практики: монография. Рязань: Издательство «Концепция», 2017; *Гармонизация образовательного права России: проблемы теории и практики / отв. ред. В.М. Сырых, В.В. Насонкин.* Москва: Федеральный центр образовательного законодательства, 2019; *Козырин А.Н., Трошкина Т.Н.* Образовательное право России: учебник и практикум: в 2 кн. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

³ *Рубцов А.* Катастрофа стиля. О школе конституционного ваяния из отчества // Новая газета. 2020. 20 июля. С. 21.

му храму, но и Конституции. Можно, конечно, ограничиться констатацией: когда нет весомых содержательных юридических аргументов, обращение к эмоциональным оценкам и эстетическим характеристикам неубедительно. Но вопросы сейчас лежат в другой плоскости — где истина, если во внесенных в Конституцию России изменениях подлинная юридическая новизна и станет ли она правовой удачей, правовой находкой, а не провалом?

Можно предложить «глобально-прогнозный» ответ: «рассудит история», и показатели в социально-экономической и культурно-воспитательной сферах докажут оправданность либо неудачность конституционных новелл. Думается, такой вариант — «уход» от ответа, и юриспруденции надо вырабатывать работающие критерии оценок результатов инновационных юридических проектов. Ведь помимо архитектурных юридических инноваций имеется множество иных — частных, что не означает их малозначимости и второстепенности. Кстати, нет препятствий для того, чтобы определить «вес», отследить и скомпоновать в одну таблицу внесенные в 2020 году предложения по изменению Конституции Российской Федерации, которые оказались не принятыми, не востребованными.

Своевременность предоставления, «рождения» инновационного юридического проекта определить вряд ли возможно с абсолютной точностью — мыслимо его как провальное опережение, так и недопустимое отставание.

Начало некоторых инновационных юридических проектов не может «отсчитываться» по решению государственной власти — объект (предмет) инновации должен надлежащим образом «вызреть», и реформирование, модернизация, «переформатирование» его должно быть насущной потребностью. Этого пока нельзя сказать о, без сомнения, инновационном проекте, «запущенном ныне по поручению Президента России». Создана Правительственная комиссия по русскому языку, которая намерена разработать языковую политику, определить единые требования к созданию словарей и грамматик, содержащих языковые нормы, провести экспертизу правил русской орфографии и пунктуации. По мнению немалого числа специалистов, сейчас в этом нет необходимости: язык развивается по своим закономерностям, нет угрозы его исчезновения, кардинального «засорения»¹. Конституционное право защиты русского языка предполагает запрет на неоправданные изменения его содержания и структуры.

Место каждого критерия удачности либо неудачности инновационного, допустим, законопроекта должно быть определено в системе критериев в зависимости от сферы правовой регламентации и вышших конституционных целей. Например, премьер-министр России Михаил Мишустин не без оснований потребовал от ведомств не выносить на публичное обсуждение «сырые» документы с непосильными для граждан мерами ответственности. Касаясь проекта Кодекса об административных правонарушениях, где предлагается значительно увеличить размер штрафа за превышение скорости на дорогах (с 500 рублей до 3000), он сослался на низкие зарплаты граждан, призвал учитывать общественный резонанс². Полагаю, что это весьма «зыбкие» критерии — на их основе неудачность, дефектность санкции юридической нормы определить нельзя. Кстати, вспомним размеры денежных сумм, назначаемых коррупционерам — не будет ли чрезмерно резкого «разрыва» по отраслям?

Сложной и труднопреодолимой причиной инновационных юридических неудач является отсутствие методологии, методики и техники «транзита», то есть распространение в России иностранных и собственных правовых нововведений.

В исторической науке выдвинута небесспорная, но глубокая и интересная концепция **диффузии инноваций**: речь идет о смене центров новаций, каналах и механизмах их распространения, результатах инфильтрации инноваций в российское общество. В отечественном правоведении эта концепция не оценена и своя не предложена. Диффузия трактуется разработчиками этого социального феномена как «импорт и распространение инноваций в обществе при несогласованном контакте участников взаимодействия или опосредовано через различные средства передачи информации»³.

Диффузионизм как метод и принцип исследования не в полной мере применим к «движению» инновационных юридических проектов. Необходимо общенаучное выяснение соотношения понятий «диффузия», «заимствование», «перенос», «копирование», «конвергенция» относительно содержания и формы инновационных юридических проектов. Нарушение логико-гносеологических и других связей между этими феноменами чревато неудачей даже для перспективного инновационного юридического проекта. Важна как трансляция, так и трансформация инновационного юридического проекта с учетом особенностей всех «смежных» явлений. Диффузия инновационного юридического проекта из мировых центров и его «привитие», «принятие» в России — один из высокозначимых путей модернизации государства и общества при обязательном учете коренных национальных интересов. При этом надо иметь в виду, что

¹ См.: *Эпштейн М.* Язык может не простить // Новая газета. 2020. 10 августа; *Наринская А.* Лингвист — о пользе и вреде государственного регулирования языка // Новая газета. 2020. 12 августа; *Кривякина Е.* Нужно ли упрощать правила нашей орфографии // Комсомольская правда. 2020. 11 сентября; *Моисеев Ю.* «Слова, слова...». Субъективные заметки о фундаментальной культурной скрепе современности // Совершенно секретно. 2020. № 15—16. С. 3.

² См.: *Кузьмин В.* Кодексу повысят качество // Российская газета. 2020. 7 февраля.

³ *Алексеева Е.А.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII—начало XX в.). Москва: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 6.

«проникновение» юридических инноваций в различные области российского бытия, сферы правосознания может быть как официальным, так и теневым (скрытым). Известен любопытный факт: чтобы та или иная инновация «прижилась», была воспринята обществом, надо все 5—10 процентов поддерживающих ее субъектов.

Спецификой обладает распространение инновационных юридических проектов **внутри** России. Не секрет, что есть в стране влиятельные правовые центры, где инновационные проекты не просто обосновываются и выдвигаются, но и активно (и зачастую — успешно) продвигаются. Но очень редко даже очевидно выигрышный инновационный юридический проект охватывает всю страну и принимается всеми субъектами государства.

Россия не без оснований характеризуется **страной регионов**, так как по экономическим, социальным, природно-климатическим, культурно-историческим основаниям страна территориально существенно различается. Это связано прежде всего с делением регионов на «доноров» и «реципиентов»: целый ряд регионов относится к социально-депрессивным, нуждаются в федеральных трансфертах. На инновации они идут лишь при «страховке» и финансовой поддержке федерального центра. По этой причине именно федеральный центр призван окончательно решать — должен ли инновационный юридический проект получить распространение во всех субъектах государства или можно ограничиться некоторыми из них. От этого будет зависеть объем государственной финансовой помощи для реализации нужного инновационного юридического проекта. Приведу для пояснения гипотетический пример. В августе 2020 года безработица в России достигла рекордных 4,8 млн человек, то есть, 6,4% от имеющейся в стране рабочей силы. В случае появления инновационного юридического проекта, направленного на снижение безработицы в субъекте Федерации, со стороны федерального центра разумным будет направить средства на реализацию этого проекта в те республики, края, области, где уровень безработицы особенно высок.

Дорога поражений у инноваторов-юристов далеко не у всех и не всегда непременно ведет к победе. Но чаще опыт просчетов, неудач, промахов приводит к успеху, удаче, может быть даже триумфу при движении и реализации инновационных юридических проектов.

Неудачи инновационного юридического проекта никогда не бывают окончательными и бесповоротными, а победа (удача) — финальна и необратима. В этом оптимистичном тезисе заложена перспектива продолжения деятельности после неудачи инновационного юридического проекта. Из неудач создатели инновационного юридического проекта должны научиться извлекать конструктив, отталкиваясь от уже сделанного, совершенствуя удачные элементы проекта, избавляясь от дефектных и излишних его частей. И здесь не бывает «мелочей» — важно обогащать как содержание инновационного юридического проекта, так и его дизайн, структурный формат, модифицировать сферы приложения.

Исаков Владимир Борисович

доктор юридических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Isakov Vladimir Borisovich

doctor of law, research professor national research University Higher school of economics»

E-mail: visakov@hse.ru

Карта юриста-инноватора

Инициатива и замысел проекта

Замысел разработки паспорта или карты юриста-инноватора возник в 2019 году, когда многолетние организаторы Нижегородских форумов по теории права Владимир Михайлович Баранов, Марина Владимировна Баранов и Анита Карловна Соболева начали обсуждать подготовку к следующему Форуму. На нем было решено не только обсудить проблему инноваций в праве, но и показать на конкретном примере возможность и перспективы инноваций в юридической практике. В качестве примера и образца для этого эксперимента был избран автор настоящей статьи.

С момента принятия решения организаторы Форума-2020 начали неумолимо интересоваться у меня ходом разработки карты юриста-инноватора. Пришлось отложить другие дела и заняться этой работой. В итоге появилась карта, которая представляется вашему вниманию. Результат проделанной работы был доложен на XXII Форуме «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)», состоявшемся в пансионате «Дубки», 23-26 сентября 2020 года. Настоящая статья отражает уже дополненный вариант карты, учитывающий замечания и предложения, сделанные участниками Форума. Полужирным шрифтом, серой подложкой и рамкой выделены поля карты, ниже даются пояснения и комментарии от автора.

Фотография

Краткая биография

1950-1967 — родился в г. Нижнем Тагиле Свердловской области. Закончил среднюю школу на хорошо и отлично, но без медали.

1967-1971 — закончил с отличием Свердловский юридический институт и поступил в аспирантуру этого института.

1972-1973 — служба в Советской армии (Северный Казахстан, г. Семипалатинск-4).

1973-1975 — продолжил учебу в аспирантуре и под руководством проф. С. С. Алексеева успешно защитил кандидатскую диссертацию «Фактический (юридический) состав в механизме правового регулирования». (Свердловск, 1975).

1975 — удостоен Почетного диплома ЦК ВЛКСМ и Академии Наук СССР для молодых ученых за рукопись монографии «Фактический состав в механизме правового регулирования». Монография опубликована в издательстве Саратовского государственного университета (1975).

1975-1977 — принял участие в подготовке и редактировании учебников «Проблемы теории государства и права» (М.: Юридическая литература, 1979) и «Теория государства и права» (М.: Юридическая литература, 1985).

1984 — опубликовал монографию «Юридические факты в советском праве» (М.: Юридическая литература, 1984).

1985 — защитил докторскую диссертацию «Проблемы теории юридических фактов» (Свердловск, 1985).

1987 — получил звание профессора по кафедре теории государства и права.

1986-1988 — принял участие в организационно-деятельностных играх под руководством Г. П. Щедровицкого. Предпринял попытку поведения собственных игр. Замыслил методологический курс по теории государства и права, реализация которого началась в 2009 году в виде курса «Правовая аналитика».

1988-1990 — участник правозащитного движения. Опубликовал ряд публицистических статей, выступил соучредителем Свердловского общества «Мемориал». В 1989 году участвовал в выборах народных депутатов СССР, которые проиграл. В 1990 году участвовал в выборах народных депутатов РСФСР, победил в первом туре, набрав более 50 процентов голосов.

1990-1993 — народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, председатель палаты Совет Республики, член Конституционной комиссии, председатель Комитета по конституционному законодательству. Участник защиты расстрелянного Белого дома.

1994-1995 — депутат Государственной Думы, Председатель Комитета по законодательству и судебной-правовой реформе.

1995-1997 — выпустил три книги «Парламентских дневников» о становлении и первых годах деятельности Российского парламента.

1996 — член Союза писателей России.

1996-2002 — Начальник Правового управления Аппарата Государственной Думы.

2000 — Указом Президента РФ присвоено звание действительного государственного советника 1 класса.

2002-2011 — Руководитель Правового департамента, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. В эти же годы — профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ, с 2005 года — заведующий этой кафедрой (по совместительству).

2006 — Почетная грамота Государственной Думы. 2008 — Почетная грамота Президента Российской Федерации. 2009 — звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

2011-2020 — профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой теории и истории права.

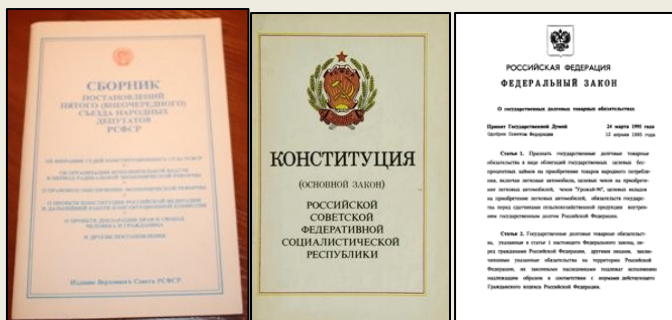
с 2020 — профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

Законотворческие инновации

- Федеральный закон от 1 июня 1995 года № 86-ФЗ «О государственных долговых товарных обязательствах».

- Участие в разработке и принятии Гражданского кодекса Российской Федерации (части 1 и 2), федерального избирательного законодательства, других важнейших нормативных правовых актов.

- Поправки к Конституции РСФСР и РФ, постановлениям съездов народных депутатов, актам текущего законодательства.

***

Своей наиболее значимой инновацией в сфере законотворчества я считаю участие в принятии частей 1 и 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, который не случайно называют «конституцией гражданского оборота». Судьба этого законопроекта, внесенного в Государственную Думу в 1994 году, была далеко не очевидна. Наиболее крупная фракция в Думе — фракция коммунистов — выступала категорически против. Аграрная фракция колебалась, так как аграрников смущало введение в гражданский оборот земли. Мне пришлось написать примечание к главе 17 Гражданского кодекса «Право собственности и другие вещные права на землю», приостановившее действие данной главы до принятия Земельного кодекса. Благодаря этому часть I Гражданского кодекса была поддержана фракцией аграрников и была принята Государственной Думой. Для страны, переживавшей тяжелейший экономический и правовой кризис, это стало эпохальным событием.

***

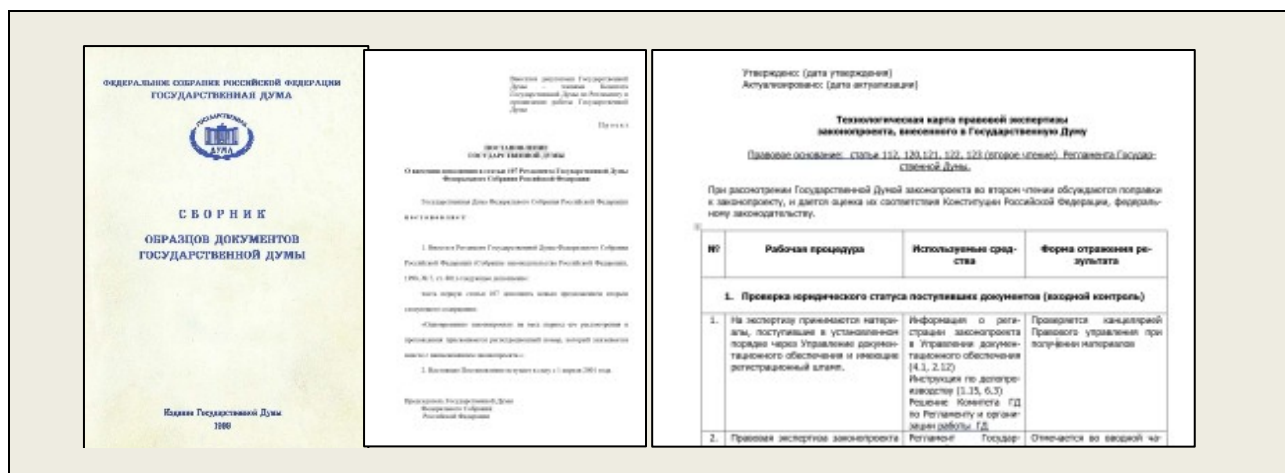
В 1995 году я был взволнован и возмущен действиями Правительства РФ, которое демонстративно отказалось от своих обязательств перед гражданами. Сейчас мало кто помнит, что в условиях советского товарного дефицита люди записывались в очереди на покупку машины, мебельного гарнитура и годами платили за это деньги. Правительство РФ в одностороннем порядке от своих обязательств отказалось: все перечисленные товары есть в торговой сети, покупайте их на рынке. Простите, а как же деньги, взятые под облигации у населения? О них предлагалось забыть.

Согласно написанному мной федеральному закону все государственные долговые товарные обязательства: облигации государственных целевых беспроцентных займов на приобретение товаров народного потребления, целевые чеки на приобретение легковых автомобилей, чеки «Урожай-90», целевые вклады на приобретение легковых автомобилей, товарные обязательства государства перед сдатчиками сельскохозяйственной продукции — признавались внутренним государственным долгом Российской Федерации. Устанавливалось, что государственные долговые товарные обязательства перед гражданами Российской Федерации, другими лицами, заключившими указанные обязательства на территории Российской Федерации, их законными наследниками подлежат исполнению надлежащим образом в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. Погашение долга Российской Федерации должно было осуществляться в соответствии с Государственной программой погашения государственного внутреннего долга. Государственная Дума приняла данный федеральный закон и Совет Федерации его одобрил, но президент Б. Н. Ельцин (само собой, исходя из интересов трудового народа) наложил на него «вето». Тогда обе палаты парламента конституционным большинством преодолели «вето» Президента и закон вступил в силу.

Инновации в области правовой экспертизы и юридической техники

- Цифровое имя (номер) законопроекта (Пример: 237864-7).
- Сборник образцов документов Государственной Думы.
- Технологические карты правовой экспертизы законопроектов.
- Общеправовой классификатор и тезаурус (участие в разработке).
- Электронный словарь дефиниций российского законодательства (участие в разработке).

***

Цифровое имя (номер) законопроекта — столь ли уж велика эта инновация, чтобы о ней говорить? Но участники законодательного процесса хорошо понимают значимость этой «мелкой детали». В Государственной Думе на разных стадиях рассмотрения находится порядка 2 тысяч законопроектов, причем многие — практически с одинаковыми названиями («О внесении изменений и дополнений в...») и к тому же — с совпадающим составом инициаторов. Случается, что депутаты, не отозвав предыдущий законопроект, вносят новую редакцию под тем же названием. Все это приводило к путанице и ошибкам и депутатов, и работников аппарата.

Управление потоком законодательных инициатив существенно улучшилось, когда каждому законопроекту было присвоено цифровое имя — постоянный номер. Ведь номер, в отличие от словесного наименования, ни с чем не спутаешь. Этот номер стал присваиваться в момент внесения законопроекта и сопровождать его весь период рассмотрения в Государственной Думе, в Совете Федерации и в Администрации Президента. Цифровое имя позволило отслеживать юридическую судьбу законопроекта, облегчило поиск материалов в компьютерной сети, уменьшило вероятность канцелярских ошибок.

Преимущества, казалось бы, очевидны. Однако у этой идеи оказались не только сторонники, но и противники. Кто конкретно будет отвечать за присвоение номеров? Как воспримут эту «самодетельность» в Совете Федерации, в Правительстве, в Администрации Президента? Не усложнит ли появление номеров взаимодействие с субъектами Российской Федерации? Несмотря на высказанные опасения, идея была поддержана и со второй половины 2001 года законопроектам в Государственной Думе начали присваиваться номера. Более того, для облегчения поиска в базах данных номера были присвоены ретроспективно всем законопроектам, начиная с Государственной Думы первого созыва.

Номер законопроекта достаточно информативен. Первая его часть — это регистрационный номер законопроекта в системе электронного делопроизводства Государственной Думы, который присваивается в общем порядке поступающих документов. По нему можно приблизительно определить, когда — в начале, в середине или в конце созыва — был внесен данный законопроект. Вторая часть номера (через тире) — это порядковый номер созыва Государственной Думы. Наличие в плане работ Думы законопроектов с номерами «4», «5» и «6» означает, что периодически Дума обращается к рассмотрению законопроектов, внесенных в предыдущие созывы.

Появление номера на законопроекте существенно облегчило работу депутатов и работников аппарата и полностью доказало свою целесообразность. Указанный порядок присвоения номеров законопроектам продолжает действовать в Думе и по сию пору.

***

Открыв однажды очередной выпуск «Собрания законодательства Российской Федерации», я был неприятно удивлен следующим обстоятельством: в нем были напечатаны подряд шесть постановлений Государственной Думы по одному и тому же вопросу — о повторном рассмотрении отклоненных законов — но каждое на свой манер, в своем стиле, по своей форме. В одном постановлении два пункта, в другом — три, в третьем — пять... Юридическая чересполосица просто бросалась в глаза, с ней надо было что-то делать. В ходе внутренних дискуссий в Правовом управлении было принято решение подготовить в рекомендательном порядке Сборник стандартных образцов парламентских документов.

Однако составить такой Сборник образцов оказалось совсем не простой задачей. Во-первых, образцов оказалось достаточно много — более 200. Во-вторых, в этом массиве надо было жестко провести единую юридическую логику, проследить за единством терминологии, обеспечить единый стиль доку-

ментов (инициалы перед фамилией, инициалы сзади), наконец, сохранить единство их графического оформления (форматы, шрифты, отступы, колонтитулы и др.).

Попутно всплыли любопытные этические нюансы. Так, например, постановление Думы о даче согласия на назначение Председателя Правительства мы озаглавили «О даче согласия на назначение (инициалы, фамилия) Председателем Правительства Российской Федерации». А вот Постановление Думы об отказе в даче согласия решили дать «анонимно» — без фамилии в заголовке. В противном случае этот документ выглядел стилистически грубо, приобретал некрасивый личностный окрас.

Первый пробный вариант Сборника образцов, распространенный нами для сбора замечаний и предложений, к нам не вернулся — сотрудники комитетов схватили его мертвой хваткой и засунули глубоко в свои рабочие столы: систематизированный, добросовестно отработанный юристами Сборник образцов существенно облегчал им жизнь. Зато второе и последующие издания, включая, компьютерную версию, размещенную на сайте Государственной Думы, широко вошли в практику, были рассмотрены и одобрены Комитетом Думы по Регламенту.

Глубоко убежден, что подготовка подобного Сборника образцов — деловая необходимость не только для парламента, но и для любой организации с большим внутренним документооборотом. Сегодня, разумеется, Сборник образцов существует далеко не в первоизданном виде. Меняется законодательство, меняется Регламент Государственной Думы — все это требует постоянной доработки образцов выпускаемых документов. Последнюю редакцию Сборника образцов можно найти в печатных и электронных изданиях Государственной Думы и на ее официальном сайте.

***

Текущая работа Правового управления непрерывно ставит вопросы о качестве правовой экспертизы законопроектов. Так постепенно созрела мысль — разработать и утвердить «внутренние стандарты» — технологические карты на основные виды выполняемых экспертных работ. Разработка технологических карт преследовала несколько целей: во-первых, поднять качество работы и ответственность исполнителей; во-вторых, дать самому исполнителю надежный, отработанный маяк-ориентир для экспертизы законопроекта; в-третьих, согласовать и отчасти даже унифицировать содержание правовой экспертизы, а также способы ее документального оформления и закрепления; в-четвертых, помочь молодежи и вновь приходящим сотрудникам освоить высокий уровень правовой экспертизы, сложившийся в Правовом управлении; в-пятых, продемонстрировать депутатам и комитетам Государственной Думы устоявшуюся технологию правовой экспертизы законопроекта и хотя бы отчасти защититься от их настойчивых требований ее «спрямить» или «ускорить».

Идея разработки технологических карт, поначалу воспринятая скептически, постепенно втянула в свою орбиту и руководителей, и рядовых сотрудников Правового управления. Оказалось, что это интересно! Выяснилось, например, что по многим аспектам правовой экспертизы существуют далеко не совпадающие позиции, прикрытые, как водится, многолетней практикой авторов. Всегда делали и будем делать только так! А если нужно иначе? Между специалистами Правового управления пошли профессиональные споры, которые в данном случае были только на пользу делу, поскольку ориентировали на достижение максимально высоких профессиональных стандартов.

В конечном итоге, были разработаны рабочие варианты трех технологических карт: (1) предварительная экспертиза законопроекта; (2) экспертиза законопроекта, внесенного на первое чтение; (3) экспертиза законопроекта, внесенного на второе чтение. Они помогли поднять уровень правовой экспертизы законопроектов, стандартизировать содержание экспертных заключений. Вместе с тем следует иметь в виду, что технологические карты и сопровождавшие их информационные материалы были подготовлены в рамках действовавшего на тот период законодательства и Регламента Государственной Думы. Тем, кто обратится к ним сегодня, следует делать поправку на существенное изменение правовой базы — по существу, перерабатывать их заново в свете произошедших изменений.

***

Юристам, работающим в сфере законотворчества, хорошо известно, что система нормативного правового акта, правового института, отрасли права базируется на системе заложенных в него понятий. Именно «сетка понятий» держит юридическое содержание, не позволяет ему расползтись, перемешаться, стать кашей или непроходимым лабиринтом. Любой сбой, любая запутанность в системе понятий непременно проявит себя и в содержании основанного на них юридического документа. Именно поэтому толковые, энциклопедические, лексические словари и справочники, а также словари-тезаурусы — важнейшие инструменты юриста, работающего как в сфере написания законопроектов, так и в области их правовой экспертизы.

В 1999 году в качестве рабочего инструмента Правовым управлением Аппарата Государственной Думы совместно с фирмой «Гарант-Сервис» (г. Москва) был разработан электронный Словарь законодательных дефиниций, который в момент разработки насчитывал более 5 тысяч нормативных определений, выбранных из законодательных актов.

Несмотря на относительно скромный объем этого Словаря (аналогичные зарубежные словари содержат по 80 и более тысяч терминов), он позволил выявить многочисленные случаи полисемии, неоправданной синонимии, случаи использования юридических терминов в значениях, несовпадающих по объему и т.д. Обнаружилось, например, что понятия “акционерное общество”, “сервитут”, “страховой взнос” используется законодательством в двух различных значениях, понятия “дотация” и “работник” — в трех, понятия “культурные ценности” и “потребитель” — в четырех, и даже такие понятия как “арест”, “прокурор”, “свидетель”, “вещественные доказательства”, “психотропные вещества”, “невменяемость”, “облигация”, которые по смыслу законодательства должны иметь максимально точное значение, имеют несколько несовпадающих законодательных определений.

Электронная версия Словаря законодательных дефиниций была размещена в компьютерной сети Государственной Думы и активно использовалась разработчиками и экспертами нормативных правовых актов, депутатами и сотрудниками Аппарата. Внешние пользователи могли получить данный Словарь на CD-rom «Информационные технологии для законотворчества», выпущенном фирмой «Гарант-Сервис» тремя изданиями.

Еще одним важным шагом в области законодательной лексики можно считать официальный тезаурус Европейского парламента EUROVOC, переведенный на русский язык Парламентской библиотекой и адаптированный к русскоязычной юридической терминологии. Ввиду изначальной «несимметричности» русской и иностранной юридической терминологии, создание многоязычного словаря-тезауруса это оказалось достаточно сложной и трудоемкой задачей, предполагающая участие не только переводчиков, но и высококвалифицированных специалистов-предметников, владеющих иностранными языками. Электронная версия многоязычного тезауруса EUROVOC также была размещена в компьютерной сети Государственной Думы и на CD-rom «Информационные технологии для законотворчества».

Электронные издания в сфере права

- Информационные правовые ресурсы России: обзор (CD-rom, 1998).
- Информационные технологии для законотворчества: сборник программ и разработок (CD-rom, 1998).
- Проблема доступа граждан к правовой информации: Проблемы. Опыт. Решения. Документы. Материалы международного семинара (CD-rom, 1999).
- Инструменты и технологии систематизации законодательства (CD-rom, 2000).
- Электронные энциклопедии о работе Государственной Думы (2006).

* * *

Настоящим прорывом в свое время стало появление в 90-х годах принципиально нового носителя информации — лазерных дисков или CD-rom, позволяющих разместить гигантское по тогдашним меркам количество информации, доступной пользователям диска в машиночитаемой форме.

Одним из первых в отечественной практике стало издание 1997 году CD-rom «Информационные правовые ресурсы России», подготовленного Государственной Думой совместно с российскими производителями баз данных правовой информации. Это электронное издание было приурочено к 100-й конференции Межпарламентского Союза, проходившей в Москве, и приятно удивило ее участников. На двуязычном русско-английском диске были размещены демонстрационные базы данных по законодательству России и международному праву, интернет-адреса органов государственной власти и управления, юридических вузов и факультетов, юридических издательств, много другой полезной правовой и справочной информации.

* * *

Специалистам-юристам был адресован уже упоминавшийся CD-rom «Информационные технологии для законотворчества: сборник программ и разработок» (Москва: Государственная Дума, 1998). В состав этого электронного издания вошла серия разработок, объединенных общей темой «Интеллектуальные инструменты юридической деятельности».

В их числе — *шестязычный юридический словарь фирмы «Гарант-Сервис»*, который содержал более 12 тысяч русских юридических терминов и их эквивалентов на английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках. С помощью данного словаря легко решался широкий круг задач, связанных с переводом, толкованием и применением юридических текстов. Шестязычный юридический словарь был призван стать помощником юриста при переводе закона, международного акта, в работе над статьей или диссертацией, а также при переводе текста соглашения или сделки с русского на иностранный или с иностранного на русский язык.

«*Словарь законодательных дефиниций*» — уже упоминавшаяся выше совместная разработка фирмы «Гарант-Сервис» и Правового управления Аппарата Государственной Думы. Использование Словаря законодательных дефиниций в составе правовой базы «Гарант» давало возможность перейти в текст нормативного правового акта и просмотреть каждую дефиницию в контексте документа, в котором она находится, а стало быть, полнее уяснить смысл и содержание данной дефиниции.

Алфавитно-предметные указатели к Конституции Российской Федерации и Гражданскому кодексу Российской Федерации — еще одна совместная разработка фирмы «Гарант-Сервис» и Правового управления Аппарата Государственной Думы. Цель этого издания — наглядно представить системы понятий двух основополагающих актов российского законодательства — Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации, дать в руки специалистам инструмент для их многоаспектного содержательного анализа.

«*Сборник образцов документов Государственной Думы*» — прикладная разработка, о которой уже говорилось выше. Сборник составили более двух сотен стандартных образцов документов, используемых в законодательном процессе. Размещенная на диске электронная версия Сборника позволяла сотрудникам загрузить в текстовый редактор исходный образец и оперативно подготовить на его основе конечный вариант документа.

Наконец, в сокращенном демонстрационном варианте была представлена разработка, которая, как показали дальнейшие события, имела большие перспективы — *база данных «Законопроекты»*. Эта база данных сочетала в себе функцию мониторинга (т. е. наблюдения за прохождением законопроектов) с функцией хранения полнотекстовых электронных «досье», содержащих тексты законопроектов, пояснительные записки, справки, финансово-экономические обоснования и т. д. При этом планировалось постепенное насыщение этой базы данных разнообразными аналитическими материалами, стенограммами парламентских слушаний, пресс-конференций, статистикой, официальными и неофициальными заключениями на законопроекты, откликами в печати и т. д.

* * *

Заметным событием в области правовой информатики стали электронные энциклопедии, суммирующие итоги деятельности Государственной Думы 2 и 3 созывов, разработанные и выпущенные фирмой «Гарант-Сервис». На этих примерах была отработана технология обработки больших массивов официальной информации и убедительно доказано, что подобная энциклопедия возможна и необходима (другие примеры подобных электронных изданий нам пока не известны).

Электронные энциклопедии о деятельности Государственной Думы в 1996-1999 и 2000-2003 гг. стали незаменимым источником информации для депутатов, работников аппарата, специалистов, экспертов. К сожалению, они пока мало известны исследователям-ученым, которые пользуются этим полным и вполне доступным источником информации явно недостаточно. Стоит отметить, что, несмотря на ог-

ромный объем опубликованных фактических данных, на электронные энциклопедии за все время их существования не поступило ни одной «рекламации». Государственная Дума, на наш взгляд, вполне могла бы признать эти энциклопедии своим официальным изданием — источником информации, не требующим других официальных подтверждений. Это существенно облегчило бы положение депутатов и граждан, использующих парламентскую информацию в официальном качестве, например, при определении трудового стажа или для назначения пенсий.

Выход в свет электронных энциклопедий о деятельности Государственной Думы стал той необходимой «ступенькой», которая позволила подойти к более масштабному проекту — подготовке электронного издания, охватившего 100-летний период истории российского парламентаризма.

***

Электронная энциклопедия Государственной Думы — это смелая попытка представить историю российского парламентаризма за 100 лет его развития. На трех лазерных дисках были размещены стенограммы заседаний, законопроекты, рассмотренные парламентом, избирательное законодательство, фотографии, видео, обращения и заявления, парламентская аналитика и литература — короче, все, что помогает понять сложную и многогранную жизнь парламента, которая, в свою очередь — отражение и преломление жизни огромной страны, России.

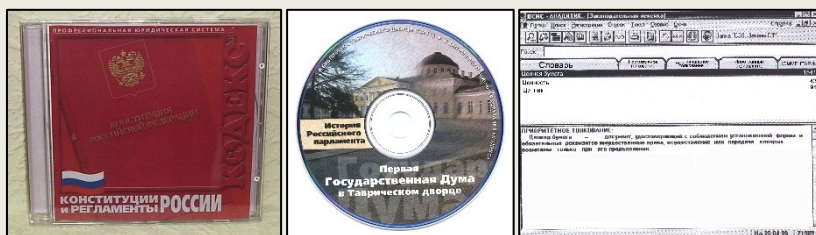
По свидетельству В. П. Козлова, руководителя Росархива в тот период, проекты подобного масштаба в России пока редкость (единственный пример на эту тему — создание электронного архива Интернационала). Разумеется, пользователям было бы удобнее получить весь этот обширный материал в единой стандартной оболочке. Но организаторы проекта поступили иначе — они разделили историю российского парламентаризма на три периода («дореволюционный», «советский» и «современный») и каждому периоду назначили своего исполнителя — соответственно, фирмы «Кодекс», «Консультант Плюс» и «Гарант-Сервис». Ну что ж, в каждом недостатке есть и свои преимущества: российским пользователям предоставилась уникальная возможность познакомиться сразу с тремя «грандами» российской правовой информатики, оценить их технологии и особенности подхода к решению поставленной весьма непростой задачи.

Как это нередко бывает в России, на реализацию данного инновационного проекта все было отпущено «под обрез» — и времени, и финансовых средств. К сожалению, не было поддержано наше предложение о сплошном, по единому стандарту, оцифровывании всего массива парламентских документов, что, несомненно, облегчило бы создание и данной электронной энциклопедии, и реализацию подобных проектов в будущем. В итоге Энциклопедия по истории российского парламентаризма вышла в несколько урезанном виде, по сравнению с тем, какой она могла бы быть.

Однако в период научно-технической революции век инноваций короток. И вот уже лазерные диски, сделавшие революцию в свое время, считаются устаревшими носителями информации. На смену им пришли флеш-носители — более емкие, компактные и удобные для пользователей. Но информация, которую хранят три лазерных диска, от этого ничуть не пострадала. Будем надеяться, что она еще найдет своих внимательных и благодарных пользователей.

Незаконченные проекты

- Национальный электронный архив законодательства России (разработана концепция).
- Электронный словарь (энциклопедия) юридической лексики (не окончено).
- Конституции и регламенты России (не окончено)
- Первая Государственная дума в Таврическом дворце (не окончено).

***

Национальный архив законодательства России. Выход электронной энциклопедии, охватившей 100 лет российского парламентаризма, разжег инновационные аппетиты и подсказал следующий шаг: собрать «под одну крышу» все законодательство России, за весь период российской истории.

Сведения о ранее принятых и действующих нормативных правовых актах сегодня расплывены по 14 федеральным архивам, десяткам тысяч опубликованных и неопубликованных источников. Собрать в одном месте «бумажный» архив российского законодательства — практически неразрешимая задача, требующая огромных материальных и организационных затрат. Но ее можно решить в электронной форме, если разделить ее на части, продумать единую методологию и правильно организовать взаимодействие участников проекта.

Создание Национального электронного архива законодательства России — задача огромного культурного, научного и практического значения. Она имеет целью представить неограниченному кругу пользователей (политикам, ученым, государственным служащим, аспирантам, студентам) весь массив законодательства России, от первых кодексов обычного права до актов действующего законодательства, принятых в последние годы. Национальный архив может быть использован для изучения истории правового регулирования, сравнительных правовых исследований, в кодификации законодательства и проработке различных версий правовой реформы. Впервые ученые и практические работники получили бы надежную фактологическую базу, которая позволила бы перейти от бездоказательных версий и эмоциональных оценок к точным фактически обоснованным выводам об особенностях правового пути России.

Наибольшую сложность в этом проекте вызывает обработка и включение в архив древнейших памятников русского права (Путятиной минеи, Русской правды, Судебников и т. д.). Как представляется, в Национальный архив должны быть включены все обнаруженные списки указанных документов. Безусловно, для понимания современными читателями указанные документы потребуют развернутого научно-вспомогательного комментария специалистов-историков права.

В Национальный архив предполагается включение правовых документов в том виде, в каком они были приняты. Последующие изменения и дополнения фиксируются как самостоятельные правовые документы. Пользовательский интерфейс должен обеспечивать реконструкцию текущей редакции документа (например, Гражданского кодекса, Уголовного кодекса) в любой момент времени и восстановление «цепочек» взаимосвязанных документов.

В базе данных помещаются сведения как об источнике опубликования, так и месте хранения подлинника правового документа. Когда подлинник документа отличается от официально опубликованного текста или несет на себе важные дополнительные элементы (визы согласования, разрешающие штампы, рукописные пометы и т. д.) об этом сообщается в научно-вспомогательном комментарии либо путем подключения в архив электронного изображения подлинного текста.

Акты кодификации (Свод законов Российской империи, Своды законов СССР и РСФСР) помещаются в базу данных как самостоятельные правовые феномены наряду с нормативными актами, включенными в Свод. Это следует из того, что задача Национального архива — не только показать высшие достижения правовой систематизации, воплощенные в сводах законов, но и дать максимально полную и точную картину всего правового пространства России.

Национальный архив предполагалось создать на основе некоммерческого сотрудничества федеральных государственных органов и негосударственных организаций, действующих в сфере распространения информации, при поддержке российских и международных фондов, заинтересованных в реализации данного проекта. Техническую работу по созданию электронных образов документов и перевод текстов в машиночитаемую форму предполагается осуществить силами ведущих информационных правовых фирм, имеющих опыт разработки и ведения правовых баз данных («Консультант Плюс», «Гарант-Сервис», «Кодекс»).

Создание Национального архива могло бы оказаться важным стимулом и дать толчок для развития аналогичных работ на региональном уровне (архивы регионального законодательства), а также могло бы выступить первым этапом создания баз данных сравнительного правоведения в международном масштабе.

* * *

Словарь законодательной лексики. Формирование Словаря дефиниций российского законодательства, многоязычного словаря юридической терминологии, работы над тезаурусами и классификаторами российского законодательства — подсказали логику следующего шага — создание Словаря законодательной лексики, своеобразной электронной энциклопедии терминологии российского законодательства.

Словарь законодательной лексики остро необходим работникам органов законодательной и исполнительной власти, занятым подготовкой законопроектов, сотрудникам правоприменительных органов, испытывающим нужду в надежном лингвистическом средстве для толкования нормативных правовых актов, разработчикам и экспертам нормативных правовых актов, переводчикам официальных документов, ученым и специалистам, работающим в области законодательства. Отсутствие надежного общепризнанного словаря законодательной лексики уже сегодня крайне негативно сказывается на качестве принимаемых законодательных актов. Завтра такое положение станет совершенно нетерпимым.

Российский словарь законодательной лексики задумывался как издание, объединяющее функции тезауруса, словаря дефиниций, толкового словаря, энциклопедического словаря и иностранного много-

язычного словаря. Содержание Словаря распадается на две части — словарь-тезаурус законодательной лексики, опирающийся на систему словарных статей, и энциклопедический блок, состоящий из нескольких разделов и опирающийся на соответствующие базы данных.

Наиболее принципиальный вопрос, на который предстоит ответить составителям Словаря: что понимать под «законодательной лексикой»? Законодательство в той или иной степени «пересекается» со всеми сферами человеческой деятельности и это обстоятельство не может не найти отражения в объеме и составе лексики, включаемой в Словарь. Согласно выработанным подходам, Словарь законодательной лексики должен включать: общую лексику (общеупотребимые в законодательстве слова и термины); специальную лексику (терминологию различных предметных сфер человеческой деятельности — в объеме, необходимом для целей законодательства); общую юридическую лексику (общеправовые термины); специальную юридическую лексику (терминологию отраслей законодательства); терминологию суботраслей и институтов законодательства.

Пользовательский интерфейс Словаря должен позволять пользователю работать в любом из названных лексических полей по отдельности или «сливать» их в единый словарь. Помимо прочего, данное решение связано и с практическими соображениями: желательно, чтобы пользователь имел под рукой надежный источник общей и специальной лексики, позволяющий работать с законодательными текстами, не обращаясь к другим словарям и справочникам.

Нормативные дефиниции предполагалось не «выковыривать» из текстов законодательных актов, а выделять цветом и демонстрировать пользователю непосредственно в контексте нормативного акта. Такой подход дает более богатый аналитический материал, чем коллекция выдернутых из контекста «засушенных» дефиниций. Аналогичным образом доктринальные толкования терминов предполагается выделять цветом и демонстрировать в контексте научных, справочных и иных подобных изданий. Таким образом, Словарь законодательной лексики создается не как терминологическая коллекция, а как *лексикографическая надстройка* над постоянно пополняющимися полнотекстовыми базами данных законодательства.

Словарь законодательной лексики предполагалось выпустить в традиционной (печатной) и электронной форме. Электронная форма, как более динамичная и гибкая, считалась бы в данном случае основной.

Словарь законодательной лексики нацелен на упорядочение юридической терминологии, устранение полисемии и избыточной синонимии, определение сферы применения тех или иных юридических терминов. Он должен стать полезным подспорьем при написании, толковании и переводе юридических текстов. Вполне вероятно использование Словаря в качестве информационно-поискового инструмента, а также для целей юридического образования и научных исследований. Поэтому основной части Словаря — правовому тезаурусу — должен быть придан официально-рекомендательный статус.

Создание Словаря законодательной лексики не должно быть «разовым» мероприятием, в противном случае он неизбежно отстанет от жизни, устареет и потеряет свою привлекательность. Необходимо определить организацию, которой будет доверено вести официальную версию Словаря законодательной лексики, обобщать поступающие предложения и замечания и вносить в Словарь изменения и дополнения. Такими организациями могли бы быть Министерство юстиции России, Государственно-правовое управление Президента России или Правовое управление Аппарата Государственной Думы. Вполне возможно и целесообразно создание при них экспертно-консультативных советов для изучения тенденций в развитии законодательной лексики и дачи заключений по предложениям об изменениях и дополнениях Словаря законодательной лексики. В интерфейсе Словаря должно быть предусмотрено, что каждый его пользователь вправе создать и вести личную пользовательскую версию, пополняя Словарь терминологией, а также примечаниями, комментариями, исходя из своего индивидуального практического опыта.

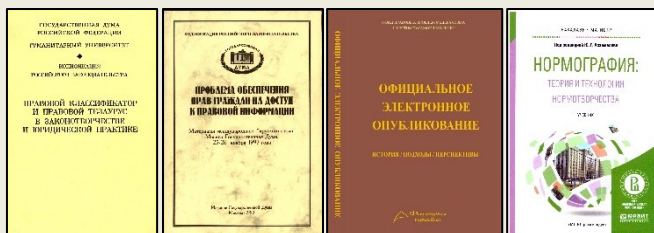
* * *

В настоящем кратком обзоре нельзя не отметить исключительно интересные издания петербургской фирмы «Кодекс»: «Государственная Дума в Таврическом дворце» (1999), «Государственные думы России: страницы истории» (2001), «Конституции и регламенты России» (2002). Несмотря на то, что по причине недостаточного финансирования эти издания не были завершены и вышли небольшими пробными тиражами, они, несомненно, сыграли свою роль — подготовили почву для реализации более масштабных проектов.

Развитие информационных технологий

- Разработка концепции баз данных судебной и арбитражной практики (1998).
- Проблема обеспечения прав граждан на доступ правовой информации: Материалы международного «круглого стола», 1997 (Сборник статей, 1999).

- **Официальное электронное опубликование: История. Подходы. Перспективы. (Коллективная монография, 2012).**
- **Нормативный правовой акт в электронной форме // В кн.: Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов. 2-е изд., М., 2020.**

***

Юристы привыкли к тому, что нормативные правовые акты появляются (публикуются, обнародуются) в бумажной форме. К бумажной форме нормативного правового акта привязаны все официальные и неофициальные ссылки. Однако опубликование нормативных правовых актов в бумажной форме существовало не всегда и, надо полагать, будет существовать не вечно. Формы внешнего выражения (обнародования, оглашения, опубликования) нормативных правовых актов постоянно развиваются вместе с обществом и государством и имеют богатую историю. В настоящее время мир вступает в принципиально новую и пока еще плохо знакомую эру — эпоху официального электронного опубликования нормативных правовых актов.

Существующая нормативно-правовая база официального опубликования нормативных правовых актов нуждается в перестройке в следующих направлениях.

Первое. Представляется необходимым сохранить в системе правового регулирования Федеральный закон от 14 июня 1994 года № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», закрепив в нем приоритет официального электронного опубликования и подчиненный характер опубликования на бумаге. Это — ближайший очевидный шаг в развитии системы официального электронного опубликования. Следует отметить, что некоторые государства, например, Республика Беларусь, его уже сделали, опередив Российскую Федерацию в этой сфере. В этом же федеральном законе следует определить правовой статус неофициального электронного и бумажного опубликования как двух взаимосвязанных частей одной системы информирования граждан о действующем законодательстве.

Второе. Необходимо отдельный самостоятельный федеральный закон «Об официальном электронном опубликовании», который закрепит систему официального электронного опубликования, права и обязанности ее участников, четко определит функционал и пределы их ответственности.

Принятие указанного федерального закона потребует совершенствования законодательства об опубликовании нормативных правовых актов, включая разработку пакета ведомственных подзаконных нормативных правовых актов, определяющих процедуры официального электронного опубликования.

В случае его принятия данного федерального закона можно прогнозировать достижение следующих позитивных результатов:

обеспечение удобного для граждан и организаций интерфейса, позволяющего эффективно реализовать их конституционное право на доступ к нормативным правовым актам, принимаемым органами государственной власти и органами местного самоуправления;

обеспечение органов государственной власти и органов местного самоуправления современной высокотехнологичной системой информирования граждан и организаций о принимаемых ими правовых актах;

обеспечение устойчивого гарантированного хранения массива принятых органами государственной власти и органами местного самоуправления правовых актов, включая информацию об особенностях вступления в силу и действия этих актов;

повышение эффективности управления за счет упрощения и ускорения доступа граждан и организаций к правовым актам органов государственной власти и органов местного самоуправления;

укрепление режима законности за счет создания условий для реального государственного и общественного контроля за нормативными правовыми актами, издаваемыми органами государственной власти и органами местного самоуправления;

повышение эффективности правоприменительного процесса и всей управленческой деятельности в целом за счет использования в обороте надежных официальных копий нормативных правовых актов; комплексное развитие современных информационных технологий в смежных сферах государственного управления;

развитие теории и практики систематизации и кодификации законодательства, создание современных средств электронной систематизации и кодификации;

оптимизация форм законотворческой деятельности и языка законодательства;

сокращение затрат государства и органов местного самоуправления в связи с уменьшением объемов печатания правовых актов на бумажных носителях;

оптимизация взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с негосударственной системой распространения правовой информации, а также организациями и учреждениями правового образования и воспитания;

Принятие данного федерального закона создаст необходимую правовую базу для развития системы официального электронного опубликования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Ожидаемым результатом внедрения данной системы станет новый уровень правовой культуры граждан и организаций и юридической защищенности их прав.

* * *

Современная технико-юридическая форма нормативного правового акта — одно из достижений отечественной юридической культуры. Эта форма сложилась не одномоментно, в ней непосредственно отразились особенности развития общества, государства, права, а также «юридическая стилистика» соответствующего периода.

С точки зрения развития законодательной техники, современная форма нормативных правовых актов является несомненным шагом вперед. Так, например, у федеральных законов и федеральных конституционных законов появился подзаголовок, указывающий на дату принятия (одобрения) документа соответствующей палатой парламента. Резко сократился круг постановлений нормативного характера, подменявших в какой-то степени законы. Из практики законотворчества полностью исчезла такая форма, как законы, одобряющие ранее принятые указы Президиума Верховного Совета и т.д. Вместе с тем, существующая технико-юридическая форма нормативных правовых актов сложилась в эпоху традиционного «бумажного» делопроизводства и не отражает реальностей наступающей «цифровой эпохи». Все более очевидно, что «традиционным» нормативным правовым актам присущи недостатки, мешающие их обработке и хранению в электронных информационных системах, препятствующие эффективному поиску и использованию этих документов пользователями.

В числе наиболее существенных недостатков действующей формы нормативных правовых актов можно отметить следующие: их многопредметность; неэргономичность; наличие нечетких, многократно дублирующихся наименований; неоптимальный объем статей; отсутствие необходимых поисковых реквизитов; отсутствие современной системы кодификационной обработки; трудности систематизации и кодификации.

Автором была разработана модель нормативного правового акта, функционирующего в цифровой среде, включающая три составных части: вводную, текстовую и паспортную¹.

Происходящий в наше время переход к электронной форме официальной и деловой коммуникации неизбежно отразится на технико-юридической форме нормативных правовых актов. Традиционная, устоявшаяся бумажная форма нормативных правовых актов, равно как и процедуры законотворческой деятельности, подвергнутся неизбежной модернизации. Должна быть отработана юридическая техника электронных нормативных правовых актов и создана современная «электронная юридическая инфраструктура», которая позволит нормативным правовым актам успешно функционировать в электронной среде.

Развитие теории юридических фактов и фактического состава

- **Фактический состав в механизме правового регулирования: монография. (Саратов, 1980; Москва, 2020).**
- **Юридические факты в советском праве: монография (Москва, 1984% Москва, 2020).**
- **Брошюра, главы в учебниках, статьи.**

¹ Подробнее см.: Нормативный правовой акт в электронной форме // В кн.: Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / Под редакцией Ю. Г. Арзамасова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 81-102.

***

Каждый конкретный юридический факт — не случайное изолированное явление, а в известном смысле и порождение данной правовой системы. Вовлечение тех или иных обстоятельств в орбиту правового регулирования в качестве юридических фактов зависит не только от социально-экономических причин, но и в немалой степени от уровня развития законодательства, совершенства юридических конструкций, развития юридического языка, зрелости научной мысли, сложившихся правовых традиций и т.п. Образно говоря, «за спиной» конкретного юридического факта просматривается вся правовая система государства.

Связь факта и правовых последствий представляет собой особый вид социальной зависимости, сознательно созданной людьми и защищенной правом. Нормативное закрепление и гарантирование системой юридических средств делают ее относительно стабильной, с необходимостью реализующейся при определенных условиях. Это внешне сближает связь факта и правовых последствий с объективными причинными связями, позволяет провести между ними параллель. С известной долей условности можно сказать, что перед нами — разновидность «социальной причинности», сознательно введенная в жизнь общества для упорядочения его существования.

Отражение в праве общественных отношений — далеко не простой и однозначный процесс. Конкретная социальная ситуация зачастую представляет собой переплетение элементов объективного и субъективного, закономерного и случайного, материального и идеального. Поэтому в качестве юридических фактов выступают не только «простые фрагменты» социальной действительности, но и порой довольно сложные ее срезы. Сложные юридические факты — такие фактические обстоятельства, которые имеют несколько различных сторон (признаков).

Из сказанного вытекает, в частности, то, что «волевой критерий», согласно которому все юридические факты подразделяются на события и действия, нельзя абсолютизировать. В качестве юридических фактов могут выступать не только «чистые» события и действия, но и фактические обстоятельства, охватывающие своим содержанием то и другое, — сложные юридические факты. Закрепление сложных юридических фактов (например, местожительства, безвестного отсутствия) — в целом положительное явление в законодательстве. Они помогают охватить многосторонние социальные ситуации, способствуют повышению системности в правовом регулировании. В некоторых отраслях (трудовом, семейном, уголовном праве и др.) использование сложных юридических фактов объективно неизбежно. Вместе с тем можно привести примеры, когда сложные юридические факты в принципе могли бы быть заменены более простыми и конкретными фактами. Необходимо в каждом случае правового регулирования нащупать меру сложности юридических фактов, выбрать оптимальную форму их объединения.

Правильно понять и оценить значение функции юридических фактов можно лишь в более широком контексте, в связи с функциями других элементов механизма правового регулирования. Отправным, ведущим его элементом выступают юридические нормы. Именно они содержат властную программу (модель) поведения субъектов. Другим элементом механизма правового регулирования выступает правоотношение — конкретная модель поведения для конкретных субъектов, программа действий в определенной социально-юридической ситуации. Юридические факты обеспечивают переход от общей модели прав и обязанностей к конкретной. В этом — основная функция юридических фактов в механизме правового регулирования.

Как отмечается в научной литературе, весомый процент ошибок правоприменительных органов связан с установлением юридических фактов. Значительная часть судебных приговоров, решений, административных актов и т. п. отменяется по причине неполного либо неправильного установления фактических обстоятельств дела. Сказанное позволяет сделать вывод, что возникновение, изменение и прекращение правоотношений — особый «узел» правового регулирования. Обеспечивая надежное возникновение, изменение, прекращение правовых отношений, юридические факты способствуют тем самым стабильному функционированию всей системы правового регулирования.

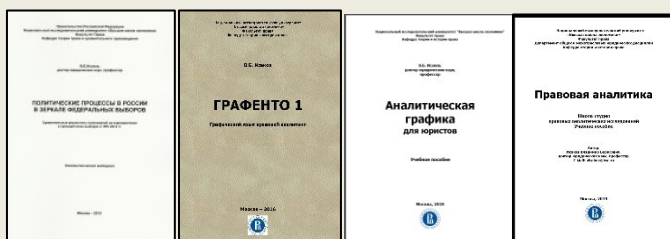
В научном плане юридические факты и фактические составы представляют собой интереснейший правовой феномен, который продолжает активно разрабатываться как в общей теории права, так и в отраслевой юридической литературе.

Развитие теории и практики правовой аналитики

- Правовая аналитика: учебное пособие (Москва: Норма, 2015).
- Говорите языком схем: учебное пособие (Москва: Норма, 2016).
- Схематизация и моделирование. Сборник материалов по курсу «Правовая аналитика» (Москва: НИУ ВШЭ, 2017).
- Словарь аналитической графики: учебное пособие (Москва: Норма, 2019).
- Правовая аналитика в определениях, картах, схемах: Альбом (Москва: НИУ ВШЭ, 2019).

- Разработка концепции и программы магистерского курса «Правовая аналитика».
- Комплекс учебно-методических пособий (2009-2020 гг.).
- Сборник образцов документов по правовой аналитике (Москва: НИУ ВШЭ, 2013).
- Методика аналитической школы-студии (аналитического театра) (с 2014 года).
- Разработка «Рабочий блокнот по правовой аналитике» (2020).

***

Идея ввести на факультете права курс правовой аналитики возникла в 2008 году на основе понимания автором необходимости разворота юридического образования от накачки студентов информацией к задачам формирования у них системного аналитического мышления. Данный курс начал преподаваться как одна из дисциплин по выбору для студентов *магистратуры*.

Первоначально его содержание выглядело достаточно традиционно: читались лекции и проводились семинарские занятия, на которых студенты разбирали ситуации из аналитической практики, рассматривали аналитические заключения на законопроекты, а также сами готовили такие заключения. Естественно, что на первом этапе часть материала для данного учебного курса была позаимствована у смежных научных дисциплин. Наиболее полезными в этом отношении оказались общая теория систем и прикладной системный анализ, теория принятия решений, общий и стратегический менеджмент, философия, методология, логика. Из числа юридических дисциплин наибольший вклад в правовую аналитику внесли теория государства и права, науки конституционного, гражданского и уголовного права, криминалистика. На эту основу легли аналитические ситуации, тренинги и деловые игры, а также схематизации и визуализации, представлявшие собой полностью авторские разработки.

Постепенно пришло понимание, что преподавание курса правовой аналитики в традиционном стиле не позволяет реализовать его потенциальные возможности. В 2014 году курс правовой аналитики был разделен на две части — теоретическую и проектную. В первой части были сконцентрированы методологические и теоретические проблемы правовой аналитики. Во второй части студентам было предложено выполнить аналитический проект — цикл реальных аналитических работ, объединяемых выбранной ими «сквозной» аналитической ситуацией. Обе части курса сопровождались комплексом домашних заданий и достаточно разветвленной системой контроля. На аудиторных занятиях по правовой аналитике чередовались обсуждение теоретических вопросов и коллективный анализ трудностей, возникших при

выполнении проектов. Курс правовой аналитики завершался экзаменом по теоретической части и защитой каждым студентом своего аналитического проекта.

По ходу учебных занятий сложился комплекс методических материалов — электронная библиотека, учебные пособия, задачник, альбом схем, рабочая тетрадь. Большинство из них размещены в открытом доступе в фонде публикаций НИУ ВШЭ. Вынужденный переход на дистанционную форму обучения заставил записать на видео онлайн-курс.

Новая форма преподавания, найденная эмпирически, конечно же, не является уникальной. Она в значительной степени повторяет формы, широко распространенные в творческих вузах: «творческую лабораторию», «студенческий театр», «экспериментальную студию», «школу-студию». Таким образом, курс правовой аналитики из традиционной академической формы постепенно перерос в «аналитическую школу-студию». В результате преподавание этого курса оказалось в тренде актуальных тенденций высшего образования в России. Проходя данную учебную дисциплину, студенты не только получают новую информацию, но и тут же применяют ее — работают над индивидуальными проектами, используя весь запас знаний, приобретенных ими в юридическом вузе.

Автор убежден, что на определенном рубеже произойдет разворот всего высшего гуманитарного образования к формированию у студентов проблемного мышления, построению онтологий, системному решению профессиональных задач. Хотелось бы надеяться, что опыт преподавания курса «Правовая аналитика», ряд инноваций, родившихся в этом курсе, окажутся востребованными в этом зреющем повороте.

Комплекс инноваций в области преподавания

- Электронный учебно-методический комплекс по ТГП (2005 г.).
- Учебно-методические комплексы кафедры теории и истории права для студентов 1 курса факультета права — ежегодные выпуски с 2005 по 2019 год.
- Учебно-методическое пособие по основам права — 2 книги (2014-2015 гг.) — автор концепции, ряда материалов, ответственный редактор.
- Майнор «Юриспруденция». Учебно-методическое пособие для студентов неюридических факультетов, изучающих право как вторую специальность (два издания).
- Научно-образовательный комплекс «Теория государства и права» — 4 книги (2020 г.) — автор концепции, ряда материалов, ответственный редактор.
- Игропрактикумы по теории государства и права и основам права — автор концепции, ряда ключевых материалов, ответственный редактор.

***

С сентября 1971 года, когда автор вступил на стезю преподавательской деятельности, прошло около 50 лет. Естественно, что за это время были и успехи, и потери, и некоторые инновационные достижения. Наиболее полно методические инновации автора отражены в «Игропрактикумах», выпущенных издательством «Норма» с участием и под редакцией автора в 2015 и 2020 гг., где с ними можно подробно ознакомиться. Презентации научно-образовательного комплекса по теории государства и права (4 книги) посвящен отдельный материал, опубликованный в составе настоящего сборника.

Организация и проведение деловых игр

- «Профессионализм юриста». Организационно-деятельностная игра. Свердловский юридический институт. Свердловск. 7-12 сентября 1987 года.
- «Организация правового воспитания». Организационно-деятельностная игра. Институт философии и права Уральского отделения АН СССР. Свердловский юридический институт. Отдел юстиции Свердловского облисполкома. Свердловский Дом техники НТО. Свердловск. 1-7 февраля 1988 года.
- «Организация правового всеобуча в Кировском районе г. Свердловска». Организационно-деятельностная игра. Кировский районный комитет КПСС. Свердловский юридический институт. Свердловский Дом техники НТО. Свердловск. 3-10 февраля 1989 года.
- «Цели высшего юридического образования». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, пансионат «Голицыно». 1—5 февраля 2010 года
- «Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России. Программа исследований и разработок». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, пансионат Голицыно, 31 января-4 февраля 2011 года.
- «Формирование аналитической компетенции юриста». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, учебный центр НИУ ВШЭ «Вороново», 1-5 февраля 2015 года.

* * *

Наша практика подсказывает, что один из самых мощных инструментов в «игровом» арсенале преподавателя — это оргдеятельностные игры, разработанные и введенные в практику Г. П. Щедровицким. Начинается оргдеятельностная игра достаточно традиционно — с установочного доклада руководителя игры и содокладов, которые готовятся в группах. Но постепенно — благодаря непрерывной рефлексии содержания и хода игры, а также вбросам элементов оргдеятельностной методологии — игровое пространство сжимается и переструктурируется. Возникает специфическое игровое мышление и собственный язык игры. Рождаются оригинальные схематизации и визуализации. В инициативном порядке создаются новые рабочие группы, формируются новые, непросчитанные игровые связи, отношения и коммуникации. Сыплются искры интеллектуальных провокаций и контрпровокаций. Формируются несколько фокусов влияния на игру и т. д. Параллельно происходит самоопределение участников игры, которые из пассивных наблюдателей становятся творцами разворачивающегося на их глазах нового интеллектуального содержания. Некоторые участники, не найдя себе места на игре, покидают ее.

Достаточно часто случается, что на третий день игры перегретый интеллектуальный котел «взрывается»: игра переходит в режим самоуправления, иногда — с перехватом инициативы, сменой руководителя игры и формированием новых рабочих групп. Место «капитана на корабле» занимает новый лидер, который руководит игрой дальше.

Сильная, хорошо организованная организационно-деятельностная игра производит на ее участников ошеломляющее впечатление. Свободное «парение» в интеллектуальном пространстве, при котором сливаются воедино прошлое, настоящее, будущее, история и культура, теория и факты, прогнозы и реальность — когда ценность участника на игре определяется не по формальным академическим званиям и прошлым заслугам, а исключительно по его реальному вкладу в развитие интеллектуального содержания — все это оставляет в сознании неизгладимый яркий след. Читать научные статьи на ту же тему после игры практически невозможно — по сравнению с интеллектуальным полетом на игре они кажутся скучными, пресными, убогими и приземленными. Организационно-деятельностная игра продвигает своих участников настолько, что ее интеллектуального импульса хватает порой на годы.

Еще тогда, в 1987-1989 годах, автор попробовал провести несколько организационно-деятельностных игр. Затем вернулся к этой форме работы в 2011-2015 гг., разработав более мягкую и щадящую игровую форму, которую назвал «проектно-аналитической игрой». Материалы проведенных

игр опубликованы в Интернете, а игра на тему «Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России» (2011 г.) — вышла еще и отдельным печатным изданием¹.

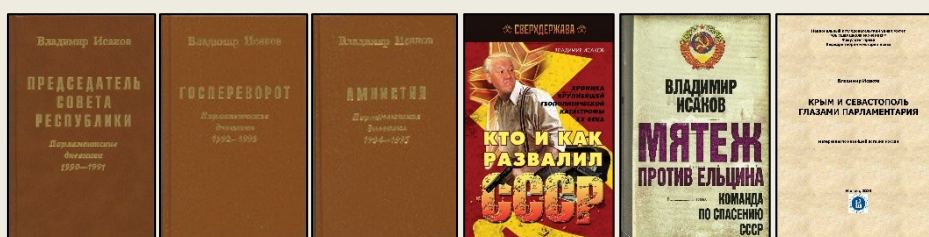
Литературное творчество

- Председатель Совета Республики: Парламентские дневники (2 издания).
- Госпереворот: Парламентские дневники (2 издания).
- Амнистия: Парламентские дневники (2 издания).
- Расчлененка: Кто и как развалил СССР (2 издания)
- Мятеж против Ельцина: команда по спасению СССР / М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. — 240 с.

[Суд истории].

- Крым и Севастополь глазами парламентария [Текст]: Материалы по новейшей истории России / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; Факультет права. М.: Издание НИУ ВШЭ, 2016. — 62 с.

- Брошюры, статьи.

***

Моя литературно-публицистическая деятельность началась абсолютно случайно. Судьбе было угодно свести меня в 1988 году в областной публичной библиотеке с Рафиком Исаковым, тогда — заместителем редактора Свердловской областной молодежной газеты «На смену!». Только что были опубликованы «Правила проведения митингов и демонстраций» — реакция тогдашней испугавшейся бюрократии и партноменклатуры на октябрьский пленум ЦК КПСС и смелое выступление на нем Б. Н. Ельцина. Сидя за соседними столами, разговорились. Я изложил свою точку зрения на конституционность, а точнее — неконституционность этого документа, его противоречия, слабые места. Рафик предложил:

- Напиши статью.
- Так ведь не опубликуете.
- Это моя проблема, пиши.

Статью я написал в солидном, тяжеловесном «партийном» стиле, и она была опубликована в газете под заголовком «Перестройка и законность». В тогдашней морозной идеологической тишине — напомним, шел 1988 год — она прозвучала громко и в ссероксах разошлась по стране, ее перепечатал всесоюзный журнал «Юность». Для меня эта акция закончилась практически без последствий — ну, обругали пару раз в партийной печати и аннулировали приглашение перейти на работу в Академию наук. Значительно хуже она обернулась для Рафика Исакова, которого уволили из газеты.

А дальше — включился «политический эскалатор». Меня стали приглашать на встречи, дискуссии, митинги, пошли за защитой люди, обиженные режимом. Столкнувшись напрямую с фактами произвола, нарушением законов, стал помогать обиженным властью, выступать в печати, в судебных процессах.

В конце 1988 года были объявлены выборы народных депутатов СССР. Уже по самому тексту закона, который избобиловал многочисленными «фильтрами» — партийная «сотка», окружные предвыборные собрания и т. д. — было видно, что процесс выборов пытаются взять под партийный и административный контроль, направить в бюрократическое русло. Эти выборы я проиграл, уступив кандидату от рабочего класса — Андрею Захарову. Зато на выборах в народные депутаты РСФСР прошел сразу в первом туре, набрав более пятидесяти процентов голосов.

Затем были первый Съезд народных депутатов РСФСР и первая сессия Верховного Совета, на которой меня избрали председателем палаты — Совета Республики Верховного Совета РСФСР. С этого

¹ См.: «Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России: Материалы проектно-аналитической деловой игры». М.: Издание Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2012. — 168 с. Отчет об этой игре см. по адресу: https://pravo.hse.ru/data/2012/07/02/1254458074/02_Зимняя%20школа-игра-2011.pdf

момента начинаются мои «парламентские дневники» — дневниковые записи, хроника, документы, статьи, интервью о работе в парламенте, объединенные затем в несколько книг политической публицистики. О том, что видел, чувствовал, пережил. А пережить пришлось многое...

В 2006 году я прилетел в составе российской делегации на празднование дней России в Украине. Как это принято, в аэропорту официальную российскую делегацию встречал посол России на Украине В. С. Черномырдин. Услышав мою фамилию, Виктор Степанович удивленно поднял бровь: «Какой Исаков? Бывший депутат что ли?» Ему подтвердили, что да, тот самый. После этого Черномырдин не только не подал мне руки, но постарался даже не смотреть в мою сторону. Единственный из всей делегации, я остался вечером в гостинице, поскольку не получил приглашения на официальный прием в российском посольстве. Было неприятно, конечно. Но, с другой стороны, согревала мысль, что вечера и ночи, потраченные на написание «парламентских дневников» не пропали даром. На бронированной шкуре выдающего российского «тяжеловеса» они оставили незаживающий след, который сохранился на долгие годы.

Перелистав рукопись книги, коллега-депутат как-то спросил: «Критикуешь и коммунистов, и демократов. Сам-то ты на чьей стороне?» Отвечаю. За прошедший период неоднократно убеждался, что изменения в обществе полезны и благотворны, когда они происходят в рамках законов. Законы, законность — естественный ограничитель, защищающий всех и каждого от насилия, произвола, политического и экономического авантюризма, коррупции, да и просто неумелого руководства. Именно за циничное отношение к закону я критиковал в свое время партийную номенклатуру. Именно нарушения законности стали причиной моих острых разногласий и расхождения с новой «демократической» властью. Именно за пренебрежительное отношение к соблюдению законов критикую современных бюрократов и коррупционеров. Я согласен принять и поддержать самые смелые идеи, но при одном обязательном условии: если они законны. Я — на стороне Закона.

Не будучи профессиональным литератором, считаю литературно-публицистическое творчество частью своей инновационной деятельности. Имею (на сентябрь 2020 года) 673 публикации, из них в Научной электронной библиотеке (НЭБ) размещены — 173, индекс Хирша — 20.

Яркая инновация в юридическом образовании

Brightin novationin lealeducation

Презентация 4-томного научно-образовательного комплекса по теории государства и права, подготовленного кафедрой теории и истории права факультета права НИУ ВШЭ и вышедшего в 2020 году в центральном издательстве «Норма»

Научно-образовательный комплекс по теории государства и права:

- Теория государства и права: Программа курса / авт.-сост. В. Б. Исаков. М.: Норма; Инфра М, 2020. — 176 с.
- Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Колл. авт. под ред. В. Б. Исакова. М.: Норма; Инфра М, 2020. — 656 с.
- Теория государства и права: Практикум / Колл. авт. под ред. В. Б. Исакова. М.: Норма; Инфра М, 2020.— 488 с.
- Теория государства и права: Игропрактикум // Колл. авт. Под ред. В. Б. Исакова. М.: Норма; Инфра М, 2020. — 544 с.

Разработка в 2017-2019 гг. научно-образовательного комплекса по теории государства и права была обусловлена несколькими причинами. Совершенно очевидно, что юридическое образование вступило в полосу нестабильности, связанную с общим состоянием российского образования:

Во-первых, резко изменилась информационная среда. Преподаватели старшего поколения помнят, когда по многим дисциплинам учебных программ юридических вузов было 1-2 учебника, а по некоторым их не было вообще. В последнем случае основным источником информации для студентов становились лекции. Сегодня только по теории государства и права на полках магазинов лежат более десятка различных учебников, не говоря о других источниках информации, таких как учебные пособия, справочники и даже изданные типографским способом шпаргалки. На место информационной недостаточности пришла информационная избыточность. По некоторым экспертным оценкам в мире пишется примерно в 30 раз больше научных работ, чем читается.

Во-вторых, мы являемся свидетелями появления новых средств коммуникации: мобильной связи, интернета, сетей, разнообразных технологий теледоступа и т. д. Появилась возможность проведения учебных занятий в онлайн-формате, появился сектор онлайн-образования. Сформировалась целая индустрия, включая спутники, которая работает на этот сектор. В связи с эпидемией коронавируса сектор онлайн-образования многократно вырос. Вместе с тем эта сфера образования находится еще в стадии формирования. Ее границы и формы до конца не изучены, а эффективность онлайн-образования до конца не оценена.

В-третьих, можно с полной определенностью констатировать снизившуюся эффективность традиционных форм обучения, прежде всего, лекций. Не секрет, и это отмечается практически везде, что студенты перестали ходить на лекции даже самых интересных, успешных преподавателей. Можно, конечно, включить административный нажим, но полезно задуматься: почему это происходит, причем, повсеместно? Очевидно, что не все формы обучения работают, как раньше. Вузам надо искать новые, современные формы коммуникации со студентами.

В-четвертых, существует неясность и неопределенность содержания юридического образования. С одной стороны, оно должно быть современным и высокотехнологичным. Работодатели хотели бы, чтобы выпускники вузов приходили со студенческой скамьи и сразу начинали работать в современных, технологичных, до зубов вооруженных компьютерами коллективах. При этом проявляли бы самостоятельность, творческий подход, способность аналитически мыслить и решать нестандартные задачи. С одной стороны современное образование должно быть универсальным, с другой — глубоко специализированным. С одной стороны — международным, с другой — не порывать с национальными традициями, российской юридической культурой. С одной стороны — качественным, с другой стороны — доступным для граждан, экономичным, дешевым. Другими словами, к содержанию современного юридического образования предъявляется достаточно пестрый набор противоречивых требований.

Поиск ответов на эти вопросы, обсуждение их на кафедральном методологическом семинаре и практическое опробование разных вариантов подвели нас к необходимости разработки 4-томного научно-образовательного комплекса по теории государства и права, над которым преподаватели нашей кафедры работали 3,5 года.

Работая над этим проектом, мы исходили из следующих принципов. Во-первых, мы не стали отступать от Федерального государственного стандарта и сложившейся в многолетней практике структуры курса, поскольку такой курс не может быть рассчитан только на один наш вуз, его могут взять за основу для преподавания курса и другие учебные заведения.

Во-вторых, мы с самого начала решили не акцентировать одну точку зрения, один какой-то подход к пониманию права. Конечно, нам могут бросить упрек, что ваш курс эклектичен: одни темы вы трактуете с позиций нормативизма, другие — с позиций социологического подхода, третьи — в ключе психологической школы права, четвертые — в русле сравнительного правоведения. Да, это так. Но это реальность современного правоведения. В нем нет одной доминирующей точки зрения по всем вопросам.

В-третьих, мы попытались взглянуть на преподавание системно, чтобы понять, из каких элементов оно складывается и какие элементы можно менять, а какие — трогать не стоит.

Научно-образовательный комплекс возглавляет Программа курса. Это хорошо известный каждому преподавателю учебно-методический документ. Под воздействием ежегодно меняющихся методических требований Программа распухла, превратилась, по существу, в самостоятельное учебно-методическое пособие объемом более 100 страниц. Включая Программу в свой научно-образовательный комплекс мы исходили из двух соображений. Во-первых, Программа — это «флагман» всего проекта. Все три других книги комплекса написаны по единой структуре, которую задает именно Программа. Во-вторых, в преподавательской практике Программа нередко нужна именно как отдельное издание, например, для выдачи студентам на экзаменах, предъявления проверяющим, аккредитации вуза и т. д.

Далее идет Учебник по теории государства и права. Среди новых подходов, которые мы реализовали при подготовке Учебника, я особо хотел бы отметить следующие.

Каждая тема Учебника и каждая тема Практикума (о котором речь далее) начинается с небольшого литературно-художественного или научно-практического введения. Например, взаимодействие правовых и моральных норм мы показали на примере пьесы Шекспира «Венецианский купец», где Шейлок

требовал «по закону» вырезать фунт мяса из тела должника. Тему законности открывает фрагмент из работы известного ученого, специалиста по проблемам законности, Михаила Соломоновича Строговича и т. д. Идею такого подхода нам дала Детская энциклопедия, где каждая статья этого замечательного издания начинается с увлекательного введения. Но ведь и будущие читатели нашего Учебника, первокурсники, тоже в основном далеко не взрослые.

Каждая тема курса у нас заканчивается понятийным рядом категорий. Конечно, это не наше изобретение. Об этом написана замечательная монография Андрея Михайловича Васильева «Правовые категории», есть работы других авторов. Но мы попытались не ограничиться отдельными примерами, а прорисовать, представить в виде схем понятийные ряды по всем темам курса. Конечно, не все с нами согласятся. Каждый ряд понятий — всегда предмет для спора, дискуссии. Ну и отлично! Предложенные нами варианты должны оживить научную дискуссию по этим вопросам.

Каждая тема курса заканчивается приложением — небольшим пакетом схем. В сумме их больше ста, т.е. в учебник «вшит» целый альбом схем. Понятно, что они нарисовались не за один присест. Это наши многолетние наработки по схематизации курса теории государства и права.

Далее идет *Практикум*. Его содержание также понятно преподавателям и достаточно традиционно: это домашние задания, примерные планы семинарских занятий, списки литературы, тематика курсовых и дипломных работ (на русском и английском языках), рекомендации по их написанию, список вопросов для экзаменов и зачетов и рекомендации по подготовке к ним. Три позиции я хотел бы отметить отдельно.

Каждая тема содержит задания для изучающих курс в режиме online. Освоить академический курс теории государства и права в режиме online — достаточно непростая задача, но таковы реалии сегодняшнего дня: многие дисциплины университетского курса сегодня изучаются в удаленном доступе. И мы посчитали важным помочь в этом и студентам, и преподавателям.

В *Практикуме* есть сборник задач и ситуаций. Понятно, что такой сборник объединяет наработки многих лет преподавательской работы. Как коллектив мы также поработали здесь вскладчину. Результат этой работы смогут оценить те, кто реально будет работать с этим сборником.

Наиболее спорный момент *Практикума* заключается том, что мы дали в нем не только список вопросов для экзаменов, но и примерные планы ответов на них, и даже не планы, а синопсисы — примерные тексты — ответов. В чем заключается спорность? В том, что наиболее ленивые студенты даже учебник читать не будут, ограничатся этими синопсисами. Высказаны также опасения, что кое-кто использует их в качестве шпаргалок: исходный материал для этого первоклассный, самим думать не надо. Но, с другой стороны, для добросовестных студентов синопсисы экзаменационных ответов — это существенное облегчение при подготовке к экзамену. Ведь для многих теория государства и права будет первым экзаменом в их студенческой жизни.

Разумеется, мы не просто так пошли на подобный эксперимент. В 2014 году кафедра выпустила учебное пособие «Критерии и стандарты для оценки ответов студентов на государственных и текущих экзаменах по теории государства и права»¹, в котором были опубликованы примерные стандарты ответов — те же самые синопсисы. Появление данного учебного пособия не вызвало никакого ажиотажа среди студентов, не заметили мы и волны шпаргалок на экзаменах. Поэтому мы решились на продолжение эксперимента — опубликовали краткие синопсисы ответов на экзаменах в качестве составной части *Практикума*.

Пожалуй, наиболее творческая, оригинальная часть нашего курса — это *Игропрактикум*, который адресован преподавателям данной учебной дисциплины. *Игропрактикум* содержит обзор средств и методов преподавания теории государства и права, рекомендации для проведения учебных занятий, их примерные планы, тематику докладов, эссе, сообщений, варианты домашних заданий, вопросы для тестового контроля — то есть все, что может потребоваться преподавателю для успешного проведения занятия.

Главный элемент содержания *Игропрактикума* — примерные планы занятий по каждой теме, где к вопросам темы подверстаны методические рекомендации, проблемные вопросы (тоже собирались членами авторского коллектива вскладчину), темы докладов и эссе, задачи, задания, игры и тренинги, а также вопросы для тестового контроля.

В *Игропрактикуме* мы дали расширенный Сборник задач и ситуаций, поскольку некоторые ситуации нам показались достаточно сложными и дискуссионными, для того чтобы просто так давать их в руки студентам. Мы выделили их отдельно и рекомендовали для обсуждения с участием преподавателя. Ну и, кроме того, полезно, когда у преподавателя есть некий дополнительный запас задач и ситуаций, которые он может обсудить со студентами на занятиях.

В *Игропрактикуме* есть также Сборник игр и тренингов, которые можно использовать для активизации работы со студентами. Несколько раз на протяжении *Игропрактикума* мы предупреждаем, что играть в учебные и деловые игры имеет смысл только в сильных, хорошо подготовленных учебных коллективах. Проводить игры со студентами, которые не подготовились к занятию и не знают материала темы, — пустая трата времени.

¹ Критерии и стандарты для оценки ответов студентов на государственных и текущих экзаменах по теории государства и права: Методический материал // Под ред. В. Б. Исакова. М.: Издание НИУ ВШЭ, 2014. — 167 с.

Игропрактикум содержит разнообразный материал, который может быть использован не только в учебном процессе, но и для организации внеаудиторной работы — подготовки творческих вечеров, олимпиад, конкурсов, викторин юридических знаний.

Было бы несправедливо не упомянуть о том, что у нашего проекта есть информационные спонсоры — компании «Гарант», «КонсультантПлюс» и ЭБС «Znanium», которые держат в Интернете свои электронные библиотеки. Студенты могут воспользоваться ими при подготовке к занятиям и к экзаменам — круглосуточно и совершенно бесплатно.

Когда Игропрактикум был практически готов к печати, на факультете права разгорелась дискуссия о новых подходах к преподаванию общетеоретических дисциплин. Некоторые итоги этой дискуссии мы успели отразить в Игропрактикуме последним разделом. Это два экспериментальных учебных плана по теории государства и права: один — с сокращенным количеством лекций, другой — вообще без традиционных лекций. Что предлагается взамен них? Лекции-проблематизации, лекции-консультации, лекции-дискуссии, брифинги со специалистами-практиками, поточные или групповые деловые игры. Желающие присоединиться к нашему эксперименту могут попробовать провести курс теории государства и права по этим инновационным схемам.

Таков наш ответ на актуальные проблемы преподавания теории государства и права, наше видение того, как можно действовать в продвижении фундаментальных теоретико-исторических дисциплин в условиях современного юридического вуза. Первые отклики на наш научно-образовательный комплекс, в основном, положительные. Авторы хотели бы надеяться, что он полюбится и преподавателям, и студентам. А может быть, постепенно станет чем-то вроде стандарта для разработки научно-образовательных комплексов и по другим предметам юридического образования.

Андреева Полина Николаевна

ассистент кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов (г. Москва)

Andreeva Polina Nikolaevna

assistant of the department of theory of law and state of the Law institute of the peoples' friendship University of Russia (Moscow)

E-mail: andreeva.pln@gmail.com

**Новая номенклатура научных специальностей по праву:
особенности и перспектива. Презентация журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Юридические науки»**

**New nomenclature of scientific specialties in law: features and prospects.
Presentation of the journal "Bulletin of the peoples' friendship University
of Russia. Series: Legal Sciences"**

Аннотация. Проиллюстрирован процесс подготовки новой номенклатуры научных специальностей в России. Отдельное внимание уделено разработке модели номенклатуры научных специальностей по праву. Анализируются причины модернизации действующей номенклатуры научных специальностей, а также цели и задачи, поставленные перед разработчиками в связи с подготовкой данного документа. Представлена новая конструкция научных специальностей по праву. Обращается внимание на её особенности, в том числе компактность, уход от излишней дифференциации научных отраслей.

Ключевые слова: юридическая наука, научные специальности, номенклатура научных специальностей по праву, паспорт научных специальностей по праву.

Abstract. The process of preparing a new nomenclature of scientific specialties in Russia is illustrated. Special attention is paid to the development of a model for the nomenclature of scientific specialties in law. The reasons for the modernization of the current nomenclature of scientific specialties are analyzed, as well as the goals and objectives set for the developers in connection with the preparation of this document. A new design of scientific specialties in law is presented. Attention is drawn to its features, including compactness, avoidance of excessive differentiation of scientific fields.

Key words: legal science, scientific specialties, nomenclature of scientific specialties in law, passport of scientific specialties in law.

С докладом по модернизации всей номенклатуры научных специальностей выступил д.ю.н., проф. Н. А. Власенко, который отметил, что инициативу проявило Министерство науки и высшего образования РФ (Приказ от 12 июля 2019 г. № 499 «О рабочей группе по совершенствованию номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени»). В состав рабочей группы вошли ведущие ученые страны по самым различным отраслям наук (более 60 человек). Перед ними была поставлена задача разработать проект новой номенклатуры научных специальностей и представить её к рассмотрению на заседание Пленума ВАК при Минобрнауки России. РАН РФ было предложено новую номенклатуру разделить на 3 уровня: первый уровень — область науки (или основной уровень); второй уровень — отрасли науки или группы специальностей; третий уровень — научные специальности (приказ первого зам. министра от 26 сентября 2019 г.; МН-2106/гг). В первый уровень включили 7 областей наук — естественные, технические и др., в том числе общественные. Каждая область включает в себя до 10 отраслей (второй уровень). В числе общественных (а впоследствии их было предложено именовать «социальные и гуманитарные») отдельное место принадлежит «праву». Рабочая группа провела несколько заседаний; споров и дискуссий было много. В конечном итоге на одном из итоговых совеща-

ний утвердили название отраслей наук, «право» заняло первое место в этом блоке и получило шифр «5.3.1 право». После этого Рабочая группа разделилась на подгруппы с целью разработки третьего уровня. Речь идет, — обратил внимание выступающий, — о конкретизации такой отрасли, как «социальные и гуманитарные» науки. Здесь, как и по другим областям научных знаний, дискуссии ушли в экспертные советы, ученые советы институтов и факультетов.

Победило мнение: в модернизированной номенклатуре юридических наук должен быть положен принцип объединения, прежде всего фундаментальных исследований в сфере права. Аргументом выступило мнение большинства экспертов ВАК по праву о том, что это даст более глубокое понимание процессов, происходящих в обществе, экономике, культуре, управлении, развитии новых технологий и др. Кроме того, такая конструкция будет способствовать поставленной в Стратегии научно-технологического развития РФ системности получения новых знаний, разработки новых подходов в правовом регулировании в таких важных для общества сферах, как научно-техническая и инновационная деятельность, формирование новых рынков, повышение социальных условий жизни человека и др. (п.п. 21, 22 и др. Указа Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 «О стратегии научно-технологического развития РФ»). Итак, после дискуссий на заседаниях экспертного совета по праву предложена следующая модель номенклатуры по специальности «право»:

12.00.01 Теоретико-исторические правовые науки: теория государства и права; история государства и права; история учений о государстве и праве;

12.00.02 Публично-правовые науки (государственно-правовые науки): конституционное право и процесс; финансовое право; административное право и процесс; информационное право; конкурентное право; земельное право; экологическое право; судоустройство; система и организация прокуратуры, нотариата и адвокатуры;

12.00.03 Частно-правовые науки (цивилистические науки): гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; трудовое право; право социального обеспечения; гражданский процесс; арбитражный процесс; административное судопроизводство;

12.00.04 Уголовно-правовые науки: уголовное право; криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика; экспертология; ОРД;

12.00.05 Международно-правовые науки: международное публичное право; интеграционное право.

ВАК РФ установил график обсуждения и выработки предложений и замечаний к модели номенклатуры научных специальностей. Не буду его воспроизводить, но в настоящее время, — отметил Н. А. Власенко, — поступило около 129 предложений и замечаний, замечу, что 71 — в инициативном порядке. По разделу «право» было направлено от разных организаций и структур около десяти замечаний. Все предложения направлены в ВАК РФ, им даны соответствующие оценки экспертов ВАК по праву. Работа над новой номенклатурой научных специальностей по юриспруденции завершилась.

В настоящее время Пленум ВАК РФ принял новую номенклатуру научных специальностей. Теперь дело за Минобрнауки РФ, которое должно её рассмотреть на коллегии и оформить как юридический документ¹.

После обсуждения доклада, ответов на вопросы, состоялась презентация журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки». Заместитель главного редактора, д.ю.н., профессор Н. А. Власенко рассказал о научной политике журнала, требованиях, предъявляемых к научным и информационным публикациям, контактах и его перспективах. По окончании презентации все желающие получили по экземпляру журнала.

¹ Подробнее см.: интервью с председателем ВАК РФ В.М. Филипповым. Российская газета. 26 окт., 2020.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

ПРОФЕССОРСКОЕ СОБРАНИЕ

Баранова Марина Владимировна

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Baranova Marina Vladimirovna

doctor of law, PhD (cultural study), professor, professor of department of labor and environmental law, National research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен

Cancel culture as an innovative legal and cultural phenomenon

Аннотация: Темп современной жизни, востребованность достижений науки в настоящее время затронули все сферы бытия, что отразилось на специфике и качестве общественных отношений. Внедрение цифровых технологий и глобализация меняют реальность, претерпевают внешние (формальные) и внутренние (качественные) изменения технико-юридический инструментарий, алгоритмы и специфика его использования. Неизбежное в глобализованном мире взаимодействие культур, правовых культур обуславливает быстрое внедрение в жизнь социума и правовую реальность инновационных элементов, таких как канселинг (cancel culture). Воздействие канселинга осуществляется через дискриминацию человека, унижение его чести и достоинства, выражаемое в неприличной форме, агрессивное преследование, применение насилия с последующим изгнанием неуютного лица из разного рода коллективов. Необходимым представляется оптимизация, модернизация и разумное ограничение этого процесса, преломление проблемы толерантности к реальным проявлениям cancel culture, поиск путей использования канселинга, как инновационного самостоятельного технико-юридического общесоциального средства.

Ключевые слова: канселинг, цифровые технологии, право, технико-юридический инструментарий, общественные отношения, воздействие, социум, государство, дискриминация, оскорбление.

Abstract: The pace of modern life and the demand for scientific achievements have now affected all spheres of life, which has affected the specifics and quality of social relations. The introduction of digital technologies and globalization are changing reality, and the technical and legal tools, algorithms, and specifics of their use are undergoing external (formal) and internal (qualitative) changes. The inevitable interaction of cultures and legal cultures in a globalized world leads to the rapid introduction of innovative elements, such as cancel culture, into the life of society and legal reality. The impact of canceling is carried out through discrimination of a person, humiliation of his honor and dignity, expressed in an indecent form, aggressive harassment, use of violence, followed by the expulsion of the objectionable person from various groups. It is necessary to optimize, modernize and reasonably limit this process, refract the problem of tolerance to the real manifestations of cancel culture, and find ways to use cancel culture as an innovative independent technical and legal social tool.

Key words: cancel culture, digital technologies, law, technical and legal tools, social relations, impact, society, state, discrimination, insult.

Технологический прорыв двадцатого века позволил человечеству шагнуть в двадцать первый век легко преодолевая расстояния, используя и непрерывно совершенствуя возможность удаленного общения. Набирающий обороты темп жизни, востребованность достижений науки затронули все сферы бытия, отразился на специфике и качестве общественных отношений. Право чутко реагирует на подобные изменения. Возникая в недрах социума, идея регламентации опирается на существующие реалии, подстраивается под перманентно меняющуюся картину мира, а порой, пытается действовать на опережение, стремится предугадать перспективные эволюционные изменения. Меняет реальность, обусловленная повсеместным внедрением цифровых технологий, глобализация. Претерпевает внешние (формальные) и внутренние (качественные) изменения технико-юридический инструментарий, алгоритмы и специфика его использования. Общество востребует более гибкие, креативные, действенные пути упорядочения отношений. Неизменной при этом остается инструментальная ценность права, поскольку граждане нуждаются в правовой регламентации, позволяющей защитить права, установить обязанности, обозначить границы дозволенного.

Новые условия предлагают новое видение места и роли права в государстве, особенностей его восприятия гражданами, сохраняя необходимость достижения качества восприятия информации, выстраивание коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»¹. Рассуждая о европейской модели государственности, Кирилл Богданович (Израиль), обращается к понятию «медиаократии» в контексте выстраивания системы жизнедеятельности технологически-развитого, демократического государства с развитыми средствами массовой коммуникации. Исследователь высказывает опасение по поводу перспектив развития таких государственных образований: «Государственное устройство, в котором стабильность государства определяется прессой (условиями ее деятельности, владельцами и их воззрениями) должно быть названо медиаократией, которая является одной из разновидностей автократии. ... Несоответствие реальности и создаваемого медиаократией виртуальных представлений ... рано или поздно, ведут к неминуемому разложению общества, к социальному взрыву»². Осознавая обsolesкванность приведенной авторской позиции, следует отметить, что в менее радикальных ситуациях коммуникативные связи, опосредованные широким спектром средств, упрощающих взаимодействие, позволяют выстраивать диалог социума и государства. Подобная актуализация идей делиберативной демократии, придающей большое значение партнерскому характеру взаимоотношений властных и невластных субъектов правовой крайне значима на современном этапе развития механизма правового регулирования. «...Правовой механизм представляет собой сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права претворяет в социальных отношениях необходимое в требование должного. Этот творческий процесс возможен только благодаря сознательной и волевой деятельности всех членов общества — самодостаточных граждан своего государства»³. Осознание необходимости включенности в праворегулятивные процессы в условиях постиндустриального общества на властном или невластном уровне требует от человека системных знаний, должного уровня правосознания и правовой культуры.

Даниел Белл, указывал, что постиндустриальное общество проходит процесс активного, эффективного построения и представляет собой «социум, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает»⁴.

Такие государства характеризуются утратой лидирующих позиций индустриального сектора, повышением активности и приданием особой «статусности» наукоемких производств, востребующих высокообразованных специалистов. Уровень подготовки, системный характер знаний становятся главной ценностью. Возрастает роль и ценность информации, поскольку сложные коммуникативные связи, в том числе между социумом и государством возможны только при условии наличия информации для обмена, ее стабильной защиты при помощи инновационных технологий. В этой связи особую важность приобретает разработка новых каналов, форм, средств распространения и воздействия, обеспечивающих возможность осуществлять обмен информацией в рамках публичного и открытого диалога. Ярким примером этих процессов служит интегрирование IT-технологий в работу органов государственной власти, что позволяет «цифровизировать всю систему государственного управления, повысить прозрачность деятельности госструктур, увеличить скорость обработки обращений граждан, снизить бюрократические барьеры, внедрить новые формы интерактивного взаимодействия с гражданами»⁵.

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. // <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения 5.10.2020).

² Богданович К. О моделях государственности // <http://www.elektron2000.com/> (Дата обращения 11.09.2020)

³ Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев: монография. М., 1017. С.128.

⁴ Д. Белл Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 2004. С. 20.

⁵ Баканова Е.А. Технонаука в информационном обществе: социально-философский анализ. Авторкф. дис. канд. философ. наук. 09.00.11. Томск, 2020. С.24.

Гражданские инициативы воплощаются, в том числе, через краунд-технологии, обеспечивающие основания для отхода от безусловности примата государства в социально-значимых вопросах и позволяющие развивать диалогизированное партнерство властного государственного начала и невластного общественного актива.

Площадкой для такого диалога часто выступает Интернет, что типично для общества программируемых коммуникаций, характеризующегося наличием развитых коммуникативных сетей, компьютерных систем и программного обеспечения к ним, спектром доступных информационных каналов, обеспечивающих перемещение потоков информации, в том числе между различными правовыми культурами. Неизбежное в глобализованном мире взаимодействие культур, правовых культур обуславливает быстрое внедрение в жизнь социума и правовую реальность инновационных элементов, таких как канселинг (cancel culture).

Обретение социальной значимости понятием «Канселинг (cancel culture)» протекало, планомерно набирая обороты, в 2015-2020 годах. Новый социальный феномен, обоснованный в интернет-пространстве представляет собой «культуру отмены», «стирания» из доступного информационного пространства сведений о человеке, бренде, событиях, получивших негативную оценку, исключение таких физических и юридических лиц из коммуникативной среды. В 2019 году словосочетание Cancel Culture было признано «словом года» по версии Macquarie Dictionary¹. Данный феномен представляет безусловный интерес для современной юридической науки, поскольку требует доктринального осмысления его тесная связь с правом, выражающаяся в прямых и опосредованных, отсроченных юридических последствиях канселинга.

Осмысление этого инновационного элемента современной цифровизированной коммуникации следует начать с выявления причин, как его появления (базовые/собственные причины), так и причин, запускающих этот относительно-самостоятельный социальный механизм (особенные/деятельностные). С большой долей уверенности можно утверждать, эти причины взаимосвязаны и взаимообусловлены. Идея зарождения и становления глобального гражданского общества востребовала новые информационные каналы, обеспечивающие возможность взаимодействие государства и социума, различных социальных сегментов между собой, позволяющие снижать напряженность за счет выплескивания полярных мнений, индивидуальных позиций неприятия. Именно эту нишу занял канселинг, как базовая возможность доступного многоуровневого взаимодействия и средство демонстрации и погашения социальной агрессии. Здесь нельзя сбрасывать со счетов, что cancel culture может генерировать и поддерживать социальную напряженность, разжигать рознь, учитывая биполярность подавляющего большинства сложных феноменов, допущение возможности такого проявления позволяет полно его оценить и предвидеть развитие событий. Обретя такой механизм, общество использует его, как реакцию на ряд особенных причин.

В первую очередь это ответ на обиду. Канселинг позволяет физическому лицу исключить обидчика из своей жизни. Ныне «жизнь» продлевается виртуальным пространством, где можно не только нелюбезно высказаться, жестко осудить, но и игнорировать неугодного человека в социальных сетях, удалить из «друзей», поместить контакт в мессенджере в «черный список», отметить адрес электронной почты, как источник спама, что приведет к автоматическому помещению в спам всей корреспонденции от данного адресата. Данные ситуации общеизвестны, лежат на поверхности, но их анализ позволяет говорить о возможных последствиях правового характера, выражающихся в отсроченном расторжении договорных отношений, невозможности заключения сделки, исключении из работы над перспективным проектом, потере деловых контактов, важных для ведения бизнеса, увольнении.

Значимым основанием для канселинга являются правонарушения и неэтичные поступки. В 2017 году на волне всеобщего интереса и негодования, вызванного движением противодействия харассменту «#MeToo». Обвинение в сексуальных домогательствах успешного американского продюсера Харви Вайнштейна, актера с мировым именем Кевина Спейси имели громкий резонанс. Общество сплотилось и выплеснуло праведный гнев в информационное пространство. Незамедлительно последовали последствия правового характера, выразившиеся в привлечении Харви Вайнштейна к юридической ответственности за содеянное, а также расторжение с ним договорных отношений по постановке в ротацию некоторых его фильмов. В случае с актером Кевином Спейси, продюсеры рейтингового сериала, где он исполнял главную роль, расторгли с ним договор, не дожидаясь судебной перспективы, фильмы с его участием исчезли из эфира национального телевидения. Таким образом, наряду с юридической ответственностью, финансовыми последствиями расторжения договоров, фигуранты понесли непоправимый репутационный урон, обусловленный, в том числе, активными проявлениями порицания в сети Интернет.

Причиной канселинга может послужить публичное высказывание непопулярной в данный момент, неприемлемой с позиции представления о добре и зле точки зрения, мнения оскорбившее условную референтную группу. В первой половине 2020 года предметом социального осуждения стало высказывание популярной телевизионной ведущей Регины Тодоренко о жертвах домашнего насилия. Последовавшие в ответ на шквал возмущения уверения об оговорке, опрометчивой формулировке фра-

---

¹ <https://www.macquariedictionary.com.au/> (Дата обращения 11.09.2020).

зы, не подразумевающей принятие домашнего насилия, не смогли остановить исключение этой медийной фигуры из ряда телевизионных проектов. Только последующее «активное деятельностное раскаяние», выразившееся в существенной материальной поддержке правозащитных организаций, выступающих на стороне жертв домашнего насилия, интервью известным блогерам, проявляющие истинную позицию ведущей, инициативная работа над созданием тематического документального фильма позволили остановить процесс исключения из культурного пространства. Однако, последствия правового характера остановить не удалось — контракты компаний-производителей детских товаров, рекламным лицом которых в России являлась Регина Тодоренко расторгнуты. Жесткие последствия за опрометчивое высказывание Канье Уэста в американском медийном пространстве о том, что состояние рабства является выбором человека, стоило ему политической карьеры. Финансирование попыток влиться в политическую жизнь, привлекая голоса молодежной цветной аудитории, прекратились, представители политических течений и средства массовой информации отказались от перспективного взаимодействия с музыкантом.

Способность запустить механизм cancel culture обладают неполиткорректные шутки. Примером тому служит ситуация с Ксенией Собчак, высказавшей в сети Интернет осуждение неправомерных действий (погромы, чрезмерная агрессия) некоторых сторонников движения «#blacklivesmatter». Неприятие и осуждение вызвало размещение сюжета с агрессивными проявлениями под звучание отрывка из песни «Убили негра» российской группы «Запрещенные барабанщики». Правовые последствия были незамедлительными — компания Audi расторгла с Ксенией Собчак контракт, предметом которого были рекламные отношения, а немецкое издание «Business Insider» указало на возможность судебной перспективы данного конфликта, усмотрев в нем проявления расизма.

Правовой анализ ситуации с канселингом сегодня требует представления о временных рамках происходящих в этой связи процессов, последствий. В реалиях ситуация сложилась так, что некоторые некорректные высказывания или неудачные публичные шутки не имеют «срока давности». Например, режиссер Джеймс Ганн порядка десяти лет назад привлекал внимание спорными высказываниями, полагая, что этот мрачный юмор является лишь проявлением его внутренней свободы и смелости, но компания Disney уволила режиссёра в этом году, сочтя недопустимым шутить над людьми, больными СПИДом, подчеркнув, что прошедшее с этого момента время не имеет значения, так как общественность возмущена этим именно сегодня. Подобное отсроченное осуждение, с последующими негативными правовыми последствиями напоминает механизм придания обратной силы, что представляется не всегда оправданным в рамках социального взаимодействия, поскольку не влечет стабилизации, а напротив, обуславливает множественные конфликтные ситуации, разобщающие граждан.

При всей противоречивости воздействия на социум канселинг весьма прочно обосновался в интернет-пространстве. Актуальным становится определить место и соотношение этого феномена со смежными категориями, вычленив его существенные признаки в рамках социокультурного и общеправового анализа. Смежными с канселингом понятиями являются:

во-первых, травля (буллинг), выражающееся в агрессивном преследовании человека внутри сообщества или малой группы. Это опасное и довольно распространенное явление в среде детей, подростков, молодежи. Государство, осознавая опасность буллинга, проводит политику просвещения родителей, учителей, детей и подростков в вопросе правомерного противодействия такому пагубному воздействию, поддерживает правозащитные общественные организации, занимающиеся активной помощью пострадавшим от травли.

Во-вторых, шейминг, как проявление дискриминации в отношении лица, нарушающего нормы, принятые в данном обществе. Шейминг неоднороден, что позволяет говорить о различных его видах, выделяемых по специфике лица, подвергающегося данному деструктивному воздействию. Так, лица третьего и четвертого возраста подвергаются дискриминации, получившей название «эйджизм» (ageism), люди с ограниченными возможностями подвержены пагубному воздействию «эйблизма» (ableism). Осуждению, порой, подвергаются жертвы насилия — это необоснованное и недопустимое явление называется «виктимблейминг» (victimblaming). Дискриминация людей с цветом кожи, отличным от подавляющего большинства граждан, получило наименование «колоризм» (colorism). Шейминг, направленный на женщин, отличающихся по внешним признакам (объем тела, отдельные элементы внешности, стиль, одежда) от общепризнанных стандартов — «слатшейминг» (slut-shaming).

В-третьих, остракизм — явление, связанное с политической, государственной составляющей, представляющее собой властное изгнание неугодного лица, группы или категории лиц из разнородных общностей. Данный вид шейминга ярко проявлялся на разных этапах развития мировой истории.

В-четвертых, абьюз, представляющий собой разнородное насилие (физическое, сексуальное, моральное) над личностью. Абьюз, как явление, его пагубные последствия, поиск путей противодействия сегодня весьма актуальны в современной России. Сегодня отечественная тематическая риторика, в первую очередь, обращена к обсуждению проблем домашнего насилия, сексуального насилия над несовершеннолетними, перспективным изменениям законодательства в плане обеспечения качественной и полной защиты прав пострадавших от насилия, предотвращению подобного девиантного делинквентного поведения.

Следует отметить, что российская национальная правовая система не оперирует понятиями травля (буллинг), шейминг, остракизм, абьюз, однако, сущностно, данные явления нашли отражение в ряде правовых регламентов отечественного законодательства.

В-пятых, оскорбление, трактуемое в статье 5.61. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019)¹, как «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме...». Здесь законодатель обращается к моральной стороне вопроса, о чем свидетельствует обращение к понятиям чести и достоинства, свойственных личности. Оскорбление попирает нематериальные блага, принадлежащие гражданину, деструктивно воздействует на человека, разрушая его самооценку, обесценивая его и его действия в глазах окружения. В соответствие с частью 1 статьи 150 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)² «...достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация...» признаются нематериальными благами, принадлежащими гражданину. В части 2 статьи 150 ГК РФ указано, что «нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами...», а также особо отмечена возможность защиты нематериальных благ в интересах гражданина. Согласно части 1 статьи 152 ГК РФ «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Примечательно, что законодатель предусмотрел также возможность защиты «честь, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти», если заинтересованные лица этого потребуют. Таким образом, можно утверждать, что в рамках отечественного законодательства содержатся действенные механизмы противодействия оскорблению.

Представляется, что понимание соотношения cancel culture с названными смежными категориями, особенно ярко проявляется через специфику структуры канселинга. В типичных элементах структуры: субъект, объект, воздействие, особой значимостью в этой связи обладает последнее. Воздействие канселинга осуществляется через дискриминацию человека, унижение его чести и достоинства, выражаемое в неприличной форме, агрессивное преследование, применение насилия с последующим изгнанием неугодного лица из разного рода коллективов. Таким образом, травля (буллинг), остракизм, шейминг, абьюз, оскорбление представляют собой особые средства такого воздействия.

Цель подобного воздействия / цель канселинга — «изъять» личность из культурной среды социума (в том числе перспективно «изъять» из правокультурной среды).

Основываясь на представлении о специфике воздействия, осознании предельно широкого спектра возможных субъектов канселинга (властных и невластных), особенностях объекта (независимость, личностная целостность и неприкосновенность, нематериальные блага, принадлежащие гражданину) можно сделать вывод о том, что канселинг представляет собой единство процесса «изъятия» (деятельностный аспект), технико-социальных приемов и средств (инструментальный аспект) и результата (социально-правовой аспект).

В рамках инструментального аспекта примечательны технико-социальные способы и средства, обеспечивающие функционирование феномена cancel culture. Абстрагируясь от доктринального спора о различии приемов и средств, можно перечислить основные единицы инструментария канселинга: дискриминация, унижение, агрессия, преследование, изгнание, а также особое технико-социальное средство — мем-идея. Мем — некая единица информации, способная быстро, «вирусно» распространяться, восприниматься, множиться. Появление мемов обусловила возросшая скорость передачи информации, позволившая «сжимать» информационные единицы для простоты обмена идеями, популяризации событийных рядов, мнений, программирования восприятия и рефлексии в публичной сфере. В работе «Эгоистичный ген» Ричард Докинз, впервые ввел в научный оборот понятие «мем-идея», под которым предлагал понимать единицу передачи культурного наследия (единицу имитации), способную передаваться от одного мозга к другому³. Мем-идеи присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. В условиях цифровизации, предоставляющей обилие возможностей для высказывания мнения, поддержки, осуждения людей и их поступком, мемы детерминируют, формируют, трансформируют отношение к событиям и личностям. Мемы, как и канселинг, часто связаны с правом, обусловлены им, детерминируют изменения в праве, влияют на правосознание и правовую культуру, являются частью этой правовой культуры. Таким образом, можно говорить о феномене «правокультурных мемов» (нормативный правовой акт в электронной среде, нормативная составляющая в интерпретационном акте, рецепция элементов иных правовых систем, идеологизация правового регулирования, дробление правовой регламентации, формализация правовой среды), как единицах передачи правового культурного наследия, то есть именно сжатой до легко-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 1.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.

³ Ричард Докинз Эгоистичный ген. М., 2018, С.295.

воспринимаемого образа, единицы правой информации, способной передаваться от одного мозга к другому¹.

Опираясь на представление о специфике элементов структуры, технико-социального инструментария, целей и взаимоотношения канселинга с правом можно предложить его рабочее определение:

Канселинг (cancel culture) — «изъятие» неуютного субъекта из культурной (правокультурной) среды социума с помощью специальных технико-социальных приемов и средств дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия.

При всей спорности методов, приемов, средств и отдельных последствий канселинга, этот феномен служит своеобразным инструментом воздействия социума на нежелательные, незитичные, противоправные проявления, может детерминировать негативные правовые последствия. Отсутствие гибкости, механизмов сдерживания, четких границ допустимого в процессе «изъятия» субъекта из культурной среды способно порождать нежелательные, трудноустраняемые, порой опасные и непоправимые последствия. Подобное опасение нашло отражение в открытом письме творческой интеллигенции «О справедливости и открытых дебатах», где 150 общественных деятелей (Джоан Роулинг, Салман Рушди, Маргарет Этвуд, Гарри Каспаров и другие) критически высказались в отношении качества публичных дискуссий, возможности открыто высказывать мнение о расовой справедливости и иных социальных проблемах: «Свободный обмен информацией и идеями — источник жизненной силы либерального общества, сокращается ежедневно. В то время как мы привыкли ждать этого от правых радикалов, в нашей собственной среде распространяется цензура, нетерпимость к противоположным взглядам, мода на шейминг и остракизм, а также стремление растворять сложные проблемы в слепой моральной уверенности...»².

Технологизированная реальность детерминирует прогрессивные изменения жизни общества. При этом, любые инновации представляют собой спорный плод креативной деятельности человека по преобразованию бытия. Канселинг — ответ на вызов новой коммуникативной реальности, неоднозначный относительно-самостоятельный социальный механизм, обеспечивающий возможность взаимодействие различных элементов социума, позволяющий снижать напряженность за счет выражения эмоций (в первую очередь негативных) в публичном пространстве. Сегодня с высокой долей уверенности можно предположить дальнейшую перспективную работу над новыми формами выстраивания коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»³. В этой связи особую актуальность приобретает глубокий доктринальный анализ возможных перспектив «культуры отмены». Необходимым представляется оптимизация, модернизация и разумное ограничение этого процесса, преломление проблемы толерантности к реальным проявлениям cancel culture, поиск путей использования канселинга, как инновационного самостоятельного технико-юридического общесоциального средства.

---

¹ Подробнее о мемах-идеях в правовой культуре современной России см.: Баранова М.В. Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, С.А. Боголюбов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 126-132.

² <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (Дата обращения 14.09.2020)

³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. // <https://cyberleninka.ru/>

Биюшкина Надежда Иосифовна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Biyushkina Nadezhda Iosifovna

doctor of law, professor, professor of the department of theory and history of state and law, faculty of law, national research Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

**Историко-правовые аспекты проблемы соотношения
юридической инновации и инновации в праве**

**Historical and legal aspects of the problem of relationship
of legal innovation and innovation in law**

Аннотация. Статья посвящена анализу историко-правовых аспектов проблемы соотношения юридической инновации и инновации в праве. Автор приходит к выводу о том, что трактовка юридической инновации и инновации в праве была обусловлена гносеологией правовопонимания. В зависимости от принадлежности к той или иной школе права ее сторонники видели перспективы модернизации права сквозь призму юридической инновации или инновации в праве.

Ключевые слова: юридическая инновация, инновация в праве, инновационный подход, право.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historical and legal aspects of the problem of correlation between legal innovation and innovation in law. The author comes to the conclusion that the interpretation of legal innovation and innovation in law was due to the epistemology of legal thinking. Depending on belonging to one or another school of law, its supporters saw the prospects for modernizing law through the prism of legal innovation or innovation in law.

Keywords: legal innovation, innovation in law, innovative approach, law.

Тенденция непрерывной трансформации общественных отношений в сторону их усложнения приводит к необходимости соответствующих преобразований в правовой сфере. Подобное динамичное развитие права обосновывает объективную потребность в использовании его инновационного потенциала, то есть тех особенностей существования и функционирования права, которые способствуют не только модернизации самих общественных отношений, но и повышают эффективность взаимодействия различных общественных систем, регулируемых правом.

Отметим, что понятие «инновация» впервые появилось в научных исследованиях в XIX в. Первоначально этот термин изучался в контексте экономической теории. Политолог и историк экономической мысли Й. Шумперт активно использовал в своих работах термин «инновация» применительно к «...развитию экономической системы...»¹. Он писал в этой связи: «...у каждого социума свой путь развития, и очевидно, что он зависит от особенностей его отношения к вопросам соотношения традиций и инноваций в обществе, готовности преобразовать жизненные правила в соответствии с новыми условиями...»². Впоследствии инновационные подходы успешно экстраполировались на политико-правовые явления.

В зависимости от правовопонимания сторонники той или иной правовой школы рассматривали инновационные процессы в правовой сфере как юридическую инновацию либо как инновацию в праве. Так для сторонников исторической школы права инновация в праве представляла собой первичную ценность и всеобъемлющее понятие, включающее в себя производную величину, относящуюся к внешнему

---

¹ Шумперт Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С.67.

² Шумперт Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С.67.

проявлению правового развития — юридической инновации. Немецкий юрист, представитель исторической школы права Г.Ф. Пухта характеризовал право как результат человеческой деятельности, то есть продукт народного духа. Органическое развитие права из народного духа обуславливает его целостность. Вместе с тем, он был вынужден признать, что «...мышление ученых-юристов оказывает заметное влияние на развитие права ... органическая целостность права может быть нарушена диссонансами, поскольку дух народа подвержен болезненным явлениям в своем развитии»¹. Таким образом, *Г.Ф. Пухта характеризовал причины модернизационных процессов в праве кризисным состоянием общественных отношений.*

Тождественную позицию в правопонимании отстаивал немецкий правовед Ф.К. фон Савиньи. Он подчеркивал: «...право, отвечающее характеру и духу народа, создается, прежде всего, его нравами и верованиями и лишь затем — юриспруденцией. Правовая идейная традиция, которая коренится в народном духе, развивается не на основе государственных предписаний, которые закрепляют заимствования норм и институтов римского права, а естественным образом под влиянием происходящих в народном духе необъяснимых мутаций...»². По мнению автора, закрепление инноваций в праве происходит посредством правообразования и выражается в «...обычаях, которые покоятся на почве народного духа...» или «...позитивных законах как результате обработки норм общения со стороны сословия ученых-юристов»³. Немецкий юрист, профессор Геттингенского университета Г. Гуго подчеркивал хаотичный характер развития права, сравнивая его появление с возникновением языка. Он отмечал: «...ни право, ни язык не устанавливаются Богом, не учреждаются в результате договора, а возникают спонтанно. Образование права происходит стихийно в процессе взаимодействия людей, которые, руководствуясь историческим опытом и традицией, стихийно создают нормы общения и добровольно принимают их в качестве правил поведения, поскольку они соответствуют условиям их жизни. Эволюция права, формирование новых элементов совершается произвольно, путем естественной адаптации к потребностям и запросам времени...»⁴.

Российский правовед первой половины XIX в., сторонник исторической школы права в России, профессор Санкт-Петербургского университета К.А. Неволин видел причину формирования инноваций в праве в проблеме соотношения естественного и позитивного права, идеи закона и внешней формы ее проявления. Исследователь писал: «...определеннейший вид получает идея законодательства в положительных законах: а) от особенного характера народа, степени его развития, исторических отношений к другим народам, вообще от действия причин временных и местных; б) в государстве общие неизменные начала правды прилагаются к тому или другому особенному роду отношений, встречающихся в действительной жизни; в) сверх приложения к особенному роду предметов вечные начала правды в государстве прилагаются еще к отдельным, единичным случаям жизни, чтобы данный случай получил окончательное решение...»⁵. Вслед за взглядами Ф.К. фон Савиньи К.А. Неволин объяснял появление инноваций в праве народным духом, который творит право, представляя его как народный консенсус по вопросам справедливости. Таким образом, представители исторической школы права в силу своих убеждений полагали, что право возникает, функционирует и трансформируется, обновляясь в силу воздействия комплекса факторов объективного характера, и процесс этот является самопроизвольным и бессистемным. Отсюда следует вывод о том, что *сторонники исторической школы права придерживались представления о том, что объективный, самопроизвольный, бессистемный характер инновационных процессов в праве обуславливает более широкое их понимание, нежели юридическая инновация.*

Иной подход к пониманию соотношения понятий: «юридическая инновация» и «инновация в праве» демонстрирует в своих сочинениях представитель юридического позитивизма, немецкий правовед Р. фон Иеринг. Он писал, что право «...регулирует отношения в обществе, обеспечивает юридический порядок гражданского общения и сосуществования свободных индивидуумов, сбалансированного соотношения индивидуальной свободы и интересов государства, баланс которых есть абсолютный фактор культурной эволюции общества...»⁶. То есть исследователь в определении права стремился соединить юридическую форму и социальное содержание, справедливо полагая, что «...на каждом историческом этапе право как система социальных целей, гарантируемых принуждением, изменяется не только благодаря изменению жизненных условий классов, но и с точки зрения юридических форм закрепления их интересов...»⁷. В этой связи следует заключить, что *Р. фон Иеринг понимал под модернизацией правовых явлений, осуществляемой государством, не что иное, как юридическую инновацию.*

¹ Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. — Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. С.33.

² Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. — М.: Статут, 2011. С. 47.

³ Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. — М.: Статут, 2011. С. 49.

⁴ Гуго Г. Учебник естественного права. — М.: Статут, 2017. С. 85.

⁵ Неволин К.А. История российских гражданских законов. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1851. С.59.

⁶ Иеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1875. С. 5.

⁷ Иеринг Р. фон. Дух римского права на различных ступенях его развития. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1875. С. 7.

Родоначальник и крупнейший представитель нормативизма, немецкий юрист, теоретик права Г. Кельзен считал, что право должно существовать как самостоятельная единица, то есть в отрыве от социального бытия. Автор отмечал: «...право должно быть очищено от всего неюридического — от влияния смежных наук (психологии, социологии, этики, политической теории) и идеологических оценок...и если чистое учение о праве желает отграничить познание права от смежных дисциплин, всего нового, то вовсе не потому, что оно не замечает или даже отрицает эту связь, новшества, но потому, что оно хочет избежать методологического синкретизма, который затемняет сущность правоведения и смазывает границы, предназначенные ему природой его предмета»¹. Таким образом, *«теория чистого права», разработанная Г. Кельзеном, дает основание полагать, что инновационные процессы правового характера могут иметь только юридическую направленность, а, следовательно, определяются как юридическая инновация.*

Российский общественный и политический деятель XIX — начала XX вв., правовед, сторонник естественно-правовой школы П.И. Новгородцев видел причины инноваций в праве в этическом критицизме, которому «...свойственно стремление оценивать факт существующего с этической точки зрения. Но именно в этом и состоит задача философии права...»². Он полагал, что «...нормы естественного нрава авторитетны сами по себе, поскольку они разумны...но это не отменяет призыв к их усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей»³.

С позицией П.И. Новгородцева солидаризировался его современник российский правовед и общественный деятель, представитель школы естественного права Е.Н. Трубецкой. Указывая на соотношение требований права и нравственности как результата правопонимания, он отмечал: «...вся область права есть ценность условная, подверженная влиянию нового... Коль скоро требования соблюдать порядок в государстве, обеспечивать правовую организацию общества и другие ... изменяются с течением времени и места, они носят условный характер...являются ценностью»⁴. Таким образом, *анализ взглядов П.И. Новгородцева и Е.Н. Трубецкого позволяет заключить, что обновление правовых норм представляется ценностной характеристикой права и, в этой связи, инновации в праве — это неотъемлемое свойство его существования, которое является всеобъемлющим и, соответственно, включающим в себя юридические инновации.*

В отличие от иных представителей естественно-правовой теории государственный деятель, профессор Томского государственного университета И.В. Михайловский в вопросах модернизации права придерживался позитивистских позиций. Автор подчеркивал, что «... закон — форма высшая и наиболее совершенная. Потому закон не имеет никакой иной сущности, кроме сущности права. Закон есть юридическая норма, отсюда два материальных признака закона: закон — это общее правило, охватывающее массу наперед не определенных случаев; закон — это правило, согласованное с известными объективными началами (идеей права) ...»⁵. Также И.В. Михайловский отмечал: «...дискуссии о законе в широком смысле и формальном законе теоретически не оправданы, вносят терминологическую и смысловую путаницу, перенося фокус внимания исследователя от явления к термину, и практически вредны, теоретически оправдывая произвол законодателя и беспорядок в нормативном регулировании...»⁶. То есть распространение права за пределы закона, по мнению исследователя, было теоретически и практически нецелесообразно, так как неизбежно чревато произволом правителя и иных властей преобладающих лиц. *Следовательно, можно допустить, что И.В. Михайловский допускал лишь юридическую инновацию, полагая, что инновация в праве может сыграть роль одного из коррупционных факторов, способствовавших злоупотреблениям со стороны представителей чиновничье-бюрократического аппарата.*

Приверженец социологической школы права, профессор Московского университета С.А. Муромцев видел причины модернизационных процессов в праве в противоречиях между юридическими нормами и правовым порядком. Ученый отмечал: «...юридические нормы, которые создает государство, не всегда соответствуют существующему в данном обществе правопорядку. Встречаются случаи некоторых противоречий между предписаниями нормы и правопорядком, но бывает так, что правопорядок идет наперекор юридическим нормам. В результате не только не будет защищаться то, что предписано в норме, но напротив, будет защищаться нечто, совершенно тому враждебное...»⁷. Особую роль в преодолении противоречий С.А. Муромцев отводил судебным и иным правоприменительным органам, которые «...должны быть способны постоянно приводить действующий правопорядок в соответствие со справед-

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С.78.

² Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. — М.: Наука, 1997. С. 24.

³ Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. — М.: Наука, 1997. С. 29.

⁴ Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. — СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2001. С. 63.

⁵ Михайловский И.В. Очерки философии права. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1914. С. 55.

⁶ Михайловский И.В. Очерки философии права. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1914. С. 57.

⁷ Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву (1898—1899 гг.). — СПб.: Военная типография, 1899. С. 7.

ливостью...»¹. В этой связи он утверждал, что «...положительное право ограничивается, изменяется и дополняется под влиянием нравственных воззрений и чувства справедливости, руководящими лицами, применяющими право...»². Таким образом, С.А. Муромцев характеризовал суд как гарант обеспечения законности действия юридических норм в правоприменительном процессе, осуществляемом при рассмотрении конкретного юридического дела. Он полагал, что полномочия суда состоят в индивидуализации правовых норм. Следовательно, через инновации в праве автор рассматривал процесс его конструктивного развития путем преодоления коллизий в праве. Соответственно, *можно предположить, что инновация в праве, по мысли С.А. Муромцева, представляет собой более широкое и объемное понятие, включающее в себя, в том числе, и юридическую инновацию.*

Российский правовед, основоположник психологической школы права Л.И. Петражицкий соотносил факторы формирования права с эмоциональными переживаниями человека, связанными с представлениями о взаимных правах и обязанностях. В своих работах он подчеркивал, что нормы права создаются не посредством согласования эмоций всех участников общественных отношений, а каждым отдельно взятым индивидом: «...переживания, которые имеются в психике лишь одного индивида и не встречают признания со стороны других, не перестают быть правом...»³. Кроме того, автор отмечал, что «...право, как нравственность, эстетика и другие социальные регуляторы, влияет на развитие человеческой психики, изменяет человеческий характер, приспособляя его к социальной жизни. При этом само право тоже изменяется под влиянием психики людей...»⁴. Отсюда следует вывод о том, что Л.И. Петражицкий придавал праву инновационный характер, обуславливая его динамизм определенными свойствами психики индивида. Особенно он подчеркивал склонность к ее изменчивости. В этой связи можно предположить, что инновации в праве, с точки зрения Л.И. Петражицкого, могут носить не только прогрессивный, гуманистический характер, но и приобрести деструктивный, человеконенавистнический, разрушительный вектор своего развития, губительно влияя на общество, право и государство, низвергая политико-правовые, морально-нравственные, духовно-религиозные устои, сложившиеся веками. *В то время как другие авторы подчеркивали приоритет положительной динамики, присущей инновационным процессам в праве, равно как и юридическим инновациям, Л.И. Петражицкий придерживался, таким образом, представления о том, что инновация в праве, имеющая как прогрессивный, гуманистический потенциал, так и несущая в себе возможность регрессивного, деструктивного развития, представляет собой понятие, включающее в себя многие аспекты, в том числе — и юридическую инновацию.*

Анализ правовых взглядов ведущих представителей рассмотренных правовых школ позволяет сделать вывод о том, что в основном авторы признавали приоритет эволюционного направления в развитии инновационных процессов в праве, которые, безусловно, поглощали юридические инновации. К ним относятся и те исследователи, для которых юридическая инновация является единственным возможным направлением в развитии права. Эволюционное направление осуществлялось посредством нормотворчества уполномоченных на то органов (например, государя в Российской империи и деятельности Правительствующего Сената Российской империи как органа, осуществляющего официальное толкование норм права, так и создающего новые правовые нормы).

Революционное направление в развитии инновационных процессов в праве было основано на кардинальных изменениях государственно-политического строя, внедрении новых форм (источников) права и образовании новых субъектов, наделенных правотворческими полномочиями. Представители марксистской школы права придерживались именно такого подхода к модернизационным перспективам правового развития. К. Маркс и Ф. Энгельс писали в этой связи: «...на известной ступени своего развития материальные и производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридически выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции...»⁵. *Очевидно, что для сторонников марксистской школы права модернизационные процессы носят революционный характер, охватывающий все сферы социально-экономического, политико-правового и духовно-нравственного развития. Отсюда, юридическая инновация может рассматриваться с марксистской точки зрения только как элемент общей инновации в праве.*

Резюмируя вышесказанное, изучив воззрения сторонников естественно-правовых взглядов, исторической школы права, социологии права, психологического и марксистского правопонимания на эволюционные процессы применительно к правовым явлениям, можно предположить, что для этих направлений правовой мысли было характерно представление о модернизационном правовом явлении как об инно-

¹ Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву (1898—1899 гг.). — СПб.: Военная типография, 1899. С. 12.

² Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву (1898—1899 гг.). — СПб.: Военная типография, 1899. С. 15.

³ Петражицкий Л.И. Очерки философии права. — СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1900. С. 31.

⁴ Петражицкий Л.И. Очерки философии права. — СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1900. С. 32.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. — 4-е изд. Т. 1. — М.: Политическая литература, 1948. С. 332.

вации в праве. В то время как авторам, придерживающимся позитивистских и нормативистских представлений о праве, вероятно, было свойственно понимание юридической инновации как единственно возможного свойства правового развития. Отметим, что исследователи рассматривали инновации в праве и юридические инновации как одно из средств повышения эффективности правового регулирования общественных отношений. Не все нововведения в праве характеризовались как инновации, только те, которые кардинально улучшали действующее право. Иной позиции придерживался Л.И. Петражицкий, который, оценивая направленность инновационного развития права, не исключал возможность деструктивной правовой трансформации. Таким образом, проблема соотношения понятий: «юридическая инновация» и «инновация в праве» имеет глубокое историко-теоретическое обоснование, восходящее своими корнями к гносеологии права.

Боброва Наталья Алексеевна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, профессор кафедры конституционного и административного права Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка» (МИР)

Bobrova Natalia Alekseevna

doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of constitutional and administrative law of Tolyatti state university, professor of the department of constitutional and administrative law Samara state university of public administration "International market Institute" (MIR)

E-mail: bobrovana@mail.ru

Конституционная реформа-2020 как полигон инноваций¹

Constitutional Reform 2020 as a testing ground for innovation

---

Аннотация. Анализируются новеллы конституционной реформы России 2020 года, касающиеся власти, и делаются выводы: 1) причиной реформы-2020 явилась необходимость опережающего решения проблемы транзита власти-2024; 2) тезис «обновления» Конституции провозглашен наряду тезисом о том, что Конституция «не исчерпала своего потенциала»; 3) мораторий на изменение текста Конституции заменен мораторием на изменение ее основ; 4) однако многочисленные поправки в главы 3-8 Конституции РФ содержательно затрагивают или даже противоречат главе 1; 5) реформа явилась очередным витком увеличения полномочий Президента РФ на фоне декоративного увеличения полномочий Государственной Думы, Совета Федерации и Конституционного Суда РФ; 6) придание конституционного статуса Государственному Совету РФ как вариант решения проблемы транзита власти-2024; 7) использование эффекта неожиданности в продвижении идеи «обнуления» сроков legislatures действующего Президента РФ; 8) трехкратная легитимизация конституционной реформы; 9) общероссийское голосование по поправкам — плебисцит по доверию инициатору конституционных поправок — Президенту РФ; и другие выводы.

Ключевые слова: реформа Конституции России, Президент России, Правительство, Федеральное Собрание, Конституционный Суд, Государственный Совет, три варианта транзита власти-2024.

Annotation. The novels of Russia's constitutional reform of 2020 concerning the government are analyzed and conclusions are drawn: 1) the reason for the reform-2020 was the need to proactively solve the problem of transit of power-2024; 2) The thesis of the "renewal" of the Constitution is proclaimed alongside the thesis that the Constitution "has not exhausted its potential"; 3) moratorium on changing the text of the Constitution has been replaced by a moratorium on changing its foundations; 4) however, numerous amendments to Chapter 3-8 of the Russian Constitution meaningfully affect or even contradict Chapter 1; 5) The reform was another round of increasing the powers of the President of the Russian Federation against the background of decorative increase of the powers of the State Duma, the Federation Council and the Constitutional Court of the Russian Federation; 6) giving constitutional status to the State Council of the Russian Federation as a solution to the problem of transit of power-2024; 7) use of the surprise effect in promoting the idea of "zeroing out" the terms of the legislature of the current President of the Russian Federation; 8) threefold legitimization of constitutional reform; 9) All-Russian vote on amendments — plebiscite on confidence in the initiator of constitutional amendments — The President of the Russian Federation; and other findings.

Keywords: reform of the Russian Constitution, Russian President, Government, Federal Assembly, Constitutional Court, State Council, three options for transiting the government-2024.

Российские конституционалисты с самого начала, практически со дня опубликования проекта Конституции 10 ноября 1993 года, а в особенности последнее десятилетие перечисляли недостатки Консти-

---

¹ The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-511-05003.

туции и предлагали конкретные поправки в ее текст¹. Более того, многие ученые предвосхитили некоторые параметры конституционной реформы задолго до 2020 года. Так, С. А. Авакьян, В. Д. Зорькин, В. В. Комарова, по сути, обосновывали объединение государственной и муниципальной власти и предлагали понятие единой публичной власти, особенно в аспекте соотношения понятий народного представительства и парламентаризма, в том числе аргументированно доказывали, что такой классический принцип государственной власти, как принцип разделения властей, распространяется в аспекте разделения компетенции до уровня местного самоуправления². По сути, эти идеи реализованы в поправках главы 8 Конституции РФ «Местное самоуправление».

Автор этих строк неоднократно подчеркивала в названных и других публикациях, что будущее Конституции РФ целиком зависит от Президента России В. В. Путина, ибо таков в России современный конституционализм³.

И все-таки, несмотря на то, что масштабную конституционную реформу ученые обосновывали, ждали и предвосхищали, ее объявление Президентом РФ В. В. Путиным в тексте Послания Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 года⁴ было, мягко говоря, неожиданным и в каком-то смысле шоковым.

Впрочем, в самом факте досрочного обращения Президента с Посланием Федеральному Собранию заключалась некая интрига и атмосфера ожидания чего-то нового. Именно в этой, образно говоря, «ожидаемой неожиданности» и заключается первая инновация конституционной реформы-2020.

Президент РФ как инициатор реформы действовал по принципу, сформулированному им еще в юности в ленинградских дворах: «Если драка неизбежна — бей первым!».

А «драка» началась сразу после президентских выборов 2018 года, когда и в России, и за рубежом заговорили о будущем России в связи с последним сроком легислатуры В. В. Путина и проблемой транзита власти в 2024 году. Причем эти разговоры и прогнозы — вещь отнюдь не безобидная, ибо политические, кадровые и финансово-экономические потоки начинают выстраиваться под новые системы координат.

И Владимир Путин «ударил» первым — инициировал реформу, но не под давлением обстоятельств, митингов и демонстраций, как это случилось в Беларуси после выборов-2020, а в силу своей политической интуиции. И то обстоятельство, что инициатором конституционной реформы-2020 явился сам Президент, причем не под давлением попыток «цветной революции», а с эффектом на опережение, состоит важная инновация данной реформы.

Поскольку инициатором реформы явился сам Президент, это обстоятельство является ключевым для актуализации всех иных инноваций, ибо ни один президент, инициировавший реформу самостоятельно, не сделает это во вред себе. Поэтому конституционная реформа-2020 и по содержанию поправок, и по процедуре их принятия, и по характеру легитимации была абсолютно в интересах действующего Президента РФ. Однако интересы Президента, как показало общероссийское голосование, опять-таки совпали с интересами народа.

И. А. Старостина и многие другие ученые правильно отмечают, что в конституционной реформе-2020 с самого начала «доминировала политическая составляющая над конституционно-правовой институциональностью»⁵. Все верно, никто не собирается с этим спорить, и автор этих строк неоднократно подчеркивала, что в российской действительности существует два магнита — Конституция и Президент, и все политические и конституционные потоки (а чаще это единые политико-конституционные потоки) выстраиваются вокруг них, и не факт, что «магнит» Конституции сильнее «магнита» Президента, поэтому всегда были и будут споры относительно того, какие процессы сильнее: конституционализация политики или политизация конституции и в целом конституционного процесса (достаточно посмотреть на «неполитизированную» деятельность Конституционного Суда РФ).

¹ Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2—9; Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. М. 2003. С. 186—210; Она же. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33—38; Она же. Конституционная реформа назрела // Известия Академии Управления: теория, стратегии, инновации. Самара, 2013. № 6 (13). С. 3—7; Она же. Противоречия и недостатки Конституции РФ // Конституция Российской Федерации: социальные ориентиры, практика реализации: материалы конференции. Барнаул: Алтайский госуниверситет. 2014. С. 79—82; Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). М.: Изд-во МГУ. 2000. С. 148—161; Осейчук В. И. О необходимости нового этапа конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 5. С. 9—14; и мн. др.

² Авакьян С. А. Разделение властей: до каких уровней применять? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 15—26; Он же. Народное представительство и парламентаризм // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 37—48; Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции РФ // Российская газета, 10.10.2018; Комарова В. В. Институт муниципальных услуг. Памяти В.И. Фадеева // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 27—36.

³ Боброва Н. А. Особенности российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 27—33; Она же. Итоги дискуссии о будущем Конституции РФ, состоявшейся в связи с её 25-летним юбилеем // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 6. С. 55—65.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета, 16 января 2020.

⁵ Старостина И. А. Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 22.

Впрочем, доминирование политической составляющей над конституционно-правовой институциональностью, о чем говорит И. А. Старостина, вряд ли является закономерностью только России. В той или иной мере это закономерность всех стран, поскольку политика и конституция просто неразделимы, ведь сущностью конституции является устройство власти, то есть политика.

Итак, устройство власти Президент оставил неизменным. В этом смысле Конституция России действительно не исчерпала свой потенциал; это суперпрезидентская республика (Президент В. В. Путин, разумеется, называет её просто президентской республикой). Формула суперпрезидентской республики такова: из классической президентской модели взято все то, что усиливает президента, а из классической парламентской формы правления — все то, что ослабляет парламент. Эту формулу Президент РФ не только не изменил, но и усилил собственные полномочия, причем сделано это ювелирно — под видом расширения полномочий Государственной Думы, Совета Федерации и даже окончательно политизированного Конституционного Суда РФ. И в этой ювелирно проведенной конституционной комбинации с официально объявленной целью «баланса полномочий» органов государственной власти заключается следующая инновация конституционной реформы-2020.

Государственной Думе предоставлено право согласования (обсуждения) кандидатур министров, за исключением министров силового блока. При этом Президент обязан назначить министрами те кандидатуры, которые обсудила и предложила Государственная Дума. Об этом нововведении было сказано сразу же в Послании Президента РФ с акцентом на то, что это серьезное увеличение полномочий Госдумы и в целом крепление ее статуса. Об этом много говорилось и в агитационный период перед общероссийским голосованием. Однако замалчивалось то обстоятельство, что если до реформы Президент РФ обладал правом отправить в отставку только всё Правительство целиком, то в результате реформы Президент РФ получил право отправлять в отставку не только в целом правительство, но и премьер-министра и любого министра, причем в любое время и, как это повелось, без объяснения причин.

Интересное усиление роли Государственной Думы и Правительства — не правда ли? Кстати сказать, с момента принятия Конституции РФ много было споров относительно того, входит или не входит Президент в исполнительную власть. С. А. Авакьян поставил точку этим многочисленным спорам, подчеркнув, что «Правительство РФ вполне можно назвать Правительством Президента РФ и что в стране существует вертикаль исполнительной власти. Вершиной этой пирамиды является Президента РФ»¹.

Убедительная аргументация, доказывающая, что Президент РФ является не только главой государства, но и главой исполнительной власти², нашла свое подтверждение в п. «б» ст. 83 Конституции РФ в редакции 13 марта 2020 г. Согласно этому пункту Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ. Логическим продолжением этой формулы является формулировка ч. 1 ст. 110 Конституции РФ в редакции 13 марта 2020 г., согласно которой «исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации».

Итак, конституционная реформа-2020 дала четкую формулировку, согласно которой Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ, следовательно, он возглавляет исполнительную власть.

Иными словами, дополнена изначально взятая за основу российской модели власти французская модель, по которой премьер-министр является «рабочей лошадкой» президента, который фактически и юридически возглавляет пирамиду исполнительной власти в тех пределах, в каких пожелает (от реализации конституционного права председательствовать на заседаниях правительства до вторжения в сферу компетенции правительства в режиме «ручного управления», что под силу только очень работоспособному президенту).

Таким образом, конституционное завершение выстраивания вертикали исполнительной власти с Президентом на вершине — следующая инновация конституционной реформы-2020. По мнению Е. Ю. Киреева, Л. А. Нудненко и Л. А. Тхабисимова, вывод о повышении роли Государственной думы в формировании Правительства РФ представляется не соответствующим действительности, как, собственно, и вывод о расширении полномочий обеих палат Федерального Собрания³. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Широко разрекламированное усиление полномочий Совета Федерации также является номинальным, декоративным. Действительно, Совету Федерации предоставлены полномочия не только по согласованию кандидатур на должности судей Конституционного Суда РФ, Председателя Конституционного Суда и его заместителей, но и право их отставки. Поскольку инициатором и той, и другой конституционной процедуры является Президент РФ (кстати, во втором случае — это тоже новое право Президента),

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России. 4-е изд. М. 2010. С. 347.

² Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России. М. 2003. С. 155—156; Нудненко Л. А. Система исполнительной власти в Российской Федерации: проблемы правовой регламентации. М. 2017. С. 80—84; Суворов В. Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2000. С. 15.

³ Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 39.

а Совет Федерации — в значительной степени (на 70 % или более?) зависимый от Президента орган власти, постольку усиление полномочий и роли Совета Федерации является лишь ширмой фактического усиления роли Президента РФ.

Почему мы говорим о зависимости Совета Федерации от Президента РФ? Все очень просто, а именно: если раньше в составе Совета Федерации было поровну представителей законодательной и исполнительной властей (по два от каждого субъекта Федерации: один — от законодательной власти, другой — от исполнительной), то начиная с 2014 года, когда была введена «президентская квота» (право Президента назначать 10 сенаторов), соотношение изменилось в сторону усиления исполнительной (читай: президентской) власти. Кроме того, главы регионов, назначающие своих сенаторов, сами, в свою очередь, являются в подавляющем большинстве ставленниками Президента РФ, будучи формально выдвиженцами «Единой России». Не случайно выборы глав регионов (с так называемым муниципальным фильтром и вообще в нынешнем виде) — это, по большей части, плебисциты доверия выдвиженцам власти с заранее предсказуемым результатом. Сбой здесь встречается крайне редко, да и то в случае победы выдвиженца от другой партии его обязательно вскоре под тем или иным предлогом уберут с губернаторской должности.

Президентская квота в Совете Федерации в любом случае обеспечивает перевес влияния Президента РФ на Совет Федерации.

Конституционная реформа-2020 не только увеличила эту квоту в 3 раза (Президент может назначить до 30 сенаторов), но и ввела статус пожизненных сенаторов за особые заслуги перед страной. Эти семь пожизненных сенаторов, назначаемых Президентом РФ, что еще более усиливают гарантии стабильности президентской власти в механизме власти в целом. Причем в случае истечения полномочий Президента РФ, назначившего пожизненных сенаторов, полномочия последних не прекращаются, и эти голоса вкупе с другими назначенными им сенаторами, полномочия которых еще не истекли, могут пригодиться данному экс-президенту при решении различных политических вопросов, в том числе вопроса о председателе Государственного Совета (вариант транзита власти-2024). В будущем в состав Совета Федерации будет входить пожизненно Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в этой должности или досрочно в случае его отставки. По сути, это еще один вариант транзита власти-2024. Не исключено, что такой сенатор может быть избран Председателем Совета Федерации.

Е. Ю. Киреева, Л. А. Нудненко, Л. А. Тхабисимова правильно отмечают, что «если ранее законодательная и исполнительная власти были представлены равным числом его членов, то теперь налицо преобладание сенаторов Российской Федерации от исполнительной власти, которая находится под общим руководством Президента РФ»¹.

Усилены ли полномочия и статус Конституционного Суда РФ в результате конституционной реформы-2020? Само уменьшение его численности с 19 до 11 конституционных судей говорит об обратном, а возможность отставки судьи, председателя КС РФ и зампреда КС РФ по решению Совета Федерации довершает процесс зависимости Конституционного Суда (от кого — см. выше),

Предоставление же Конституционному Суду права давать заключение о возможности реализации в России решений судов международной юрисдикции еще более политизирует деятельность КС РФ, особенно в свете никак не затронутого реформой положения части 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете норм международного права над российским правом (кстати, подобный принцип закреплен впервые в конституциях стран, потерпевших поражение во второй мировой войне — Германии, Италии, Японии).

Что же касается предоставленного Конституционному Суду РФ права решать, по запросу Президента РФ, вопрос о конституционности вносимых в Конституцию поправок, причем уже апробированного в рамках конституционной реформы-2020 права, то это любопытнейшая инновация, которая, во-первых, апробирована еще до того, как была конституирована; во-вторых, позволила Конституционному Суду, как той вдове, самому себя «высечь», даже не попытавшись оспорить ни уменьшение численности КС РФ, ни возможность отставки судей Советом Федерации по весьма расплывчатым формулировкам; в-третьих, данное Заключение КС РФ² стало одним из видов дополнительной легитимации конституционных поправок вообще и конституционной реформы-2020 — в частности. Иными словами, данное право КС РФ и способ его первого применения тоже явились новеллой конституционной реформы-2020.

А. А. Джагарян отмечает, что в Заключении КС не уделено должного внимания тому, как проектируемые изменения соотносятся с логикой, выраженной в структуре Конституции РФ. Между тем данная структура имеет содержательное значение, характеризует значение в Конституции норм, обладающих

¹ Киреева Е. Ю., Нудненко Л. А., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 39.

² Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1—3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента РФ». URL: <http://dok.krsf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (датаобращения: 19.08.2020).

высшей императивностью, и одновременно верно позволяет раскрыть смысл, назначение конкретных институтов»¹. Так, понятие брака является элементом статуса личности, равно как и социальные гарантии статуса пенсионеров и т.д., а вовсе не элементом функций государства.

Получается, что авторитет КС потребовался для того, чтобы раз и навсегда закрыть разговоры о «щекотливых моментах» реформы-2020, особенно в части так называемого «обнуления» сроков действующего Президента.

Д. Г. Шустров, анализируя Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² и Заключение КС РФ от 18 марта 2020 г. о его конституционности, предельно ироничен. Он пишет, что «использованный в Законе о поправке приём, при котором вступившая в силу часть Закона обязывает КС проверить конституционность не вступившей в силу части того же Закона, напоминает сказочный сюжет о бароне Мюнхгаузене, который схватил себя за косичку, изо всех сил дёрнул вверх и без большого труда вытащил и себя, и коня, которого крепко сжал обеими ногами, как щипцами (...). Для таких важных политико-правовых моментов, как конституционная реформа, подобный подход (...) неприемлем и его можно было бы легко избежать. (...) Наделение Конституционного Суда РФ указанными полномочиями *ad hoc* и *profuturo* можно (...) оценивать в качестве прагматичного политического шага, позволившего легализовать и покрыть предложенные поправки авторитетом Конституционного Суда, признавшего их соответствующими положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ»³.

И. А. Старостина, проанализировав соотношение общероссийского голосования с иными формами внесения конституционных поправок, также пишет: «Конституционная инициатива Президента РФ о легитимации поправок к Конституции РФ посредством их одобрения на общероссийском голосовании, несмотря на свою повышенную степень демократичности, (...) оказалась не вполне рациональной, и в этом смысле нецелесообразной»⁴.

Вся процедура принятия поправок в рамках конституционной реформы-2020 — это конституционная новелла, одна сплошная инновация. В самом деле, конституция не предусматривает какого-либо плебисцита по поправкам, вносимым в главы 3-8 Конституции РФ, однако плебисцит по данным поправкам в виде общероссийского голосования все же был объявлен, причем сразу же во время оглашения Послания Президента РФ 15 января 2020 года: «Как народ скажет — так и будет!»⁵.

Необходимость народного волеизъявления возникла потому, что фактически предложенные поправки, конечно же, затрагивали содержание 1, 2 и 9 глав Конституции РФ, в которые решено было не вторгаться. Кем и почему решено — остаётся только догадываться. Возможно, по причине отсутствия Конституционного Собрания, которого нет по причине так и не принятого Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации», который, в свою очередь, не принимался по черномырдинской формуле: «Не чеши там, где не чешется». Опасались, что сам факт создания Конституционного Собрания будет играть провоцирующую роль.

Возможно, была и еще одна причина — полнокровный референдум имеет более жесткую процедуру и более жесткие требования к признанию его состоявшимся и, следовательно, и к результатам референдума.

Но В. В. Путину обязательно нужен был плебисцит по данным поправкам, ибо речь шла о народном одобрении главной поправки, ради которой столь неожиданно и была начата данная реформа — поправки, получившей условное название «обнуления» («обнуление» президентских сроков действующего Президента РФ, то есть предоставление ему возможности баллотироваться на очередных президентских выборах).

Ювелирное решение этой проблемы, причем опять-таки с эффектом неожиданности и «взятия врасплох» возможных оппонентов в Государственной Думе при озвучивании данной поправки депутатом В. В. Терешковой — это, пожалуй, самая главная инновация конституционной реформы-2020, не имеющая аналогов в истории. С помощью поправки Валентины Терешковой Владимир Путин решил проблему транзита власти-2024, в результате чего сразу же прекратились футурологические потуги путинских оппонентов и «партнеров».

Надо отметить, что не только юридически сложное содержание поправки (конечно же, ее писали высокопрофессиональные юристы), но и способ внесения этой поправки носят инновационный характер. Здесь использован *эффект времени, места и личности*.

Член Рабочей группы по доработке поправок сенатор Е. Ф. Лахова еще во время одного из заседаний Рабочей группы пыталась выдвинуть идею пожизненного статуса действующего Президента РФ. Но

¹ Джагарян А. А. Исправленному верить? Субъективные заметки в связи с Заключением Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1—3 // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 15.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [СПС «КонсультантПлюс»].

³ Шустров Д. Г. Конституционный контроль за изменением конституции в постсоветских государствах // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 64.

⁴ Старостина И.А. Указ. соч. С. 22.

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию... // Российская газета, 2020. 16 января.

комплиментарное предложение Екатерины Филипповны прошло вскользь, его даже не стали ставить на голосование, ибо было не время и не место. Да и масштаб личности не тот, чтобы выступать с подобными поправками. Здесь нужна была более масштабная и легендарная личность. Для этой роли идеально подходила первая в мире женщина-космонавт, герой Советского Союза, депутат Государственной Думы Терешкова Валентина Владимировна, которая блестяще справилась с этой ролью. Кто бы это осмелился возразить самой Терешковой! Создается даже впечатление, что В. В. Терешкова для того в свое время и была рекомендована и выдвинута «Единой Россией» в депутаты Госдумы, чтобы в нужную минуту выступить с этой инициативой. Ведь гениальный политический шахматист Владимир Путин просчитывает на несколько ходов вперед. И с юбилеем Валентины Владимировны он лично ее поздравлял.

Но и это еще не все инновации реформы-2020. Зададим такой интересный вопрос: а что было бы, если бы поправка Терешковой по каким-то причинам не прошла, не состоялась? Это, конечно, чисто теоретический вопрос, не имеющий на данный момент никакого практического смысла. Но Путин не был бы Путиным, если бы сложил все яйца в одну корзину. А вот на этот случай есть другой вариант транзита путинской власти-2024 — он смог бы возглавить Государственный Совет РФ, для чего последний получил конституционный статус.

Более того, наблюдается совпадение части полномочий Президента РФ и Государственного Совета РФ, а именно — формирование основных направлений внутренней и внешней политики государства. В самом деле, в этой части полномочия Президента РФ и Госсовета РФ полностью (!) совпадают.

Кстати сказать, данный вид транзита власти для Владимира Путина не исключен и сейчас. Как говорится, выбор за ним, насколько позволит здоровье и иные обстоятельства: он может либо снова участвовать в президентских выборах, либо возглавить Государственный Совет РФ, при этом назначенные им пожизненные сенаторы в этом случае наверняка пригодятся.

На мой взгляд, придание конституционного статуса существующему с 2000 года Государственному Совету РФ, причем объявленное еще в Послании Президента РФ 15 января 2020 года, помимо того, что играет роль запасного варианта транзита власти лично для В. В. Путина, уже сыграло интереснейшую роль отвлекающего манёвра, когда объявленная конституционализация Госсовета была воспринята гражданским обществом и научным сообществом как решение проблемы транзита власти-2024. Политические игроки расслабились, полагая, что ради этого вся реформа и затевалась. Но расслабились рано. Основной шар, причем с точным попаданием в цель, вбросила Валентина Терешкова. И тут же конституционные поправки прошли заключительное чтение в Госдуме, затем прошли вторую легитимацию в виде Заключения Конституционного Суда и третью легитимацию — в виде общероссийского голосования.

Выводы. Инновационный характер конституционной реформы-2020 состоит в том, что: 1) ради объявления конституционной реформы Президент РФ обратился к Федеральному Собранию РФ с Посланием досрочно, используя эффект неожиданности; 2) через два дня после обращения с Посланием и объявления необходимости конституционной реформы и ее основных целей и параметров Президент РФ также неожиданно объявил об отставке Правительства РФ, которое в данном составе проработало всего один год и семь месяцев; 3) изначальной причиной конституционной реформы-2020 явилась осознанная Президентом РФ необходимость опережающего решения проблемы транзита власти-2024; 4) провозглашен тезис «обновления» Конституции, но на основе действующей Конституции, поскольку одновременно озвучен тезис о том, что Конституция «не исчерпала своего потенциала»; 5) мораторий на изменение текста Конституции, господствовавший в 90-е годы, заменен мораторием на изменение ее основ как основы стабильности конституционного строя; 6) кардинальное обновление Конституции реализовано посредством многочисленных поправок в главы 3-8 Конституции РФ, затронувших не только пятую часть ее объема текстуально, но и содержательно затрагивающих или даже противоречащих нетронутым реформой принципам главы 1 как основам конституционного строя; 7) конституционная реформа-2020 явилась очередным витком усиления полномочий Президента РФ на фоне декоративного увеличения полномочий Государственной Думы, Совета Федерации и Конституционного Суда РФ;

8) придание конституционного статуса Государственному Совету РФ было вариантом решения проблемы транзита власти-2024, о чем свидетельствует совпадение полномочий Государственного Совета РФ и Президента РФ в части определения основных направлений внутренней и внешней политики государства; 9) использование эффекта неожиданности и авторитета личности В.В. Терешковой в продвижении идеи обнуления сроков легислатуры действующего Президента РФ; 10) трехкратная легитимация конституционной реформы-2020: а) принятие поправок российским парламентом; б) Заключение Конституционного Суда РФ об их соответствии действующей Конституции РФ; в) общероссийского голосования; 11) фактическая роль общероссийского голосования по конституционным поправкам как плебисцита по доверию лично инициатору этих поправок — Президенту РФ В. В. Путину; 12) приоритет интересов России по отношению к международному праву и формально-юридическим «нестыковкам» в структуре «обновленной» Конституции РФ вопреки формально не отмененному принципу приоритета норм международного права.

Иными словами, конституционная реформа-2020 поистине представляет собой сплошной полигон политико-юридических инноваций.

Голоскоков Леонид Викторович

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Goloskokov Leonid Viktorovich

doctor of law, associate professor, leading researcher of the research department Moscow academy Investigative committee of the Russian Federation

E-mail: goloskokov@mail.ru

О социокультурном измерении юридических инноваций

On the socio-cultural dimension of legal innovation

Аннотация. Важность юридических инноваций не вызывает сомнений, однако в сфере права нет инструментов и методов измерения результатов внедрения юридических инноваций, тем более что юридические инновации приносят не только позитивные результаты, но и негативные.

Для комплексной оценки результатов юридических инноваций предложено использовать социокультурное измерение, которое показывает общий конечный итог юридических инноваций, включая отрицательный результат, достигаемый во всех сферах жизни социума. При этом результаты инноваций рассматриваются в контексте целей социального государства, прав, свобод и интересов гражданина.

Ключевые слова: юридические инновации, социокультурное измерение, государство, право, законодательство, доктрина, концепция, экономика, капитализм.

Abstract. The importance of legal innovations is beyond doubt, but in the field of law there are no tools and methods for measuring the results of the introduction of legal innovations, especially since legal innovations bring not only positive results, but also negative ones.

For a comprehensive assessment of the results of legal innovations, it is proposed to use the sociocultural dimension, which shows the overall final result of legal innovations, including the negative result achieved in all spheres of society's life. At the same time, the results of innovations are considered in the context of the goals of the welfare state, the rights, freedoms and interests of the citizen.

Key words: legal innovations, sociocultural dimension, state, law, legislation, doctrine, concept, economics, capitalism.

Полагая, что «юридические инновации» — это достаточно общее и не определённое кем-то понятие, мы можем рассуждать о роли и значении юридических инноваций в широком социокультурном контексте, а не только в поле юриспруденции, поскольку юридические инновации обычно затрагивают все стороны нашей жизни.

Сами по себе юридические инновации есть вещи совершенно необходимые и вечно сопряжённые с юридическими традициями, поэтому их оптимальный баланс всегда является той чертой, которая характеризует профессионализм законодателя и управленца высшего уровня. Критически значимое (сколько это в количественном или качественном выражении — никто не знает и измерить не может) отклонение в сторону либо новаций, либо традиций создаёт ситуацию отрыва от реальности, либо сваливание в застой и стагнацию, если иметь в виду право в целом. В законодательстве же, имеющем множество отраслей, можно увидеть примеры и того и другого — и примеры периодического застоя, и примеры быстрого развития законодательства, которое отрывается от реальности и далее «зависает» в правовом пространстве без средств реализации. В каждой отрасли права можно видеть этапы периодического прогресса или застоя, но если мы попытаемся оценить, привело ли в целом развитие права к прогрессу в государстве, сделать это только по критерию количества юридических инноваций становится сложно, если мы будем это делать, не выходя за рамки правовой науки.

В то же время мы получим чёткий критерий наличия или отсутствия прогресса, если соотнесём динамику роста количества законов в России с итоговым качеством жизни народа, и это есть выход за пределы чисто правовой сферы в социокультурный контекст. На 1 сентября 2020 года действующими в

России числятся 8272 федеральных закона и 176366 региональных законов. В СССР их было всего порядка двухсот. Только законов федерального уровня стало в 40 раз больше, а региональных законов тогда не было вообще. При этом уровень жизни народа с 1989 г. как упал, так и не поднялся до сих пор до уровня 1989 г., с которым его обычно сравнивают в последующие годы, тем более, он не вырос в 40 раз, как можно было бы подумать, исходя только из роста количества законов. Следовательно, рост количества законов федерального и регионального уровня в конечном итоге оказался безрезультатным, если говорить о самом важном критерии — качестве жизни народа, в то время как во всём этом массиве законов, безусловно, были отдельные инновационные законы. Отсюда мы видим, что измерение явления только в правовой сфере могло нам дать совершенно ложную картину действительности, а переход в социокультурное пространство, характеризуемое экономикой и многими другими факторами, даёт картину более адекватную.

Таким образом, в случае, когда для точного измерения качества юридических инноваций нет юридического инструмента, можно выйти на другой уровень и говорить о социокультурном измерении юридических инноваций, что не будет налагать на нас обязанность изобретать для измерений юридический инструмент или следовать строгим правилам и стандартам, принятым для технических способов измерений, где приборы точно показывают минимальные градации при измерении объекта или его свойств. И хотя социокультурные измерения юридических инноваций могут быть только весьма общими, иногда они могут давать удивительно точную оценку явлению. Так, весьма общий критерий, предложенный в этой части юристом, журналистом и лидером массачусетской демократической партии США середины XIX века Фредериком Робинсоном, оказался на удивление ёмким и точным на века, причём для всех стран мира: «Условия народа никогда не остаются постоянными. Если они не улучшаются, то погружают его всё глубже и глубже в рабство»¹. Заметим, что это оценка юриста, а условия жизни народа обычно пытаются улучшить прежде всего через нормативные правовые акты.

Законодатель по умолчанию всегда полагает, что условия жизни народа должны улучшаться от каждого вводимого им закона, но мы видим, что количество законов перешло в новое качество — ухудшение жизни народа. Конечно, слово «рабство» нас шокирует: мы думаем, что давно ушли от него, но далее посмотрим, далеко ли ушли, и не возвращаемся ли обратно.

Рассмотрим, в каких документах за последнее время были сделаны попытки совершить юридические инновации глобального плана. Одна из них — это Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации от 13 мая 2019 г., в которой Россия позиционирует себя как энергетическая держава.

Согласно доктрине внешнеэкономическими вызовами энергетической безопасности являются:

*«а) перемещение центра мирового экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион;
б) замедление роста мирового спроса на энергоресурсы и изменение его структуры, в том числе вследствие замещения нефтепродуктов другими видами энергоресурсов, развития энергосбережения и повышения энергетической эффективности»².*

Всё это было зафиксировано в доктрине в мае 2019 г., за год до того, как цены на нефть впервые в мире ушли в минус. Доктрина предвидела все риски и описала их, но почему-то считала их какими-то отдалёнными и гипотетическими вызовами, вместо того чтобы правильно назвать те же вещи другими именами, посмотреть на ситуацию иначе и хоть что-нибудь сделать для минимизации рисков или ухода от них. Доктрина определила, что главное — энергетика только на основе нефти и газа, в которой уже тогда были очевидны риски и возможности серьёзного поражения на нефтегазовом поприще, что и случилось менее, чем через год. Следовательно, прогностическая сила такого важного документа, в котором делался упор исключительно на нефть и газ, в то время как в мире давно обозначились процессы диверсификации энергетики в сторону атома, ветра, гидроэнергетики и других источников, оказалась силой не столько прогностической, сколько пророческой, причём, в негативном смысле этого слова.

В Доктрине были прописаны и другие положения, которые оказались ошибками, когда к рискам в области энергетической безопасности были отнесены (п.п. «г» п. 17) «чрезмерная финансовая нагрузка на организации топливно-энергетического комплекса в результате увеличения размеров налоговых, таможенных и иных платежей», а далее (п. 21) последствиями реализации угроз энергетической безопасности названы:

*«е) уменьшение объёма инвестиций в отрасли топливно-энергетического комплекса;
ж) уменьшение налоговых, таможенных и иных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации со стороны организаций топливно-энергетического комплекса;
з) необходимость выделения дополнительных бюджетных ассигнований на ликвидацию последствий реализации угроз энергетической безопасности»³.*

¹ Robinson F. Equality is Liberty // The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America. N.Y., 1962. P. 538.

² Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

³ Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

В итоге суть доктрины свелась к последнему пункту «з», в котором декларируется идея о необходимости выделения нефтегазовому комплексу дополнительных бюджетных ассигнований. Известно, что десятки лет около сорока процентов бюджета страны формировалось за счёт нефтегазового комплекса, а теперь в доктрине нефтегазовый комплекс предполагается спасти с помощью бюджетных ассигнований. Откуда же их брать?

Ответ в сырьевой державе может быть только один — у населения. Конечно, и здесь, в п. «ж», мы видим момент пророчества — действительно, со стороны организаций топливно-энергетического комплекса в 2020 г. уменьшились налоговые и таможенные платежи в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, что зафиксировала Счётная палата РФ за январь — март 2020 г.: «нефтегазовые доходы снизились на 205,3 млрд руб., или на 10,3 %»¹.

В итоге изучения отдельных положений доктрины мы обнаруживаем, что суть её новации — лоббирование интересов нефтегазового комплекса, где они ставятся выше интересов народа и государства, которые в их понимании оказались ещё и должны нефтяникам. Социокультурное измерение юридических инноваций Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации в целом показало их негативную сторону, но в данном случае по итогам 2020 года можно будет сделать и точную оценку всех убытков в рублях.

Рассмотрим с позиций инноваций новейшие технологии (ИКТ) и их юридическое сопровождение. Ещё в 2010 г. Л.Д. Капанова, описывая состояние дел в сфере ИКТ, показала, что компании США полностью контролируют мировое производство суперкомпьютеров и у них нет конкурентов, в сфере производства программного обеспечения они полностью контролируют мировой рынок². За прошедшее время Россия сделала ставку на развитие цифровой экономики, которая базируется на тех же компьютерах, сетях, серверах, программах, которые производятся и контролируются в большей части именно США.

Немного позже, в 2017 г., рассуждая о цифровизации, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С. Калашников, констатировал, что «вся система власти на сегодняшний день, к сожалению, обеспечить стратегию социально-экономического развития на ближайшее время хотя бы даже на десятилетие, не говоря уже до 2030 года, не способна»³. Последние мировые экономические события 2020 г. и освоение проекта цифровой экономики в России показали его правоту, при том, что в 2017 г. появилась программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»»), но уже в 2019 г. эта программа была отменена: распоряжение Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р «О признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р».

И принятие и отмена программы были сильными юридическими инновациями, но смысл отмены программы всего через полтора года никто не объяснил, что внесло неопределённость в научный мир юристов и экономистов, ибо не все из них успели вовремя узнать, что программа отменена и продолжали писать статьи на тему цифровой экономики, которая, хотя и не была как таковая отменена, но стала реализовываться под управлением юридических документов совершенно другого уровня (Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04 июня 2019 г. № 7)).

Однако ни в старом варианте программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ни в новом варианте «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» нет самого главного — того, что составляет некую эфемерную сущность, которую можно измерить разве что именно в социокультурном плане, и которая является критически важной сердцевинкой проекта, от которой пойдёт импульс, способный сдвинуть любой проект с мёртвой точки — нет финансового интереса человека, рядового гражданина, который увидел бы своё собственное место, точку приложения своих сил в проекте государства, а также то, что он лично получит от этого проекта.

Конечно, мы не ведём речь о детализации в проектах государства таких вещей, как персоналии, но определённый класс граждан, группы людей должны были понять, увидеть, что проект адресован и им, а не только крупным корпорациям, которые получают финансирование от государства и освоют бюджетные деньги, что всегда и происходит. Вертикальная нить, связующая государство наверху с конкретным человеком внизу, во всех таких проектах отсутствует, и вот это отсутствие связи человека и государства можно характеризовать как выявленный путём социокультурного измерения проекта факт, который характеризует

¹ Официальный сайт Счётной палаты РФ. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов. Январь-март 2020 г. С. 5. <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cb3/cb3cab0e6ef4837b7cdba5f8c087959f.pdf> (дата обращения 19.08.2020).

² Капанова Л.Д. Рынки информационно-коммуникационных технологий в контексте финансовой глобализации // Финансовый журнал. 2010. № 1. С. 119-121.

³ Калашников С. Осознать, что мир — другой. Трезво о цифровизации и других прорывных проектах хай-тека // Вольная экономика. Октябрь-декабрь 2017. С. 35.

проект со знаком минус. Ни правовая наука, ни экономическая наука такими измерениями не занимаются, у них нет ни таких задач, ни инструментов измерения, поэтому данный факт они не видят.

Впрочем, и остальные национальные проекты характеризуются подобным образом. Они не снисходят до разговора с простым человеком о его личных нуждах, потребностях, чаяниях, потому что наверху оперируют триллионами рублей, которые, по мнению авторов проектов, важнее каких-то мелких финансовых или экономических интересов простых людей. Но ведь в конечном итоге государственные национальные и иные проекты должны делаться для людей. Так должно быть потому, что продолжает действовать ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Цель, обозначенная в ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации, в проектах государства не реализована ни технически, ни экономически, ни юридически — нет прямой правовой связи большой цели проекта с интересом человека. По умолчанию и чисто теоретически всегда предполагается, что все проекты государства автоматически служат данной цели, но на самом деле в самом проекте ставится ложная и экономически необоснованная. Так, в Паспорте национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в первой же графе таблицы **2.2. Цели, целевые и дополнительные показатели национального проекта** поставлена цель: «Увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счёт всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом».

Во-первых, это не экономическая цель. Экономика всегда подразумевает выпуск продукции, необходимой государству и человеку, экономика оперирует при этом необходимыми и достаточными средствами для решения этой задачи при соблюдении массы других параметров: уровня рентабельности, качества продукции, её экологичности, получаемой прибыли, сроков окупаемости проекта, сколько и где произвести, где и кому продать и т.д. Ни один из важнейших параметров экономики не назван. Расходы и затраты не могут быть целью экономики, ибо в любом учебнике по экономике постулируется, что экономические интересы — главная движущая сила прогресса экономики, а в наших проектах интерес простого человека никак не обозначен, и цель экономики всегда и везде была другая — получить доходы и прибыль.

Во-вторых, цель увеличения затрат противоречит ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации — той главной идее, которая показывает, какова в идеале должна быть реальность, а в контексте нашей статьи — что является эталоном (меркой, измерительным инструментом) социокультурного результата, чем его мерить, когда мы вводим юридические инновации и хотим понять, к чему они привели. Затраты должны быть либо минимально возможными (чтобы повысить рентабельность проекта), либо оптимальными, но никак нельзя ставить цель увеличения затрат, потому что здесь сразу возникает вопрос, за чей счёт делаются затраты. Ответ есть прямо в Паспорте национального проекта — за счёт бюджетных средств, которые собрали в том числе и с граждан России напрямую (НДФЛ и др.) или косвенно, недоплатив традиционно, как это происходит десятилетиями, зарплаты, сэкономив бюджетные средства с помощью малого размера пенсий, МРОТа и других известных приёмов.

Куда же ведёт нас своими новациями законодатель, который в глобальных государственных проектах забыл о человеке? На этот вопрос есть ответы учёных. Так, член Британской академии, профессор антропологии и географии аспирантуры Городского университета Нью-Йорка Дэвид Харви, один из крупнейших географов современности, пишет: «Один из тезисов Маркса, который он очень хорошо проработал в первом томе «Капитала», гласит, что чем ближе мы к рыночной экономике, тем богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Поэтому по определению, конкурентная рыночная экономика порождает всё более и более высокие уровни социального неравенства»¹.

Россия пошла по пути конкурентной рыночной экономики капитализма и совершенно чётко вписалась в схему развития капитализма с получением конечного результата — «богатые становятся богаче, а бедные — беднее». Но такова же истинная цель государственных проектов, и она такая потому, что все эти проекты вместе с государством погружены в идею и практику конкурентной рыночной экономики капитализма, где нет места интересам человека, но есть место для капитала и его роста.

Цель капиталиста — прибыль, и она теперь определяет цели национальных и других проектов, программ и планов, хотя само это слово там отсутствует, оно просто замаскировано. В рассмотренном проекте цифровой экономики цель проявится через освоение бюджетных средств, что не требует конкуренции, а мгновенно ведёт к гарантированным и лёгким бюджетным деньгам (это и есть в понимании проектировщиков прибыль), за которые ещё и отчитываться не нужно, потому что если в первоначальном варианте программы слово «отчёт» имело место хотя бы символически: «На стратегическом уровне системы управления утверждаются направления развития цифровой экономики, стратегические цели и планы, а также отчёты об их достижении»², то в последующем документе — «Паспорт национального

¹ Харви Д. Неизлечимые болезни капитала // Вольная экономика. Июль-сентябрь. 2018. С. 81.

² Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (Документ утратил силу с 12 февраля 2019 г. в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р.) // КонсультантПлюс.

проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» слово «отчёт» вообще отсутствует. Его убрали от греха подальше, и это есть, безусловно, фантастически прогрессивная новация для капиталистов — получателей бюджетных денег, запланированных в разделе **5. Финансовое обеспечение национального проекта** Паспорта национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в размере 1 696,70 млн руб.

Такая юридическая инновация является весьма приятной для исполнителей проекта, но очевидно, что простой человек от этого не получает ничего, и поэтому социокультурное измерение данной юридической инновации показывает не только её нулевое значение, но отрицательное, потому что бесконтрольность неизбежно ведёт к нарушениям и преступлениям.

Большие инновации в юриспруденции в последнее время связаны с высокими технологиями. Они прослеживаются в законах, принятых в 2020 г.: № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако любые юридические инновации следует рассматривать в контексте их соответствия конечной цели, а далее — в контексте достижения цели.

Как можно видеть, в Конституции Российской Федерации одна цель, а в проекте цифровой экономики совершенно другая цель, и к конституционной цели она ни прямо, ни косвенно не приближается в каких-то пояснениях, расшифровках, уточнениях — таковых там просто нет. Точно так же и в перечисленных законах, реализующих новые информационные, цифровые и прочие технологии, все многочисленные детали правового регулирования посвящены детализации правоотношений в связи с вводом цифровой валюты, цифровых финансовых активов и т.п., а для чего это в конечном итоге, кто получит выгоды в дальней перспективе, кто станет богаче, а кто беднее — не говорится ни слова.

Понятно, что закон не призван и не должен впадать в такие абстрактные для юриспруденции рассуждения, лежащие в поле других наук (этики, философии, политологии, социологии), но в нашей работе как раз эта сторона реальности и подлежит исследованию. Всё-таки законодательство должно учитывать фундаментальные интересы человека, а для их отражения в законах есть преамбулы, вводные части закона, в которых можно отражать и разъяснять смысл закона и его отдельных частей, которые будут содержать механизмы удовлетворения интересов человека, механизмы контроля и надзора за этим процессом и механизмы защиты и восстановления прав человека в этой части.

Если в таком же ракурсе рассмотреть и другие принимаемые сегодня законы, то можно обнаружить, что все они вместе взятые работают в целом очень правильно, а именно, на укрепление того строя, который по умолчанию принят в России — капитализма, но это не согласуется с положением ч. 1. ст. 7 Конституции Российской Федерации. Мы же полагаем, что все юридические инновации должны измеряться их соответствием с приведённым положением Конституции Российской Федерации, иначе мы будем иметь рост социальной напряжённости.

Есть ещё одно социокультурное измерение юридических инноваций, о котором нужно всегда думать при принятии новых законов. Оно также не имеет методов точного измерения, которые имеются в технических науках, но следует искать такие методы и решать следующую задачу. Любая инновация в соответствии с законом философии, который звучит как «единство и борьба противоположностей», неизбежно порождает отрицательные последствия закона или совсем не планируемые и неожиданные для законодателя последствия, которые могут сводить на нет весь инновационный запал закона. Произойти это может не сразу, совсем не в той области, где ожидается, совсем не в тех видах отрицательных последствий, которые может предположить законодатель, если даже задумается об этом. Они могут быть отсрочены во времени, появляться постепенно и незаметно, а могут проявиться быстро и сильно.

В юриспруденции нет на сегодняшний день инструментов и методов дальнего прогноза развития права вообще и прогнозирования результатов действия конкретного закона, в частности. Негативные последствия каждого закона проявляются, как правило, неожиданно, и в тех точках, где этого не предполагали. Получается, что законодатель всегда намерен регулировать какие-то правоотношения, исходя из видения только позитивного эффекта вводимого закона, без попыток просчитать потенциальный ущерб, убытки, негативные моменты, о которых при составлении закона даже неудобно думать, ведь он не для того создаётся. Всемогущий законодатель, каковым он себя считает, забыл, что ему неподвластно изменение или остановка действия законов философии и законов природы вообще.

Говоря о социокультурном фоне, наблюдаемом в России, можно заметить, что он претерпел большие изменения, но они прошли постепенно, незаметно и без особых эксцессов. Эксцессы могут всплыть потом, когда они накопятся до критической точки и когда их менее всего будут ждать. Характеризуя часть социокультурного фона начала XX в. в российских городах, а больше всего в Москве, мы можем вспомнить, как расцвело тогда искусство граффити (уличной живописи), когда молодёжь показывала своё умение рисовать на стенах и заборах цветные буквы, символы, названия, смысл которых старшему поколению был непонятен. Молодые тоже не понимали, что и зачем натворили взрослые после 1991 года, устроив разруху, разгул преступности, серую жизнь в борьбе и гонке за деньгами, где не осталось душевного тепла и того, что оставили им в назидание взрослые, когда написали на сводах станции метро «Автозаводская» свои советские граффити: «Мир, труд, свобода, равенство, братство, счастье».

После того как исчезло равенство, ушло счастье и растаяли смыслы, возник вопрос, который сформулировали молодые на стенах домов: «Зачем?» Это слово среди всего количества надписей встречалось тогда наиболее часто. Юные не получили ответ на этот вопрос от взрослых, и суета жизни продолжилась, оставив главным смыслом деньги и способы их добычи в капиталистическом мире, в котором главное — прибыль. Посмотрим, что думает наука о главном.

Жак Биде, профессор Университета *Париж X — Нантер*, полагает, что «главный вопрос в том, что человечество развивается, и впереди маячит экологический кризис. Маркс для меня — экологический мыслитель номер один. Потому что он чётко указал, что у капитализма лишь одна цель — прибыль, что бы там ни случилось с человеком или природой. Никто не выразил это яснее. Единственная цель капитализма — прибыль»¹.

Если идеи, смыслы, идеология за тридцать лет превратились из разветвлённой, объёмной, привлекательной (увлекли за собой, однако, полмира), хотя, безусловно, во многом недоработанной и местами ошибочной системы взглядов (что означало лишь то, что над системой идей нужно было всё время с большим напряжением работать, совершенствовать её, а не молиться на неё, как на икону марксизма-ленинизма) — превратились в примитивное содержание из одного слова — «прибыль», то это прежде всего означает, что социокультурный фон общества померк, смысл развёрнутой системы взглядов трансформировался всего в одно слово и потерял все краски жизни, всю её многомерность (включая социальные лифты), кроме одной — прибыли, но прибыль является достоянием и красит жизнь только одного узкого слоя общества — капиталистов, а все остальные так или иначе работают на них. Теперь у российских капиталистов есть глобальная цель и радость в жизни, а рядовой гражданин должен радоваться тому, что у капиталиста стало больше денег за счёт того, что у него их стало меньше.

В целом всё российское законодательство развивается строго в рамках этой парадигмы — ещё больше увеличить прибыль капиталиста, и это обнажённая суть парадигмы строя, государства и права, суть которого — продуцирование юридических инноваций в пользу богатых и за счёт бедных.

Где, в каких документах это проявляется, рассмотрим на примере «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»². Это всеобъемлющий документ, который позволяет на 12-летнем интервале хорошо увидеть, что планировали, и что получилось.

Так, Концепция планировала следующие показатели.

«В России сформируется общество, основанное на доверии и ответственности, включая доверие населения к государственным и частным экономическим институтам. Значительно снизится социальная поляризация».

«Российская экономика не только останется мировым лидером в энергетическом секторе, добыче и переработке сырья, но и создаст конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий. К 2020 году Россия может занять значимое место (5-10 процентов) на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг в 5-7 и более секторах».

«На втором этапе будут достигнуты следующие целевые макроэкономические индикаторы (2020 год к 2012 году):

рост валового внутреннего продукта — 164-166 процентов;

рост производительности труда — 171-178 процентов;

рост реальных располагаемых доходов населения — 164-172 процента».

Обширный текст данной **Концепции** содержит большое количество иных прогнозных показателей, которые смотрятся красиво, но почти все они к 2020 г. не достигнуты. Почему не достигнуты — об этом российские специалисты разных наук могли бы дать много правильных объяснения с позиций разных наук, если бы все такие объяснения удалось собрать и обобщить, и тогда мог быть выявлен корень ответа. Представляется, что его отчасти можно найти в высказывании профессора экономики Университета Миссури Майкла Хадсона, который смотрит как бы поверх всяких деталей подобных концепций, проникая только в самую суть: «Думаю, поздний капитализм кончился в 1960-х. Сейчас мы вернулись в ранний капитализм и находимся на пути к феодализму... По моему убеждению, сейчас мы живём в эпоху капиталистического постмодерна, а вовсе не модерна. Капиталистический же постмодерн на деле является возрождением феодального (Маркс называл его античным) способа производства, характеризующегося ростовщичеством и рабством, которое приняло форму долговой кабалы»³. Вот что значит наше отставание в науке и практике — у них капитализм «кончился» (понятно, что это условно) в 1960-х, а мы, не зная о его конце, вновь вступили в него в 1991 г., вместо того, чтобы идти дальше, строить новую систему с учётом всего прошлого мирового опыта. Оказалось, что дальше у нашего капитализма — путь к феодализму, ростовщичеству и рабству. В каких наших правовых документах или научных работах юристов об

¹ Биде Ж. Марксизм и экология: актуальные проблемы // Вольная экономика. Октябрь-декабрь 2019. С. 112.

² Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // КонсультантПлюс.

³ Бузгалин В., Оллман Б., Хадсон М. Что происходит с нашим капитализмом // Вольная экономика. Июль-сентябрь 2018. С. 36-40.

этом можно было прочитать? Кто думал о стратегии и смотрел вперёд? Оказалось — никто, и мы получили соответствующий результат.

Профессор М. Хадсон удивлён нашей наивностью: «Я просто поражён, что русские оказались столь доверчивы и поверили, что в результате приватизации снизится стоимость жизни и ведения бизнеса», и далее подводит итог: «Приватизация заново разжигает классовую борьбу»¹.

Как мы помним, капиталистическая жизнь России начиналась с абсолютно инновационного закона о приватизации², который считался локомотивом перестройки экономики. Сегодня западные учёные показывают нам, что это был путь к возрождению классовой борьбы, но мы сами этого видеть не хотим, а ведь возрождение классовой борьбы — это и есть результат социокультурного (но не юридического!) измерения юридических инноваций вообще и инновационных моментов упомянутой Концепции.

В результате юридических инноваций, совершённых за последние годы, произошло также уменьшение занятости населения. Научный сотрудник А. Попов провёл на основе данных социологического опроса («Социокультурная модернизация регионов — 2017», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017) расчёты потерь ВРП (валовой региональный продукт), которые показали, что «в 2016 г. совокупные экономические потери от недоиспользования человеческого капитала вследствие распространения неустойчивой занятости составили 23,1 млрд руб., или 5% ВРП»³. Как известно, в 2020 г. после так называемой пандемии коронавируса занятость сильно упала в стране везде, и цифры экономических потерь от неустойчивой занятости, естественно, возросли. Безработица и неустойчивая занятость произошли в первую очередь на основании тех многочисленных правовых и управленческих актов, которые были приняты на федеральном и региональном уровне во все предшествующие годы и в 2020 г.

Безработица и неустойчивая занятость — это явление прежде всего рукотворное, а не результат стихийного бедствия, которое невозможно спрогнозировать. Социокультурное измерение этих действий ещё предстоит увидеть и осознать, когда они выльются в какие-то действия пострадавшего населения в виде протестов, но пока есть время, чтобы не довести дела до такого состояния.

В итоге социокультурного измерения юридических инноваций, проведённых выборочно и с обозрением их последствий, мы можем увидеть по основным позициям, что уровень жизни граждан упал, а богатства отечественных олигархов возросло. В отличие от инженеров-электриков, юристы не имеют своего юридического вольтметра для измерения социального напряжения, но они и не хотят об этом задумываться, полагая, что это не дело их науки — юриспруденции. Однако в итоге именно нормы права создают или уменьшают напряжение в обществе, и юристам пора бы задуматься об инструментарии для его измерения, желательно, до создания норм права и наступления последствий от их реализации, а не после.

Появилась новая проблема, которую, видимо, пока никто не поднимал, видимо, потому что она находится на стыке наук. За последние тридцать лет произошло расширение социокультурного пространства, частью которого оказалось и право, правовые процессы, которые теперь стали проходить в цифровом, сетевом, электронном пространстве, без бумажного оборота и личного общения. В этом же пространстве появились новые средства взаимодействия и общения людей, что является позитивным моментом, и эти же самые средства общения и взаимодействия превратились в большую проблему для правоохранительных органов, которые теперь должны искать преступника в виртуальном пространстве, где он прячется на заокееанских серверах в дебрях сетей, цифр, протоколов, средств шифрования, анонимности.

Расширение социокультурного пространства в негативном и позитивном виде привело также к тому, что все правоохранительные органы, министерства, ведомства, правительство, парламент работают по давно принятым законам, в которых был прописан их функционал. Однако эти законы не отражают современного состояния дел, которое таково, что если раньше функционал правоохранительного органа хотя бы приблизительно и условно покрывал поле преступной деятельности, то сегодня поле преступной деятельности выросло многократно за счёт расширения пространства, в то время как функционал правоохранительного органа остался в прежнем объёме, и поэтому новые виды преступности появились в никем не контролируемом пространстве.

Проблема здесь проявляется ещё и в том, что количество областей и сфер, в которых нужно срочно решать новые задачи, столь велико, что не может быть охвачено в силу отсутствия нужного количества специалистов.

Та же самая проблема давно сформировалась и в сфере законодательства, которое растёт и изменяется, модернизируется такими темпами, что уже давно не хватает людских ресурсов только для текущей модернизации законодательства. Рост незакрытых проблемных полей в сфере права в ближайшее

¹ Бузгалин В., Оллман Б., Хадсон М. Что происходит с нашим капитализмом // Вольная экономика. Июль-сентябрь 2018. С. 45.

² Закон РФ от 03 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» (Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ.) // КонсультантПлюс.

³ Попов А. Что такое неустойчивая занятость и чем она опасна для экономики // Вольная экономика. Октябрь-декабрь 2018. С. 76-83.

время усилит ситуацию кризиса, который не может быть разрешён обычными средствами: законодатель в силу пропускной способности парламента не сможет успевать исправлять допущенные в законах ошибки и неточности, они будут накапливаться и делать правовую систему всё менее действенной и эффективной. Это, если говорить о текущих задачах законодательства и его модернизации.

Более глобальные вопросы—разработка стратегии развития права, законодательства в связи с цифровизацией — требуют гораздо больших усилий, потому что нуждаются в серьёзных научных заделах, которые также будут создаваться во всё меньшем количестве по сравнению с более быстро растущим количеством проблем. Растущий разрыв не покрыт ничем, и пока никто не исследует, как его можно минимизировать или ликвидировать. Совершенно не ясно, где взять для этого людские, финансовые и технические ресурсы. Такое положение дел просматривается, если делать измерение в социокультурном плане, ибо никаких точных методов юридическая или экономическая наука здесь не имеют.

В связи с изложенным нам видится необходимым перейти к новой парадигме права, новой стратегии развития права, но создать её можно только на основе общей идеи государства, которая принципиально проста: куда идём, что хотим строить? Ответ на этот вопрос государство не даёт. Согласно ст. 16 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации разрабатывается каждые шесть лет на период, не превышающий периода, на который разрабатывается прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период. С момента принятия данного закона прошло уже больше 6 лет и такая стратегия не принята. Исходя из названия данной стратегии, именно в ней должны быть ответы на вопросы о том, собирается ли Россия обрести миссию и глобальную идею, которая будет поддержана всем народом, после чего начнётся новый этап строительства государства, права и общества в обновлённом виде, или же там будет оставлена в явном или скрытом виде идея продолжения строительства капитализма.

Нам всем также хотелось бы, чтобы новый этап строительства государства, права и общества начался ускоренными темпами, однако академик РАН Р. И. Нигматулин предостерегает: «Все реформы должны быть решительными, но осмотрительными. В физике есть понятие квазистатического режима, когда инерция не приводит к разрушениям. В экономике всё надо менять в «квазистатическом» режиме, чтобы перераспределение ВВП не превышало 5% в год, чтобы можно было корректировать, не разрушая производительные силы»¹.

Отсюда вытекает, что и юридические инновации нужно научиться измерять во всяких аспектах, в том числе в скорости их осуществления. Мы же их всегда выносим и реализуем, не глядя ни на какие параметры, а нужно ещё думать об очерёдности инноваций, их синхронизации с другими инновациями в самом праве, экономике, технике и в других сферах, прогнозировании всех последствий.

Оказывается, что мир, государство и общество слишком сложны, мы пока не готовы к их сложности, динамике и многомерности, и наши хаотичные движения по внедрению всего пласта разнонаправленных инновационных законов в разных отраслях права за последние тридцать лет привели только к ухудшению положения народа. Это и есть на сегодняшний день результат социокультурного измерения всех вместе взятых юридических инноваций в постсоветской России.

---

¹ Нигматулин Р.И. Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 21.

Грязнова Татьяна Евгеньевна

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Gryaznova Tatyana Evgenievna

doctor of law, associate professor, head of the department of theory and history of law and state of Omsk academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: griaznova-te@yandex.ru

**Инновации в российской юридической науке
второй половины XIX — начала XX вв.**

**Innovations in Russian legal science
in the second half of the XIX — early XX centuries**

Аннотация. В числе основных инноваций в области российской юриспруденции второй половины XIX — начала XX вв. следует назвать: формирование новых подходов к пониманию права; качественные изменения в методологии юридической науки; определение способов трансформации правовой системы России в направлении идеала правового социального государства; постановку проблемы создания теории законодательной техники.

Ключевые слова: Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич, С. А. Муромцев, законодательная техника, интерпретационная техника.

Abstract. Among the major innovations in the field of Russian jurisprudence of the second half of the XIX — early XX centuries are: the formation of new approaches to the comprehension of law; qualitative changes in the methodology of legal science; the definition of ways of transformation of the legal system of Russia in the direction of the ideal of a legal social state; the formulation of the problem of creation of the theory of legislative technique.

Keywords: N.M. Korkunov, G.F. Shershenevich, S.A. Muromtsev, legislative technique, interpretive technique.

Применительно к российской юриспруденции второй половины XIX — начала XX вв., на наш взгляд, можно говорить о четырех важнейших инновационных составляющих, обусловленных целым рядом факторов, к числу которых, в первую очередь, относятся широкое распространение идей конституционализма и стремительное развитие гуманитарных, в том числе отраслевых юридических наук.

В качестве определяющей инновации следует рассматривать активное формирование новых по отношению к классическому позитивизму подходов к пониманию права: теории возрожденного естественного права (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев), психологической теории права (Л. И. Петражицкий), социологической (С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, Ф. Ф. Кокошкин) и интегративной (Б. А. Кистяковский) юриспруденции. Многообразие типов правопонимания, отстаиваемых ведущими юристами эпохи, во многом предопределило остальные направления развития юридических инноваций.

Так, качественные изменения в этот период происходят в области юридической методологии, что вызвано, в первую очередь, стремлением четко определить предмет и методы юридической науки. В зависимости от избранного ракурса на предмет юриспруденции — норм, идей, правоотношений или эмоций — правоведами определялся круг методов, посредством которых следует изучать правовые явления. Объединяло всех российских ученых признание нормативного характера позитивного (государственного) права, соответственно, значимости формально-догматического метода его изучения.

Поиск универсальной методологической парадигмы не увенчался успехом, что вполне объяснимо, учитывая многообразие представлений о праве, однако важным его результатом стало формирование общей теории права — специальной науки, призванной выявлять и осмысливать свойства права, закономерности его возникновения, функционирования и развития. Именно «общая теория права есть... краеугольный камень системы правопонимания; она связывает отдельные дисциплины и их содержание в

одно целое»¹, — писал по этому поводу, в частности, Н. М. Коркунов. Помимо общей теории права во второй половине XIX в. ставится и решается вопрос о создании в правоведении таких самостоятельных наук, как история воззрений на право и история права. Таким образом, происходит формирование теоретико-правовых и историко-правовых наук, составляющих сегодня научную специальность 12.00.01.

Не менее значимые инновации в рассматриваемый период можно обнаружить в области поиска магистральных путей достижения национальных целей, которые подавляющее большинство российских либеральных исследователей связывало с идеалом правового социального государства. Здесь, в первую очередь, необходимо отметить идею создания прикладной науки политики права, назначение которой отечественные юристы (С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский и др.) видели в критическом анализе существующего правопорядка; разработке политико-правового идеала, отвечающего потребностям и уровню развития общества; в поиске легитимных методов трансформации существующей правовой системы в желаемом направлении². Среди последних необходимо назвать: признание приоритета выражающих общечеловеческие ценности принципов международного права и внедрение их в правовую систему России (П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, Б. А. Кистяковский и др.)³, а также концепцию судебного правотворчества С. А. Муромцева⁴.

Отдельное направление юридических инноваций второй половины XIX — начала XX вв. связано с постановкой проблемы создания теории законодательной техники и формированием техники юридической. Сразу подчеркнем, что, в отличие от европейской юриспруденции, российским правоведом не свойственно употребление категории «юридическая техника». Термин «законодательная техника» мы встречаем лишь у Б. А. Кистяковского, который накануне событий 1917 г. с сожалением констатировал отсутствие самостоятельных научных исследований в этой области⁵. Данная ситуация вполне объяснима, если вспомнить, что летоисчисление российской юриспруденции начинается лишь с XVIII в., а специальной науки, призванной решать общетеоретические проблемы — с 80-х гг. XIX столетия.

Отметим, что потребность усовершенствования законодательной техники, связанная, в первую очередь, с необходимостью кодификации российского законодательства и создания общероссийского свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 г., отчетливо осознавалось как главами Российской империи, так и наиболее просвещенными ее представителями уже с начала XVIII века. Не случайно восшествие на престол каждой царствующей особы сопровождалось формированием специальных комиссий для решения вышеназванной проблемы.

Уже 18 февраля 1700 г. Петром I был издан Именной указ, предписывающий соотнести «Уложение и новые статьи, которые состоялись сверх Уложения...»⁶. Однако отсутствие серьезной теоретической основы и квалифицированных кадров не способствовали решению данной задачи вплоть до того времени, когда кодификационные работы возглавил М. М. Сперанский.

Тем не менее, к вопросам законодательной техники, прежде всего в рамках решения проблемы эффективности права, уже в XVIII в. обращались И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, С. Е. Десницкий и др.

Так, И. Т. Посошков в целях совершенствования российского правосудия считал необходимым: вверить законодательную деятельность «многочисленному совету», формируемому из самых «разумных», «ученых», и «правдолюбивых» представителей каждого сословия; «освидетельствовать» каждый новый закон «всем народом... самым вольным голосом»⁷; в новом Уложении выстраивать законодательный материал «по азбуке и по чину дел разноличных», сопроводив его соответствующим оглавлением, чтобы «всякий человек без труда на всякое дело указ и совершенное решение мог во единую минуту обрести»⁸.

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003. С. 49.

² Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 139; Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова: 2-е изд. СПб., 2004. С. 27-28; Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии: 3-е изд. СПб., 1908. С. 1-4; Его же. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: 2-е изд. СПб., 1909. Т. I. С. 151-152; Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 325-326.

³ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV. С. 397; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. С. 97, 122; Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/9 академическом году. М., 1909. С. 65-66.

⁴ Муромцев С. А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете и его статистического отделения. СПб., 1898. С. 1-12; Его же. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова: 2-е изд. С. 146-148.

⁵ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. С. 657-658.

⁶ Именной указ «О заседании в Государевых Палатах боярам для учреждения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся» от 18 февраля 1700 г. // Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / Сост. В. А. Томсинов. М., 2014. С. 68.

⁷ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 162.

⁸ Там же. С. 164.

В. Н. Татищев был убежден, что законодательство должно быть вверено людям «в законах искусных и отечеству беспристрастно верным». В числе основных требований, предъявляемых к законам, автор называл: ясность, лаконичность, непротиворечивость, отсутствие «иноязычных слов», прямой или отсылочный способ изложения норм права («чтоб закон сам собою пребывателен был») и умеренность в наказаниях. Законопроекты должны подвергаться широкому обсуждению всем народом или его достойными представителями. Обязательным условием вступления закона в силу В. Н. Татищев считал его «незамедлительное всенародное объявление», поскольку «когда он объявлен, то уже никто незнанием извиняться не может, понеже мог знать, если бы прилежал»¹.

Настоящим прорывом в области законодательной техники стала систематизация законодательства, произведенная под руководством М. М. Сперанского. Как отмечал сам автор, появление Свода Законов Российской Империи является ярким свидетельством того, что «мысль Петра Великого... о правильном составе законов, в течении 180 лет бывшая постоянной мыслью всех российских законодателей, наконец, получила свое совершение»².

На рубеже XIX — XX вв. произошло качественное изменение уровня осмысления вопросов законодательной техники, что позволило сторонникам всех типов правопонимания (С. А. Муромцев, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Б. А. Кистяковский и др.) признать целесообразным наличие в структуре правоведения самостоятельной науки догмы права, призванной в том числе, точно определять юридические термины и институты, систематизировать нормы и законы, выявлять и восполнять пробелы законодательства. «Как определение, так и формула, выражающая норму, служит юристу-практику руководством, а потому должна передавать ее согласно с ее истинной природой. Догматик должен передать норму так, чтобы юрист, которым он руководит, получил верное представление о функции, для выполнения которой норма предназначена»³, — отмечал С. А. Муромцев. Тем самым автором была обозначена необходимость функционального подхода к разработке правовых норм, четкого определения законодателем направления правового воздействия на общественные отношения.

Работам Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, Г. Ф. Шершеневича, Ф. Ф. Кокошкина и др. свойственен акцент на процедуре принятия законопроектов, основное назначение которой они усматривали в предупреждении опрометчивых решений и защите от легкомысленных перемен. «С этой целью устанавливаются многократные чтения законопроектов, предварительное обсуждение их в комиссиях, повторное обсуждение в нескольких коллегиях, и предоставляется правительственной власти налагать вето на принятые законопроекты...»⁴, — писал, например, Н. М. Коркунов.

Исключительное внимание к процедуре принятия законопроектов, свойственное российской либеральной юриспруденции конца XIX — начала XX вв., во многом обусловлено стремлением решить одну из ключевых проблем современности — четкого разграничения законов и подзаконных нормативных правовых актов. Необходимость «правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на... законе»⁵ была обозначена еще М. М. Сперанским, им же были предложены конкретные реформы, направленные на реализацию этой цели, в частности, учреждение Государственного Совета, что впервые в отечественной истории позволило формально разграничить законы и другие формы Высочайшего волеизъявления. Очевидно, что после либеральных реформ Александра II, открывших путь к формированию в России гражданского общества, вышеназванного формального признака было явно недостаточно для реализации постулируемого на всех уровнях принципа законности. Отсюда пристальное внимание российских юристов к категориям «административный указ» и «закон», их признакам и к законотворческому процессу⁶.

К вопросам структурного построения норм права обращались Н. М. Коркунов и Ф. Ф. Кокошкин. Внимание к проблемам опубликования и вступления нормативных правовых актов в силу мы встречаем в работах Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского и Г. Ф. Шершеневича.

Проблемами изучения приемов выражения воли законодателя и систематизации законодательства занимались С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов и Г. Ф. Шершеневич. Так, Г. Ф. Шершеневич был убежден, что «законы должны быть по возможности немногочисленны и изложены общедоступным языком, без спе-

¹ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Избранные произведения. Л., 1979. С. 125.

² Сперанский М. М. Четыре «беседы» с наследником престола // Правоведение. 1997. № 4. С. 78.

³ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю.И. Гревцова: 2-е изд. С. 52.

⁴ Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб., 1890. Ч. I. С. 45.

⁵ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/speran.htm> (дата обращения 30.10.2020)

⁶ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. I. С. 220-221; *Его же*. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 15-45; *Его же*. Указ и закон. СПб., 1894. 408 с.; Чичерин Б. Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2006. С. 324-330; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное: в 6 т. Т. 4. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 332-341, 399-404; *Его же*. Общее учение о праве и государстве: лекции // Избранное / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 287-296; *Его же*. Курс гражданского права // Избранное: в 6 т. Т. 2. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2017. С. 175-180, 222-224; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. С. 104-105.

циальной терминологии и без чрезмерных обобщений, доступных только получившему специальную подготовку»¹.

Вопросы интерпретационной техники находят отражение в работах Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, Г. Ф. Шершеневича и др. Толкованию норм права, по мнению российских либеральных юристов, обязательно должна предшествовать их критика, целью которой является «определение подлинности и аутентичности нормы в целом»². Толкование, в отличие от критики, направлено на раскрытие смысла юридической нормы, выяснение изложенной в ней воле законодателя. «Сущность процесса толкования заключается в уяснении содержания нормы права, т.е. в совокупности приемов, направленных на раскрытие тех представлений, которые соединял создавший норму с внешними законами выражения своей мысли и воли»³, — писал Г. Ф. Шершеневич. Значимость этих приемов, как подчеркивал автор, отчетливо осознавалась правоприменителями на протяжении всей истории юриспруденции, в связи с чем, считал целесообразным возрождение и развитие специальной техники толкования — юридической герменевтики, утратившей значительную часть своего престижа вследствие «схоластического оттенка, усвоенного от средних веков»⁴.

На рубеже XIX — XX вв. отечественными теоретиками права были разработаны понятия «аутентичное», «легальное», «доктринальное», «распространительное» и «ограничительное» толкование, были обоснованы такие его способы как грамматический, логический, исторический и систематический⁵.

Обозначенные инновации оказали мощное интеллектуальное воздействие на развитие российской юридической науки, позволив ей подняться на качественно новый уровень и занять приоритетные позиции в мировой правовой мысли.

---

¹ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. // Избранное / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 457.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. С. 404. См. также: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное: в 6 т. Т. 4. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. С. 620.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное: в 6 т. Т. 4. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 626.

⁴ Там же. С. 627.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное: в 6 т. Т. 4. / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. С. 626-642; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. С. 415-420.

Гук Павел Александрович

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Правосудие»
Пензенского государственного университета*

Guk Pavel Aleksandrovich

*doctor of law, associate professor, professor of the department of justice of
the Penza state university*

E-mail: gukpola@mail.ru

**Инновации судебного нормотворчества в России:
доктрина, практика, техника**

**Die Innovationen der gerichtlichen Normsetzung in Russland:
Doktrin, Praxis, Technik**

Аннотация. Развитие и формирование судебного нормотворчества в России во многом зависит от доктрины данного явления в правовой системе, практического его осуществления высшими судебными органами, и техники применения актов судебного нормотворчества. В статье рассматриваются данные аспекты, раскрывается их сущность, вносится предложение законодательного закрепления судебного нормотворчества за высшими судами.

Ключевые слова: высшие судебные органы, правовая позиция, правовая система, судебная власть, судебное нормотворчество, судебная практика, судебный прецедент, судебская норма.

Abstract. The development and formation of judicial rule-making in Russia largely depends on the doctrine of this phenomenon in the legal system, its practical implementation by the highest judicial authorities, and the technique of applying acts of judicial rule-making. The article examines these aspects, reveals their essence, makes a proposal for the legislative consolidation of judicial rule-making for the higher courts.

Key words: higher judicial bodies, legal position, legal system, judicial power, judicial rule-making, judicial practice, judicial precedent, judicial norm.

Развитие любой правовой системы невозможно без проходящих в мировом сообществе интеграционных процессов, которые затрагивают определенным образом структурные элементы российской правовой системы. Правовое воздействие этих процессов актуально для юридической науки и практики, а это в свою очередь требует разрешения этих вызовов путем совершенствования правовой системы, особенно органов судебной власти, её институтов, функций, но только в рамках существующей конституционно-правовой целостности.

Эволюционное развитие правовой системы позволило выявить нормотворческую функцию судебной власти, и связанные с ней проблемы правового признания её в России. Судебная власть как одна из ветвей государственной власти осуществляет в настоящее время не только функцию правосудия, но и «функцию судебного нормотворчества в форме судебного прецедента и судебной практики»¹.

«Состояние судебной власти — один из главных, узловых вопросов развития российского государства в современных условиях. Это лакмусовая бумажка, позволяющая судить об уровне демократии в стране. В этом случае Б.Н. Топорнин отмечает, что по существу Конституционный Суд стал именно правотворческим органом. Признавая законы и другие нормативные акты или их отдельные нормы не соответствующими Конституции, Конституционный Суд тем самым их отменяет, а значит, заменяет одни нормы права другими»².

Н.С. Бондарь считает, что «Конституционный Суд выступает своего рода генератором конституционно-правовой энергии, которая обеспечивает, в частности, конституционно-судебную «рихтовку» норм отраслевого законодательства, и относит его к квазиправотворческому органу»³.

¹ Гук П.А. Основы судебного нормотворчества: избранные труды. — Пенза, 2019. — С. 115.

² Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. — М., 2000. — С. 40—41.

³ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М., 2011. — С. 99-100.

Не обладая законодательно закрепленной нормотворческой функцией Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ фактически её выполняют, и эта деятельность ни в коей мере не ущемляет права и свободы граждан, юридических лиц, не нарушает их интересы, а наоборот защищает их нарушенные права, свободы и законные интересы в случаях пробела, дефекта в нормативном правовом акте, признания нормативного акта (нормы) не соответствующего Конституции РФ.

«В этих условиях, полагает В.В. Лапаева, на высшие суды Российской Федерации ложится слишком большая нагрузка: они вынуждены не только противодействовать серьезным деформациям правовой системы, но попутно еще и вырабатывать необходимые для этого доктринальные положения, восполняющие пробелы в научно-теоретической разработке проблематики прав человека»¹. Образующийся при этом пробел оперативно преодолевается судебными актами высших судебных, с закрепленными в них правовыми позициями, обладающими характерными признаками прецедента.

Соглашаясь в принципе с мнением о том, что только законодатель, а не суд может отменить или изменить нормативный правовой акт, не соответствующий Конституции или обычному закону, М.Н. Марченко не разделяет мнение, согласно которому «это законодательно закрепленное положение может быть использовано в качестве аргумента в пользу тезиса об отсутствии у Конституционного Суда или любого иного Суда в лице высших органов, правотворческих возможностей»².

Дискуссии для российской науки и практики не новы, они то, затихают, то вновь оживают³, но проблема существования судебного нормотворчества в российской правовой системе остается, по нашему мнению, следует признать и закрепить в нормативном акте функцию судебного нормотворчества за высшими судебными органами, определив их полномочия, пределы, форму, механизмы реализации, время действия. Лучше иметь нормотворчество в рамках закона, чем его игнорировать вообще. Это по существу инновационное движение вперед к правовому государству. В реальной правовой жизни идет выработка механизма судебного нормотворчества применительно к национальной правовой системе.

И этот процесс не скорый, нужно найти те оптимальные процедуры, которые позволили бы высшим судебным органам в пределах своих полномочий осуществлять нормотворческую функцию. В этом и будет заключаться особая роль высших органов судебной власти со своей процедурой судебного нормотворчества и формой её выражения, отличающаяся от законодательной и исполнительной властей.

По утверждению В.Е. Чиркина, «сила судебной власти зависит главным образом от того, существует в данной стране правовое государство или установлен авторитарный режим, тоталитарная система, господствует олигархия. Роль судебной власти в обществе во многом определяется уровнем правовой культуры народа, коренится в уважении к суду, которое воспитывается даже не десятилетиями, а столетиями. В России, отмечает автор, такого нет. Нужна длительная, кропотливая и настойчивая работа»⁴.

В этом случае положительный опыт развития и существования судебного нормотворчества в международных правовых системах может способствовать формированию и развитию национального судебного нормотворчества, но с учетом особенностей, присущих нашей правовой системе, сложившейся доктрины и практики формирования правовых позиций высшими судебными органами.

Так, «в зарубежном праве активное правотворчество судов не считается нарушением принципа разделения властей. Судебное правотворчество есть, так как его попросту невозможно избежать. Неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к спору»⁵.

Французский правовед Эвелин Серверэн пишет: «В правовых системах демократических стран признается, что суды вносят вклад в формирование прецедентов и создание норм, хотя признание данного факта противоречит априори принципу разделения властей»⁶.

Нормотворчество высших судебных органов, по самой природе судебной власти и её деятельности, не только направлены на разрешение правового спора, защиту прав, свобод и интересов субъектов, основанных на законе, но и на «формулирование судебной нормы»⁷, что в свою очередь совершенствует законодательство, выступает регулятором общественных отношений.

Президент России В.В. Путин, выступая на юбилеи Верховного Суда Российской Федерации, подчеркнул, что «обобщая судебную практику, Верховный Суд обеспечивает единообразное понимание и

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания в российской теории права // Российское правосудие. — 2008. — № 5. — С. 21.

² Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. — М., 2007. — С. 411.

³ См., например: Потапенко С.В., Даниелян А.С. Судебное правотворчество в контексте правовой системы России: вопросы теории и практики. Краснодар, 2018; Кучин М.В. Судебное нормотворчество: концептуальные основы. М., 2019; Ершов В.В. «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. — Том 2. — № 1. — 2020; Тема номера: Прецедент и единство правоприменения // Закон. — № 1. — 2020.

⁴ Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. — М., 1998. — С. 410.

⁵ Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. — М., 2011. — С. 304.

⁶ Серверэн Э. Роль судей и судебной практики в процессе нормотворчества // Судебная практика как источник права. — М., 2000. — С. 46—47.

⁷ Гук П.А. Основы судебного нормотворчества: избранные труды. — Пенза, 2019. — С. 173.

применение правовых норм, фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Благодаря этому реализуются конституционные принципы верховенства закона и равенства перед законом и судом.

Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придаёт многим нормам большую чёткость и ясность. Важно, чтобы эта работа отвечала запросам граждан, экономики страны, современным тенденциям, которые диктует время, эпоха бурных технологических изменений. Нужно всегда помнить, что право формируется самой жизнью»¹.

Судебная практика и судебный прецедент в каждой правовой системе имеет свои особенности, закономерности развития. Не обходит данную проблему Г.В. Мальцев, справедливо утверждая, что «прецеденты являются органической частью любого вида творческой деятельности, их не надо вводить, искусственно культивировать в судебной сфере, поскольку они сами по себе способны возникать, изменяться и исчезать в структурах опривыченного образа действия судей, стандартах поведения суда, независимо от того, на какую форму права он преимущественно сориентирован — на закон или судебный прецедент»². Это позволяет отметить, что судебная практика и прецедент оказывают непосредственное влияние на регулирование отношений в правовой системе, и чем правовая система стабильнее, тем совершеннее судебное нормотворчество.

Конституция РФ, основной закон и стержень правовой системы, выделяет судебную власть как одну из ветвей государственной власти. Судебная власть реализует функцию правосудия посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Правосудие в российской правовой системе осуществляется только судом, не допускается создание чрезвычайных судов и тем более каких-либо других государственных органов, общественных организаций, которые могли бы принимать общеобязательные решения по правовым спорам и другим делам, подведомственным судам.

Судебная власть имеет законодательную монополию на разрешение правовых споров, формирования судебной практики, обеспечение ее единообразного применения. Такое состояние судебной практики как одной из форм судебного нормотворчества должно способствовать инновационному поиску прогрессивных научных подходов исследования данного правового явления, его совершенствованию в российской правовой системе, что позволит вывести на новый уровень развития, формирования и применения в судебной системе.

Фундаментальная основа в этом направлении заложена дореволюционной юридической наукой, советскими правоведом, учеными и практиками постсоветского периода и во многом способствует развитию судебного нормотворчества в современной правовой системе³. Каждый этап развития судебного нормотворчества это своеобразная спираль, по которой проходит становление судебная власть, судебное нормотворчество, его элементы, формы. Поэтому современный период должен стать инновационным прорывом в судебном нормотворчестве и для этого есть как доктринальные учения, так и практика формирования и применения судебного нормотворчества.

В судебном нормотворчестве, воплощаются выработанные нормативно-правовые положения, раскрывающие смысл и содержание применяемых норм права, толкование и конкретизация норм права, их детализация для конкретных случаев. Это правовые позиции судебного акта и именно высших судов, имеющие обязательную силу.

«Современное понимание самостоятельности судебной власти, считает И.Б. Михайловская, предполагает наделение судей как её носителей особым статусом, а судебные решения — силой закона»⁴.

Нормотворческие полномочия судебной власти официально не закреплены в нормативных актах, но это не может свидетельствовать о том, что судебная власть, как ветвь государственной власти, лишена таких полномочий фактически и практически. Как раз наоборот — высшие судебные органы, наряду с применением правовых норм, их толкованием, также осуществляют нормотворческую деятельность, преодолевают пробелы нормативного регулирования, конкретизируют нормы и принципы права, восстанавливая справедливость нарушенных прав и свобод. По мнению В.Е. Чиркина «суд в определенных ситуациях в некоторых странах может создавать правовые нормы, заменяющие нормы закона»⁵.

Рассматривая проблемы судебного правотворчества в европейском и американском праве А.Г. Карапетов пишет: «На практике, конечно же, как в Англии, так и в США именно суды творили право и дела-

¹ Путин В.В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховному суду России // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. С. 1-3.

² Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М., 2007. — С. 643.

³ См., например: Демченко Г.В. Судебный прецедент. — Варшава, 1903; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб. 1894; Пахман С.В. О современном движении в науке права. — СПб., 1882; Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. — М., 1975; Судебная практика как источник права. — М., 1997; Судебная практика как источник права. — М., 2000; Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. — М. 2017 и др.

⁴ Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. — М., 2008. — С. 41.

⁵ Чиркин В.Е. Законодательная власть. — М., 2010. — С. 164.

ли это, как и их коллеги на континенте, во многом ставя себе в качестве основной цели достижение справедливости, а иногда и социальной полезности»¹.

Судебное нормотворчество в российской правовой системе находит свое отражение в решениях Конституционного Суда РФ, а также в судебной практике Верховного Суда РФ, содержащих правовые позиции.

Фактическое существование нормотворческой функции у судебной власти требует его теоретического обоснования для более эффективной её деятельности, определения четких возможностей её функционирования в правовой системе. А.В. Мадьярова признает, что «полномочие суда по обращению напрямую к «праву» является судебным нормотворчеством, а сформулированные таким способом правила составляют «судейское право» — «право, созданное судьями» (*judge — made law*)». Поэтому наиболее взвешенной является позиция, рассматривающая судебное нормотворчество в качестве пусть неизбежного, но все же «побочного продукта» теории разделения властей»².

По нашему мнению, «под судебным нормотворчеством следует понимать выработку высшими судебными органами общих норм правового регулирования, толкование и конкретизацию норм и принципов права в процессе своей деятельности (в определенном виде судопроизводства) с закреплением этих результатов в судебном акте»³.

Положение о судебной практике закреплено в статье 126 Конституции Российской Федерации, Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации». В соответствии с этими нормативными актами Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики в форме постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а Президиум Верховного Суда РФ, при рассмотрении конкретных дел, если этого требуют фактические обстоятельства дела, формирует свое толкование нормам и принципам права, которые должны учитываться в судебном правоприменении нижестоящими судебными инстанциями, поддерживая единообразие в судопроизводстве.

Процедура формирования правовых позиций Верховным Судом РФ осуществляется при рассмотрении конкретных дел определенной категории, выработки постановлений Пленума. В соответствии со своими полномочиями Верховный Суд изучает и обобщает судебную практику, анализирует судебную статистику и дает разъяснения судам по вопросам применения законодательства, возникающим при рассмотрении судебных дел. Разъяснения Пленума Верховного Суда становятся для судов, правоохранительных органов и должностных лиц, применяющих закон, ориентирами единообразного понимания и применения нормативного правового акта. «На практике, отмечает В.Д. Зорькин, эти разъяснения Пленума Верховного Суда РФ оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и фактически приобретают прецедентное значение, способствуя, таким образом, обеспечению единообразия судебной практики»⁴.

Правовые позиции, выработанные Верховным Судом, — это итог обобщения рассмотренных судебных дел по определенной категории. На основе проведенного обобщения Пленум Верховного Суда принимает постановление, в котором содержатся толкование, разъяснение действующего закона, конкретизация норм и принципов права для единообразного применения судами при рассмотрении дел, формулируются правовые правила в случае установления пробела в законе, для его преодоления.

Одним из классических примеров судебной практики может служить постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ». В постановлении содержатся обязательные для применения судами правовые положения, выработавшие процессуальный порядок рассмотрения материалов по жалобам (п. 7, 8, 9), уголовно-правовое положение о месте рассмотрения таких жалоб (п. 6)⁵, что позволяет более точно регулировать порядок рассмотрения материалов, предусмотренных ст. 109, 125, 165 УПК РФ. Законодатель так и внес изменения в статью 125 УПК РФ, поэтому судьи в своей практической деятельности применяют как нормы права, так правовые позиции Пленума.

Поэтому, как бы уважительно мы ни относились к закону (главному источнику российского права), всегда будут обнаруживаться юридические неточности, и как один из способов устранения этого — судебное нормотворчество, поскольку в процессе применения правовой нормы возникают определённые сложности, требующие практической судебной доработки, доведение общей нормы к конкретному случаю, посредством толкования и конкретизации, а в случае ее отсутствия формирование новых правил регулирования спорных отношений.

¹ Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. — М., 2011. — С. 211.

² Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. — СПб., 2002. — С. 90.

³ П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика. — Пенза, 2009. — С. 46.

⁴ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. — М., 2018. — С. 340.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 4. — С. 2-6.

Формирование судебными органами правовых позиций, правоположений судебной практики осуществляется как непосредственно в процессе судебной деятельности, так и в процессе обобщения самой судебной практики по конкретным делам, проблемным вопросам правоприменения.

По мнению В.И. Анишиной и Г.А. Гаджиева, «судебное нормотворчество реализуется в следующей конструкции: суд осуществляет правосудие по конкретным делам — применяет нормативные источники, оценивает их с точки зрения правовой бездефектности (конституционности, законности, соответствия международным нормам и правилам), выявляя дефект, использует различные процедуры преодоления (с обязательным учетом публичного интереса в дисквалификации ущербных норм) — разрешает дело — решение используется при аналогичных случаях»¹. Такая процедура свойственна деятельности высших судебных органов, а именно Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

В практической деятельности решения Конституционного Суда РФ служат основанием для внесения изменения в закон, и непосредственно применяются нижестоящими судами в случае признания отдельных положений закона не соответствующими Конституции РФ, до внесения изменения в нормативный правовой акт.

Практику судебного нормотворчества Конституционного Суда РФ можно проиллюстрировать на постановлениях по проверке конституционности ряда статей УПК РСФСР и УПК РФ, в которых сформулированы правовые позиции, обязательные для применения при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Правовые позиции Суда для удобства применения на практике, с использованием юридической техники, публикуются в законе под статьёй, которая признана неконституционной².

Данные постановления Суда обладают «материально-правовой силой закона и обязательны для применения судом в практической деятельности как судебные прецеденты Конституционного Суда РФ, следовательно, они имеют силу источника права»³.

Таким образом, можно отметить, что постановления Конституционного Суда РФ, содержащие правовые позиции, которыми преодолевается пробел в законе в случае признания закона (нормы права) неконституционным, или дано официальное толкование конституционным нормам, обладают характерными признаками прецедента, что позволяет ими руководствоваться в практических ситуациях для урегулирования общественных отношений.

По нашему мнению, именно судебная практика Конституционного Суда РФ в форме правовых позиций помогает правоприменителю разрешить правовой спор с помощью как нормативного акта, так и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Этот механизм признает М.Н. Марченко, отмечая, что «в период между принятием судом соответствующего вердикта о несоответствии отдельных положений нормативно-правового акта Конституции РФ и моментом внесения законодателем изменений в нормативно-правовой акт действует норма (нормы), содержащаяся в судебном вердикте»⁴. Следовательно, можно отметить, что сформулированная судебная норма регулирует спорные отношения и сохраняет свою силу до принятия новой нормы права законодателем.

С точки зрения современного понимания и деятельности судебного нормотворчества жизнь права возможна только в практической деятельности, в его корректировке, дополнении, а в необходимых случаях — в выработке правоположений, правовых позиций (судебных норм) именно со стороны высших судебных органов для создания единой, общеобязательной судебной практики, которая выступает живым источником, связующим звеном между нормативно-правовым актом и общественными отношениями, «обеспечивая тем самым правовую устойчивость и безопасность права в целом»⁵.

«Судебное нормотворчество побочная деятельность высшего судебного органа, она не постоянна, как законотворчество, а возникает тогда когда в процессе осуществления своих функций суд сталкивается с пробелом, дефектом в праве или законе, с неконституционным законом, с нормой правового акта, требующей её толкование, в этих случаях, для разрешения спора суд формулирует судебную норму, которая как разрешает спор, так и становится дополнительным регулятором общественных отношений, с характерными признаками прецедента. Именно в таких случаях включается механизм судебного нормотворчества как необходимый и неотъемлемый элемент правовой системы.

Судебные нормы хотя и обладают определенной нормативностью, но сравнивать их с нормами права (закона) не следует, поскольку они содержат нормативные правила к конкретному случаю, распространяются только на схожие случаи и время их действия ограничено, до принятия новой нормы закона. Такое понимание нормотворчества со стороны высших судебных органов ни в коей мере не нарушает принципа разделения властей, поскольку у каждой ветви власти есть свои, строго определенные,

¹ Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / под ред. В. В. Ершова. — М., 2006. — С. 262.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. — М.: НОРМА, 2000; УПК РФ. — Новосибирск, 2007.

³ Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. — 1998. — № 5. — С. 5—12.

⁴ Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. — М., 2007. — С. 485.

⁵ Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — С. 15.

функции нормотворчества. Законодательная власть изменяет, отменяет и принимает законы, исполнительная власть их исполняет, вырабатывает к ним подзаконные акты, нормативного характера, судебная власть применяет нормативно-правовые акты, создавая в необходимых случаях судебные нормы, выполняя функцию нормотворчества»¹.

Суд не может отказать в рассмотрении дела ввиду отсутствия закона, регламентирующего отношения сторон в возникшем споре, его неясности или противоречивости, поскольку это было бы равноценно отказу в правосудии. Поэтому «нормотворчество суда в таких случаях можно расценивать как публично необходимое. Осуществление судебной властью нормотворческой деятельности по вопросам её компетенции не выходит за рамки юрисдикционной функции и является вполне допустимой»².

Функция судебного нормотворчества высших судебных органов фактически реализуется в судебной деятельности, а поэтому отвергать её существование было бы крайне не верно, поскольку для механизма правового регулирования это один из способов урегулирования правовых споров применительно к национальной правовой системе. В России судебное нормотворчество пока не получило официального признания, но в силу практического значения создаваемых высшими судебными инстанциями общих норм прецедентного характера, все же неизбежно поднимается вопрос о его признании.

Вряд ли можно обойтись без официального нормативного регулирования данной проблемы. В.А. Терехин также считает, что «необходимо законодательно закрепить дозволение органов судебной власти на применение прецедентов высших судов. Такое решение будет способствовать обеспечению единства судебной практики, подлинной реализации принципа равенства перед законом и судом, повышению эффективности юридической защиты субъектов правоотношений»³.

В тех странах, где юридическая сила и нормативный характер судебных решений не только признаются, но и закрепляются в законодательном порядке, там создаются объективные и благоприятные условия для формирования теории и развития практики применения судебного прецедента и судебной практики, их правовых позиций.

Применительно к правовой системе России практическое существование судебного нормотворчества в настоящее время мало кем отрицается, но потребность практики требует его законодательного закрепления и выработки общей концепции судебного нормотворчества. Формы судебного нормотворчества в виде прецедента, судебной практики высших судебных органов, которые фактически выступают регулятором общественных отношений, преодолевают законодательные пробелы и способствуют реализации конституционного принципа судебной защиты.

Следует признать, что развитие правовой системы тесно связано с деятельностью судебных органов, которые придают жизнеспособность нормативным актам своими решениями, а в некоторых случаях дополняют и восполняют недостающие нормы права созданными в процессе этой деятельности судебскими нормами.

Судебное нормотворчество стало особой деятельностью высших судебных инстанций, позволяющей в современных условиях создавать судебские нормы, которые способны регулировать социально-правовые ситуации до принятия нормативного акта.

Данная деятельность высших судебных органов могла стать конституционным новшеством для российской правовой системы, получив закрепление в период внесения поправок в основной закон страны. Дополнение Конституции РФ статьей 127 «Судебное нормотворчество высших судебных органов» ликвидировало бы конституционный пробел и дало бы новый импульс в развитии судебного нормотворчества в национальной правовой системе.

Реализация данного предложения это обобщенный опыт научных и судебных доктрин как международного уровня, так и российского историко-правового развития данного феномена, позволившего выработать общие положения, применительно к национальной судебной системе о судебном нормотворчестве.

Отсутствие законодательного признания судебного нормотворчества позволяет отметить именно инновационное развитие данного явления в правовой системе посредством научно-обоснованной доктрины, развивающей идеи о судебном нормотворчестве высших судов, фактически создающих судебские нормы, содержащих новые правила, в случае преодоления пробелов в нормативных правовых актах, толкование и конкретизацию норм и принципов права.

---

¹ Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. С. 41.

² Воротынцева А.А., Колоколов Н.А., Павликов С.Г. и др. Право, закон, судебный прецедент в российской цивилизационной системе. — М., 2009. — С. 166, 329.

³ Терехин В. А. К вопросу о легализации судебной практики как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 3. — С. 142—143.

Давыдова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

Davydova Marina Leonidovna

doctor of law, professor, head of the department of constitutional and municipal law of Volgograd state university

E-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

Инновационные правотворческие технологии и проблемы их применения¹

Law-creating innovative technologies and their application problems²

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты концепции умного регулирования (smart regulation) как инновационного подхода к организации правотворческой деятельности и определению ее целей. Качество одного из средств умного регулирования исследуется понятие подталкивания (nudge), разработанное в рамках поведенческой экономики и используемое в практике правового регулирования многих современных государств.

Ключевые слова: умное регулирование, правотворчество, правовое воздействие, правовое регулирование, подталкивание.

Abstract. The article discusses the characteristic features of the concept of smart regulation as an innovative approach to organizing lawmaking and defining its goals. The concept of nudge is explored as one of the means of smart regulation. This concept was developed by behavioral economics and is used in the practice of legal regulation of many modern states.

Keywords: smart regulation, lawmaking, legal impact, legal regulation, nudge.

Совершенствование технологий правового регулирования, включая технологии правотворческой деятельности, в современных условиях может осуществляться в нескольких направлениях. Одно из них определено в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³ и предполагает в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» технологическое обновление традиционных процедур и механизмов юридической деятельности: «Планируется поэтапная автоматизация отдельных процессов нормотворчества и формирования правоприменительной практики, включая внедрение механизмов формирования и использования машиночитаемых норм и использования возможностей современных и перспективных технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, технологий распределенных реестров и других перспективных технологий». Движение в этом направлении невозможно без тесного взаимодействия правовой науки с исследованиями в области цифровых технологий.

Более того, вероятно, здесь стоит говорить о первичности технологической составляющей по отношению к правовой. Иллюстрацией такого соотношения является появление смарт-контрактов, фактически заменяющих собой юридический договор в его традиционном понимании. Если исходить из пред-

---

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России»

² The chapter was prepared with financial support of the Russian Fund for Fundamental Research. Grant of the RFFR 20-011-00583 А «Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): foreign experience and implementation prospects in modern Russia»

³ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержден президиумом Совета при президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.

ставления о смарт-контракте как «фрагменте кода, который хранится на блокчейн, активируется блокчейн транзакциями и который считывает и записывает данные в базу данных блокчейн¹», то использование языковых средств, а также классических средств юридической техники здесь не предполагается вообще.

Другое направление связано не с технологическим совершенствованием правотворческого процесса, а с его содержательным наполнением. Одним из наиболее актуальных современных подходов к этой проблеме является концепция умного регулирования (*smart regulation*), получившая большое развитие в западной юриспруденции и довольно активно обсуждаемая в отечественной литературе.

Распространенным пониманием умного регулирования являются *механизмы и институты, обеспечивающие качество обратных связей агентов нормотворчества и объектов регулирования*². Механизмами таких обратных связей принято считать общественные экспертизы, оценку регулирующего воздействия, оценку фактического воздействия и другие формы участия общественности в процессе создания и оценки нормативно-правового акта. Стоит признать, что названные инструменты чрезвычайно активно исследуются в настоящее время³ и привлекают внимание специалистов не только в контексте умного регулирования. Отлаженный механизм обратной связи в правотворчестве является центральной идеей не только рассматриваемой концепции, но и других, близких к ней подходов, таких как *less regulation* (меньшее регулирование) и *better regulation* (лучшее регулирование). Если обратиться к руководствам по лучшему регулированию, принятым правительствами Европейского Союза⁴, Великобритании⁵, Австралии⁶ и других передовых стран, можно сделать вывод, что сквозной темой через все эти документы проходит необходимость налаживания всех форм обратной связи в процессе создания и реализации правовой нормы, предварительная и последующая оценка качества этой нормы, позволяющая скорректировать ее действие, минимизировать административное бремя.

Кроме того, практика, к сожалению, показывает, что потенциал таких средств обратной связи в полной мере реализуется не всегда. При формальном подходе к организации оценки регулирующего воздействия, общественного обсуждения и других процедурно установленных форм обратной связи их результативность может быть крайне низкой. В условиях слабой социальной активности государства предпочитают провести минимально необходимые процедуры, не особо заботясь о том, насколько репрезентативны полученные отклики. Во многих государствах постсоветского пространства эффективность таких процедур колеблется от низкой до нулевой⁷. Из этого следует, что отождествляя умное регулирование с механизмами обратной связи, мы заведомо обедняем проблему, подменяя ее разговором об известных, но зачастую малоэффективных инструментах правотворчества.

Несколько иначе суть умного регулирования может быть представлена, если обратиться к тому значению, в котором термин «*smart*» используется применительно к приборам или техническим устройствам. Ученые выделяют два признака, позволяющие использовать это понятие:

- 1) экономное и эффективное использование ресурсов;
- 2) появление новых возможностей⁸.

В первом случае речь идет о том, что «умная» экономика, как правило, основана на энергосберегающих, чистых, «зеленых» (биологических) технологиях. Это позволяет минимизировать затраты, достигая цели наиболее эффективным путем. Второй признак предполагает, что «умные» приборы умеют больше, чем обычные устройства такого же назначения, например, способны подстраиваться под хозяина или под ситуацию («умная» машина сама паркуется, «умный» телевизор сам выбирает

¹ “A smart contract is a piece of code which is stored on an Blockchain, triggered by Blockchain transactions, and which reads and writes data in that Blockchain’s database” — Greenspan G. (2016) Beware of the Impossible Smart Contract, Blockchain news, 12 April, <https://www.the-blockchain.com/2016/04/12/beware-of-the-impossible-smart-contract>

² Купряшин Г.Л., Сарычева Н.Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3-19. С. 5.

³ Дидикин А.Б. Оценка регулирующего воздействия и нормотворчество: сб.ст. Екатеринбург, 2018; Лучшие практики применения оценки регулирующего воздействия в деятельности органов местного самоуправления. Справочное издание / Фонд СЭЦ Модернизация. Новосибирск, 2016; Теория и практика регуляторной политики в России: монография / под ред. А.Б.Дидикина. М.: Проспект, 2020.

⁴ Guiding principles for EU legislation https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/185626/bis-13-774-guiding-principles-for-eu-legislation.pdf Accessed 4 Feb 2020; Better regulation: guidelines and toolbox https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/planning-and-proposing-law/better-regulation-why-and-how/better-regulation-guidelines-and-toolbox_en Accessed 4 Feb 2020.

⁵ Better regulation framework. Guidance & August, 2018 <https://www.gov.uk/government/publications/better-regulation-framework> Accessed 4 Feb 2020.

⁶ Australian government guide to regulation <https://www.pmc.gov.au/resource-centre/regulation/australian-government-guide-regulation> Accessed 4 Feb 2020

⁷ Тургель И.Д., Панзабекова А.Ж. Оценка регулирующего воздействия в постсоветских странах: результаты, проблемы, перспективы. // Управление науки. 2018, № 8(2), с. 84-93. DOI: 10726794/2404-022X-2018-8-2-84-93

⁸ Карманов А.М. Смарт технологии как индикатор уровня и качества жизни населения // Экономика, статистика и информатика. 2014. № 6 (2). С. 425.

программу, «умное» лекарство само находит больную клетку, «умный» дом сам «ходит в магазин»). Эти технологии позволяют значительно сократить умственные и физические усилия людей, упрощают и улучшают жизнь.

В итоге при меньших затратах мы получаем больший результат. Создается эффект чуда, волшебства, когда полученный результат кажется невероятным для стороннего наблюдателя.

Аналогичная цель, как представляется, стоит и перед применением умных технологий в правотворчестве: достичь максимального регулятивного эффекта, минимизировав затраты. Именно на достижение этой цели направлены упоминавшиеся выше механизмы обратной связи, а также правовой эксперимент, открытость нормативной базы, повышение доступности действующих нормативно-правовых актов и их проектов, упрощение языка нормативных актов и другие рекомендации, встречающиеся в практических руководствах по умному регулированию.

Изучение программ умного регулирования, представленных на сайтах европейских государственных органов и политических партий¹, позволяет выделить следующие черты, характерные для рассматриваемой концепции.

1) *Умное регулирование включает в себя все достижения других концепций правового регулирования (less regulation, better regulation), но в отличие от них основной акцент переносит с процесса регулирования на его результат, стремясь достичь его наименее обременительным способом.* Большинство положений данной концепции не являются новыми, т.к. они постепенно разрабатывались начиная с 80-х гг. XX века в рамках других подходов, последовательно продолжающих друг друга:

— концепция меньшего регулирования (*less regulation*) предполагает определение оптимального уровня вмешательства государства в общественные отношения, чтобы упростить законодательство, избежать зарегулированности и уменьшить административное бремя. В основе этой концепции лежит понимание того, что «люди, чья жизнь не регулируется государством чрезмерно и которые могут сами определять свои законные цели, являются более творческими и продуктивными и живут в более продуктивных и творческих обществах»². Выстраивание механизмов обратной связи в процессе правотворчества как раз является наилучшим способом, чтобы понять, воспринимается ли проектируемый акт как необходимый или избыточный, услышать мнение предпринимательского сообщества и других адресатов о том, можно ли обойтись без его принятия;

— концепция лучшего регулирования (*better regulation*) сохраняет тренд на уменьшение излишнего государственного вмешательства. Помимо этого, предлагаются иные пути совершенствования норм: выбор правильных инструментов регулирования, ускорение законодательного процесса, упрощение и кодификация существующих текстов и другие средства, направленные на улучшение и упрощение регулятивной среды. «Цель состоит в том, чтобы упростить конкретные правила и сделать базовые условия регулирования ЕС гибкими, чтобы учитывать ежедневные бизнес процессы. Крайне важно, чтобы конкретные меры по упрощению проводились в тех областях, которые бизнес считает наиболее важными. Чтобы идентифицировать эти области, предпринимателям усилятся для непосредственного вовлечения конечных пользователей и учета их потребностей»³.

— умное регулирование (*smart regulation*) представляет собой следующий уровень погружения в проблему. По определению Европейской комиссии «Умное регулирование — это не про большее или меньшее регулирование, это про достижение результата наименее обременительным способом»⁴. Перенос акцента с процесса регулирования на результат, стремление понять, что именно мешает его получению, выбор средств, которые способны точно воздействовать на проблему — это вопросы, решаемые концепцией умного регулирования. Рассматривая оценку регулирующего воздействия и различные формы общественных консультаций как главное средство совершенствования регулирования, мы заботимся о процедуре создания акта, перераспределяем ответственность за поиск решения проблемы, но не даем конкретных рекомендаций о том, какие именно инструменты и технологии можно использовать для ее решения. Для умного регулирования именно максимально эффективное решение проблемы выступает основной целью.

2) *Умное регулирование требует экономии регулятивных средств (вмешиваться только там, где это необходимо, и настолько, насколько необходимо).*

¹ Smart Regulation in the EU. Danish Business Authority. <https://danishbusinessauthority.dk/smart-regulation-eu> Accessed 4 Feb 2020; 'Smart Regulation' — Towards smarter regulation and cutting red tape in the EU. // EPP Policy Paper <https://www.epp.eu/files/uploads/2015/11/Smart-Regulation.pdf> Accessed 4 Feb 2020; Stakeholder Consultation on Smart Regulation, issued by European Commission in April 2010 // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation> Accessed 4 Feb 2020

² Doering, D. Less and Better Regulation Means Better Life // (Not So) Smart Regulation: 4liberty.eu Review No. 10, 2019, P.7. http://4liberty.eu/wp-content/uploads/2019/04/4liberty.eu-Review-No.-10_spread.pdf

³ Smart Regulation in the EU. Danish Business Authority. <https://danishbusinessauthority.dk/smart-regulation-eu>. Accessed 4 Feb 2020

⁴ Stakeholder Consultation on Smart Regulation, issued by European Commission in April 2010 // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation> Accessed 4 Feb 2020

Принцип экономии средств заключается в том, чтобы отдавать предпочтение наименее решительным мерам, что вполне согласуется с названными выше характеристиками понятия «смарт». Речь идет далеко не только о материальной экономии. Чем активнее осуществляется регулирование, тем больше тратится на него человеческих, организационных, информационных, репутационных ресурсов. Даже продуманные и полезные для общества меры нуждаются в том, чтобы преодолеть общественную инерцию, убедить людей в необходимости перемен, разработать и предложить им рациональный механизм реализации новых правил. Значительно затратнее оказываются попытки внедрения в жизнь поспешных, избыточных, ошибочных норм, для реализации которых нужна гораздо более масштабная система контроля и ответственности. Любые неудачи регулятивной политики снижают авторитет законодателя и уровень доверия к нему со стороны общества, что, в конечном итоге, осложняет реализацию будущих регулятивных решений.

3) *Умное регулирование не опирается на собственные силы, осуществляя воздействие на разных уровнях, привлекая в качестве суррогатных регуляторов любых субъектов, чье участие может обеспечить достижение цели.*

Принцип привлечения «суррогатных регуляторов» дает возможность достигать больших результатов при меньших затратах за счет того, что регулирование осуществляется не только государством, но и вторыми (саморегулирование) и третьими (коммерческие и некоммерческие организации) лицами¹. Активно используя механизмы саморегулирования (self-regulation) и совместного регулирования (co-regulation), государство берет на себя роль катализатора и посредника, включаясь в процесс регулирования лишь там, где необходимо заполнить пробелы или наладить связи между участниками. Вместо прямого вмешательства государство предпочитает создавать условия для субъектов, способных взять на себя значительную долю регулирующего бремени. «Это уменьшает утечку скудных нормативных ресурсов и обеспечивает более широкое участие в вопросах регулирования тех, кто непосредственно связан с отраслью и широким сообществом»².

В тех случаях, когда необходимо государственное вмешательство, умное регулирование требует совершенствования не конкретного акта, а всей системы регулирования, выявления всех возможных центров принятия решения (местных, региональных, национальных, наднациональных) и включения их в механизм устранения проблемы. Для достижения конкретной цели наиболее эффективным может оказаться принятие закона или подзаконного акта, регулирование на федеральном или региональном уровне, активное воздействие или, наоборот, отказ от вмешательства и т.п. Необходимо масштабное видение проблемы, чтобы регулятивная стратегия строилась с учетом всех возможных уровней ее решения. «Целостный взгляд на регулирование имеет решающее значение для выявления ненужных актов, но также и для определения областей, в которых консолидация [усилий] позволит достичь синергетического эффекта»³.

4) *Умное регулирование не полагается на разум регулятора, требуя планомерного и системного взаимодействия всех участников регулирования в процессе совершенствования нормы.*

Важными требованиями являются в этой связи: отслеживание полного жизненного цикла акта, общая ответственность органов разного уровня за результат, ключевая роль мнения тех, кого затрагивает регулирование⁴. Работа над нормативным актом охватывает процесс его подготовки и реализации, включая внесение изменений, т.е. корректировку акта в процессе его действия. На всех этапах ключевое значение имеет получение и анализ той оценки, которую этому акту дают исполнители, адресаты его предписаний. В этих условиях создание качественной правовой нормы становится результатом совместных планомерных усилий правотворческого органа и общества, которые таким образом улучшают регулирование.

5) *Умное регулирование использует комплекс разнообразных средств, включая такие, которые традиционно не считаются собственно правовыми.*

Теоретики умного регулирования Нил Ганнингем (Neil Gunningham) и Даррен Синклер (Darren Sinclair) выделяют следующие категории регулятивных инструментов:

- командно-контрольное регулирование (стандарты, определяющие технологические процессы и качество полученного результата);
- экономические инструменты (установление общих правил, стимулы, ответственность);
- саморегулирование (в том числе, отраслевое);

¹ Gunningham, N., & Sinclair, D. (2017). Smart regulation. In P. Drahoš (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and applications* (pp. 133-148). Canberra, Australia: The Australian National University. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>

² Gunningham, N., & Sinclair, D. (2017). Smart regulation. In P. Drahoš (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and applications* (pp. 133-148). Canberra, Australia: The Australian National University. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>

³ 'Smart Regulation' — Towards smarter regulation and cutting red tape in the EU. // EPP Policy Paper <https://www.epp.eu/files/uploads/2015/11/Smart-Regulation.pdf> Accessed 4 Feb 2020

⁴ Stakeholder Consultation on Smart Regulation, issued by European Commission in April 2010 // European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation> Accessed 4 Feb 2020

— свободный выбор (правила, предполагающие добровольное соблюдение);
— информационные стратегии (образование и обучение; экологическая отчетность; свобода информации; активное публичное раскрытие информации; кадастры загрязнения; сертификация продукции)¹.

Если в начале списка перечисляются более традиционные для правового регулирования инструменты, то в конце перечня располагаются средства, вообще не подразумевающие регулирования в общепринятом понимании. Средства эти, однако, могут быть очень эффективными. Так, стоит признать, что транспарентность сама по себе способна принципиально повысить эффективность действия правовых норм. Ричард Талер (Richard Thaler), об исследованиях которого речь пойдет ниже, пишет по этому поводу: «В действительности требование раскрытия информации в базе данных по выбросам токсичных веществ, возможно, самая успешная мера во всем экологическом законодательстве»². Информационная открытость задействует «механизмы неформального социального контроля»³, которые часто оказываются гораздо действеннее формальных.

При этом действует принцип сочетания нескольких инструментов, означающий, что правильно подобранная комбинация средств может существенно повысить эффективность их действия, тем самым открывая новые возможности, в то время как использование несочетаемых инструментов обычно контрпродуктивно.

К примеру, эффективность рекомендательных правовых норм традиционно оценивается как достаточно низкая. В советской юридической доктрине (положения которой во многом унаследованы современной российской юриспруденцией) возможность государственного принуждения является важнейшим признаком права и основным средством, обеспечивающим его действие⁴. Соответственно, норма, не имеющая в своей структуре негативной санкции, вообще не рассматривается многими исследователями как полноценная правовая норма⁵.

Действительно, с помощью одних только рекомендательных норм невозможно добиться заметных результатов в случае, когда государство хочет побудить к соблюдению обременительных правил, установить полезные для общества, но трудновыполнимые или невыгодные для бизнеса стандарты (снизить уровень выбросов, установить дополнительные гарантии работникам, повысить выплаты и т.п.). Некоторое количество организаций, вероятно, будет соблюдать их, руководствуясь альтруистическими соображениями или заботясь о своей репутации. Но большинство предпочтет проигнорировать, зная, что наказания за это не последует. В то же время, если минимально необходимые требования закрепить с помощью императивных норм, а посредством рекомендательных установить более высокие дополнительные стандарты, то получится одновременно воздействовать на «несознательные» организации с помощью санкций, а «сознательные» ориентировать на добровольное соблюдение повышенных стандартов. Говоря об эффективности такой комбинации средств («свободный выбор + командно-контрольное регулирование»), Н. Ганнингем и Д. Синклер приводят пример успешной программы 33/50 по снижению уровня выбросов токсичных химических веществ, реализованной в США⁶.

В качестве примера контрпродуктивного комплекса регулятивных средств они называют комбинацию «командно-контрольное регулирование + экономические инструменты»⁷. С этим легко согласиться, если представить подобное сочетание на примере. Так, если в случае невыполнения требований эффективного контракта преподавателю грозит увольнение, а в случае выполнения — незначительная прибавка к зарплате, то используемые средства явно дублируют друг друга. Смысла в экономическом стимулировании нет, т.к. люди в любом случае будут стремиться к выполнению требований, чтобы не потерять работу. Таким же бессмысленным, с точки зрения регулятивной логики, было одновременное закрепление в советском законодательстве права на труд и обязанности трудиться.

Следует отметить, что дело здесь не только и не столько в сочетаемости средств самих по себе. Смысл правильно подобранной комбинации в том, что несколько регулятивных инструментов должны использоваться не для установления одного и того же варианта поведения, а для того, чтобы предло-

¹ Gunningham, Neil and Sinclair, Darren 2017. Smart Regulation. In book: Regulatory Theory. Foundations and applications. Ed. by Peter Drahos, Canberra, Australia. P. 133-148. DOI: 10.22459/RT.02.2017.08 <http://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n2304/pdf/ch08.pdf>

² Талер, Р.; Санстейн, К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье; пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербаков]. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press)

³ Gunningham N, Sinclair D. Smart regulation. In Drahos P, editor, Regulatory Theory: Foundations and applications. Canberra, Australia: The Australian National University. 2017. p. 133-148 <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>

⁴ Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — Саратов: СГАП, 2001. С. 75.

⁵ Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 242.

⁶ Aora, Seema and Cason, Timothy N 1995. 'An Experiment in Voluntary Regulation: Participation in EPA's 33/50 Program' *Journal of Environmental Economics and Management* 28: 271-286

⁷ Gunningham, Neil and Sinclair, Darren 2017. Smart Regulation. In book: Regulatory Theory. Foundations and applications. Ed. by Peter Drahos, Canberra, Australia. P. 142.

жить последовательно связанную вариативность действий (например, увольнение в случае невыполнения квалификационных требований и доплата в случае превышения установленных показателей).

Сама по себе идея сочетания различных регулятивных инструментов, конечно, не нова. Так, в начале 80-х гг. XX века С. С. Алексеев писал: «Комбинированные приемы регулирования с весьма сложным сочетанием позитивных обязываний, дозволений и запретов применяются для опосредования отношений в области хозяйства. Здесь нередко возложение строгой обязанности совершить те или иные действия соединяется с предоставлением в общедозволительном порядке субъективных прав, открывающих простор для действия материальных и духовных стимулов (дополнительное вознаграждение, премии, нематериальное поощрение)»¹. Важно, однако, не ограничиваться отдельными идеями о комбинировании тех или иных средств, а вести системный поиск оптимальных их сочетаний.

б) Умное регулирование опирается на эксперимент и необходимость постоянной апробации различных комбинаций регулятивных средств в поиске наиболее эффективного их сочетания.

Полученный опыт в обязательном порядке должен обобщаться и исследоваться, чтобы, результаты проведенных экспериментов могли получить оценку, а наиболее успешные из них — дальнейшее развитие. Примером такой работы могут служить серии докладов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), посвященные лучшим регулятивным практикам в европейских странах², рабочие документы по регулятивной политике в странах ОЭСР³ и др.

Доклад ОЭСР 2019 года⁴, обобщая опыт проведенных экспериментов, формулирует рекомендации по разработке наиболее эффективной политики, в том числе:

- инвестировать время и ресурсы в определение проблем политики,
- поощрять межнациональные и межкультурные эксперименты,
- результаты должны масштабироваться и переводиться на язык, который является практичным и актуальным для политиков.

Российский законодатель в последнее время также обратился к правовому эксперименту как методу регулирования, приняв закон об экспериментальных правовых режимах⁵, однако, оценить его эффективность пока сложно ввиду отсутствия практики применения.

Акцент на эксперимент как способ апробации регулятивных средств важен потому, что подобрать универсальные комбинации может быть крайне сложно. Каждая регулятивная задача требует оценки доступного набора инструментов и их сочетаемости друг с другом.

При этом сочетание средств должно быть таким, чтобы не навязывать определенный вариант поведения, а обеспечивать вариативность действий. Эта вариативность:

- должна быть разумной, логичной, последовательно связанной,
- должна строиться на возможности свободного выбора участников, имеющих исчерпывающую информацию о преимуществах и недостатках каждого варианта поведения.

Последнее условие (свободный выбор) заслуживает здесь отдельного рассмотрения.

Проблеме выбора в современной научной литературе уделяется значительное внимание. Поведенческие науки, начиная с 80-х гг. XX века⁶, обращаются к вопросу о факторах, обуславливающих выбор, который в различных обстоятельствах делает человек.

Исследования способов восприятия информации показывают, что люди далеко не всегда способны мыслить рационально и принимать решения, наиболее выгодные для себя. Различают две системы человеческого мышления: автоматическую (отвечающую за быстрые реакции, основанные на чувствах и инстинктах) и рефлексивную (ответственную за рассуждения и обдумывание решения). Большинство ошибок человек совершает под влиянием автоматической системы, которая, включаясь раньше, просто блокирует рефлексивную.

В 2015 году в докладе Всемирного банка выделено три принципа, объясняющих, как люди принимают решения⁷. Согласно этим принципам, люди мыслят:

- автоматически (большинство решение принимается не сознательно, поэтому даже небольшие изменения в архитектуре выбора могут иметь значительный эффект)
- социально (то, как люди думают и поступают часто зависит от того, как думают и поступают окружающие)
- с помощью ментальных моделей (ориентируясь на культурные стереотипы и пр.)

¹ Алексеев С.А. Общая теория права. — 2-е изд. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — 576 с. — С. 274.

² Better Regulation in Europe (Book Series), OECD, <https://doi.org/10.1787/20790368>

³ OECD Regulatory Policy Working Papers (Book Series), OECD, <https://doi.org/10.1787/24140996>

⁴ OECD (2019) Delivering Better Policies Through Behavioural Insights: New Approaches OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/6c9291e2-en>

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // Российская газета № 173(8227) от 06.08.2020.

⁶ Tversky A., Kahneman D. Prospect theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. — 1979. — Т. 47, N 2. — P. 263-291.

⁷ OECD (2017) Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en>. Accessed 4 Feb 2020

Доклад ОЭСР 2019 года об использовании поведенческих методов для обеспечения лучшего регулирования обозначает эту же проблему следующим образом: «У нас ограниченная способность уделять внимание всем аспектам жизни, наш выбор определяется нашим контекстом, нам часто трудно понять сложный мир вокруг нас, и у нас не хватает силы воли, чтобы придерживаться принятых решений в течение длительного времени»¹.

Разрабатываемый поведенческой экономикой метод воздействия на человека с целью помочь ему самостоятельно сделать правильный выбор получил в науке название «подталкивание»² (nudge, nudging). В списке используемых им инструментов можно выделить такие, которые призваны дать подсказку автоматической системе мышления (установление определенного варианта по умолчанию, упрощение, использование социальных норм, раскрытие информации), и те, что направлены на включение рефлексивной системы (предупреждения, напоминания, выявление намерений, информирование людей о характере и последствиях прошлого выбора).

Концепция «либертарианского патернализма», разработанная Ричардом Талером и Кассом Санстейном, предполагает, что государство должно создать условия для свободного выбора, избегая использования прямых запретов и стимулов, но при этом подталкивая граждан к наиболее рациональным или социально-значимым вариантам поведения³. Рассылка с напоминанием о сроках представления налоговой декларации или сервис, позволяющий быстро заплатить штраф с помощью смс, не навязывают никаких решений, но существенно повышают вероятность того, что участники правоотношений вовремя выполнят свои обязательства.

Первоначально эти разработки привлекали внимание преимущественно экономистов⁴. Однако в настоящее время их потенциал в правовом регулировании также общепризнан. К примеру, в опубликованном в 2017 году докладе ОЭСР представлен опыт 60 государственных органов из 23 стран и двух международных организаций по применению поведенческих идей. В докладе собраны 112 примеров применения подталкивания в различных сферах правового регулирования⁵.

Значительная популярность поведенческих методов не снимает дискуссионных вопросов, касающихся их природы и пределов возможного использования законодателем.

Так, заслуживает внимания взаимосвязь рассматриваемых мер и собственно правового регулирования. Подталкивание часто предполагает использование не только и не столько средств правового регулирования, но более широкого арсенала инструментов правового воздействия. Так, отсылка к репутации, общественному мнению, возможности донести до сообщества информацию о не/соблюдении правовых норм, безусловно, связана с воспитательным воздействием права, не используя напрямую его регулятивные механизмы. Например, информирование неплательщиков о том, что все соседи уже оплатили коммунальные услуги, или рассылка информации о том, насколько другие домохозяйства преуспели в экономии электроэнергии, направлены на поддержание определенных стандартов поведения в сознании людей, но не на прямое регулирование их действий. Вполне вероятно, развитие умного регулирования предполагает не только расширение круга используемых регулятивных средств, но в перспективе и изменение устоявшегося соотношения между правовым регулированием и иными формами правового воздействия.

Справедливости ради стоит признать, что принципиальных противоречий с догматическими положениями теории права здесь нет. Воплощая поведенческие идеи, законодатель продолжает использовать традиционные способы регулирования: запрет, дозволение и обязывание. Например, нормативно устанавливая обязательный размер шрифта и наглядный способ представления информации об условиях кредитного договора⁶, он не использует подталкивание напрямую, а с помощью обязывающих норм добивается использования его кредитными организациями.

Однако сфера правового регулирования, круг вопросов, представляющих для законодателя интерес, неизбежно расширяется.

Известна классификация отношений по их связи с правом, проведенная В. В. Лазаревым: «В реальной жизни мыслимы и существуют отношения, которые а) не могут быть урегулированы и не урегулиро-

¹ OECD (2019) *Delivering Better Policies Through Behavioural Insights: New Approaches* OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/6c9291e2-en> Accessed 14 Oct 2020

² Жилина И.Ю. Ричард Талер и история поведенческой экономики (обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2018. С. 7-19.

³ Талер, Р.; Санстейн, К. *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье*; пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербаков]. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press)

⁴ Антипов Г.А. Поведенческая экономика: методологический нарратив // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. Ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 2. С. 76-85; Воронов Ю.П. К реальному человеку. Долгий путь экономической теории (о Нобелевской премии по экономике 2017 г.) // Мир новой экономики. 2018. № 12 (2). С. 36-45; Симочкин Д.И. Объединяя экономику и психологию: теоретические и практические аспекты (Нобелевская премия по экономике 2017) // Мир новой экономики. 2018. № 12 (2). С. 98-109.

⁵ OECD (2017) *Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World*. OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264270480-en>. Accessed 4 Feb 2020

⁶ См. ст. 6, 6.1 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»

ваны законом, б) не могут быть урегулированы, но тем не менее урегулированы, в) могут быть урегулированы, но не должны и не урегулированы, г) могут, урегулированы, хотя и не должны быть урегулированы, д) могут, должны и урегулированы, е) могут, должны, но не урегулированы. В сферу правового регулирования входят лишь две последние их разновидности»¹.

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что, помимо последних двух групп, в сферу правового регулирования постепенно включаются отношения, которые, согласно традиционным представлениям, *могут, но не должны* быть урегулированы (группы «в» и «г»).

Так, данные, приводимые в Докладе ОЭСР «Поведенческие идеи и организации: формирование культуры безопасности» касаются возможности использования поведенческих методов для регулятивного воздействия на организации, т.к. процесс принятия индивидуальных и коллективных решений во многих ситуациях остается в основном одним и тем же, а, значит, можно изменять поведение организаций посредством отдельных лиц внутри них². Необходимо учитывать, в частности, фундаментальные различия в восприятии одних и тех же проблем различными сотрудниками организации. К примеру, исследование показало, что культура безопасности рядовых сотрудников гораздо ниже, чем у представителей среднего и высшего руководства, а значит, нужно адаптировать адресуемые им требования с учетом фундаментальных различий в восприятии.

С одной стороны, собственно правового в этой информации мало. То, каким образом руководство организации обеспечит соблюдение правил ее сотрудниками, является внутренним вопросом и должно входить в предмет исследования управленческих наук, а не юриспруденции. Однако, если речь, например, идет о соблюдении правил безопасности на атомной электростанции, значимость вопроса возрастает настолько, что он вполне заслуживает включения в сферу правового регулирования. В этой связи установление в качестве общеобязательных таких требований, которые могут повысить эффективность действия правил с учетом особенностей восприятия информации рядовыми сотрудниками организации, выглядит вполне разумно.

Другая проблема связана с соотношением подталкивания и манипуляции³. Если с помощью поведенческих методов могут достигаться общественно полезные цели, то что мешает использовать их в интересах государства и в ущерб интересам общества и личности? Р. Талер и К. Санстейн называют в качестве таких препятствий обратную связь и информацию, считая, что государству необходимо запретить избирать политику, которую оно неспособно или не готово публично отстаивать перед своими гражданами⁴. Сами авторы при этом отмечают: «Люди сомневаются в компетентности и благосклонности чиновников. Опасаются, что представители власти в первую очередь преследуют свои интересы или конкретные меркантильные цели небольшой группы. Мы разделяем это беспокойство. Более того, в случае с государством реальна и иногда даже велика вероятность ошибок, предвзятости и перегибов»⁵. Дело, однако, состоит в том, что, если поведенческие методы существуют и демонстрируют свою эффективность, то государство будет их использовать независимо от того, каково будет отношение к ним научного сообщества. Более тонкие механизмы воздействия на поведение людей приводят к повышению эффективности правовых норм, но одновременно повышают угрозу недобросовестного влияния. Поэтому задача теоретиков состоит не только в том, чтобы определить природу рассматриваемых средств регулирования, но и обосновать разумные правила и ограничения в их использовании. Вот те из них, которые могут быть сформулированы на основе существующих исследований проблемы:

— недопустимо использование подталкивания в политической сфере, в частности, в избирательном праве, в вопросах свободы слова и свободы вероисповедания,

— политика государства, в том числе, выбор используемых им средств регулирования, должны быть открытыми и публичными,

— поведенческие методы предполагают сохранение свободы выбора, в том числе, отсутствие материальных и правовых стимулов.

Именно такое регулирование, которое не использует человеческие слабости, не навязывает людям тот или иной вариант поведения, а помогает им сделать самостоятельный разумный выбор, заслуживает называться «умным» регулированием.

¹ Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 64-71.

² OECD (2020) Behavioural Insights and Organisations: Fostering Safety Culture, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/e6ef217d-en> Accessed 14 Oct 2020

³ Wilkinson TM (2013) Nudging and manipulation. Political Studies. Vol. 61. Issue 2. P. 341—355. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00974.x>

⁴ Талер, Р.; Санстейн, К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье; пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербаков]. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press)

⁵ Там же.

Захарцев Сергей Иванович

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета

Zakhartsev Sergey Ivanovich

doctor of law, associate professor, head of the department of advocacy and organization of law enforcement of the Russian state social university

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Сальников Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность»

Salnikov Viktor Petrovich

doctor of legal sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, honored worker of higher professional education of the Russian Federation, editor-in-chief of the journal "Legal science: history and the present"

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Комплексная теория как инновационный подход к познанию права

Comprehend theory as an approach to the knowledge of law

Аннотация. Предпринята инновационная попытка уяснения сущности права, рассмотрения его онтологии и гносеологии, отражения различных философских проблем. Формулируется вывод о праве как о противоречивом социальном явлении. Обосновывается новая теория комплексного (всеохватывающего) изучения права.

Ключевые слова: философия, философия права, право, доктрина комплексного (всеохватывающего) подхода к праву, теория государства и права.

Annotation. An innovative attempt was made to clarify the essence of law, consider its ontology and gnoseology, and reflect various philosophical problems.. The conclusion is formulated about law as a contradictory social event. Theory of comprehend (universal) theory that learns the law is based.

Key words: philosophy, law philosophy, law, the doctrine of a comprehensive approach to law, state and law theory.

Мы продолжаем познание права и хотим поделиться результатами наших инновационных исследований. Вопрос: «Что есть право?» — всегда интересовал человека. Философы и иные ученые с Античности и до наших дней изучали право, сравнивали его с другими социальными явлениями, законом, государством. На основе трудов этих исследователей образовалось несколько правовых теорий, наиболее известными из которых являются юснатуралистическая, позитивистская, божественная, историческая, социологическая, договорная, психологическая и ряд других.

Однако удивительно другое. При гениальных достижениях человечества в технических и гуманитарных науках, вопрос о том, что такое право, по-прежнему открыт. Было сформулировано несколько определений права, предложены различные подходы к его познанию. Однако за тысячелетия существования человека единого и утраивающего всех подхода разработано не было.

Означает ли данный факт то, что право невозможно постичь? Мы — авторы этих строк, — верим в силу знаний и исходим из того, что любое социальное явление принципиально познаваемо. В познании права, как нам кажется, вопрос в другом.

Мы уже писали о том, что право с точки зрения познания напоминает нам бриллиант. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань права как и камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же феномена. Так сегодня происходит и с познанием права. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало. Однако их и не так много, как граней бриллианта. Эта наше сравнение права с бриллиантом разлетелось по всему миру.

Исследования позволили нам высказать, с нашей точки зрения, инновационное предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные многочисленные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно *сейчас* о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему — нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой **компрехендный подход** (от латинского *Comprehendo* — всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим, нам представляется инновационным¹.

Компрехендную теорию права мы сформулировали в 2014-2015 годах. За указанное время эта теория стала известной не только в России, но и за рубежом². Положительные рецензии на наши книги, отражающие названную теорию, написали Д.А. Керимов, С.В. Степашин, С.А. Комаров, Э.В. Кузнецов, В.М. Баранов, И.Ф. Покровский, Ф.М. Раянов, Ф.Х. Галиев, А.Г. Хабибулин, А.И. Экимов и другие специалисты.³ Благодарим их за поддержку и хотим еще раз вернуться к основным моментам компрехендной теории права.

¹ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С 77-96; Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26; Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. — М.: Юрлитинформ, 2020. — С. 221-247; Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. — М.: Юрлитинформ, 2019. — С. 302-326.

² Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. — 270 p.; Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права — новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. — 2016. — № 2/5(207). — С. 183-188; Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права — новая теория познания правовой реальности // Таджикистан и современный мир. — 2016. — №4(54). — С. 91-103.

³ Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» — М.: Юрлитинформ, 2015. — 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78-85; Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. — М.: Норма, 2014. — 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 2. 184-190; Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». — М.: Юрлитинформ, 2015. — 264 с. // Юридическая наука: история и современность. — 2015. — № 9. — С. 196-200; Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. — М.: Норма, 2014. — 208 с. // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203-209; Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. 2018. Т. 2. № 52. С. 206-208; Баранов В.М. Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 1. — С. 304-307, Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия

Мы убеждены, что познание права, как и любого другого явления нужно начинать с философии. Именно философия позволяет «подняться» над проблемой, оценить ее в историческом аспекте, в динамике, с учетом развития научных знаний о мире и бытии. Думается, что в философском плане значительное количество правовых исследований, хотя и имеющих глобальные цели, фактически представляют собой работу у подножия пирамиды. И наивно полагать, что «дистанцию огромного размера» мы преодолеем быстро. Причем подчас вместо подъема к знаниям работа ведется «по кругу». Например, более столетия назад Н.М. Коркунов подвел убедительный итог попыткам создания так называемой энциклопедии права. Он, в частности, написал: «Создать из энциклопедии науку наук, которая была бы вместе с тем и самостоятельной, особой наукой и обнимала бы собой содержание всех отдельных наук, оказалось невозможным».¹ Вместе с тем, спустя столетие, к названной идее предлагают вернуться заново.

Другой характерный пример. В настоящее время встречаются попытки объединить в интегральную теорию права теории естественного и позитивного права. Но ведь право — не только эти две теории. Значит, конструкция в таком виде обречена на провал. Трудно согласиться и с другими подходами при характеристике интегративной концепции, не случайно сегодня по этому поводу ведутся острые дискуссии². Философски подняться над проблемой и оценить, что объединение только указанных или еще нескольких теорий будет совершенно не полным — получается не у всех.

Философских оценок требует современное отношение юридической науки к праву. Так, в настоящее время отчетливо наблюдается, что о феномене «право» многие специалисты стали писать «возвышенно хорошо». Дескать, все, что связано с истинным правом — это справедливо и честно. А вот что несправедливо, тоталитарно, недемократично (хотя и содержится в правовых нормах) — это уже не право. Отсюда стали расхожими выражения — неправовой закон, антиправовая власть, антиправовые отношения и т.д. То есть, право, особенно в последнее время, стало идеализироваться.

Такой подход стал настолько распространенным в студенческой среде, что преподаватели ряда отраслевых дисциплин сетуют, что в вузах, в которых студентам внушается мысль о различии и противоречиях права и закона, крайне затруднительно приохотить будущих правоведов изучать кодексы и другой законодательный материал, так как многие студенты убеждены, что почти все это не является правом.³

Важно понять, что если будем смотреть на феномен права «через розовые очки» мы не приблизимся к пониманию права и его сущности. Следует признать, что если правовые нормы реформаторских законов приводят к массовому обнищанию населения, ущемлению потребностей в образовании и здравоохранении — то это правовой произвол. Произвол! Но именно правовой. Вместе с тем, применяемое популярное словосочетание «неправовой закон» выгораживает само право, как бы все объясняет и всех устраивает. При таких обстоятельствах право становится святыней, идолом, на который все молятся и не допускают критики. Мол: право — это по определению хорошо, честно, чисто, свободно от дурных примесей. О том же: право — это свобода, справедливость, равенство и ни как иначе. Например, В.С. Нерсисянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей.⁴

Но такое понимание права односторонне, не критично и не объективно. Некритичность познания какого-либо явления противоречит самой сути философии. Для философии права указанное положение таит в себе большую опасность. Некритичный подход доводит понимание какого-либо явления до гипертрофированных форм. Это неизбежно приводит к извращенному пониманию явления, сущности, кон-

---

права и компаративная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. — 2016. — № 6. — С. 177-179; Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 5. — С. 168-172; Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 11. — С. 193-197; Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. — Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. // Юридическая наука: история и современность. — 2018. — № 9. — С. 191-194; Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. — 2020. — № 1. — С. 193-208; и др.

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Переизд. СПб. 2004. С. 33-34.

² Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 2. — С. 20-29; Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 2. — С. 30-38; Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компаративной теории права // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 2. — С. 39-47; Сидоренко А.И., Ибрагимов Ю.Э., Залоило М.В. Интегративное понимание права // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 3. — С. 43-58.

³ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. С. 312.

⁴ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

цепции. Последующая критика, которая рано или поздно прорывается, подчас уничтожает не только сформированные подходы к изучаемому явлению, но и дискредитирует само явление, связанные с ним концепции и идеи.

Предпринимаемые ныне попытки отгородить право от критики, думается, обречены. Даже если исходить из божественного происхождения права, то молиться будут Богу, а не праву. Что и естественно. Противопоставлять Бога праву либо дополнять Бога правом нелепо и бессмысленно.

Опять же, если попытаться как-то идеализировать право, создать такое право, к которому должны все стремиться, то его все равно не верно сводить до формы свободы, равенства и справедливости. Право значительно многогранней и неоднозначней, чем указанные выше категории. Причем ведь даже точно определить указанные философские категории — сложнейший философский вопрос.

Право — это важное и необходимое явление общественной жизни. Но такими же по значимости являются и другие явления — культура, экономика и др. Возможна ли, например, идеальная справедливость в экономике, если, примитивно, один хочет подороже продать, а другой — подешевле купить? Возможна ли идеальная справедливость в правовом споре лиц при разделе имущества — справедливость у каждого своя. Возможна ли однозначная оценка произведений культуры (скажем, «Черного квадрата» Малевича), будет ли она полностью справедлива? При этом никто не пишет о неэкономной экономике, некультурной культуре и т.д.

Здесь следует сказать, что мы не отождествляем право и закон. Однако считаем в корне неверным эти понятия противопоставлять. Причем противопоставлять односторонне, выгораживая право как явление от критики. Хочется спросить, почему пишут «неправовой закон», а не, например, «неправовое право»? Для чего обелять правовые нормы? Тем более, бывает так, что нормы, кажущиеся нам на сегодняшний день правовыми и во всех смыслах справедливыми, через исторический отрезок уже правовыми не кажутся. Например, реформы в России, проведенные в 1990-х годах и оформленные соответствующими правовыми нормами, первоначально казались именно правовыми, либеральными. Однако по прошествии уже небольшого количества времени они привели к значительным негативным последствиям: развалу государства, сепаратизму в России, национализму, обнищанию значительной части населения, вооруженным конфликтам и др. Неоднозначность результатов проведенных реформ признало и руководство страны. Сейчас очевидно, что нормы права, устанавливавшие ход указанных реформ, едва ли можно отнести к правовым (в том смысле, который закладывается отдельными учеными-идеалистами).

Но есть и обратные примеры. Приказ маршала Г.К. Жукова о защите Ленинграда любой ценой по своей жестокости казалось бы вряд ли уместается в правовые рамки. Однако ход истории объективно продемонстрировал высшую справедливость такого решения, правоту и правильность, то есть именно правовой характер. Сейчас всем очевидно, что если бы не удержали Ленинград, то количество убитых было бы в разы больше и вопрос победы над фашизмом оставался бы открытым. Надо сказать, что в истории человечества накопилось немало именно правовых норм, содержащих тем не менее насилие и жестокость.

Кроме того, надо учитывать, что один и тот же закон на разных этапах общественного бытия может быть как правовым, так и неправым. Более того, одно и то же действие (например — спекуляция) может быть как уголовно-наказуемым деянием, так и позитивной, эффективной экономической деятельностью.

Таким образом, концепция правовых и неправовых законов не может стать ориентиром для государственных органов и должностных лиц, применяющих право. Данная концепция представляет собой некую умозрительную конструкцию, которая не может быть реализована при применении права. Здесь, на данном этапе в очередной раз ярко высвечивается вопрос именно научной, диалектической проверки идей и конструкций.

Глубокое исследование проблемы «правовых-неправовых» законов проведено О.Э. Лейстом. По его справедливому мнению, серьезным препятствием на пути становления содержательных философских направлений изучения права в последние годы стала концепция, которая еще недавно называлась ее сторонниками «историко-материалистическая концепция различия и соотношения права и закона», а теперь переименована им в «либертарную». Закону, принятому государством, эта концепция противопоставляет право, сущность которого усматривается в свободе, равенстве и справедливости. На этом основано понятие «неправовой закон» — не соответствующий представлениям о свободе, равенстве и справедливости. Исходя из такой концепции в многовековой истории человечества вообще трудно найти «правовые законы». Если считать право воплощением свободы, равенства, справедливости, то история права начинается только с XVII-XVIII вв., а все предыдущее право (Законы Хаммурапи, Законы Ману, римское рабовладельческое право, все право Средних веков, в России — Русская правда, все Судебники и Уложения и т.п.) не должно считаться правом. Получается, что «либертарная концепция» как бы упрядила большую часть истории права. Отдавая должное теоретической смелости и последовательности основателя этой концепции В.С. Нерсисянца, отметим, что параллельно он упразднил и большую часть истории государства. Государство, по его мнению, конституируется только на основе «правовых

законов», а все остальное, что до сих пор в истории считалось государством, было различными видами деспотизма, принципиально отличающимися от государства.

Но дальше — больше. Как продолжил О.Э. Лейст свою мысль, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения сторонников критикуемой концепции начисто выпало противоположное соотношение — хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения — ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники различия права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения.¹

С приведенными рассуждениями мы полностью согласны.

Таким образом, право не следует идеализировать. Оно представляет собой явление общественной жизни, человеческой жизни и отражает процессы, происходящие с людьми. Говоря о естественных правах человека (право на жизнь, свободу совести, перемещения, вероисповедания и т.д.) никто не будет спорить с тем, что все эти права появляются у человека после рождения, но ни как не до рождения. То есть право неразрывно связано с живым человеком, родившимся и тем самым появившимся в общественной жизни. Соответственно, нельзя отделять право от человека и общества. Право — не облако, витающее где-то вне людей. А поскольку право неразрывно связано с человеком и обществом, про него не следует говорить как о чем-то сверхъестественном, возвышенном. Оно просто отражает и общество в целом, и конкретных людей — их достоинства и их пороки.

Для нас была и остается загадкой, почему именно право подвержено такой идеализации среди правоведов (в основном теоретиков права). Экономисту, культуру, политику специалисты в этих областях оценивают более взвешенно и объективно, без иллюзий.

Возможно, сам феномен права содержит в себе постоянное стремление человека к доброте, честности, справедливости. Или может быть идеал из права создают ученые, несколько оторванные от конкретных правовых реалий, застопоренности многих правовых механизмов, волокиты в спорах, несправедливости, нечестности, подлых уловок, подкупа или давления на суд и т.д.? Заметим, что эти качества были и есть у права всегда, на протяжении всей истории. Они многократно описаны в литературе, исторических работах, да и самими юристами.

Надо жить в реалиях. Нами был проведен социологический опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?»

Ответ сильно озадачил. 86 процентов опрошенных ответили, что право — это запрет, либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5 процентов — затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения.²

Надо сказать, что нами ранее опрашивалось две тысячи москвичей. Цифры были очень схожи. В частности, тогда для 83 % опрошенных право ассоциировалось с запретом и наказанием.³

Что же получается? Ученые пишут о мериле свободы, равенства и справедливости, а у людей, простых граждан, населения, т.е. общества оно главным образом ассоциируется с запретом и наказанием? И почему запрет и наказание в праве более значимы для людей, чем обязательные установленные правила или узаконенный порядок осуществления каких-либо действий?

Конечно, желательно провести подобный опрос с максимальным учетом всех параметров опрашиваемых: возраста, образования, социального положения и пр. Разбивку ответов желательно тоже делать по социальным группам. Это, конечно, даст возможность установить более точные результаты общественного мнения, нежели случайная выборка пяти тысяч москвичей.

Мы открываем нашим последователям широкий пласт научной работы. Особенно интересно провести такой опрос в наиболее развитых европейских странах и сравнить с полученными в России данными. Мы не исключаем, что в Западной Европе результаты могут быть другие. Но могут быть и примерно такие же, так как, по нашим наблюдениям, там развиты не только законопослушание, но и законобоязнь.

С одной стороны хорошо, что право ассоциируется у россиян с запретом и наказанием, но не насилием и жестокостью. Однако, с другой стороны, запрет и наказание — не позитивная реакция человека. Они не радуют и как правило не вызывают положительных эмоций. Значит логично предположить, что

¹ Лейст О.Э. Сущность права... С. 307-310.

² Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука. М., 2019. С. 112.

³ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2014. С. 50.

право позитивных эмоций у большинства людей не вызывает. А говоря точнее, вызывает негативные. При этом даже если допустить, что при опросе конкретных слоев населения будут несколько иные результаты, то все равно 86 процентов ассоциирующих право с запретом и наказанием — это очень много.

Чем опасны запрет и наказание? В них не ищут спасения и защиты.

Право как и любой феномен можно оценить через прошлое, настоящее и будущее. Если с прошлым правом более-менее понятно, то настоящее право напоминает философский вопрос: наполовину налитый стакан полупустой или полуполный? Будущее права достаточно туманно, так как нельзя сказать, что ученые в настоящее время однозначно и точно представляют себе, каким оно должно быть.

В предлагаемых современных концепциях (естественных, либертарных, интегральных, других) присутствует много идеализма. Однако человечеству пока не удалось и в ближайшем будущем, несомненно, не удастся создать идеального общества, хотя бы общества абсолютно справедливого. Вне идеального общества модели идеализированного права в полном объеме не реализуемы, они будут преломляться в самых разных направлениях, возможно входящих и до антиправовых. Примеры того, когда светлые идеи превращаются в беззаконие и террор всем известны.

Надо учитывать и зависимость права от внешних факторов, например, от экономики. По Ф. Энгельсу право практически полностью зависит от экономики. Право зависит от экономики по позитивизму. Право частично, но тоже зависит от экономики по юснатурилизму. Даже если признавать право некой данностью, главенствующей и правящей в мире, без сильной экономики многие естественные права человека станут ничего не содержащими и не имеющими практического смысла лозунгами (право на достойную жизнь, право на уважение, право на защищенную старость и др.). То есть право как минимум частично, в некоторой степени зависимо от экономики.¹ Этот вывод важен, ибо в таком случае надо объективно признать, что право не может быть полностью справедливым, хотя может постоянно к этому стремиться². Ведь экономика справедливой быть не может. И если право хотя бы частично зависит от экономики, то оно как минимум иногда по определению несправедливо.

Многие современные специалисты, познавая право, отталкиваются от какой-либо устраивающей их концепции происхождения права. Однако мы бы предложили вначале оценивать сущность и содержание права. Это процесс весьма интересен.

Ведь право — это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право — это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человеческой.

Право — это и конкретные законы издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право — это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества³.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время — допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

---

¹ Захарцев С.И. Экономика и право: проблемы соотношения // Правовое поле современной экономики. 2012. № 8. С. 49-54.

² Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. — СПб.: Фонд «Университет», 2012. — 176 с.; Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. — СПб.: Фонд «Университет», 2017. — 324 с. (Серия: «Наука и общество»); Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX — начала XXI веков // Мир политики и социологии. — 2016. — № 8. — С. 181-189; Исмагилов Р.Ф. Сальников В.П. Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 8. — С. 168-172.

³ Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. — 2015. — № 9. — С. 17-22; Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. — 2016. — № 3(93). — С. 179-183; Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. — 2016. — № 3. — С. 24-25; Захарцев С.И., Сальников В.П. Отрицательное или негативно-развратное право // Юридическая наука: история и современность. — 2018. — № 3. — С. 185-189; Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте комплексной теории // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 10. — С. 31-34.

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), и абсолютных общечеловеческих ценностей¹, но в то же время трудно с точки зрения отношения к указанным деяниям и отношения к иным ценностям².

Право в ряде случаев формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что право — это несомненно сложное диалектическое многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать правовые нормы (таких примеров много).

Таким образом, право — есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод является инновационным и лежит в основе формирования и формулирования нами теории *комплексного изучения права*.

Нас не вполне устраивают распространенные в наше время определения права, поскольку они, хотя и раскрывают черты права, но, во-первых, достаточно односторонни, а во-вторых, как уже отмечалось, рассматривают право идеалистично и не объективно.

Если право само по себе сложное и противоречивое социальное явление, то соответственно эти противоречия пропитано и правовое бытие. Противоречивость правового бытия проявляется в принятии правовых законов в той же сфере экономики, которые практически всегда улучшают положение одних и тем не менее ухудшают положение других. Причем подчеркнем — принятии именно правовых законов.

Или правоприменительная практика. Сейчас в мировую моду вошел так называемый состязательный процесс. Он считается наиболее демократичным, обеспечивающим равенство сторон и т.д. В ходе такого процесса стороны нередко предоставляют суду противоположные и взаимоисключающие сведения о предмете спора. Сие означает, что как минимум одна из сторон откровенно врет. В результате суд выносит решение. И указанное действие считается правовым! При этом решения суда зависят от хитрости сторон, изворотливости адвокатов, красноречия и т.д. Как все понимаем, решения суда отнюдь не всегда правильны. А право в данных случаях, — что парадоксально! — по сути выступает регулятором вранья, провокатором и стимулятором лжи, а вовсе не установления истины и справедливости. Некоторые процессуалисты (мы их поддерживаем) считают, что и в состязательном процессе суд должен устанавливать именно объективную истину. Но это, увы, не меняет сущности права, которое своими нормами фактически регламентирует ложь (или возможность лжи) как минимум одной из сторон в суде!

Здесь любопытно привести высказывание директора Института философии РАН академика А.А. Гусейнова о его соприкосновении с правом. Он пишет: «Как директору института мне пришлось пару раз иметь дело с судом. У меня осталось самое тяжелое ощущение от всего этого. Рассматривая реальную ежедневную жизнь института, могу сказать: на 95, может быть, на 99 процентов все отношения в институте, его позитивная деятельность основаны на обычае, устоявшихся стереотипах поведения, устных договоренностях, здравом смысле — словом, на вещах, которые, если вынести их в суд, то они сразу же могут быть поставлены под сомнение». А.А. Гусейнов также справедливо пишет о том, что насыщая российское общество юристами, мы нарушили историческую, характерную для нашего общества меру соотношения права и закона со справедливостью, нравственностью и обычаем.³

Нам кажется, что юристам — ученым и практикам — надо быть ближе к философии, основываться на ней, и в силу этого больше сомневаться, смотреть на правовые явления критично. Шаг в этом направлении станет началом движения от наблюдаемого мифического правового идеализма в сторону правового реализма, комплексного изучения права⁴.

¹ Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // *Юридическая мысль*. — 2014. — № 4(84). — С. 70-86.

² Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // *Юридическая наука: история и современность*. — 2013. — № 10. — С. 11-32; Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // *Мир политики и социологии*. — 2013. — № 10. — С. 170-191.

³ Гусейнов А.А. У философов и юристов много общих тем // *Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики* / Под ред. В.В. Миронова и Ю.Н. Солониной. М., 2010. С. 14.

⁴ Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через комплексный подход с помощью афоризмов // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. — 2020. — № 1(5). — С. 5-12; Захарцев С.И., Сальников В.П. Лев Толстой еще об одной грани комплексной теории познания права // *Мир политики и социологии*. — 2019. — № 6. — С. 168-177; Захарцев С.И., Сальников В.П. Право как ремесло или новая грань права в контексте комплексной теории // *Юридическая наука: история и современность*. — 2019. — № 5. — С. 162-166; Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается комплексный подход // *Российский журнал правовых исследований*. — 2017. — № 1(10). — С. 77-87; Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория познания права // *Мониторинг правоприменения*. — 2019. — № 4. — С. 4-13.

Сейчас, наверное, не существует ни одной области общественных отношений, которые в той или иной степени не были урегулированы правом. Нормы права по своему отражают и характеризуют экологию, культуру, политику, историю, интеллект, образ мысли, отношение к человеку и т.д.

При таких обстоятельствах, право — есть одна из форм отражения бытия. А поскольку право не мыслимо без человеческого бытия — то это форма отражения общественного бытия, призванная регулировать возникающие общественные отношения.

Комплексная и системная оценка права через источники права позволяет добиться, как нам кажется, большей объективности и честности его познания.

Правовое бытие диалектично, а соответственно содержит внутренние противоречия. Наиболее ярко это проявляется в пределах правового регулирования общественных отношений. С одной стороны, общество стремится к максимальному урегулированию общественных отношений правом. Буквально так, чтобы на любую жизненную ситуацию, во-первых, была соответствующая правовая норма, а во-вторых, чтобы эта норма не была противоречивой, однозначно понималась и применялась. Движение в эту сторону видят и ощущают все. Правовой массив заметно увеличивается. За последнее время ушло в небытие понимание юриста как человека, если не знающего, то хотя бы ориентирующегося во всех законах. Потребовалась более узкая специализация на специалистов области уголовного, гражданского и административного права. Однако и там рост правового массива объективно обусловил необходимость еще более узких дифференциаций специальностей. Так, из гражданского права «выпестовались» специалисты по земельному, семейному, трудовому праву и т.д. Однако дальнейший рост законов и подзаконных нормативно-правовых актов продолжается, требуя еще более «узких» специалистов. Например, в настоящее время очень ценны юристы — специалисты по такой небольшой части административного права как правилам дорожного движения. Правила дорожного движения, их применение, разбор дорожно-транспортных происшествий имеет тысячи правовых нюансов. И такие нюансы значимы для людей: для определения их вины, меры ответственности и даже свободы.

Но, с другой стороны, для любого общества желательно, чтобы законы были известны, просты и понятны всем. Сейчас даже юристу не всегда под силу разобраться с множеством тонкостей современной правовой системы государства. В итоге большинство людей, как это ни парадоксально, перед нормами права достаточно беззащитны. Указанный вывод подтверждает бесчисленное множество примеров, когда образованные люди, имеющие при этом богатый жизненный опыт, легко оказывались обманутыми не только мошенниками, но и государственными чиновниками (теми же инспекторами ГИБДД), ловкими юристами.

В правовом бытии получился очередной парадокс и внутреннее противоречие. Общество и люди с одной стороны заинтересованы в том, чтобы все было четко регламентировано правом, а с другой стороны уже не могут «переварить» имеющийся правовой массив. При этом право, увы, в силу объективных причин может действовать против человека и общества. Если еще недавно, фраза: «Невозможно сделать шаг, что-нибудь при этом не нарушив!», — воспринималась с юмором, то сейчас в ней слышится все больше трагизма. Причем в данном случае все — как обычные горожане, так и государственные чиновники, — находятся в принципе в одинаковых условиях. Государственные чиновники, служба которых регламентирована комплексом инструкций и приказов, также легко могут стать субъектами как административной, так и уголовной ответственности. Под стать сказанному русская народная поговорка: «Был бы человек, а статья найдется».

Таким образом, право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями.

Изложенное позволяет «крупными мазками» сформулировать теорию *комплексного изучения права*. Первоначально надо сказать, что актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода идеализации права. Указанная теория, по нашему замыслу, должна выполнить роль частной теории в философии права.

Объектом теории выступают объективно существующие общественные отношения, регулируемые правом. Предметом теории комплексного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории комплексного изучения права включает также:

1. Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы).
2. Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)
3. Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы начали статью с того, что бриллиант получился из алмаза тогда, когда обосновали необходимость его 57 граней. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется при-

мерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время.

Кстати, констатируем, что в последнее время в правовой среде появились интересные правовые концепции. Например, В.М. Шафиров обосновывает особый статус Конституции в познании и понимании права. Он пишет, что Конституция не является видом закона, она не может быть одновременно правом и давать название отдельной отрасли права. То есть, по мысли автора, Конституция имеет надотраслевой характер.¹ Ю.П. Боруленков стремится развить идеи постмодернистов, в частности Х.-Г. Гадамера, и пытается обосновать методологический статус герменевтики в юридическом познании.² Ф.Х. Галиев предлагает подходить к пониманию права и правовой реальности с позиций синкретизма современной правовой культуры³. Мы специально отходим от критики этих новых концепций. Они, разумеется, не бесспорны. Но эти концепции важны тем, что заостряют внимание на новых гранях права, что собственно очень ценно для компрехендной теории познания права.

Здесь надо вновь подчеркнуть, что компрехендное познание права предполагает не упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко «грешат» многие ученые. И при этом не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять «лучшее» из отдельных правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что — «худшее». Кроме того, познание права, не оценивая его негативные черты, является не полным, а значит и не объективным. Речь идет и не об объединении разных правовых концепций.

Смысл предложенного инновационного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., — тем скорее мы придем к познанию права. Такой инновационный подход к познанию права праву кажется нам наиболее перспективным.

---

¹ Шафиров В.М. Конституция. Отраслевое право. Правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2-4.

² Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 189-199; Он же: Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / Под ред. В.Н. Карташова. М., 2014.

³ Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. — Уфа: БашГУ, 2011. — 354 с.; Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. — 2016. — № 7. — С. 182-190; Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. — 2013. — № 4(34). — С. 36-73; Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. — 2013. — Том 18. — № 4. — С. 1352-1356.

Иванов Пётр Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Чувашской Республики, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, заслуженный профессор Академии управления МВД России

Ivanov Peter Ivanovich

doctor of legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honored lawyer of the Chuvash Republic, chief researcher division for the study problems of industrial management research centre of the Academy of management of MIA of Russia, emeritus professor of the Academy of management of MIA of Russia

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Шитов Артём Сергеевич

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

Shitov Artem Sergeevich

adjunct of the faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel of the Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru

К вопросу об инновационном праве

On the issue of innovation law

Аннотация. В научной статье на основе анализа законодательства и мнений ученых-правоведов авторы высказывают собственную позицию по вопросам существования в системе отраслей российского права новой подотрасли предпринимательского права — инновационного права. В работе приводятся обоснования: наличие совокупности специфических его признаков, предмета и метода.

Ключевые слова: инновация, нововведение, инновационная деятельность, инновационное право, инновационные правоотношения, новая подотрасль, предпринимательское право.

Annotation. In the scientific article, based on the analysis of legislation and the opinions of legal scholars, the authors Express their own position on the existence of a new sub-branch of business law in the system of branches of Russian law — innovation law. The paper provides justification: the presence of a set of specific features, subject and method.

Keywords: innovation, innovative activity, innovative law, innovative legal relations, new sub-sector, business law.

В условиях правового государства наиболее значимые для дальнейшего развития предпринимательства в сфере инновационной деятельности общественные отношения (преимущественно имущественные) не могут оставаться неурегулированными нормами, в частности, инновационного права.

В настоящее время много высказано исследователями и специалистами в экономической и юридической литературе о понятии «инновационное право» и о его месте в системе отраслей российского права.

Забегая вперед, отметим, что подавляющее большинство из них «инновационное право» видят как подотрасль предпринимательского права, так как достаточно много черт (признаков) их сближающих.

Как известно, любая отрасль права, если она достойно считается ею, должна иметь свой предмет и метод¹. В этом плане Т.В. Ефимцева смогла доказать в своей докторской диссертации, что «инновационное право» обладает всеми признаками относительно самостоятельной подотрасли предпринимательского права².

Ядром предмета анализируемого права выступают инновационные правоотношения³. Сама инновационная деятельность служит как бы побудителем инновационных правоотношений, складывающихся в сфере предпринимательства. К сожалению, такая деятельность на сегодняшний день в России находится на стадии ее становления и остро нуждается в законодательном регулировании и постоянном ее совершенствовании. При этом преимущественно приходится ориентироваться на опыт зарубежных стран.

Динамические процессы, происходящие в правовой системе породили глубокие изменения, прежде всего, в сфере общественных отношений, последние постоянно усложняются. А это обстоятельство потребовало их упорядочения посредством применения правовых норм, причем новых (инновационных), отвечающих реалиям рыночной экономики.

Исследователи справедливо подчеркивают необходимость обеспечения интеграции такого рода норм в ныне существующую систему правового регулирования. Одновременно они утверждают о том, что инновационная деятельность стала новой сферой правового регулирования.

Такая деятельность, будучи, прежде всего, экономической категорией, продуцирует все новые и новые общественные отношения, ибо неизмеримо в условиях рыночной экономики возросла роль и значение инноваций (нововведений)⁴.

Заметим, что в ряде законодательных актов приводится определение понятия «инновация». Так, например, в ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»⁵ содержится такое определение. Под «инновациями» законодатель понимает введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услугу) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

Исходя из приведенного определения, а также анализа изученной нами экономической и юридической литературы, хотим перечислить несколько атрибутивных признаков понятия «инновации»:

- конечный результат творческого процесса;
- новый метод удовлетворения общественных потребностей;
- экономическая выгода, прибыль;
- получение и использование новых знаний;
- степень новизны;
- экономическая эффективность;
- достижение иного полезного, социального эффекта.

С учетом сказанного мы видим новизну самой инновационной деятельности. Ее возможности хотим рассмотреть через призму интересов правоохранительной деятельности, подчеркнув при этом, что *во-первых*, такая деятельность, на наш взгляд, предполагается как эффективное на сегодня средство, например, в предупреждении экономических и коррупционных преступлений в инновационной сфере деятельности. *Во-вторых*, открывает новые возможности в использовании информационной технологии. *В-третьих*, неслучайно снижает издержки (затраты) при решении задач, стоящих перед правоохранительными органами. *В-четвертых*, повышает эффективность предупреждения и раскрытия новых видов преступлений, особенно совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

В связи затронутым нами вопросом мы не можем не сослаться на высказывания профессора В.М. Баранова, который, на наш взгляд, лаконично и четко сформулировал значимость правовых инноваций в сфере инновационной юридической деятельности и одновременно сказал о том, что «в полицейском юридическом вузе, прежде всего, имеется репутационный капитал, который складывается из пре-

¹ Под методом «инновационного права» следует понимать совокупность приемов и способов воздействия норм «инновационного права» на общественные отношения, складывающиеся в инновационной сфере деятельности. См. об этом: Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2014. — С. 13.

² Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2014. — С. 60-144.

³ Нами под «инновационными правоотношениями» понимаются общественные отношения, урегулированные нормами «инновационного права».

⁴ Существует точка зрения, согласно которой «инновацией» может быть любое нововведение. См. об этом: Менеджмент: учебное пособие для студентов вузов / под общ. ред. Ж.В. Прокофьевой. М.: Знание, 2000. — 286 с.

⁵ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

стижности профессии и востребованности выпускников. Настоящий полицейский вуз по природе своей является инновационной средой, где поощряются любые новаторские усилия»¹.

Как показывает практика деятельности правоохранительных органов, внедрение инноваций сопровождается большими финансовыми расходами, которые несет, как правило, государство. Криминальные структуры всячески стремятся завладеть ими. Не случайно процессы выделения, распределения и освоения выделенных денежных средств находится под оперативно-розыскным контролем, чтобы своевременно пресечь устремления криминально-активных лиц.

Инновационная деятельность, ее правовое регулирование по большому счету стремятся иметь на сегодня единый методологический подход к оценке социальных и экономических процессов и выработать на этой основе перспективные направления оптимизации инновационной правовой базы. Как нам представляется, научную общественность на сегодня больше всего беспокоит отсутствие целостной системы нормативных правовых актов и, прежде всего, законодательных. На наш взгляд, во многом по этой причине все чаще сталкиваемся с их несогласованностью. Надо признать, что имеет место перегруженность норм инновационного законодательства нормами иных отраслей права (гражданского, административного, налогового, финансового), что, естественно, воспринимается на этом фоне не как относительно самостоятельная отрасль права. К тому же в ныне действующий механизм правового регулирования она трудно вписывается в «чистом» виде. Разумеется, научная общественность высказывает свое недовольство таким положением дел. Эта проблема на сегодняшний день стоит особняком.

Нормотворческая деятельность в сфере инноваций, само законодательство, безусловно, не стоят на одном месте. «Инновационное право» при всех имеющихся сложностях и трудностях стремится занять в рыночной экономике и в системе отраслей права свое достойное место. Отрадно, что на сегодняшний день уже определены концептуальные его основы².

Мы полагаем, что становление и развитие «инновационного права» создает предпосылку в контексте обеспечения охраны собственности и защиты экономических интересов предпринимателей от преступных посягательств для ускоренной научной проработки вопроса объективной востребованности **оперативно-розыскного права** как смежной отрасли права.

В общем массиве зарегистрированных экономических и коррупционных преступлений значительную долю занимают эти деяния, которые совершены в сфере предпринимательства, в том числе в инновационной сфере деятельности. Сами схемы (способы) преступного посягательства, как правило, глубоко завуалированы. Они легко вписываются в те лазейки, которые в указанных сферах законодательно урегулированы неоднозначно. Это обстоятельство умело используют и сегодня криминальные структуры. «Инновационное право» как подотрасль предпринимательского права в комплексе пытается прощупать эти лазейки с тем, чтобы затем их «залатать».

Говоря об «инновационном праве», мы должны иметь в виду, что его предметом выступает совокупность отношений, возникающих, прежде всего, по ведению инновационной деятельности. В связи с сказанным мы считаем необходимым вкратце пояснить, что из себя представляет названный вид деятельности. Уяснив это, немного легче глубже познать сам предмет «инновационного права».

Итак, остановимся на краткой характеристике инновационной деятельности³.

Среди специалистов в области экономической теории пока что нет единого мнения, что касается понятия «инновационной деятельности» и ее содержания⁴. Существуют различные точки зрения. Приведем некоторые из них. Одни авторы под «инновационной деятельностью» понимают комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования. Другие же полагают, что «инновационная деятельность» может быть определена как деятельность по созданию, освоению, распространению и использованию инноваций. Отсюда нетрудно заметить, что указанный вид деятельности исследователями рассматривается как в узком, так и в широком смысле слова. В последнем случае наиболее удачным, на наш взгляд, представляется определение понятия «инновационная деятельность», в котором она рассматривается как деятельность, направленная на использование и коммерциализацию результатов научных исследований и разработок для расширения и обновления номенклатуры и улучшение

¹ Баранов В.М. Юридическая инноватика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 21. — С. 7.

² Концептуальная основа предполагает подкрепление научно-обоснованными предложениями и рекомендациями «инновационное законодательство» и «инновационное право», разработанными на основе глубоких научных исследований. При этом методологию составляют закономерности, принципы и методы.

³ «Инновационная деятельность» нуждается в надлежащей ее организации путем упорядочения действий, осуществляемых с целью достижения «инновационного результата» путем нормативно-правового их регулирования. При этом важно учитывать характерные ее особенности, а именно: большой динамизм, обусловленный необходимостью реализации все новых и новых инноваций; отсутствие строго пропорциональной зависимости между затратами труда и достигаемыми результатами; наконец, высокий уровень риска достижения целей.

⁴ Основными компонентами содержания «инновационной деятельности» являются: инновация (нововведение); инновационное законодательство; субъекты и объекты такой деятельности; ее функции и задачи; нормы инновационного права; совокупность факторов.

ния качества выпускаемой продукции (товаров, услуг), совершенствования технологии их изготовления с последующим внедрением и эффективной реализацией на внутреннем и зарубежных рынках, предполагающая целый комплекс научных, технических, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, которые в своей совокупности приводят к инновациям. Из данного определения вытекает несколько видов инноваций, а именно:

- технические (производство продукции с новыми свойствами);
- технологические (предполагает применение более совершенных способов);
- организационно-управленческие (оптимальная организация процесса производства, сбыта и снабжения);
- информационные (связаны с рациональной организацией информационных потоков);
- наконец, социальные (предполагают улучшение условий труда).

Следует отметить, что инновационная деятельность тесно связана с научно-техническим прогрессом, поскольку по своей сущности она опосредует научную и производственную сферы общественной деятельности, что также предполагает интеграцию научной деятельности и материального производства, реализацию технико-экономических потребностей государства посредством использования научной продукции¹.

Результатом инновационной деятельности выступают новые товары и услуги, имеющие иное качество. Рассматриваемый вид деятельности предполагает финансирование. Для этого создаются венчурные фонды.

Как известно, указанную деятельность регулируют нормы «инновационного права». В связи со сказанным Д.А. Пашкова, изучая понятие «инновации», пишет: «Инновации являются движущей силой развития общества. Однако правовое обеспечение инновационной деятельности в России характеризуется бессистемностью и отсутствием единого понятийного аппарата»².

С учетом этого мы предприняли попытку проанализировать современное состояние теории «инновационного права» и обобщить его результаты.

Изучение и анализ различных источников, посвященных вопросам места и роли «инновационного права» в системе права, позволило выделить несколько ныне существующих позиций авторов. Одна из них — «инновационное право» — это относительно самостоятельная отрасль права. Сторонники другой позиции наоборот отстаивают концепцию, где «инновационное право» представлено как комплексная отрасль права. Есть и третья позиция, которая может быть представлена в виде «инновационное право — это институт гражданского права». Из-за ограниченности объема настоящей статьи нам не представляется возможным привести доводы и основания, которые послужили для их выделения.

По данному вопросу существует еще одна точка зрения, которую выдвинула и последовательно, на наш взгляд, аргументировала Т.В. Ефимцева. В частности, она утверждает, что ««инновационное право» — это совокупность правовых норм, регулирующих посредством сочетания приоритетных частно-правовых начал совместно со вспомогательными публично-правовыми началами общественные отношения, складывающиеся в инновационной сфере деятельности и нуждающиеся в силу своих особенностей в специальном правовом регулировании»³.

Приведенное определение импонирует нам вот по каким признакам:

- а) это новая концепция, укладывающаяся реалиям сегодняшнего дня;
- б) оно теоретически обоснованное и аргументированное;
- в) инновационное право является подотраслью предпринимательского права — комплексной отрасли российского права;
- г) предметному признаку (единством регулируемых общественных отношений);
- е) механизм правового регулирования инновационных отношений; наконец, комплексный характер предмета «инновационного права». Это означает в свою очередь комплексность его метода, который представляет собой совокупность следующих способов правового регулирования: *позитивное предписание (обязывание), юридический запрет, дозволение, убеждение, поощрение, рекомендация, понуждение, принуждение, подчинение*.

Таким образом, «инновационное право» относительно новая подотрасль предпринимательского права, обладающая для этого всеми признаками. Ее нормы регулируют общественные отношения, складывающиеся в инновационной сфере деятельности. Отсюда можно утверждать о том, что «инновационному праву» соответствует инновационное законодательство.

¹ Пашкова Д.А. К вопросу о понятии «инновация» в российском праве // Вопросы экономики и права. — 2017. — № 6 (108). — С. 7.

² Пашкова Д.А. К вопросу о понятии «инновация» в российском праве // Вопросы экономики и права. — 2017. — № 6 (108). — С. 8-9.

³ Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2014. — С. 282.

Карташов Владимир Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Kartashov Vladimir Nikolaevich

doctor of law, professor, head of the department of theory and history of state and law of the P.G. Demidov Yaroslavl state university

E-mail: kartazov@uniyar.ac

**Преступная деятельность
(краткий очерк инновационного исследования)**

Criminal activity (brief outline of innovative research)

Аннотация. В истории науки уголовного права существуют различные её направления (школы), которые рассматривают отечественные авторы. К сожалению, современный период развития российского уголовного права ни в научной, ни в учебной литературе никак не обозначен. В статье сделана попытка исправить указанный пробел. Новое направление я называю деятельностью, которое позволяет исследовать преступление, как особую разновидность человеческой деятельности со всеми вытекающими отсюда последствиями познания теоретического, практического и дидактического характера.

Ключевые слова: преступление, преступная деятельность, криминальная техника и тактика, стратегия и ресурсообеспеченность.

Annotation. In the history of the science of criminal law, there are various directions (schools) that are considered by domestic authors. Unfortunately, the current period of development of Russian criminal law is not indicated in the scientific or educational literature. The article attempts to correct this gap. I call the new direction activity-based, which allows us to study crime as a special kind of human activity with all the consequences of knowledge of a theoretical, practical and didactic nature.

Keywords: crime, criminal activity, criminal technique and tactics, strategy and resource availability.

---

*В России ведь воров не счесть,
Воруют землю, газ и нефть.
Министры, депутаты, их клиенты
И слух идёт, что даже президенты...*

Введение. Криминалисты¹ выделяют несколько школ (направлений развития уголовного права²). Просветительно-гуманистическое направление возникло в XVIII в., в рамках которого были обоснованы положения о неотвратимости уголовной ответственности, соразмерности наказания совершённого преступлению, экономии репрессий и др.

Классическая школа появилась во второй половине XVIII в. Были обоснованы положения о наказуемости не намерений, а преступлений человека, справедливости наказания, недопустимости призна-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01095.

² Данный термин условно объединяет учёных-юристов, изучающих уголовное право, криминалистику, криминологию, уголовный процесс и другие смежные дисциплины.

² См.: Решетников Ф.М. Уголовное право у Буржуазных стран. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. Вып. 1. М., 1965; Он же. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. Вып. 2. М., 1966; Он же. Современные буржуазные уголовно-правовые теории. Вып. 3. М., 1967; Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998; Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для академического бакалавриата. М., 2017; Наумов А.В. Российское уголовное право. Т.1. Общая часть. М., 2011. С.721-743; Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.

ния деяния преступным, если за его совершение не предусмотрено наказание, выделены формы вины в виде умысла и неосторожности.

Антропологическая школа права появилась в конце XIX в., основоположником которого принято считать Ч. Ломброзо, который обосновал идею о биологической природе преступления, о врожденной предрасположенности к преступному деянию.

Социологическая школа в уголовном праве объясняла причину преступности и преступных деяний человека природными (климатом, погодой и пр.), социальными (обнищанием населения, безработицей и пр.) и личностными (наследственностью, психическими особенностями человека и пр.) факторами.

После Великой Октябрьской социалистической революции до настоящего времени криминалисты в основном использовали отдельные положения, выработанные гуманистическим направлением и классической школой уголовного права. В целом же преобладало *догматическое* направление, которое сводилось к «выявлению» политической воли и комментариям действующего уголовного законодательства.

Статистические данные показывают, что требуются новые подходы к борьбе с преступностью, которая существенно дестабилизирует развитие различных сфер жизнедеятельности гражданского общества. Так, в 2010 г. зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений, в 2011 г. — 2400,8 тыс. преступлений, в 2012 г. — 2302,2 тыс. преступлений, в 2013 — 2206,2 тыс. преступлений, в 2014 г. — 2166,4 тыс. преступлений, в 2015 г. — 2352,1 тыс. преступлений, в 2016 г. — 2160 тыс. преступлений, в 2017 г. — 2058,5 тыс. преступлений, в 2018 г. — 1991,5 тыс. преступлений, в 2019 г. зарегистрировано 2024,3 тыс. преступлений¹.

Новым направлением в развитии современного российского уголовного права я бы назвал *деятельностным* (*полиструктурным, социально-психологическим и технологическим*).

Деятельностный подход с неизбежностью требует рассматривать любое преступление как особую разновидность человеческой деятельности, что позволяет по-новому, шире и глубже взглянуть на ее природу в целом, отдельные признаки, элементы содержания и формы, внешнюю и внутреннюю (психическую) стороны, составы и структуры, со всеми вытекающими отсюда последствиями теоретического, практического и дидактического характера.

Попытки рассматривать преступления в качестве преступного поведения или деятельности предпринимались в 70-ых годах прошлого века, которые оказались неудачными. Так, С.А. Тарарухин преступное поведение по сути дела свёл к социально-психологической характеристике личности преступника и роли мотивов в составе преступления².

В.Н. Кудрявцев верно отмечал: «Преступное поведение — только одна из форм поведения человека, и, пока последний не будет достаточно исследован, писать фундаментальную работу о генезисе преступления было бы преждевременным»³.

Неудачную, на мой взгляд, попытку использовать деятельностное направление исследования предпринял проф. Н.Г. Иванов. «Преступление — прежде всего результат человеческого поступка, — пишет он. — Это точно такая же поведенческая реакция, совершаемая соблюдением незыблемых законов психофизиологии, как и любое другое действие человека. ... Как разновидности человеческого поведения преступлению свойственны все поведенческие характеристики: сознание и волеопределяемость, мотивированность, целенаправленность»⁴. Спорным является положение автора о том, что психологи утверждают следующее: «поведение только тогда превращается в поступок, в деятельность, когда оно осознанно и волеуправлено. Только в этом случае поведение может претендовать на правовую оценку, как преступное»⁵.

На этом суть деятельностного направления по сути дела заканчивается.

Основная часть. В настоящее время созданы все основные теоретические и эмпирические предпосылки для нового направления исследования современного уголовного права России и др. стран. Так, обстоятельно изучена юридическая деятельность, как разновидность человеческой деятельности⁶, пси-

¹ Архивные данные МВД РФ. <http://мвд.рф/folder/101762>

В нашу задачу не входили аналитический обзор указанных и иных статистических данных, отражающих рост (снижение) количества преступлений по годам, субъектам РФ, существующие тенденции развития преступной деятельности.

² Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974.

³ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С.4

⁴ Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть. М., 2014. С.127-128; См. также Лучший учебник уголовного права (Общая часть). СПб., 2011.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982; Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989; Он же. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т.1; Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права. Ярославль, 2003.

хологический механизм юридического поведения личности¹, полиструктурность деятельности и других юридических явлений².

Преступная деятельность — это основанная на определённых планах и прогнозах (криминальная стратегия) совокупность виновных общественно опасных деяний, наносящие ущерб и вред людям, их коллективам и организациям с помощью соответствующих средств (криминальная техника), способов и методов их осуществления (криминальная тактика), достаточных информационных, материальных, финансовых ресурсов и других криминальных мер.

Преступная деятельность является главным компонентом юридической антикультуры. Поэтому ей присущи все основные признаки, характерные для большинства негативных юридических явлений, процессов и состояний, вносящих дезорганизацию в те или иные сферы общественной жизни, правопорядок в обществе³.

По мнению психологов, любое внешнее действие опосредуется процессами, протекающими внутри субъекта, а внутренний процесс так или иначе проявляется вовне. В отечественной и зарубежной науке вопрос о *внутренней (субъективной) стороне преступлений* до сих пор является предметом острой дискуссии. Большинство отечественных авторов (А.А. Пионтковский, П.С. Дагель, Е.В. Ворошилин и др.) считают, что содержание внутренней стороны исчерпывается признаком вины, т.е. указанные понятия отождествляются. Виновным в преступлении признаётся лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности (ст. 5, 24, 25, 26 УК РФ).

Внутренняя (субъективная) сторона преступной деятельности, на мой взгляд, гораздо шире признака виновности и включает психологический механизм юридического субъекта. Следует отметить, во-первых, что психический (социально-психологический) механизм с формальной точки зрения является одинаковым как для правомерной, так и преступной деятельности. Разными могут быть (и чаще всего бывают) их содержательные свойства и элементы (стороны, аспекты), структуры, формы выражения и функционирования.

Во-вторых, психический (социально-психологический) механизм юридической деятельности (поведения) людей включает следующие блоки: а) сбора и обработки фактической и правовой информации (дистанционные ощущения, восприятия, представления, память); б) мотивационный (интересы, мотивы, установки); в) программно-целевой (цели, программы, планы, прогнозы); г) энергетический (внимание, воля, эмоции); д) блок личного опыта (способности, знания, навыки, умения, мастерство); е) оценочный (мыслительные оценки, которые проявляются в понятиях, суждениях, умозаключениях); ж) блок принятия рационального решения и его реализации (анализ информации и построение идеальных образов, формирование и сопоставление эталонных и текущих образов, их коррекция, выбор или построение гипотезы)⁴.

Умысел и неосторожность (вина) «вызревают» лишь на уровне оценочного блока, блока принятия волевого решения и его реализации, когда происходит достаточно осознанное отражение реальной действительности в форме понятий, суждений, умозаключений и все психические процессы начинают «проявляться» в практической деятельности («actus reus») преступника.

Внешнюю сторону преступлений также нужно рассматривать гораздо шире, чем это принято в литературе⁵. Элементами объективной стороны преступной деятельности являются: а) ее субъекты, как носители преступного поведения; б) объекты; в) внешне выраженные конкретные юридические действия и операции; г) криминальная техника (совокупность средств); д) криминальная тактика (приемы, способы, методы) совершения преступных действий (операций); е) криминальная стратегия (планы, прогнозы); ж) криминальные ресурсы (информационные, технические, финансовые и пр.); з) юридические и иные социальные результаты; и) наличие причинно-следственных связей между действиями (операциями) преступника и наступившими последствиями; к) время, место и обстановка совершения преступной деятельности.

Многие авторы считают преступление специфическим *юридическим фактом*, который влечет возникновение (изменение, прекращение) материальных и процессуальных, регулятивных и охранительных пра-

¹ См.: Психологический механизм юридического поведения личности / под науч. ред. Карташова В.Н. Ярославль, 2011; Он же. Психологический механизм политического поведения личности (системное исследование) // *Философия и психология права: современные проблемы*. Сб. науч. тр. / под общ. ред. В.И. Жукова. М., 2018; Немов Р.С. Психология: Учебник: В 3-х кн. М., 2004. Кн.1; Карпов А.В., Карпов А.А., Маркова Е.В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход Ярославль-Москва, 2016.

² См.: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. С.51-100; Он же Юридическая культура, антикультура, ответственность в правовой система общества: монография. М., 2019. С.25-39, 51-62, 77-96, 138-173; Он же. Конфликтная юридическая деятельность: Ярославль. Ярославль, 2020. С.31-73; Николов Л. Структура человеческой деятельности. М., 1984.

³ Подробнее см.: Карташов В.Н. Юридическая культура, антикультура и ответственность в правовой системе общества: монография. М., 2020.

⁴ Подробнее см.: Психологический механизм юридического поведения личности: монография / под ред. В.Н. Карташова. Ярославль, 2011.

⁵ См.: Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

воотношений. Это положение требует определенного уточнения. Преступная деятельность чаще всего представляет сложный *юридический состав*, включающий целый комплекс юридических фактов¹.

Преступная деятельность всегда относится к полиструктурным образованиям. К сожалению, криминалисты не обращают внимание на этот аспект проблемы, отождествляя чаще всего структуру с составом преступления. В самом общем плане **структура** — это *такое её строение, расположение элементов и связей (генетических, стохастических, пространственных и др.), которое обеспечивает сохранение основных свойств преступной деятельности, при воздействии на неё разнообразных факторов (социальных, природных и пр.) реальной действительности*. В этой связи можно выделить генетическую и функциональную, логическую и стохастическую, временную и пространственную, циклическую и синергитическую, горизонтальную и иные её структуры.

Так, *генетическая структура* раскрывает закономерные связи отдельных элементов и преступной деятельности в целом с экономической и политической, социальной и духовной, национальной и иными предпосылками общественной жизнедеятельности². *Функциональная структура* показывает связи между отдельными элементами преступной деятельности, функционирование каждого из элементов (соучастниками преступления, их конкретными действиями, используемыми средствами, способами и методами применения этих средств и пр.) и преступной деятельностью в целом.

Логическая структура дает возможность отразить взаимосвязи элементов и системы, частей и целого, содержания и формы преступной деятельности. Как и в любой юридической деятельности, здесь, в первую очередь, нужно выделять внутренний и внешний ее компоненты (элементы, стороны).

Элементы *внешней (объективированной) стороны преступной деятельности* мы уже выделили в начале статьи. Подробнее рассмотрим отдельные из них. **Субъекты преступной деятельности** — это вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного УК РФ. В этом качестве (абстрагируясь от психологического механизма их поведения) они предстают как элементы внешней ее стороны. Их можно группировать в отдельные типы, виды и подвиды. Так, в зависимости от места и соучастия в конкретной преступной деятельности они разграничиваются на организаторов, подстрекателей, пособников и исполнителей (ст. 33 УК РФ).

Используя опыт зарубежных стран в России уже достаточно давно идут споры по поводу выделения в качестве относительно самостоятельных субъектов преступной деятельности юридических лиц и иных государственных и негосударственных учреждений³. Вот где «зарыт» огромный клад федерального бюджета и возможность существенно «потрясти кошельки» крупнейших преступников. Поэтому соответствующие лоббисты в Государственной Думе Федерального Собрания с 2011 г. под разными предлогами отклоняют проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», разработанный Следственным Комитетом РФ⁴. Странно, что этого не замечают ни Президент РФ, ни его администрация. Невольно возникает к указанным и др. официальным лицам «нехорошие» вопросы (см. эпиграф в начале статьи). Причём для России обязанность по установлению уголовной ответственности к организациям предусмотрена более 10 международными конвенциями⁵.

Объект преступления в самом общем виде — это то, на что направлена преступная деятельность субъектов. В уголовном праве обычно выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты. Кроме того, основных дополнительных и факультативных объектов преступлений⁶.

Под *общим объектом* преступной деятельности понимается совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом. *Родовой объект* — это группа однородных по своей природе общественных отношений, охраняемых в силу этого единым комплексом уголовных норм.

Видовой объект — это совокупность тождественных общественных отношений одного вида. *Непосредственный объект (предмет)* преступной деятельности — это конкретные общественные отношения, на которые посягает делинквент, совершая конкретные преступления.

Мне представляется данная юридическая конструкция объекта преступной деятельности надуманной, тем более, если брать её с логических и лингвистических требований и осознания субъектами. Непосредственный предмет преступной деятельности — это *те явления реальной действительности, на*

¹ О природе юридических фактов и составов см.: Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М, 1984; Он же. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980.

² Подробнее об истории русского уголовного права, уголовного права буржуазных государств, советского уголовного права и уголовного права стран народной демократии: Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1948.; См.: Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник для магистров / под ред. Е.Н. Крыловой. М, 2013; Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978.

³ См.: Кибальник А.В., Волосюк П.В., Дёмин С.Г. Вопрос уголовной ответственности юридических лиц: монография. М., 2017.

⁴ Российская газета. 2011. №5604.

⁵ См. например: Конвенция ООН против транснациональной преступности от 15.11.2000 г. // СПС «Консультант-Плюс»; Конвенция Шанхайская организация сотрудничества против терроризма от 16.06.2009 г. // СПС «КонсультантПлюс» и др.

⁶ См. например: Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С.126 и след.

которые направлены криминальные интересы, средства (техника), способы (тактика), ресурсы, планы и прогнозы (криминальная стратегия) и все операции преступников.

Все объекты преступной деятельности в зависимости от их природы условно можно подразделить на соответствующие блага, закреплённые прежде всего в Особенной части УК РФ.

В логической структуре преступной деятельности в качестве относительно самостоятельных элементов мы выделяем средства ее совершения. **Средства** — это любые предметы и явления, с помощью которых субъект осуществляет преступные действия и операции, достигает соответствующих целей и результатов, удовлетворяет свои интересы. Эти средства могут подразделяться на общесоциальные, специально-юридические и технические. В своей совокупности они образуют **криминальную технику**¹. В современной науке эта проблема исследована ещё слабо.

Одни и те же средства конкретным преступником (исполнителем, организатором, пособником, подстрекателем) могут использоваться по-разному, в зависимости от различных обстоятельств и конкретных социально-правовых ситуаций. Например, склонить к совершению преступной деятельности определенное лицо можно путем уговора, подкупа, угрозы или другим **способом**. При подкупе (способ) можно использовать ценные предметы, валюту и другие средства. Например, с помощью клофелина (средства) можно совершать такие преступления, как ограбление, изнасилование, похищение, убийство и др. Человек, отравленный клофелином через некоторое время (в зависимости от принятой дозы) приходит в беспомощное состояние, засыпает, перестаёт слышать, видеть, понимать происходящее, погружается в бессознательное состояние². Совокупность приемов, способов и методов совершения преступной деятельности образует **криминальную тактику**³.

В качестве самостоятельного компонента преступной деятельности нужно выделять **криминальную стратегию**, которая включает определенные планы и прогнозы преступников. Поэтому нужно разрабатывать не только теорию криминалистического, но и криминального прогнозирования и планирования⁴.

Криминальные ресурсы составляют информационные, организационные, финансовые, людские и иные затраты, необходимые для совершения преступной деятельности.

Результат преступной деятельности может иметь социальное (нарушение общественного порядка, нормального развития общественных отношений) и юридическое (нарушение конституционных прав граждан, порядка осуществления правосудия), материальное (самовольное пользование недрами, истязание) и нематериальное (клевета, оскорбление), количественное (приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах) и качественное (хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность) выражение.

Наличие **причинно-следственных связей** между преступными действиями (операциями) субъекта и наступившими общественно опасными последствиями данных действий — необходимый элемент юридического содержания преступной деятельности и условие юридической ответственности.

Под **причиной** (от лат. causa) следует понимать такую генетическую связь между преступными действиями (бездействием) и их результатом, когда они (деяния субъектов) с необходимостью порождают (могут породить) конкретные социальные, юридические, материальные и иные вредные последствия.

Условиями в отличие от причин обычно считаются такие явления, которые сами не могут породить данное преступление, но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения преступной деятельности и общественно опасных последствий.

Время, место, обстановка могут рассматриваться в качестве основных элементов логической структуры преступной деятельности (например, совершение ее в военное время) либо в виде «внешних» условий, в которых она совершается. Не может ни одна преступная деятельность совершаться вне времени, пространства, обстановки и места. Поэтому споры о роли этих элементов в структуре преступной деятельности носят схоластический характер.

Заключение. Таким образом, современное деятельностное направление (полиструктурное, социально-психологическое, технологическое) в российском уголовном праве требует глубокого и обстоятельного исследования прежде всего представителями уголовного и уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики и иных смежных дисциплин. У криминалистов должно хватить сил и умения, чтобы в рамках нового направления перейти от простого комментирования уголовных законов и прописных истин к существенному преобразованию российского уголовного права.

¹ Ср.: Криминалистическая техника / под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2018.

² Подробнее об использовании классического каталептического и др. видов технологии криминальных гипнозов см.: Кандыба В.М. Криминальный гипноз: Что такое криминальный гипноз и пр. СПб., 2001.

³ Ср.: Криминалистическая тактика / под ред. Л.Я. Драпкина. М., 2018.

⁴ Ср.: Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2008. С.117-123; Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993.

Кодан Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург)

Kodan Sergei Vladimirovich

doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the department of theory of state and law of the Ural state law university (Yekaterinburg)

E-mail: svk2005@yandex.ru

**Методологический подход: место, роль и значение
в инновационных процессах развития юридического научного знания¹**

**Methodological approach: place, role and significance
in innovation processes development of legal scientific knowledge**

Аннотация. Статья освещает вопросы места и роли методологических подходов в инновационном развитии знания в сфере юриспруденции. Автор акцентирует внимание на отдельных характеристиках методологического подхода как познавательного, междисциплинарного, коммуникативного и инструментального средства научного исследования. Особое внимание уделяется использованию методологических подходов в практиках научных исследований.

Ключевые слова: социальные и гуманитарные науки, юридическая наука, методология, методологический подход, инновация, исследовательские практики.

Resume. The article highlights the issues of the place and role of methodological approaches in the innovative development of knowledge in the field of jurisprudence. The author focuses on certain characteristics of the methodological approach as a cognitive, interdisciplinary, communicative and instrumental means of scientific research. Particular attention is paid to the use of methodological approaches in the practice of scientific research.

Key words: social and human sciences, legal science, methodology, methodological approach, innovation, research practices.

Инновационная деятельность многогранна и выступает как «процесс реализации, внедрения нового и одновременно деятельность, а также результат по вращиванию новации в определённую социальную практику. Строго говоря, всякая подлинно научно-исследовательская деятельность инновационна» — подчёркивает В. М. Баранов и отмечает, что «инноватика — образ жизни и стиль мышления любой сферы, включая юридическую деятельность, если она претендует на качество, статус творческой»². Такой подход к инновационным процессам в науке связан с современными фундаментальными изменениями, происходящие в культуре, науке и образовании и опирающимися на новые возможности изучения «знания о знании» в различных сферах социогуманитаристики, обмена и использования информации методологического характера различных научных дисциплин между собой в исследовательских и образовательных практиках. В этих процессах важным является понимание места, роли и процессов развития методологии и методологического инструментария в научной деятельности, которые являются важным составным элементом инновационных процессов в науке и которые «проявляются в появлении и распространении открытий, теории, концепций, обеспечивающих приращение знаний»³. При этом подчерк-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «История, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

² Баранов В. М. Юридическая инноватика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 8.

³ Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004. С. 70

нём, что включение новых междисциплинарных методологических подходов в исследовательское пространство юридической науки является одним из направлений в её инновационном развитии и предлагает расширение познавательных возможностей научных исследований в сфере юриспруденции. Поэтому в рамках данной статьи обратимся к проблеме выделения и возможностей использования междисциплинарных методологических подходов социогуманитаристики как инноваций научного характера в исследовательских практиках в юриспруденции.

1. Понимание и функции методологического подхода в современном методологическом знании непосредственно связано с современным развитием научного знания. Современное развитие информационного общества и его движения в сторону общества знаний ставит проблему обеспечения и поддержания необходимого уровня актуальности знаний. Сюда также относится обеспечение обмена научной информацией — изучение, адаптация и внедрение наработок в смежных сферах знаний в исследовательские практики конкретных наук. «Современный мир предполагает быструю смену концептуально-методологических подходов к теоретическим основаниям деятельности и ее инструментария. Формальной логики построения науки оказывается недостаточно для превращения теоретического знания в практическую силу. Связь между теорией и практикой предполагает развитый интеллект, опыт деятельности и ещё одну важную составляющую — способность к домысливанию, которая обнаруживает ассоциативные связи с реальным миром в рамках теоретических представлений. Это требует интуиции и искусства сопоставлять, казалось бы, несопоставимое. Интеллектуальное напряжение и духовная сила, преобразующаяся в мир суждений, задают истоки, фиксируют опору научного и педагогического мастерства» — подчёркивает Л. И. Лурье¹.

Современное развитие науки становится все более ориентированным на методологию познавательной деятельности. Для него, как указывает В. М. Розин, характерен «методологический поворот» — «переход от предметной, научной позиции к методологической, от изучения объекта данной науки к анализу «рефлексивных содержаний» (понятий, подходов, идеалов науки, типов знаний, основных дискурсов и способов мышления и прочее)². В современном развитии науки методологические знания служат теоретико-инструментальной предпосылкой и основой мастерства учёного, для которого они определяют ряд предписаний, соблюдение которых обеспечивает проведение научного исследования с использованием различных познавательных средств. Знание методологии «обеспечивает правильную постановку проблемы как с содержательной, так и с формальной точки зрения», «даёт определённые средства для решения уже поставленных задач и проблем — то, что можно назвать интеллектуальной техникой научной деятельности» и именно с его помощью «оптимизируется организация исследований»³.

В современной методологии выделяются уровни методологических средств — принципы, подходы, методы, методики и технологии. Каждое из этих средств занимает определённое место в системе методологического знания и «выполняет свои особые, только ему свойственные функции в научном познании. Благодаря этой своеобразной специализации все уровни методологии образуют сложную систему, в рамках которой между ними существует вполне определённое соподчинение» — отмечает Э. Г. Юдин⁴. Все они в совокупности создают инструментальную основу изучения социальных явлений и институтов как совокупность «путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной исследовательской задачи»⁵. При этом «современная наука характеризуется высокой интегрированностью, а межнаучные трансляции результатов и методов исследования являются элементом механизма ее развития, то привлечение других наук — необходимое условие развития любой науки, в том числе и юриспруденции» — подчёркивает Н. Н. Тарасов⁶. И именно методологические подходы в плане формы освоения методов других наук определяет ориентацию исследователя на междисциплинарное познавательное пространство и использование для изучения государственно-правовых явлений и институтов инструментария различных научных дисциплин, привнося в них элемент научно-исследовательской инновационности.

Необходимо заметить и то, что методологический подход в исследовательских практиках пока ещё не занял место методологически осознанного инструмента. В этом отношении представляется верным замечание К. В. Шундикова, что «научный подход — неотъемлемый, хотя зачастую не осознаваемый многими исследователями элемент научного анализа. По сути, он представляет собою выбор объекта, изначальную ориентацию познающего субъекта на изучение тех или иных его граней, совокупности свойств и т. и. Подобный выбор происходит на начальных этапах научного поиска и имеет важное методологическое значение, поскольку является отправным пунктом в процессе подбора необходимого ком-

¹ Лурье Л. И. Становление учёного как педагогический процесс // Образование и наука. 2010. № 6. С. 130-131.

² Розин В. М. Мышление в его отношении к методологии // Идеи и идеалы. 2015. № 1. С. 57.

³ Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. С. 64.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд. 2-е. М., 2003. С. 39.

⁶ Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. 2001. № 1. С. 38.

плекса аналитических средств, той или иной системы методов исследования»¹. При этом хотелось бы достичь именно осознанного уровня использования методологических подходов в исследовательских практиках.

Общее понимание термина «методологический подход» и стоящего за ним понятия в современной науке не является устоявшимся и его рассматривают как подсистему средств познания. В современных исследованиях понятие «методологический подход», как отмечает Н. В. Ипполитова, представлен в трёх проекциях: «отождествляется с проведением в исследовании определённой мировоззренческой позиции», «понимается как стратегический принцип или совокупность принципов» или «связывается с применением набора процедур и приёмов, служащих формой и условием реализации соответствующих принципов». При определённой многоплановости определения методологического подхода он означает «принципиальную методологическую ориентацию исследования, основанную на совокупности принципов, которые определяют общую цель и стратегию соответствующей деятельности»².

В рамках данной статьи на основе собственного опыта исследования методологии позволю себе представить собственное видение изучаемого явления³. По моему мнению методологический подход выступает в качестве теоретически и практически ориентированной стратегии и тактики работы учёного в контексте привлечения в исследовательские практики методологических и содержательных знаний других наук с учётом объекта научной дисциплины и предметной специфики, в рамках которой выполняется исследование.

Функциональная направленность методологического подхода связана с его назначением в научно-познавательной деятельности и исследовательских практиках. Представляется возможным выделить следующие функции методологического подхода:

— *познавательная функция* проявляется в изучении, теоретическом обобщении и предоставлении в распоряжение исследователя знаний о методологических подходах, в контексте методологического инструментария и возможностей его использования в научном познании в рамках конкретной науки, о потенциале междисциплинарного исследования и применении познавательных средств из смежных научных дисциплин;

— *мировоззренческая функция* состоит в формировании целостной устойчивой системы взглядов исследователя на место и роль методологического подхода в методологии в целом и его использования в процессе научной деятельности с опорой и учётом на методологических принципов, методов, методик и технологий научного исследования;

— *культурно-этическая функция* направлена на трансляцию и реализацию в научной деятельности исследователей традиций, ценностных ориентаций и морально-этических норм, накопленных и передаваемых из поколения в поколение в качестве образцов познавательной деятельности и использования методологических подходов в исследовательских практиках;

— *организующая функция* связана с приданием определённых форм проведению исследований отдельными учёными, согласованием их деятельности в рамках одного или нескольких научных коллективов на междисциплинарном, полидисциплинарном или трансдисциплинарном уровнях изучения проблематики в рамках конкретной научной работы в использованием различных научных подходов;

— *нормативная функция* опирается на разработку и конвенциональное признание научным сообществом правил и рекомендаций, в которых фиксируются требования к исследователям относительно использования методологических подходов в контексте постановки проблемы, выбора средств для решения поставленных задач, организации исследования, его содержания и последовательности определённых видов научной деятельности.

2. Методологический подход в структуре познавательной деятельности выступает как многогранное явление и предполагает рассмотрение его места в структуре методологических средств и в связи с исследовательскими практиками. Его рассмотрение имеет несколько планов — философско-мировоззренческий, междисциплинарно-инструментальный и конкретно-исследовательский.

Методологический подход в философско-мировоззренческом плане выступает как часть целостной и устойчивой системы взглядов исследователя на его место и роль в процессе познания и технологиях исследовательской деятельности. В. М. Розин подчёркивает, что «особенность методологии — её связь с философией. Акцентируя технологическую сторону дела, сосредоточиваясь на мышлении и его реформировании, методология нуждается в более широком взгляде, учитывающем личность мыслящего и само бытие (время), его вызовы и сущность»⁴.

¹ Шундигов В. К. Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 169.

² См.: Ипполитова Н. В. Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический подход» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование. Педагогические науки. 2009. № 13. С. 9—15.

³ См.: Кодан С. В. Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 67-80.

⁴ Розин В. М. Мышление в его отношении к методологии. С. 61.

Философский контекст рассмотрения методологических подходов исходит из того, что это «комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и/или практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющие друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей»¹. Это даёт установку на общее понимание подхода как элемента познавательного процесса и, соответственно, в научном мышлении формируется его общий образ. Понимание подхода встраивается в формирование методологичности *научного мышления* исследователя, которое «представляет собой не что иное, как осознанное отношение к средствам и предпосылкам деятельности по формированию и совершенствованию научного знания», а «степень и форма осознанности этих средств и предпосылок могут варьировать в очень широком диапазоне — от стремления просто к чёткому пониманию смысла и значения употребляемых научных понятий, терминов, выражений постольку, поскольку они (смысл и значение) «прорабатываются» в собственном сознании исследователя, до анализа исходных предпосылок научных парадигм и стилей научного мышления» — отмечает В. С. Швырев².

Мировоззренческий контекст рассмотрения методологических подходов исходит из того, что они выступают «существенным компонентом научного познания», поскольку «отбор фактов, особенно в общественных науках, подразумевает большую теоретическую подготовленность и философскую культуру учёного. Современный этап развития научного знания требует не только теоретического осмысления фактов, но и анализа самого способа их получения, размышлений об общих путях поисков нового» — отмечает А. Г. Спиркин³. Понимание исследователем назначения и значения методологии в целом и уяснение им места, роли и возможностей использования подходов как познавательных средств в исследовательских практиках связано и с мышлением учёного и его видением общей организации познавательных средств. На это обращает внимание Н.Н. Тарасов, отмечая, что методологический подход «представляет скорее не "изображение" объекта, а "изображение" научного мышления, изображающего объект» и указывает на то, что «методологический подход направлен не на видение объекта, как объект исследования устроен "на самом деле", а на организацию исследовательских средств, обеспечивающих требуемое видение, т. е. способ "помыслить" объект. Способ помыслить объект исследования и есть то, что в литературе, характеризуя методологический подход, называют принципиальной методологической ориентацией научного исследования, точкой зрения на объект, понятием или принципом, задающим общую стратегию исследования»⁴. Тем самым методологические подходы, как и знания методологических средств в целом, выступают как один составных элементов научно-познавательного мировоззрения и мышления исследователя, формируют основы современной «матрицы» методологии познания и исследовательской деятельности.

Методологический подход в междисциплинарно-инструментальной плане может рассматриваться как переход от общего научно-мировоззренческого понимания подходов и их роли в процессах познания к их восприятию как системы инструментов в исследовательской деятельности. Для этого учёному необходимо представлять всю палитру методологических подходов как инструментов познавательной деятельности и учитывать два вектора рассмотрения их направленности — междисциплинарность и инструментальность.

Междисциплинарный контекст рассмотрения методологических подходов связан развитием системно-интегративных тенденций во взаимодействии научных дисциплин и проявляется в расширении взаимосвязей в науке, что «является необходимой и актуальной потребностью развития самой науки, повышения качества, эффективности и результативности научных исследований» — справедливо подчёркивает Д. А. Керимов⁵. На это особое внимание обращает и В. В. Лазарев, подчёркивая, что «юридическая наука постоянно должна обозревать свой собственный предмет и метод, разумеется, в системной связи с предметом и методом других наук, не в отрыве от них. Получивший в естественных науках признание принцип дополнительности предполагает трансдисциплинарные подходы, которые преодолевают узость отдельно взятых методологий, требуют синтеза разных эпистемологических парадигм»⁶.

Рассматривая методологический подход через призму междисциплинарности как общего обозначения взаимодействия научных дисциплин, необходимо учитывать, что это явление в науке, как отмечает Е. Н. Князева, выступает как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях» и рассматривается в качестве познавательного механизма «для получения нового научного знания, а также для эволюции традиционных научных дисциплин и изменения контуров их конфигурации». Также подчёркивается, что «междисциплинарность рассматривается и как форма организации научного знания и научной деятельности, и как процесс или тренд развития науки, и как стиль мышления учёных, и как методология исследований. Междисципли-

¹ Мацкевич В. В. Подход // Всемирная энциклопедия. Философия. М.-Минск, 2001. С. 794.

² Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 99.

³ Спиркин А. Г. Философия. М., 2006. С. 689.

⁴ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 233-234.

⁵ Керимов Д. А. Проблемы общей теории государства и права. М., 2007. С. 12.

⁶ Лазарев В. В. Риски в юридической науке // Юридическая техника. 2019. №13. С. 25.

линарные исследования являются интегративными, продуктивными, креативными и наиболее востребованными современными научными институтами». Одновременно следует учитывать и уровни взаимодействия наук на различных уровнях и включают — междисциплинарность («сотрудничество между представителями различных научных дисциплин»), полидисциплинарность («неинтегративная смесь дисциплинарных подходов, в которой каждая дисциплина собственную методологию» и трансдисциплинарности («перенос схем и моделей исследования из одной дисциплинарной области в другую») с использованием их возможностей обмена, взаимовлияния и синтеза научного знания¹. В итоге формируются методологические подходы как продукт осмысления наработок в изучении общего объекта в различных науках социально-гуманитарного профиля и складывается видение нового средств познания, представляющего «принципиальную методологическую ориентацию исследования как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения» — указывает Э. Г. Юдин².

Инструментальный контекст рассмотрения методологических подходов связан с предметно-методическими механизмами привлечения исследовательских средств из одной науки в другую. Здесь для учёного, при наличии общих знаний о месте и роли методологических подходов в исследовательских практиках, важны конкретные представления о них, поскольку при использовании того или иного подхода и вводе его в исследовательское пространство конкретной научной работы он привлекает знания научной дисциплины, которая имеет иную предметную направленность. Здесь становится немаловажным понимание семантического ядра научной дисциплины, из которой заимствуются подходы — её названия, предметной сферы и места в социогуманитаристике и которые служат ориентиром для выбора подхода как познавательного инструмента. «Для юридической науки обращение к методологическим подходам, связанным с теми или иными метанаучными областями, — это вопрос вовлечения в методологический арсенал юриспруденции тех или иных систем и схем научного мышления, обеспечивающих углублённое, всестороннее познание государства и права» — подчёркивает Н.Н. Тарасов³.

Методологический подход в конкретно-исследовательском плане выступает как процесс перехода методологических установок, ориентаций и знаний на уровень непосредственной работы учёного и создания им научного труда. В научно-исследовательских практиках подход выступает «в качестве философски оправданного и научно обоснованного средства познавательной деятельности (выражающегося в определённом рода правилах и процедурах), обеспечивающего научное познание действительности и научный характер продуцируемого знания⁴. Здесь важно именно установить конкретные подходы и определить их исследовательскую направленность.

Конкретизирующий контекст рассмотрения методологических подходов связан с подбором и формированием их индивидуального набора для конкретного исследования. Учёным формируется системно согласованный комплекс подходов исходя из предметной направленности, целевых установок, задач, проблематики выполняемой работы, позволяющих осуществить исследование вопросов на более глубоком содержательном уровне. Относительно указанного представляется важным замечание В. М. Сырых, — «Правоведам приходится заимствовать методы научного познания, разрабатываемые математикой, статистикой, социологией и другими науками. Понятно, что все заимствованные методы научного познания оказывают позитивное влияние в той мере, в какой правоведам удаётся их конкретизировать к специфике познания правовых явлений и их закономерностей и наоборот»⁵. При этом следует учитывать, что каждый конкретно подобранный для исследования методологический подход «является сложной исследовательской моделью, претендующей на определённую целостность получаемых в результате его реализации знаний» — отмечает Н. Н. Тарасов⁶. Также исследователю необходимо осознавать, что опора лишь на один подход неизбежно ведёт к превалированию выделенного для изучения аспекта предмета исследования и нарушению требования к комплексному рассмотрению явления в целом. Поэтому, как подчёркивает Э. Г. Юдин, «в каждом конкретном исследовании обычно реализуется некоторая совокупность подходов при условии, конечно, что среди них нет взаимоисключающих»⁷.

Исследовательский контекст рассмотрения методологических подходов связан их определением содержательной направленности на изучение предмета в познавательных практиках и чаще всего подход рассматривается в двух значениях: как определение общей стратегии исследования — «некоторый исходный принцип, исходная позиция, основное положение или убеждение» и форму освоения знаний и методов других наук — «как направление изучения предмета исследования»⁸. В исследовательских практиках методологический подход обращён «к отдельным методологическим средствам или стратегическим контекстам» социально-гуманитарных наук в «форме восприятия освоения в юридическом ис-

¹ См.: Князева Е. Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М., 2020. С. 16-19.

² Юдин Э. Г. Указ соч. С. 69.

³ Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведеии. С. 47.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Сырых В. М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 45.

⁶ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. С. 239.

⁷ Юдин Э. Г. Указ. соч. М., 1997. С. 70.

⁸ Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007. С. 164.

следовании элементов метода иных наук. При этом говорить о привлечении в юридическом исследовании таких элементов обоснованно только в том случае, когда они привлечены в рамках корректно реализованного подхода, а не случайным образом» — отмечает Н. Н. Тарасов¹. Также важным условием корректности привлечения методологического инструментария других наук является их адаптации к предметной сфере юриспруденции — «юридизации методов», которая, как отмечает В. С. Нерсисянц, «означает юридико-понятийную трансформацию неюридических методов и дисциплин, их преобразование с определяющих позиций понятия права и их включение в новый познавательный-смысловой контекст предмета и метода юридической науки», а «методы других наук могут и должны использоваться лишь как способы и приёмы именно юридического познания, т.е. как познавательные средства и компоненты самого юридического метода. Подобная юридизация методов других наук является необходимым требованием и условием методологической и предметной однородности и чистоты юридической науки»². Тем самым на уровне отдельного исследования осуществляется «привязка» конкретных методологических подходов к предмету исследования.

3. Междисциплинарные сферы применения методологических подходов в юриспруденции позволяют сфокусировать внимание исследователя на какой-либо стороне изучаемых государственно-правовых явлений и институтов через призму других наук. Методологические подходы на уровне взаимодействия различных наук позволяют в исследовательских практиках в юриспруденции обеспечить выход за пределы традиционного рассмотрения государственно-правовых явлений и институтов преимущественно в рамках юридической догматики и дополнить, расширить представления о них на основе привлечения знаний из других наук. При этом следует учитывать, что в XX — начале XXI столетий «процесс междисциплинарного взаимодействия на ниве социально-гуманитарного знания охватывал все более обширные исследовательские поля, формируя в этом интеллектуальном пространстве новые предметные области, по самой своей сути над-дисциплинарные» — отмечает Л. П. Репина³

На это важную составляющую процесса научного познания обращает внимание Г. П. Щедровицкий — «Методология... исходит из того, что одному и тому же объекту может соответствовать много разных представлений и знаний. ... Это важнейший принцип современного методологического мышления, который называется принципом множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту. Но так как сам объект берётся всегда предметно, т. е. всегда в связке с его представлениями, то множественность разных представлений оказывается фактом деятельной и коммуникативной ситуации, объединяющей разных профессионалов. Методология начинает свою работу с представлений профессионалов об объекте, и первоначально объект задан только этим множеством представлений. Лишь затем, исходя из всей этой совокупности представлений, методолог может ставить вопрос о реконструкции объекта в том виде, как он существует "на самом деле", и производить эту реконструкцию, предполагая, что все имеющиеся представления характеризуют объект с разных сторон, как бы в разных его проекциях»⁴.

Группы методологических подходов связаны с предметной сферой отдельных социально-гуманитарных наук и, исходя из общности и взаимного и пересечения объединены и сгруппированы по отдельным направлениям как своеобразным комплексам возможного получения необходимых знаний из социогуманитаристики в исследовательских практиках юриспруденции. Представляется возможным выделить следующие группы подходов:

— *этнологический, антропологический и культурологический подходы*, которые необходимы исследователю для изучения происхождения человека, жизни этнических общностей и развитием духовной сферы жизнедеятельности общества;

— *лингвистический, текстологический и терминологический подходы*, которые ориентируют исследователя на учёт процессов развития языка, вербальных коммуникаций, текстуальной передачи информации и использования терминов и понятий;

— *биографический, историографический и библиографический подходы*, использование которых определяется необходимостью принимать во внимание личностный фактор в юриспруденции — жизненный путь и взгляды государственных деятелей, политиков, учёных, писателей и др. со взаимосвязи с анализом их трудов и сведений о последних;

— *социологический, идеологический и политологический подходы* нацеливают исследователя на вопросы, связанные формированием политико-идеологических доктрин и учений, функционированием различных институтов общества, закреплением на их уровне идей, взглядов, доктрин, а также на проблематику государственного управления делами общества;

— *статистический, количественный и информационный подходы* связаны изучением цифровых показателей происходивших в обществе процессов, обработке данных с помощью количественных ме-

¹ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки.

² Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 76

³ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 46.

⁴ Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 97.

тодов, а также на современные средства сбора, хранения, обработки и передачи информации, средства коммуникации, использование баз данных и др.

При этом использование различных подходов к изучению объекта юридического исследования предполагает синтез знаний о нем, расширение и приращение новых знаний, имеющих значение для всего комплекса социально-гуманитарных наук. В результате исследователь и наука в целом, как отмечает Г. П. Щедровицкий, получают «новое, вторичное соотнесение уже существующих знаний с полученным на их основе изображением объекта в свете специальной целевой установки: сделать их теоретически однородными и объединяемыми. И это всегда ведёт к перестройке знаний, часто настолько существенной, что она выступает как процесс замены одних знаний другими. И так до тех пор, пока нам, наконец, не удаётся свести исходную совокупность разрозненных знаний к единому сложному знанию, выводимому из имеющегося у нас изображения объекта». И это «новое изображение объекта» характеризуется тем, что «оно собрало и объединило в себе все то объективное содержание, которое было зафиксировано в уже имевшихся ранее знаниях... его структура была введена как "основание" и "источник" всех проявлений объекта, обнаруживаемых в прямом познавательном оперировании с этим объектом... на основе особого познавательного оперирования с самим этим изображением и выраженным в нем предметом знания выводились и обосновывались новые сложные знания об объекте»¹.

Также необходимо заметить, что развитие использования методологических подходов и междисциплинарных взаимодействий в практиках юридических исследований способствует развитию ещё одного направления в юриспруденции — формированию *новых юридических дисциплин, таких как философия права, социология права, юридическая политология, правовая кибернетика, юридическая антропология, юридическая логика, правовая статистика, правовая информатика* и др. Они, как отмечает В. С. Нерсесянц, «формируются на стыке юриспруденции с другими смежными науками. Их появление свидетельствует о том, что прежние междисциплинарные связи юриспруденции со смежными науками (освоение и использование их методов и приёмов исследования, некоторых теоретических положений и т. д.) уже не удовлетворяют теоретико-познавательные потребности юридической науки, и она нуждается в систематической разработке соответствующего круга проблем в рамках *новой самостоятельной юридической науки*»². Одновременно наметилась и тенденция выделения на «стыке» социально-гуманитарных и юридических наук служебных юридических дисциплин (юридическое науковедение, история юриспруденции, методология юриспруденции и др.), дисциплинарная демаркация которых связана с их специфическими чертами — предметной направленностью, местом в образовательных и исследовательских программах, значением для формирования и развития учёного как центрального субъекта научной деятельности³.

Подводя итоги, отметим, что методологический подход представляет собой сложную познавательно-инструментальную конструкцию, совмещающие различные аспекты его понимания, функций и назначения в исследовательских практиках в контексте привлечения и вовлечения методов и знаний социально-гуманитарных наук в сферу юридического знания. Представленное в данной статье общее видение методологических подходов требует рассмотрения через призму междисциплинарности и конкретных возможностей в изучении государственно-правовых явлений и институтов, что и предполагается сделать в последующих публикациях по методологической проблематике.

---

¹ Щедровицкий Г. П. Синтез знаний: проблемы и умения // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 653-657.

² Нерсесянц В. С. Указ соч. С. 76-77.

³ См. Кодан С. В. Служебные юридические дисциплины в структуре юриспруденции // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 156-161.

Кожеева Марина Анатольевна

*доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России*

Kozhevina Marina Anatolyevna

*doctor of law, candidate of historical sciences, professor, professor of the
department of theory and history of law and state of the Omsk academy of the
Ministry of internal affairs of Russia*

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса¹

Innovative and traditional in Russian legal science: on the history of the issue

---

Аннотация. В статье на примере истории отечественной юридической науки схематично рассматривается гуманитарная модель инновационного процесса, включающая уровни и стадии процесса, указаны особенности каждого элемента модели, выделены основные инновационные события со временем трансформировавшиеся в научные традиции. А также показано, что инновационность и традиционность — свойства имманентно присущие науке, позволяющие ей всесторонне раскрыть свой творческий потенциал и занимать свою нишу в общественном пространстве. Отмечается, что современные воззрения на инновации и традиции вышли за рамки узкого экономического понимания эффективного внедрения нового в общественную жизнь и экстраполируются в гуманитарную сферу науки в контексте социокультурных аспектов инновационного процесса.

Ключевые слова: научная инновация, научная традиция, юридическая наука, история науки, инновационный процесс.

Annotation. Using the example of the history of domestic legal science, the article schematically examines a humanitarian model of the innovation process, including the levels and stages of the process, specifies the features of each element of the model, highlights the main innovative events that have transformed into scientific traditions over time. It is also shown that innovation and tradition are properties inherent in science, allowing it to comprehensively reveal its creative potential and occupy its niche in the public space. It is noted that modern views on innovations and traditions have gone beyond the narrow economic understanding of the effective introduction of new things into public life and are extrapolated to the humanitarian sphere of science in the context of the socio-cultural aspects of the innovation process.

Key words: scientific innovation, scientific tradition, legal science, history of science, innovation process.

Если следовать исторически устоявшему понятию науки как сложной среды общественной деятельности, результатом которой является формирующаяся система вновь создаваемого знания, признаваемого всеобщим духовным продуктом общественного развития², то становится очевидным, что инновационность и традиционность — свойства имманентно присущие науке. С одной стороны, процесс формирования нового знания и внедрения в реальную жизнь, с другой, следование сложившимся образцам и правилам познавательного процесса, признание преемственности развивающегося знания. Сбалансированное соотношение инновационного и традиционного позволяет науке не только сохранить творческий потенциал и свою автономию как социального института, но определить стратегию и тактику дальнейшего социально значимого развития исследуемой сферы общественных отношений.

В этой связи отметим, что понятия инновации и традиции давно утратили свое первоначальное узкое значение как проявление эффективных экономических изменений и вышли за пределы естественных и технических наук. Сегодня они активно вовлекаются в предметное поле гуманитаристики и напол-

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII — XX вв.».

² Основы науковедения. М., 1985. С. 3.

няются социокультурным смыслом¹. Инновационный процесс видится в ракурсе не простого технологического процесса созидания и нововведения, а понимается как многогранная социальная практика, отражающая новые тренды научного мышления и результаты эффективного научного поиска, занявших свое реальное жизненное пространство. Поэтому, как нам представляется, возможно выделение нескольких уровней этого процесса.

На первом уровне — уровне социума, результат нововведения имеет масштабный (возможно глобальный) характер (или значение), на втором уровне внедрение инновации оказывает эффективное воздействие на прогресс отдельной социальной сферы, социального института, социальной группы и т. п. На третьем уровне, ориентированном на индивидуализацию эффекта внедрения нового, инновация находит себя в материальном или интеллектуальном производстве и воспроизводстве. Несмотря на различия в целях, масштабе и результатах внедрения, инновационный процесс имеет внутреннее единство и по вертикали (уровни), и по горизонтали (стадии²). Все элементы процесса не существуют отдельно, а взаимодействуют и взаимопроникают, тем самым усиливая друг друга. В таком сочетании рельефный становится прежде всего социокультурный эффект инновации, которая со временем начинает восприниматься обществом как традиция, как устоявшийся и преемственный образ жизни. В эту схему в полной мере вписывается именно гуманитарная модель инновационного процесса, способствующая увидеть все достоинства внедренных технических и экономических инноваций.

Обратимся к историческому опыту отечественной юридической науки, которая в отличие от иных гуманитарных наук в своем развитии наиболее приближена к современности. И как ни какая другая наука, имея в качестве предмета исследования право — основной регулятор общественных отношений, неизбежно находится в эпицентре всех трансформаций социальной, политической, экономической, культурной жизни и согласно своему предназначению вынуждена адекватно откликаться на происходящие изменения.

Предлагаю взглянуть на процесс вовлечения научной юриспруденции в социальное и политическое пространство Российской империи XIX века как наиважнейшую социокультурную инновацию. И если следовать предложенной выше схеме инновационного процесса, то в генезисе, становлении и развитии отечественной юридической науки мы обнаружим и уровни, и стадии этого процесса. Стадии соотнесем с основными этапами развития отечественной юридической науки, внутри каждого этапа выделим уровни инновационного процесса.

Следует оговориться, что история юридической науки в самостоятельное научное направление пока не выделилась, исследования в этой области не имеют системного характера, не определены объект и предмет научной дисциплины, ряд методологических и теоретических вопросов сохраняют остроту дискуссионности. В числе широко обсуждаемых проблем — выбор универсального критерия периодизации истории юридической науки, прежде всего отечественной. Поэтому представим свое видение этапов развития истории отечественной юридической науки. В качестве критерия периодизации выделим процесс институционализации, который связан с особенностями научной деятельности, а именно: с возникновением и осознанием обществом научных проблем, с развитием эмпирической базы правоведения, с творчеством и инновациями в правоведении, с юридическим образованием и профессионализацией научной юридической деятельности, с развитием индивидуального и коллективного факторов в науке, с этосом науки, с организацией и управлением научной деятельностью, с популяризацией научного знания о праве, с социокультурной, политической, экономической и иной обусловленностью научной деятельности и т. п.³

Институционализация — это процесс обособления различных типов социальной деятельности друг от друга в качестве социальных институтов⁴. В нашем случае это процесс отграничения юридической научной деятельности от практической юриспруденции.

Этот процесс имеет несколько стадий. В начале в определенных социально-экономических и политических условиях у общества возникает потребность в формировании и развитии нового типа деятельности — научной. Это так называемая стадия появления идей и формирования предпосылок зарождения юридической науки. На следующей стадии предпосылки приобретают причинный характер и намечаются конкретные действия, побуждающие общество создавать соответствующие организационные структуры и систему регуляторов (социальных норм) этой деятельности, то есть вырабатывается инновационная стратегия и мыслимая модель юридической науки. На следующей стадии творческие личности (правоведы) со-

¹ См. напр.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX вв.). М., 2007.

² Экономисты инновационный процесс рассматривают с точки зрения стадий готовности нового продукта. Они выделяют семь этапов инновационного процесса: генерация инноваций; оценка продукции; проверка концепции; экономический анализ; разработка продукции; пробный маркетинг; коммерческая реализация (См. напр.: Хайруллин Р. А. Этапы инновационного процесса // *Фундаментальные исследования*. — 2011. — № 12-4. — С. 809-813 и др. //URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=29485> (дата обращения: 18.10.2020)).

³ См. подр.: Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII—XIX вв. Омск, 2013. С. 21-24.

⁴ См.: *Российская социологическая энциклопедия* / Под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. М., 1998. С. 160.

образуются в профессиональное сообщество, объединенное интеллектуальными и ценностными ожиданиями и результатами, таким образом формируются условия для создания продукта — нового знания о праве. Затем осуществляется интеграция научной и иных видов деятельности в рамках существующих общественных отношений (экономических, политических, культурных и т. п.). Благодаря этому устанавливается своеобразный формальный и неформальный контроль общества над научной деятельностью. На этой стадии наука структурируется, социализируется и складывается в систему, позволяющую готовый продукт (новое знание о праве) внедрить в общественное пространство. И на завершающей стадии посредством взаимообразных коммуникаций и социально-психологических механизмов взаимодействия социума и научного сообщества юридическая наука приобретает устойчивость и стабильность, а значит широкие возможности изучения полученного результата, его популяризации и размножения.

Итак, без сомнения, появление юридической науки как сформировавшегося социального института имело непреходящее значение для дальнейшего развития всего российского общества, следовательно, этот факт можно определить в качестве критерия выделения первого уровня (в масштабе социума) инновационного процесса.

Имея «дьяческое» (по меткому выражению профессора Ф. Л. Морошкина) происхождение, отечественное правоведение долго шло к осознанию необходимости заключения права как системы и правоприменения как части правовой жизни в научные рамки. Начало XVIII столетия следует определить, как точно отметил Г. С. Фельдштейн, «первой эпохой», играющей «по отношению к зарождению науки в России эмбриональную роль»¹. Это время медленно наполнялось идеями о научной юриспруденции и массовом юридическом образовании, о систематической обработке отечественного законодательства и преодолении правового партикуляризма.

Складывание предпосылок генезиса российской юридической науки у большинства исследователей не вызывает сомнения — канун и период реформ Петра Великого. Петр I и его сподвижники, ведомые лучшими побуждениями превратить Россию в достойную европейскую державу, активно культивируют идею о рецепции европейской правовой традиции, об экстраполяции опыта обучения российской молодежи юриспруденции на основе естественно-правовой теории, о создании научной организации по европейскому образцу. Но в силу отсутствия опыта и объективных условий они не смогли создать соотносимую со временем модель отечественного научного правоведения. Тенденция отчужденности научного знания от реальной жизни сохранялась вплоть до начала XIX столетия, поэтому говорить об институционализации науки в этот период рано. В тоже время, начало XVIII века наметило пути этого процесса, сделало его необратимым.

Юридическая наука как самостоятельная сфера деятельности в России наиболее ярко проявляет себя лишь во второй половине XVIII — начале XIX веков. И постепенно идеи, рожденные петровской эпохой, стали принимать реальные жизненные формы, многие из которых были для российского общества малознакомыми, поэтому их можно определить как социокультурные инновации второго уровня. Во-первых, Императорская Академия наук, созданная еще в 1724 году и имеющая с 1725 года университет и две гимназии, заложила традицию изучать «право природы и публичное купно с политикою и этикой (нравоучением)». В качестве первых преподавателей юриспруденции в Академическом университете, а затем и в Московском (создан в 1755 г.), были приглашенные европейские профессора права Иоганн Бекенштейн, Фридрих Штрубе де Пирмон, Георг Федорович, Филипп-Генрих Дильтей и другие. Именно им принадлежит заслуга внедрения (диффузии)² отдельных компонентов европейской правовой традиции (системы понимания права по Пуфендорфу и Неттелбладту) прежде всего в отечественное профессиональное образование.

Во-вторых, вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в. отличаются повышенной активностью государства в развитии юридического образования и создании профессионального корпуса ученых-юристов и практиков. Проводится образовательная реформа, создается пять образовательных округов и в них университетские центры с юридическими факультетами. Государство стимулирует массовое юридическое образование, принимая «Правила производства в чины гражданской службы», обязывающие государственных служащих иметь соответствующую профессиональную подготовку и определенный уровень юридических знаний. При II отделении Собственной Его Величества Канцелярии создается школа подготовки профессоров права для отечественных университетов.

В-третьих, этот период отличается плодотворной деятельностью в области систематизации российского законодательства, итогом которой стало издание в 1830 году Полного собрания законов Российской империи и в 1832 году Свода законов Российской империи — необходимой эмпирической базы для науки. Вся совокупность факторов незамедлительно дала положительный результат. Формируется не только профессиональное юридическое сообщество, но в нем постепенно отграничивает свое автономное пространство сообщество ученых-правоведов. Но в этот период научная юриспруденция отече-

¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2003. С. 6.

² Понятие введено в научный оборот экономистами относительно стадии распространения инновационного продукта в производстве. В гуманитаристике наиболее активно используется историками. См. напр.: Алексеева Е. В. Указ. соч.

ственными юристами рассматривается лишь как неотъемлемая часть законотворчества и называется «наукой законов», «законоведением», «законоискусством». Отношение к правоведению как к высокому ремеслу сохранялось и в общественном сознании.

Вместе с тем широкомасштабная социализация юридического знания стимулировала инновационные процессы третьего уровня. В недрах молодой отечественной юридической науки наметились различные научные направления: в области истории российского права, истории российского государства, государственного и полицейского права, уголовного и процессуального права, складываются предпосылки для формирования научных школ. Этот период связан с научным творчеством как самих императоров России, Екатерины II и Александра I, так и видных государственных деятелей М. А. Балугьянского, М. М. Сперанского. Заметный след в отечественной науке оставили А. А. Артемьев, Ф. К. Бабичев, братья С. И. и Я. И. Баршевы, Ф. Г. Баузе, И. В. Васильев, З. А. Горюшкин, С. Е. Десницкий, В. Г. Кукольник, А. П. Куницын, Я. Д. Лодий, Ф. Л. Морошкин, К. А. Неволин, Н. Н. Сандунов, Г. И. Солнцев, И. А. Третьяков, Л. А. Цветаев и др.

Середину XIX в. — начало XX столетия характеризуют качественные преобразования в сфере государственного строительства, процессы зарождения гражданского общества в России. Они незамедлительно отразились на активной законотворческой деятельности, нацеленной на создание организационно-правовой основы, качественно отличавшейся и по юридической технике, и по содержанию от предшествующего периода. Формируются научные школы, получают автономию в своем развитии отдельные научные дисциплины: общая теория права, полицейское право, уголовное право, процессуальное право, государственное право, гражданское и международное право. Появляются фундаментальные труды известных всему миру российских юристов Н. Н. Алексева, И. Д. Беляева, П. Г. Виноградова, М. Ф. Владимирского-Буданова, П. И. Дега, Н. П. Загоскина, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Н. В. Калачова, Д. И. Каченовского, М. М. Ковалевского, А. Ф. Кони, Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, В. Н. Латкина, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, С. В. Пахмана, Л. И. Петражицкого, К. П. Победоносцева, П. Г. Редкина, В. И. Сергеевича, В. К. Случевского, А. Г. Станиславского, Н. С. Таганцева, Г. С. Фельдштейна, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича и многих других. Можно констатировать, что отечественная юридическая наука на этом этапе приобрела все черты науки и свое собственное «лицо»¹.

Последующие советский и современный (постсоветский) периоды являются логическим продолжением в развитии отечественной юридической науки, юристы-ученые имея уже сложившуюся в дореволюционное время организацию, в полной мере могли (исключение, пожалуй, составляют первые десятилетия советского периода) ощущать и ощущают сегодня свое корпоративное единство, углубляя и расширяя механизм исследования правовой действительности. Непрерывность этого процесса обеспечивает перманентно развивающаяся тенденция трансформации инновационного в традиционное.

Вернемся в прошлое, выделив лишь некоторые факты, указывающие на внедрение в правовое пространство научных инноваций, в последующем перешедших в формат научной традиции. Важно в этой связи указать на различие понятий инновации в юридической науке и инновации в юридической практике. Несмотря на то, что оба понятия раскрывают главное предназначение нового — его социальную значимость, сопряженную с качественными изменениями в разных формах правовой материи, в тоже время имеются существенные отличия в организации и технологии создания и внедрения нового. И если научные инновации нацелены прежде всего на формирование и развитие механизма производства нового знания о праве, то инновации в праве позволяют добиться эффективного результата в правотворчестве, законотворчестве и правоприменении. В тоже время те, и другие инновации находятся в логической связи. Наука генерирует идеи и инициирует начало инновационного процесса, практика подхватывает это движение мысли и воплощает ее, облекая в различные формы права и стимулируя полноценную реализацию права его субъектами.

Все многообразие инноваций можно классифицировать по разным основаниям. К примеру, классификация, предложенная А. И. Пригожиным и принятая за основу экономистами², включает следующие критерии: по степени распространения инновации, по механизму воздействия и «наследственности», по месту внутри инновационного процесса, по предполагаемому результату, по степени будущего потенциала и т. д. Эта классификация носит универсальный характер и может быть взята на вооружение, но учитывая специфику сферы, где реализуется инновационный процесс — юридическая наука, целесообразно выделить иные критерии классификации научных инноваций, которые позволили бы увидеть всю многогранность науки как социального института. К первой группе мы бы отнесли инновации, связанные с организационными изменениями науки, ко второй — способствующие раскрытию творческого потенциала научного сообщества, к третьей — обессточивающие популяризацию научного знания и его внедрение в практику. Внутри каждой группы возможна дополнительная тематическая градация, но это тема самостоятельного научного исследования. Мы же ограничимся лишь выделением первых трех групп инноваций, так как ставим задачу проиллюстрировать изложенные выше размышления. Заметим, что ряд инноваций носят комплексный характер, поэтому могут быть отнесены к двум и более группам.

¹ См. подр.: Кожевина М. А. Указ. соч.

² См. подр.: Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия: (Социал. пробл. инноватики). М., 1989.

Итак, инновации, повлиявшие на внутреннюю организацию отечественной юридической науки или повлекшие важные для дальнейшего развития организационные изменения. Первая у нас ассоциируется с новаторской деятельностью Петра Великого, в которой нашла отклик идея Г. Лейбница о создании в России Академии наук как важнейшего условия для профессионализации и организационной автономии научного сообщества. И если в самой Академии в начальный период не было юристов, то в университете, созданном при ней, был открыт юридический факультет. События 1724-1726 гг. имеют продолжение в последующие столетия. Сегодня в Российской Академии наук есть Институт государства и права, сохраняющий статус ведущего научного центра, сложилась сеть исследовательских институтов по изучению права и законодательства, государственная система юридического образования вбирает все многообразие образовательных форм.

Вторую организационную новацию мы бы связали с введением Положения о производстве в ученые степени (1819, 1837, 1844, 1864 гг.) и т. п., которое позволило создать систему контроля научных достижений и стимулирования научной деятельности. Сегодня иного не придумано, система оказалась жизнеспособной. Традицией стали публичные защиты диссертационных исследований на соискание ученых степеней.

Третьей, на наш взгляд, является «экзамен на государственный чин», введенный 6 августа 1809 г. на основе указа «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Экзамен стимулировал развитие массового юридического образования и формирования профессионального сообщества юристов. С одной стороны, юридическое образование, действительно, стало массовым, профессиональное сообщество юристов представляет многотысячную армию, с другой, требование иметь определенный уровень юридических знаний по-прежнему является критерием в карьерном продвижении отдельных категорий государственных служащих.

Четвертая — по инициативе М.М. Сперанского в 1828 году при II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии создается «школа профессоров российского права»¹, тем самым было положено начало развитию системы подготовки юридических научно-педагогических кадров.

Формируясь, научное сообщество стремится к консолидации, создает всевозможные общественные организации (общества, ассоциации и т.п.), объединяющие ученых по научным интересам или по отдельным научным специальностям как на внутрисударственном, так и на международном уровне. Начало этому направлению было положено в конце 1862 г. Ординарные профессора юридического факультета Императорского Московского университета С. И. Баршев и В. Н. Пешков в кругу сподвижников озвучили идею создания кружка юристов. 20 января 1863 г. в квартире С. И. Баршева состоялось организационное заседание кружка московских юристов. Эта дата стала днем рождения Московского юридического общества. В 1964 года юридическое общество было присоединено к Московскому университету. Позже профессор В.Н. Лешков писал об этом событии: «Юридическое общество — это аудитория, но аудитория живая, где слушатели не только поучаются, но и поучают; это кафедра, но кафедра обширная, занятая профессорами, которые не только горды своими знаниями, но любят знания и готовы выслушать других и поучиться; это большая юридическая арена для обучения судебному красноречию, которую потом оставляют ораторы, как оставляют птенцы скорлупу яиц»².

Важной вехой в истории образования юридических обществ в России явился 1-й съезд русских юристов, состоявшийся в 1875 г., который в свою очередь дал толчок к появлению обществ подобных московскому в университетах Киевском (1876), Санкт-Петербургском (1877), Казанском (1879), Новороссийском (1879) и др.³ В настоящее время этот опыт получил продолжение — Ассоциация юристов России, Профессорское собрание Российской Федерации и иные общественные организации юристов иницируют различные научные форумы (симпозиумы, конференции, конгрессы), в рамках которых ученые обмениваются своими научными достижениями, опытом, одновременно пропагандируя научную деятельность, привлекая к ней внимание всего общества. Такие организации, как правило, устраивают различные конкурсы в части исследования какой-нибудь общественно значимой проблемы, учреждают премии победителям, тем самым стимулируют научное творчество различных категорий ученых, молодых и более опытных, оказывают материальную поддержку исследовательским группам за счет собственных (членских взносов) или спонсорских средств⁴.

В группе инноваций, способствующих раскрытию творческого потенциала научного сообщества, мы бы отдельно выделили события, свидетельствующие о диффузии (внедрении) европейского юридического опыта в отечественную юриспруденцию. Европейская традиция права прежде всего получила отклик в образовательной среде. В качестве основных учебников для будущих юристов были определены книги представителей умеренного крыла естественно-правовой школы немецкого юриста Самуила Пу-

¹ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850 гг. Екатеринбург, 2005. С. 293-294.

² Томсинов В. А. Московское юридическое общество при императорском Московском университете // Законодательство. 2002. № 3. С. 90.

³ Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М., 1987. С. 48.

⁴ См. подр.: Кожевина М. А. Указ. соч. С. 162-170.

фендорфа «О должности человека и гражданина согласно естественному праву в двух книгах», а затем немецкого правоведа Даниэля Неттелбладта «Элементарная система всеобщей натуральной юриспруденции». Оба учебника были переведены на русский язык. И если переводчик первого известен — Гавриил Бужинский, советник Святейшего Синода и одновременно архимандрит Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря, то о втором есть только предположения. Главная заслуга переводчиков заключается не только в том, что посредством переведенных книг внедрялась в образовательную систему европейская методика обучения правовым наукам, но и личным вкладом в русификацию иностранных терминов. Например, в приложении к основному тексту книги Пуфендорфа Гавриил Бужинский опубликовал «Реэстр речений (юридических) неудобь Российски перелагаемых», то есть словарь иностранных юридических выражений, трудно переводимых на русский язык, таким образом перевод способствовал формированию русской юридической терминологии¹.

В качестве преподавателей в первые российские университеты были приглашены немецкие ученые. Среди них заметный след в отечественной научной юриспруденции оставил профессор Академического университета Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон. Он первый в научном сообществе отечественных юристов предпринял попытку систематизировать российское законодательство и сопроводить его научными комментариями. Рукопись «Краткого руководства к российским правам» была написана им «по-немецки» и переведена на русский язык академическим переводчиком Василием Лебедевым, но опубликована не была, так как «краткой» не получилась. В 1750 году книгу поместили в рукописный отдел библиотеки Академии наук². Другое произведение Ф. Г. Штрубе де Пирмона «О начале и переменах российских законов», речь, произнесенная 6 сентября 1766 года, позже напечатанная в русском переводе Семена Нарышкина, Н. М. Коркуновым было определено как «первое печатное исследование по истории русского права», оно «обращает на себя внимание потому, что в ней ученый применил приемы сравнительного правоведения»³.

К числу первых переводов по праву относятся и «Три книги о праве войны и мира» Гуго Гроция, «Восемь книг о естественном праве и праве народов» Самуила Пуфендорфа, книга Викфора «Посол и его функции». Но, несмотря на то, что первые переводы не были напечатаны, они все-таки не утрачены и «значатся в каталогах библиотек П.П. Шафирова и А.А. Матвеева» и в фондах Государственной Публичной библиотеки хранятся, где хранятся и другие рукописные переводы этого времени, например, произведения Томаса Гоббса и Джона Локка⁴. Перевод иностранной литературы оказал заметное влияние на формирования отечественной правовой мысли, а практика создавать библиотеки и наполнять их фонды юридической литературой обеспечила юридическому сообществу дополнительный трафик (кроме университетов и зарубежных научных и образовательных стажировок) европейской правовой традиции. В конце XIX века Н. М. Коркунов по этому поводу писал: «Наше отношение к западной науке можно сравнивать с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее, в каких-нибудь полтора столетия, мы почти успели наверстать отделяющую нас от западных юристов разницу в слишком шесть столетий»⁵.

Вместе с тем процесс внедрения иностранной научной и философской литературы способствовал формированию источниковой базы отечественной юридической науки, которая расширялась и за счет отечественных сборников. К концу XVIII века появляются, так называемые «Словари», представляющие хронологическую систематизацию отечественного законодательства. Первым таким сборником стал изданный в 1788 году «Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку, для практического употребления Императорского Московского университета в юридическом факультете, сочиненный Лангансом»⁶. Новация создавать и издавать сборники законодательства с комментариями стала традицией, и научная деятельность, и юридическая практика вряд ли возможны без такого «арсенала».

Однако центральное место в процессе формирования источниковой базы отечественной юридической науки, бесспорно, занимает широкомасштабная систематизация российского законодательства, которая по оценкам современников, в том числе европейских исследователей, является беспрецедентной «по размаху и дерзости», не имеющая аналогов в истории права⁷.

Результат этой деятельности известен — в 1930 году выходит в свет «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах, в 40 из которых были тексты узаконений от Соборного Уложения 1649 года до законов 1825 года, 5 томов содержали хронологический и алфавитный реестры, книги штрафов,

¹ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 66-67.

² Фельдштейн Г. С. Указ. соч. С. 123.

³ Коркунов Н. М. История философии права Пособие к лекциям СПб, 1908. С. 254.

⁴ Грабарь Б. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М., 1958. С. 40.

⁵ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 248.

⁶ Словарь юридический или свод российских узаконений по азбучному порядку с прибавлением, против напечатанного в университете трех годов 788, 789 и 790. Тобольск, 1791 и др.

⁷ Графский В. Г. Систематизация законодательства в европейской и российской традиции//Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): Материалы международного круглого стола. Москва — Нижний Новгород — Екатеринбург, 2008. С. 21.

тарифов, чертежей и рисунков. В 1932 году издается «Свод законов Российской империи» (8 книг, 15 томов), включивший текущее законодательство. В итоге, проведенная научно обоснованная систематизация российского законодательства, позволила решить ряд важных политических и практических задач¹. Значительно повысилось качество законодательства, повысилась эффективность правоприменительной деятельности, было создано единое правовое информационное поле, сформирована организационно-правовая база для государственных органов власти и управления, а также сложилась источниковая база для юридической науки и образования. Оценивая этот факт, профессор Г. С. Гордеенко в свое время писал: «До издания Полного собрания и Свода законов Российской империи наука российского правоведения в истинном ее значении не существовала: не было полной и национальной системы правоведения, образованной собственно в духе российского права». Он считал, что эти издания заложили «краеугольный камень науке российского законовещения, были определены ее источник, предмет и основные задачи», но в тоже время «потребны были еще долговременные, обширные, разнообразные исследования, чтобы объяснить и раскрыть отечественное право в полном его бытии, постигнуть это живое, непрерывно обновляющееся начало народной нравственности, разгадать его отношение к временным и особенным обстоятельствам народа, к вечному закону права и обозреть действие его деятельного начала в народной жизни»².

Новый вектор, направленный на историческое и догматическое исследование отечественного законодательства, обусловил необходимость теоретических обобщений в рамках специальной дисциплины. Среди многих отечественных правоведов, предпринимавших попытки развить это научное направление, пальма первенства отдается К. А. Неволину — автору первого учебника по энциклопедии законовещения, увидевшего свет в 1839-1840 годах³. Позиция К. А. Неволлина определила отношение к теории права и фактически положила начало новому, самостоятельному, направлению в отечественной юридической науке.

В отдельную группу следует выделить новаторские работы в отраслевых юридических науках — гражданском, уголовном, процессуальном, международном, административном и т. д. В силу обширности материала, данный аспект следует освещать в отдельном исследовании.

Развитие отраслевых наук в отечественной юриспруденции неразрывно связано с развитием истории права, прежде всего, русского. Исследования И. Ф. Г. Эверса «Древнейшее право русских в его историческом развитии» (1835 г.)⁴ и А. М. Ф. фон Рейца «Опыт истории российских государственных и гражданских законов» (1836 г.)⁵ явились «первым опытом полного и систематического курса истории русского права»⁶.

Отдельного внимания и аналитики требуют работы представителей социологической и психологической школ права, возникших в недрах отечественной юридической науки во второй половине XIX столетия и подаривших мировой научной общественности новые подходы к пониманию права.

Подводя черту в рамках второй группы научных инноваций отметим, что спектр инноваций в отечественной юридической науке очень широк, поэтому требует углубленного исследования и освещения. Главное заключается в том, что инновационный потенциал отечественной юридической науки складывался исторически и подпитывался различными источниками, к числу которых мы отнесем и третью группу инноваций, обесточивающих популяризацию научного знания и его внедрение в практику.

Сделать научные знания достоянием широких масс дело сложное и не всегда эффективное. С развитием науки корпорация ученых стремится вовлечь в круг своих сподвижников как можно большее количество практиков-профессионалов, всех интересующихся наукой и сочувствующих ей. С этой целью используются различные средства. Однако предпочтительной формой популяризации научного знания является массовая печать, посредством которой создается информативное поле, доступное всем.

Традиция распространения научного знания в образованных кругах российского общества зародилась в созданной Академии наук. Первые юридические издания конца XVIII — начала XIX носили просветительский энциклопедический характер, что было оправдано практической направленностью отечественной юридической науки. Начало формированию научной юридической печати положил «Журнал правоведения барона Ивана Беллингаузена» (1812 г.). Он содержал статьи, написанные или переведенные самим редактором. Основная цель журнала автору виделась в том, чтобы «доставить любителям правоведения в Отечестве своем за малую цену издание, в котором, сверх выписок из достопамятнейших законов, будут содержаться занимательные юридические рассуждения и известия, заимство-

¹ См. подр.: Кожевина М. А. Указ. соч. С. 80-103.

² Цит. по: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010. С. 8, 272.

³ Неволлин К. А. Энциклопедия законовещения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К. Н. Неволлина. Т. 1. СПб., 1857.

⁴ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835.

⁵ Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / Пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836.

⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Р/на-Дону, 1998. С. 34.

ванные из лучших, но притом обширных и дорогих творений по правоведению, издававшихся на разных иностранных языках»¹. Жизнь журнала была недолгой, однако заслуга И. Беллинсгаузена заключалась в том, что впервые указывались критерии юридического журнала, определялось его целевое назначение, структура, были показаны юридическая специфика и особенности подачи материала. Поэтому в дальнейшем ярким событием в отечественной юридической науке стал выпуск первого, как считают многие исследователи, полноценного научного юридического журнала «Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным». Первые два тома были изданы только профессором П.Г. Редкиным в Москве в 1841—1842 гг., следующие два он создает совместно с К.Я. Яневичем-Яневским в Петербурге в 1859—1860 гг., последний выпускает уже один К.Я. Яневич-Яневский в 1862 году². В итоге инновация постепенно трансформировалась в традицию. Научная юридическая журналистика сегодня достойно занимает свою нишу в информационном пространстве российской науки.

Уникальной формой апробации научных достижений стала законотворческая деятельность ученых-юристов. В XIX веке законотворчество имело как официальный, так и неофициальный характер, представляя редкий опыт социализации научного знания, способствовало консолидации научного сообщества, формированию научных ценностей и развитию правовой культуры. В большей степени эта тенденция проявилась в работе по систематизации российского законодательства и в комиссиях по кодификации отраслевого права. Начало этой работы связано с Комиссией составления законов, учрежденной 16 декабря 1796 г. указом Павла I. Комиссии поручалось «изданные доньше узаконения и извлечь из оных три законов Российской империи книги: 1-ю Уголовных, 2-ю Гражданских и 3-ю Казенных дел, показав в оных прямую черту закона, на которой судия утвердительно основаться должен»³. Деятельность законотворческой комиссии впервые соотносилась с научными принципами законоискусства, которые придавали ей упорядоченный и системный характер.

Работа по систематизации отечественного законодательства, основанная на видовой классификации правового массива, определила необходимость глубоких исследований отраслевого права. Большую роль в развитии отечественной юридической науки и ее отраслей сыграли научные дискуссии и проекционные работы в области государственного, гражданского, уголовного и процессуального права. Каждый из проектов Гражданского Уложения, Уголовного Уложения, отдельных Уставов и узаконений являлся инновацией в российском праве.

Таким образом, завершая отметим, что инновация и традиция — явления исторически обусловленные, поэтому имеют свою историческую проекцию и неразрывно связаны с эволюционированием отечественной юридической науки как социального института. Инновационность и традиционность, два неотъемлемых свойства отечественной юридической науки, обеспечивают ей устойчивое прогрессивное развитие сегодня и в будущем.

---

¹ Журнал правоведения, издаваемый надворным советником бароном Иваном Беллинсгаузенем. Часть первая. СПб., 1812. С. 192.

² См. подр.: Кожевина М. А. Указ. соч. С. 171-193.

³ Полное собрание законов Российской империи (1-ПСЗРИ). Т. 24. № 17652. С. 242.

Лановая Галина Михайловна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Lanovaya Galina Mikhailovna

doctor of law, associate professor, professor of the department of theory of state and law of the Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Инновации в праве: новшества или нововведения

Innovations in law: innovations or innovations

Аннотация. Решая вопрос о том, каково значение термина «инновация в праве», автор обосновывает невозможность его однозначной интерпретации. Делается вывод о том, что названный неологизм языка юридической науки имеет два самостоятельных значения. Во-первых, термином «инновация в праве» обозначается новшество, привнесенное в право, во-вторых, инновацией в праве предстает нововведение как особый процесс. Уточняется, что понимается под инновацией в праве тогда, когда она определяется как новшество, и что представляет собой инновация в праве как нововведение.

Ключевые слова: язык юридической науки, правовой термин, инновация в праве, обновление права, система права.

Annotation. Solving the question of what is the meaning of the term «innovation in law», the author justifies the impossibility of its unambiguous interpretation. It is concluded that the named neologism of the language of legal science has two independent meanings. First, the term «innovation in law» refers to an innovation introduced into law, and second, innovation in law is presented as a special process. It clarifies what is meant by an innovation in law when it is defined as an innovation, and what constitutes an innovation in law as an innovation.

Keywords: language of legal science, legal term, innovation in law, renewal of law, system of law.

В современных условиях скорость обновления права оказывается настолько высокой, что осмысление данного процесса и его описание на языке юридической науки приобретают особую теоретическую и практическую значимость. В этой связи закономерным оказывается появление целого ряда новых терминов, некоторые из которых, будучи созданными в полном соответствии с деривационными нормами современного литературного языка, тем не менее, оказываются трудными для интерпретации. Сказанное в полной мере относится к такому неологизму как «инновация в праве».

Не последнюю роль в том, что значение названного нового для языка юридической науки термина оказывается не вполне ясным и четким, играет отсутствие определенности относительно того, каким образом он «вписывается» в ряд однокоренных слов — таких как новообразование, нововведение, новаторство, новация, новшество, новинка и так далее. При этом наиболее сложной проблемой становится решение вопроса о том, как соотносится «инновация» с «новшеством» и «нововведением».

Поскольку английское слово «innovation» переводится на русский язык не только как «инновация», но и как «новшество» и «нововведение», в литературном языке названные слова оказываются часто употребляемыми синонимами «инновации». Судя по контексту, в ряде случаев им придается значение синонимов и в языке юридической науки, там, где речь идет об инновациях в праве.

Вместе с тем, одним из важнейших требований, предъявляемых к научной терминологии, является точность. В этой связи в языке юридической науки в качестве обозначающих одно и то же понятие могут использоваться лишь так называемые «абсолютные» синонимы, представляющие собой лексические единицы, полностью совпадающие между собой по значению и употреблению. Слова «новшество» и «нововведение» таковыми с очевидностью не являются: в современном русском литературном языке их значения совпадают лишь частично. Что касается юридических текстов, то термин «новшество» используется для обозначения чего-либо нового или новой комбинации уже известных элементов¹, свершившегося факта, свидетельствующего

---

¹ Ефимцева Т. В. Инновационное право Российской Федерации: монография. Рязань: Концепция, 2014. С. 6.

щего «о новом явлении, процессе и т. п.»¹. Термин «нововведение» чаще всего применяется для обозначения либо процесса создания, распространения и использования новшества², либо «реализованного новшества»³. Таким образом, и в языке юридической науки значения названных терминов не совпадают.

Принимая во внимание то, что «новшество» и «нововведение» не являются полными синонимами и, следовательно, не могут использоваться в этом качестве в интерпретации термина «инновация в праве», полагаем необходимым разобраться в том, какой смысл заключает в себе интересующий нас неологизм, а также в том, указание на какое именно родовое понятие — «новшество» или «нововведение» — позволяет адекватно выразить его суть.

В тех немногочисленных определениях, которые встречаются в современных публикациях, инновации в праве чаще всего идентифицируются в качестве новшеств. Например, Д. В. Грибанов пишет: «...В широком смысле термин «инновация» применяется ко всем новшествам в производственной, экономической, культурной, организационной, государственно-правовой и иных сферах деятельности, к любым усовершенствованиям во всех областях общественной жизни, отвечающим признакам новизны и практической применимости»⁴. Е. Ю. Курышев, употребляя понятие «инновация в праве» в качестве синонимичного понятию «правовая инновация», последнюю предлагает рассматривать как «внедренное в правовую систему новшество, качественно улучшающее ее элементы с целью гармонизации действующего права»⁵.

Интерпретация инновации в праве как новшества предполагает признание таковой либо вновь созданного, привнесенного в право в качестве нового элемента, либо изменившейся характеристики права, обнаруживаемой на уровне того или иного уже существующего элемента. Несмотря на то, что такое понимание инновации само по себе не вызывает теоретических возражений, с ним все же не позволяет безоговорочно согласиться анализ контекста, в котором употребляется термин «инновация в праве» (в том числе и авторами, определяющими инновации в праве как новшества).

Понимание инновации в праве как новшества подразумевает необходимость отнесения ее к числу статических характеристик правовой реальности. Однако, такое понимание не согласуется с тем, что, интерпретируя интересующий нас термин, исследователи в то же время указывают на такие черты «инновации», которые связаны с характеристикой ее как процесса.

Во-первых, инновация в праве нередко сравнивается с другими процессами. Например, Д. В. Грибанов пишет о том, что «когда говорят ... «инновации в праве», то следует иметь в виду, что речь идет о выработке каких-либо новых полезных знаний ... и их реализации»; «с точки зрения широкого подхода к пониманию инноваций этот термин оказывается близким по значению слову «модернизация», характеризующему серьезные преобразования во всех областях общественной жизни»⁶.

Во-вторых, определение инновации в праве в качестве новшества не согласуется с признанием ее формой обновления права⁷. Обновление предстает специфическим процессом, и в этой связи оно рассматривается в качестве динамической характеристики права⁸.

В-третьих, по той же причине интерпретации инновации в праве в качестве новшества противоречит признание реформы ее самостоятельной формой⁹. Поскольку «реформа выражается в изменении формы, содержания или сущности чего-либо и предполагает существенные модификации в механизме функционирования объекта»¹⁰, очевидно, что в данном случае речь идет о специфическом процессе и, следовательно, о динамической характеристике права.

В-четвертых, определение инновации в праве в качестве новшества не предполагает возможности разграничения ее этапов как разделенных во времени частей, стадий. Постановка вопроса о таких этапах¹¹, а иногда — о «волнах» инноваций¹² прямо указывает на то, что под инновацией в праве в данном случае понимается именно процесс.

¹ Кожуханов Н. М. «Инновация в праве» как теоретико-правовая категория // Вестник Российской таможенной академии. 2011. № 1. С. 64-65.

² Там же. С. 65.

³ Ефимцева Т. В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Грибанов Д. В. Инновации и модернизация в жизни, экономике и праве: понятийный аппарат // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1. С. 48-49.

⁵ Курышев Е. Ю. Инновация как форма обновления права // Актуальные проблемы права: материалы IV Международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 10.

⁶ Грибанов Д. В. Указ. соч. С. 47.

⁷ Курышев Е. Ю. Указ. соч. С. 9-12.

⁸ Васильева С. М. Правовой обычай и обновление права: общетеоретическое обоснование соотношения и взаимовлияния. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. С. 5, 7-8.

⁹ Курышев Е. Ю. Реформа как одна из форм инноваций в праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4. С. 136-141.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ См.: Курышев Е. Ю. Структура механизма реализации инноваций в праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3. С. 18.

¹² См.: Зипунникова Н. Н. Профессионализация юридической сферы Российской Империи, или организация юридического образования как правовая инновация // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-2 // Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21090673_56882455.pdf (дата обращения: 19 октября 2020 г.).

На первый взгляд, то, что термином «инновация в праве» обозначается специфический процесс, указывает на необходимость использования в определении интересующего нас неологизма в качестве родового понятия «нововведение». Однако, и этот вывод не может быть признан однозначным, так как имеется, по крайней мере, ряд исследований, в которых инновация в праве рассматривается именно в качестве новшества, никакими характеристиками, позволяющими говорить о ней как о процессе, не делаясь. Например, именно в качестве новшества рассматривает инновацию в праве И. Л. Честнов, ставя вопрос о ней как о позитивной девиации¹.

Более того, есть основания предполагать, что интерпретация инноваций в праве в качестве привносимых в него новшеств со временем будет приобретать все больше и больше сторонников. Этому в условиях существенности влияния, оказываемого на язык юридической науки смысловым строем языка действующих нормативных правовых актов, может способствовать то, что российские законодатели идут именно по пути рассмотрения инновации в качестве новшества. В частности, ст. 2 Федерального закона от 23 августа 2020 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (редакция от 31 июля 2020 г.) закрепляет следующее нормативное определение: «Инновации — введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях».

Принимая во внимание изложенное, следует признать, что либо «инновация в праве» — термин, имеющих два самостоятельных значения, либо им охватываются и новшества, и нововведения, мыслимые в качестве составляющих единого, общего для них класса.

Мнение о том, что понятием «инновации в праве» охватываются одновременно и новшества, и нововведения, высказывалось Н. М. Кожухановым, который указывал, что «инновации в праве — это правовое новшество, внедренное в ходе новаторства в само право как определенную систему ... а также нововведение — сам процесс (механизм) осуществления создания, распространения, использования правового новшества, сопровождающийся положительным изменением состояния правового регулирования, что влечет за собой повышение качества системы права»².

Однако, если бы под инновацией в праве действительно понималось и новшество, и нововведение как процесс его создания, распространения и использования, то это означало бы, что мы имеем дело с термином, которому соответствует понятие с «размытым», излишне абстрактным содержанием. Поскольку смысл любого научного термина — в отграничении предметов определенного класса от других, схожих с ними, будучи «всеохватывающим», интересующий нас неологизм оказался бы не востребуемым. Однако, в действительности он все более широко используется в языке юридической науки, и это указывает на его бесспорную инструментальную ценность.

Принимая во внимание изложенное, можно говорить об отсутствии веских оснований для рассмотрения термина «инновация в праве» в качестве соотносимого с «размытым», не имеющим четких границ понятием, содержанием которого охватываются одновременно и новшества как обнаруживаемые в праве новые элементы, и нововведения как процессы, связанные с созданием, распространением и использованием правовых новшеств. Надо полагать, мы имеем дело с многозначным термином, подобным тому, какими являются термины «право», «источник права», «заклучение», «обвинение» и некоторые другие. И здесь следует отметить, что, несмотря на значимость такого предъявляемого к юридическим терминам требования как однозначность, оно «не всегда выдерживается в силу проявления стихийных механизмов развития естественного языка»³. В результате язык юридической науки пополняется неологизмами, имеющими несколько значений. Именно таким неологизмом можно считать термин «инновация в праве».

Далее полагаем необходимым разобраться, что понимается под инновацией в праве тогда, когда она определяется как новшество, и что представляет собой инновация в праве как нововведение. Решая поставленный вопрос, полагаем целесообразным опираться как непосредственно на те описания, которые даются инновациям в праве в специальной литературе и научных публикациях, так и на анализ контекста, в котором используется интересующий нас неологизм.

Интерпретация инновации в праве как новшества, во-первых, предполагает признание таковой вновь созданного, привнесенного в право. Подразумевается, что инновация — это часть самого права, то, что характеризует его в отличие от права, существовавшего ранее.

Во-вторых, инновация в праве — это не любое изменение, а изменение востребованное. Его востребованность означает, с одной стороны, признание инструментальной ценности, с другой стороны, реальное использование на практике для решения каких-либо задач (внедренность в практическую деятельность).

В-третьих, востребованность инновации органично сочетается с ее способностью в действительности обеспечивать решение практически значимых задач. Инновация в праве — это всегда «улучшение»,

¹ См.: Творчество как позитивная девиантность / Под общ. ред. д.ю.н., профессора Я. И. Гилинского и д.ю.н., профессора Н. А. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 175-193.

² Кожуханов Н. М. Указ. соч. С. 67.

³ Барабаш О. В. Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2015. № 2. С. 41.

причем не предполагаемое, а реальное, действительное, свершившееся. Такое улучшение может выражаться, например, в гармонизации законодательства, оптимизации регулирования отношений определенного вида, повышении уровня гарантированности декларированного субъективного права.

В-четвертых, инновации в праве — это новшества, привносимые в систему права на уровне отдельных элементов, они не являются изменениями права как системы в целом. При этом речь идет именно о тех элементах, которые в принципе могут быть изменены целенаправленным приложением усилий. Так, например, изменить отраслевую систему законодательства, внося в нее что-то новое, возможно, а правовой менталитет — нет. Что касается права в целом, то, если понимать его широко, не сводя к системе установленных государством норм, инновации могут способствовать лишь ускорению или замедлению происходящих в нем изменений, иными словами, выступать условиями таких изменений, но не их первопричиной.

В-пятых, инновация в праве предстает результатом интеллектуально-волевых усилий. Однако, в ее характеристике принципиально значимо не только и не столько то, что ее что «первичным источником ... является умственная человеческая деятельность»¹, гораздо более важным следует считать то, что целью и результатом интеллектуально-волевых усилий выступает мобилизация тех возможностей решения значимых для правовой практики задач, которые заложены в праве по природе. Таким образом, инновация в праве — это всегда не просто содержательное изменение элементов системы права, это новое технологическое решение относительно того, как актуальные для правовой практики задачи могут быть решены за счет более совершенного использования правового инструментария.

Инновация в праве как нововведение характеризуется следующими признаками.

Во-первых, такая инновация — это усовершенствование как изменение, целенаправленно планируемое и специально осуществляемое с целью оптимизации, повышения эффективности действия права. Таким образом, речь идет не о процессе, закономерно протекающем под влиянием объективно существующих условий, а о процессе как о системе интеллектуальных усилий и организационных действий, предпринимаемых субъектом (субъектами) для достижения поставленной цели посредством «материализации» идеальной модели, теоретической конструкции, правовой технологии и т. д. Центральное место в названной системе отводится внедрению и практическому использованию новой идеи.

Во-вторых, инновация в праве возникает «в связи с достижением определенного качественного уровня развития науки и техники»². Под такой инновацией, говоря о ней как о нововведении, следует понимать процесс, который возникает не случайно, а становится возможным лишь в условиях приращения научных знаний и генерации новых практически значимых научных идей, стимулируется ими. При этом в характеристике данного процесса принципиально значимо не столько то, какие цели преследует субъект, осуществляющий инновацию, сколько то, какие технологии он применяет, для того чтобы достигнуть поставленные цели. В этой связи бесспорной является неразрывная связь правовой инновации с правовой технологией³.

В-третьих, инновация в праве представляет собой процесс, который может протекать только в условиях интеллектуальной и творческой свободы. Вместе с тем, такую свободу следует рассматривать прежде всего в качестве необходимого условия создания новшеств, а что касается их апробации и внедрения, то их осуществление в ряде случаев как раз может требовать организующих властных усилий. В то же время в отличие, например, от технической сферы, стимулирование инноваций в праве в любом случае не требует принудительного ограничения распространения и использования новшеств как результатов интеллектуальной деятельности, и это создает условия для более полного проявления интеллектуальной и творческой свободы на этапе реализации новой идеи или решения.

В-четвертых, инновация — это всегда заверченный, законченный процесс. При этом требуется уточнить, что результатом инновации выступает не просто новшество или реализация новой идеи, а, с одной стороны, выгодное использование новшества, с другой стороны, его рутинизация, превращение того, что является новшеством, в привычное и обычное.

В-пятых, в качестве результата инновации, как правило, рассматривается существенное изменение состояния системы⁴. Вместе с тем, следует учитывать, что право представляет собой сложную систему, характеризующуюся как процессами организации, так и самоорганизацией. В силу этого об инновации вряд ли можно говорить как о процессе, результатом которого может быть существенное изменение права как целостной сложной системы. Инновация в праве приводит к существенному изменению тех составляющих в системе права, на совершенствование которых нацелен названный процесс.

В-шестых, инновация в праве представляет собой процесс, принципиально отличный от правовой (юридической) инновации. Если инновация в праве связана с таким внедрением новых идей, результа-

---

¹ Бородко Н. П. Роль права в освоении теории инноваций // Труды БГТУ. 2019. Серия 6. № 1. С. 121.

² Грибанов Д. В. Указ. соч. С. 48.

³ См.: Черненко А. К. Инновация как способ формирования современной российской правовой системы // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 1. С. 79-80.

⁴ См.: Романченко С. В. Новшества, нововведения, инновации: определения и сущность // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 168.

том которого становится существенное изменение составляющих права как системы, то правовая (юридическая) инновация — это средство решения экономических, социальных, политических и иных задач. В данном случае речь идет об использовании инструментальных возможностей права в политической, экономической, социальной, научно-технической или какой-либо другой сфере, а не о процессе, локализованном в правовой сфере.

Подводя итог проведенному теоретическому анализу, следует отметить, что язык юридической науки оказывает постоянное ощутимое влияние на другие составляющие правового языка, в том числе язык нормативных правовых актов и правоприменительных документов. В этой связи решение малозначимых, на первый взгляд, проблем, связанных с уточнением значения новых научных терминов, к числу которых бесспорно относится «инновация в праве», в действительности оказывается важным не только в теоретическом, но и в практическом плане. Если возникающие в языке юридической науки неологизмы долгое время будут оставаться словами, соотносимыми с неопределенными по своему содержанию, «размытыми» понятиями, вряд ли можно ожидать, что развитие названного языка будет оказывать позитивное влияние на развитие правового языка в целом.

Лафитский Владимир Ильич

профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Научного совета и приглашенный профессор Международной антикоррупционной академии (Лаксенбург, Австрия), член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Париж, Франция), заслуженный юрист Российской Федерации

Lafitsky Vladimir Ilich

professor of the Kutafin Moscow state law University (MSLU), member of the Scientific Council and visiting professor of the International anti-corruption Academy (Laxenburg, Austria), corresponding member of the International Academy of comparative law (Paris, France), honored lawyer of the Russian Federation

E-mail: vlafitskiy@gmail.com

Сравнительное правоведение в законотворческой деятельности России и зарубежных стран

Comparative Law in Law Drafting Activities in Russia and Foreign States

---

Аннотация. В статье анализируются значение и основные направления использования сравнительно-правовых исследований в законотворческой деятельности: (1) изучение правового пространства современного мира в целях выявления тенденций его развития, оценки существующих и потенциальных угроз; разработки новых либо корректировки существующих программ и проектов законотворческой деятельности; (2) сравнительно-правовая экспертиза проектов законов с целью более углубленной оценки степени проработанности законопроектов, перспектив их применения, выявления возможных правовых рисков; (3) участие ученых-компаративистов в подготовке проектов законов, иных нормативных правовых актов, а также в создании на основе обобщения разных правовых решений новых образцов правового регулирования; (4) решение задач гармонизации правового пространства интеграционных объединений; (5) совершенствование законодательной техники с целью повышения эффективности действия и качества стилистического оформления, доступности восприятия законов, иных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: сравнительное правоведение; законотворческая деятельность; сравнительно-правовая экспертиза; разработка нормативных правовых актов; совершенствование законотворческой техники.

Abstract. The article analyzes the significance and main directions of the use of comparative law researches in law drafting activities: (1) the study of the legal space of the modern world with the aim to identify trends in its development, assess existing and potential threats; development of new or modifying existing programs and plans of law drafting activities; (2) comparative law expertise of draft laws for the purpose of in-depth assessment of the degree of elaboration of draft laws, prospects for their application, identification of possible legal risks; (3) participation of comparativists in drafting laws and other regulatory legal acts, as well as in the creation of new models of legal regulation based on the generalization of various legal decisions; (4) solving problems of harmonization of the legal space of integration associations; (5) improvement of legislative techniques in order to increase the efficiency of action and the quality of stylistic design, the accessibility of perception of laws and other regulatory legal acts.

Key words: comparative jurisprudence; legislative activities; comparative legal expertise; drafting regulatory legal acts; improvement of legislative techniques.

Сравнительное правоведение широко используются в законотворчестве, решая разные задачи.

Одно из основных его направлений — изучение правового пространства современного мира в целях выявления тенденций его развития; оценки существующих и потенциальных угроз; разработки новых либо корректировки существующих программ и проектов законотворческой деятельности.

Такие исследования проводятся в основном аналитическими центрами парламентов или правительств.

В США одним из таких центров является Исследовательская служба Конгресса (Congressional Research Center), в рамках которой сформировано подразделение по вопросам внешней политики, обороны и торговли, включающее восемь региональных и функциональных отделов. Основная его задача — исследование и подготовка для Конгресса США материалов по критически важным вопросам международной безопасности, политического, экономического и правового развития регионов мира, транснациональных проблем терроризма и беженцев, глобальных международных организаций и т.д.

Сравнительно-правовые исследования проводят и другие подразделения Исследовательской службы Конгресса, в том числе по вопросам права США; внутренней социальной политики, правительственной деятельности и финансов и др.¹

Значительный объем сравнительно-правовых исследований для федеральных органов власти осуществляют также специализированные отделы Библиотеки Конгресса США, а также многочисленные частные и государственные фонды, университеты и научные учреждения.

В Российской Федерации сравнительно-правовые исследования для государственных органов в течение многих десятилетий проводит Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, продолжая традиции, установленные Постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1963 г. № 651:

«изучение и обобщение предложений об изменении и дополнении действующих нормативных актов и участие в подготовке законопроектов... изучение и обобщение законодательства зарубежных стран» (пункт 6)².

Наиболее интенсивно Институт проводил такие исследования в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда практически все законопроектные работы сопровождались подготовкой детально проработанных сравнительно-правовых обзоров, в создании которых участвовал и автор настоящей статьи³.

В частности, для Съезда народных депутатов СССР были подготовлены информационные обзоры «Федерация в зарубежных странах» (М., 1990)⁴ и «Институт президентской власти в современном мире» (М., 1991)⁵, материалы которых использовались при подготовке проекта Союзного договора, а также законов, иных нормативных правовых актов СССР по вопросам организации государственной власти.

Значительный объем аналитических, в том числе сравнительно-правовых, материалов готовили многие другие союзные и республиканские научные и образовательные центры, в том числе Институт государства и права Академии наук СССР (с декабря 1991 г. — Российской академии наук), юридические факультеты Московского, Ленинградского (Санкт-Петербургского), Свердловского (Уральского), Нижегородского, Казанского, Саратовского.

Второе направление — сравнительно-правовая экспертиза проектов законов. В соответствии с регламентными нормами Правительства Российской Федерации все законопроекты, которые направляются на его рассмотрение, направляются на правовую экспертизу в Институт законодательства и сравнительного правоведения. И многие его заключения включают краткие обзоры зарубежного законодательства и практики его применения, что позволяет более углубленно оценивать степень проработанности законопроектов, перспективы их применения, выявлять возможные правовые риски.

При необходимости к экспертизе законопроектов, рассматриваемых Правительством, привлекаются и другие научные и образовательные центры, подведомственные Правительству Российской Федерации, федеральным министерствам и ведомствам, Российской академии наук.

Третье направление — участие ученых-компаративистов в подготовке проектов конституций, законов, иных нормативных правовых актов.

Оценивая влияние сравнительного правоведения на развитие законодательства, следует отметить, что оно крайне редко проявляется в виде рецепции (заимствования) правовых институтов и норм.

Такое в основном происходит на переломных этапах социально-экономического и политического развития, когда законы принимаются «вслепую», без анализа существующей практики. Так было, в частности, после распада СССР, когда в условиях не сложившихся институтов рыночной экономики во многих постсоветских республиках принимались акты, «слепленные» по образцу зарубежных законов.

Судьба таких актов складывалась по-разному. Так, Закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», копировавший многие положения

¹ Подробнее см. Ежегодный отчет Исследовательской службы Конгресса за финансовый 2018 г. (Library of Congress. Congressional Research Service Annual Report. Fiscal Year 2018 // http://www.loc.gov/crsinfo/about/crs18_annrpt.pdf

² См: Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015. С. 153 — 155 // <http://www.izak.ru/upload/iblock/dd4/dd4fdd933577ab1007b97ba218843b68.pdf>.

³ Автор работал в Институте законодательства и сравнительного правоведения с 1988 по 2015 гг., в том числе в должности заместителя директора по научной работе (2007 — 2015 гг.).

⁴ Авторский коллектив: О.Н. Волкова, Д.А., Ковачев, В.И. Лафитский, А.Н. Пилипенко, И.Д. Романов, И.Н., Шумский.

⁵ Авторский коллектив: О.Н. Волкова, В.И. Лафитский, А.Н. Пилипенко.

законодательства США, действовал менее 6 лет. Его заменил Федеральный закон от 8 января 1998 г., который, в свою очередь, был отменен ныне действующим Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Фактически не применялся Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)», воспроизводивший многие элементы института английского общего права, но не принятый Гражданским кодексом Российской Федерации и правоприменительной практикой.

Не сложилась судьба и проекта Торгового кодекса РФ, который был подготовлен в 1992 г. на основе Единообразного торгового кодекса США П.Д. Баренбоймом (руководитель рабочей группы), В.Ф. Яковлевым, В.В. Безбахом и автором этой статьи¹.

Федеральные органы власти отказались от его принятия из опасения разрушить единство гражданско-правового регулирования в стране.

Тем не менее, в сокращенной редакции он вступил в силу в Республике Калмыкия под названием «Кодекс о торговом обороте» от 16 июля 1993 г. Этот акт действовал недолго и был отменен в сентябре 1996 г. по настоянию федеральных властей, усмотревших несоответствие его положений Гражданскому кодексу РФ. Но он, несомненно, оказал существенное влияние не только на федеральное законодательство (в частности, на Федеральный закон от 28.12.2008 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»), но и на законодательные акты субъектов федерации, в частности Республики Алтай, Краснодарского края, Волгоградской области, Москвы.

В последние 20 лет какого-либо прямого заимствования зарубежного законодательства не было, за исключением отдельных сфер рынка ценных бумаг, иных вопросов, требовавшими единообразного правового регулирования, в том числе в рамках программ по обеспечению гармонизации законодательства в Содружестве Независимых Государств (СНГ) и в других интеграционных объединениях с участием России.

Сравнительное правоведение обеспечивало решение иной задачи: «поднять право на более высокий качественный уровень»² посредством создания на основе обобщения разных правовых решений новых образцов правового регулирования.

Этой задаче служил, в частности, подготовленный автором проект Федерального закона «Об укреплении правовых основ российской государственности»³, направленный на восстановление действия тех законов Российской Империи и СССР, которые способствуют развитию Российской Федерации, а также очищению законодательства от тех актов (в том числе «Крымских актов» 1954 г.), которые в силу неустраняемых нарушений норм международного права и ранее действовавших конституций не могли порождать правовых последствий с момента принятия.

Такой механизм дает возможность восстановить разорванную связь времен в правовом развитии России, без которой ни одно государство полноценно развиваться не может. Оно лишается жизненных сил.

Поэтому многие государства бережно хранят свое правовое наследие.

Так, например, в Великобритании действуют многовековые законодательные акты, в том числе XIII — XIV веков.

Конституция Франции 1958 г. признает действие Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г, принятой при королевской власти.

В Свод законов США, в раздел «Органических законов», включены Декларация независимости 1776 г., Статьи Конфедерации 1781 г. и Ордонанс «Об управлении Северо-Западными территориями», которые определяли развитие первоначальных 13 штатов до принятия Конституции США 1787 г.

Конституция Польши 1997 г. подтверждает приверженность христианским ценностям и традициям Первой (1791 — 1795 гг.) и Второй (1919 — 1939 гг.) республик.

Во многих исламских государствах (Саудовской Аравии, Иране и других) признается действие положений Корана и сунны пророка Мухаммада.

Отметим в этой связи, что правовое наследие служит средством не только укрепления социально-экономических и политических устоев государства, но и восстановления его единства, что хорошо иллюстрирует статья 23 Основного закона ФРГ, обеспечившая объединение ФРГ, ГДР и Западного Берлина в 1990 г.⁴

Вместе с тем, следует признать, что в последние годы востребованность сравнительного правоведения существенно снизилась. В подтверждение можно привести действующие регламенты Правительства Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 01.06.2004 № 260), Государст-

¹ Подробнее см. Баренбойм П.Д. Торговый кодекс как ключевой элемент экономического развития России // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 29-30.

² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М. 1995. С. 17.

³ Текст проекта Федерального закона см.: Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право. М., 2018.

⁴ Цель восстановления национального единства ставят конституции Ирландии 1937 г. (статья 3) и Республики Корея 1948 г. (статья 3). Во многом той же цели служит Конституция Индии 1949 г., допускающая право национального Правительства осуществлять управление территориями, расположенными за пределами Индии (статья 260).

венной Думы Федерального Собрания РФ (утв. Постановлением Государственной Думы от 22.01.1998 № 2134-II ГД), Совета Федерации Федерального Собрания РФ (утв. Постановлением Совета Федерации от 30.01.2002 № 33-СФ), которые не предусматривают проведения каких-либо сравнительно-правовых оценок (экспертиз) законодательских инициатив.

Как следствие, эффективность законодательства Российской Федерации в решении экономических, социальных, демографических проблем остается крайне низкой¹, что вновь ставит в повестку дня задачу более широкого внедрения сравнительно-правовых исследований в законодательскую практику.

Такая практика существует во многих постсоветских государствах.

Закон Узбекистана «О нормативно-правовых актах» от 14 декабря 2000 г. требует учитывать при подготовке нормативных актов опыт законодательного регулирования в других государствах (статья 16).

Закон Кыргызстана «О нормативных правовых актах» от 20 июля 2009 г. предусматривает возможность проведения независимой научной экспертизы проектов нормативных правовых актов силами международных организаций, зарубежных ученых и специалистов (часть 3 статьи 20).

Конституционный Закон Грузии «О нормативных правовых актах» от 22 октября 2009 г. допускает привлечение к разработке проектов нормативных правовых актов зарубежных ученых и групп специалистов и международных организаций (статья 15).

Аналогичная норма установлена частью 1 статьи 18 Закона Казахстана «О правовых актах» от 6 апреля 2016 г.

Четвертое направление — решение задач гармонизации правового пространства интеграционных объединений.

Наиболее интенсивно сравнительно-правовые исследования проводятся в Европейском Союзе по инициативе не только органов Союза и входящих в его состав государств, но и общественных объединений, в ряду которых наиболее заметна роль Европейского комитета стандартизации (CEN — Comité Européen de Normalisation), Европейского комитета электротехнической гармонизации (CENELEC — Comité Européen de Normalisation Électrotechnique), Европейского института стандартов в сфере телекоммуникаций (European Telecommunications Standards Institute).

Следует также отметить, что гармонизация стандартов технического регулирования воспринимается Украиной, Молдовой, некоторыми другими государствами Восточной Европы, как одно из приоритетных направлений правовых реформ на пути к объединенной Европе.

Такую цель нередко подчеркивает и законодательство. В подтверждение можно привести Органический закон Молдовы «О нормативных актах» от 22 декабря 2017 г., который требует, чтобы нормативные акты Республики соответствовали Конституции и международным договорам Молдовы, общепризнанным принципам и нормам международного права, а также законодательству Европейского Союза (часть 3 статьи 3).

Сравнительно-правовые исследования широко проводятся и для гармонизации законодательства государств, объединенных общностью правовых традиций.

В странах общего права такие исследования осуществляются не только аналитическими службами органов власти (парламентов, правительств, высших судебных органов), но и значительным числом общественных объединений. В их ряду особое место занимает Ассоциация советников по законодательству парламентов британского Содружества Наций (Commonwealth Association of Legislative Council), созданная с целью обмена законодательским опытом, обсуждения проблем правового регулирования, разработки рекомендаций по их преодолению, сохранения общего правового наследия².

Решение этих задач обеспечивают также многочисленные конференции и периодические издания Ассоциации: Журнал «Юридические тонкости» (Loophole), и «Информационный вестник» (Newsletter). Они выходят в свет с периодичностью до пяти выпусков в год, соответственно, с 1987 г. и 1983 г. и размещаются в открытом доступе на официальном сайте Ассоциации³.

Пятое направление — совершенствование законодательной техники с целью повышения эффективности действия и качества стилистического оформления, доступности восприятия законов, иных нормативных правовых актов.

Вдохновителем этого направления сравнительно-правовых работ стал великий британский правовед сэр Уильям Дейл, представивший свою концепцию реформ на Первом Конгрессе Европейской ассоциации содействия законодательству, проведенном в сентябре 1993 г. в г. Льеж (Бельгия).

Ее основная идея — отказ от многовековой традиции «сетчатой» законодательной техники с ее прагматизмом, стремлением к конкретизации, «постоянным усилием предусмотреть мельчайшие подробности» правового регулирования.

Предложенная сэром Уильямом Дейлом модель законодательной техники основывалась на других принципах, направленных на выявление значения Слова закона:

«1. Первый принцип составителя закона — стремление к ясности, точности и четкости.

¹ Подробнее см. ниже в разделе, посвященном российскому праву.

² Подробнее см. официальный сайт Ассоциации: <http://www.calc.ngo>.

³ <http://www.calc.ngo/publications>.

Далее:

2. Обнаружение основного принципа, его закрепление в первую очередь и только потом — положений, конкретизирующих основной принцип.

3. Закрепление сперва норм материального права и только в дальнейшем — норм, обеспечивающих их исполнение.

4. Разъяснение в самом начале текста закона, что делает и какие цели ставит закон.

5. Включение как можно меньшего числа определений.

6. Соблюдение завета профессора О. Хубера, которое он дал составителям Гражданского кодекса Швейцарии: «Статьи должны включать не более трех частей, возможно, не более трех предложений. К этому мы можем добавить: «Формулируйте предложения, по возможности, как можно более кратко» (для образца обратитесь к Библии или к современным романам)»¹.

В законодательстве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии эти идеи стали воплощаться в отдельных актах на рубеже XX — XXI веков и окончательно укоренились в последние десятилетия. В качестве иллюстраций можно привести законы «О лицах, осужденных за терроризм (Ограничения досрочного освобождения) 2020 г.², «О жилых домах (Пригодность для постоянного проживания людей)» 2018 г.³, «О сокращении бездомности» 2017 г.⁴, «О малых благотворительных пожертвованиях» 2012 г.⁵.

Вместе с тем сохраняются образцы традиционной «сетчатой» законодательной техники, но в существенно модифицированном и упрощенном виде, что подтверждает, в частности, Закон «О взяточничестве» 2010 г.⁶, который содержит краткие, тщательно выверенные, ясно и четко изложенные правовые нормы, содержание которых дополнительно раскрывается в комментариях и иллюстрациях, непосредственно включенных в их текст, а также в отдельно изданном официальном руководстве по его применению⁷.

Постепенно идеи сэра У. Дейла начинают воплощаться в законодательстве ряда других государств, в США, Австралии, Канаде, развивающихся в основном в русле общего права.

Такие преобразования необходимы и для Российской Федерации, существенно снизившей в последние годы качество законотворческой деятельности.

---

¹ Цит. с небольшой стилистической правкой по тексту выступления сэра Уильяма Дейла на Первом Конгрессе Европейской ассоциации содействия законодательству. Льеж (Бельгия) 9-11 сентября 1993 // Очерки методологии законотворчества. Под ред. У. Карпена и В. Лафитского. Баден-Баден, 1996. С. 25-26.

² Terrorist Offenders (Restriction of Early Release) Act 2020 // <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/3/contents/enacted>.

³ Homes (Fitness for Human Habitation) Act 2018 // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/34/enacted>.

⁴ Homelessness Reduction Act 2017 // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/13/contents/enacted>.

⁵ Small Charitable Donations Act 2012 // <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/23/contents/enacted>.

⁶ Bribery Act 2010 // <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents> <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents>.

⁷ В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии в один день с изданием Закона «О взяточничестве» было опубликовано Руководство Министерства юстиции для коммерческих организаций, подпадавших под его действие, — Bribery Act 2010 Guidance // <https://www.gov.uk/government/publications/bribery-act-2010-guidance>.

Мазуренко Андрей Петрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске

Mazurenko Andrey Petrovich

doctor of law, associate professor, professor of the department of theory and history of the state and law Faculty of the North Caucasus federal university in Pyatigorsk

E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Бушнев Вадим Владиславович

аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь)

Bushnev Vadim Vladislavovich

postgraduate student of the department of theory and history state and law legal Institute of the North Caucasus of Federal University (Stavropol)

E-mail: decanpetrovich@mail.ru

**К вопросу о правовой политике России
в сфере инноваций**

**On the issue of Russia's legal policy
in the field of innovation**

Аннотация: рассматриваются проблемы формирования и реализации правовой политики Российской Федерации в сфере инноваций и инновационной деятельности. Анализируются различные точки зрения относительно целей инновационной правовой политики. Предлагаются пути активизации инновационной деятельности в условиях современной России при помощи средств правовой политики.

Ключевые слова: право, правовая политика, инновации, инновационная деятельность, инновационная политика, интеллектуальная собственность, частно-государственное партнерство.

Resume: The article deals with the problems of the formation and implementation of the legal policy of the Russian Federation in the field of innovation and innovation. Various points of view regarding the goals of innovative legal policy are analyzed. The ways of enhancing innovative activity in the conditions of modern Russia using the means of legal policy are proposed.

Key words: law, legal policy, innovation, innovation activity, innovation policy, intellectual property, public-private partnership.

В условиях постиндустриального развития и формирующегося информационного общества все большее внимание ученых, представляющих различные отрасли научного знания, уделяется инновациям как овеществленному результату инновационной деятельности.

Под инновационной деятельностью понимается совокупность взаимосвязанных действий по созданию, освоению и распространению инноваций, которая состоит из ряда последовательных стадий и регулируется различными нормами права: гражданского, административного, финансового, налогового,

трудового и иных отраслей национальной системы права¹. Исходя из этого, инновационная деятельность представляет собой межотраслевой комплексный институт.

Эффективная инновационная деятельность является сегодня одним из приоритетных направлений развития современного государства. Это признается большинством стран, включая Россию. Данное утверждение подтверждают принимаемые программные документы в области развития инновационной среды в нашей стране.

Инновационная политика, безусловно, — одно из важнейших направлений функционирования и всестороннего развития любого современного государства, стремящегося занять ведущее место в мире. Правовая политика в сфере инноваций представляет собой составную часть государственной научно-технической и промышленной политики, целью которой является формирование экономических условий для вывода на рынок конкурентоспособной инновационной продукции. Она направлена на стимулирование инновационной деятельности, создает предпосылки для выстраивания эффективного механизма правового регулирования в области развития инновационной системы государства. Как справедливо отмечает Е. П. Губин, эффективность права в регулировании экономических отношений зависит от того, насколько верно и полно оно отражает экономические потребности общества².

В литературе, под правовой политикой в сфере инноваций понимается «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных структур, направленная на определение тактики и стратегии правотворчества в сфере инноваций, создание социально-правовой инфраструктуры реализации интеллектуальных прав граждан и организаций, а также формирования у научных и юридических кадров специальных правовых компетенций, отвечающих запросам инновационного развития»³.

Правовая политика в сфере инноваций призвана сочетать публично-правовые и частноправовые интересы и может быть выражена в следующих формах:

1. Правотворческая политика в сфере инноваций.
2. Правореализационная политика в сфере инноваций.
3. Правоинтерпретационная политика в сфере инноваций.
4. Правообучающая политика в сфере инноваций.
5. Правоохранительная политика в сфере инноваций.
6. Правозащитная политика в сфере инноваций.

Правотворческая политика в сфере инноваций представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и негосударственных структур по созданию необходимых правовых условий для эффективной инновационной деятельности путем разработки и принятия нормативной базы в области инновационного развития⁴.

Правореализационная политика в сфере инноваций представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и негосударственных структур по созданию правовой инфраструктуры в целях реализации интеллектуальных прав.

Правоинтерпретационная политика в сфере инноваций представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и негосударственных структур по толкованию действующего законодательства в сфере инноваций.

Правообучающая политика в сфере инноваций представляет собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и негосударственных структур по созданию условий для повышения качественного состава научных и научно-педагогических работников, стимулирования притока молодежи в науку.

Правоохранительная политика в сфере инноваций направлена на создание единого правового поля по охране прав и законных интересов субъектов инновационной деятельности.

¹ См.: Костенко М. А. Правовая политика в инновационной сфере: цели и средства (теоретико-информационный аспект). Саарбрюкен (Германия), 2012. С. 27; Мазуренко А. П., Бушнев В. В. Правовая политика в сфере инноваций как перспективное направление исследований современной общей теории права // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 6-й Международной научно-практической конференции: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (7 декабря 2017 г.) / отв. ред. Т. А. Мечетина. Рязань, 2018. С. 113.

² См.: Губин Е. П. Взаимодействие экономики и права на новом этапе экономического развития России // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права / отв. ред. В. В. Лаптев, С. С. Занковский. М., 2011. С. 47.

³ Трофимов В. В. Защита интеллектуальных прав как функция инновационно-правовой политики: к постановке проблемы // Омбудсмен. 2013. № 1. С. 11.

⁴ Об этом см.: Мазуренко А. П., Бушнев В. В. Инновационная правовая политика в сфере государственной службы: постановка проблемы // Проблемы и особенности развития национальной инновационной системы: материалы Всероссийской научно-практической конференции 17 сентября 2019 г. Волгоград-Саратов, 2019. С. 12-16.

Под правозащитной политикой понимают научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по оптимизации защиты прав человека, совершенствованию средств и способов защиты, формированию полноценной правозащитной системы¹ в сфере инноваций.

В настоящее время общепризнанными являются два базовых подхода к определению понятия «инновация». В широком смысле под инновацией понимается результат творческой деятельности, применение которого приводит к существенным изменениям в функционировании системы. В узком смысле инновация — это некое новое решение технической задачи, осуществленное в практической деятельности, обязательное условие эффективного экономического развития². Как правило, выделяют три базовые группы инновационных процессов: новые идеи; новые решения; новый продукт³.

На наш взгляд, следует признать справедливым юридическое содержание инновации, предложенное М. В. Волюнкиной, полагающей, что инновацию следует рассматривать в виде родового понятия, объединяющего охраняемые правом результаты интеллектуальной деятельности, которые возникают в результате создания новшеств, новых технических решений, когда они выражены в объективной форме и могут удовлетворять общественные потребности⁴.

«Инновации — это вовлечение в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности, содержащих новые, в том числе научные знания, с целью удовлетворения общественных потребностей и (или) получения прибыли»⁵.

В литературе выделяют следующие основные юридически значимые признаки инноваций:

1. Инновация есть результат научного и иного творчества, как правило, существующего в виде объекта интеллектуальной собственности.
2. Инновация выступает в виде продукта, технологии, услуги и других материальных форм, способных к воспроизводству.
3. Инновация предназначена для удовлетворения потребностей общества⁶.

Легитимное определение того, какую деятельность следует считать инновационной, дано в Федеральном законе от 21 июля 2011 года № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»»: это деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности⁷. Таким образом, инновационная деятельность — это деятельность по разработке и внедрению инноваций.

По справедливому мнению М. А. Костенко, инновационная деятельность состоит из следующих стадий ее технологической реализации:

1. разработка фундаментального научного знания;
2. создание прикладного научного знания;
3. применение полученного научного знания для создания образца результата инновационной деятельности;
4. закрепление прав на результат инновационной деятельности;
5. внедрение результата инновационной деятельности в производство;
6. коммерциализация результата инновационной деятельности и извлечение прибыли⁸.

Учитывая сказанное, правовая политика в сфере инноваций должна быть нацелена создание и внедрения инноваций, стимулирование инновационной деятельности. Результатом реализации такой политики должно быть обеспечение правовых условий для эффективного развития различного рода новых (инновационных) явлений (институтов) социальной действительности, таких как: технопарки, технополисы, бизнес-инкубаторы, особые экономические зоны, территориально-отраслевые производственные кластеры, и другие объекты инновационной инфраструктуры.

В современной России провозглашено стремление к всестороннему развитию инноваций, поддержке различных форм стимулирования творческой деятельности, минимизации сырьевой зависимости го-

¹ См.: Малько А. В. Правоохранительная и правозащитная политика современной России // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации: Сборник докладов / Под ред. А. В. Малько, В. М. Шафинова, А. В. Усса. Красноярск, 2012. С. 7.

² См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / пер. с нем. В. С. Автономова и др. М., 1982.

³ Морозова Л. А. Инновации в правовой жизни России // Государство и право. 2013. № 5. С. 40.

⁴ См.: Волюнкина М. В. Правовое регулирование инновационной деятельности. Проблемы теории. М., 2007. С. 25.

⁵ Волюнкина М. В. Инновации и предпринимательство: соотношение понятий // Закон. 2006. № 4. С. 33.

⁶ См.: Перевалов В. Д., Грибанов Д. В. Экономические и правовые основания инноваций: проблемы соотношения // Государство и право. 2011. № 12. С. 48.

⁷ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 22. 12. 2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁸ См.: Костенко М. А. Правовая политика в инновационной сфере: цели и средства (теоретико-информационный аспект). Саарбрюкен (Германия), 2012. С. 27.

сударства. Курс на инновационное развитие постулируется как одно из приоритетных направлений развития страны.

В этой связи, исследователи справедливо отмечают, что правовая политика современного государства в целях всестороннего развития инновационной деятельности может включать целый ряд стимулов, в частности, финансово-правовыми стимулами могут выступить следующие:

1. фискальные льготы, связанные с налоговым стимулированием;
2. специальный льготный субсидиарный режим;
3. гарантии от неблагоприятного изменения законодательства о налогах и сборах;
4. бюджетные ассигнования;
5. эффективный доступ к финансовым ресурсам;
6. инвестиционный налоговый кредит¹.

Кроме того, очень важным моментом является необходимость создания благоприятных условий для привлечения инвестиций. Особая роль здесь принадлежит инфраструктуре инноваций, прежде всего, венчурным инвестиционным фондам. Необходимо создать такие правовые и экономические условия, при которых базовые фундаментальные исследования проводились не столько за счет бюджетного финансирования, а все в большей степени за счет частных инвестиций, крупных корпораций, производителей и потребителей наукоемкой продукции. Для эффективной реализации такого частно-государственного партнерства следует создавать специальные программы прямого сотрудничества государства и частного бизнеса.

С этим, в частности, соглашается М. В. Кузнецова, которая справедливо полагает, что целью государственной инновационной политики должно стать создание условий для устойчивого экономического роста, выхода инновационной продукции на внутренний и внешний рынки, замещения импортной продукции на внутреннем рынке за счет повышения технологического уровня и конкурентоспособности производства².

На наш взгляд, юридическими основаниями правовой политики в сфере инноваций выступают международные и внутригосударственные нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы осуществления инновационной деятельности и отдельные правоприменительные акты. К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на провозглашенный курс на инновационное развитие, в Российской Федерации правовая основа инновационной деятельности до сих пор не создана. Отсутствует системный подход в решении данного вопроса. Как справедливо отмечает Д. В. Грибанов: «Отсутствуют не просто какие-либо нормативно-правовые акты, но нет системности подхода, понимания сущности и структуры предмета правового регулирования, всеобъемлющего охвата организуемых отношений»³.

Существенным пробелом в законодательной регламентации инновационной деятельности в Российской Федерации является отсутствие федерального закона об инновационной деятельности. Попытки устранить обозначенный пробел предпринимались неоднократно. Еще в 1999 году проект федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации»⁴ был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, но дальнейшего развития не получил и в законную силу не вступил. В названном законопроекте в качестве базовой цели закреплялось обеспечение защиты прав, интересов и имущества субъектов инновационной деятельности. Далее предусматривались основные понятия, такие как: инновационная деятельность, инновация (нововведение), базисная инновация, улучшающая инновация, инновационный потенциал, инновационная сфера и прочие. Указанный проект был отклонен Президентом Российской Федерации и снят с рассмотрения Государственной Думой Российской Федерации постановлением от 21 июня 2001г. № 1664-III ГД.

В связи с этим, становление правовой политики России в сфере инноваций происходит в условиях недостаточно сформированной нормативно-правовой базы. По мнению М. В. Волынкиной, «нарастающий законодательный массив об инновационной деятельности выглядит как самостоятельный правовой блок, практически не связанный с уже существующими и вполне устоявшимися в системе права образованиями»⁵.

¹ См.: Безикова Е. В. Финансово-правовые стимулы модернизации инновационной деятельности в особых экономических зонах // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества: Международная научная конференция. Красноярск, 2010. Т. 1. С. 449.

² См.: Кузнецова М. В. Инновации и инновационная деятельность в Российской Федерации. Пути законодательного регулирования сферы инновационного строительства // Актуальные проблемы социально-экономического, политического и правового развития регионов Северо-Кавказского федерального округа: материалы V Всероссийской научно-практической конференции филиала СПбГИЭУ. Кизляр, 2017. С. 291.

³ Грибанов Д. В. Теоретико-правовое осмысление инновационного развития общества // Государство и право. 2011. № 5. С. 106.

⁴ Проект Федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике в Российской Федерации» № 99029071-2. Документ опубликован не был [электронный ресурс] Сейчас.ру // URL: <http://www.lawmix.ru/lawprojects/76241> (дата обращения 02.10.2020).

⁵ Волынкина М. В. Гражданско-правовая форма инновационной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 33.

Курс на инновационное развитие России как важнейшее направление правовой политики нашего государства был закреплен в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹ и в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 года»² как единственно возможная модель развития нашего государства на современном этапе. Для достижения указанных целей необходимо совершенствование нормативно-правовой базы и, на ее основе, создание эффективного механизма реализации конституционно закрепленного права граждан на творческую деятельность.

Слабые попытки преодолеть указанные недостатки предприняты в ряде субъектов Российской Федерации: приняты законы и подзаконные нормативные правовые акты по вопросу регулирования инвестиционной деятельности³. Однако, признать эффективным такой способ регулирования не представляется возможным. С одной стороны, в результате отсутствует единый категориальный аппарат. С другой, нет единого механизма поддержки инновационной деятельности.

Необходимо принять Федеральный закон «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», внести изменения и дополнения в целый ряд законодательных актов в целях их согласования, разработать тезаурус в сфере инновационной деятельности и, возможно, будет целесообразным принять специализированные законы об инновационной деятельности в отдельных отраслях экономики (в медицине, строительстве, безопасности и т. д.). Таким образом, следует создать комплекс нормативной правовой базы, который учитывал бы все правоотношения, которые могут потенциально возникнуть при осуществлении инновационной деятельности.

Сегодня государственная политика в инновационной сфере основывается на государственных стратегиях и программах развития в различных областях, но это происходит не в рамках единой правовой политики в сфере инноваций, которая призвана устанавливать цели и приоритеты общественного развития в данной области, анализировать текущее состояние инновационного сектора, выявлять существующие проблемы и определять перспективы совершенствования инновационного потенциала страны. Безусловно, следует иметь в виду, что отдельные разрозненные действия не способны привести к искомому результату и это факт. Требуется комплексный, системный и всеобъемлющий подход как к формированию инновационной среды и инновационной инфраструктуры, так и к эффективному государственному управлению российской инновационной системой и, как результат, широкая интеграция в мировую конкурентную среду.

Для достижения указанных ориентиров и реализации заявленных задач необходимо принятие целого ряда, как политических, так и правовых актов, кроме того, немаловажным является создание жизнеспособной системы органов федерального, регионального и муниципального уровней с четко определенными полномочиями в инновационной сфере. Государственная инновационная политика должна формироваться исходя из целей не только организации и развития, но и поощрения создателей инновационной продукции⁴.

При этом правовую политику страны в сфере инноваций следует рассматривать как составную часть государственной научно-технической и промышленной политики, представляющей собой совокупность организационных, социальных, правовых, технологических, экономических и иных мер. Указанные меры должны быть направлены на формирование условий для всестороннего развития производства конкурентоспособной инновационной продукции на базе передовых достижений науки и техники. Такие же меры должны способствовать повышению доли этой продукции, равно как и создание системы продвижения и реализации инновационной продукции и услуг, причем как на отечественном, так и на мировом рынках.

Как отмечалось выше, сегодняшняя политика России в сфере инноваций в значительной мере, по своему содержанию, состоит из всевозможных модельных проектов, различного уровня планов и прогнозов перспективного развития. В настоящее время базовые основы правовой политики в сфере инноваций содержатся, как правило, в политико-правовых документах, именуемых концепциями либо стратегиями, закрепляющих цели и приоритеты инновационного развития страны.

В литературе высказывается мысль, что «... целью правовой политики является социальное благо»⁵. Говоря более предметно, целями и приоритетами правовой политики должно выступать достиже-

---

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

² Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

³ См., например: Закон Ростовской области «Об инновационной деятельности» от 28 ноября 2006 г. № 591-ЗС // Наше время. 2006. 7 декабря.

⁴ См.: Выручаев А. А. Государственная поддержка науки и инноваций в условиях модернизации российского государства // Административно-правовые отношения в условиях модернизации российского государства / Отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М., 2011. С. 147.

⁵ Карабеков М. М. К вопросу о целях и средствах правовой политики // Правовая политика: проблемы формирования: Сб. науч. стат. по итогам работы круглого стола / Под ред. А. В. Малько. Тамбов, 2010. С. 71.

ние основных базовых показателей качественного развития общества. Таким образом, целями и приоритетами государственной правовой политики в сфере инноваций являются: всестороннее развитие инновационной системы, формирование механизма инновационного развития регионов, повышение конкурентоспособности субъектов инновационной деятельности, возрастание объемов реализации инновационной продукции и т.д.

Следует учитывать насущную необходимость создания благоприятного климата и всесторонней поддержки участников инновационной деятельности и научно-технического творчества, развитие образовательных программ, системы повышения квалификации специалистов по интеллектуальной собственности, освоение практических навыков ведения предпринимательской и иной хозяйственной деятельности в инновационной сфере, что находит свое отражение в программных документах различного уровня.

Говоря о государственных стратегиях и программах развития, важно отметить, что формирование эффективной национальной инновационной системы выступает одним из приоритетных направлений государственной политики современной России. Государство стремится стимулировать технологическое перевооружение и помогать бизнесу получать доступ к современным инновационным технологиям. При этом необходимо поддерживать спрос на инновации как частных, так и государственных компаний, что позволит дать работу отечественным высокотехнологичным предприятиям, инженерам и ученым.

Стратегии и программы развития в области интеллектуальной собственности в интересах технологического рынка России определяют цели и приоритеты государственной политики в сфере интеллектуальной собственности, устанавливают долгосрочные ориентиры развития национальной системы интеллектуальной собственности. Целями указанных стратегических планов являются: разработка комплекса правовых, организационно-экономических и институциональных механизмов в области интеллектуальной собственности, развитие отечественного промышленного наукоемкого производства, преумножение научно-технического потенциала страны, создание и введение в гражданский оборот отечественной конкурентоспособной инновационной и высокотехнологичной продукции, формирование благоприятного экономического климата, развитие инновационных подходов в области творческих индустрий¹.

В их основе содержатся положения Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года², Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации³ и рекомендаций Всемирной организации интеллектуальной собственности по формированию национальных стратегий в области интеллектуальной собственности.

Помимо этого, государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы предусматривала организацию подготовки нового поколения управленческих кадров в сфере интеллектуальной собственности в ведущих международных университетах и стажировку отечественных специалистов в патентных ведомствах ведущих зарубежных стран⁴. Приоритетным направлением инновационного развития является создание условий для формирования способности к творческому, критическому мышлению, предприимчивости, креативности, наличия навыков и умения эффективно работать в творческой среде. Важно сформировать правовую культуру в сфере интеллектуальной собственности, а также способность к деловому и профессиональному общению в сфере инновационного развития.

Принимаемые и действующие в настоящее время в стране долгосрочные государственные планы, стратегии и программы развития Российской Федерации в области интеллектуальной собственности включают в себя перечень основных направлений государственной политики в сфере инноваций:

- повышение престижа научно-технического творчества и инновационной деятельности;
- создание системы поощрений и гибких регуляторов в целях совершенствования механизма, позволяющего осуществлять финансовую, организационную и консультационную поддержку эффективных результатов инновационной деятельности на всех стадиях их жизненного цикла;
- активизация поддержки выхода на внешние рынки российских инновационных высокотехнологичных компаний;
- совершенствование нормативно-правовой базы в сфере инновационной деятельности;
- создание системы центров коллективного пользования в области творческих индустрий, а также формирование открытой информационной системы мониторинг качества оказания государственных услуг в области интеллектуальной собственности и инноваций;

¹ Подробнее об этом см.: Бушнев В. В. Правовая политика современной России в сфере инноваций: общетеоретический аспект. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2017. С. 35.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 17. Ст. 2058.

— разработка и реализация программ развития региональной инновационной инфраструктуры, внедрения новых технологий и формирование территориальных структур, в том числе наукоградов и закрытых административно-территориальных образований.

Однако современное состояние в инновационной сфере характеризуется все же сохранением устойчивых тенденций и неоправданным администрированием, с одной стороны, с другой, в последние годы страна утратила свои лидирующие позиции в интеллектуальной области, что позволяет сделать вывод о низкой эффективности национальной системы в сфере инноваций и назревшей необходимости ее поэтапного реформирования. «Чертами завтрашней системы государственного управления должны стать самостоятельность и ответственность, динамичное движение вперед, следование общей идеологии развития страны, эффективное использование ресурсов, смелые и неординарные решения, поддержка инициативы и инноваций, сменяемость кадров, компетентность и кругозор»¹.

Продолжая анализ источников отечественной правовой политики в сфере инноваций, следует обратить внимание, что в России принимаются программные документы, не только федерального, но и регионального уровня². В них закрепляются цели инновационной политики субъектов Федерации, среди которых представляется возможным выделить следующие: развитие инновационной системы, рост конкурентоспособности субъектов инновационной деятельности, рост объемов инновационной продукции; создание условий для эффективного развития существующих и формирования новых субъектов инновационной деятельности на основе использования научного и научно-технического потенциала; формирование системы инновационно-технологической подготовки квалифицированных специалистов в сфере управления инновационным бизнесом и другие.

Следует отметить, что сформулированные и закреплённые в таких документах долгосрочные перспективы инновационного развития российских регионов носят практический характер. Однако представляется важным разработать механизм координации и планирования в целях синхронизации законопроектной работы, как между субъектами Федерации, так и четкой взаимосвязи и прогнозирования развития нормативной правовой базы Российской Федерации и субъектов, входящих в ее состав, по вопросам инновационной деятельности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что правовая политика в сфере инновационной деятельности выступает важным направлением политики современного российского государства и находит свое воплощение, в первую очередь, в различного рода программах и планах перспективного развития, как на уровне Федерации, так и в отдельных регионах страны. Это подтверждается также тем, что в Российской Федерации действует межрегиональная «Ассоциация инновационных регионов России», которая была создана еще в 2010 году путем подписания меморандума о ее создании в Томске в ходе XIII Инновационного форума «Innovus». В состав Ассоциации в настоящее время входят четырнадцать регионов-участников: Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Алтайский край, Красноярский край, Пермский край, Иркутская область, Калужская область, Липецкая область, Новосибирская область, Самарская область, Томская область, Тюменская область, Ульяновская область. Базовым правоустанавливающим документом Ассоциации является: Устав Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Ассоциация инновационных регионов России»³.

Устав закрепляет следующие основополагающие цели Ассоциации:

1. Эффективное взаимодействие субъектов Российской Федерации в вопросах социально-экономического развития.

2. Стимулирование взаимодействия участников Ассоциации в сфере развития инноваций.

3. Обмен накопленным опытом, а также продвижение совместных проектов.

4. Продвижение инновационной продукции.

5. Создание фондов, с целью реализации совместных программ и проектов и ряд других.

Направлениями работы Ассоциации являются:

1. Оценка инновационного развития регионов.

2. Создание центров инновационного творчества.

3. Развитие территориальных инновационных кластеров.

4. Формирование центров инжиниринга в регионах России.

5. Развитие направления биотехнологий.

¹ Выступление В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Информационное агентство Regnum. 2008. 8 февраля / URL: https://go.mail.ru/search?q=www.regnum.ru+%&fm=1&test_id=819 (дата обращения 01.10.2020).

² См., например: Постановление Правительства Калужской области от 21 ноября 2007 г. № 302 «Об утверждении Концепции инновационного развития Калужской области» // Весть. 2007. 27 ноября; Постановление Правительства Тверской области от 14 октября 2008 г. № 372-па «О поощрении инновационной деятельности, направленной на развитие образования и экономики региона, творчески работающих педагогов образовательных учреждений, инициативной талантливой молодежи Тверской области» // Тверская жизнь. 2008. 24 октября.

³ Устав Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Ассоциация инновационных регионов России». Утвержден общим собранием учредителей. Протоколом № 1 от 23 сентября 2010 г. Новосибирск, 2010.

Таким образом, в рамках Ассоциации субъекты России разрабатывают инновационные программы собственного развития, сравнивают различные подходы и вырабатывают эффективные механизмы поддержки инноваций. Данная ассоциация является далеко не единственной инновационной структурой в стране. Среди таковых можно выделить различные союзы и клубы, технологические платформы, инновационные территориальные кластеры, компании, институты развития и т. п.

Несмотря на накопленный положительный опыт, следует подчеркнуть, что государственные стратегии и программы развития инноваций должны основываться на единой правовой политике в данной области, определяющей цели и приоритеты правового регулирования в сфере инновационного развития, направленные на стимулирование внедрения современных инновационных технологий. К сожалению, существенным недостатком в данной сфере выступает пробельность нормативного регулирования, а именно отсутствие соответствующего нормативного правового акта в форме федерального закона. Работа над принятием указанного закона является одним из основных приоритетов правовой политики государства в сфере инноваций.

Под такой политикой предлагается понимать научно обоснованную, последовательную, системную и согласованную работу государственных и негосударственных структур, направленную на формирование правовых предпосылок для эффективной инновационной деятельности путем принятия соответствующих нормативных правовых актов, выстраивания действенного механизма правоприменения в области охраны и защиты интеллектуальной собственности, а также подготовки квалифицированных кадров для работы в инновационной сфере.

Правовая политика в сфере инноваций должна быть нацелена на правовое обеспечение всестороннего инновационного развития страны в рамках единой стратегии и тактики, включающей модельные законы, стратегические планы и концепции развития. Это обусловлено тем, что правовое регулирование инновационной деятельности зачастую основывается на моделировании будущих общественных отношений и направлено на стимулирование инноваций во всех сферах жизнедеятельности государства.

Макарейко Николай Владимирович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Makareyko Nikolay Vladimirovich

doctor of sciences (law), associate professor, professor of the department of administrative law and process of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Инновации в фокусе национальной безопасности

Innovation in the focus of national security

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы использования инновационного подхода в сфере обеспечения национальной безопасности. Делается акцент на востребованность и необходимость инновационного противодействия новым угрозам в сфере национальной безопасности, к числу которых относится пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19). При этом важно учитывать цифровизацию общественных процессов, в частности использования возможностей телемедицины.

Ключевые слова: инновация, национальная безопасность, угроза, пандемия, цифровизация.

Annotation. The article discusses the possibilities of using an innovative approach in the field of national security. Emphasis is placed on the relevance and need for innovative counteraction to new threats in the field of national security, which include the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19). At the same time, it is important to digitize social processes, in particular, the use of telemedicine capabilities.

Key words: innovation, national security, threat, pandemic, digitalization.

Обеспечение национальной безопасности не только не утрачивает своей значимости, но и приобретает повышенную актуальность. Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹ поставило на повестку дня проблему поиска и реализации новых подходов в обеспечении национальной безопасности. Последние годы вопросы санитарно-эпидемиологической благополучия (безопасности) в определенной степени находилась на периферии государственно-правового обеспечения. В официальной риторике констатировалось, что «градус» проблемы не требует задействования первоочередного государственного внимания. Сезонный рост инфекционных заболеваний, в определенной мере, укладывался в прогнозируемые сценарии. Вместе с тем пандемия COVID-19 разрушила устоявшиеся подходы, в том числе и на уровне государственного правового восприятия.

Востребованность инновационных подходов в сфере обеспечения национальной безопасности обусловлена таже ростом количества совершаемых правонарушений различной степени общественной опасности. Данная посылка приобретает особую остроту в ходе массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности. Насильственная смена государственной власти в ряде государств, которые возникли на постсоветском пространстве, свидетельствует о несовершенстве функционирования механизма обеспечения национальной безопасности, потребности его принципиальной перестройки, в том числе с использованием инновационных подходов.

В настоящее время требуется прогнозирование новых угроз, с учетом чего следует формировать защитные механизмы. При этом важно учитывать возможности использования традиционных средств обеспечения, а также востребованность потенциала инновационных подходов. В этой связи можно выдвинуть гипотезу необходимости инновационного подхода в сфере обеспечения национальной безопасности.

---

¹ Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I), ст. 2082.

Подтверждение верности нашего подхода обнаруживается в п. 58 Стратегии национальной безопасности¹, где определено, что создание инновационной продукции выступает в качестве ключевого фактора, определяющего «эффективность национальных стратегий безопасности». При этом речь идет, по сути, обо всех составных (видовых) элементах национальной безопасности, особенно в сфере экономической безопасности².

К числу видов национальной безопасности, которые в первоочередном порядке нуждаются в реализации инновационного подхода информационной безопасности. Не случайно в п. 26 Доктрины информационной безопасности РФ определено, что в качестве стратегической цели обеспечения информационной безопасности в области науки, технологий и образования выступает «поддержка инновационного и ускоренного развития (курсив наш. — Н.М.) системы обеспечения информационной безопасности, отрасли информационных технологий и электронной промышленности»³. В данном документе стратегического планирования четко прописана связь между информационной безопасностью и инновациями. В тексте указанного нормативного правового акта еще четыре раза информационная безопасность связывается с инновациями⁴.

Закономерно, что в п. 8 Стратегии научно-технологического развития РФ⁵ отмечено, что настоящий период общественного развития характеризуется высокими темпами освоения новых знаний, созданием инновационной продукции, которые выступают в качестве ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность национальной экономики, эффективность национальных стратегий безопасности.

В настоящее время требуется использование инновационных подходов, которые выступают в качестве востребованного инструментария при решении задач в области обеспечения национальной безопасности на глобальном (межгосударственном), национальном (федеральном), региональном, местном и локальном уровнях. По своей сути речь идет о формировании соответствующей инновационной экосистемы, для которой должны быть существенно расширены границы, прежде всего, проведена цифровизация отношений в сфере безопасности.

Отношениями в сфере национальной безопасности традиционно свойственен консерватизм. Он выступает в качестве гарантии защищенности отношений от вызовов и угроз, способствует прогнозируемости по ее обеспечению. Вместе с тем высокая динамика развития связей в сфере национальной безопасности требует оперативного реагирования на происходящие изменения. Со всей определенностью следует признать, что объект обеспечения национальной безопасности претерпевает существенные трансформации различной степенью глубины. Игнорирование данной закономерности совершенно не допустимо, что чревато существенными издержками. Не случайно О.А. Бельков более четверти столетия назад отмечал наличие органической связи между инновациями и обеспечением национальной безопасности⁶. Данное суждение не только не утратило своей актуальности, но и обрело дополнительное подтверждение.

Вполне закономерно, что основное внимание в части нормативного правового регулирования в сфере национальной безопасности уделяется информационным отношениям и, в особенности в сфере экономики⁷. Такое положение дало возможность ряду авторов в качестве разновидности экономической безопасности выделять инновационную безопасность⁸.

Следует признать перспективность такого подхода. Значимость инновационных отношений, а также их уязвимость относительно существующих и новых угроз, требует их незамедлительного включения в орбиту правоохраны. В настоящее время возрастает роль инновационной составляющей во всех сферах общественной жизни, что и обусловило выделение соответствующего вида безопасности. Их принципи-

¹ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II), ст. 212.

² Макарейко Н.В. Риски правового регулирования цифровой экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 148—154.

³ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

⁴ См.: Молчанов Н.А., Матевосова Е.К. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (новелла законодательства) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 159—165.

⁵ Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

⁶ См.: Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. Информационный сборник. 1994. № 3. С. 91.

⁷ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901; постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36, ст. 5450; распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138; и др.

⁸ См.: Колоткина О.А. Дифференциация видов безопасности в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 31—34; Сакович В.А., Бровка Г.М. Инновационная безопасность: основные понятия, сущность // Наука и техника. 2016. Т. 15. № 2. С. 144—153.

альная новизна требует учета при реализации защитных механизмов сочетания как традиционных, так и использования новых подходов, которые должны отвечать специфике охраняемых отношений. С одной стороны инновации должны выступить в качестве своеобразного локомотива, драйвера, который выведет национальную безопасность на качественно новый уровень, а с другой они (инновации) нуждаются в безотлагательной защите.

Мы убеждены в необходимости комплексного решения проблемы национальной безопасности. В этой связи требуется выработка и закрепление, прежде всего, специального административно-правового режима¹. В его основу должен быть положен соответствующий базовый федеральный закон об инновационной деятельности, который выступит в качестве основания нормативного правового регулирования инновационных отношений в Российской Федерации². Данный законодательный акт должен составить основу нормативной правовой архитектуры инновационной деятельности. Наряду с этим следует совершенствовать нормативное правовое регулирование инноваций через призму безопасности. При этом следует избежать узко профильного подхода, то есть ограничиваться регламентацией инноваций исключительно в сфере экономики, рассматривая обеспечение инновационной безопасности только как составляющего блока экономической безопасности.

В настоящее время инновации в различной степени проникли во все сферы общественной жизни. В этой связи они должны выступить в качестве объекта правоохраны с позиции безопасности. С учетом этого необходимо в первоочередном порядке определить отношения, которые нуждаются в охране, то есть детализировать предмет правоохраны.

Значительное будущее использования потенциала инновационного подхода обнаруживается в области здравоохранения. Пандемия новой коронавирусной инфекции убедительно доказала востребованность инновационных подходов. При этом речь идет об использовании новых технологий в области оказания медицинской помощи, прежде всего, обращение к потенциалу телемедицины. Необходимо признать, что в Российской Федерации предприняты определенные усилия в данном направлении. Об этом свидетельствует содержание соответствующих нормативных правовых актов. Так, была внесена ст. 36.2 в базовый Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³. В развитие данного законоположения было принято приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»⁴. В последствии были разработаны соответствующие разъяснения Минздрава России по данному вопросу⁵.

Признавая перспективность использования телемедицины, следует отметить, что в настоящее время российские телемедицинские сервисы, оказываемые услуги «в части первичных консультаций «пациент — врач» не медицинскими, а информационными. А значит, врач не несет ответственность за качество оказываемых услуг»⁶. При такой ситуации возникает проблема защищенности прав пациентов от оказания ненадлежащей помощи, то есть на лицо проблема обеспечения безопасности здоровья как элемента национальной безопасности.

Сложившаяся противозидеологическая ситуация показала востребованность использования новых технологий, но на федеральном уровне не предпринимаются действенные шаги по расширению использования потенциала телемедицины. Наряду с этим определенные усилия реализованы на региональном уровне⁷. Очевидно, что следует активизировать решение данной проблемы на всех уровнях нормативного правового регулирования. При этом необходимо обеспечить сохранность, обеспечить безопасность информации о состоянии здоровья гражданина (врачебной тайны)⁸, прежде всего, предупредить оказание ненадлежащей медицинской помощи.

Информация о состоянии здоровья гражданина представляет серьезный интерес не только для работодателей, но и для кредитных, страховых и иных организаций. В этой связи важно обеспечить со-

¹ См.: Лапина М.А. Правовое регулирование национальной инновационной системы России // Административное и муниципальное право. 2017. №12. С. 26—33.

² См.: Лапин А.В. Развитие национальной инновационной системы как обязательное условие технологических изменений и роста производства // Административное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 41.

³ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I), ст. 4791.

⁴ Приказ Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

⁵ Письмо Минздрава России от 9 апреля 2018 г. № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

⁶ Базина О.О., Сименюра С.С. Телемедицина: достоинства, недостатки, реалии (правовой анализ и практическое применение) // Медицинское право. 2020. № 3. С. 34.

⁷ Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 6 апреля 2020 г. № 356 «О применении телемедицинских технологий при организации оказания консультаций по вопросам коронавирусной инфекции COVID-19 и подборе персонала в медицинские организации города Москвы» // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

⁸ См.: Блохин П.Д. Врачебная тайна при жизни и после смерти (комментарий на полях Определения Конституционного Суда РФ) // Медицинское право. 2018. № 5. С. 33—43.

хранность данной информации, недопущение ее несанкционированного получения, что требует создание современной защиты информации.

Следует учитывать изменение угроз национальной безопасности. Цифровизация общественных отношений, прежде всего, в сфере экономики, когда традиционные государственные границы утрачивают свое предназначение, не являются надежными барьерами в противодействии экспансии иностранных субъектов, особенно транснациональных корпораций¹. В этой связи требуется реформировать формы и методы обеспечения безопасности. При этом следует обеспечивать баланс инновационных и традиционных форм и методов деятельности в рассматриваемой сфере. Последние должны быть дополнены инновационными, которые должны учитывать специфику объектов правоохраны.

Существует первостепенная необходимость в формировании законодательства, регулирующего обеспечение национальной безопасности в цифровой сфере². Следует признать развитие, а в ряде секторов, и доминирование цифровых отношений. При этом следует с одной стороны осуществить позитивное регулирование указанных отношений, а с другой — обеспечить их надлежащую защиту. Наряду с этим существует необходимость в совершенствовании техники применения законодательства. Важно повысить уровень технологизации соответствующего законодательства, провести уровень отцифровки наиболее типовых отношений с тем, чтобы повысить их эффективность, снизить уровень свободы усмотрения правоприменителей, предупредить юридические ошибки.

Говоря о совершенствовании методов обеспечения национальной безопасности, необходимо реформировать как традиционный инструментарий (меры предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения, ответственности, правосстановления), так и расширения технических средств воздействия. Например, следует более широко распространить технические (технологические) методы воздействия. Такой подход позволит оперативно реагировать на возникающие угрозы и усилить режим законности.

Завершая статью, необходимо отметить потребность предварительной экспертной оценки угроз и выработки наиболее эффективных алгоритмов противодействия им. В этой связи необходимо соединить усилия юристов и специалистов в области цифровых технологий. Реализации такого подхода позволит в максимальной степени сформировать и реализовать действенную модель обеспечения национальной безопасности.

---

¹ См.: Макарейко Н.В. Риски правового регулирования цифровой экономики // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2019. № 1 (45). С. 148—154.

² См.: Кучина Я.О. *Правовое регулирование облачных технологий (вычислений): монография*. М.: Юрлитинформ, 2018; *Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / под ред. И.А. Цинделиани*. М.: Проспект, 2019; и др.

Миронова Светлана Андреевна

доктор политических наук, доцент кафедры публичного права Комратского государственного университета, начальник Представительства Офиса Народного Адвоката Республики Молдова

Mironova Svetlana Andreevna

doctor of political science, associate professor of public law at Comrat state university, head of the representative Office of the People's Advocate of the Republic of Moldova

E-mail: miranti@mail.ru

«Инновации и качество регионального законодательства на примере автономно-территориального образования Гагаузии»

"Innovations and quality of regional legislation on the example of the Autonomous territorial formation of Gagauzia"

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы развития инновационного правотворческого процесса в Республике Молдова на примере соотношения центрального и регионального законодательства.

Ключевые слова: инновационное правотворчество, юридическая техника, региональное законодательство.

Annotation. The article examines the main problems of the development of the innovative law-making process in the Republic of Moldova on the example of the relationship between central and regional legislation.

Keywords: innovative lawmaking, legal technique, regional legislation.

Согласно статье 110 Конституции Республики Молдова в административном отношении территория Республики Молдова подразделяется на села, города, районы и автономно-территориальное образование Гагаузия. В каждом из этих субъектов есть свои законно избранные органы местной власти, которые в пределах своей компетенции уполномочены принимать нормативные акты, имеющие силу только в пределах своих границ. Другими словами, местные органы власти путем принятия нормативных актов осуществляют управление своей территориальной единицей, своим регионом.

Гагаузия — автономное территориальное образование в составе Республики Молдова с особым правовым статусом, выражающим самоопределение гагаузского народа, осуществляющего свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Молдова, Законом Республики Молдова "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" и Уложением Гагаузии¹.

Уложение Гагаузии является ее основным законом и обладает исключительной юридической силой на всей территории Гагаузии. В случае разногласий между Уложением и другими нормативными актами Гагаузии приоритет отдается Уложению. Нормы Уложения имеют прямое действие, т.е. фактически Уложение является конституционным актом для АТО Гагаузии.

Органы публичной власти, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Республики Молдова, Уложение и законы Гагаузии. Можно обратить внимание, что в Уложении прописан однозначно принцип верховенства Конституции Республики Молдова, но никак не республиканского законодательства. Данное обстоятельство часто является препятствием для инновационного развития юридической техники в регионе.

В автономно-территориальном образовании Гагаузия органом представительной демократии населения Гагаузии, которое уполномочено принимать нормативные акты, регулирующие общественно значимые сферы деятельности местного сообщества, является Народное Собрание Гагаузии.

Народное Собрание Гагаузии в пределах, очерченных Конституцией и законодательством Республики Молдова, принимает местные законы. Таким образом, Народное Собрание Гагаузии осуществляет

---

¹ <http://www.halktoplushu.md/index.php/ulozhenie-gagauzii>

управление регионом Гагаузия путем принятия местных законов. Отсюда следует, что от качества принимаемых Народным Собранием местных законов напрямую зависит уровень и качество жизни населения автономии.

Следует отметить, что законотворческий процесс — это последовательность целенаправленных действий, смысл которых в создании, изменении и отмене нормативно-правовых актов. Законотворческий процесс осуществляется субъектами правоотношений, поэтому он во многом зависит от субъективных желаний и целей каждого участника правоотношений.

АТО Гагаузия существует с 1994 года, с момента принятия Закона Республики Молдова «Об особом правовом статусе АТО Гагаузии (Гагауз-Ери)» №344 от 23.12.1994 г. Гагаузию до сих пор считают образцом мирного урегулирования межэтнического конфликта, возникшего на юге Молдовы между молдаванами, как представителями титульного этноса, и гагаузами, немногочисленным национальным меньшинством, постоянно проживающим на юге Молдовы.

За прошедшие 25 лет существования АТО Гагаузии в правовом пространстве Республики Молдова неоднократно поднимался вопрос о приведении в соответствие законодательства Республики Молдова с Законом «Об особом правовом статусе АТО Гагаузии (Гагауз-Ери)» №344 от 23.12.1994 г. В данном контексте требовалось инновационное видение преобразований юридической техники, используемой при построении иерархии нормативных актов Республики Молдова и АТО Гагаузии.

АТО Гагаузия стала развивать инновации благодаря, в том числе, принятию нового местного Закона «Об инновационной деятельности в Гагаузии» №23-XIV/IV от 19 июня 2009г.¹, в котором определила понятие инновационной политики. Инновационная политика АТО Гагаузия это скоординированный комплекс мер органов публичной власти Гагаузии, направленный на законодательное, экономическое, информационное, организационно-распорядительное обеспечение в области инновационной деятельности и учитывающий инновационную политику органов государственной власти Республики Молдова, интересы субъектов науки и производства и приоритетные проблемы социально-экономического развития Гагаузии. Инновационная политика АТО Гагаузия основывается на следующих принципах:

а) комплексность — учет всех экономических, технологических, производственных, ресурсных, правовых, экологических, инвестиционных, рыночных и иных факторов, определяющих социально-экономическое развитие Гагаузии;

б) системность — формирование инновационных комплексов предприятий (кластеров), объединенных технологической цепочкой производства высокотехнологической продукции, конкурентоспособной на внешнем и внутреннем рынках в долгосрочном периоде;

в) адресность — формирование целей на уровне конкретных макроэкономических показателей, характеризующих конкурентоспособность экономики Гагаузии;

г) реализация мероприятий при осуществлении инновационной политики АТО Гагаузия на конкурсной основе.

Как следует из смысла указанных выше принципов, основное предназначение разрабатываемой инновационной политики в улучшении социально-экономического положения АТО Гагаузии. Данный рост невозможен без качественного законодательства, регулирующего различные сферы жизнедеятельности общества. Актуальность изучения инновационных процессов на примере Гагаузии состоит в определении того, в каком соотношении находятся традиции и инновации, консерватизм и новаторство, что из прошлого опыта правотворческой практики отвергается или сохраняется, и какой опыт нарабатывается вновь. От разумного и оптимального баланса традиционных элементов и нововведений в правотворческой деятельности зависит, прежде всего, благополучие и социальное самочувствие народа, политический потенциал, выраженный в уверенности в себе и в программе политической элиты региона; экономический потенциал, проявляющийся в соотношении макро- и микроэкономики, а так же в доходах и уровне жизни населения; социальный престиж преобразовательных процессов, отражаемый в доверительности и ответственности предпринимательства и населения и т.д.

Как известно, существование и сохранение любого общества решающим образом зависит от обеспечения верховенства закона в нем, начиная с «установления конкретных правовых норм поведения для своих членов»². Со временем активная разработка этих правил стала решающей для организации и функционирования государства, и с этой целью стали создаваться структуры с конкретными компетенциями в этой области, а также разрабатываться методологии.

В целом, «разработка правовых норм (права) представляет собой сложный процесс, который осуществляется через нормативную деятельность государственных органов, материализующихся в принятии нормативных актов, в соответствии с процедурами, методами и принципами, которые отвечают требованиям ясного и точного регулирования»³. Таким образом, нормативная деятельность является одной из основных форм осуществления государственная деятельность по созданию права в соответствии с

¹ <https://www.halktoplushu.md/index.php/zakonodatelstvo-ato/zakony-ato-gagauziya/329-2011-06-28-11-42-07>

² Iacob I., Pascal A. Ordinea de drept și ordinea publică în statul de drept: concept și valoare. În: Обучение в области прав человека. Сборник статей. Chișinău: Institutul pentru democrație, (MITRA-GRUP S.A.), 2017, p. 211.

³ Popa V. Drept parlamentar. Chișinău: ULIM, 1999 — p. 169.

требованиями, диктуемыми эволюцией общества.¹ В теории основной формой создания правовых норм считается законодательство², так как оно ориентировано, в частности, на создание законов — нормативных актов, находящихся во главе иерархии источников права.

За четверть века существования автономии говорить о какой-то сложившейся традиции, культуре гагаузского парламентаризма не приходится. Тем более сложно говорить об установившихся традициях законотворческого процесса в Народном Собрании Гагаузии.

На данный момент функционирует 6-й созыв Народного Собрания Гагаузии, и в общих чертах в каждом созыве наблюдалась одна та же картина: Народное Собрание конфликтует с Башканом Гагаузии, с Исполнительным Комитетом Гагаузии, с центральными органами власти Республики Молдова. Депутаты Народного Собрания высказываются о необходимости защищать полномочия автономии, а власти Молдовы пытаются отменять принятые Народным Собранием Гагаузии законы. Однако редко среди подобных, крайне политизированных моментов, можно услышать о необходимости совершенствования законодательного процесса в Народном Собрании Гагаузии. А если этот вопрос и всплывает, то должной поддержки он не получает.

Особенностью регионального законодательства АТО Гагаузии можно назвать и желание регламентировать некоторые сферы жизнедеятельности общества в популистских целях. Длительное время Парламент Республики Молдова предоставлял практически полную свободу региональному правотворчеству, не используя своё право на контроль. Так, в частности, в соответствии с ч. (6) ст.12 Закона Республики Молдова №344 от 23.12.1994 нормативные акты Гагаузии, противоречащие Конституции Республики Молдова и указанному закону, признаются недействительными. Принятые законы и постановления Народного Собрания в 10-дневный срок со дня принятия направляются Парламенту и Правительству Республики Молдова для сведения³. За время существования АТО Гагаузии было обжаловано лишь 10 процентов от принятых нормативных актов, что говорит о незаинтересованности центральных властей и политизированности проблемы. Считать, что оставшиеся 90 процентов нормативных актов, разработанных Народным Собранием АТО Гагаузии, полностью соответствуют требованиям, невозможно, т.к. они во многом противоречат республиканскому законодательству, либо являются устаревшими, либо приняты с нарушением Регламента Народного Собрания. Все оспоренные акты впоследствии отменены судебными инстанциями. Факт отмены свидетельствует также о непрофессионализме и неподготовленности региональных депутатов к правотворческому процессу.

Здесь стоит отметить установившуюся в последние годы практику по отмене судебными инстанциями местных законов полностью либо в части, принимаемых НСГ. Так, Высшей судебной палатой Республики Молдова был признан незаконным и нарушающим Конституцию Молдовы закон «Об образовании». С иском в суд об отмене закона АТО Гагаузия «Об образовании» обратилось министерство просвещения, культуры и исследований Молдовы. В министерстве считают, что принятый Народным собранием в 2016 году закон противоречит закону «О нормативных актах правительства и других органов центрального и местного публичного управления» и ст. 111 Конституции Молдовы.

Другим примером является отмена Высшей судебной палаты Республики Молдова закона АТО Гагаузия «О предпринимательском патенте», вследствие чего Исполнительный Комитет Гагаузии разработал новую редакцию этого же закона⁴.

Не остался без «внимания» судебных инстанций и Избирательный Кодекс АТО Гагаузия. Апелляционная палата города Кагул вынесла решение, согласно которому был отменен ряд норм, регламентирующих образование избирательных органов; был отменен полностью раздел 5 «Местные выборы» и раздел 6 «Референдум», и само название «Избирательный Кодекс»⁵.

Налицо и вторая проблема, которая крылась в нежелании центральных органов власти развивать региональный парламентаризм в АТО Гагаузии. Все попытки самостоятельного развития и обучения депутатов центральная власть принимала за сепаратистские, обвиняя региональную власть в захвате власти и некомпетентности. Судебные инстанции вопреки Закону «Об особом правовом статусе АТО Гагаузия (Гагауз Ери)», расположенные на территории Гагаузии, крайне редко учитывают региональное законодательство. А все инициативы, направляемые Народным собранием в Парламент Республики Молдова, остаются без рассмотрения.

Ситуация изменилась только в 2017 году, когда была создана Платформа для сотрудничества парламента Республики Молдова и Народного собрания АТО Гагаузия. Деятельность рабочей группы получила экспертную, техническую и образовательную помощь со стороны международных партнеров Республики Молдова и специализированных НПО.

¹ Popa V. Drept parlamentar. Chişinău: ULIM, 1999 — p. 169.

² Gagiu E. Legiferarea și principiile desfășurării acesteia într-un stat de drept. În: Revista Națională de Drept, 2011, nr. 9, p. 62

³ <http://www.halktoplusu.md/index.php/zakon-ob-osobom-pravovom-statuse-gagauzii>

⁴ <https://banci.org/ru/news/v-gagauzii-namereny-prinyat-novyj-zakon-ob-individualnom-predprinimatelskom-patente-1303>

⁵ <https://halktoplusu.md/index.php/novosti/3078-o-reshenii-apelpalaty-ob-otmene-nekotorykh-polozhenij-izbiratel'nogo-koдекsa-gagauzii>

Рабочая группа была создана в целях обеспечения в рамках конституционных норм функциональности АТО Гагаузия и гармонизации положений законодательства Республики Молдова с Законом «Об особом правовом статусе АТО Гагаузии». Также задачей является обеспечение механизма сотрудничества между Парламентом Республики Молдова с Народным собранием Гагаузии.

Инновацией в данном процессе являлось и то, что комиссия должна заняться «разграничением компетенций центральных органов власти и органов власти из автономии» путем внесения изменений в законодательство страны и региона. Принятие закона об особом правовом статусе Гагаузии стало политическим ходом для решения межэтнического конфликта, однако «институционального и законодательного подхода к проблеме до сих пор найдено не было». Между тем, за эти годы накопилось множество противоречий в законодательстве страны и автономии, которые «создают предпосылки для неправильной трактовки законодательства», а также для «постоянного напряжения» в стране. Создание же данной рабочей группы позволило «создать платформу для диалога и решения вопроса»¹.

При посреднической, экспертной и финансовой поддержке внешних партнеров молдавские и гагаузские депутаты проводили встречи, посещали европейские страны, изучали опыт функционирования автономий². Результатом работы такой рабочей группы стали первые три законопроекта, призванные заложить основу дальнейшей гармонизации республиканского законодательства, регламентирующего статус автономии и её полномочия.

Одним из таких разработанных законопроектов является вопрос о конституционном статусе АТО Гагаузии. В проекте уточняется, что никакие изменения, касающиеся статуса и деятельности Гагаузской автономии, не могут быть приняты парламентом Республики Молдова без согласия на то большинства депутатов Народного Собрания АТО Гагаузии.

При этом депутаты ссылаются на европейский опыт, где такая практика уже давно используется. Например, парламент Италии или власти области, в которую входит автономия Южный Тироль, не могут принимать по нему решения без его же согласия. Впрочем, примеров, где автономные образования прекрасно ладят с центральными властями, в ЕС немало³.

Еще один аргумент в пользу «гагаузского пакета законов» — вердикт Венецианской комиссии по Гагаузии. В принятом документе отмечено, что статус и полномочия автономии Гагауз Ери должны быть подтверждены Конституцией РМ. Однако решения Венецианской комиссии носят рекомендательный характер. И парламент РМ не раз ранее поступал совсем не так, как ему советовали в Европе. Тем не менее, гагаузы надеются на то, что нынешнее парламентское большинство (сегодня это социалисты и демократы) последует совету европейцев.

Следует отметить, что Народное Собрание Гагаузии является высшим представительным органом народа Гагаузии и единственной законодательной властью автономного территориального образования Гагаузия⁴. В состав Народного Собрания входит 35 депутатов, которые избираются населением Гагаузии сроком на четыре года.

Деятельность Народного Собрания основывается на принципах законности, демократизма, коллективного, свободного обсуждения и решения вопросов, прозрачности, гласности, учета общественного мнения, политического многообразия и многопартийности⁵.

Организационными структурами Народного Собрания являются руководство Народного Собрания (Председатель Народного Собрания и его заместители), рабочие органы Народного Собрания (Президиум и постоянные комиссии), а также аппарат Народного Собрания.

Народное Собрание осуществляет свою деятельность в форме пленарных заседаний, заседаний его рабочих органов, деловых совещаний и встреч, слушаний, протокольных и иных мероприятий, в том числе и с участием субъектов законодательной инициативы.

Депутаты, как правило, осуществляют свои полномочия на профессиональной основе. Председатель же Народного Собрания, его заместители, председатели постоянных комиссий и их заместители осуществляют свои полномочия на постоянной профессиональной основе.

Для ведения пленарных заседаний, осуществления внутриорганизационных полномочий Народное Собрание избирает Председателя Народного Собрания и его заместителей.

Важным аспектом функционирования Народного Собрания является то, что оно не может делегировать свои исключительные полномочия, осуществляемые им в коллегиальном порядке, Председателю или иным должностным лицам Народного Собрания.

Полномочия Народного Собрания очередного созыва начинаются с открытия учредительного заседания.

¹ <https://point.md/ru/novosti/politika/gotovyaschayasya-k-sozdaniyu-v-parlamente-speckomissiya-prizvana-razgranichitj-polnomochiya-kishineva-i-gagauzii>

² <https://newsmaker.md/rus/novosti/gagauziya-postavlena-na-zakon-parlament-rassmotrit-dolgozhdannye-zakonoproekty-ob-31698/>

³ https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/cis/2020-07-21/5_7916_moldova.html

⁴ Закон АТО Гагаузия «О Регламенте Народного Собрания» №2-1/V от 21 декабря 2012. — ст.1, ч.(1).

⁵ Там же — ст.3, ч.(1).

Одну из ведущих ролей в обеспечении функциональности Народного Собрания играет Президиум, который создается для предварительной подготовки организационных вопросов по вопросам деятельности Народного Собрания. По поручению Народного Собрания Президиум может решать и иные вопросы предварительного и организационного характера. В состав Президиума входят по должности Председатель Народного Собрания, его заместители и председатели постоянных комиссий¹.

Из числа депутатов Народное Собрание, в том числе по изъявлению желаний депутатов образует комиссии: постоянные, специальные, чрезвычайные, счетные. Комиссии Народного Собрания являются совещательными органами, все их акты, за исключением отнесенных настоящим Регламентом к их исключительным полномочиям, носят рекомендательный характер².

Народное Собрание созывается на очередные заседания по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц и рассматривает вопросы, отнесенные к его ведению, и принимает по ним решения исключительно на своих пленарных заседаниях.

Плановой основой законодательной деятельности Народного Собрания Гагаузии данного созыва на весь период его полномочий является общая программа законотворческой деятельности, утверждаемая постановлением Народного Собрания.

На основании Общей программы законотворческой деятельности и предложений субъектов права законодательной инициативы в начале каждого года разрабатывается и утверждается Народным Собранием календарный план подготовки законопроектов на текущий год, в котором определяются наименования законопроектов, подлежащих разработке, инициаторы законопроектов, которым поручается разработка законопроектов, субъекты права законодательной инициативы, которые будут вносить законопроекты в Народное Собрание, а также сроки их внесения.

Достаточно важной инновацией в правотворческой деятельности Народного Собрания является механизм консультирования с населением. Народное Собрание предпринимает необходимые меры для обеспечения возможности участия граждан, объединений, созданных в соответствии с законом, иных заинтересованных сторон в процессе разработки и принятия законопроекта согласно принципам и этапам, прописанным в Законе Республики Молдова № 239 от 13.11.2008 года «О прозрачности процесса принятия решений»³.

Ответственная постоянная комиссия обеспечивает обязательное проведение публичных консультаций с заинтересованными сторонами по проектам законодательных актов посредством организации публичных слушаний.

Для оценки качества законопроекта комиссия, ответственная за его подготовку, направляет законопроект на правовую, экономическую, финансовую, научную, экологическую и иного рода экспертизу в зависимости от вида регулируемых общественных отношений. Правовая экспертиза обязательна для всех проектов законодательных актов. Законопроекты в необходимых случаях могут направляться на научную экспертизу независимых специалистов.

После обсуждения законопроектов в ответственных комиссиях законопроект и материалы к нему направляются ответственной комиссией на рассмотрение Президиума Народного Собрания⁴.

Президиум Народного Собрания, рассмотрев представленные ответственной комиссией материалы по законопроекту, может принять с учетом предложения ответственной комиссии одно из следующих решений:

а) включить рассмотрение законопроекта в проект повестки дня очередного или иного заседания Народного Собрания для рассмотрения его в первом чтении;

б) продолжить работу над законопроектом;

в) предложить Народному Собранию создать для продолжения работы над законопроектом специальную группу⁵.

Законопроекты Народное Собрание рассматривает в двух чтениях, если законодательством и Регламентом не предусмотрено иное, при этом рассмотрение законопроектов в разных чтениях проводится на разных заседаниях Народного Собрания, не приходящихся на один и тот же день.

Принятый Народным Собранием закон направляется на подписание Главе Гагаузии. Глава Гагаузии обязан закон подписать либо мотивированно отклонить закон или его часть и направить на повторное рассмотрение.

Глава Гагаузии может предложить Народному Собранию только один раз пересмотреть закон по любым основаниям, делающим закон в целом или его часть неприемлемыми. Если после пересмотра закона, переданного Главой Гагаузии в Народное Собрание оно не сохраняет свое решение двумя тре-

¹ Закон АТО Гагаузия «О Регламенте Народного Собрания» №2-I/V от 21 декабря 2012. — ст. 16, ч.(1), ч.(3).

² Там же — ст. 18

³ Закон Республики Молдова № 239-XVI от 13 ноября 2008 года «О прозрачности процесса принятия решений» N 96 от 16.02.2010// Мониторул Официал N 30-31/161 от 26.02.2010

⁴ Закон АТО Гагаузия «О Регламенте Народного Собрания» №2-I/V от 21 декабря 2012. — ст. 66, ч.(1).

⁵ Там же

тиями голосов от общего числа депутатов, закон считается отклоненным. В случае не преодоления Народным Собранием вето Главы Гагаузии законопроект считается отклоненным¹.

Законы Гагаузии и другие акты Народного Собрания, постановления и распоряжения Главы Гагаузии, официальные акты (соглашения) между Гагаузией и регионами, постановления и распоряжения Исполнительного Комитета, нормативные акты управлений автономии публикуются в Официальном бюллетене «EKSPRES-KANON» Гагаузии на гагаузском, молдавском и русском языках. Официальные акты, указанные выше, вступают в силу со дня их опубликования в Официальном бюллетене, если иное не предусмотрено законом, нормативными актами Народного Собрания или постановлениями и распоряжениями Главы (Башкана) и Исполнительного Комитета Гагаузии².

На сегодняшний день закон Республики Молдова об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) не прописывает принципов, на которых должен базироваться процесс законотворчества в автономии, что не обеспечивает соответствие Конституции РМ местных законов АТО Гагаузии, компетенциям автономии, международным обязательствам РМ, и основным принципам социально-экономических реформ в стране. Примером подобного законотворчества могут служить принятые Народным Собранием законы: о внесении изменений и дополнений в Закон АТО Гагаузия о телевидении и радио, а также об обеспечении принципов равноправия, справедливости и объективности (далее закон о равенстве шансов Гагаузии).

На уровне автономии, НСГ может принимать законы, регулирующие деятельность СМИ, но только в части языка вещания, — для обеспечения присутствия в сетке вещания региональных СМИ всех официальных языков АТО Гагаузия, а также для продвижения культуры гагаузского народа. Регулирование вопросов, связанных с созданием, функционированием и лицензированием СМИ, относится к исключительной компетенции Республики Молдова, и не было делегировано автономии в соответствии с Законом РМ об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). В то же самое время, Закон АТО Гагаузия о телевидении и радио регулирует всё, что связано с деятельностью СМИ, в том числе и распределение частот на теле— и радиовещание, подменяя, таким образом, на территории Гагаузии Кодекс РМ о телевидении и радио. Следует отметить, что самостоятельное распределение органами власти Гагаузии частот на теле— и радиовещание нарушает международные соглашения в области телекоммуникации, частью которых является РМ.

В преамбуле Закона АТО Гагаузия «Об обеспечении принципов равноправия, справедливости и объективности» прописано, что одной из его направленностей выступает сведение к минимуму потенциально имеющих возможность возникнуть негативных последствий для народа Гагаузии при реализации норм закона Республики Молдова № 121 от 25 мая 2012 года «Об обеспечении равенства», принятого Парламентом Республики Молдова, во исполнение Директивы 2000/43/ЕС Совета от 29 июня 2000 года «об обеспечении выполнения принципа равенства лиц, независимо от расовой или этнической принадлежности» и Директивы 2000/78/ЕС Совета от 27 ноября 2000 года «о создании общих стандартов в поддержке равноправия в сфере занятости и труда»³. Таким образом, закон о равенстве шансов Гагаузии нарушает обязательства РМ перед Европейским Союзом. Более того, он регламентирует сферы, которые являются исключительной компетенцией центральных властей. В частности, закон о равенстве шансов Гагаузии запрещает регистрацию однополых браков. Следует отметить, что регулирование области семейного права относится к исключительной компетенции центральных органов власти. Этот же законопроект предлагает не считать дискриминацией отказ в приеме на работу в случае афиширования кандидатом своей нетрадиционной сексуальной ориентации. Этим, по сути, предлагается узаконить дискриминацию по признаку сексуальной ориентации, что противоречит Конституции РМ, гарантирующей право на трудоустройство всем гражданам РМ.

В доказательство вышеприведенных несоответствий положения, не соответствующие законам Республики Молдова и предписаниям Европейского Союза, были отменены судебными инстанциями.

Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствуют принципы, на которых должен базироваться процесс законотворчества в автономии. В этом направлении необходимо разрабатывать новые механизмы правотворческого процесса не только на уровне автономии, но и на уровне центральных властей, а именно улучшить сотрудничество и обмен опытом между Парламентом Республики Молдова и Народным Собранием АТО Гагаузии.

¹ Закон АТО Гагаузия «О Регламенте Народного Собрания» №2-I/V от 21 декабря 2012. — ст. 79.

² Закон АТО Гагаузия «О порядке опубликования и вступления в силу официальных актов» №33-XXXIII/I от 11 сентября 1998. — ст. 1.

³ Закон АТО Гагаузия «Об обеспечении равноправия, справедливости и объективности» №15-XV от 30.04.2013

Овчинников Алексей Игоревич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета

Ovchinnikov Alexey Igorevich

doctor of law, professor, head of the department of theory and history of state and law of the Southern federal university

E-mail: k_fp3@mail.ru

**Цифровой Левиафан» и права человека:
риски инноваций в праве и государственном управлении¹**

**Digital Leviathan and human rights:
risks of innovation in law and public administration²**

Аннотация. В статье предпринята попытка критического осмысления философско-правовых и идеологических оснований новых цифровых технологий государственного управления, рассмотрены идеологические предпосылки и принципы построения нового общественного порядка с утопической мечтой о полноценной свободе личности, которая становится целью новой идеологии — трансгуманизма. Автор обращает внимание на необходимость сдержанного и умеренного внедрения технологических новинок в государственное управление, а «право на бесцифровую среду» предлагает рассматривать в качестве естественного и неотъемлемого.

Ключевые слова: права человека, трансгуманизм, правовая идеология, цифровизация права, цифровизация государства, либеральная философия права.

Annotation. The article attempts to critically comprehend new digital technologies of public administration, examines the ideological prerequisites and principles for building a new social order with a utopian dream of full-fledged personal freedom, which becomes the goal of a new ideology — transhumanism. The author draws attention to the need for a restrained and moderate introduction of technological innovations into public administration, and the “right to a digital environment” is normatively recognized as natural and inalienable.

Keywords: human rights, transhumanism, legal ideology, digitalization of law, digitalization of the state, liberal philosophy of law.

Восприятие и осмысление государства в качестве библейского чудовища Левиафана свойственно двум крупнейшим фигурам интеллектуального Запада, в своем скептицизме относительно человеческого общества единым: Томасу Гоббсу и Эрнсту Юнгеру. При этом последний задолго до цифровой трансформации мира и пандемии коронавируса XXI века определил контуры зарождающегося, нового, цифрового Левиафана. Идеологические корни цифрового Левиафана уходя в концепции государственного управления Модерна, но его мощь и сила упираются в древнюю мечту человечества о потерянном Рае и в неизбежно присутствующем в политическом мышлении утопическом восприятии будущего. Элементы утопии присутствуют в любом проекте модернизации государства в соответствии с надеждами на улучшение социальной жизни. Присутствуют утопические ожидания и в надежде на цифровые технологии, которые могут с одной стороны, облегчить жизнь человека в социуме, а с другой не только принести новые проблемы, но и уничтожить человека.

«Цифровая утопия» — новая категория общественно-гуманитарного знания, символизирующая начало критического осмысления технологического прогресса и сигнализирующая о ранее не известных формах принуждения и насилия над личностью. «Техноутопия является изображением идеального сообщества, в котором закон, правительство и общественный строй функционируют исключительно для выгоды и благосостояния всех его жителей, а передовая наука и технология позволяют такому сообще-

---

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а).

² The report was prepared with the financial support of RFBR grant No. 19-011-00820 (a).

ству сформироваться на базе современной цивилизации и успешно развиваться в будущем» — пишут современные исследователи¹.

Корни цифро— или техноутопий в политико-правовых идеях социалистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, строивших идеальный мир будущего на принципах научно-рационалистического и политэкономического преодоления социальных пороков. Современные продолжатели и наследники социалистического мышления уже свободны от иллюзий относительно «человеческой природы», которую будто возможно преобразить из эгоцентрического к солидарному отношению к ближним. Эту эгоцентрическую природу можно преодолеть за счет технологических новаций, полагают идеологи трансгуманизма. Один из идеологов техно-утопий — Э.Беллами полагает возможным в условиях технологической модернизации общества добиться преодоления эгоизма посредством интеграции частного интереса в модель общего блага, рационально гармонирующей интересы личности и общества².

Следует обратить внимание на близость либерального рационализма с естествознанием и материализмом, без которых понимание процесса расчеловечивания человечества в ходе цифровизации было бы неполным. Проект либеральной модели общества, построенного на рационалистических и экономоцентристских цифрократических принципах с социалистической мечтой о Земном рае, равенстве и подлинной свободе, созрел постепенно, где-то с XVII столетия. Обратим внимание на философские и религиозные предпосылки идей либеральных мыслителей, вызвавших консервативную реакцию в Европе XIX столетия, и демонстрирующих принципиальную совместимость цифрократии и либерализма. Прежде всего, это идея деизма — философско-религиозное мировоззрение ученых в Западной Европе и Америке XVI-XVIII веков, понимавших Творца как автора Вселенной, исторической первопричины материи и цивилизации и соединявшее религию с моралью. Представление о Боге — Творце как первопричине мира и авторе человеческой цивилизации, впоследствии устранившегося и не вмешивающегося в жизнь человеческого общества, привели к мысли о необходимости активного преобразования мира и построения Земного Рая усилиями человеческой воли и разума. Именно либеральный прогрессизм, соединившийся с идеями деизма и близкого деизму материализма приводит постепенно к мысли если о необходимости атомарно-индивидуалистического проектирования государственной жизни, в которой «обречены» на выживание лишь наиболее рационально мыслящие и экономически активные представители человеческого рода. Таким образом, основные начала либеральной политико-правовой идеи опираются на материалистический и механистический проект преобразования мира на началах естествознания и математики. Сенсуализм, просвещенный абсолютизм, рационализм и материализм приводят постепенно к реификации — отчуждению и овеществлению мира политики и права, социальных отношений и общественных связей, что впоследствии привело и к появлению предпосылок математизации социального мира, в первую очередь экономики, в рамках которой число прибыли становится идолом и высшим смыслом.

Примечательно, что секулярно-гуманистический проект XX столетия под названием «Права человека», поднятый в качестве знамени в борьбе с государством, традиционным обществом и консервативным мировоззрением, постепенно обретает цифровую модель под названием «трансгуманизм». В качестве средства раскрепощения человека и преодоления «уз несвободы» человеческой личности неолиберальная идея трансгуманизма рассматривает именно развитие технологий, в том числе цифровых. Трансгуманизм — философско-прогрессистская идея нового человечества, преодолевающего постепенно все узы несвободы и дефекты человеческой природы: органичный разум, смертность, телесность и т.д. Это идеология постчеловека, победившего с помощью разума и технологий все ограничения своего бытия.

Таким образом, цифровизация и искусственный интеллект получают не просто легитимность в рамках неолиберального мировоззрения, а превращаются в «идола», которому одинаково поклоняются и финансисты-банкиры, и технари-хозяева Фэйсбук и Гугла, и обыватели, мечтающие о новых удовольствиях и комфорте, облегчении физического труда и освобождении от работы, долгожданном равноправии и обществе потребления. Парадоксально, но здесь с либералами солидарны и социалисты, так как новые технологии постепенно приведут, по их мнению, к исчезновению классового неравенства³. Эти правовые идеи тесно связаны с либеральной философией права: «Человеческая свобода в обществе имеет правовую меру. Однако представление о соматических правах человека радикализирует идею индивидуальных прав («мое тело — мое дело»), что соответствует антропологии либертариизма. Тем самым отвергается принятие человеком общности с другими людьми (второе и третье поколения прав человека)»⁴.

Благовидный предлог освобождения человека и общества с целью преодоления пороков традиционного социума лежит в основе неолиберального утопизма, «оседлавшего» цифровые технологии.

¹ Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2011 № 20 (115). Выпуск 18. С.45.

² Там же. С.46.

³ См.: Иванова К. 9 странных идей трансгуманизма URL: <https://republic.ru/posts/11087599#:~:text=%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

⁴ Долин В.А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук*, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 7-20.

«Современный техноутопизм получил новый импульс в 1990-х годах, особенно в США, где данная форма техно-утопизма отразила веру в то, что технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество, и что цифровая технология — «диджитопия», в особенности Интернет, способны увеличить личную свободу, освобождая человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества. Современные идеологии техно-утопизма ориентированы в базовое положение — отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка (самыми знаменитыми представителями современного техно-утопизма являются Джордж Джилдери Кевин Келли)»¹. Таким образом, технологический утопизм, социализм и либерализм нашли «общий язык» в деле уничтожения традиционного государства и его замене на глобализированное гражданское общества с сетевым управлением техноэлитами.

Трансгуманизм представляет собой новый виток развития либеральной философии права, основанной на секулярном гуманизме и индивидуализме. Ей свойственна атомарно-индивидуалистическая концепция общества, предполагающая разобщение, раздробление и разделение традиционных социальных связей. Однако интересным новым моментом следует считать то, что в цифровом трансгуманизме происходит некоторая интеграция классического либерализма и социалистического гуманизма. Во всяком случае правовые идеи получают общее истолкование: «К проблеме дегуманизации (и трансгуманизма) относятся такие спорные социальные и правовые темы, как репродуктивные технологии (экспериментальные эмбриональные технологии, при которых ребенок рассматривается в большей степени как продукт и товар), право на эвтаназию, гендерная тематика и связанные с ней феминизм и права ЛГБТ (подмена биологического пола «социальным полом-гендером», что ведет к разрушению традиционной семьи)»². Обратим внимание и на близость трансгуманизма к классическим темам социальных утопий: преодоление классового неравенства; исцеление общества от преступности и агрессивности; достижение осмысленности социального бытия и т.д.

Трансгуманистическая утопия уже приобрела определенные институциональные формы. Так, в 1997 году была создана с целью распространения трансгуманистической идеологии Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединившая в своих рядах представителей самых разных областей научного знания: политологов и политиков, юристов и философов, специалистов в сфере генной инженерии, кибер-изделий и нейрофармакологии³. Одной из задач данной ассоциации стало создание почвы для социальной модернизации, сопровождающейся справедливым распределением ресурсов, затрат и льгот, новых знаний и мощностей, технологических новинок и т.д.

Об опасности цифрового Левиафана предупреждал, как говорилось выше, еще Э.Юнгер — один из видных представителей немецкой консервативной революции. Его «Уход в лес» может рассматриваться как футурологический сценарий сопротивления цифровому Левиафану. Консервативное мышление не может согласиться с трансгуманизмом в силу изначальной оппозиции рационализму Нового времени и Просвещения авторов и создателей европейского консерватизма — Ж. де Местра, Э.Берка, Савиньи и Пухты, а впоследствии авторов немецкой консервативной революции Э.Юнгера, К.Шмитта, О.Шпенглера и других. Утопизм борьбы за светлое будущее как с либеральным, так и социалистическим проектом, Э.Юнгер охарактеризовал так: «Свойственная демагогам навязчивая идея равенства еще опаснее, чем жестокость людей в генеральских мундирах»⁴.

Неоконсерватизм дополнил критику либеральных и социалистических идеологий Модерна очевидными для консерваторов ценностями: духовные приоритеты семьи и религии, социальная стабильность, базирующаяся на моральной взаимной ответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважение частного права и недоверие к чрезмерной демократизации, крепкий государственный порядок и стабильность.

Современные неоконсерваторы развивают антиутопические и дистопические прогнозы будущего: по их мнению компьютеризация и диджитализация обрекают мир на институционализацию новейших и ранее не известных форм социальных санкций и ограничений, появление нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций, цифрового неофеодализма⁵. Впрочем, об опасностях трансгуманизма и иных идеопроектов

¹ Цит по: Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право* 2011. № 20 (115). Выпуск 18. С.47.

² Щипков В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2018. №3. С.9.

³ Bostrom, N. *Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy* // Routledge, 2002. P. 80.

⁴ Юнгер Э. *Эвмесвиль*. М., 2013. С.251.

⁵ Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб. : Алетейя, 2018. 526 с.; Кутырёв В. А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии — по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // *Философия хозяйства*. 2019. № 1 (121). С. 95-110.

будущего предупреждают не только консерваторы. Ю. Хабермас в работе «Будущее человеческой природы» также вынужден констатировать, что генетическое программирование необратимо. Ученый опасается, что «идентичность людей будет изменена таким образом, что мы больше не сможем видеть себя этически свободными и морально равными существами, руководствующимися нормами и причинами»¹. Таким образом, консервативная критика цифровых проектов будущего является признаком «трезвения» социально-гуманитарного мышления и предчувствием приближающейся катастрофы и цифровой деградации человечества. Права человека в условиях цифрового Левиафана предполагают сдержанную и осторожную позицию общества по отношению к любым технологическим инновациям, а «право на бесцифровую среду» необходимо признать в качестве естественного права.

---

¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2003, с. 64.

Понкин Игорь Владиславович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ponkin Igor Vladislavovich

doctor of science (law), state professor, professor of department of the state and municipal administration of the Institute of public administration and civil service of the Russian Presidential academy of national economy and public administration

E-mail: i@lenta.ru

Концепт машиночитаемого права

The concept of machine-readable law

Аннотация. Статья посвящена исследованию и объяснению концепта машиночитаемого и машиноисполняемого права. Автор объясняет место и значение этого концепта как одного из направлений цифровых трансформаций в праве и как одного из элементов регуляторных технологий LegalTech. Автором подробно излагается авторское видение функционально-целевого назначения машиночитаемого и машиноисполняемого права.

Ключевые слова: регуляторные технологии, машиночитаемое и машиноисполняемое право, правовые онтологии, автоматизация правотворчества и правореализации, законодательство как код.

Abstract. The article is devoted to the research and explanation of the concept of machine-readable and machine-executable law. The author explains the place and significance of this concept as one of the directions of digital transformations in law and as one of the elements of LegalTech regulatory technologies. The authors sets out in detail the author's vision of the functional purpose of machine-readable and machine-executable law.

Keywords: regulatory technologies, machine-readable and machine-executed Law, legal ontologies, automation of lawmaking and law enforcement, legislation-as-code.

Введение

Создание машиночитаемого права (франц. — «*droit lisible par machine*»; англ. — «*machine-readable law*», или «*digital-ready legislation*» или «*machine-consumable rules*») и онтологически более сложного (включающий предыдущий) машиноисполняемого права или «машинопотребляемого» права (англ. — «*machine-executable law*») — является сегодня одним из важнейших направлений перспективного развития в праве. Речь о подходе к созданию и опубликованию законов, иных нормативных актов в машиночитаемом и человеко-читаемом виде. Используется также наименование такого концепта — «законодательство как код» (англ. — «*legislation-as-code*» или «*rules-as-code*», а также частично совпадающее, но более широкое понятие: англ. — «*Computational Law*»; португал. — «*direito computacional*») или «нормативное регулирование как код» (англ. — «*Rules as Code*»).

Указанные концепты (как основа и элемент автоматизации обработки правовых норм, правовых комплексов и правовых массивов) являются одним из направлений цифровизации и цифровых трансформаций в праве и элементом регуляторных технологий LegalTech (цифровых технологий в сфере права — RegTech или JurTech; франц. — «*technologie juridique*», «*technologie au service du Droit*»; испанск. — «*tecnología regulatoria*», «*tecnología jurídica*», «*tecnología al servicio del derecho*»; англ. — «*regulatory technology*» («*RegTech*») или «*legal technology*» («*LegalTech*»)), элементом в целом цифровых технологий (англ. — «*Digital technology*»), а также составной частью цифровых трансформаций в государственном управлении¹.

---

¹ Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTechе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — Vol. 8. — № 9. — С. 59—69.

Сегодня всё больше в мире институтов, лабораторий, рабочих групп исследователей заявляют о запуске проектов по созданию правил (включая законодательство, политику и технические правила), которые читаемы компьютером¹. Многие такие проекты объединены реитеративным концептом «лучшие правила» (англ. — «*Better Rules*»).

Мотивация у всех этих разработчиков одна — улучшить законодательство и средства оперирования им, администрирования в этой сфере. Современное законодательство выражено динамично и дискреционно, сложно (в частности сложноэнтропийно), переполнено нечёткими концептами и лексическими конструкциями, пробелами, коллизиями и другими дефектами, многочисленными исключениями, чрезмерным количеством и разнобоем требований и процедур. Это влечёт то, что физическим и юридическим лицам всё чаще и всё более затруднительно разбираться, какие правила и в какой модальности применимы в конкретной ситуации (потоке ситуаций), а само законодательство становится всё более сложно администрировать. И именно в рассматриваемом концепте может быть найден ключ к решению указанной проблемы. Цель состоит в том, чтобы законы могли прочитываться и применяться машинами «напрямую».

Этим вопросам и посвящён настоящий материал.

Где это уже де-факто используется? Предпосылки и прототипы

Франция была одной из первых, кто применил исследуемый подход машиночитаемого права. Французы создали инструмент с открытым исходным кодом под названием OpenFisca для преобразования льгот и налогового законодательства в код. Их открытость позволила другим государствам — таким, как Новая Зеландия, опробовать этот новый подход быстрее². В сфере налогообложения правительство Франции стимулировало создание (посредством перевода налоговых норм в машиночитаемые коды) серии «симуляторов», чтобы помочь французским гражданам понять, как к ним применимо налоговое законодательство³ или законодательство о социальной защите⁴. И это не просто примитивные алгоритмы, написанные для типизированных простейших случаев, а много больше.

Округ Колумбия в США предоставляет доступ к своим законам в формате XML и общедоступный для разработчиков программного обеспечения, чтобы использовать и комментировать. Дания разработала семь принципов для цифрового законодательства⁵, которые являются частью их законопроектного процесса. Новая Зеландия, Израиль и Уругвай взяли свои правила получения пенсий и использовали платформу OpenFisca французского правительства, чтобы визуализировать взаимосвязь законодательства и дать возможности оценивать право на пенсию⁶. Департамент обслуживания клиентов Нового Южного Уэльса в течение уже нескольких лет проводит экспериментальные разработки, апробации и внедрения концепта (и основанных на нём технологий) «правила как код», в сотрудничестве между Policy Lab и Digital NSW Accelerator. CSIRO Data61 Австралия разрабатывает логическую систему превратить читаемый человеком текст в машиночитаемый код⁷.

Команда в Новой Зеландии, возглавляемая правительственной командой LabPlus по инновациям в сфере услуг и работающая над продвижением цифровых технологических трансформаций в интересах правительства Новой Зеландии, считает, что отчасти проблема недостаточной эффективности внедрения таких технологий заключается в том, как пишутся сами законы. Как сказала Пиа Эндрюс, проблема в том, что законодательство часто написано таким образом, что оно несовместимо с цифровыми механизмами и формами доставки ответов на правовые запросы граждан, организаций, общества; «каждый день во всем мире разрабатывается законопроект, содержащий и производящий тонкие вещи, которые фактически делают невозможным внедрение цифровых сервисов». В 2018 года в ходе трехнедельного эксперимента указанная команда проверила теорию, попытавшись улучшить интерпретацию законодательства и значительно упростить создание цифровых услуг, переписав законодательство в виде программного кода, а именно два блока законодательства — Закон о налоговых скидках для снижения затрат на владение домом для людей с низким доходом и Закон об отпусках, который предписывает предоставлять каждому сотруднику в Новой Зеландии гарантированный четырехнедельный отпуск в году⁸. Исследование возможно-

¹ Harrop T.J. What are «machine readable laws»? // <<https://medium.com/@tjharrop/what-are-machine-readable-laws-8c9f39159cb5>>. — 23.02.2019.

² Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world // <<https://govinsider.asia/inclusive-gov/four-things-you-should-know-about-rules-as-code/>>. — 03.03.2020.

³ Simulateurs // <<https://www.impots.gouv.fr/portail/simulateurs>>.

⁴ Mes droits sociaux // <<https://www.mesdroitssociaux.gouv.fr/accueil/>>.

⁵ The seven principles for digital-ready legislation // <<https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/guidances-and-tools/>>.

⁶ Sousa, de T. Rules as Code — NSW Joins the Worldwide Movement to Make Better Rules // <<https://www.digital.nsw.gov.au/article/rules-code-nsw-joins-worldwide-movement-make-better-rules>>. — 25.01.2019.

⁷ Emerging Technology Guide: Rules as Code // <<https://www.digital.nsw.gov.au/digital-transformation/policy-lab/rules-code>>.

⁸ Darabi A. New Zealand explores machine-readable laws to transform government: Legislation-as-code might be the key to kick-starting digital reform // <https://apolitical.co/en/solution_article/new-zealand-explores-machine-readable-laws-to-transform-government>. — 11.05.2018.

стей и рисков, связанных с машиночитаемым законодательством, было проведено в 2020 году при поддержке Фонда права Новой Зеландии¹.

Представленные в литературе интерпретации и объяснения сути концепта и предпосылок его внедрения в практику

Как отмечает Ануш Дараби, рассматриваемые вопросы актуальны, по крайней мере, с 1960 года, когда на первой Национальной конференции по законодательству и электронике в Калифорнии было выражение осознание ценности машиночитаемых законов².

В 1960 году в Калифорнии прошла Первая Национальная конференция по законодательству и электронике, на которой Рид Лоулор сказал: «Должен наступить день, я не знаю — когда он наступит, но должен наступить день, когда вы сможете сгрузить набор фактов машине, в которой хранятся дела, нормы права и правила рассуждения, и в отношении которого машина может затем шаг за шагом изложить вам процесс рассуждений, с помощью которого вы сможете прийти к заключению. Затем вы можете изучить его, а затем решить, верны ли рассуждения и выкладки машины или нет. В некоторых случаях машина может не сказать вам, какой именно вывод может быть, но может сказать, что существует вероятность того, что то-то и то-то — верно, и эта вероятность составляет 90 процентов»³.

Ещё в научном материале Йельской школы права 1957 года говорилось о том, что символическая логика (англ. — «*symbolic logic*») является «отточенным инструментом для составления и интерпретации юридических документов»⁴.

Сегодня, как говорит Надия Вебстер, «многие законодатели хотели бы видеть волшебный инструмент, который преобразует логику прямо в программный код»⁵, но пока это ещё в разработках, в стартапах. Однако это уже и не фантастика, вовсе не только мечты.

Уже имеются позитивные примеры (и выше они показаны) более сложно-онтологичного внедрения таких технологий.

Хотя и не все законы возможно переписать, чтобы сделать их машиночитаемыми и машиноисполняемыми, логические операторы «и», «или» «да / нет» («не»), «если, то» и другие, позволяющие создавать составные логические условия, достаточно релевантно накладываются на массивы правовых норм (и норм экстра-правового нормативного регулирования), например, в сфере социальных льгот, налогового права, прохождения карьеры государственного гражданского служащего.

Хэмиш Фрейзер предлагает рассматривать концепт «правила как код» как возможность протестировать политику, пытаясь объяснить ее компьютеру; в ответ на эту практику была придумана фраза: «вы по-настоящему не поняли свою [правовую] политику, пока не объяснили её машине», — основное объяснение того, что происходит в этом процессе, состоит в том, что машина действует как совершенно неприязнительная, не зависящая от контекста сущность⁶.

Тим де Соуза и Пиа Эндрюс обоснованно указывают, что закон — это не захватывающее чтение — он составлен для точности смысла, а не для удобочитаемости или доступности. Это означает, что любой, кто не работает в юридической отрасли (и многие люди в ней), может найти законы, которые трудно понять. Если мы разработаем версию наших законов для компьютеров, мы сможем создавать системы и службы, которые упростят их понимание и применение. Мы можем извлечь уроки из мира шифрования, где сообщество гарантирует, что новые алгоритмы тщательно проверяются, тестируются и обсуждаются. Это означает, что некоторые из них в конечном итоге взламываются, но, в конечном итоге, выживают наиболее надежные реализации⁷.

Согласно интерпретациям фирмы CSIRO Data61 (Австралия), юридическое обоснование имеет свои особенности, которые отличают его от других форм аргументации. Изменения норм выра-

¹ Law as code in New Zealand // <<https://www.brainbox.institute/legislation-as-code-in-new-zealand>>.

² Darabi A. New Zealand explores machine-readable laws to transform government: Legislation-as-code might be the key to kick-starting digital reform // <https://apolitical.co/en/solution_article/new-zealand-explores-machine-readable-laws-to-transform-government>. — 11.05.2018.

³ Lawlor R.C. Speech on Logic and Law at the First National Law and Electronics Conference // Law and Electronics: the Challenge of a New Era: A Pioneer Analysis of the Implications of the New Computer Technology for the Improvement of the Administration of Justice / Edited, with a foreword, by Edgar Allan Jones. — Albany (N.Y., USA): Matthew Bender & Company, 1962. — ix; 373 p. — P. 238.

⁴ Allen L.E. Symbolic logic: A razor-edged tool for drafting and interpreting legal documents // The Yale Law Journal. — 1956—1957. — Vol. 66. — № 6. — P. 833—879.

⁵ Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world // <<https://govinsider.asia/inclusive-gov/four-things-you-should-know-about-rules-as-code/>>. — 03.03.2020.

⁶ Fraser H. The Practical Better Rules Workshop Manual / Service Innovation Lab, NZ // <<https://beterrules.nz/workshop-manual.html>>.

⁷ Sousa, de T., Andrews P. When we code the rules on which our society runs, we can create better results and new opportunities for the public and regulators, and companies looking to make compliance easier // <https://www.themandarin.com.au/116681-when-machines-are-coding-the-rules-on-which-our-society-runs-we-get-better-results-new-opportunities-for-the-public-and-regulators-and-companies-looking-to-make-compliance-easier/?utm_source=TheJuice&utm_medium=email&utm_source=newsletter>. — 01.10.2019.

жаются и реализуются самими нормами, а нормы и правовые концепции являются артефактами, созданными законодателем. Однако изменения в нормативной системе влияют на то, отвечают ли существующие информационные системы, соответствующие действующему набору норм, изменённому законодательству. Для решения этой проблемы первая сложность состоит в том, чтобы классифицировать различные типы модификаций норм (например, различие между утратой силы и признанием недействующей), чтобы понять, как представлять мета-нормы (нормы, определяющие, как изменять другие нормы), как эффективно их обосновывать, и, наконец, чтобы определить влияние изменения норм на существующие бизнес-процессы и определить, как восстановить соответствие, когда процессы больше не соответствуют требованиям. Это означает определить, какие операции требуются для восстановления соответствия и к каким частям процесса эти операции должны применяться¹.

Как пишет Мэн Вен Вонг, закон появился раньше программного обеспечения, мы это знаем, но юридическая отрасль будущего должна быть совместима с миром, в котором все чаще используется программное обеспечение и код. Программное обеспечение может указывать на потенциальные ошибки в законах и контрактах. То, что Word может делать с красными волнистыми линиями для орфографии и грамматики, будущее программное обеспечение может сделать для семантики юридических обязательств, сроков и определений. Это улучшит ясность писанных законов. Инструменты, которые в настоящее время помогают программистам находить ошибки в своем коде по мере их написания, переносятся в легальную область. Эти инструменты обещают помочь найти лазейки в законах и контрактах по мере их разработки, прежде чем они вступят в силу. Другие инструменты могут запускать моделирование по мере обновления законов, чтобы увидеть реальные последствия для «цифрового двойника»², прежде чем они будут реализованы. По словам Вонга, он и его коллеги создают то, что, как они надеются, станет основополагающим языком программирования для законодательства в виде кода — «предметно-ориентированный язык для права»³.

Ричард Макманус приводит для аналогии стартап под названием HipLee, который продается как «Shazam для картинок женской одежды». Shazam — это приложение для смартфонов, которое может идентифицировать и сообщать вам названия песен, воспроизводимых по радио. Точно так же ресурс HipLee, работающий на основе технологии искусственного интеллекта может сканировать фотографии женской одежды и сообщать вам, что это за предмет; программное обеспечение искусственного интеллекта используется для сопоставления с образцом в большой базе данных изображений; а также составление индивидуальных рекомендаций для пользователей. В обоих случаях способность машины «учиться» является ключевой). И это лишь один из десятков тысяч коммерческих приложений искусственного интеллекта в современном мире⁴.

Что препятствует хотя бы минимально на таком уровне обучить машину (и научить самообучаться) распознавать нормы права, «понимать» их? Уж явно право много более формализованно и более заточено в силу этого под машинное чтение, чем элементы женских нарядов или музыкальные композиции.

Весь вопрос в том, какие задачи вы ставите перед созданием технологий машиночитаемого права. Если полностью подменить человека-юриста — это путь к провалу, если создать технологии обеспечения и специфических онтологий юридической деятельности, то да всё то реально.

Поскольку закон — это системный набор правил (каким бы сложным он ни был), постольку имеется возможность свести эти правила к формализуемым онтологиям, к программируемому коду, по крайней мере в некоторой части (а про абсолютные трансформации сегодня никто и не говорит).

По словам Мэтью Вэддингтона, общая идея заключается в том, что при разработке нового законодательства, которое будет поддаваться цифровой реализации, было бы разумно, чтобы кодирование выполнялось одновременно с составлением проекта, при этом как кодировщик, так и советник по правовым вопросам работали вместе, чтобы экстрактировать точные правила из сознания и представлений должностного лица, отвечающего за политику⁵.

¹ Logic and Reasoning // <<https://research.csiro.au/bpli/our-research/reasoning/>>.

² См. подробнее о цифровых моделях-двойниках в праве: Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // Государственная служба. — 2020. — Т. 22. — № 2. — С. 64—69. Понкин И.В., Редькина А.И. Использование ВМ-технологий в праве // Публично-правовые средства эффективности развития экономики и финансов. Ч. 1. Публично-правовые средства цифровизации управления, экономического и социального пространства / Отв. ред.: Г.Ф. Ручкина, М.А. Лапина / Финансовый университет при Правительстве РФ. — М.: Кнорус, 2020. — 246 с. — С. 25—30.

³ Цит. по: Basu M. Four things you should know about Rules as Code. Inside a global movement to bring law and policy making into the digital world // <<https://govinsider.asia/inclusive-gov/four-things-you-should-know-about-rules-as-code/>>. — 03.03.2020.

⁴ MacManus R. (Ricismac). Legislation as code: the government's AI projects // <<https://ricimac.org/2018/11/22/legislation-as-code/>>. — 22.11.2018.

⁵ Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective — Human v. artificial intelligence // The Loophole. — 2019, June. — № 2. — P. 21—52. — P. 51.

Авторский концепт интерпретации исследуемого понятия

Таким образом, полагаем обоснованным обозначать следующие **предпосылки для успешного создания технологий машиночитаемого права**:

1. Уже сегодня существует множество реально работающих искусственно-интеллектуальных программных ресурсов, примеры которых можно смело приводить в качестве если не прямых, то очень близких аналогий.

2. Достаточная мера разработанности тематического горизонта цифровых онтологий и цифровой формализации права¹.

3. Высокая мера формализации и логической строгости, изначально присущая самому праву.

4. Высокая степень запроса в обществе на упрощение² законодательства.

Согласно нашему авторскому концепту, **машиночитаемое и машиноисполняемое право** («законодательство как код») — это:

В праксиологическом значении (от др.-греч. πράξις — деятельность, действия и λογία — наука, учение) — концептуальный и технологический подход к трансформации (переводу в компьютерно-программный образ, выражаемый через прикладные программные разработки в кодах или кодоподобных формах) массивов правовых норм, правовых актов или компонентов законодательства (а равно норм и нормативных актов экстра-правовых систем нормативной регламентации), логики законодательства, исключений и иерархий и/или изначальному созданию таковых норм и актов по шаблонам компьютерно-программного образа), позволяя компьютерно-программным комплексам (компьютерным инструментам) автоматически релевантно находить, распознавать (считывать) непосредственно в первоисточниках (а не в переводах), анализировать, «понимать» и интерпретировать тексты таких актов (и их комплексов), а также их исполнять или обеспечивать их исполнение (в мере, доступной для указанных компьютерно-программных комплексов);

В онтологическом значении (новолат. ontologia от др.-греч. ὄν род. п. ὄντος — сущее, то, что существует и λόγος — учение, наука) — особые инструментальные онтология и формат (создания и представления) правовых норм и актов нормативно-правового и нормативного технического регулирования (и комплексов таких актов, а равно норм и нормативных актов экстра-правовых систем нормативной регламентации) на основе специально разрабатываемых (технологиями цифровой онто-инженерии в праве) языков, гибридизированных из стандартизированных компьютерных языков (машинных кодов) и специальных юридических мета-языков (с мета-данными (с мета-разметками, с цифровыми «заметками на полях», с присвоением уникальных идентификаторов) и с юридико-техническими конструкциями в формализованно-цифровизированных онтологиях), с трансформацией логики нормативных установлений в компьютерно-программную логику многократного использования,

В телеологическом значении (от греч. telos — «результат», «цель») — особые инструментальные онтология и формат (создания и представления) правовых норм и актов нормативно-правового и нормативного технического регулирования (и комплексов таких актов, а равно норм и нормативных актов экстра-правовых систем нормативной регламентации), инструментально позволяющие достичь и обеспечить высокую степень автоматизации решения спектра задач юридического порядка (для достижения больших релевантности, эффективности и эргономичности таких решений), в том числе обеспечивая возможности автоматизированной генерации процессов проектирования и конструирования норм, возможности автоматического и полуавтоматического получения (из документов на естественном языке) формальных цифровых моделей-двойников норм (для быстрого и эффективного моделирования результатов предлагаемых законодательных или политических реформ с использованием данных и автоматизированного тестирования и моделированию различных законодательных подходов — в отношении десятков, сотен или тысяч сценариев, чтобы увидеть, насколько результативно проектируемые нормы и акты будут работать).

Вместо заключения

Внедрение машиночитаемого права, по словам Тима де Соуза и Пии Эндрюс, «не означает, что мы должны писать только законы или правила политики в коде. Людям по-прежнему необходимо уметь читать и интерпретировать правила. Кроме того, машины не могут выполнять нюансы или интерпретацию — они имеют дело только с абсолютами. Правила, которые мы в настоящее время можем эффективно кодировать, носят предписывающий характер — чёрный или белый, да или нет. Многие наши законы не носят предписывающий характер, а требуют субъективного взгляда и нюансов, учета различных обстоятельств дела. То есть нам нужны люди — администраторы, регуляторы, юристы, судьи — чтобы интерпретировать и применять их. Даже в этих сценариях могут помочь закодированные правила: авто-

¹ См. подробнее об этом: Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровая формализация права // International Journal of Open Information Technologies. — 2019. — Vol. 7. — № 1. — С. 39—48. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах (ежегодный научный журнал). — 2019. — С. 24—37.

² См. подробнее об этом понятии: Понкин И.В. Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // Административное право и процесс. — 2014. — № 4. — С. 8—12.

материализуя чёрные и белые аспекты вопроса, мы можем усилить те части, которые требуют нюансов для человеческого рассмотрения. Это позволит нам посвятить наши человеческие ресурсы сложной и сложной работе, а рутинную работу, связанную с процессами, оставить нашим друзьям-роботам»¹.

Всё что предлагалось до сих пор, преимущественно сводилось к закладыванию способности словарного поиска, за пределами чего компьютер был неспособен извлечь какое-либо значение нормативных установлений. Но время течёт, появляются новые наработки.

Понятно, что меры достигнутой глубины цифровой формализации и степени трансформации в указанных выше примерах не высоки. Кодированные версии нормативных правовых актов пока далеко ещё не полноценные программы для конечного пользователя, но уже и не просто законодательство со специальной разметкой по частям. Предпосылки и условия для существенного продвижения уже в относительно ближайшее время технологий машиночитаемого и машиноисполняемого права имеются.

---

¹ *Sousa, de T., Andrews P.* When we code the rules on which our society runs, we can create better results and new opportunities for the public and regulators, and companies looking to make compliance easier // https://www.themandarin.com.au/116681-when-machines-are-coding-the-rules-on-which-our-society-runs-we-get-better-results-new-opportunities-for-the-public-and-regulators-and-companies-looking-to-make-compliance-easier/?utm_source=TheJuice&utm_medium=email&utm_source=newsletter. — 01.10.2019.

Симонян Симон Араевич

преподаватель юридического факультета, Французский университет в Армении (Ереван), аспирант Университета Жан Мулен Лион 3 (Франция)

Simonian Simon Arieovich

lecturer at the faculty of law, French University of Armenia (Yerevan), PhD student at Jean Moulin University Lyon 3 (France)

E-mail : simonyansimon1995@mail.ru

Гамбарян Артур Сиреканович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Российско-Армянский университет (Ереван)

Ghambaryan Artur Sirekanovich

doctor of law, professor, head of the department of theory and history of state and law, Russian-Armenian university (Yerevan)

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

**Необходимость и проблемы правосубъектности
искусственного интеллекта**

Necessity and problems of legal personality of artificial intelligence

---

Аннотация. В статье рассматривается вопрос необходимости правосубъектности искусственного интеллекта. Искусственный интеллект отличается от других объектов права своей автономностью и способностью принимать рациональные решения. В силу таких качеств, традиционные нормы разных отраслей права могут быть неприменимы к нему. В этом контексте, соавторы анализируют совместимость разных моделей правосубъектности с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, автономность, юридическое лицо

Abstract. The article is devoted to the issue of the necessity of legal personality of artificial intelligence. Due to its autonomy and ability to make rational decisions, artificial intelligence differs from other legal entities. For this reason, traditional norms of different branches of law may be inapplicable to it. In this context, the co-authors analyze the compatibility of different models of legal personality with artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, legal personality, autonomy, legal persons

---

Под искусственным интеллектом следует понимать информационные системы, которые выполняют задачи в изменяющихся и непредсказуемых обстоятельствах без значительного человеческого надзора или могут учиться на собственном опыте и повышать свою производительность¹. Это системы, которые работают, пытаясь дублировать или имитировать человеческое мышление². Чтобы оградить исследуемую тему от всяких мифов, надо отметить, что функционирование искусственного интеллекта базируется на обработке данных (в том числе — персональных) информационными алгоритмами, что предполагает наличие предопределения принципов его функционирования человеком.

Однако, связи со способностью этих юнитов принимать решения, которые не всегда предсказуемы и понятны для человека, становится всё более сложно приписывать последствия действий этих юнитов

¹ H.R.4625 — Future of Artificial Intelligence Act of 2017

² André R. Bertrand, «Conditions de la protection par le droit d'auteur», Dalloz, 2010, 103.27

их программисту или пользователю, что подразумевает, что юнит искусственного интеллекта отличается от других объектов права. Автономность, эффективность и непредсказуемость последнего стали почвой для юридической общественности начать исследование о возможности, необходимости и рисках признания правосубъектности искусственного интеллекта.

Данная тема, будучи одним из противоречивых и актуальных вопросов права, исследуется французскими¹, русскими² и американскими юристами³. Среди них есть те, кто находят в нем возможность⁴, так как другие — против правосубъектности роботов⁵. Актуальность и распространенность темы выросла благодаря резолюции Парламента Евросоюза, согласно которой «*по меньшей мере наиболее продвинутое автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами*»⁶.

Учитывая факт, что различные категории наделены статусом субъекта права, правосубъектность можно считать техникой права, созданная для реализации конкретных целей, в виде присвоения прав и обязанностей⁷. Ради решения практических задач, право, кроме традиционных субъектов, вручает такой статус объектам материального мира. Например, признание правосубъектности реки Вангануи имело в качестве цели специфическую юридическую защиту природы⁸. Этот дебат был индицирован из-за опасности, которая представляла человеческая деятельность для экосистемы реки. Последняя, в свою очередь, представляла опасности для права на здоровье людей проживающих рядом с рекой. Согласно праву Новой Зеландии, представитель местной племени был наделен правом представления судебного иска против субъектов, чья деятельность представляла угрозу реки. Таким образом, река была признана субъектом права, а житель племени — его представителем.

Учитывая такую универсальность права, обсуждение вопроса правосубъектности юнита искусственного интеллекта становится все более уместным. Такой подход, *a priori*, может облегчить регулирование некоторых аспектов искусственного интеллекта, такие как, определение единственного должника по обязательствам по причинению вреда, определение субъекта, являющейся стороной договора заключенного роботом, принятие этических вопросов роботом итд.

Прежде всего, необходимо анализировать, являются ли характеры искусственного интеллекта достаточным фундаментом для признания правосубъектности последнего, а таковой является его автономность. Автономность понимается как способность определяться, выбирать, действовать свободно⁹. Она предполагает поведение искусственного интеллекта, которого нельзя полностью предвидеть. Такое качество искусственного интеллекта было признано Кассационным судом Франции. По делу «Google», сервис поисковой системы корпорации «Google», которая называется «Google Suggest», опубликовала фразы с надписью «Lyonnaise de Garantie мошенник» после того, как пользователь сайта решил найти сведения об этой фирме, из-за чего фирма подала судебный иск против «Google». По этому делу, суд признал, что «*функциональность программы, которая генерирует критикуемую фразу, является результатом процесса, который является полностью автоматическим по своей работе и случайным по результатам, так что отображение таких слов исключает всякую волю оператора программы*». Признание автономности искусственного интеллекта привела к отказу суда признать корпорацию «Google» виновной в клевете¹⁰.

Однако, непредсказуемость и автономность технологий не должны быть аргументами в пользу признания правосубъектности. В первую очередь, некоторые объекты права обладают такими же способностями, хотя их правосубъектность не принимается законодательством. Лучшими примерами могут служить животные, которые, согласно закону, являются живыми и чувствительными существами¹¹. В то же время, такое регулирование не означает, что они являются промежуточными категориями между объек-

¹ MERABET, Samir, « Vers un droit de l'intelligence artificielle », thèse pour le doctorat en droit privé, Université d'Aix-Marseille, 2018 ; GUEGAN Guillaume, « L'élévation des robots a la vie juridique », 2016, Université Toulouse 1 Capitole (UT1 Capitole)

² МОРХАТ, Петр Мечиславович, «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы», Москва 2018, с. 420

³ HALLEVY, Gabriel, «Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems», Springer, 2015

⁴ BENSOUSSAN, Alain, « La personne robot », Recueil Dalloz, 2017, page 2044

⁵ LOISEAU Grégoire, « La personnalité juridique des robots: une monstruosité juridique », La Semaine juridique — édition générale, n° 22, 2018, page 1040

⁶ Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051, включает текст Хартии робототехники

⁷ H. Kelsen, « Théorie pure du droit », traduit par H. Thévenaz, Édition de la Braconnière, 2e éd., 1988, p. 113-114.

⁸ DAVID Victor, « La nouvelle vague des droits de la nature. La personnalité juridique reconnue aux fleuves Whanganui, Gange et Yamuna », *Revue juridique de l'environnement*, volume 42, 2017, page 411

⁹ Trésor de la langue française, V. "autonomie", <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?11;s=2857720485;r=1;nat=;sol=0;>

¹⁰ Кассационный суд Франции, 19 июня 2013 г., 12-17.591

¹¹ Гражданский кодекс Франции, ст. 515-14

тами и субъектами права, так как на последних применяется правовой режим вещей¹. И животные, и искусственный интеллект обладают некоторым уровнем автономности и непредсказуемости. И те, и другие представляют собой функциональную полезность, несмотря на то, что право собственности на животных подразумевает некоторые ограничения². Однако ни один из вышеуказанных свойств не является достаточным аргументом в пользу создания нового типа субъекта права.

Более того, несмотря на свою автономность, искусственный интеллект, будучи результатом субъективной деятельности человека, не обладает субъективными человеческими качествами. Несмотря на то, что некоторые выборы роботов не принимаются человеком непосредственным образом, последний вырабатывает критерии и принципы их функционирования, которым следует искусственный интеллект. Например, искусственный интеллект используется для создания различных работ, которые защищались бы авторским правом, если бы были созданы человеком (музыки, картины и т.д.). Согласно ч.1 ст. 3 закона РА «Об авторских и смежных правах», объектом авторского права считается оригинальный результат творческого труда. Оригинальность трактуется как отпечаток личности его автора³ или комплексция свободных и креативных выборов⁴. Однако, вышеуказанные субъективные параметры требуют наличия оригинальных качеств, которым наделен только человек: юридические лица не могут быть авторами этих работ. Такими качествами не обладает и робот. Для последнего создание картины является процессом обработки данных, которые были заранее выбраны человеком, согласно параметрам выработанным им. Более того, искусственный интеллект не в состоянии изменить или аннулировать эти параметры. Из этого следует, что робот является лишь инструментом, чье функционирование не полностью предвидима человеком. Признание робота как индивидуального субъекта противоречило бы сущности субъективных прав, так как для их осуществления всегда необходима воля человека, которая, в свою очередь, является необходимой предпосылкой для автономных решений робота.

Другой возможной моделью правосубъектности, это — юридическое лицо. Примечается, что искусственный интеллект и юридическое лицо имеют некоторые схожие характеристики. Юридическое лицо, как и искусственный интеллект, «является юнитом, который для того, чтобы существовать, нуждается в деятельности и в контроле человека или сообщества людей»⁵. Как и юридические лица, искусственный интеллект может подлежать государственной регистрации, которая позволила бы иметь информацию о его создателях и собственниках⁶. Правоспособность робота, как и правосубъектность юридического лица, будет «ограничена правами и обязанностями необходимыми для достижения их целей»⁷. Более того, модель юридического лица позволила бы определить единственного должника по обязательствам по причинению вреда, являющегося результатом функционирования робота. Для этого, робот может быть наделен обособленным имуществом.

Однако, данный подход влечет за собой некоторые риски и неудобства. Несмотря на позицию, что юридические лица считаются результатом юридической фикции, они, будучи «искусственными лицами», уже имеют некоторые права, которыми ранее были наделены только физические лица⁸. Данная тенденция известна как концепция «техноперсонализма»⁹. На сегодняшний день, для юридических лиц признаются так называемые неимущественные права, которые ранее были монополией физических лиц. Ущерб, понесенный юридическими лицами, включает ущерб репутации¹⁰, чести, корпоративному имени, уважению частной жизни, неприкосновенности корреспонденции¹¹. Кроме того, Кассационный суд Франции¹², Европейский Суд по правам человека¹³, Суд Евросоюза¹⁴ установили, что юридическое лицо имеет право на уважение своего жилища, право на частную жизнь. Если следовать этой тенденции «техноперсонализма», то признание правосубъектности робота влечет за собой риск признания таких прав для

¹ BUFFELAN-LANORE, Y., LARRIBAU-TERNEYRE, V., « Droit civil — Introduction-Biens-Personnes-Famille », LMD, Sirey éd., 19e éd., 2015, p. 111.

² Согласно ст. 137 Гражданского кодекса РФ, при осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности.

³ Суд общей юрисдикции первой инстанции Парижа, 1 апреля 1957 г.

⁴ Case C-393/09. Court of Justice of the European Union, 2010, Bezpečnostní softwarová asociace, point 50

⁵ GELIN, Rodolphe, GUILHEM, Olivier, « Le robot est-il l'avenir de l'homme ? », Paris, La documentation française, 2016, page 145

⁶ BENSOUSSAN, Alain, BENSOUSSAN, Jérémy, « La personne robot » in « IA, robots et droit », Bruxelles, Bruylant, 2019, page 154

⁷ LOISEAU, Grégoire, BOURGEOIS, Matthieu, « Du robot en droit à un droit des robots », La Semaine Juridique Edition Générale n° 48, 24 Novembre 2014, page 1231

⁸ LARRIEU Jacques, « Androïdes, exosquelettes, prothèses et corps humain » : Une tentative de définition d'un statut des robots en droit français », Osaka University Law Review, No. 62, page 77

⁹ LOISEAU Grégoire, « Des droits humains pour personnes non humaines », Recueil Dalloz, No. 37, 2011, page 2559.

¹⁰ Кассационный суд Франции, 30 мая 2006 г., 04-17.102

¹¹ DONDERO Bruno, « La reconnaissance de la prejudice morale des personnes morales », Dalloz, numéro 34, 2012, page 2288

¹² Кассационный суд Франции, 8 dec. 2009

¹³ Европейский суд по правам человека, 16 апреля 2002 г., Ste Colas Est и др. против Франции, n°37971/97

¹⁴ The Court of Justice of the European Union, 22 oct. 2002, ste Roquette Freres, C-94/00

роботов, в случае чего автономное функционирование алгоритмов может быть защищено правом на личную жизнь, а их публикации в Интернете могут считаться выражением свободы слова, несмотря на то, что в реальности это результат ошибочного функционирования алгоритмов или неправильного программирования.

Одним из аргументов в пользу создания нового типа субъекта права является тот факт, что иногда трудно определить кто является ответственным лицом за вред причинённый роботом: программист, пользователь, собственник, производитель? Однако стоит отметить, что в наличии права есть другие альтернативы для решений комплексных проблем связанных с юридической ответственностью. Так, согласно общественному здравоохранительному кодексу Франции, если вред, будучи прямым следствием медицинской деятельности, не является результатом вины доктора или медицинской организации, или недостатком или дефектом медицинских продуктов, то ущерб должен быть возмещен за счет фонда национальной солидарности¹. Данная система ответственности является объективной, так как ее применение не требует доказывания вины. Следует также иметь в виду, что современное право имеет разные механизмы объективной ответственности, при которых лицо признается ответственным несмотря на отсутствие вины. Например, в большинстве случаев робот обладающий искусственным интеллектом может быть признан источником повышенной опасности², который неподвластен полному контролю со стороны человека. Из этих выводов следует, что вопрос правовой ответственности должен быть решен иными методами, чем создание нового субъекта права.

Исходя из совокупности вышеуказанных аргументов, мы считаем, что признание правосубъектности искусственного интеллекта не является обоснованным. Создание нового субъекта права в виде искусственного интеллекта не является необходимым шагом для развития права.

---

¹ Кодекс общественного здравоохранения Франции, ст. Л 1142-1

² Согласно ст. 1079 Гражданского кодекса РФ, Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Смирнова Марина Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Smirnova Marina Gennadyevna

doctor of law, associate Professor, Professor of the Department of civil procedure law of the North-Western branch of The Russian University of Justice (Saint-Petersburg)

E-mail:msm777@inbox.ru

Социальные притязания и юридические инновации: проблемы соотношения и взаимодействия

Social claims and legal innovations: problems of correlation and interaction

---

Аннотация: В статье исследуются проблемы соотношения социальных притязаний и юридических инноваций. Социальные притязания рассматриваются, как требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации. Делается вывод, что посредством выявления и институционализации социальных притязаний в праве, юридические инновации внедряются в жизнь и достигается правовой прогресс.

Ключевые слова: социальные притязания, институционализация, юридические инновации, правовой прогресс.

Annotation: The article examines the problems of correlation between social claims and legal innovations. Social claims are considered as demands made by individuals, social groups, and other subjects to society and the state for the implementation of practical actions that contribute to the realization of specific social interests, as well as their institutionalization. It is concluded that by identifying and institutionalizing social claims in law, legal innovations are implemented and legal progress is achieved.

Key words: social claims, institutionalization, legal innovation, legal progress.

---

1. Социальные притязания — это требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации.

Социальные притязания выполняет значимую роль в формировании права, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений. Они выступают критерием способности права действовать, воплощаться в конкретных отношениях, помогая преодолеть путь от замысла к результату. Динамика, действие права идет от социальных притязаний к субъективным правам, а затем и конкретным правоотношениям.

Права человека являются результатом выдвижения, отстаивания и закрепления в законодательстве социальных притязаний субъектов, в которых проявляется их извечное стремление к справедливости, равенству и свободе. Так, еще Л. Петражицкий и П. Сорокин говорили о правообразовании, как о процессе, выражающемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы.¹

2. Установлено, что структура социального притязания является сложной по составу входящих в нее элементов и состоит из субъекта, объекта и содержания. Содержание социального притязания имеет две стороны — внутреннюю и внешнюю. Первая выражена в наличии социального интереса — внутренней активности, готовности субъектов к внешним действиям. Вторую сторону образуют дейст-

---

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 1907. С. 179; Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль. 1919. С 32-33.

вия, которые предпринимают субъекты с целью реализации, воплощения в жизнь своих социальных интересов.

3. Выявлена многоплановость и многофакторность формирования социальных притязаний в праве, их обусловленность объективными и субъективными факторами. Социальное притязание — это сложное социально-правовое явление, представляющее собой диалектическое единство объективного и субъективного. Среди факторов, объективно обуславливающих социальные притязания, определяющими являются: культурно-исторические, политические, экономические, социальные и правовые факторы. К факторам, субъективно обуславливающим социальные притязания, отнесена совокупность психических компонентов: воля, эмоции, чувства, мышление и т. п.

4. Определено, что учет социальных притязаний в результате правового мониторинга, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, опросы общественного мнения и другие социологические исследования образуют механизм выявления социальных притязаний, основной задачей которого является эффективное выявление социальных притязаний субъектов с целью их последующего закрепления в праве.

5. Выявлено, что граждане, их коллективные объединения и общество в целом активными внешними действиями побуждают правотворческие органы к институционализации в нормах права социальных интересов. При этом в предложенной концепции социальных притязаний термин «институционализация» используется в соответствии с его содержанием, как процесс закрепления социальных притязаний в нормах права. Закрепляемые в праве социальные притязания должны отвечать следующим критериям: 1) соответствие историческим традициям, культуре, социально-экономической и политической ситуации, а также конъюнктуре момента (ожиданиям населения); 2) относительная рациональность социальных притязаний, то есть закрепленные в норме права социальные интересы должны служить обеспечению целостности, интеграции общества, преодолению политического противостояния; 3) общезначимость отношений, отражаемых в норме права; 4) формальное равенство субъектов правоотношений; 5) подверженность отношений, получающих отражение в норме права, внешнему контролю и прямая заинтересованность в них общества; 6) согласованность с нормами общечеловеческой морали; 7) реальная исполнимость.

6. Установлено, что к формам институционализации социальных притязаний в праве относятся: нормативный правовой акт, нормативный договор, правовые позиции Конституционного Суда, правовоположения судебной практики, индивидуальный договор, правовые акты муниципальных и иных негосударственных образований, правовой обычай и другие.

7. Определено, что английский термин «innovation», переводимый на русский язык как «инновация», «нововведение», характеризуется широким спектром значений. Понятие «инновация» соответствует русскому слову «новшество», которое появилось в русском языке еще до XVIII века, т.е. до петровских реформ.¹ Определения инноваций, инновационной деятельности даются различные.

Само понятие innovation впервые появилось в научных исследованиях XIX в., для объяснения «культурных диффузий», под которыми понималось введение одних элементов культуры в другую.² Социально-гуманитарный аспект исследования термина «инновация» получает отражение в работах французского юриста, социолога Габриеля Тарда: «Социальная логика» (1901) и «Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества» (1906). Исследуя социальный прогресс, Тард выявляет такие сущностные характеристики феномена инноваций такие как: необходимость принятия ее общественным сознанием, высокую социально-прогрессивную значимость, непрерывность, целенаправленность, двойственную природу появления инноваций (внутреннюю, порожденную потребностью индивида и внешнюю, порожденную потребностью общества).

Позже понятие «инновация» появилось в научном обороте в 30-е гг. XX века благодаря австрийскому (позже американскому) учёному Йозефу Алоизу Шумпетеру, который увидел в инновациях главный фактор экономического прогресса.³

Термин «инновация» сначала разрабатывался, прежде всего, в рамках экономической науки. Как отмечает, М.В. Волюнкина, сегодня «сформирована теория инноваций, изучающая явления и процессы научного и технологического развития человеческой цивилизации, экономики страны, отраслей, регионов и отдельных хозяйствующих субъектов... Внутри теории инноваций появляются относительно самостоятельные направления в виде: формирования новшеств; сопротивления нововведениям; диффузии (распространения) новшеств; адаптации к ним человека и приспособления их к человеческим потребностям; инновационных организаций; выработки инновационных решений и т.д.».⁴

¹ Маркеев А.И. Правовое регулирование инновационной деятельности. Учебное пособие. Новосибирск: СибАГС. 2010. С.7.

² Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнологии: Критические этюды /Э.Г. Александренков. М. 1976. 62 с.

³ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.. 1982.

⁴ Волюнкина М.В. Правовое регулирование инновационной деятельности: проблемы теории. М.: Аспект Пресс. 2007. С. 7.

В современной науке проблема инноваций рассматривается в экономике, политике, образовании и других сферах общественной жизни.

Под правовой, юридической инновацией понимается внедренное в правовую систему новшество, качество, улучшающее ее элементы с целью гармонизации действующего права. Юридические инновации являются одним из проявлений динамической функции права, стремления права, как регулятора общественных отношений к развитию и совершенству. Признаками, отличающими юридическую инновацию от других, смежных категорий являются: 1. Внедрение в правовую систему нового; 2. Наличие определенных инновационных этапов (циклов); 3. Конечный инновационный результат, связанный с внедрением. Внедрение — основное отличие инновации от других, схожих явлений, это не что иное, как использование на практике каких-либо исследований, экспериментов.

8. Выявлено, что причинами инноваций выступает необходимость адаптации общества к меняющимся условиям существования путем выработки новых смыслов, средств, технологий и продуктов человеческой деятельности (вещей, знаний, символов, коммуникаций, механизмов социализации).

Инновации необходимы для гармонизации права. Нельзя сводить инновации в праве только к увеличению нормативных правовых актов и поиску альтернативных источников права, поскольку юридические инновации могут реализовываться в правовой идеологии, правовой культуре, правоприменении. Юридические инновации необходимо рассматривать как одно из средств повышения эффективности правового регулирования.

9. Определено, что социальные притязания и юридические инновации являются взаимосвязанными и взаимозависимыми явлениями. Посредством выявления и институционализации социальных притязаний в праве, юридические инновации претворяются в жизнь и достигается правовой прогресс.

В обществе социальные притязания субъектов находят свое выражение в праве только благодаря упорной внешней деятельности их носителей. Требования об установлении соответствующего круга экономических, политических, культурных и личных прав не реализуются автоматически, их осуществление происходит в условиях напряженной борьбы, столкновения сил прогресса с силами реакции, новых идей со старыми взглядами и предрассудками.

Сквозь столкновение и борьбу групповых, личных интересов и притязаний, через перипетии национальных отношений, формы развития культур, идеологии пробивает дорогу объективная необходимость в предоставлении такого круга прав и свобод, который отвечал бы потребностям нормального функционирования общества, способствовал развитию правового прогресса. Под правовым прогрессом в работе понимается объективный, закономерный, характеризующийся восходящей направленностью процесс правового развития общества, его социальных групп и личности.

Внедрение юридических инноваций свидетельствует о направленности в развитии правовой жизни — сложного, разностороннего и многокомпонентного явления.

Право развивается и изменяется вследствие институционализации в нем общезначимых социальных притязаний. Субъекты посредством закрепления социальных притязаний в праве реализуют свои интересы. Поэтому можно утверждать, что право меняется и развивается вслед за возникающей потребностью в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Эта потребность определяется назревшими социальными притязаниями субъектов, требующих своего правового опосредования.

Благодаря внедрению юридических инноваций посредством институционализации социальных притязаний в нормах, правовой прогресс может стать из желаемого результата обязательным направлением юридического бытия. Это делает социальные притязания эффективным инструментом внедрения юридических инноваций и правового прогресса в целом.

Закон не только закрепляет существенные социальные притязания субъектов, признавая их правильными, должными, но и закладывает основы жизни людей в будущем. Поэтому законодательная деятельность должна носить опережающий характер.

Представляется, что все проводимые в стране реформы должны получить правовое обеспечение, проходить в рамках правового поля. На сегодняшний момент многие важные социальные притязания так и не получили своего закрепления в праве, важные законодательные акты еще не приняты, хотя потребность в них ощущается весьма остро. Это значит, что существующие общественные отношения остаются неурегулированными.

Ярким примером внедрения инновационных технологий выступает использование в судопроизводстве технологий веб-связи с внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу. Как известно, суды ввели ограничения в своей деятельности из-за противоэпидемиологических мер. Рассматривались по большей части неотложные дела. Но ситуация с пандемией заставила ускорить внедрение новых технологий, которые позволяют заметно расширить круг дел, рассматриваемых в дни санитарных ограничений.

Судебные процессы с использованием обычных систем видео-конференц-связи давно стали обычным делом. В сутки российские суды проводят более 1,5 тысячи таких заседаний. Но у систем видео-конференц-связи есть ограничение, которое в наши дни становится довольно серьезным препятствием: такая аппаратура установлена только в судах и различных казенных учреждениях, например, следст-

венных изоляторах. В силу введенных противозидемиологических ограничений граждане не смогли прийти в ближайший районный суд, чтобы по системе видео-конференц-связи участвовать в рассмотрении своего дела в вышестоящей инстанции. Поэтому Верховный суд России стал внедрять технологию веб-связи. С технической точки зрения технология веб-видео-конференц-связь позволяет уже сейчас с помощью средств вычислительной техники участвовать в судебном заседании, находясь при этом в офисе или даже дома. Возможность участия в судебном заседании с использованием технологии веб-видео-конференц-связи из офисных или жилых помещений будет обеспечена внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу. Таким образом, социальные притязания субъектов, способствовали внедрению данной юридической инновации в жизнь, с целью обеспечения основных конституционных прав граждан, направленных на реализацию права на судебную защиту своих прав и свобод.

10. Установлено, что посредством институционализации в праве социальных притязаний происходит внедрение юридических инноваций и достигается правовой прогресс. Правовой прогресс нацелен на достижение признаваемых человеком ценностей, удовлетворение насущных и актуальных интересов, социальных притязаний субъектов. Таким образом, социальные притязания и юридические инновации находятся в глубокой органичной связи. Социальные притязания являются одним средств внедрения юридических инноваций в жизнь и инструментом правового прогресса, его гарантом.

Соколова Алла Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь), профессор-эмеритус Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва)

Sokolova Alla Anatolyevna

candidate of law, associate professor, associate professor of the department of economics and law of the Belarusian national technical university (Minsk, Belarus), emeritus professor of the European humanities university (Vilnius, Lithuania)

E-mail: alla.sokolova@ehu.lt

Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания

The Challenges of Artificial Intelligence in Jurisprudence: an Interdisciplinary Model of Cognition

Аннотация. Современный мир столкнулся с новыми вызовами, один из которых проявляется в возникновении «новой технологической революции» и связанным с ней преобразованием человечества¹. Можно по-разному определять характер происходящих трансформаций (промышленная, технологическая, информационная революция), но суть их одна — мир становится иным. Как реагировать на вызовы современной революции, порождающей как позитивные для общества изменения, так и негативные, последствия которых в целом человечеством пока не оценены? Как относиться к гуманитарному вмешательству искусственного интеллекта в правовую систему, предвидя его угрозы и риски? Следует ли выйти за рамки исследовательского поля гуманитарных наук, и каким видится оптимальный формат «диалога» между технологией и обществом? Осмысление этих необычных для человечества явлений требуют новой познавательной модели, иных методологических подходов. По мнению автора, речь может идти о новой исследовательской парадигме — *междисциплинарности нового порядка*. Информационные технологии и юриспруденция станут, таким образом, объектами исследования «пограничных» наук — гуманитарных и технических. Попытка представить образ этой модели и описать ее достоинства представлена в предлагаемой статье.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юриспруденция, междисциплинарная модель познания, технико-социальные отношения, подход, основанный на правах человека.

Abstract. The modern world is faced with new challenges, one of which is manifested in the emergence of a "new technological revolution" and the associated transformation of humanity². You can define the nature of the ongoing transformations in different ways (industrial, technological, information revolution), but their essence is the same — the world is becoming different. How to respond to the challenges of the modern revolution, which generates both positive changes for society, and negative ones, the consequences of which have not yet been assessed by humanity as a whole? How to deal with the humanitarian intervention of artificial intelligence in the legal system, anticipating its threats and risks? Should we go beyond the research field of the humanities, and what is the optimal format of the "dialogue" between technology and society? Comprehension of these phenomena, unusual for mankind, requires a new cognitive model, different methodological approaches. According to the author, we can talk about a new research paradigm — a new order of interdisciplinarity. Thus, information technology and jurisprudence will become the objects of

¹ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/21240265.&uuiid=981e89bc-7b5a-11e6-a56b-0cc47a520474&art=21240265&trials=1&user=0&file=32764712&trial=1&price=499.00&texttrialbutton=%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8E%20%D0%B7%D0%B0%20499.00&uilang=ru&catalit2&half=1&track_reading

² See: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/21240265.&uuiid=981e89bc-7b5a-11e6-a56b-0cc47a520474&art=21240265&trials=1&user=0&file=32764712&trial=1&price=499.00&texttrialbutton=%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8E%20%D0%B7%D0%B0%20499.00&uilang=ru&catalit2&half=1&track_reading

research of the "frontier" sciences — humanitarian and technical. An attempt to present an image of this model and describe its merits is presented in this article.

Key words: artificial intelligence, jurisprudence, interdisciplinary model of cognition, technical and social relations, human rights based approach.

Являясь свидетелями процессов гуманитарной «интервенции» искусственного интеллекта в правовую сферу (многие факты зарубежной и отчасти отечественной юридической практики подтверждают это¹), мы задумываемся над вопросами нашей личностной безопасности. С одной стороны, разумный научный оптимизм позволяет нам воспринимать внедрение новых технологий и искусственного интеллекта в юриспруденцию как современное достижение, задающее новый вектор ее модернизации и придающее новый смысл юридической деятельности. С другой стороны, необозримая, неопределенность, своеобразная «тайность» последствий их внедрения в нашу правовую жизнь мотивирует академическое сообщество к активизации исследовательской, прогностической, познавательной функций, опережающей наступление неблагоприятных для человечества изменений.

Уникальные явления, являющиеся проявлениями и результатами новейших технологий, требуют глубокого осмысления и оценки с позиции не только социальных и гуманитарных наук — философии, этики, политологии, экономики, социологии, юриспруденции, но и с позиции технических наук. Известный мыслитель Мишель Фуко своими трудами доказывал необходимость построения связей между философией, социологией, историей, наукой и *техникой*. Как распознавать правовые отношения, возникающие в области медицины (коронакризис, эвтаназия, трансплантация органов, смена пола), финансов (новые виды валют — блокчейны, биткойны), экологии (изменение климата, охрана окружающей среды), других сфер? Как определить круг субъектов этих правовых отношений? Многие из них имеют интегративную природу, находятся в пространстве социального взаимодействия технологии, этики, экономики, политики, права, религии, гуманитарный язык которого может быть вытеснен расширением сферы использования «языка алгоритмов», «цифровых технологий». Современная научно-технологическая повестка требует системного многопрофильного исследования и формирования *интегрального мышления*, синтезированного на основе взаимодействия, взаимопроникновения гуманитарных, социальных и технических наук. Формирующаяся новая *технологическая культура* не может отвергать накопленную мудрость гуманитарного знания, напротив, она должна оставаться основой для грядущих культурно-технологических трансформаций. Современные запросы жизненного мира, тесное взаимовлияние всех его составляющих, социальных и природных, требуют интеграции научного знания и формирования *целостного мировоззрения*. Речь идет о разработке единой интегративной концепции, позволяющей сканировать воздействия технологических процессов на облик современного общества, контролировать их и предупреждать негативные последствия. Необходимо объединение усилий представителей гуманитарного и *технического* знания, поиск языка их общения, координации, создание интегративных познавательных подходов. На мой взгляд, речь должна идти о новой исследовательской парадигме — междисциплинарности нового порядка, *создании междисциплинарной познавательной модели*. Познавательная технология в этом формате не ограничивается рамками отраслей правового знания или диапазоном правовых и иных гуманитарных и социальных наук, а проникает «в пограничье» гуманитарного, социального и новейшего *технического* знания.

Внедрение новейших компьютерных технологий, искусственного интеллекта в сферу юридической деятельности, автоматизация работы юридических компаний подтверждены множеством фактов мировой практики, иллюстрирующих их эффективность как современных инструментов, существенно упрощающих решение юридических вопросов, освобождающих юристов от рутинного мышления и технических операций, и в целом способных преобразить юридическую профессию. Бесспорно, это — проявление развития цивилизации, вступление ее в новую эру технологического прогресса. Возникает вопрос, будет ли он безопасен для человечества? Как реагировать на вызовы искусственного интеллекта в правовой среде, возможно ли предвидеть риски его внедрения и как их минимизировать? Ответы на эти вопросы — крайне важны и требуют всестороннего академического обсуждения.

Мировое сообщество находится в состоянии турбулентности — мир вокруг нас, правовая среда, в которой мы существуем, становятся порой непредсказуемыми. Внимание ученых-юристов в *текущем году* переключилось на другое явление нашей жизни — *пандемию коронавируса* и вызванного ею принятие в ряде стран чрезвычайного законодательства, ограничивающего права человека. Не случайно Ин-

---

¹ См., например, Katz D. M., Bommarito M. J., Blackman J. A general approach for predicting the behavior of the Supreme Court of the United States //PLOS ONE. April 12, 2017, available at: <https://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0174698&type=printable>; Робот-юрист, который выигрывает судебные дела. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://robo-hunter.com/news/sozdan-robot-kotorii-viigrivaet-sudebnie-dela>; Бевзенко Р. Как я победил судебного робота-юриста, и почему это будет длиться недолго. Май 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pgplaw.ru/news/article/roman-bevzenko-how-i-beat-trial-of-robot-lawyer-and-why-it-will-not-last-long>

ститут перспективных юридических исследований (IALS) и Вестминстерский фонд демократии (WFD) организовали видео-конференцию «Являются ли экстренные меры в ответ на COVID-19 угрозой демократии? Факт и вымысел», посвященную природе чрезвычайного законодательства, принятого в различных странах в ответ на пандемию коронавируса¹.

Тем не менее, новейшие информационные технологии продолжают свое проникновение в социальное и правовое пространство, и задача ученых различных направлений найти способы оценивания их последствий. Самым *существенным вызовом* искусственного интеллекта, на мой взгляд, является его воздействие на природу человеческого бытия, измерение личностного пространства, свободу и безопасность жизни человека. Это, на мой взгляд, и есть *системный индикатор* оценивания последствий современной технологической революции.

Попытаюсь представить свои аргументы и доводы. Проникновение искусственного интеллекта в сферу юриспруденции осуществляется в двух основных направлениях: компьютерной автоматизации определенных видов технико-юридических операций и выполнения определенных функций роботом-ботом, «самостоятельно» обозначающим цели и задачи. В последнем речь идет о развитии новых поколений информационных систем, которые способны заменить человека, действовать автономно, учиться на своем опыте, адаптироваться к окружающей среде, самостоятельно принимать решения. Резонное беспокойство вызывает именно второе направление, которое в большей степени связано с риском для безопасной, с точки зрения человека, правовой деятельности, наиболее уязвимыми из которой являются судебная практика и законопроектная деятельность. С одной стороны, при выборе между роботом-юристом и человеком-юристом с набором человеческих слабостей и страстей (законодателем, судьей, прокурором) общество выберет беспристрастного робота. Можно согласиться с мнением доктора юридических наук, профессора Игоря Николаевича Глебова: в качестве постановочной проблемы он определяет переход «от юриспруденции человеческих ошибок, слабостей и страстей к беспристрастной математически точной юриспруденции — неотвратимой, единообразной, повсеместной и безупречной законности»². С другой стороны, в той же статье Игорь Николаевич отмечает, что при умелом содержании техника не делает ошибок, она безупречна. Но безупречна ровно настолько, «насколько человек о ней позаботился, обезопасит и настроит ее». В этом дополнении мне видится обозначение основного риска — *риска доверия* к человеку, естественному интеллекту, который создает искусственный: разрабатывает программу, задает роботу систему компетенций, функций, определяет задачи, иными словами, «настраивает» его. Во всех ли случаях работа IT-специалистов безупречна? Не таится ли на этом пути риск произвести продукт с изначальными дефектами, которые впоследствии скажутся на результате?³

Одним из способов преодоления негативных последствий использования искусственного интеллекта в правовой сфере является, на мой взгляд, своевременное *правовое регулирование* коммуникации между всеми акторами, участвующими в создании цифровой программы: программистами-разработчиками, работающими на стыке кибернетики, психологии и бихевиоризма; инженерами, составляющими алгоритмы для роботов; юристами-консультантами, правоприменителями. Их правовой статус, функции, ответственность, иные элементы правового регулирования должны быть изначально установлены в каком-либо нормативно-правовом акте, например, Регламенте. Кроме того, обязательное требование внедрения программного продукта — проведение *технико-правовой экспертизы* разработанной программы на предмет соответствия ее содержания, предназначенного для выполнения роботом-ботом, базовым правам и свободам человека, его безопасности.

В связи с практическим освоением достижений искусственного интеллекта может возникать институциональный кризис ряда традиционных правовых наук, избыточный формализм которых следует преодолеть методологическими новациями, в частности, *междисциплинарным* подходом. Смысловое объяснение таких понятий, как «производитель», «оператор», «пользователь» робототехники невозможно в полном объеме без технических знаний, а признание/непризнание робота в качестве субъекта права/квазисубъекта, использование устоявшихся юридических конструкций требуют эластичности/гибкости правового мышления, отхода от традиционной интерпретации правовых понятий. Междисциплинарность нового порядка, совмещающая ресурсы социальных, гуманитарных и *технических* наук позволит комплексно осмыслить новые явления и создать предпосылки для формирования правовых моделей поведения, совмещающих реалии информационного процесса с идеями и принципами, гуманизирующих его. Более глубокое проникновение искусственного интел-

¹ IALS/WFD Digital Conference: Are Emergency Measures in Response to COVID-19 a Threat to Democracy? Fact and Fiction. 10 September 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ial-online.org/reminder-digital-conference-are-emergency-measures-in-response-to-covid-19-a-threat-to-democracy-fact-and-fiction-ials-wfd/>

² См.: Глебов И. Н. Искусственный юридический разум //Сетевой научный юридический журнал «Гуманитарное право». 1 января 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html>

³ См. подробно: Соколова А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. Ежегодник. «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». Изд-во: Нижегородская академия МВД РФ. Нижний Новгород. — 2019. — № 13.

лекта в правовую сферу потребует концептуальное обоснование новых правовых понятий и категорий, широкое применение института аналогии, основанного на использовании уже имеющихся инструментов юридической техники, творческий поиск новых правовых идей и концепций, отражающих технико-социальные трансформации.

Модернизация социальных отношений вызовет появление новых форм их правового регулирования и обеспечения, а значит, задаст новые импульсы развитию юриспруденции. Изменится и природа этих отношений, они, на мой взгляд, приобретут *технико-социальный* характер, обоснованный интегрированностью технических норм и норм социальных (к примеру, отношение работа с человеком). Дирк Хелбинг, профессор социологии Швейцарского Федерального технологического института (Цюрих), рассматривая общество и будущие технологические системы, как социально интерактивные, призывает к поиску новых методов и инструментов для изучения «*техно-социо-экономико-экологических*» систем, как социально интерактивных, с тем, чтобы дать лицам, принимающим решения, более четкую, комплексную картину их видения, представить различные позиции по их проектированию и управлению «на устойчивой основе, чтобы свести к минимуму серьезные нестабильности, неконтролируемые системные изменения, конфликты, преступность и войны»¹.

Практическая целесообразность ускорит процесс интеграции социогуманитарных и технических наук и их совместное участие в преобразовании культуры жизненного мира. Как достижения современной технологической революции, так ее и неудачи потребуют объединения интеллектуальных усилий специалистов различного профиля и разных правовых культур для создания «позитивной, единой и многообещающей концепции» (в терминах К. Шваба), позволяющей мировому сообществу преобразовывать мир. Международное сотрудничество в этом творческом процессе крайне необходимо: мировой порядок взаимодействия требует единых методологических оснований и подходов.

Как с позиции высшей школы реагировать на происходящие и набирающие невиданный темп компьютерные инновации? Каков профессиональный портрет юриста эпохи искусственного интеллекта? Ответы на эти вопросы требуют пристального внимания и всестороннего обсуждения.

Одно из направлений модернизации юридической профессии видится в формировании междисциплинарных образовательных программ, находящихся в непривычной для нас среде — юридической науки и IT-технологии. Освоение познавательного междисциплинарного алгоритма требует акцентировать внимание на подготовке специалистов с двойными компетенциями: юриста и IT-специалиста. Развитие технико-гуманитарной подготовки юристов-интеллектуалов усилит их вклад в филигранную сферу юриспруденции и будет минимизировать риски, связанные с внедрением в жизненный мир искусственного интеллекта.

Если исходить из посылки, что мера всех вещей — человек, признавать индикатором оценивания последствий использования современных информационно-технологических достижений — права и свободы человека, то профессиональный портрет современного юриста следует дополнить новым компонентом юридического образования. Речь идет о подходе к подходу международной и европейской политики, предписывающем осуществлять все виды государственной деятельности, в том числе образовательную, с позиции соблюдения принципа прав человека, о «*подходе, основанном на правах человека*» (англ.: «*human rights based approach*»). Это понятие было включено в программы Организации Объединенных Наций (ООН)². В программных документах ООН провозглашена задача формирования *культуры прав человека*. Определение понятия «культура прав человека» сформулировано во Всемирной программе образования в области прав человека и включает следующие признаки: укрепление уважения к правам человека; наиболее полное развитие человеческой личности и чувства достоинства; создание условий для активного участия индивида в свободном и демократическом обществе; развитие общества и социальной справедливости, ориентированных на человека. Особый посыл направляется в сферу юридического образования: современный юрист, в какой бы сфере юридического мира он не работал, должен обладать культурой прав человека, использовать правовой арсенал международных и национальных инструментов для реализации и защиты прав человека. Использование подхода, основанного на правах человека («*human rights based approach*») в оценивании последствий внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию, может предотвратить или ослабить негативные последствия, связанные с нарушением прав человека, и в целом сохранить мирную безопасность социальной среды.

---

¹ Helbing Dirk. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. 2011, available at: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf>

² The Human Rights Based Approach to Development Cooperation. Towards a Common Understanding Among UN Agencies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://undg.org/about/>, Report by the Director-General on the Implementation of the Programme and Budget (34 C/5) and on Results Achieved in the Previous BIENNIUM (2008-2009) (Draft 36 C/3). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001873/187379e.pdf>, Report of the Expert Meeting on Maximizing the Development Impact of Remittances, Trade and Development Commission, Held at the Palais des Nations, Geneva, on 14 and 15 February 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-nu.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/505/85/PDF/G1150585.pdf?OpenElement> и другие.

Вызовы информационной эпохи заставляют по-иному осмысливать процессы и явления, оценивать и прогнозировать их последствия. Интеграция социальных и гуманитарных наук уже не является само-достаточной, техническое знание опережает «рефлексию» гуманитарного. Познавательная технология проникает «в пограничье» гуманитарного, социального и новейшего технического знания и, как следствие, требует изменения исследовательской парадигмы — междисциплинарности нового порядка. Междисциплинарная познавательная модель позволит гуманизировать технологические процессы и сохранить накапливаемые веками ценности как основу цивилизованного общества.

Трофимов Василий Владиславович

доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России»

Trofimov Vasily Vladislavovich

doctor of law, associate professor, director of the research institute of state and legal research, professor of the department of theory and history of state and law of Tambov state University named After G.R. Derzhavin, head of the Scientific and educational center "State and legal policy of modern Russia"

E-mail: iptgutv@mail.ru

**Современная государственно-правовая политика
в области инновационного развития России:
общефедеральный и региональный срезы (научный мониторинг
общего состояния и некоторые планы на перспективу)¹**

**Modern state and legal policy in the field of innovative development of Russia:
Federal and regional cross-sections (scientific monitoring
of the General condition and some plans for the future)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования и осуществления современной государственно-правовой политики в области инновационного развития России. Предлагается теоретическое обоснование феномена государственно-правовой политики как оптимального синтеза управленческих решений и их правового сопровождения. Выделяются признаки государственно-правовой политики как особого типа властно-юридической деятельности. Характеризуется общее состояние предпринятых в изучаемой сфере государственных и правовых (законодательных) мер. Обозначаются некоторые перспективные задачи, которые могут быть решены на общефедеральном и региональном уровнях государственно-правовой политики современной Российской Федерации в области развития науки, технологий, инноваций.

Ключевые слова: право, законодательство, управление, правовая политика, государственно-правовая политика, научная обоснованность, системность, научно-технологическое развитие, инновационное развитие, Российская Федерация, федеральный уровень, региональный уровень, конституционные нормы, стратегия, концепция, государственная поддержка инновационной деятельности.

Abstract. The article examines the problem of forming of modern state and legal policy and its implementation in the field of innovative development of Russia. The theoretical substantiation of the phenomenon of state and legal policy as an optimal synthesis of management decisions and their legal support is offered. The characteristics of state-legal policy as a special type of authority-legal activity are highlighted. The general state of the state and legal (legislative) measures taken in the studied area is characterized. Some promising tasks that can be solved at the federal and regional levels of the state and legal policy of the modern Russian Federation in the field of the development of science, technology, innovation, are indicated.

Keywords: law, legislation, management, legal policy, state and legal policy, scientific validity, consistency, scientific and technological development, innovative development, the Russian Federation, federal level, regional level, constitutional norms, strategy, concept, state support for innovation.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 19-411-680004.

В современных непростых условиях в мире в целом для развития национальных государств, в том числе для развития Российской Федерации особо актуально проявляется проблема поиска и оптимизации ресурсов внутреннего роста, как материальных (главным образом, сырьевых), так и интеллектуальных. С первыми все более или менее понятно (в России такие ресурсы имеются, но так или иначе и они могут быть исчерпаны, кроме того, одной из важных разновидностей этих ресурсов — углеводородам — все заметнее на смену приходят альтернативные и возобновляемые источники энергии, поэтому полагаться только на углеводородный ресурсный уровень опрочетливо). Вторые — ресурсы интеллектуальные — имеют особую ценность, в нашей стране активно применялись и применяются, но, прежде всего, в сфере ОПК (оборонно-промышленного комплекса), однако в общегражданской области их применение и использование еще не налажено на должном уровне, в то же время именно с ними, с результатами интеллектуальной деятельности, сегодня можно связывать ответы на многие локальные и глобальные вызовы, успешность государства и, в общем, — благоприятные перспективы социально-экономического развития.

Интеллект сегодня рассматривается как главное орудие государства в борьбе за влияние, за свое место в мировом разделении труда, в острой конкурентной схватке за первенство на международной арене или конкурентном экономическом противостоянии (континентов, стран, коммерческих компаний и пр.). И именно в силу данной причины этому аспекту во всех странах (ведущих и догоняющих) в настоящее время уделяется особое внимание. В одном из программных документов по вопросу модернизации и инновационного развития — Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации (2009 г.) — очень верно и довольно убедительно было сказано: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире»¹.

Безусловно, не только на уровне высшего руководства, но и в стране в целом это осознается, но вопрос, насколько глубоко. При том, что декларации о намерениях строить развитие экономики страны, прежде всего, на интеллектуальных инновационных разработках были сформулированы довольно давно (речь шла о так называемой «умной экономике», о пяти «И» — институты, инвестиции, инфраструктура, инновации, интеллект²), говорить о том, что все цели достигнуты, а задачи решены, не приходится.

Научно-технологические продукты, которые в ситуации глобальных вызовов современности являются одним из ключевых ресурсов для развития государства, воспроизводятся в нужных объемах и надлежащего качества там, где для этого созданы все необходимые условия, в том числе разработаны и действуют эффективные механизмы государственной поддержки и правового сопровождения. Примечательно, что высказывание данных идей и целевых установок сопровождается пониманием со стороны власти того, что для решения всех этих задач потребуются соответствующее законодательное обеспечение. Так, уже в статье «Россия, вперед!» было отмечено: «Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, инноваций, новых технологий»³.

Кстати, встречавшийся осенью 2019 года с Президентом РФ В. В. Путиным основатель и бессменный руководитель Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Мартин Шваб⁴ в книге, подготовленной с Николасом Дэвисом (руководителем одной из площадок по инновациям на данном форуме), в качестве своего рода девиза отметил: «Главное в цифровом мире — доверие. Нам нужен новый нормативно-правовой климат, без которого невозможно применение инновационных технологий»⁵. Таким образом, этот значимый фактор (права) осознается на мировом уровне, осознается он и в России.

Тенденции государственного реагирования на вызовы времени и стремление властей разных стран проводить активизацию инновационной компоненты путем мер законодательного регулирования еще с прошлых времен наблюдаются во многих передовых зарубежных странах. Страны — мировые лидеры в этом плане не стоят на месте и постоянно совершенствуют собственные программы развития в части науки, технологий, инноваций. Так, еще в 1976 г. в США был принят закон «О государственной научно-технологической политике, организации и приоритетах», в 1980 г. — закон о технологических инновациях Стивенсона-Уайдлера и закон Бзя-Доула, предполагающий формы государственного стимулирования инноваций, а уже в 2007 г. — закон «О национальных инновациях» (National Innovation Act). То же можно видеть в Европейском союзе (ЕС): «Зеленый документ по проблемам инноваций» (1995 г.), План действий по распространению инноваций в Европе (1996 г.). Еще в 2000 г. ЕС утвердил так называемую Лиссабонскую стратегию, ориентирующую развитие ЕС в искомом направлении, которая была спланирова-

¹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

² Впервые о стратегии четырех «И» Президента РФ Д. А. Медведев (2008—2012) высказался в феврале 2008 г. на V Экономическом форуме в Красноярске «Россия 2008—2020. Управление ростом». Затем в рамках Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в ноябре 2008 г. была добавлена пятая составляющая — интеллект. (См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. М., 2008. 6 ноября. С. 3—5).

³ <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413>.

⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62145>.

⁵ Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 12.

на до 2010 г. В 2010 г. ЕС принимает новую стратегию — «Европа 2020», одним из приоритетов которой также выступает экономика, основанная на знаниях. А уже в рамках реализации этой стратегии проводится разработка и реализация плана мероприятий в области инновационного, научно-технологического развития. В частности, в июле 2011 г. Комиссаром Европейской комиссии по исследованиям, инновациям и науке Маэр Джорджиган-Квин (Máire Geoghegan-Quinn, Commissioner for research, innovation and science) было представлено название будущей программы «Горизонт 2020 — рамочная программа по научным исследованиям и инновациям» (Horizon 2020 — The Framework Programme for Research and Innovation), в ноябре того же года коллегия Европейской комиссии одобрила пакет решений по реализации новой рамочной программы научных исследований и инноваций «Горизонт 2020» (Horizon 2020), которая призвана стимулировать трансформацию научных достижений в инновационные продукты и услуги. В представленных документах обозначаются вызовы и приоритеты, которые диктуют необходимость опережающего развития по различным направлениям модернизации национальных социально-экономических систем и вместе с тем необходимость создания мощных и эффективных управленческих и правовых механизмов, которые смогут обеспечить соответствующий характер развития.

В Российской Федерации с целью обеспечения и оптимизации научно-технологического развития (с заглавным вектором на инновации) также были приняты и действуют федеральные законы и подзаконные нормативно-правовые акты, регламентирующие данный блок общественных отношений, способствующие созданию и использованию, а равно — коммерциализации научно-технологических новшеств, внедрению их в производство и реальный сектор отечественной экономики.

Так, в частности, приняты и действуют: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, которым определяются основные параметры научной деятельности и научной политики в Российской Федерации, регулируются отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции (редакцией данного закона от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» сформулированы понятия инновации и инновационной деятельности, а также смежные с ними понятия инновационного проекта и инновационной инфраструктуры²); Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»³ (законом определяется правовое положение наукоградов — муниципальных образований с градообразующим научно-производственным комплексом, в рамках которого осуществляются приоритетные для данного наукограда направления научной, научно-технической, инновационной деятельности); Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»⁴ (определяет возможности бизнес-структур осуществлять инновационные научные проекты в рамках деятельности центра); Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»⁵ (комплексный законодательный акт, регулирующий отношения между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления при формировании и реализации промышленной политики); Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (регулирует отношения, возникающие при создании инновационных научно-технологических центров и обеспечении их функционирования в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации); и др.

За этот период времени было принято немало программных документов в этом направлении. Из самых недавних и значимых следует назвать: а) Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р⁷ (далее — Стратегия ИР РФ); 2) Стратегию научно-технологического разви-

¹ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

² Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4602.

³ Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 15. Ст. 1750.

⁴ Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 4970.

⁵ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.01.2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

⁶ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2017. № 31 (Часть I). Ст. 4765.

⁷ Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.

тия Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (которая рассчитана в своей основе до 2035 г.)¹ (далее — Стратегия НТР РФ). В документе «определяются цель и основные задачи научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливаются принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области...» (п. 1)². Все это позволяет более определенно двигаться к намеченным целям и достигать необходимые результаты.

Вместе с тем, вопрос еще заключается в том, каким будет искомое движение, насколько оно будет оптимальным, динамичным, плодотворным. Очевидно, что решение задачи по активному переходу российского общества на вектор инновационного (целенаправленного научно-технологического) развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации, и на различных государственно-правовых уровнях (федеральном, региональном). Если с этих позиций вести речь о государственно-правовом сопровождении, то государственное управление и юридическое регулирование в этой области также должно отвечать признакам научной обоснованности, системности, планомерности, последовательности, предсказуемости, ожидаемой эффективности и пр.

К такому настрою правовой системы, всех ее основных и вспомогательных компонентов, призван особый вид юридической деятельности, получивший в науке права название «правовая политика»³, которая задает для юридической активности целый ряд критериев важных ориентиров, или несколько шире — «государственно-правовая политика» как *высококультурно организованный вид социально значимой деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработкой, принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой степени эффективности действия*⁴.

При этом государственно-правовая политика рассматривается нами как более широкое явление по сравнению с правовой политикой⁵, включающее наряду с собственно правовой политикой политику государственного управления, таким образом, выражая своего рода их функциональный синтез.

С целью понять специфику искомого синтеза государственной политики и политики правовой термин «государственно-правовая политика» в качестве опорного понятия (получившего выше в рамках данной статьи рабочее определение) вводится нами в научно-полемический оборот для развертывания в рамках последующего анализа и предлагаемой системы аргументации. Государственно-правовая политика как понятие, очевидно, требует некоторого дополнительного уточнения, так как при всей схожести с категорией «правовая политика» в нем есть и свои специфические черты.

Во-первых, *государственно-правовая политика — это вид комплексной деятельности в сфере государственно-правового развития общества*. Как и правовая политика, государственно-правовая политика — это особый вид деятельности в области не только права, но и собственно государства как политической организации общества. Если в первом случае речь идет о создании и совершенствовании механизма правового регулирования (и именно он служит предметом приложения соответствующих ресурсов правовой политики), то во втором случае предметом внимания являются наряду с правом и правовой жизнью государство и государственная жизнь общества — государственно-правовая жизнь. Рассматривать эти явления обособленно можно, но в определенном контексте (если, к примеру, задачей выступает решение конкретных проблем отдельно или правового, или государственного развития). Но если целью является построение благоприятной и устойчивой среды государственно-правового обитания в целом и на перспективу, то решать соответствующие проблемы государственно-правовой жизни общества необходимо в синтезе, поскольку вряд ли возможно создать эффективно действующий правовой механизм, если государственный механизм (включая все его компоненты и институты) работает со сбоями и пр.

Во-вторых, *государственно-правовая политика — это деятельность, связанная с принятием решений государственного характера и получающих закрепление в правовой форме — государст-*

¹ «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016. № 49. Ст. 6887.

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016. № 49. Ст. 6887.

³ См.: Малько А. В., Шундикова К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. — Подробнее о сущности, содержании и критериях современной правовой политики см.: Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012; см. также: Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009.

⁴ См. об этом подробнее, например: Трофимов В. В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3 (72). С. 79–87.

⁵ См. об этой категории подробнее: Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012; Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 5–13.

венно-правовых решений. Решения, которые необходимы для организации и упорядочения жизненных процессов в обществе, возникают на свет изначально как государственные, а затем приобретают правовую форму. Н. И. Матузов, предлагая свое определение правовой политики, отмечает, что это комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права¹, косвенно тем самым давая, на наш взгляд, понять, что в рамках этой деятельности решаются не только сугубо правовые вопросы. Думается, речь идет именно о задачах (целях, установках и пр.) государственного характера. Право так или иначе есть инструмент (средство) проведения в жизнь государственной политики, поэтому правовая политика — это во многом правовое выражение политики государственной (в данном случае мы не проводим известного деления понятия на государственный (федеральный / региональный) и муниципальный компоненты, здесь «государственный» — это значит отражающий публичные интересы в общем, интересы всего общества в целом), что предполагает ее позиционирование в качестве политики «государственно-правовой».

В-третьих, *системность как признак понятия правовой политики применительно к государственно-правовой политике понимается также шире — им охватывается как сугубо правовой, так и государственный аспекты*. Системность мероприятий, которая характеризует государственно-правовую политику, должна быть присуща мероприятиям и в государственном, и в правовом плане. Данный признак государственно-правовой политики предусматривает, что в ходе проводимых государственных и правовых мероприятий происходит соблюдение внутренней логики при проведении государственно-правовых преобразований, учитываются все системные связи и зависимости как в сфере собственно права (правовой системы), так и в области государственных институций. Системные новации в государственно-правовой сфере должны производиться таким образом, чтобы не только сохранялись интегративные свойства государственно-правовой системы, но и обеспечивались условия самовоспроизводства социально полезных качеств системного целого всего государственно-правового механизма, совершенствование всей современной государственно-правовой системы. Например, проводя декриминализацию по тем или иным составам правонарушений, нужно понимать, какие есть у государства условия, чтобы функцию перевоспитания и исправления правонарушителей не утрачивать, а также осуществлять, но другими средствами государственно-правовой системы. Также осуществляя инновационные преобразования в современном государстве, не следует утрачивать традиционные институты, платформенные основания социального бытия и пр. (это важно, в частности, при проведении государственно-правовой политики в сфере социального обеспечения и т. п.).

В-четвертых, *предсказуемость и ориентация на позитивный результат (положительный эффект) как признаки явления государственно-правовой политики* должны соответствовать не только результатам (их эффективности) в области права, но также и прежде всего в отношении всего государства (государственной жизни) — имеется в виду ожидаемая позитивная динамика государственно-правовой жизни общества и целом. Здесь нельзя не согласиться с Л. И. Петражицким, который существо проблем «политики права» видел в «научно обоснованном предвидении последствий, какие следует ожидать в случае введения определенных правовых предписаний, а также в разработке таких положений, введение которых в систему действующего права путем законодательной деятельности (либо иным путем...)»². По определению польского ученого А. Подгурецкого, «политика права (как наука о рациональном осуществлении социальных изменений, производимых с помощью права как инструмента этих изменений), опираясь на систему общепризнанных социальных ценностей, а также на знание закономерностей социального поведения, занимается формулировкой директив о планировании и реализации социальных изменений»³. Очевидно, что «социальные изменения» проектируются как конструктивные и приводящие к позитивному эффекту в отношении всего общества / государства.

В-пятых, *научная обоснованность* — этот признак государственно-правовой политики можно считать универсальным, отвечающим стратегическим и тактическим мерам как государственного, так и правового характера. В цивилизованном обществе интеллект (от лат. intellectus «ощущение», «восприятие»; «разумение», «понимание»; «понятие»; «рассудок»), опора на него в действиях — это качественная характеристика образа жизни современного этапа развития человеческой цивилизации. Любая сфера деятельности, где ставится вопрос о проведении в жизнь социально-значимых решений (направленных на создание, изменение, преобразование, совершенствование социальных институтов), должна определяться не мотивами, основанными на эмоциях и прочих трудно контролируемых аспектах бессознательного (иррационального), а на тех побуждениях к действию, которые определяются рациональным началом. Для таких сфер, как государство и право, это искомое рациональное начало предстает как научное обоснование каждого из тактических и стратегических мероприятий. Здесь государственно-правовая наука может проявить свою состоятельность, или напротив — слабую эффективность, поскольку негативный результат от того или иного государственно-правового решения будет связан с неверным науч-

¹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 318.

² Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 303.

³ Указ. соч. С. 305-306.

ным обоснованием. Но при этом сама связь публично-властных структур, ответственных за принятие государственно-правовых решений, с наукой должна быть перманентна и безусловна.

Синтез государственной (публично-властной) и правовой политики во многом объективно предначертан: проектируемые и принимаемые государственные (федеральные и региональные, на соответствующем уровне — также муниципальные) решения рано или поздно получают выражение в правовой форме. Вместе с тем, чтобы гармония государственных замыслов и права была очевидной и не случайной, необходимо четкое следование алгоритму компетентных действий, заложенному в формате государственно-правовой политики. Только в этом случае, пожалуй, можно рассчитывать на то, что задачи, стоящие перед современным социумом, могут быть решены своевременно, а имеющие место глобальные вызовы (как правило, угрожающего характера) будут нивелированы, общее развитие человечества будет переведено в позитивно-прогрессивное русло, в искомом развитии будет найден правильный вектор.

В комплексе это будет, на наш взгляд, выражать реализацию базовых элементов общего алгоритма государственно-правовой политики в современной России, то «рабочее состояние», при котором фундаментальные основания для ее проведения в виде правотворчества, государственного управления, учета роли науки и гражданского общества в этих процессах, приведены в должную форму и могут быть работоспособными. То, что именно такой механизм действия крайне необходим в современных условиях (внутренних и внешних вызовов) очевидно, с его помощью станет возможным достичь так называемого «прорывного» роста для страны — Российской Федерации.

Это непосредственно может быть отнесено к проблеме научно-технологического, в том числе инновационного развития России, что собственно мы и наблюдаем последние годы, замечая в федеральном законодательстве все новые нормативные правовые акты, которые направляются на регулирование тех или иных аспектов инновационной и в целом научно-технологической практики современной жизни¹. Вместе с тем, уже назрела пора более решительных мер в этой области и право как форма государственной политики должно предоставить все необходимые условия для более интенсивного развития науки, технологий, инноваций, инновационного предпринимательства в стране.

В частности, на федеральном уровне необходим специальный закон о государственной поддержке инновационной деятельности. Его проекты известны уже довольно давно, но закон до сих пор не принят. Законодатель пока идет по пути дополнений в существующее законодательство о науке и инновациях. В частности, в июле 2020 г. были приняты очередные поправки к закону «О науке и государственной научно-технической политике»², которыми, по сути, закреплена единая система принципов государственной поддержки инновационной деятельности. Шаг, безусловно, важный. Но, как представляется, за рамками остается все также немало вопросов правового опосредования инновационной деятельности, которые нужно решать на более системной основе. При построении современной системы правового регулирования в целом и применительно к рассматриваемому предмету необходимо «принципиально изменить подход к организации законотворчества, отказаться от практики, ориентированной на принятие отдельных законов, и перейти к методологии формирования системы законодательства, создать постоянно действующие механизмы как общего характера, дающие системные ориентиры для всего законодательства, так и обеспечивающие системность каждой стадии жизненного цикла законов»³.

Именно в этом ключе вполне целесообразно принятие кодифицированного законодательного акта по вопросу государственной поддержки инновационной деятельности, на что верно обращается внимание в юридической науке и практике⁴. В законе четко и недвусмысленно должны раскрываться основные понятия, относящиеся к области инновационных общественных отношений, формулироваться принципы государственной инновационной политики, определяться компетенция правотворческих органов федерального и регионального уровней в области правового регулирования инновационных отношений, вырабатываться правовые меры поддержки инноваций в стране и подходы к их реализации, раскрываться иные аспекты правового регулирования данной сферы отношений.

То же можно обнаружить и применительно к региональному уровню, где, однако, активности подобного плана все же недостаточно. Возможно, это можно объяснить известными традициями федерализма в российском государстве, где регионы априори стараются «не забегать» вперед центра. Вместе с тем, то, что основную инициативу, как в части воспроизводства самой идеи научно-технологического развития Российской Федерации, так и в части ее практической реализации (в том числе на основе соответствующих правовых мер: правотворческих, административно-правовых и пр.), принимает на себя федеральный центр, разрабатывая стратегии, программы, прогнозы либо принимая нормативные и вла-

¹ См., подробнее: Трофимов В. В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. 2017. № 3. С. 5–14.

² См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета. 07.08.2020. № 174 (8228).

³ Мазуренко А. П. Актуальные проблемы правотворческой политики в Российской Федерации // Правоведение. 2009. № 5. С. 153.

⁴ См., например, об этом: Попова Е. В. О концепции федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» // Инновации. 2010. № 02 (136). С. 3–9.

стно-управленческие акты в области наук, новых технологий, инноваций, является проблемной стороной. При таком раскладе не достигается искомого баланса между федеральной и региональной активностью, на уровне регионов многие начинания могут просто «затухать» и где-то саботироваться (поскольку преимущественно на первый план могут выходить «местечковые» интересы, сопровождаемые очень часто корыстью отдельных чиновников и / или некомпетентностью определенной части административного аппарата), что крайне вредно с точки зрения перспектив развития вообще и научно-технологического, в частности. Один из видных специалистов в области региональной политики О. В. Кузнецова справедливо замечает, что обратиться к рассмотрению региональных аспектов федеральной инновационной политики заставляет «отсутствие сколько-нибудь явно выраженной инновационной составляющей непосредственно в региональной политике»¹.

Очевидно, что усилий одного федерального центра в плане перевода Российской Федерации, ее экономики, промышленности и пр. на научно-технологические рельсы не вполне достаточно, следует проводить более активную региональную государственно-правовую политику в сфере научно-технологического развития и в чем-то действовать на опережение (зная проблемы и нужды своих регионов, сильные стороны развития и пр.). Как верно отмечается в литературе: «Подсистемами национальной инновационной системы выступают отдельные регионы, поэтому устойчивое развитие национальной системы представляет, в некотором роде, совокупный результат развития каждого из них»²; «первоисточником инновационного развития России является научно-технический потенциал территорий»³.

На уровне регионов должны изыскиваться возможности для осуществления целенаправленной работы в этом направлении и с надлежащим коэффициентом отдачи, понимая в данном случае не имитацию научно-технологической политики на региональном уровне, когда под прикрытием инноваций происходит «освоение» многомиллиардных бюджетных средств (без какого-либо видимого позитивного эффекта)⁴, а реальное улучшение научно-технологического климата в регионах. (В научной литературе предлагаются интересные схемы построения моделей инициации инновационной активности в регионах, заслуживающие научно-практического внимания⁵). Кстати, в самом Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина, утверждающем названную Стратегию НТР РФ, прямо указывается: «3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации при осуществлении своей деятельности в этой сфере, предусмотрев внесение необходимых изменений в государственные программы субъектов Российской Федерации»⁶.

Майский 2018 года Указ Президента Российской Федерации по национальным целям и стратегическим задачам в числе прочего непосредственно обращается к проблеме научно-технологического развития России, поручая Правительству РФ обеспечить «ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа», причем эту работу предписывается осуществлять «совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации»⁷.

Региональным властям прямая прерогатива оказывать поддержку инновационной деятельности и разрабатывать в этих целях комплекс правовых и властно-управленческих мероприятий, иными словами, на своем уровне осуществлять правотворческую политику в области инновационного развития субъектов Российской Федерации отводится также специальным законом Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 1 ст. 16.2 «Субъекты и формы предоставления поддержки инновационной деятельности»).

На конституционном уровне у субъектов Российской Федерации, для того чтобы проявлять необходимую активность, формировать и проводить соответствующую правовую политику, есть все необходимые возможности в виде тех предметов ведения и правовых полномочий, которые закреплены за субъектами Российской Федерации в Основном законе страны (ст. 72-73 Конституции Российской Федерации).

¹ Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М., 2015.

² Белякова Г. П., Кочемаскин А. Н. Проблема управления научно-технологическим развитием экономики России: соотношение национального и регионального уровней // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 7–1. С. 134–137.

³ Сумина Е. В., Чалкин Т. А. Научно-технологическое развитие территорий как основа инновационной стратегии экономики России // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2012. № 3 (43). С. 210–214.

⁴ Лопатин В. Н. Управление рисками при инвестировании инновационного развития в рамках кластерной политики, или Как избежать имитации // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1. С. 19–23.

⁵ Голобокова Г. М. Региональные особенности инновационного развития и формирования рынка интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. 2016. № 4. С. 22–28.

⁶ «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016. № 49. Ст. 6887.

⁷ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.05.2018. № 20. Ст. 2817.

Так, статья 72 Конституции РФ непосредственно определяет те предметы совместного ведения, где субъекты Российской Федерации совместно с федеральным уровнем государственной власти способны проявлять правотворческую (законотворческую) активность. В пределах очерченного конституционными положениями предметного поля деятельности (компетенций) региональные законодательные (нормативно-правовые) акты позволяют субъектам РФ решать различные вопросы, в той или иной мере связанные с инновационными отношениями:

— вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами (п. в) ч. 1 ст. 72) (данное направление правотворческой активности региональных органов государственной власти уместно, если это необходимо для создания, например, инновационных кластеров (научно-технологических производственных комплексов), в отношении, безусловно, тех объектов, которые находятся в государственной собственности субъектов РФ);

— общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики (п. е) ч. 1 ст. 72) (что напрямую может быть связано с научно-образовательными основами инновационной деятельности);

— установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (п. и) ч. 1 ст. 72) (основа для введения и применения на региональном уровне в пределах соответствующей правотворческой компетенции методов налогового стимулирования инновационной деятельности);

— вопросы формирования административного, административно-процессуального, трудового, семейного, жилищного, земельного, водного, лесного законодательства, законодательства о недрах, об охране окружающей среды (п. к) ч. 1 ст. 72) (что также может быть связано с возможностями влияния на инновационный процесс путем мер административного воздействия, предоставления социальных гарантий участникам инновационных отношений и пр.) и некоторые другие.

За пределами исключительного ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации также остаются области, которые могут быть в той или иной мере связаны с сопровождением инноваций, поэтому и этот конституционный ресурс (ст. 73) не следует игнорировать. Как представляется, все это достаточные конституционные полномочия на осуществление правотворческой работы, направленной на рациональную организацию и оптимизацию инновационной деятельности в регионах, и их на региональном уровне нужно использовать более активно.

Конституционные положения дают возможность проявлять довольно широкий творческий подход к созданию системы правовых регуляторов для поддержки и стимулирования различных сфер региональной социально-правовой жизни, в том числе — в области научно-технологического, инновационного развития современной России. Однако эту возможность следует использовать умело и профессионально, в соответствии с критериями государственно-правовой политики (в данном случае — регионального уровня).

Во-первых, целесообразно на уровне каждого субъекта РФ иметь Стратегию инновационного (научно-технологического) развития (кстати, это предусмотрено и федеральной Стратегией ИР до 2020 г.). Далеко не во всех регионах подобные Стратегии инновационного (научно-технологического) развития приняты. Однако есть и примеры положительно в этом отношении опыта. Так, отдельные регионы поняли необходимость планомерной реализации инновационного развития и разработали соответствующие стратегии (Томская область, Новосибирская область и др.) или концепции (Нижегородская область, Кемеровская область и др.).

Во-вторых, в рамках правотворческой формы региональной государственно-правовой политики в сфере инновационного развития другим и наиболее принципиальным шагом могла бы стать разработка в каждом из российских регионов специальных комплексных законов, всесторонне регламентирующих вопросы государственной поддержки научно-технологического и инновационного развития в соответствующем субъекте Российской Федерации.

В отдельных регионах такие акты уже существуют (Архангельская, Волгоградская, Орловская, Рязанская, Свердловская области и др.¹), однако они также не всегда близки к совершенству, не всегда имеют комплексный характер (ограничиваются рядом статей без четкого определения механизма поддержки инноваций в регионах). Вместе с тем, сам опыт законодательства в этой области следует более активно развивать и распространять по другим регионам, создавая основу для осуществления производного правотворчества и властно-управленческой деятельности по вопросам инновационного развития субъектов Российской Федерации, в том числе преодолевая известные трудности, которые могут проявляться в процессе реализации государственно-правовой политики регионов в сфере инноваций.

Предметом регулирования подобных комплексных законов могут становиться отношения по поводу государственной поддержки инновационной деятельности в регионах, которые возникают между субъек-

¹ Закон Архангельской области от 29 октября 2012 г. № 567–34–ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2012. № 34; Закон Орловской области от 5 июня 2015 г. № 1794–ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области» // Орловская правда. 09.06.2015. № 60; Закон Рязанской области от 09 ноября 2012 г. № 85–ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Рязанской области» // Рязанские ведомости. 10.11.2012. № 210.

тами Российской Федерации и государством в лице Российской Федерации, муниципальными образованиями, субъектами инновационной деятельности, включая субъектов инновационной инфраструктуры. Закон должен определять объекты, субъекты, направления, виды и формы государственной региональной поддержки инновационной деятельности, особенности отдельных видов и форм государственной региональной поддержки, порядок оказания поддержки субъектам инновационной деятельности в регионе, а также права и обязанности участников инновационных отношений в регионе. Думается, такого рода кодифицированные акты регионов в сфере инноваций могут стать наиболее оптимальной формой законодательного регулирования инновационных отношений, четко определив правила взаимодействия между всеми участниками инновационных процессов.

В целом, все, что связано с государственно-правовым обеспечением инновационного (научно-технологического) развития Российской Федерации, должно осуществляться интенсивно, динамично, но при этом максимально конструктивно, последовательно, придерживаясь именно формата государственно-правовой политики, в согласовании с теми критериями, которые с этим видом юридической деятельности связаны (системность, научная обоснованность, предсказуемость и др.). Нужно иметь в виду, что время не стоит на месте, очень многое меняется, в том числе на геополитической карте мира, происходят довольно серьезные изменения в структуре мировой экономики, что просто обязывает российское государство и общество к успешному решению задачи комплексной модернизации.

Туранин Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета

Turnin Vladislav Yurievich

doctor of legal Sciences, associate professor, head of department of theory and history of state and law of the Belgorod state national research University

E-mail: turanin@mail.ru

Памяти Сергея Владимировича Тычинина, доктора юридических наук, профессора

Дистанция как предпосылка для формирования юридических инноваций¹

Distance as a prerequisite for the formation of legal innovations

---

Аннотация. В статье исследуется понятие «дистанция» в преломлении к современному развитию общественных отношений, связанных с пандемией. Подвергаются анализу различные правовые нормы, регулирующие образовательную деятельность, осуществление трудовых функций, торговые отношения, основанные на применении дистанционных технологий. Делается вывод о том, что новая парадигма отношений в обществе, основанная на дистанцировании, может послужить предпосылкой для формирования различных юридических инноваций.

Ключевые слова: дистанция, дистанционное образование, дистанционная (удалённая) работа, дистанционный способ продажи товаров, коронавирус, пандемия, юридические инновации.

Abstract. The article examines the concept of "distance" in relation to the current development of public relations related to the pandemic. Various legal norms regulating educational activities, labor functions, and trade relations based on the use of remote technologies are analyzed. It is concluded that a new paradigm of relations in society based on distancing can serve as a prerequisite for the formation of various legal innovations.

Key words: distance, distance education, remote (remote) work, remote way of selling goods, coronavirus, pandemic, legal innovations.

Дистанция... Это слово в последнее время прочно укрепилось в сознании каждого из нас. Вспышка неизвестной инфекции в Китае, которая затем обернулась пандемией всемирного масштаба, заставила человечество по-новому взглянуть на межличностные отношения, с опаской воспринимая ранее обычное и желаемое общение. Как же быть дальше? Как государство и общество будет развиваться в новых условиях? Как каждый из нас будет ощущать себя в условиях изменившейся парадигмы? Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании клуба «Валдай» 22 октября 2020 года, «коронавирус не отступил, к сожалению, и представляет до сих пор серьёзную угрозу. И, вероятно, такой тревожный фон у многих лишь усиливает ощущение, что начинается какое-то совсем другое время, что мы не просто на пороге кардинальных перемен, а эпохи тектонических сдвигов, причём во всех сферах жизни»². Представляется, что это весьма точная характеристика тех процессов, которые в настоящее время происходят в российском, да и не только в российском, обществе.

Полагаем, нет смысла отрицать тот факт, что в 2020 году кардинально изменилась современная политическая, экономическая и социальная повестка, в нашу жизнь вошли различные новации: от перма-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Белгородской области в рамках научного проекта № 18-411-31002 «Организационно-правовые механизмы систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законодательной деятельности».

² URL: <https://www.rbc.ru/society/22/10/2020/5f919c739a7947d849defc07> (дата обращения: 23.10.2020)

нентного использования медицинских масок до самоизоляции и соблюдения социальной дистанции. Отметим, что дистанция (лат. *distantiā* — расстояние) — это многозначное слово, в данном контексте — это «расстояние, промежуток»¹. Термин «социальная дистанция» характеризует размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и понимается как степень близости или отчужденности их между собой². А точнее, социальная дистанция — это «понятие, характеризующее размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и устанавливающее степень близости или отчужденности их между собой — как задаваемую институционально, так и ощущаемую самими агентами социальных взаимодействий»³.

В настоящее время мы слышим со всех сторон: «соблюдайте дистанцию», «дистанцируйтесь», «не подходите близко другу к другу». Все прочнее входит в нашу жизнь дистанционное образование, а приобретение жилья, одежды, продуктов все чаще происходит с использованием дистанционных технологий. Мы отдаляемся друг от друга, стараемся лишней раз не появляться в общественных местах, ограничиваем встречи с друзьями и знакомыми. В нашем сознании укрепился страх перед неизведанной болезнью, страх за собственную жизнь.

При всем этом мы думаем, а точнее, предполагаем, что это временное явление, ситуация обязательно стабилизируется и скоро, а может быть, очень скоро, мы вернемся в нормальное русло, сократим эту самую дистанцию, либо вовсе преодолеем её. Так ли это? Давайте ещё раз обратимся к речи Президента Российской Федерации. По его словам, «ещё предстоит осмыслить, как пандемия повлияла и повлияет в будущем на настоящее и будущее человечества»⁴. Как видно, скорее всего, существующая ситуация в том или ином виде продлится достаточно долго, результатом чего и будут «тектонические сдвиги» во всех сферах жизнедеятельности общества.

Дистанция уже сейчас является катализатором возникновения новых общественных отношений, регулируемых правовыми нормами. С большой долей уверенности можно говорить о том, что дистанция в настоящее время — это своеобразная предпосылка для формирования юридических инноваций.

Приведём несколько примеров, наиболее ярко характеризующих современную повестку дня в разрезе рассматриваемого вопроса. Начнём с образовательной среды. Многие, что в настоящее время происходит в данной сфере, было подготовлено заранее. Так, ещё несколько лет назад была сформирована правовая основа для внедрения дистанционного образования. В части 2 статьи 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено, что «организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования»⁵.

Кроме этого, в п. 5 Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», утверждённом приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816, в частности, указано, что: «...при реализации образовательных программ или их частей с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий: ...допускается отсутствие учебных занятий, проводимых путём непосредственного взаимодействия педагогического работника с обучающимся в аудитории»⁶.

В развитие данных положений и с учётом сложившейся ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, в образовательной сфере в последнее время был принят и ряд новых правовых актов. К примеру, письмом Министерства просвещения РФ от 19 марта 2020 г. № ГД-39/04 в образо-

¹ Словарь русского языка : в 4 т / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Рус. яз., 1981-1984. — Т. 1. — С. 403.

² Марсова В.В. Концепт «социальная дистанция» в социально-гуманитарных науках: история развития и перспективы изучения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева — 2015, № 2. — С. 175.

³ Новейший философский словарь / [Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А.]. — Минск : [Изд. В. М. Скакун], 1999. — 877 с. / URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/321/socialnaya-distanciya.htm> (дата обращения: 24.10.2020).

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/society/22/10/2020/5f919c739a7947d849defc07> (дата обращения: 24.10.2020).

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 01.09.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

⁶ Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23.08.2017 г. № 816 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

вательные организации были направлены методические рекомендации по реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. В п. 10 данных методических рекомендаций, в частности, указывается, что «при реализации программ среднего профессионального образования с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий допускается работа обучающихся в «виртуальных группах», которая происходит при удаленности друг от друга практически всех субъектов образования, в том числе с помощью использования систем видео-конференц-связи, через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»¹.

Думается, что большинство из нас весьма скептически относилось и сейчас относится к дистанционному формату обучения. Более того, мы, как педагоги, как родители, зачастую, резко критикуем «дистанционку», говорим о том, что это не образование, а профанация. И, наверное, в этом есть большая доля справедливости. Ну а всё-таки, если представить, что в школе, где учатся наши дети, или в вузе, где работаем мы, умирает учитель, преподаватель, или не дай Бог, ребёнок, а потом ещё один, и ещё...? От этой самой коронавирусной инфекции. Мы будем также критически настроены? Мы также будем стремиться любыми путями отвести детей в школу, пойти на лекцию в вуз, пообщаться с друзьями, с коллегами? Вряд ли... Поэтому, по нашему мнению, дистанционный формат обучения в настоящее время — это спасение, это выход из крайне сложной ситуации. И в данном случае необходимо не протестовать, а думать о том, как сделать данный формат совершенным, чтобы онлайн-общение было приближено к реальному образовательному процессу.

Не зря, к примеру, министр просвещения России С.С. Кравцов заявил о готовности его ведомства заняться законодательным урегулированием дистанционного образования и призвал присоединиться к этому процессу экспертов и заинтересованные ведомства. По его словам, «нынешняя ситуация с коронавирусом, заставившая многих перейти на дистанционное обучение, диктует необходимость «новых правовых основ в системе образования»². С нашей точки зрения, в образовании настала пора не просто для обновления правовых норм, а для юридических инноваций, касающихся правового закрепления здоровья — и жизнеспасающих основ образовательной деятельности.

Стоит обратить внимание и на сферу трудовых отношений. Так, в Государственную Думу Российской Федерации депутатами В.В. Володиным, С.И. Неверовым, А.К. Исаевым, М.В. Тарасенко и членами Совета Федерации В.И. Матвиенко, А.А. Турчаком, А.А. Клишасом, И.Ю. Святенко внесён проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» (в момент написания настоящей статьи он уже прошёл первое чтение), целью которого является совершенствование норм по дистанционной работе и урегулирование отношений временной дистанционной (удаленной) занятости. В нём, в частности, разъяснены три ключевые понятия: «дистанционная (удаленная) работа», «временная дистанционная (удаленная) работа (режим работы, предусматривающий временное выполнение трудовой функции работника, работающего на основании трудового договора, вне стационарного рабочего места, находящегося под контролем работодателя), «комбинированная дистанционная (удаленная) работа (режим работы, включающий работу на стационарном рабочем месте и дистанционную (удаленную) работу). Кроме этого, созданы предпосылки для максимального перехода на электронный документооборот в рамках регулирования труда дистанционных работников, снижения объемов дублирования документов на бумажных носителях; исключено требование об указании рабочего места как одного из условий трудового договора о дистанционной работе; скорректированы нормы по основанию расторжения договора с дистанционным работником и т.д.³

В настоящее время получили «новую жизнь» и нормы Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁴, регулирующие дистанционную продажу товаров (в частности, ст. 26.1 «Дистанционный способ продажи товара» была введена ещё Федеральным законом от 21 декабря 2004 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и о признании утратившим силу пункта 28 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»⁵). В настоящее время мы можем наблюдать активный рост продаж различных товаров именно с использованием

¹ Письмо Министерства просвещения РФ от 19 марта 2020 г. № ГД-39/04 «О направлении методических рекомендаций» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

² URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2321241/> (дата обращения: 25.10.2020).

³ URL: <https://rg.ru/2020/06/16/proekt-udalenska-site-dok.html> (дата обращения: 25.10.2020).

⁴ Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 24.04.2020) «О защите прав потребителей» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

⁵ Федеральный закон от 21.12.2004 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и о признании утратившим силу пункта 28 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

ем дистанционного способа. А в период ограничений, связанных с самоизоляцией, этот способ был доминирующий.

Отдельно необходимо коснуться дистанционной продажи лекарственных препаратов. Для начала отметим, что в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2007 г. № 612 были утверждены Правила продажи товаров дистанционным способом¹, в которых продажа лекарственных препаратов дистанционно не предусматривалась. В период самоизоляции, связанной с пандемией, в данный документ были внесены изменения², и теперь в п. 1 (1) закреплено, что «продажа лекарственных препаратов для медицинского применения (за исключением лекарственных препаратов, отпускаемых по рецепту на лекарственный препарат, наркотических лекарственных препаратов и психотропных лекарственных препаратов, а также спиртосодержащих лекарственных препаратов с объемной долей этилового спирта свыше 25 процентов) дистанционным способом осуществляется в соответствии с настоящими Правилами с учётом особенностей, установленных Правилами выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом». Таким образом, мы видим, что правовое регулирование сферы оборота лекарственных препаратов резко изменилось, и если раньше о дистанционной продаже лекарств не было и речи, то теперь данная возможность закреплена официально (безусловно, с некоторыми ограничениями) постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2020 г. № 697, которым были утверждены Правила выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам³.

Работа по модернизации отечественного законодательства, связанная с новыми вызовами, продолжается. По словам Председателя Совета Федерации России В.И. Матвиенко, «...несколько комитетов Совета Федерации работают над юридическим определением новых мер и ограничений, появившихся из-за коронавируса, а также рамок их возможного использования...», речь идёт о необходимости законодательно разъяснить такие понятия, как «самоизоляция», «режим самосохранения» и «социальная дистанция»⁴.

В заключение отметим, что сами того не замечая, мы оказались в новом времени, с кардинально изменившимися правилами и условиями, предопределившими коренную трансформацию существующих общественных отношений. В условиях пандемии коронавируса на одно из первых мест вышла дистанция — социальная, экономическая, политическая. Дистанция формирует современную повестку: образование, торговля, услуги, межличностное общение — всё это в настоящее время, во многом, перешло в дистанционный формат. Появившиеся в этой связи лакуны стали нуждаться в таком правовом регулировании, которое отражало бы реалии сегодняшнего, а желательно, и завтрашнего дня. Полагаем, что, с большой долей уверенности можно говорить о формирующейся новой парадигме отношений в обществе, основанной на дистанцировании, что предопределяет применение юридических инноваций.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612 (ред. от 16.05.2020) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

² Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 г. № 697 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

³ Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 г. № 697 «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)».

⁴ URL: <https://www.rbc.ru/society/15/10/2020/5f87d75d9a7947758fa5a024> (дата обращения: 27.10.2020).

Толстик Владимир Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Tolstik Vladimir Alekseevich

doctor of law, professor, honored worker of professional higher education of the Russian Federation, head of the department of the theory and history of state and law, Nizhniy Novgorod academy of the Russian Ministry of internal affairs

E-mail: tolstikva@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018>

Конституционные новации в регулирование местного самоуправления: вынужденная половинчатость или правовая позиция законодателя?

Constitutional innovations in the regulation of local self-government: forced half-heartedness or the legal position of the legislator?

Аннотация. В статье анализируются конституционные новации в регулирование местного самоуправления, ключевой из которых является включение в ткань Основного закона нового термина «единая система публичной власти». Аргументируются ответы на вопросы, зачем понадобилось включение в текст Конституции РФ термина «единая система публичной власти» и можно ли эту новацию считать оптимальным решением проблемы противопоставления органов местного самоуправления и органов государственной власти. На основе выявленной социальной и юридической природы местного самоуправления, в статье показывается некорректность словосочетаний «местное самоуправление» и «органы местного самоуправления», и обосновывается необходимость их исключения из текста Конституции РФ.

Ключевые слова: власть, территориальная власть, публичная власть, государственная власть, самоуправление, управление, местное самоуправление, органы местного самоуправления

Abstract. The article analyzes constitutional innovations in the regulation of local self-government, the key of which is the inclusion of the new term "unified system of public power" in the fabric of the Basic law. Answers to the questions why the term "unified system of public power" was included in the text of the Constitution of the Russian Federation and whether this innovation can be considered an optimal solution to the problem of contrasting local self-government and state authorities are argued. Based on the identified social and legal nature of local self-government, the article shows the incorrectness of the phrase "local government" and "local authorities", and the necessity of their exclusion from the text of the Constitution.

Keywords: power, territorial power, public power, state power, self-government, administration, local self-government, local self-government bodies

---

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ внесен целый ряд изменений в регулирование организации и осуществления местного самоуправления.

В чем здесь ключевая инновация?

В нормативную ткань основного закона введен новый, ранее не употреблявшийся в законодательстве термин «единая система публичной власти». Так, в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ говорится: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина... обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, вхо-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

дящих в единую систему публичной власти». А в ч. 3 ст. 132 приводится конкретизация нововведения, проливающая свет на его целевое предназначение: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

В этой связи отнюдь не праздный интерес представляют, как минимум, два вопроса: зачем понадобилось включение в текст Конституции РФ термина «единая система публичной власти» и можно ли эту новацию считать оптимальным решением существующей проблемы?

Отвечая на первый вопрос, можно с высокой степенью вероятности предположить, что введение в лексический состав основного закона словосочетания «единая система публичной власти» обусловлено потребностью обойти императивное предписание ст. 12 Конституции РФ о том, что «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

И коль скоро это так, закономерно возникает и другой вопрос, чем обусловлена такая потребность?

Проблема в том, что данное категорическое предписание, равно как и используемое в Конституции РФ и текущем законодательстве словосочетание «местное самоуправление», не соответствуют социальной и юридической природе местного самоуправления. Около пятнадцати лет назад нами была опубликована статья «К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления»¹, в которой на основе сопоставительного анализа понятий «власть», «территориальная власть», «публичная власть», «государственная власть» «самоуправление» и «управление» и природы отражаемых ими явлений достаточно убедительно, на наш взгляд, обоснована государственно-правовая природа органов того уровня публичной власти, который в источниках международного и российского права сегодня называют «местным самоуправлением».

Акцентируем внимание на базовых положениях, которые, по нашему мнению, должны быть положены в основу правового регулирования организации и функционирования публичной власти на различных уровнях территориальной организации государства.

В буквальном смысле слова публичная власть — это власть общественная. Однако в доктрине усилиями К. Маркса и Ф. Энгельса было обосновано иное понимание этого термина как власти выделившейся внутри общества и ставшей над ним². С этой точки зрения, публичная власть — это власть государственная. Подобное отождествление оправданно для абсолютных монархий, в которых источником власти признается монарх. В государствах с иными формами правления (ограниченные монархии, республики) и тем более при демократических государственно-правовых режимах, в условиях которых источником власти признается народ, публичную власть нельзя рассматривать как синоним государственной власти. Объемом этого понятия должна охватываться и власть, осуществляемая народом непосредственно (посредством референдумов, выборов и других форм прямого волеизъявления).

Таким образом, в современных государствах с демократическим государственно-правовым режимом публичная власть включает в себя как государственную власть, так и власть, осуществляемую народом (населением) непосредственно.

Следующее важное положение состоит в том, что публичная власть может осуществляться как в форме самоуправления (населением путем референдума, выборов и других форм), так и в форме управления, посредством государственных органов. При этом и в форме самоуправления, и в форме управления публичная власть осуществляется на трех уровнях: центральном (федеральном), региональном (субъектном) и местном.

Необходимо четко различать самоуправление и управление.

Самоуправление в науке рассматривается как тип управления, при котором объект и субъект управления совпадают³. Полагаем, именно момент тождества, совпадения субъекта и объекта управления, управляющего и управляемого, позволяют говорить о наличии самоуправления. Если этого нет — нет и самоуправления, а есть управление.

Управление (в узком смысле), в отличие от самоуправления, можно определить как тип управления, при котором объект и субъект управления не совпадают. Такое управление осуществляется с помощью какой-либо управленческой структуры (системы органов).

Таким образом, основным критерием, позволяющим проводить различие между управлением и самоуправлением, является наличие специального органа управления в первом случае и его отсутствие во втором⁴.

¹ См.: Толстик В.А. К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1 (1). С. 4-12.

² См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 113-114; 118-119 и другие.

³ См.: Протасов В.Н. Теория государства и права. Проблемы теории государства и права: Вопросы и ответы. — М., 1999. — С. 137.

⁴ См.: Толстик В.А. К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1 (1). С. 5.

Наконец, обратим внимание еще на одно существенное положение.

Публичная власть, в отличие от общественной власти в первобытном обществе и частной (корпоративной, семейной) власти в государственно-организованном обществе, — это власть территориальная, то есть распространяющая свое воздействие на всех лиц, находящихся в ее границах. А территория, как известно, неотъемлемый признак государства.

Из приведенных положений с очевидностью вытекают два вывода, имеющие принципиальное значение для адекватного понимания социальной и юридической природы публичной власти, в том числе той ее составляющей, которая осуществляется на местном уровне территориальной организации государства.

Во-первых, с формально-логической точки зрения словосочетание «органы местного самоуправления» — это нонсенс, нелепость, абсурд.

Во-вторых, словосочетание «местное самоуправление», используемое в источниках международного и российского права для обозначения местного уровня публичной власти, в той ее части, осуществление которой предполагается посредством местных органов власти есть не что иное, как симулякр.

Иллюзия относительно того, что отнюдь не само население непосредственно осуществляет власть на местном уровне, начинает развеиваться при сколько-нибудь внимательном прочтении Европейской хартии местного самоуправления¹ и положений российской Конституции, равно как и конкретизирующего ее нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Из указанных документов со всей очевидностью вытекает, что акцент в них, прежде всего, делается на управлении, самоуправление лишь допускается.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 3 Европейской Хартии местного самоуправления «под местным самоуправлением понимается право и способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения».

Интерес представляет часть 2 этой же статьи, в которой говорится, что «это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, прямого, равного и всеобщего голосования. Советы или собрания могут располагать подотчетными им исполнительными органами».

Это положение ни в коей мере не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан там, где это допускается по закону». То есть акцент сделан именно на местном управлении, в то время как собственно самоуправление лишь ни в коей мере не исключается. Хотя в контексте данной нормы оно является факультативным. Аналогичные положения содержатся и в российском законодательстве о местном самоуправлении.

О собственно местном самоуправлении обоснованно говорить лишь применительно к территориальному общественному самоуправлению (ТОС), под которым понимается «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения» (ст. 27 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³). При этом следует сделать оговорку относительно того, что в случае создания органов ТОС их деятельность в логике нашего подхода должна рассматриваться как управление.

Окончательно иллюзии относительно самостоятельности осуществления власти народом на местном уровне исчезают при обращении к практике функционирования власти на соответствующей территории.

Справедливости ради следует отметить, что в науке словосочетанием «местное самоуправление» иногда именуют местный уровень публичной власти, не предполагая ни противопоставления местных органов власти органам государственной власти, ни тем более не исключаящий из объема данного понятия местное самоуправление⁴. Однако в данном случае мы должны констатировать нарушение элементарных требований, предъявляемых к использованию терминологии вообще и юридической в частности.

Игнорирование социальной и юридической природы местного самоуправления не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд. И дело не только в том, что содержащиеся в основном законе положения противоречат сути явления и здравому смыслу. На практике они порождают немало искусств-

¹ См.: Европейская хартия местного самоуправления // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.09.2020).

² См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.09.2020).

³ См.: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.09.2020).

⁴ См.: Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 695.

венных трудностей, приводят к возникновению как доктринальных проблем, так и ничем не оправданных конфликтов в системе институтов власти, что, в конечном счете, отнюдь не способствует удовлетворению интересов соответствующего социума¹.

Далее зададимся вопросом, почему в ст. 12 Конституции РФ была включена норма, противопоставляющая органы государственной власти и органы местного самоуправления?

Был ли здесь злой умысел? Думается, нет. Как это нередко бывает, в данном случае в очередной раз сработал принцип В.С. Черномырдина: «хотели как лучше, а получилось как всегда». А что хотели? Хотели обеспечить соответствие положений принимаемой тогда конституции РФ нормам международного права и прежде всего Европейской хартии местного самоуправления. Однако положения хартии прочитали невнимательно и поняли неправильно.

В результате произошла подмена здоровой и рациональной идеи децентрализации публичной (государственной) власти на ложно понятую идею самостоятельности местного самоуправления, выразившаяся в конституционном (причем в 1 главе основного закона, именуемой «Основы конституционного строя») противопоставлении органов местного самоуправления органам государственной власти.

Для того, чтобы убедиться в ошибочности интерпретации положений Европейской хартии местного самоуправления, достаточно указать лишь на несколько ее положений. Так, в преамбуле данного документа говорится: «считая, что право граждан участвовать в управлении государственными делами...»; «сознавая, что защита и укрепление местного самоуправления в различных европейских странах является значительным вкладом в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти». В статьях 4 и 6 недвусмысленно прочитываются центральные, региональные и местные органы власти без какого-либо противопоставления на государственные органы и органы местного самоуправления².

Как оптимальным образом следовало бы решить рассматриваемую проблему?

Положения Конституции РФ должны быть приведены в соответствие с социальной и юридической природой публичной (государственной) власти, функционирующей на различных уровнях территориальной организации государства. Для решения этой задачи из всех статей основного закона следует исключить словосочетания «местное самоуправление» и «органы местного самоуправления» (статьи 3, 12, 15, 18, 24, 32, 33, 40, 46, 68, 72, 97, 103.1, 130, 131, 132, 133, наименование главы 8).

Далее в соответствии с установленным ст. 135 Конституции РФ порядком внесения изменений в главы 1, 2 и 9 необходимо было принять федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании, на его основе созвать данный орган, а далее он либо подтвердит неизменность Конституции Российской Федерации, либо разработает проект новой Конституции Российской Федерации, который может быть принят Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или всенародным голосованием. Заметим, что всенародное голосование для принятия нового текста конституции проводить не обязательно. Вместе с тем, по инициативе Президента РФ в период с 25 июня по 1 июля 2020 года было проведено Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений, вносимых в Конституцию Российской Федерации³. Возникает вопрос, кто не давал пересмотреть весь текст основного закона? Существовавший в тот период времени политический ресурс позволял это сделать без сколько-нибудь серьезных опасений за конечный результат.

Однако в процессе скоротечной и при этом весьма масштабной конституционной реформы 2020 года было принято решение не «трогать» главы 1 и 2 и 9 Конституции РФ. В результате положение ст. 12 Конституции РФ о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти осталось действующим и, как уже было отмечено, для выхода из сложившейся ситуации в основной закон была инкорпорирована новая терминологическая конструкция «единая система публичной власти», призванная объединить органы государственной власти и органы местного самоуправления в единую систему.

Для обоснования конституционности иницируемых новаций подключили Конституционный Суд РФ, который в своем заключении от 16 марта 2020 года № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации»⁴, как и следовало ожидать, аргументировал два требуемых вывода.

Во-первых, обосновал вхождение органов государственной власти и органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, отметив при этом, что иное влекло бы нарушение государст-

¹ См.: Толстик В.А. К вопросу о социальной и юридической природе местного самоуправления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1 (1). С. 5.

² См.: Европейская хартия местного самоуправления // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.09.2020).

³ Заметим, что с точки зрения существующего порядка внесения изменений в главы 3 — 8 конституции проведение всероссийского голосования было избыточным.

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1998. № 36, ст. 4466.

венного единства Российской Федерации и означало бы неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации), что является конституционно-правовым нонсенсом. Полагаем, что конституционно-правовым нонсенсом является не включение органов местного самоуправления (по сути местного управления) в систему органов государственной власти.

Во-вторых, не усмотрел противоречивости между вводимыми в основной закон новациями и положением ст. 12 основного закона о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти.

Заключение, данное Конституционным Судом РФ, в принципе объяснимо, поскольку в силу своего функционального предназначения и компетенции при решении любого вопроса данный орган государственной власти обязан искать и находить правовое обоснование своей правовой позиции на основе и в пределах положений действующей конституции. Для него положения основного закона, это прокрустово ложе, за пределы которого он выйти не может или, по крайней мере, не должен. У Конституционного Суда нет полномочия сказать, что та или иная норма основного закона не справедлива, не гуманна, не соответствует природе вещей. А у ученого таких ограничений нет. Более того, долг последнего — не петь оды нормам того или иного документа, даже если это конституция государства, а адекватно оценивать государственно-правовую реальность.

В заключение акцентируем внимание на двух значимых аспектах.

Во-первых, используемые в действующей Конституции РФ словосочетания «местное самоуправление» и «органы местного самоуправления» в силу их несоответствия социальной и юридической природе публичной (государственной) власти, осуществляемой на местном уровне территориальной организации государства, должны быть исключены из основного закона. Полагаем, что здравый смысл восторжествует и рано или поздно это будет сделано.

Во-вторых, фундаментальная, базовая для государственно-организованного общества категория «публичная власть» давно должна получить «прописку» в основном законе. Причем не столько для обхода ст. 12 Конституции РФ, сколько для обозначения существующей в государстве власти, которая осуществляется как в форме самоуправления, то есть непосредственно (референдум, выборы) на всех уровнях территориальной организации государства, так и в форме управления (опосредованно), посредством органов государственной власти также на трех уровнях: центральном (федеральном), региональном (субъектном) и местном. А органы соответственно должны именоваться центральными, региональными и местными. При этом все они являются государственными.

Эта категория востребована юридической наукой и практикой. Ее использование кроме прочего позволит снять и целый ряд формально-логических противоречий, касающихся, в том числе базовых положений теории государства и права и юриспруденции в целом. Так, представление о том, что право исходит от государства, нуждается в уточнении, поскольку, например, и сама конституция принята и иные нормативные правовые акты могут приниматься не только органами государственной власти, но и непосредственно народом. Как следствие, в качестве существенного признака права следует выделить: «право исходит от публичной власти»

Хужин Альфир Мисхатович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России; профессор кафедры гражданского права и процесса ННГУ имени Н.И. Лобачевского

Huzhin Alfir Mijatovic

doctor of legal sciences, associate professor, professor of civil law and process of the Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia; professor of department of civil law and process NNGU im. N.I. Lobachevsky

E-mail:alfirhuzhin@mail.ru

Хужина Оксана Николаевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Huzhina Oksana Nikolaevna

PhD in law, lecturer at the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: oksana_17.92@mail.ru

**Опыт инновационного использования социальных сетей
в образовательном процессе**

Experience of innovative use of social networks in the educational process

---

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть потенциал использования современных социальных сетей в образовательном процессе. На примере авторского опыта предлагаются элементы информационного наполнения страниц, размещения материала, использования контента для предоставления дополнительной образовательной среды при изучении дисциплин юридического блока. Показывается инновационный подход к обучению в дистанционном формате.

Ключевые слова: Социальная сеть, дистанционное обучение, инновации, информационная образовательная среда.

Annotation. The article attempts to reveal the potential of using modern social networks in the educational process. On the example of the author's experience, elements of the content of the pages, the placement of the material, the use of content to provide an additional educational environment in the study of the disciplines of the legal block are proposed. An innovative approach to distance learning is shown.

Keywords: Social network, distance learning, innovation, information educational environment.

Пандемия, вызванная распространением коронавирусной инфекции COVID-19, оказала чрезвычайное влияние на каждую из сфер общественной жизни. Отдельные из них пережили существенные изменения. Переформатирование затронуло и образовательную среду. Выразилось оно, в первую очередь, во временном переходе образовательных организаций на удаленную организацию своей деятельности. Дистанционный формат обучения показал как слабые, так и сильные стороны всей российской системы образования в целом, и высшего образования в частности. Конечно, большая часть отечественных образовательных организаций высшего образования уже была знакома с такой формой взаимодействия педагогического работника и обучающегося. Ведь современным законодательством предусмотрена воз-

возможность реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий¹. Однако использование электронной информационно-образовательной среды и дистанционных образовательных технологий происходило в ограниченном масштабе под конкретные категории обучающихся. И имели дело с такой формой обучения далеко не все педагоги высшей школы. «Обязательный полный переход на удаленный режим работы для всех участников образовательного процесса, — как справедливо замечено, — оказался серьезным стрессом и был сопряжен с большими сложностями как для администрации учебного заведения, так и для преподавателей и обучающихся»². Обеспечение качественного образовательного процесса в новых условиях потребовало мобилизации усилий от педагогических работников. В первую очередь связано это было с необходимостью освоения дистанционных образовательных технологий, а также методик проведения всех видов учебных занятий, контроля текущей успеваемости, промежуточной и итоговой аттестации.

Авторы настоящей статьи, также как и многие другие представители педагогического звена высшей школы, «на ходу» овладевали новым стилем преподавания в рамках предложенных образовательными организациями онлайн-платформ. В настоящее время мы продолжаем поиск наиболее оптимальных форм взаимодействия с обучающимися в рамках дистанционного образовательного процесса. Реалии нашей жизни показывают востребованность такого формата обучения. Однако наравне со ставшими классическими образовательными технологиями, полагаем возможным расширять их за счёт использования потенциала социальных сетей³, ведь современные студенты в большинстве своем молодые прогрессивные пользователи интернета и различных гаджетов, уже имеющие аккаунты на данных веб-сервисах. Уже справедливо говорить, как заметили М.А. Дьячкова и О.Н. Томюк, о появлении новой нормы поведения современного человека — повседневном использовании интернет-ресурсов в быту, учебной и профессиональной деятельности, и, как следствие, появлении новых социальных ролей — член интернет-сообщества, пользователь, участник сетевого сообщества и др.⁴.

По статистическим данным в России за период с мая по июль включительно текущего года интернетом хотя бы раз в месяц пользовались 95 миллионов человек, что составляет 78% населения нашей страны старше 12 лет. Главным техническим устройством, обеспечивающим возможность выхода в интернет является смартфон — им пользуются 67% россиян; 51% населения использует для этой цели компьютер (ноутбук), 17% — планшет, 15% — Смарт ТВ⁵.

По результатам последних исследований наибольшей популярностью среди российских пользователей обладают следующие интернет-площадки: социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram, YouTube, TikTok, Twitter и др.); блоги, форумы, сайты отзывов; Telegram-каналы и иные открытые чаты. В рунете первое место по числу активных пользователей занимает социальная сеть «ВКонтакте», а все большую популярность начинает набирать «Instagram». Самым быстрорастущим форматом последних лет становится «Stories»⁶.

На рисунке 1 представлена статистика активности российских пользователей в наиболее популярных социальных сетях, где графа «Monthly Reach» означает количество человек, заходивших на ресурс хотя бы 1 раз за месяц, в тыс. человек, графа «Average Daily Reach» — среднее количество человек, заходивших на ресурс хотя бы 1 раз за день в июле 2020, в тыс. человек, графа «Avg. min. per day» — среднее количество минут, проведенное одним пользователем ресурса на сайте за день⁷.

Теперь опишем непосредственный процесс использования социальной сети в образовательном и научном процессе. Возьмем для примера наиболее активный среди русскоговорящей интернет-аудитории сетевой ресурс «ВКонтакте». Как известно, многие пользователи имеют свои персональные страницы, а в студенческой среде этот показатель приближен к абсолютным данным. Имеют свои стра-

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 31 декабря. 2012.

² Зернов В.А., Манюшин А.Ю., Валявский А.Ю., Учеваткина Н.В. Образовательное пространство России после пандемии: вызовы, уроки, тренды, возможности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-razovatelnoe-prostranstvo-rossii-posle-pandemii-vyzovy-uroki-trendy-vozmozhnosti> (дата обращения: 29.10.2020).

³ Социальная сеть (от англ. social networks) представляет собой интернет-площадку, посетители которой имеют возможность создать информационный ресурс (о себе, своих интересах, достижениях и прочее) с целью установить связи с людьми, разделяющими их интересы.

⁴ См.: Дьячкова М.А., Томюк О.Н. Социальные сети как образовательный ресурс // Педагогическое образование в России. 2017. // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-obrazovatelnyy-resurs> (дата обращения: 30.10.2020).

⁵ См.: Mediascope представила данные об аудитории интернета в России // Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1209287/> (дата обращения: 29.10.2020).

⁶ Английское слово «stories» в переводе на русский язык означает «истории». Stories в социальных сетях — это относительно новый формат, который заключается в коротких видео или серии фото, автоматически исчезающих через 24 часа с момента опубликования.

⁷ Статистика социальных сетей в России 2020. Статья подготовлена на основе данных, представленных Mediascope по состоянию на июль 2020, страна Россия (города 100K+, аудитория 12—64 лет) // Режим доступа: https://livedune.ru/blog/statistika_socsetej_v_rossii (дата обращения: 30.10.2020).

ницы и представители профессорско-преподавательского состава. В самом примитивном формате коммуникации, возможно размещение учебной, научной и иной полезной для обучения информации на персональной странице преподавателя в рамках записей для подписчиков страницы, куда могут входить и обучаемые. Такая форма дистанционного формата общения позволяет делиться педагогу полезной информацией с обучаемыми по изучаемым темам курса в режиме онлайн (презентациями, докладами, ссылками на полезные ресурсы). Однако, широкий диапазон участников, часть из которых не относится к среде коммуникации, присутствие иной информации, в том числе частного характера, иные помехи (фейковые подписчики, взломы страницы, вброс ненужной и негативной информации) не позволяют достаточно эффективно отладить обучающее взаимодействие. В связи с этим, предлагаем использовать наш положительный опыт использования специального сообщества в социальной сети «ВКонтакте», ориентированного на конкретную обучающуюся аудиторию (группу, курс, факультет, вуз) и предмет коммуникации¹.

	Инстаграм	Вконтакте	Фейсбук	Одноклассники	YouTube
Monthly Reach	33 872	40 974	22 232	24 054	44 635
Average Daily Reach	16 185	22 531	5 366	8 856	18 497
Avg. min. per day	24 мин	31 мин	8 мин	18 мин	48 мин

Рисунок 1. Активность в социальных сетях

Специальное сообщество создается преподавателем на правах создателя группы с правами администратора ресурса. Возможность указания названия, тематики, типа группы (открытая, закрытая, частная), выбора и присоединения участников, позволяют создать целевую аудиторию для конкретных образовательных задач. Такой ресурс получает свой идентификационный номер и позволяет управлять страницей, как самому преподавателю (владельцу сообщества), так и назначаемым им лицам с правами редакторов. Созданное сообщество носит статус самостоятельного контента, обеспечивающего размещение актуальной образовательной информации, ее обсуждение, создание дополнительных бесед и мероприятий с встроенными возможностями сети уведомления участников о событиях в группе, мгновенной информационной поддержки в случаях возникновения сбоев в официальных образовательных информационных продуктах. Сообщество позволяет связывать иные социальные сети электронной среды, взаимодействовать с официальными образовательными ресурсами вузов, интегрироваться в иное информационное пространство сети Интернет. На рисунке 2 приведен пример того, как может выглядеть главная страница такого сообщества «ВКонтакте». Информативность, доступность для участников, широкий функционал взаимодействия обеспечиваются устойчивой связью всех заинтересованных лиц. Данные ресурсов социальной сети позволяют производить аналитику. Так, из предоставляемых отчетов, можно получить динамические данные об уникальных посетителях сообщества, новых подписчиках, а также количественных показателях просмотров страницы (рис. 3). Эта информация позволяет отслеживать как целевую аудиторию участников и их активность, так и использовать дополнительные возможности для продвижения сообщества в информационной образовательной среде.

В числе положительного эффекта от использования социальных сетей при освоении образовательных программ высшего образования полагаем возможным указать на следующее: потенциальная непрерывность учебного процесса, так как имеется возможность взаимодействия педагога с обучающимися в согласованное ими время, независимо от расписания занятий; возможность организации участия каждого обучающегося как в группе, так и индивидуально; восполнение знаний о пропущенных занятиях; фиксация наиболее важной информации по учебной дисциплине; индивидуальное (групповое) консультирование обучающихся; рассмотрение отдельных вопросов, не раскрытых в ходе занятия лекционного и (или) семинарского типа; обсуждение проблемных тем в совместном диалоге, что позволяет обучающимся проявлять инициативу в изучении конкретного предмета.

¹ Созданы и активно функционируют сообщества «ВКонтакте» под названием «ALFIRHUZHIN.RU» режим доступа: <https://vk.com/club189360490> и «ГП ННГУ» режим доступа: <https://vk.com/club187849187>

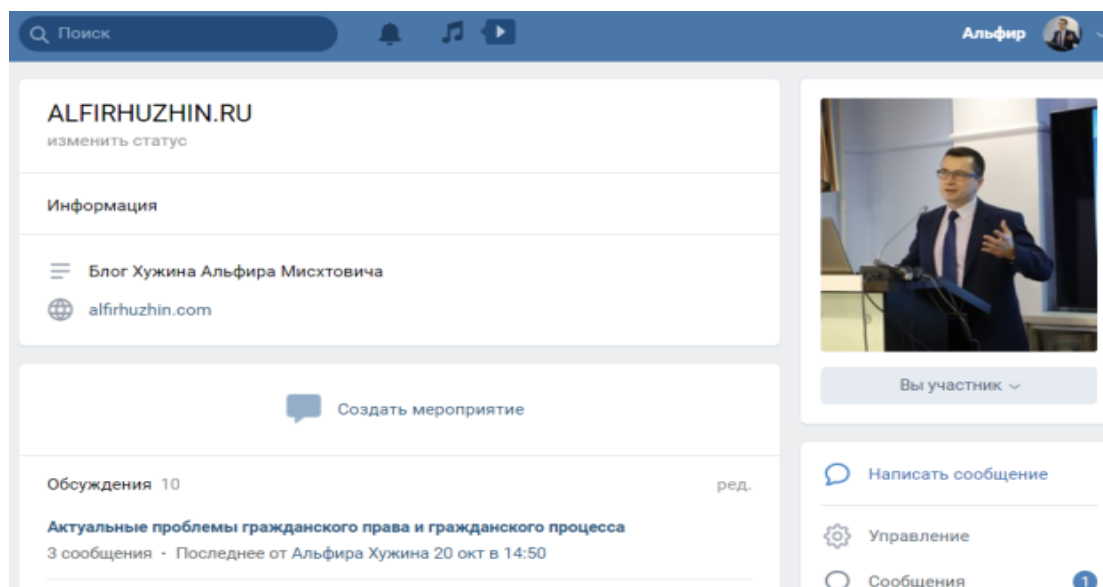
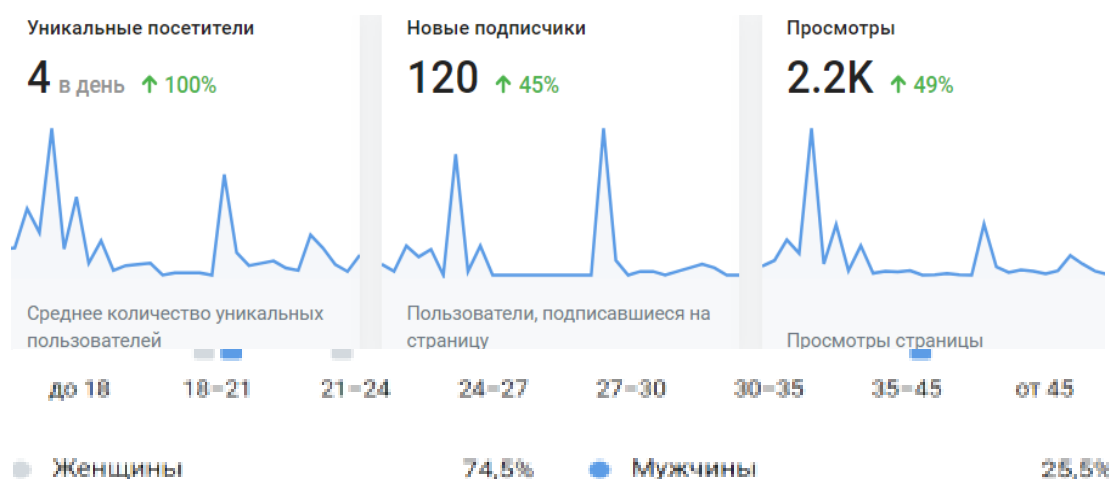

Рисунок 2. Страница сообщества «ВКонтакте»

Источники переходов

Мои группы	74,5%
Новости	6,4%
Прямые ссылки	6,4%
Результаты поиска ВКонтакте	4,3%
Уведомления	4,3%
Другие	4,3%

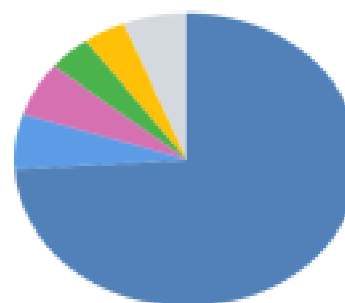

Рисунок 3. Аналитическая информация в сообществе «ВКонтакте»

Безусловно, дистанционный формат в освоении образовательных программ предоставляет уникальные возможности для сотрудничества педагога и обучающихся, а также обучающего взаимодействия между студентами. Ведь включение элементов такого формата обучения позволяет преодолевать ограничения, связанные с раздельным местонахождением участников образовательного процесса. Это способствует поиску и воплощению творческих решений в обучающей среде, реализации креативных проектов. Создаются уникальные условия для формирования у обучающихся большей самостоятельности в познавательном процессе, что требует от них повышения дисциплинированности, необходимости осознать большей ответственности за свое обучение. Возлагается дополнительная ответственность и на педагога. Именно от него, его профессионализма будет зависеть эффективность использования социальных сетей в каждом конкретном случае. Ведь как точно замечено, и подтверждается личным опытом авторов, «технология дополняет, но принципиально не изменяет процесс обучения. Для любого новшества человеческий фактор является ключевым»¹. В этой связи педагогические работники должны «перестроиться» под новые реалии, «прокачивать» свои навыки работы в цифровой среде, при их нехватке — восполнять пробелы. Должны в этом, в первую очередь содействовать сами образовательные организации, как минимум, проводя обучающие семинары, тренинги, разрабатывая и реализуя курсы повышения квалификации по данным направления.

Работа со студентами в онлайн-формате с использованием социальных сетей отчасти требует от педагогических работников «быть на одной волне» с обучающимися, при этом держать соответствующие рамки «педагог — студент». Полагаем необходимым придерживаться следующих рекомендаций при использовании социальных сетей в дидактических целях:

1) На выбранной интернет-площадке зарегистрировать публичный аккаунт, направленный на создание и поддержание образовательного контента. Однако, видится возможным, размещение информации личного характера для поддержания интереса аудитории. Делать это следует продуманно, весьма дозированно и системно. Например, один пост в неделю с личной историей, содержащей аспекты профессиональной деятельности педагога. Можно рассказать свой путь становления в профессии, выбора узкой предметной специализации и т.д.

2) Продумать и составить контент-план. Иными словами, четко определить какая информация и в каком формате будет публиковаться. Возможно создание раздела под названием «виртуальная доска объявлений», где будет размещаться информация организационного характера, например о предстоящих темах занятий лекционного и (или) семинарского типа, о промежуточной и (или) итоговой аттестации, деловых играх, научных конференциях и т.д. Иметь отдельный блок с рабочими кейсами по темам учебного курса. Поднимать проблемные вопросы для открытого обсуждения в комментариях. Проводить открытые консультации в прямом эфире. Иные разделы, наличие которых будет способствовать повышению познавательной активности лиц, получающих образование.

3) Обеспечить защиту персональных данных как самого педагога, так и обучающихся. С этой целью должны проводиться разъяснительные беседы о рисках в социальных сетях, о том какую информацию уместно размещать для публичного доступа, а какую нет.

Современный процесс обучения постепенно модифицируется, в традиционный формат лекционно-семинарского общения педагога и студента проникают, и весьма успешно, информационные технологии, которые позволяют выйти за пределы учебной аудитории. Задача каждой из сторон образовательного процесса максимально использовать достижения в цифровой среде для решения дидактических задач. Для чего развиваться в этом направлении, осваивая информационные инструменты.

---

¹ Зернов В.А., Манюшиц А.Ю., Валявский А.Ю., Учеваткина Н.В. Образовательное пространство России после пандемии: вызовы, уроки, тренды, возможности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-razovatelnoe-prostranstvo-rossii-posle-pandemii-vyzovy-uroki-trendy-vozmozhnosti> (дата обращения 29.10.2020).

Червонюк Владимир Иванович

*доктор юридических наук, профессор Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Chervonyuk Vladimir Ivanovich

*doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow university of the
Mia of Russia named after .V.Ya. Kikot*

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Инновационные юридические технологии

Innovative legal technologies

Аннотация. В условиях XXI века юридические технологии наряду с функцией рационализации поведения социальных субъектов в сфере действия права применяются для достижения масштабных задач правовой политики — внедрения новых или перераспределения действующих методов правового регулирования, конструирования, апробации и введения в правовую систему страны инновационных правовых режимов, использования механизмов дерегулирования в экономике, трансплантации в практику новых видов процессуальных и контрольно-надзорных производств, систематике крупных законодательных массивов и таким образом придания праву необходимой структурности и системного характера действия.

Инновационные правовые технологии — это производство нового продукта средствами и приемами ранее не известными практике. В контексте целей и задач цифровизации ощущается острая необходимость в широком использовании инструментария «правовой инженерии» в различных областях государственного управления, в законодательной и правоприменительной деятельности, в сфере правоохраны и в организации правового поведения непосредственных пользователей. Фактор техносферы и нарождающейся цифровой реальности не только изменяет характер действия права (и правового регулирования), но и реструктурирует предметные области юридической науки, влияет на их содержание и формат юридических исследований. В сферу научного анализа вовлекаются не имевшие аналогов новые объекты; разрабатываемая проблематика полностью подчинена потребностям развивающейся практики.

В этой связи применительно к циклам действия права предложен анализ технологий применения Больших данных (Big data) в законодательствовании; исследуется методология и технологии применения в отдельных сферах (зонах, участках) правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»); освещены правовые инновации в сфере дерегулирования, внедрения механизмов «регуляторной гильотины» и др. Представлен анализ пределов технологизации (и цифровизации); доказывается необходимость осмысления рисков, сопряженных с цифровыми технологиями, предлагается обоснование мер противодействия агрессивным проявлениям «цифровой среды».

Ключевые слова: технологизация правовой деятельности, цифровизация в праве, цифровизация права, социально-правовая ценность юридических технологий, уровни применения юридических технологий, «правовая инженерия», законодательные технологии, технологии согласования интересов в законодательной деятельности, технологии Больших данных в законодательствовании, технологии опережающего правотворчества, экспериментальный правовой режим, технологии создания «регуляторных песочниц», законодательство об обязательных требованиях, инновации в сфере дерегулирования, механизмы «регуляторной гильотины» методология и технологии оценки регулирующего воздействия, парламентский контроль за реализацией законов, технологии восприятия права, информационно-правовые технологии, дигитализация в праве, «цифровой юрист», «цифровой социальный омбудсмен», правоприменительные технологии, технологии формирования правовых (конституционных) порядков, технологии обеспечения правомерного поведения, технологии восстановительного правосудия, электронное правосудие, предикативное правосудие (predictive justice), цифровизация судопроизводства, системы искусственного интеллекта в сфере правоохраны, нейросетевые технологии, технологии оценки состояния социально-правовой среды, метод событийного анализа, пределы технологизации (и цифровизации), «цифровая диктатура», неправомерное вторжение в частную жизнь, право на защиту геолокации, критерии допустимости цифровизации в праве.

Annotation. In the twenty century legal technologies along with the function of rationalizing the behavior of social actors in the sphere of law are used to achieve large scale tasks of legal policy — introduction of new or redistribution of existing methods of legal regulation, design, testing and introduction of innovative legal regimes into the

country's legal system, use of mechanisms for deregulation in the economy, transplantation of new types of procedural and control and Supervisory proceedings, systematization of large legislative arrays, and thus giving the law the necessary structure and systematic nature of action.

Innovative legal technologies are the production of a new product by means and techniques previously unknown to practice. In the context of the goals and objectives of digitalization, there is an urgent need for the wide use of «legal engineering» tools in various areas of public administration, in legislative and law enforcement activities, in the field of law enforcement and in the organization of legal behavior of direct legal users. The factor of the technosphere and the emerging digital reality not only changes the nature of law (and legal regulation), but also restructures the subject areas of legal science, affects their content and format of legal research. The sphere of scientific analysis involves new objects that had no analogues; the developed problems are completely subordinated to the needs of developing practice.

In this regard, in relation to the cycles of law, an analysis of technologies for applying data in legislation is proposed; the methodology and technologies for applying experimental legal regimes («regulatory sandboxes») in certain areas (zones, sections) of legal regulation are investigated; legal innovations in the field of deregulation, the introduction of «regulatory guillotine» mechanisms, etc. are highlighted. The analysis of the limits of technologization (and digitalization) is presented; the necessity of understanding the risks associated with digital technologies is proved, and the justification of measures to counter aggressive manifestations of the «digital environment» is proposed.

Keywords: technologization of legal activity, digitalization in law, digitalization of law, social and legal value of legal technologies, levels of application of legal technologies, «legal engineering», legislative technologies, technologies for coordinating interests in legislative activity, Big data technologies in legislation, technologies of advanced lawmaking, experimental legal regime, technologies for creating «regulatory sandboxes», legislation on mandatory requirements, innovations in the field of deregulation, mechanisms of the «regulatory guillotine» methodology and technologies for assessing regulatory impact, parliamentary control over the implementation of laws, technologies for the perception of law, information and legal technologies, digitalization in law, «digital lawyer», «digital social Ombudsman», law enforcement technologies, technologies for the formation of legal (constitutional) orders, technologies for ensuring lawful behavior, technologies for restorative justice, electronic justice, predicative justice, digitalization of judicial proceedings, artificial intelligence systems in the field of environmental protection, neural network technologies, technologies for assessing the state of the socio-legal environment, the method of event analysis, the limits of technologization (and digitalization), «digital dictatorship», illegal invasion of privacy, the right to protect geolocation, criteria for the validity (admissibility) of digitalization in the law.

Постановка проблемы

Обращение различных отраслей науки к изучению феномена технологизации человеческой деятельности причинно обусловлено, как реакция общества на вызовы «четвертой промышленной революции» сравнительно давно стало своего рода социальным заказом.

Теоретическая юриспруденция в части исследования технологической составляющей правовой деятельности на различных уровнях ее осуществления значительно отстает от потребностей юридической практики. Вообще проблемам техники и технологий в отечественной правовой мысли не очень везло. При том, что собственно проблема юридической техники, являясь частью догмы права, отвечала господствующему юридическому мировоззрению, к ее анализу обращались фрагментарно. Лишь отдельные авторы в силу собственных научных интересов проявляли устойчивый интерес к проблемам правотворческой техники. Может быть в силу своего статуса Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (в разные годы его название менялось) больше других академических юридических учреждений удерживал означенную проблему в фокусе своего внимания.

Объяснение можно связывать с метаюридическими основаниями, которые собственно были заключены в особенностях правовой системы страны — в сложившихся в политической практике подходах к оценке действия права, пониманию его закономерностей, оценке связей с государством. Из философии подчиненности права государству отнюдь не проистекала необходимость исследования собственных закономерностей права. Доминировавшие истматовские конструкты относительно господства экономики над правом вызвали слабые возражения по поводу доказательства самостоятельности юридической формы, существенно упрощали действительное значение правовых регуляторов.

Общесоциальный масштаб изменений, затронувший в 1990-е годы все сферы жизни общества (порой, правда, весьма своеобразных), оказывает радикальные изменения на правовую жизнь общества. Несомненно, что в этих новых условиях правовая наука прилагает немало усилий для обоснования принципиально иных подходов к праву, стремясь обеспечить его адаптацию к изменяющимся реалиям.

В то же время, возникшие в правоведении, как это декларируется, на основе отрицания методологии позитивизма (интерпретируемой в духе ее классических ортодоксальных постулатов второй половины XVIII в.) и подверженные мультипликации в духе постомодерна направления («научные школы»), грозят увести проблематику права далеко от истинных потребностей современного этапа правового развития. Развивается и приобретает значительное распространение воинствующая философия права, не только создающая и плодящая множество оксюморонов, но и подвергающая сомнению базовые начала

права, включая его нормативность¹. При этом идею не-права прочно «оседлали» и удерживают в фокусе своего внимания отнюдь не отдельные представители модных течений в философии права. Одновременно обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно в этот же период в русле развивающейся аналитической юриспруденции получает развитие то направление в юридической науке, которое настойчиво и последовательно возвращает к истокам действительно *правового*. Показательными в этой связи являются форумы Юртеха в Нижнем Новгороде, несомненно, способствовавшие народжению целой плеяды исследователей, которым прививался вкус истинных юридических эстетов. Стало очевидно, что аналитическая юриспруденция получает новый импульс к развитию. В течение длительного времени проблема юридической техники не только приковала к себе внимание действительных ценителей права, но и сформировала устойчивый профессиональный интерес к технико-юридической проблематике. Под эгидой признанного в профессиональном сообществе юристов крупного научного направления объединились не только представители общей юриспруденции, но и отраслевых юридических наук.

Вместе с тем активная разработка проблем юридической техники не сопровождалась столь же активным обращением практики (в ее широком понимании) к разработкам, многие из которых действительно заслуживают внимания. Общественный парламент, словно нарочито игнорирует научно обоснованные и апробированные опытом многих стран требования и стандарты законодательной техники, создавая в своей деятельности «собственную» субкультуру законодательства и предлагая обществу продукт, плохо адаптированный к потребностям развивающейся практики и не согласующийся с общественными ожиданиями².

Не становятся достоянием законодательной практики обоснованные в доктрине технологии законодательства. Между тем развивающаяся практика, в особенности западных стран, в то же самое время испытывает все больший интерес к феномену юридических технологий, включая сферу законодательной деятельности.

Динамичный и наполненный противоречиями XXI век ломает прежние стереотипы о месте и роли права в утверждении и поддержании новых порядков. Новое время и нарождающаяся новая ситуация в экономической, социальной, в духовно-культурной сферах жизни потребовали коренного пересмотра отношения к оценке закономерностей, механизмов и форм действия права. В условиях так называемой «четвертой промышленной революции», когда происходит практически ежегодная смена технологий и бизнес-моделей в традиционных отраслях экономики, регулярно появляются целые новые отрасли, спрос на обновляющееся право, рационализацию юридической деятельности неизмеримо возросли³. Одновременно с этим резко возрос спрос на внедрение юридических технологий. Становится все более очевидным, что именно применение новых технологий оказывает масштабное развитие на все сферы правовой действительности, изменяет характер правовых коммуникаций, влияет на их динамику, формирует принципиально новые правовые феномены, не имеющие аналогов в прошлом.

¹ См. об этом: Червонюк В. И. Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки / В. И. Червонюк. М. : Моск. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. С. 71-79.

² Такой тренд юридической практики нельзя признать позитивным фактом. История обращает внимание на синхронизацию техники и технологии. Технология, можно сказать, существовала всегда и повсюду, хотя сознанием данный феномен, естественно вошедший в жизнь людей, долго не воспринимался. С течением времени в умах продвинутой части общества технологии, имея в виду искусное изготовление вещей стали оценивать как ремесло, проявления изобретательности — искусством. И ремесло, и искусство считались делом «творцов», гениев, массового распространения не получали. Собственно, характер общественного производства того времени мог довольствоваться индивидуализированными сферами проявления «ремесла» и «практического искусства». XVIII век, явивший миру первую промышленную революцию, позиционировал и ее основные движущие силы — технику и ее широкое и рациональное применение в различных сферах, т. е. технологию. Рациональное применение техники получило отражение в трудах И. Бекмана (первоначально во «Введении в технологию», изданной в 1977 г.).

При несомненных достоинствах взглядов И. Бекмана относительно обоснования значения технологий, приписывание ему заслуги в обоснование юридических (правовых) технологий, видимо, было бы сильным преувеличением и грешило бы против истины. Вместе с тем постулирование им связи правовых знаний и качества осуществляемой деятельности в его работах действительно явно представлено.

По мере новых промышленных переворотов (революций) совершенствовалась техника и технологии. Современный, четвертый, этап промышленной революции совершенно справедливо связывают с симбиозом науки и технологий, превращением технологий в самостоятельную науку. Эти оценки справедливы и для понимания природы юридических технологий в постинформационном обществе.

³ Воздействуя на юридическую и государствоведческую практику, преобразуя ее в прогрессивном направлении, юридические технологии тем самым приобретают важное методологическое качество, становятся частью методологии. С этой точки зрения методология правоведения есть не только инструмент познания права и овладения предметом правовой науки, но и набор совершенных средств воздействия на него и преобразования в прогрессивном направлении. В данном контексте (социально-философском смысле) правовые технологии можно рассматривать как способ преобразования правовой действительности, внедрения права в социальную практику. Применительно к науке права можно сказать, что она реализует конструктивно-прагматическую функцию (Червонюк В. И. Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки / В. И. Червонюк. М. : Моск. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2017. С. 99-112). С рассмотренных позиций, овладение технико-юридическим инструментарием (юридической техникой) и его эффективное применение (юридические технологии) являются не только необходимым условием высокопродуктивной работы юриста, но и одной из важнейших его квалификаций как специалиста.

Движение в указанном направлении уже четко обозначилось в начале 2000-х годов, когда в США учреждаются LawTech — платформы, предназначенные для практикующих юристов, а затем, когда вместе с продвижением на рынке юридических онлайн-консультаций и услуг автоматизированного создания документов, иных стартапов появляется ныне известный во всем мире LegalTech. С этого времени юридические технологии нарастают лавинообразно и стремительно входят в правовую жизнь общества. Происходит технологизация правовой науки; технология в сфере действия права не просто сливается с наукой, но сама становится наукой. Создание закона в современных условиях требует, к примеру, от ее создателя знания не только регулятивных возможностей права, но и технологий поведения адресатов, возможные риски и последствия, связанные с введением закона в действие, характер регулирующего воздействия, поведение в среде действия закона и др.

В условиях цифровизации интерес к технологизации правовой деятельности нередко искусственно подогревается лоббирующими структурами, для которых цифра — прежде всего способ (неправовой) получения сверхприбыли. Симптоматично, что в этот процесс включены и представители юридического сообщества, в том числе и какая-то небольшая часть научного истеблишмента. Вал работ по проблематике цифровизации в праве (в которых фантазии их авторов поражают воображение), в том числе издаваемых под эгидой солидных юридических учреждений, не должен заслонять трезвой и взвешенной оценки. Технологизация и цифровизация правовой деятельности, несомненно, требуют точных, математически выверенных расчетов, и расстановки правильных акцентов. Позиция научного сообщества в этом условиях социально востребуема, имеет важное общественное значение.

Понятие юридических технологий, связь с юридической техникой: современный контекст

Известно, что юриспруденция является достаточно консервативной и в теоретической области, и, в особенности, в практической. Этому можно найти достаточно весомые объяснения: поспешные, неточные выводы, суждения, формирующиеся на их основе научные подходы и концепции, крайне отрицательно влияют как на профессиональную деятельность юридических учреждений, так и дезориентируют правовое поведение граждан. Может быть, и по этой причине юристы крайне неохотно исследуют все то, что так или иначе связано с правовыми технологиями. Собственно гносеологическим фактором, блокирующим разработки в сфере правовых технологий, является сложившееся в теории права отношение к юридической технике. Даже в тех случаях, когда юрист оперирует с технико-юридическим инструментарием, он склонен вести речь не о технологиях, а о технике. Видимо и по этой причине сущностная оценка юридических технологий остается стандартной, укладывающаяся в предметную область догмы права. Традиционно юридические технологии связывают исключительно или преимущественно с юридической техникой.

В определенном смысле, можно было бы сказать, что проблема юридических технологий произрастает из проблематики юридической техники. Однако такое допущение было бы сильным преувеличением и не способствовало бы поиску истины в нужном направлении, а следовательно, в обнаружении сущности рассматриваемого феномена, в определении его действительного значения в правовой жизни современного общества.

Не углубляясь в проблему соотношения юридической техники и юридических технологий¹, отметим что некогда достаточно распространенный взгляд, согласно которому юридическая техника охватывает своим содержанием и юридическую технологию (Т. В. Кашанина, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров и др.), в определенной мере можно считать преодоленным².

В строго практическом значении правовую (как и всякую иную) технологию образует определенная последовательность операций, притом что все операции расставлены в нужном порядке и выпадение любой из них делает схему (технологическую цепочку) бессмысленной. Технологией в указанном значении можно обозначать юридически значимые действия, процедуры их осуществления, технолого-юридические требования, применяемые в этой связи правила, стандарты. Отсюда правовая технология — это совокуп-

¹ Такой анализ представлен в более ранних работах автора. См., например: Червонюк В. И. Правовые технологии («Правовая инженерия», или прикладная юриспруденция : методологические и дидактико-методические внедрения в систему вузовской подготовки правоведов проблемы // Юридическая техника. Специальный выпуск. 2009. № 3. С. 368—381; Эриашвили Н. Д., Чухвичев Д. В., Червонюк В. И. Законодательная техника. 3-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Эриашвили, Д. В. Чухвичев, В. И. Червонюк. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 18—20, 24—29.

² Однако и новейшая литература не избавлена от явно устаревших взглядов на проблему. Так, в частности, отмечается, что «законодательная техника регламентирует общие закономерности осуществления законодательной деятельности, а также систему правил, приёмов, методов и принципов подготовки, принятия, изменение и систематизации наиболее совершенных по форме, содержанию структуре проектов законодательства», а именно: «принципы, методы и правила формирования нормативных правовых актов; понятия и элементы системы законодательства; понятие, содержание законодательства; социальные факторы, влияющие на процесс создания нормативных предписаний; логика, стиль и язык нормативных правовых актов; структура законодательных актов» (Законодательная техника: учебник / Г. М. Морозова и др. ; под ред. д.ю.н., проф. И.В. Рукавишниковой, д.ю.н., проф. И.Г. Напалковой. Ростов п/Д, 2017. С. 6). «Размашистый» подход к оценке содержания законодательной техники посредством включения в нее всего объема законодательных действий и процедур порождает иллюзию относительно возможности инструментарием законодательной техники создать качественный закон, оградить законодателя в его волонтаризме (ни чем не ограниченной дискреции) и некомпетентности.

ность параллельно или последовательно выполняемых операций и процедур, применяемых в процессе реализации права, организации правового поведения и деятельности компетентных органов и должностных лиц с использованием различного инструментария, в особенности правовых средств.

Хотя применение технологий действительно связано с широким привлечением технико-юридического инструментария, тем не менее вывод о том, что юридические технологии — это применение использования (юридической техники, что они (юридические технологии) инкорпорируют своим содержанием технико-юридический инструментарий¹, не корректен и методологически уязвимый: это имеющие разное целевое назначение, разнопорядковые правовые феномены. Применение юридических технологий не ограничивается исключительно технико-юридическим инструментарием, но нередко «обходится» без него, как это, к примеру, может иметь место в технологиях согласования интересов в законодательной деятельности или в технологиях их (интересов) лоббирования. Отвлечены от арсенала законодательной техники многочисленные случаи применения в юридической практике информационных технологий, так называемых облачных технологий, диджитал-технологии и нейролингвистические технологии в законодательной деятельности, технологии формирования цифрового нормативного языка, множество технологий, применяемых не только в сфере правоохраны, например, нейросетевые технологии (в частности для прогнозирования вероятности правонарушителя совершить новое преступление в будущем — уголовные суды США используют алгоритм COMPAS, позволяющий в 30-40% определить будущих жертв, распознавание личностей лиц, прячущих свое лицо), но и собственно в конституционной практике, например, при использовании избирательных технологий; это также использование методов и инструментов смежных отраслей знания: риск-ориентированный подход, метод ситуационного анализа и др.

Следовательно, содержание правовых технологий не ограничивается возможностью применения технико-юридического инструментария. Иное понимание современных юридических технологий не соответствует их природе и назначению, не учитывает то принципиально новое, что привносит в технологию юридической деятельности цифровизация. В указанном смысле юридические технологии это применение в профессиональной юридической деятельности комбинации технико-юридического инструментария, правовых средств в сочетании с иными, не противоречащими праву инструментами².

Значит, «состав» правовой технологии отнюдь не сводится к технике права. Правовая технология представляет собой синтез теоретического, прикладного и процессуального, как единство теоретических положений, прикладных положений и механизма их реализации в конкретной среде, во времени и пространстве. В сравнении с «консервативной» юридической техникой правовая технология отличается необычайным динамизмом, подвержена множеству факторов внутрисистемного и метаюридического свойства³.

¹ См.: Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. С. 22 и сл.

² Это обстоятельство не всегда учитывается в специальной литературе. На этом основании презюмируется весьма спорное утверждение о том, что «юридическая техника есть классическая часть правовых технологий» (См.: Хабриева Т. Я. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал рос. права. — 2008. — № 7. — С. 146—148).

Конечно, в определенном смысле юридическую технику можно рассматривать составляющей юридических технологий, их «материальной частью». Поэтому если с формально-юридической точки зрения правовые технологии — это совершаемые для получения определенного социального результата действия, то юридическая техника представляет собой набор технико-юридических средств, приемов, в том числе при помощи которых такие действия осуществляются; это средства, приемы выражения посредством языка в законодательном тексте или в тексте иного нормативного или ненормативного правового решения идеи, смысла права; это техника составления юридического документа, а равно оформления принятого юридического решения в правовом акте.

³ Юридическая техника все же отличается универсальностью, технико-юридический арсенал права одинаково «успешно» проявляет себя вне зависимости от типа правовой семьи (разве что мусульманская правовая семья сохраняет присущую ей самобытность). С этой точки зрения ошибочно и не соответствует современным правовым реалиям систем общего права утверждение о том, что «...аналитическая, анатомическая проработка той или иной ситуации — это в основном удел романо-германского права, непосредственно воплотивших культуру римского права. Для прецедентного права, американской правовой системы в особенности, главным является суд, его деятельность, лежащие в ее основе факторы, причем не юридические, а моральные, деловые, психологические и т. п. В правовом настроении юристов этих стран на первом месте не требования аналитической юриспруденции, а «реалистические» и «социологические» подходы, относящиеся к психологии, поведенческим критериям» (Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и пути решения. М.: Издательство НОРМА, 2001. С. 11).

Логично было бы заключить, что значение техники в англо-американском праве не существенно, технология, напротив, имеет безусловный примат. Однако специально-юридические, технико-юридические в том числе, факторы для судов этой группы стран имеют принципиально важное значение. Предоставляемая судебным органам широкая свобода усмотрения (нередко ассоциируемая с дискреционностью полномочий) базируется не только на высокой профессионально-правовой культуре судей, но и имеет прочные нормативно-правовые основания как в разветвленной системе правовых обычаев, традиций, так и в статутном праве. Об этом, в частности, свидетельствует принятый в 1978 г. в Соединенном Королевстве Великобритании закон «О правилах толкования», содержащий технико-юридические алгоритмы интерпретации правовых установлений. Известно и то, какое важное значение в странах общего права при подготовке законопроектов придается лингвистическому аспекту, иным аспектам формальной ло-

В отличие от юридической техники, отличающейся главным образом «технично-юридическими последствиями» в правовой сфере, правовая технология почти всегда имеет социальный оттенок. Применение правовых технологий реально влияет на структуру интересов, фиксируемых в принимаемом нормотворческим органом правовом акте. С этой точки зрения, издаваемые правящим в стране политическим классом нормативные акты могут использоваться для имитации правового регулирования отношений, создания видимости закрепления в праве каких-либо интересов и стоящими за ними ценностей. Декларируемые в юридических установлениях такие интересы не реализуются на практике или реализуются частично. Концентрирующие набор таких установлений нормативные акты создаются для того, чтобы сформировать позитивный имидж государства, создать политическую рекламу правящей группе, обмануть население своей страны и зарубежную общественность¹.

Назначение и социально-правовая ценность юридических технологий в условиях цифровизации права

Юридические технологии (от греч. *techne* — искусство, мастерство, умение и *logos* — учение), или «правовая инженерия» есть применение апробированных практикой, научно обоснованных рациональных юридических средств, процедур и способов (методов) внедрения (экспансии) права в сознание (психику), поведение и деятельность отдельного индивида и социальных общностей. Юридические технологии — это не только использование технико-юридических правил и приемов, но и выбор непосредственными правопользователями и правоприменительными структурами оптимальных правовых средств для достижения социально полезных целей; это такое применение технико-юридических приемов и средств, всего арсенала правового инструментария, которое приводит к заданным проектируемым результатам. Отсюда технологичным можно назвать, к примеру, ту законодательную деятельность, результатом которой является создание качественного закона.

Юридические технологии могут быть предназначены исключительно для целей профессиональной юридической деятельности в связи с реализацией целей и задач правовой политики. В этом смысле они представляют собой различные комбинации применения правового инструментария (нормативно-правовых и индивидуально-правовых юридических средств материального и процессуального характера) для оптимального использования финансовых, организационных и иных ресурсов «с целью разного рода формирования эффективных юридических решений» (Т. Я. Хабриева). Юридическая технология — это практико-ориентированные знания о наиболее оптимальном правовом действии (решении), используемые в различных юридических производствах, в организации правового поведения участников регулируемых правом отношений.

Правовые технологии в рассматриваемом контексте — это способ преобразования энергии права («правового вещества»), правовой информации в процессе осуществления юридически значимой деятельности органами государства и их должностными лицами (иными властными субъектами права); они обслуживают юридическую практику, обеспечивают ее действенность, а через это — достижение социально полезных результатов в профессионально-юридической деятельности.

Юридические технологии отличаются мультифункциональностью, и в этом смысле их следует рассматривать в качестве составных частей правовой политики государства, научной теории (учения) и искусства рационального использования правового инструментария в интересах всего общества или его определенных социальных сил. Юридическая технология — это одновременно объект стратегических целей государства, отрасль научного знания, разрабатывающая рациональные способы и инструменты юридических производств, и сфера применения юридического мастерства — некое множество апробированных правовым опытом стандартизированных (алгоритмизированных) и последовательно выполняемых операций и процедур, применяемых при непосредственном осуществлении (реализации) права гражданами и их объединениями, организации правового поведения и деятельности компетентных органов и должностных лиц. В этом смысле юридические технологии охватываются также содержанием юридической политики государства в ее концептуально-теоретическом и в практическом выражении. Точнее говоря, юридическая технология как проявление прагматической (практической) функции теории права является своего рода симбиозом науки о праве и политике права — это система знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных связей и отношений, а также сама практика устоявшегося применения оптимальных способов преобразования и регулирования действий и поведения социальных субъектов в правовой сфере. Юридические технологии поэтому могут быть пози-

---

гистики. При этом, если в странах континентальной Европы законопроекты разрабатываются административными органами, ответственными за содержание политики или законодательства, то в странах общего права эта деятельность имеет специализированный характер, законопроекты обычно готовятся специальными службами (См.: David R. Miers / Alan C. Page. *Legislation*. 1990 (second edition). P. 51ss.).

В Великобритании эту работу выполняют профессиональные чиновники — так называемые «драфтсмены» (*draftsmen*) (законосоставители) — служащие, сведущие в особенностях английской законодательной техники.

Понятно, что при таком подходе технико-юридическая сторона законотворчества приобретает особое значение. Симптоматично поэтому, что юрислингвистика возникает именно в указанных странах.

¹ См.: Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.]; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2020.

ционированы как способы применения теоретических выводов юридической науки для достижения целей и задач правовой политики; это выраженный в проектной форме синтез правовых знаний, а также практического опыта, позволяющего оптимизировать юридический процесс с экономией затрат труда, энергии, нормативных, индивидуально-правовых (в особенности охранительно-принудительного свойства), иных ресурсов и социального времени.

С содержательно-информационной точки зрения, в составе юридических технологий целесообразно выделять две составляющие: а) программы, содержащие набор средств, способов, процедур и операций (как способы и средства правовой деятельности); это социотехнический инструментарий технологий; б) саму правовую деятельность, построенную в соответствии с такими программами и заданными параметрами. Это разносоставные компоненты, которые хотя и взаимозависимы, тем не менее значительно отличаются по своему содержанию, притом что каждая из этих составляющих также отличается определенной композицией.¹

Для оценки современного контекста юридических технологий принципиально важно следующее. Юридические технологии, будучи привязаны к обслуживанию деятельности, поведения конкретных акторов права — граждан, их объединений и публичных органов власти и публичных должностных лиц, образуют *первичный уровень*. Вместе с тем по своему составу предмет правовой технологии не сводим к средствам и процедурам (технологизации предметной правовой деятельности), обладает сложной структурой, включая: а) методы познания конкретной правовой реальности; б) систему методов, способов и процедур конструирования правовых систем и институтов; в) систему мер создания эффективных и рациональных правовых структур². В отличие от юридической техники, которая по своему предназначению связана с обслуживанием конкретных видов правовой деятельности — правотворческой, правоприменительной, интерпретационной, деятельностью по систематизации законодательства и в сфере правоохраны, правовые технологии имеют и иное назначение. Кроме собственно рационализации поведения субъектов права, они применяются для достижения более масштабных задач правовой политики — внедрения новых или переработанных действующих методов правового регулирования, конструирования, апробации и введения в правовую систему страны инновационных правовых режимов, введение в практику новых видов процессуальных и контрольно-надзорных производств, систематизации крупных законодательных массивов и тем самым придания праву необходимой структурности и системного характера действия. С рассматриваемых позиций о юридических технологиях можно вести речь, во-первых, как о способе освоения правовой действительности коммуницирующими между собой социальными субъектами или о конкретных рационализированных формах правовой деятельности (правового поведения); во-вторых, как о способах, методах и механизмах воздействия на среду действия права в целях ее преобразования (трансформации) в соответствии с целями и задачами правовой политики государства. Иными словами, в последнем случае речь идет о рационализации управляющего правового воздействия на общество и его крупные сегменты. В этом широком философско-юридическом смысле правовые технологии представляют следующий, *второй и более высокий уровень функционирования*, предстают способом преобразования правовой действительности, механизмом «насыщения» правом социального пространства³.

Применительно к первичному уровню юридическая технология представляет собой взаимосвязанный и определенным образом структурированный набор приемов, поведенческих операций и юридических средств; это сплав определенных знаний, опыта и интуиции. Значит, если речь идет о применяемых конкретным субъектом права юридических технологий, то имеется в виду последовательность (алгоритм) разрешения тех или иных правовых ситуаций. Юридическая технология в этом случае алгоритмирует правовую деятельность (правовое поведение), поэтому может быть многократно использована, воспроизведена и мультиплицирована для разрешения сходных правовых ситуаций⁴. Юридическая тех-

¹ Не вдаваясь в подробный анализ, можно сказать, что инструментарий юридической техники в указанном смысле охватывается содержанием компонентов данного блока, однако полностью к ним не сводится (см.: Червонюк В. И. Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения : в 4 вып. Вып. 2: Юридические технологии и юридическая техника // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 6. — С. 195—198.

² См.: Черненко А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества : монография (А. К. Черненко. Новосибирск, 2004. С. 175.

³ Очевидно, что применительно к данному уровню корректно отнесение к правовым технологиям правового мониторинга, правотворческого эксперимента, юридической экспертизы, юридическое прогнозирование и др..

⁴ Делая поэтому акцент на имплицитно присущей связи технологий и деятельности, не следует трактовать правовую технологию как «особую разновидность деятельности компетентных органов, должностных и физических лиц, направленную на издание (толкование, реализацию, систематизацию и т. п.) юридических предписаний, взятую в единстве с накопленным и внешне выраженным юридическим опытом, т. е. социально-правовой памятью». Отсюда то, что составляет содержание практики (деятельности) и есть собственно составляющая юридической технологии. Между тем не всякая такая деятельность является технологичной и, что особо значимо, технологии — это не сама «деятельность человека», а особый ее «срез», механизм рационализации. Отсюда «элементы юридической технологии» не должны повторять конструктивные элементы юридической деятельности. В этой связи придание профессиональной юридической деятельности высокотехнологичного характера, обоснование инновационных технологий правоприменения в современных условиях выступает одной из важнейших задач юридической политики государства.

нология в подобных случаях становится компонентом правовой культуры социального субъекта, в известной степени — мерой его правового развития. Что касается второго уровня, то характер юридических технологий изменяется. Это использование в различном сочетании (композиции) правовых механизмов (комплексного набора правовых средств); привлечение разработанных доктриной методов правового воздействия; возрастание в структуре технологий когнитивной составляющей, прогнозной информации и др. Поэтому применительно к данному уровню правовые технологии следует рассматривать как способ применения теоретических выводов правовой науки в практических целях. На этом уровне чаще всего используются инновационные технологии, т.е. технологии, ранее не имевшие аналогов в юридической практике. В этом значении юридические технологии представляют собой рациональное применение субъектами государственно-правового ресурса для формирования эффективных социальных институтов, а равно конструирования эффективных социально-правовых структур (законодательства, института судебной власти, контрольно-надзорного механизма в сфере экономики, здравоохранения), учреждения действенного механизма реализации и применения права, создания альтернативных механизмов разрешения юридических конфликтов и споров, оптимального и целесообразного использования государственно-правового принуждения, формирования новых институтов и учреждений, отвечающих целям и задачам цифровизации экономики др.

Следовательно, юридические технологии — это не только набор рационализированных операций, предложенных участникам правового общения; это в то же время разработка и соблюдение определенных принципов рационального действия для достижения целей на общесоциальном уровне — технологии выборов альтернативных способов, технологии манипулирования групповым правосознанием и др. Применительно к науке права, которая признает объектом своего анализа правовые технологии, можно сказать, что она реализует конструктивно-прагматическую функцию. В этом смысле и сама теория (наука) права, будучи обращенной к практике, действительно выступает не только методом ее познания, но и активной преобразующей силой в социально желательном направлении. В рассматриваемом контексте назначение правовых технологий в том, чтобы право из знаковой системы трансформировать в фактическое поведение, деятельность, т.е. в реальную жизнь, обеспечивая тем самым выполнение им (правом) своей общесоциальной миссии — служить инструментом цивилизованного и результативного достижения социальными субъектами их жизненных целей. В указанном смысле право действительно может быть признано социальной технологией (С. С. Алексеев).

«Правовая инженерия», или инновации в праве

К концу XX — началу XXI вв. в технологии стали воспринимать как механизм нового развивающегося и определяющего дальнейший прогресс. Современные правовые технологии — это производство нового продукта средствами и приемами ранее не известными в практике — нейролингвистические приемы конструирования закона, электронное правосудие, финтех-технологии в сфере действия норм и институтов финансового права, краудфандинг — в банковском праве, облачные технологии — преимущественно в гражданском праве.

В структуре правовой инженерии юридические технологии разнообразны, дифференцированы по субъектам применения (применяемые законодательными, правоприменительными, юрисдикционными, судебными органами), могут различаться по временному параметру — действовать постоянно или на определенный, заранее установленный срок, по содержанию и направленности они могут быть консервативные и радикальные, прогрессивные и регрессивные, по соотносимости с наукой — научно обоснованные (рациональные) и применяемые на эмпирическом уровне, интуитивно (нерациональные), по характеру новизны — инновационные и традиционные. Правомерна классификация по сферам, объектам правовой деятельности, уровням применения, получаемому результату и т.д. В специальной литературе типично деление юридической технологии в зависимости от сфер юридической практики (правотворческая, правоприменительная, правосистематизирующая, интерпретационная).

Применительно к правовым технологиям, применяемых государством, его органами и должностными лицами (публичными властями и публичными должностными лицами), очевидно, правомерной будет консолидация всех существующих технологий на два класса: а) применяемых в сфере регулятивно-управленческой деятельности государства и б) при осуществлении правозащитной (полицейской) функции государства¹. Выделение таких групп технологий необходимо с учетом характера реального действия современного (правового) государства и соответствующей этому подготовке специалистов по юридическим специальностям.

Юридические технологии могут быть предусмотрены (и регламентированы) законодательством или выступать выражением правового (политического) опыта, не зафиксированного законом, но являющегося правовым обыкновением; такие технологии могут быть как согласованы с законом, так и находиться в противоречии с ним.

¹ См.: Червонюк В.И. Современная интерпретация полицейской (правозащитной) функции государства в контексте соотношения свободы и безопасности: аналитический дискурс // Вестник МоСУ МВД России. — 2015. — № 12. — С. 35.

Обобщенной выглядит классификация правовых технологий, которая может быть предложена применительно к циклам действия права¹. Соответственно составляющие действия права (1) правовое воздействие, (2) восприятие права, (3) правовые действия (предполагающие и возникающие на их основе правоотношения), (4) правовой порядок (конституционные порядки) притягивают к себе взаимосвязанные между собой комплексы соответствующих им групп правовых технологий. На этом основании правомерно выделение: (1) технологий законодательства (законодательные технологии); (2) технологий восприятия права; (3) технологий осуществления (реализации и применения) правовых установлений, в особенности правоприменительные технологии; (4) технологии формирования и поддержания правовых порядков в различных областях общественной жизни.

1. Технологии законодательства (законодательные технологии) усилиями группы ученых все же становятся достоянием юридической общественности и, вследствие этого, оказывают благотворное влияние на общее состояние законодательства в стране. Вместе с тем проблема качества закона² остается достаточно актуальной, в силу чего разработка технологий законодательства по-прежнему остается достаточно злободневной³.

Законодательные технологии многообразны: по содержанию они подразделяются на технологии согласования интересов, их лоббирования, технологии продвижения законодательных инициатив, блокирования законопроектов и др.; специализируются применительно к различным правотворческим действиям (принятие закона; внесение в него изменений и дополнений; отмена действия закона), имеют свои, так сказать, внутренне связанные технологические циклы. Законодательные технологии отличаются своей направленностью; они специфичны применительно к тем или иным способам, задачам и целям правового регулирования; могут содействовать принятию качественного закона, а равно иметь своим назначением принятие закона, противоречащего истинным целям, т. е. направлены на внедрение в правовую систему ложных норм, реализация которых окажется невозможной или затруднительной. Очевидно, что применяемые в законодательной деятельности технологии различны применительно к федеральному и региональному уровням законодательской деятельности. Подобно «политтехнологиям», законодательные также могут быть «чистыми» и «грязными», с использованием неправовых средств и приемов, в том числе подкупа, шантажа, различных форм клиентелизма, коррупционных действий и т. п.

*Технологии согласования интересов в законодательной деятельности*⁴. Приходится констатировать, что законодательный орган крайне неохотно и редко в своей практике прибегает к таким, имплицитно присущим всякой законодательной деятельности, технологиям, вследствие чего индекс солидаризации парламентских партий в законодательной деятельности на протяжении двух десятилетий удерживается на отметке предельно низких величин. Здесь обращает на себя внимание комплекс взаимосвязанных причин собственно специально-юридического (установленный регламентными нормами процедурно-правовой режим организации законодательного процесса, отсутствие на законодательном уровне материально-правовых установлений, обязывающих применять подобные технологии, слабая защита парламентского меньшинства в законодательной деятельности и др.) и метаправового характера (особенности национальной партийной и избирательной систем, сильное влияние исполнительной власти, неучастие институтов гражданского общества в выстраивании структуры интересов в принимаемых законах, неработающий механизм конституционной ответственности законодателя и др.)

¹ См. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). М., 1992. С. 34—57.

² См. об этом: Червонюк В. И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 488 — 503.

³ Обращая внимание на особенном значении законодательных технологий, призванных обеспечить принятие совершенного по содержанию юридической форме закона, следует обратить внимание на недооценку закона (равно как и права) в условиях цифровизации. По мнению (может быть, даже по убеждению) авторов отмеченного подхода, в условиях цифровизации «изменяется само значение закона как недостаточно гибкого и эффективного в новых условиях регулятора», в то время как «наметилась тенденция к появлению новой формы права в виде электронного нормативного акта». Вместо закона, значение которого все более будет ослабевать, что в особенности касается виртуального пространства, утверждают цитируемые авторы, «будет востребована принципиально новая форма закона». Оказывается, что «такой формой может стать цифровой закон с изменяющимся содержанием, способный служить гибким и эффективным регулятором общественных отношений и приспособляться к постоянно меняющимся интересам участников этих отношений» (Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018. С. 28—35).

Притом что «общественные отношения» в цифровом обществе, в виртуальном пространстве, по версии авторов, сохраняются, закон тем не менее не оказывает более на них регулятивное воздействие. Не хотелось бы вспоминать об идеологеме «отмирания государства и права», но аналогия напрашивается сама собой. Безусловно, верно то, на что не обращают внимание авторы: в новых условиях требования к качеству закона неизмеримо возрастут. А это в свою очередь потребует принципиально иного качества законодательной деятельности. Соответственно инновации в сфере законодательства здесь более чем необходимы.

⁴ Обоснование технологий согласования см.: Червонюк В. И. Согласование интересов как тип законодательных технологий // Государство и право. — 2004. — № 6. — С. 30—38.

На качество принимаемых законов существенное влияние могли бы оказать, охарактеризованные в общем виде в специальной литературе, но не применяемые в законодательной практике, *нейролингвистические технологии*. Их разработка и внедрение имела бы несомненный эффект. Очевидно, что в структуре парламента в пределах существующего финансирования должны быть учреждены структуры, которые подобным идеям придавали бы практико-ориентированный характер, трансформируя инновации в законодательную деятельность. Кроме заинтересованности палат Федерального Собрания (то есть самого парламента), никаких иных препятствий к тому не существует. Способы же реструктуризации парламентских учреждений доктриной сравнительно давно уже предложены¹.

Технологии применения Больших данных (Big data) в законодательствовании. Технологии Big data можно рассматривать (как, впрочем, и все остальные) в двух аспектах: во-первых, с точки зрения влияния на законодательную деятельность и качество ее продукта и, во-вторых в аспекте тех рисков, для прав человека, с которыми сопряжено оперирование этим инструментом самими различными акторами цифрового пространства.

Большие данные определяют как большой объем информации («данных»), полученной с большой скоростью и из множества разнообразных источников. Рабочая группа по защите физических лиц при обработке персональных данных Европейской комиссии Большие данные определяет как совокупность цифровых досье, составляемых с помощью широкопрофильного компьютерного алгоритма и находящихся в распоряжении многочисленных компаний, корпораций и государственных органов.

Источников Больших данных множество: цифровые фотографии и видеоролики, записи транзакций покупки, сигналы GPS и др. Сферы, в которых генерируются Большие данные, также самые разные, они охватывают все сколько-нибудь значимые сектора, где накапливаются большие массивы информации. Принципиально важно содержание Больших данных для соотнесения их с пользовательскими данными — теми данными, которые особо чувствительны для правопользователей. Что касается законодательной деятельности, то понимание содержания Больших данных также важно. Не только для профессионального сообщества юристов, но и для обычного человека небезынтересно иметь более или менее четкое представление о том, какими массивами информации пользовался законодатель принимая закон не адаптированный к существующим реалиям, закрепляющий асимметричную структуру интересов или вовсе не согласующийся со здравым смыслом. Законодателю тоже необходимо иметь максимально полное представление о таких массивах данных, с которыми прямо или опосредованно будет связано действие закона.

Большие данные (Big data) — это разновидность современных технологий, позволяющих не только аккумулировать, но и обрабатывать существенные информационные потоки (притом и в реальном времени) во все большем объеме. При очевидной их ценности для юридической практики они пока менее всего оказались разработанными, а применительно к законодательной сфере проблема всего лишь обозначена.

Каналы функционирования Больших данных в правовой сфере, равно как и в законодательной области, также разнообразны. Обычно к направлениям использования Big data в правовой сфере² относят несколько, которые применительно к сфере законодательства могут быть представлены следующим образом: а) E-discovery — технология поиска электронной информации, представленной на цифровых носителях; б) Legal Research — технология анализа поступающей информации; это статистическая информация, подлежащая систематике по заранее заданным параметрам и критериям (например, отбор информации относящейся к законам, в которые вносились изменения); в) Case Strategy — технология анализа и оценки перспективы действия принятого закона. Моделирование результатов введения новых норм в действие, оценка их регулирующего воздействия осуществляется на основании заданных параметров.

Выявление иных, помимо указанных, направлений интеракций Больших данных в правовой сфере, анализ особенностей функционирования применительно к каждому из них как представителям науки, так и практикам придется осваивать. При том, что и те и другие находятся на значительном удалении от понимания закономерностей функционирования Больших данных в законодательной сфере, стремление представителей различных отраслей правоправедения вникнуть суть проблемы все же уже обозначилось³.

¹ См.: Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность : в 6-ти выпусках. Вып. 5. Проблемы модернизации устройства законодательной власти и рационализации законодательных производств // Вестник Моск. ун-та МВД России. — 2013. — № 4. — С. 28—33.

² Зенин С. А., Кутейников Д.Л., Япрынцеv И. М. Большие данные в законодательном процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Том. 15. — № 9 (118). — С. 19 — 31.

³ См.: Савельев А. И. Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях / А. И. Савельев // Закон. — 2018. — № 5. — С. 122—143; Сергеев А. П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. — 2018. — № 11. С. 106 — 123; Романова А. Ю. К вопросу о правовом режиме Больших данных // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. С. 20—25.

Технологии опережающего правотворчества: критика, понимание, технологические цели и циклы. В новейшей литературе проблема опережающего правотворчества становится объектом повышенного внимания научной общественности, прежде всего, в связи с исследованиями предикативных технологий, или оценкой организации научных прогнозов развития законодательства, т. е. юридическим прогнозированием, хотя обращено внимание и на связь данного феномена в контексте применения в праве риск-ориентированного подхода.

Проблема опережающего правотворчества привлекла внимание ученых советского периода в связи с проблематикой правотворческого познания. Современные исследователи проблемы часто интерпретируют опережающее правотворчество несколько специфично — как издание органом одного уровня нормотворчества нормативного акта, который не принят на иных уровнях — как горизонтальном, так и вертикальном¹. Такое понимание достаточно распространено не только среди тех, кто в той или иной мере обращается к данной проблеме, но, что особенно вызывает озабоченность, воспринято законодательной практикой².

Основываясь на взглядах крупных теоретиков права, специально обращавшихся к данной проблеме и представивших обстоятельный ее анализ³, следует отметить, что опережающее правотворчество — это предшествующее появлению устоявшихся отношений, интересов для их развития, мультипликации в социальное пространство посредством правового воздействия; это урегулирование правом того, что имеет место лишь в тенденции, «а зародыше», но объективно по своей природе способно приобрести значительные масштабы. Гносеологическая основа опережающего правотворчества — опережающее отражение, объективным основанием которого является правовая действительность: создаваемые нормы основаны не на практике (фактическом праве) а содержат модели новых, отсутствующих в действительности отношений (своего рода «актуальное правотворчество»). Технологии опережающего правотворчества, таким образом, представляют собой «инновационный правотворческий инструмент — действительность особого риска» (В. М. Баранов) или разновидность социального риска, целенаправленно внедряемого на отдельных участках, в зонах действия права.

Понятно, что цифровизация, которая с точки зрения ее адептов ломает все привычные представления о правовом регулировании, в буквальном смысле «предписывает», указывает на те участки социального пространства, которые должны непременно стать объектом законодательного регулирования.

Если это дополнить абсолютизацией дискреции законодательного органа страны, отсутствием четких ориентиров в законодательной политике относительно экономии нормативной энергии, то оснований беспокойности состоянием правовой системы страны более чем достаточно. В этой ситуации, по видимому, законодатель не может обходиться формальной оценкой состояния законодательства на момент введения в действие принятого закона (хотя точная оценка такого состояния крайне значима). Представляется, что требуется юридически обязывать инициатора законопроекта оценивать возможные последствия действия принятого закона, предвосхищая тем самым оценку его регулирующего воздействия в будущем. Одновременно желательной была бы независимая экспертиза необходимости принятия, прежде всего, крупных законодательных актов, равно как и внесения «пакетных» изменений в действующее законодательство.

*Технологии и методология применения в отдельных сферах (зонах, участках) правового регулирования экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»)*⁴. В докладе Центра стра-

¹ См.: Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал рос. права. — 2019. — № 9. — С. 20—29. Его же:

² В этой связи опережающим правотворчеством считается практика издания так называемых «законозаменяющих» указов главы государства по предмету законодательного регулирования, получившая распространение в 1990-е годы в российской конституционной практике. В новейшей литературе считается, что президентские указы «для оперативного восполнения пробелов в законодательной регламентации, если того требует ситуация в стране и мире...могут быть приняты в порядке опережающего правотворчества и действовать до принятия федеральных законов», а также приниматься «в порядке делегированного законодательства по уполномочию Федерального Собрания», поскольку, как считают цитируемые авторы, на этот счет «нет права и нет запрета в Конституции» (см. Чертков А.Н., Роман М.Ю. Указы Президента России, принимаемые по вопросам законодательного регулирования: проблемы и перспективы // Законодательство и экономика. — 2014. — № 3).

Если оставаться на почве права и положений ст.ст. 2 и 18 Конституции РФ, определяющих связанность органов государственной власти правом, основами конституционного строя и правами человека, равно как и императивных требований общеразрешительного принципа (типа) правового регулирования, то полемика по данному вопросу оказывается излишней.

³ В частности, необходимо обратить внимание на работу Н. А. Ушакова, а также на опубликованную в 1979 г. по докторской диссертации монографию Н. И. Козюбры (см.: Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев : Наукова Думка, 1979. С. 144—167).

⁴ Применение эксперимента в сфере правового регулирования, или правотворческого эксперимента связано, во-первых, с апробацией (проверкой) эффективности действующего (де юре и не обязательно де факто) нормативного предписания (в целом закона или иного нормативного правового акта, его части, отдельных предписаний, нормативного комплекса), во-вторых, с апробацией законодательной новеллы, с точки зрения ее эффективности, социальной полезности.

тегических разработок отмечена необходимость поощрения открытых и экспериментальных подходов в финансовом секторе, предусматривающих снижение нормативных требований для небольших и потенциально инновационных фирм и в этой связи создание так называемых «регуляторных песочниц», что обеспечивает ограниченный отказ от регулирования или гибкое регулирование, которое должно быть ограничено в пространстве, по продолжительности и для конкретного сектора¹.

Смысл создания «регуляторных песочниц» в том, что в режиме «ручного управления» отдельными пилотными проектами и в рамках экспериментального правотворческого режима становится возможным получить необходимую информацию об особенностях возникающих связей и отношений, вероятностных и наиболее оптимальных их моделей, об основных проблемах, рисках, существующих изъянах в правовом регулировании. При этом такая информация, получение которой иным способом невозможно, является основой принятия инновационных управленческих решений, внедрение в правовую систему конструктивно особенных законодательных новелл. Квинтэссенция специальных регуляторных режимов («регуляторных песочниц») в том, что в зонах их регулирующего воздействия действие законодательства — уголовного, административного, гражданского, процессуального, налогового — ограничено сферами проведения испытаний по практическому применению цифровых инноваций, проверке их полезности в условиях отказа от ограничений, установленных действующими законами и притом без риска их нарушения. Именно с этой особенностью «регуляторных песочниц» связывают возможный прорыв в реальном применении беспилотного транспорта и финансовых блокчейн-проектов.

Экспериментальный правовой режим применяется в течение законодательно определенного периода времени в отношении участвующих в нем субъектов, с распространением на них специального регулирования по определенным законом видам, направлениям деятельности. Так, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»² определяет направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций в таких сферах, как: медицинская деятельность; проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, включая беспилотные воздушные суда; сельское хозяйство; финансовый рынок; продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом; архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений; предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля промышленное производство (промышленность) и др.³.

Специальным законом, которым вводится в действие экспериментальный правовой режим, предусматривается набор требований (условий) к введению такого режима. В частности, должны быть: сформулированы цели (формирование по результатам реализации экспериментального правового режима новых видов и форм экономической деятельности, развитие конкуренции, создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций, создание благоприятных условий для иннова-

---

Традиционно в юридической (правотворческой) практике экспериментальная апробация действующего законодательства основывается на методологии эксперимента экс-постфактум. В этом случае возможность проведения параллельного эксперимента экс-постфактум возникает в той правовой ситуации, когда сходные, сопоставимые по основным параметрам общественные отношения регулируются различными нормами. В специальной литературе обращено внимание и на такой вариант эксперимента, когда речь идет о соотношении существующего правового регулирования, которое предполагается заменить, и нового регулирования, в отношении которого проводится эксперимент, призванного, при его удачном исходе, заменить действующее. Считается, что эксперимент, предполагающий экспериментальное применение норм, не соответствующих действующему правовому регулированию, является самым сложным в реализации, как в социально-политическом, так и в технико-юридическом аспектах, и вместе с тем едва ли не самым полезным в системе средств правовой регуляции.

Формирующаяся практика цифрового государства обращает внимание на использование правотворческих экспериментов в этой его разновидности (о методологии и технологии проведения правотворческого эксперимента см.: Червонюк В. И. Прикладная юриспруденция и прикладные методы научного исследования в юридической отрасли науки / В. И. Червонюк. М.: Моск. ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 93-116).

¹ Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики: доклад Центра стратегических разработок. М., 2018.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 31 (часть I), ст. 5017.

Приведенный перечень остается открытым. Согласно п. 9 ч. 2 ст. 2 Закона об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций Правительство Российской Федерации определяет и иные направления разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. Постановлением Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 к технологиям, применяемым в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций отнесены: нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта; технологии работы с большими данными; квантовые технологии; производственные технологии; технологии робототехники и сенсорики; технологии систем распределенного реестра; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности; технологии промышленного интернета (интернет вещей) направленные на цифровую трансформацию отраслей экономики, включая технологическую трансформацию процессов, задействованных в создании продуктов (услуг), а также технологий взаимодействия с контрагентами; анализа данных (Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 44, ст. 7003). Каждый из этих десяти направлений разработок технологий в свою очередь дифференцируется в Постановлении на множество составляющих.

ционной деятельности и др.), принципы экспериментального правового режима (недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан, правовая определенность специального регулирования др.) установлены гарантии от возможных рисков (прежде всего от возможного причинения всякого вреда при реализации вводимого правового режима), определены предмет специального правового режима, включая запреты относительно определенных действий (решений), сфер вторжения. Законодательно должны быть определены: сроки и условия введения экспериментального правового режима (создания «регуляторной песочницы»); специальный нормативный комплекс, относящийся к процедурам инициирования пилотного проекта и его рассмотрения, статуса инициаторов, включая уступку их прав, основаниям и процедурам прекращения статуса.

Отмеченные требования (условия) обязательны для применения технологий создания «регуляторных песочниц». Но самое главное все же в другом — в нахождении оптимального правового (и социального по значимости) решения относительно целесообразности введения специального экспериментального режима, создающего значительные риски для множества действующих в правовом пространстве правопользователей. В этой связи аргументы сторонников проведения таких экспериментальных режимов¹ должны быть дополнены и позицией тех, кто высказывает обоснованные опасения против их введения². Очевидно, что дискурс-анализ, включая получение соответствующих экспертных заключений и независимых экспертиз, которые подлежали обязательной оценке и учету при обсуждении данного законопроекта и его концепции, должны предварять введение такого режима.

Правовые инновации в сфере дерегулирования, внедрения механизмов «регуляторной гильотины». Проблема дерегулирования возникает всякий раз, когда тому сопутствует сложившаяся ситуация в правовом регулировании экономики — сфере, которая как никакая иная в странах со значительным присутствием государства в экономике, чрезмерно подвержена администрированию — инструменту, посредством которого публичные власти выстраивают общение с субъектами экономической деятельности, в особенности с предпринимательским сообществом. Следствие такого взаимодействия — чрезмерная зарегулированность экономического поведения, нормативная избыточность и законодательные завалы. «Политика дерегулирования, таким образом, становится необходимым условием формирования новой правовой среды»³.

В современных реалиях, когда действует более 2,5 тыс. федеральных законов и необозримые массивы нормативных актов, издаваемых главой государства, федеральными органами исполнительной власти (по официальным данным, их более 9 тыс.), а также постоянно наращиваемое в своих объемах законодательство субъектов Федерации, отмеченная проблема отличается повышенной остротой. Долгое время решение данной проблемы не подымалось на общегосударственный уровень. Перманентно предпринимались попытки через упорядочение системы и структуры федеральных органов исполнительной власти оказывать цивилизующее воздействие на нормативные «залежи», создаваемые нормотворческими усилиями исполнительной ветви власти. Однако положительных сдвигов не наблюдалось. Если и предполагалось, что учреждение триады федеральных органов исполнительной власти приведет к упорядочению нормотворческой деятельности путем предоставления прерогативы принятия нормативных актов исключительно федеральными министерствам, то в действительности нормотворческими полномочиями стали наделяться в том числе и федеральные службы, и федеральные агентства.

Идея «регуляторной гильотины» в этих условиях, можно сказать, витала в воздухе⁴.

Формы и механизмы дерегулирования меняются от страны к стране, хотя имеют и нечто общее, что проявляется: в отказе от существующих государственных контролей или ограничений, отмене необходимости иметь для участников рынка лицензии или разрешения, а равно иметь посредников; отмене сегрегации участников рынка путем установления для них различных объемов доступа; доступе иностран-

¹ Пересыпкина Е. И. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых технологий // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2020. — № 5. — С. 54—64.

² Дмитрик Н. А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. — 2020. — № 6. — С. 64—72.

³ Гойман В. И. Действие права (методологический анализ): монография. М., 1992. С. 114—118.

Рынок в принципе не может развиваться при тотальном контроле. Известно, что, основываясь на постулатах тетчеризма, реформы в Великобритании 1980-х годов по дерегулированию финансового сектора в экономике привели к тому, что страна стала на несколько десятилетий мировым финансовым центром (Буркова А. Ю. Дергулирование // Юрист. — 2020. — № 1. — С. 71—73).

⁴ В зарубежных странах к механизму дерегулирования обратились в контексте разработок проблемы экономического анализа права. Исполнительным приказом Президента США Джеральда Форда № 121 от 27 ноября 1974 г. была официально начата программа «Оценка регулирующего воздействия инфляции экономики»; новация была продолжена в период президентства Р. Рейгана (с 1981 г.) и последующими администрациями. Подобная этой работа в контексте создания системы «нового общественного управления» в 1980—1990 годы реализуется в ряде стран Европы (Соединенном Королевстве Великобритании Нидерландах, ФРГ, Сербии, Хорватии, Румынии, Болгарии, Украине и др.), в Канаде, КНР. Формирование в экономической и юридической науке практически ориентированного подхода к оценке регулирующего воздействия на экономику получило название «Оценка регулирующего воздействия» («Regulation impact assessment, RIA»). В Австралии эта идея была объявлена в 1986 г. и называлась политикой «Минимального эффективного регулирования» (Policy of «Minimum Effective Regulation»).

ных инвесторов; упрощении стандартов надзора; консолидации нескольких регуляторных актов и др. В целом ряде случаев удачно найденный механизм дерегулирования находит затем воплощение в других стран. Так, в практике Соединенного Королевства Великобритании с 2013 г. официально декретирован принцип, формула которого может быть представлена, как «one-in, two-out»: введение в законодательстве нового требования в сфере предпринимательской деятельности возможно лишь в случае отмены двух соразмерных действующих требований. (в 2011 г. данный принцип был заменен на принцип one-in, one-out). В Канаде его аналогом является правило (принцип) — one-for-one-rule — «один за один»: установление в нормативном акте нового требования влечет отмену одного соразмерного требования. Отмечается, что данный принцип направлен на сдерживание роста числа обязательных требований, в то время как британская версия one-in, two-out имеет целью сокращение числа обязательных требований¹. Применяемые в указанных странах правила (принципы) дерегулирования с 2017 г. введены в США. В частности, президентским указом (Executive Order — акте, приравненном по юридической силе к закону) от 24 февраля 2017 г. (Presidential Executive Order on Reducing Regulation and Controlling Regulatory Costs) предусматривалось введение правила отмены двух требований при внесении нового требования, а также предписано всем ведомствам создать рабочие группы по реализации регулятивной реформы².

В Российской Федерации к отдельным актам дерегулирования приступили в 2012 г. в связи с принятием постановления Правительства РФ № от 17 декабря 2012 г. № 1318, утвердившим Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии³, а также созданием в последующем специального департамента оценки регулирующего воздействия. С этим обстоятельством связано введение в российскую правовую лексику понятия «оценка регулирующего воздействия»⁴.

Однако, как отмечают представители экспертного сообщества, ставшее в последние 12 лет основным трендом развития организации публичной власти в России прекращение избыточного государственного регулирования не дало ожидаемого результата.

Радикальное средство решения проблемы формально-юридически предусмотрено Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных правовых режимах в Российской Федерации», учредившим механизм «регуляторной гильотины», который предполагает с законодательно определен-

¹ См.: Шестоперов О. М., Рукавишников Т. Л. Стабилизация регуляторной нагрузки: трудности реализации принципа «один за один» // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2016. — № 3. — С. 72; Саламатина И. В., Смольников Д. И. Нормативное дерегулирование в России // Закон. — 2018. — № 3. — С. 37—44.

² В этот же период предпринимаются и более мягкие меры. В меморандуме Presidential Memorandum Streamlining Permitting and Reducing Regulatory Burdens for Domestic Manufacturing ((Presidential memoranda — более слабая версия президентского указа) от 24 января 2017 г. с целью максимально снизить регулирование промышленности отрасли министру торговли предписывается проанализировать, как федеральные правила влияют на американских производителей (см.: AfterShock.news?g=node/492389...).

Известны и более радикальные меры дерегулирования, применяемые в зарубежных странах. Так, в 1978 г. в США был принят Закон о дерегулировании авиакомпаний (Airline Deregulation Act), который дерегулировал авиационную промышленность посредством устранения («отсечения») правительственного контроля в таких сферах, как тарифы, маршруты и выход на рынок новых авиакомпаний. Таким образом актом дерегулирования в гражданскую авиационную индустрию был введен свободный рынок, что в свою очередь способствовало значительному увеличению числа рейсов, количеству авиапассажиров и протяженности авиамаршрутов, а в конечном счете — снижению тарифов. Это также Закон о дерегулировании депозитных институтов и денежно-кредитном контроле — Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act Of 1980 (DIGMA), который был принят Конгрессом США в 1980 г.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 52, ст. 7491.

⁴ Процедура оценки регулирующего воздействия предполагала оценку социально-экономических последствий вводимого или введенного ранее государственного регулирования для возможного отклонения или возвращения на доработку нормативных актов, действие которые вызывает отрицательные последствия, выявления в таких актах положений, приводящих к избыточным или иным ограничениям в деятельности предпринимателей, а также ведущим к необоснованным расходам бизнеса и создающих нагрузку для бюджетной системы РФ. Поскольку, однако, по усмотрению Министерства экономического развития РФ бремя оценки возлагалось на инициатора принятого нормативного акта, то эффект применяемой процедуры не оправдывал своих ожиданий.

Как отмечается в специальной литературе, не принес должного эффекта и ручной пересмотр обязательных требований Минюстом России в процессе реализации им приоритетного проекта «Систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований» (Романовская О. В Тенденции и перспективы дерегулирования в Российской Федерации / О. В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2018. — Т. 6. — № 3).

Заметим попутно, что как и ранее, так и сейчас оценка регулирующего воздействия затрагивает в основном массив актов, принимаемых федеральными органами исполнительной власти. При таком подходе законы объектом оценки не выступают. Между тем, если обратить внимание на регламентные нормы (ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ), то они не предполагают представления инициатором законопроекта заключения о социально-экономических и иных возможных негативных последствиях и прогнозе действия вносимого в палату законопроекта.

ной даты полностью вытеснить весь старый массив регуляторных требований, не соответствующих духу времени и новым технологиям¹.

В отличие от ранее действовавшего и явно не оправдавшего себя порядка обнаружения и отмены недействительных нормативных актов (по той схеме с 2018 г., в рамках оценки фактического воздействия, Минэкономразвития рассматривал около 20 актов в год, притом что в России, по разным подсчетам, ежегодно принимается от 20 до 30 тыс. новых актов)² механизм действия «регуляторной гильотины» принципиально иной.

Федеральный закон об обязательных правовых режимах императивно предписывает: во-первых, обязательные требования, предусматривающие установление в отношении граждан и организаций разрешительных режимов в формах лицензирования, аккредитации, сертификации, включения в реестр, аттестации, прохождения экспертизы, получения согласований, заключений и иных разрешений устанавливаются федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации (ч. 7 ст.); во-вторых, внесение в действующее законодательство изменений, направленных на изменение не позднее 1 января 2021 г. существующих федеральных законов или принятие новых законов, обеспечивающих систематизацию обязательных требований и исключение установления изъятий из гражданских прав на подзаконном уровне; в-третьих, введение в действие не позднее 1 января 2021 г. новых норм, содержащих актуализированные требования, разработанные с учетом риск-ориентированного подхода и современного уровня технологического развития в основных сферах общественных отношений³.

Кроме того, Закон предусматривает установление экспериментального правового режима — применение в течение определенного периода времени специального регулирования в отношении определенной группы лиц или на определенной территории, в том числе в полном или частичном отказе от применения определенной группой лиц или на определенной территории обязательных требований либо в отказе от осуществления разрешительной деятельности в отношении объекта разрешительной деятельности (ч. 1 ст. 13).

Технологии парламентского контроля за реализацией (исполнением) законов. Согласно конституционным поправкам к Конституции РФ 2020 г. глава 5 Основного закона дополнена ст. 103.1, предусматривающей право палат Федерального Собрания РФ «осуществлять парламентский контроль»⁴. Если исходить из конституционного смысла положений ст. 103.1, то логично предположить, что такой контроль в том числе распространяется на область парламентского контроля за исполнением (и реализацией) принятых парламентом законов.

Парламентский контроль за реализацией законов — это специфический вид парламентской деятельности и один из важнейших его контрольно-надзорных механизмов в отношении исполнительной власти⁵. В парламентской практике контроль за реализацией (исполнением) принятых законодательством законов не включен в предметные сферы деятельности парламента и никак не урегулирован нормами парламентского права. Вследствие этого более 2,5 тыс. принятых парламентом федеральных законов под какой-либо контроль вообще не попадают (за исключением конституционного контроля). Устранению парламентских структур от такого контроля нельзя найти объяснение. Соответственно постулат Ш.-Л. Монтескье о том, что «предназначение выборного представительного собрания состоит в том, чтобы создавать законы и наблюдать за тем, хорошо ли соблюдаются те законы, которые им созданы»⁶, оставлен без внимания. При этом мониторинг законодательства (отдельных законодательных актов) не устраняет проблемы. Речь идет о комплексных и системных мерах осуществления парламентом контроля, который охватывали бы деятельность всех парламентских структур и отдельных парламентариев. В этой связи целесообразно установление в Федеральном законе о статусе сенаторов и депутатов Госу-

¹ Согласно ч. 1 ст. 15 названного Закона («Обеспечение реализации положений настоящего Федерального закона («регуляторная гильотина») Правительством Российской Федерации до 1 января 2021 года в соответствии с определенным им перечнем видов государственного контроля (надзора) обеспечиваются признание утратившими силу, не действующими на территории Российской Федерации и отмена нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора) (Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 31 (часть I), ст. 5007).

² Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. — 2019. — № 2. — С. 20—36.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 31 (часть I), ст. 5007.

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2020. — № 11, ст. 1416.

⁵ О постановке данной проблемы и ее обосновании см.: Гойман В. И. Парламентский контроль за реализацией законов // Советская юстиция. 1991. № 9. С. 17-19; Он же: Действие права. Методологический анализ. М., 1992; Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность (в шести выпусках). Выпуск 5. Проблемы модернизации устройства законодательной власти и рационализации законодательных производств // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 4. — С. 28—33.

⁶ Монтескье Ш.-Л. О духе законов // Избранные произведения. М., 1995. С. 298.

дарственной Думы как общей, так и специальной обязанности, связанной с осуществлением контроля за реализацией тех федеральных законов, в отношении которых парламентарием осуществлено право законодательной инициативы, в том числе в форме внесения поправок, участия парламентария в составе ответственного комитета по данному закону, а равно его участия в согласительной комиссии, если такая создавалась для устранения разногласий между палатами, а также между парламентом и главой государства. В этой же связи в ежегодных отчетах федерального Правительства перед Государственной Думой должен предусматриваться специальный раздел, относящийся к оценке организации исполнения законов в Российской Федерации.

Что касается мониторинга законодательства («правового мониторинга»), то с рассматриваемых позиций он позиционируется как инструмент как общенационального парламента и законодательных (представительных) органов субъектов Федерации осуществления ими парламентского контроля над реализацией (исполнением) законов.

2. Как и собственно относительно обособленный этап (цикл) действия права, точно так же и правовые **технологии восприятия права** практически остаются неизученными, хотя, безусловно, психологическая школа права, имеющая распространение в том числе и в современной России, все же способствовала большему пониманию психических закономерностей действия права. Среди возможных технологий, которые могут применяться в сфере восприятия права, как представляется, заметную роль может играть внедряемая в последние годы в законотворческую практику зарубежных стран **нейролингвистическая юридическая технология**, затрагивающая сферы совершенствования языка закона, его мотивационного воздействия на человека¹. Нейролингвистические технологии используют психологические и языковые методы для стимулирования у граждан положительного с точки зрения закона поведения. Эти технологии используют влияние, которое оказывает язык на программирование психических процессов, а также изучают, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и языковые шаблоны и находят в них отражение.

Понятно, что сконструированный таким образом закон более всего восприимчив массовым правосознанием, вследствие чего уже в момент введения его в действие у адресатов к нему формируется позитивное отношение. Учитывая специфику правовой ментальности российских граждан, очевидно, что такое направление развития юридической технологии особо актуально для современной отечественной законодательной деятельности. В специальной литературе отмечается, что нейролингвистические технологии направлены на формирование необходимого, желаемого поведения при помощи формулирования норм права с учетом их психологического влияния на граждан.

Точно также процессам оптимизации восприятия права способствуют **информационно-правовые технологии**, являющиеся одними из самых широко распространенных, т. к. позволяют обрабатывать огромное количество данных и управлять ими. Информационно-правовые технологии создают возможность для хранения, учета, анализа, поиска, использования, распространения и передачи прав на базе вычислительной техники, с широким применением информационных методов. К числу таких информационно-правовых систем относятся не имеющие аналогов в мире «Гарант», КонсультантПлюс, «Кодекс» и др.); создание информационно-правовых порталов; программное обеспечение; применение автоматизированной системы управления (автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности («АСОЗД») Государственной Думы); развитие системы электронного документооборота, локальных информационных систем, использование электронной цифровой подписи, системы электронной торговли и т. д.²

Возможности цифровизации, несомненно, способны усилить роль таких информационных ресурсов. Существующие в настоящее время электронные справочные правовые системы рассматриваются как переходная стадия, прототип будущей цифровой модели, построенный «по принципу базы данных», тогда как цифровая версия предполагается построенной «по принципу базы знаний», где «будет собрана, систематизирована, структурирована и приспособлена для автоматизированного использования более объемная и разноплановая (правовая, экономическая, социологическая и др.) информация, позволяющая без участия человека осуществлять толкование правовых норм, юридическую квалификацию, разрешать юридические коллизии, совершать сделки, выносить правоприменительные решения, определять эффективность правовых норм, формулировать правотворческие решения в целях оптимизации правового регулирования и др.». Предлагается также создание «электронных кодексов», государствен-

¹ В законотворческой практике зарубежных стран (Франция, Канада, Великобритания) эта технология связана с тем, что разработка проекта закона осуществляется с привлечением юристов-лингвистов. Для этой цели в министерстве юстиции Канады сформирована группа юристов-лингвистов, которая входит в состав отдела законопроектных работ. В Великобритании на вопросах нейролингвистической юриспруденции специализируются несколько парламентских советников (см. об этом: Журнал рос. права. — 2008. — № 7. — С. 146 — 148; Уманская В. П. Юридические технологии: понятие и виды // Право и культура. — 2012. — № 1. — (12). С. 63).

² Хабриева См.: Уманская В. П. Юридические технологии: понятие и виды // Право и культура. — 2012. — № 1. — (12). С. 61 — 62. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 100.

ных электронных справочно-правовых систем — каталогов действующих нормативных правовых актов, формирование на их основе онлайн-кодексов для официального опубликования всех новых нормативных актов.

Отмеченное не должно создавать иллюзий относительно решенности данной проблемы. Напротив, вопрос о том, в какой степени цифровизация способна повлиять на восприятие права его адресатами — отнюдь не риторический и похоже что в уже условиях набирающей обороты цифровизации ответов на данный вопрос нет либо же они выглядят настораживающими.

3. Технологии осуществления правовых установлений (главным образом правоприменительных — юрисдикционных, судебных¹, контрольно-надзорных, следственных, регистрационно-разрешительных и др.). Это также технологии интерпретационной деятельности и правового мониторинга. В эту же группу включаются и многообразные технологии осуществления правовых действий непосредственными пользователями прав и свобод — граждан и их объединений: технологии реализации гражданских прав и свобод и их защиты, включая технологии самозащиты; технологии реализации, охраны и защиты отдельных прав и свобод, технологии реализации так называемых конституционных процессуальных прав (реализации права на государственную защиту, права на судебную защиту, права обращения с конституционной жалобой и с жалобой в межгосударственные органы защиты прав и свобод и др.).

Дигитализация (англ. — digitalization) — переход на цифровые технологии, на электронные каналы взаимодействия (с клиентами, акционерами и т. п.) предоставляет новые возможности для организации своего поведения непосредственно гражданами, включая реализацию и защиту принадлежащих им прав. В этой связи очевидные преимущества по оказанию различного рода юридических услуг представляет юридический стартап «Цифровой социальный юрист» — совокупность цифровых инструментов (сервисов, приложений, технологий, платформенных решений), обеспечивающий электронное взаимодействие между гражданами, поставщиками услуг, предотвращение и оперативное разрешение правовых конфликтов, осуществление правозащитной и правопросветительской деятельности². Его составляющие — «цифровой социальный омбудсмен», «цифровой социальный представитель (адвокат)», «цифровой социальный нотариус», «умные» калькуляторы, «цифровая единая юридическая служба», «цифровой конструктор правовых актов социального законодательства», «юридический СМЭВ» (система межведомственного электронного взаимодействия), «цифровое правовое просвещение граждан».

Очевидно, все же что инновации слабо проникают в эту область права. Кроме собственно проблем организационно-технического свойства, сказывается и традиционное отношение к реализации прав и свобод в равной мере и государства, и институтов гражданского общества.

4. Технологии формирования и поддержания правовых (конституционных) порядков, несмотря на кажущуюся их необычность, исследованы, пожалуй, более других, что прежде всего следует отнести к правоохранительным технологиям. Вместе с тем по-прежнему требуют широкого внедрения в юридическую практику технологии обеспечения правомерного поведения, включая технологии поведения граждан в ситуации нарушения их прав, технологии разрешения разнообразных юридических конфликтов, включая и те, которые переросли в юридические споры, а равно технологии разрешения таких споров альтернативными способами посредством применения так называемых «примирительных» процедур. Это также применение разнообразных правовых и иных информационно-телекоммуникационных технологий в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, что в условиях сохраняющейся террористической опасности, распространения COVID-19 является весьма актуальным. Это также технологии правовой социализации, формирования уважительного отношения к праву, закону и др.

С учетом особой значимости судебной защиты в механизме обеспечения прав и свобод важны инновации в сфере правосудия. В новейших условиях во всех правопорядках как дополнительная гарантия права на доступ к суду рассматривается электронная юстиция. В качестве элементов электронного правосудия обычно рассматриваются следующие: обеспечение электронного доступа к суду посредством обращения с помощью информационно-коммуникационных технологий (таких, например, как система

¹ Значительные изменения, последовавшие вслед за поправками в Конституцию РФ, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», актуализируют разработку судебных технологий. В этой связи нельзя согласиться с тем утверждением, что объединение высших судов РФ «...не изменяет технологии осуществления арбитражными судами правоприменительной деятельности...» (Колесник И.В. «Теоретическая модель правоприменительной технологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 46). В отличие от общих судов для арбитражных судов по-прежнему актуальной остается весьма чувствительная для граждан проблема их (судов) удаленности, что, как следует из целого ряда так называемых пилотных постановлений Европейского суда по правам человека, существенно ограничивает доступ граждан к правосудию. Именно в этой связи актуальным является внедрение в судебную практику уже обсуждаемой (а отдельными судами апробированной) процедуры (технологии) непосредственного обращения граждан по поводу рассмотрения экономического спора в суд общей юрисдикции; рассмотрение таких дел в режиме видеоконференции собственноручно арбитражным судом и др.

² Писаревский Е. Л. Цифровизация юридической деятельности в социальной сфере // Информационное право. — 2018. — № 4. — С. 22—28.

«Case Management/Electronic Case File» в США, «eLodgement» в Австралии, «Court electronic File System» в Великобритании, подача в суды документов в электронном виде в России); электронный оборот в судах (electronic case management system); обмен информацией с судом и другими участниками процесса в электронной форме; электронные извещения и оповещения; распределение дел между судьями посредством соответствующих автоматизированных систем; формирование электронного дела (electronic case); ведение судебного процесса в электронной и дистанционной формах (представление доказательств с помощью информационно-коммуникационных технологий (таких, например, как electronic evidence в Великобритании), использование видео-конференц-связи, разбирательство в электронном зале заседаний, электронные дистанционные формы рассмотрения дел без вызова сторон (такие, например, как «e-Courtroom» в Австралии) и дел в упрощенном порядке (такие, например, как «Single Justice Service» в Великобритании, упрощенное производство в России), использование искусственного интеллекта в судопроизводстве); выполнение и направление судебного акта в электронном виде; доступ к информации о судебной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий (предоставление доступа к базам данных судебных дел и решений для неограниченного круга лиц¹.

Перспективным направлением цифровизации судопроизводства при этом выступает предсказательное, прогностическое или предикативное правосудие (predictive justice). Речь идет о получении алгоритмов принятия решений по спорам на основе загруженных в базу судебных решений, обстоятельств испрашиваемого дела, характеристик сторон².

Одним из приоритетных направлений являются модели восстановительного правосудия, среди которых самыми распространенными являются: программы примирения потерпевших и правонарушителей (известные под названием «Медиация» или посредничество, а также «примирение жертв и правонарушителей», «конференция жертв и правонарушителей»); круги правосудия — программы, основанные на традициях североамериканских индейцев, проводимые преимущественно в Квебеке; «семейные конференции», родина которых — Новая Зеландия, где они узаконены и базируются на традициях коренного населения — маори.

В определенной мере реализации усилий в данной сфере могло бы оказать применение технологий нейронных сетей³. Это, в частности, беспилотные транспортные средства⁴, технологии генерации голоса человека на основе записей и обработки их с помощью нейронных сетей и других способов⁵.

В ряде регионов мира (Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия, и Южная Африка) успешно зарекомендовали себя технологии восстановительного правосудия. В Российской Федерации распоряжением Правительства от 30 июля 2014 г. № 1430-р была утверждена Концепция развития до 2020 года сети служб медиации (в ред. распоряжения Правительства РФ от 01.09.2018 № 1837-р) в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации⁶. На заседании «круглого стола» 12 мая 2020 г., проходившем в режиме Онлайн в Комитете министров Совета Европы, был обсужден комплекс мер, направленный на оптимизацию восстановительного правосудия в отношении детей⁷.

¹ См.: Гриценко Е. В., Ялунер Ю. А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 3. — С. 97—129.

² См.: Константинов П. Д. Судейское усмотрение, шаблонность судебных решений и природа правосудия свете предиктивного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 7. — С. 27-31

³ Суть нейронной сети (artificial neural network) в том, что она представляет математическую модель, построенную по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живого организма и представленная во внешнем мире в виде программного или аппаратного объекта.

Технологии нейронной сети широко применяются не только государственными структурами, но и иными организациями. Так, с сентября 2018 г. Московская городская сеть видеонаблюдения, состоящая из 179 тыс. камер, была подключена к нейронной сети. Система искусственного интеллекта Ntechlab распознает лица прохожих и сравнивает их с базами данных МВД.

В свою очередь в МВД представлен мобильный биометрический комплекс оснащенный технологией распознавания лиц. Во время массовых мероприятий система подключается к 10 камерам, установленных в рамках металлодетекторов, и одновременно анализирует видео с каждой из них. Система может идентифицировать в режиме реального времени и отправлять на мобильные устройства сотрудников полиции уведомления с фото человека (Козина Е. Нейронные сети и уголовное право // zakon.ru > blog/2019/06/08...уголовное...).

⁴ Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. — 2019. — № 2. — С. 9—28).

⁵ Голоскоков Л.В. Технологии и следствие // Рос. следователь. — 2020. — № 4. — С. 16 — 19.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 32, ст. 4557.

⁷ Сицилианос Л.-А. Дружественное ребенку правосудие в Европе — участие и восстановительное правосудие. Онлайн-мероприятие (12 мая 2020 г.). Выступление Председателя Европейского суда по правам человека Линос-Александра Сицилианоса // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2020. — № 7. — С. 4—6.

Находят широкое применение в различных видах юридической деятельности цифровые решения, в частности, в сфере судопроизводства функционирует ряд электронных сервисов: онлайн-взаимодействие при подаче процессуальных документов в суд, получение судебных актов в электронном виде, доступ к электронной картотеке судебных дел.

Постепенно в сферу правоохраны, включая уголовно-процессуальную деятельность, проникают системы искусственного интеллекта. Применительно к российским реалиям справедливо утверждение о том, что именно «слабый» искусственный интеллект станет наиболее приемлемым для сферы уголовно-процессуальных отношений, где роботы, т. е. определенные программы, с которыми человек общается с помощью цифры, будут выполнять рутинные операции, освобождая человека для мыслительной деятельности¹. В пенитенциарной сфере для контроля за исполнением отдельных видов наказания ведутся активные разработки по внедрению современных информационно-коммуникационных технологий с элементами искусственного интеллекта. Предполагается, что «умные» программы позволят фиксировать нарушения, характер поведения осужденных и пр.

В сфере правоохраны значительную роль могут сыграть *технологии оценки состояния социально-правовой среды*. Это инструментарий, заимствованный из области экономического анализа, статистики, эмпирической социологии и др. В этой связи представляет интерес метод событийного анализа используемый преимущественно для оценки состояния фондовых рынков. Суть метода событийного анализа — отслеживание реакции социально-правовой среды на различного рода возмущения, вызываемые неправовым поведением как граждан, так и публичных властей. Ключевым элементом событийного анализа является непосредственно социально-правовое событие, оказывающее влияние на уровень энтропии в социально-правовой среде.

Пределы технологизации (и цифровизации) в сфере действия права

Под влиянием процессов технологизации и цифровизации неизбежно происходят изменения в праве. Философичное замечание о том, что в результате такого воздействия может поменяться сам образ права, его регулятивная роль, границы и пределы действия права², как и предостережение о том, что благодаря технологиям блокчейн право ждут революционные изменения³, очевидно, имеют под собой определенные основания (не беспочвенны), хотя и не лишены известной фантазмагоричности.

Феномен «цифровой диктатуры» — отнюдь не плод вымыслов ученых, а реальность, в которую и отдельный индивид, и социум погружены. Так, в официальных документах КНР с 2014 г. появилось понятие рейтинга общественной благонадежности, Отклонение от зафиксированного цифровыми технологиями базового рейтинга (в зависимости от поведения — действий правомерных и неправомерных, притом что доносы на других повышают рейтинг) в сторону более низкого снижает уровень рейтинга (такое решение принимает искусственный интеллект на основе анализа 160 тыс. заданных ему параметров) и неизбежно влечет многочисленные ограничения трудовых и иных прав⁴.

Исходя из той посылки, что «цифровизация влечет беспрецедентное усиление контроля над отдельной личностью», однако «этот процесс следует принять как неизбежность», один из авторов предлагает экстраполировать такую цифровую новеллу в российскую действительность, предвосхищая, что «в ближайшем будущем цифровой рейтинг общественной благонадежности найдет свое воплощение в России, перспективным видится дополнение уголовного законодательства новым видом наказания — *снижение рейтинга общественной благонадежности*»⁵. Вот так незамысловато снижение рейтинга общественной благонадежности предлагается признать равнозначным общественной опасности, то есть квалифицировать в качестве преступления. Цифровизация действительно ломает привычные представления о частной жизни как зонах свободных от чьего-либо присутствия. Понятно, что интернет-провайдеры, операторы мобильной связи, многочисленные социальные сети и мобильные приложения ежедневно, а также сервисы электронного правительства, кредитно-финансовый сектор целенаправленно осуществляют сбор сведений о пользователях, формируя «цифровое досье» с данными о потребительском поведении, сфере общения и др. Тем самым пользователь непрерывно ощущает на себе

¹ Сушина Т. Е., Собенин А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. — 2020. — № 6. — С. 21—25.

² Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 9. С. 15; Цифровизация правосудия: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. С. 27.

³ По данной версии, станут ненужными такие привычные институты, как нотариат и регистрационная палата, банки, а возможно, и само государство как контролирующий орган (Barraud B. Les blockchains et le droit. Revue Lamy Droit de l'immatériel, Lamy (imprimé) / Wolters Kluwer édition électronique. 2018. P. 48. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667>).

⁴ Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 6. — С. 762; Барчуков В. К. Использование искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран // Международное публичное и частное право. — 2020. — № 5. — С. 19 — 21.

⁵ Рускевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии : точка бифуркации // Государство и право. — 2020. — № 7. — С. 81—82.

влияние сетевого контроля, не в состоянии от него освободиться. В этой связи сентенции по поводу того, что праву-де неподконтрольны сферы такого неправового вторжения объяснить можно разве что нежеланием государства (его институтов) формировать цивилизованное поведение мега-информационных структур, а равно удерживать в границах права собственные структуры¹.

Юристам, как это представляется очевидным, не следует забывать, что квинтэссенция права, его фундаментальная основа — это права человека, его свободы, трансформация которых неизбежно (имплицитно) влечет за собой изменения естества (природы) самого человека. В силу этого фундаментальной значимости обстоятельства пределы изменения в праве, притом не только в его содержании, но и в его форме, в решающей мере предопределены фактором прав человека². Именно поэтому право должно «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»³. На специально-юридическом языке это означает, что такие ценностные ориентиры должны получить подтверждение в тексте закона и притом в соответствии с требованием правовой определенности⁴, а кроме того, пространство свободы как отдельной личности, так и групп людей должно быть специально гарантировано⁵.

Следовательно, критериями обоснованности (социальной приемлемости, допустимости) введения инноваций в праве, чем бы они не мотивировались, должны выступать те базовые ценности (существо конкретного права, свободы), которыми иницирующей цифровые нововведения не может пренебречь, не рискуя войти в противоречие как со здравым смыслом, так и правовыми основаниями инноваций⁶. Видимо, перечень таких ценностных ориентиров в форме абсолютных запретов, не допускающих никаких исключений, равно принципов, при соблюдении которых введение инновации допустимо, должно быть признано законодательно, тем самым служить надежной преградой безудержной технологизации и цифровизации⁷. Очевидно, что и процессуальное законодательство должно безусловно реагировать на те риски, с которыми сопряжены цифровизация, роботизация, использование в разных областях деятельности систем искусственного интеллекта⁸.

¹ По сообщениями СМИ, в настоящее время Департамент информационных технологий мэрии Москвы формирует цифровое досье, или «цифровой профиль» («ИС СТАТС») на жителей мегаполиса, предполагающий сбор самых разнообразных сведений. В режиме реального времени системе сбора информации будут доступны геолокация, перемещение «оцифрованных», их нарушения, штрафы, долги, кроме того, сведения (персональные данные) будут пополнены из медицинских, транспортных и иных информационных ресурсов (см. например: [openmedia.io > news...](https://openmedia.io/news/)).

² См.: Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. — 2020. — № 2. — С. 50—58.

³ Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. — 2019. — № 11. — С. 28.

⁴ Плохо, конечно, что «когда мы говорим о «цифровизации права»... не до конца понимаем, что это такое» (Корнев А.В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — С. 11—22).

В этой же связи не следует деюридизировать так называемое «цифровое право», презюмируя, что «в цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности). В этом смысле цифровое право — это соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество» (Синюков В. Н. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 19).

⁵ Так, очевидно, что в условиях вводимого повсеместного режима изоляции и системы цифровых пропусков, а также использования системы распознавания лиц для наложения административных штрафов для защиты прав личности важно признать право на защиту геолокации, выделить его особо в системе защиты персональных данных и разработать свод четких юридических норм для охраны такого права (см.: Иванова К. А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 9. — С. 32—38).

⁶ Обращая внимание на то обстоятельство, что существует большой процент ошибочного привлечения к административной ответственности в случаях, когда технические устройства слежения, действующие в автоматическом режиме, «ошибаются», ученые-юристы (в связи с разработкой и принятием нового Кодекса об административных правонарушениях) указывают на необходимость юридически обоснованно соотносить новые технологии с базовыми принципами юридической ответственности, презюмируя, что доказательства должны отвечать критериям относимости, допустимости, достаточности и др. (см. об этом: Правкин С. А., Смирнова В. В. Новый этап административной реформы в России, или Что ожидать от «регуляторной гильотины»? // Рос. юстиция. — 2020. — № 7. — С. 25—27).

⁷ См.: Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. — 2-е изд., дополн. и перераб. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

⁸ Одним из позитивных примеров этому может служить принятая 4 декабря 2018 г. Европейской комиссией по эффективности правосудия (СЕРЕJ) Совета Европы первая Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах. Документом определены приоритетные принципы, которые должны быть соблюдены в уголовном судопроизводстве при использовании искусственного интеллекта: принцип уважения основных прав и свобод человека, принцип недопустимости дискриминации лиц, принцип качества и безопасности обработки судебных решений и иных баз данных, принцип прозрачности (порядок и особенности применения должны быть понятны), беспристрастности и справедливости, принцип подконтрольности систем пользователю (судебные работники должны понимать, на чем основываются выводы, и анализировать их исходя из обстоятельств дела) (European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 15.11. 2020).

Очевидно, что в этой же связи правовая доктрина должна самым внимательным образом отнестись к разного рода юридическим прогнозам (предсказаниям) трендов «цифрового развития» законодательства, правоприменительной практики, нередко представляемых в авторитетных изданиях солидными и узнаваемыми юридическими учреждениями и самим этим фактом дезориентирующим, прежде всего, законодательную политику и практику. В данном контексте ученые должны проявить специальный интерес к проблематике предикативной аналитики.

Спрос на моду в праве — это не совсем то же, что интерес к моде в шоу-бизнесе. Отсюда и мораль дискурса относительно юридической инноватики такова: в профессиональном сообществе юристов слепое восхваление технологизации юридической деятельности (равно как и роботизации, тотальной оцифровки юридических процессов, фетишизации возможностей искусственного интеллекта в сфере правоохраны и пр.) как и ретроградство в отношении инноваций в праве в одинаковой мере не должно поощряться.

Шафиров Владимир Моисеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Shafirov Vladimir Moiseevich

doctor of law, Professor, honored worker of higher education schools of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education Russian Federation

E-mail: ashafirov@gmail.com

Человеческое измерение и инновации в праве

The human dimension and innovation in law

Аннотация. В статье человеческое измерение рассматривается как главный ориентир для воплощения идеи инновации в праве. Обосновывается, что обновления в правовой действительности должны носить комплексный, системный характер, проводиться на всех уровнях: правовой доктрины (правопонимания), юридической практики, правового образования.

Ключевые слова: инновация, человеческое измерение, право, правотворчество, правоприменение, правовое образование.

Annotation. The article considers the human dimension as the main reference point for implementing the idea of innovation in law. It is proved that updates in legal reality should be complex, systematic, and carried out at all levels: legal doctrine (legal understanding), legal practice, and legal education.

Keywords: innovation, human dimension, law, law-creativity, law enforcement, legal education

---

Инновация (от англ. Innovation — нововведение, новшество, новаторство) — сложный и многоаспектный феномен. Инновация вошла в число важнейших направлений современной научной мысли. Ее многочисленные проблемы исследуют представители разных наук: экономической теории, социологии, политологи, физики, химии, медицины и др. Юридическая наука также не остается в стороне. Тому подтверждение XXII Международный научно-практический форум в Нижнем Новгороде (23—26 сентября 2020 года), организованный Нижегородской академией МВД России на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)».

Ключевым словом «инновации» является слово «новый». Обновления в правовой действительности должны носить комплексный, системный характер, проводиться на всех уровнях: правовой доктрины (правопонимания), юридической практики, правового образования. Импульс нововведениям добавляют поправки в Конституцию России, принятые в ходе Общероссийского голосования 4 июля 2020 года. И, что особо важно — в поправках усиливаются гарантии действия глав 1 и 2 Конституции, в которых закрепляются и развиваются положения о высшей ценности человека, его прав, свобод, о их неотделимости от обязанностей.

Таким образом, человеческое измерение — главный ориентир для воплощения идеи инновации в праве. Это позволит не на словах, а на деле реализовать основные формулы правового государства: «Не человек для права, а право для человека»; «не человек для государства, а государство для человека».

Человеческое измерение требует смены парадигмы в понимании права. Без этого инновация сведется лишь к формальным, технико-юридическим изменениям. Увы, такая смена сдерживается. Дело в том, что в правоведении устоялся позитивистский, базирующийся на материалистической диалектике тип правопонимания¹. По существу, это государствоцентристский подход к праву. Его главные идеи в следующем: право имеет классовую природу; оно — средство преодоления и подавления классовых противников; существует примат государства над правом; все юридическое имеет политическую природу.

---

¹ Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 6.

ду; у права нет своей собственной истории; главенствующая роль во влиянии на право, принадлежит материальным условиям; право никогда не может быть выше, чем экономический строй; всякое право есть право неравенства, так как применяется равная мера к неравным индивидам; право и закон тождественны; права человека — это права эгоистического индивида; не существует прав человека независимо от признания их государственной властью и закрепления в законодательстве; право обеспечивается государственным принуждением; после исчезновения частной собственности, классов, государство и право отмирают. Будущее права и государства основоположники материалистического учения видели в музее древностей вместе с прялкой и бронзовым топором.

В результате на основе приведенных положений сформировался образ строго, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, обязательно-принудительного права. В таком праве личности отведена малозаметная, пассивная роль. Определяющая роль отдана формальным юридическим нормам. Отсюда право — это совокупность (система) норм.

Представленный выше, негативный образ искажает природу, сущность и миссию права, не позволяет использовать человеческое измерение в качестве дорожной карты при проведении инновации в праве. И это при том, что смена парадигмы в понимании права, обновленный образ права закреплены в Конституции России. Первые две главы Конституции, наряду с другими основополагающими положениями, закрепляют идею права, концепцию понимания права. Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный естественно-позитивный характер. Иначе говоря, при построении теоретической и нормативной модели Конституции были использованы не только положения юридического позитивизма. «Отличительной чертой российской Конституции, — подчеркивает В.Д. Зорькин, — является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права»¹.

Конституция закрепляет бинарную (двойную) природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая, государственная природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст.18); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2).

В Конституции изменен подход к содержанию права: «Права и свободы человека и гражданина... определяют смысл, содержание и применение законов...» (ст.18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст.17). Ведь для личности имеют значение не нормы сами по себе, а те ценности, которые посредством их закрепляются, реализуются, отражаются. Такими ценностями, прежде всего, являются права, свободы и обязанности. Следовательно, не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности являются элементами содержания права.

Норма права — первичный, но единственный элемент внутренней формы (системы) действующего права. Ошибочно сводить право, как нормативную регуляцию к нормам или к их системе². Юридическая норма есть одна из разновидностей общего правила поведения. Общие правила — это модели возможного (прав и свобод) и должного (обязанностей) поведения. Два вида правил поведения: правовая норма и нормативное обобщение. Норма права — конкретное, структурно организованное правило. Нормативное обобщение — правило поведения, которое в сжатом, концентрированном виде выражает содержание права. К ним относятся: правовые принципы, цели, задачи, дефиниции и т.п.

Центральное, определяющее звено в системе нормативных обобщений — принципы права. Официальное признание принципа как регулятора поведения, наряду с нормой, закреплено в ч. 4, ст. 15 Конституции РФ. В ней говорится о двух самостоятельных правилах: общепризнанных принципах и нормах международного права. Но, именно в конституционных принципах красной нитью проходит инновационное положение о человеческом измерении права. Речь идет о принципах: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2); «каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» (ч. 2, ст. 6); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина» (ч.2, ст.19); «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч.1, ст. 45) и др.

Отдельно следует сказать о таком важнейшем принципе как «конституционность». Он сформулирован следующим образом: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (ч.1, ст. 15). Однако в общей теории права, отраслевых науках конституционность по сути отождествля-

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 53.

² В теории юридического позитивизма одно понятие (норма права) относят и к содержанию, и к форме права. См.: Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов. Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2008. С.279,271.

ется с принципом формальной законности. Объяснить подобное недоразумение можно тем, что по привычке Конституцию обозначают как основной закон. Но Конституция — это акт прямого народоправия (референдума). Она принята народом и не нуждается в утверждении ни каким органом государственной власти. Если сказать образно, то Конституция представляет собой светскую правовую «библию» свободы и справедливости в обществе.

Конституция не может быть, одновременно, правом и законом, пусть даже основным законом. Она не принадлежит ни одной отрасли, она располагается над ними. Конституция — сама есть право (его первоэлемент, сердцевина), его высший источник, высшая форма выражения. Верховенство права есть, прежде всего, верховенство Конституции. Именно Конституция провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Верховенство Конституции обеспечивается требованиями конституционности, а не законности. Закон — следующий, отраслевой (межотраслевой) уровень верховенства права. Верховенство права данного уровня обеспечивается требованиями конституционности и законности¹.

Еще раз следует подчеркнуть, в фундаменте верховенства права любого уровня лежит человеческое измерение. Отсюда важна ни формальная законность, а правозаконность. Приоритетным должно быть требование соблюдения и уважение прав и свобод человека и гражданина.

Продвижение инновации в правовом государстве усложняется тем, что социальная ценность права, повышение его роли в обществе связывается с формальной определенностью. В словарях русского языка к формальности сложилось два вида отношений: одобрительное (положительное) и неодобрительное (отрицательное) отношение. В положительном смысле, слово «формальный» описывается как официальный, торжественный, свойственный форме, характерный для нее. В негативном смысле — формальный или проникнутый формализмом, употребляется иначе. Большой удельный вес придается форме явления, вопреки его сущности, содержанию. Проявляясь не изолировано, не сам по себе, а, сливаясь с положительной составляющей формальности, формализм во многих случаях признается привычным, неизбежным. Хотя с «буквоедством», проформой, показухой, неоправданным упрощением, волокитой, обвинительным уклоном и т.п. идет постоянная борьба. Достижения в этой борьбе есть, но до победы еще далеко. Сложность в том, что формальная определенность настраивает отдавать особое преимущество институциональным ценностям (государству, законам, юридическим нормам). Личность, ее права, справедливость уходят на дальний план. Это противоречит конституционному (естественно-позитивному) правопониманию. Успех инновации связан не формальной определенностью, а с правовой (содержательной) определенностью. Конечно, не исключается, а предполагается одновременное использование содержательных и формально-положительных свойств права, при ведущей роли первых (содержательных).

Правовая определенность, в основе которой лежит человеческое измерение позволяет с новых позиций подойти к освещению вопроса о праве и морали. В отечественной литературе, к сожалению, укоренилась точка зрения, что мораль важнее права. Вследствие чего подходить по-человечески, справедливо предназначение морали. С юридической точки зрения достаточно поступать формально правильно. Данному факту есть и философские обоснования, и, прежде всего этика И. Канта. Особенность этики Канта в том, что свободу в морали и в праве он рассматривает в аспекте обязанности. Он различает обязанности правовые и моральные. Первые Кант называет внешними, вторые внутренними. Свобода, к которой имеют отношение моральные законы, может быть свободой и во внешнем и во внутреннем применении. Свобода, к которой имеют отношение юридические законы, может быть лишь свободой во внешнем применении. Поэтому юридическое законодательство (строгое право) «...должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой»². В соответствии с взглядами И. Канта философом В. С. Соловьевым была выработана формула: «Право низший предел нравственности, равно для всех обязательный». При этом В.С. Соловьев считал, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в царство божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»³.

Суждение о праве как «минимуме нравственности», сфере только внешней свободы следует признать ошибочными. Право состоит не только из правил должного, но и возможного поведения. Управомочивающие принципы, нормы содержат права и свободы человека и гражданина. К использованию прав и свобод нельзя принудить. Для их реализации нужна готовность личности, ее внутренняя свобода. Поведение индивида, наделенного правами можно представить следующим образом: «Я вправе вести себя так-то и так-то, когда мне нужно и когда я хочу». Если бы, например, право на участие в референдуме предполагало, что гражданин обязан участвовать в нём (независимо от того, желает он или нет), то этого гражданина нельзя было бы назвать ни внутренне, ни внешне свободным. В этом правовое и моральное регулирование и строящееся в соответствии с ним поведение сближаются. Сегодня обосновано говорить не о противопоставлении права и морали, не об их принципиальной несовместимости (различия, безусловно, имеют место), а об их взаимодополнительности. Являясь достижениями цивилизации и

¹ См.: Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение// Российская юстиция, 2016, № 3. С. 2, 3.

² Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч.2. / И. Кант. — М., 1965. С.126.

³ Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, 2001. С.42.

культуры, мегарегуляторами они необходимы, полезны друг другу¹. Важным фактором сочетания права и морали служат конституционные принципы.

Человеческое измерение открывает реальную возможность скорректировать положение о том, что право обеспечивается государственным принуждением. Абсолютизации принуждения способствует аксиома позитивизма: «Закон суров, но это закон». Закон должен быть справедливым, а правоприменитель обязан быть профессиональным, беспристрастным. Тогда воздаяние (наказание) будет соответствовать содеянному, а борьба с обвинительным уклоном станет более успешной. Действительная социальная ценность права заключается не в подчинении, устрашении человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как комплекс (механизм) позитивных юридически гарантированных средств, благоприятствующих использованию прав, свобод, соблюдению и исполнению обязанностей. Особое значение приобретает работа по содействию правомерному поведению: правовое информирование, юридическое консультирование, правовое сопровождение, проведение юридически значимых мероприятий и т. д.

Таким образом, думается, сам факт (до конца еще недооцененный и не раскрытый) официального нормативного закрепления в российской Конституции, современной доктрины правопонимания — это уникальное, прогрессивное историческое событие, имеющее огромное значение не только для отечественной, но и мировой юридической науки и практики. Впервые для нашей страны правовая доктрина стала источником российского права. На путях инновации все это требует качественной переработки целого ряда теоретических положений, часть из которых рассмотрена в данной статье. Да, в ней сделан упор на рассмотрение синтеза естественного и позитивного права, но этим не исчерпывается многоаспектное правопонимание. Все научные школы, одобрительно относящиеся к идее интеграции знаний на основе человеческого измерения, вносят свой вклад в раскрытие многогранного феномена права. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие (ч.1 ст.13). За интеграцией научных школ права (при сохранении их самостоятельности) — будущее.

Непременным свойством инновации является не только теоретическая новизна, но и ее практическая применимость. Поэтому правопонимание, в основе которого лежит человеческое измерение, должно направлять правотворческую и правоприменительную деятельность. О необходимости человеческого измерения в правотворчестве, говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин. На совещании по социально-экономическим вопросам в г. Омске (28.08.2018), оценивая подготовленную правительством реформу пенсионной системы, глава государства особо подчеркнул: «...Прошу... не забывать, что все наши решения будут касаться судеб миллионов людей и должны быть справедливыми и учитывать интересы граждан. Здесь нельзя действовать механически, формально. Только взвешенно и осторожно. Иметь в виду, считаться с самыми разными жизненными ситуациями, с которыми люди сталкиваются. Именно такое человеческое измерение должно присутствовать в нормах законопроекта»².

Все отрасли права должны не просто воспроизводить принципы и нормы Конституции, а конкретизировать их применительно к своему предмету регулирования. Увы, немало конституционных новелл, которые либо просто перенесены в отраслевые нормативные акты, либо вообще остаются без конкретизации в отраслевом законодательстве. Так, человек и гражданин выступают в уголовно-правовых отношениях (материальных и процессуальных) в двух основных правовых ролях: лицо, совершившее преступление и лицо, пострадавшее от преступления. Отсюда конкретизацию положений Конституции в уголовном законодательстве (материальном и процессуальном) требовалось осуществлять, одновременно, по отношению к обоим лицам, тем самым юридически уравнивая элементы правовых статусов потерпевшего и правонарушителя, включая гарантии их прав. Однако реально, в общей части УК РФ, а также в разделе 1 «Общие положения» УПК РФ, которые содержат задачи, принципы, цели и иные нормативные обобщения, в центр регулирующего воздействия поставлено только лицо, совершившее преступление. В отношении восстановления прав потерпевшего, возмещения нанесенного ему вреда и т.д. четкие, конкретные правовые требования не сформулированы. Не удивительно, что, например, в УПК РФ, есть статья 16 «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту». В тексте данной статьи о потерпевшем нет ни слова. Отсутствует и отдельная сходная статья для потерпевшего. Это противоречит ч. 1 ст. 48 Конституции. В ней закреплено: «**Каждому** (выделено мной — В. Ш.) гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно»³. Такое состояние дел не нельзя признать ни правовым, ни нравственным. Как здесь не вспомнить молодого К. Маркса, написавшего в работе «Проект закона о разводе»: «Если законодательство не может декретировать нравственность, то оно ещё в меньшей степени: может провозгласить правом безнравственность»⁴.

В числе причин упрощенного взгляда на правотворчество можно назвать то, что закон не рассматривается как разновидность общественного закона, под которым понимаются объективно существующие

¹ И это не следует воспринимать как морализацию права и огосударствление морали.

² Путин В.В. Выступление на совещании по социально-экономическим вопросам в 2018г. <http://special.kremlin.ru/events/president/news/58395> — официальный сайт президента.

³ См.: Шафиров В.М. Человеческое измерение и уголовное законодательство// Российская юстиция. 2019. № 4. С.43-45.

⁴ Маркс К., Ф.Энгельс. Проект закона о разводе. — Соч. Т. 1. С. 162.

необходимые, повторяющиеся и устойчивые связи (отношения) в обществе и внутри самого права. Юридический закон определяется как нормативный правовой акт, регулирующий наиболее важные общественные отношения, обладающий высшей юридической силой. В силу чего ощущаю влияние субъективного, формально-юридического фактора в ходе подготовки и принятия текста закона.

В правовом, социальном государстве требуется неформальный, а содержательный подход к пониманию закона. Тогда, необходимо признать, что не каждый закон является правовым. Слишком категорично утверждение: «Закон содержит то, что является правом». В мировой истории не мало примеров, когда законы не только не спасали, а с их помощью творилось зло, причинялись неисчислимые страдания людям. Подтверждение тому трагический опыт «законодательства» фашистских государств.

Нередко в законе находятся не правовые нормы. Вот почему важен термин «правовой закон». В нем формулируются содержательные признаки закона в аспекте человеческого измерения. Главные из них: а) соответствие Конституции; б) его смысл, содержание определяют права, свободы человека и гражданина; г) он не отменяет и не умаляет права и свободы; д) не налагает необоснованные обязанности; ж) не противоречит нравственным ценностям; е) содержит механизм обеспечения (гарантий) прав и свобод.

О наличии не правовых норм в законах свидетельствует обширная практика Конституционного Суда РФ, который рассматривая, жалобы по нарушениям конституционных прав и свобод граждан признает положения норм закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле не соответствующими статьям Конституции. Вот один из многочисленных примеров. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. N 40-П "по делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда" предписано:

«1. Признать подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 55 (часть 3), в той мере, в какой эта норма в системной связи с общими положениями Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав, в том числе с пунктом 3 его статьи 1252, не позволяет суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности исключительного права на один товарный знак, снизить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации, если такой размер многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков (притом что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

2. Федеральному законодателю надлежит — исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего» постановления¹

Формальность часто присутствует при введении в действие законов. Их функционирование не подкрепляется необходимым пакетом, сопровождающих подзаконных нормативных актов, наличием материальных, финансовых ресурсов, проведением подготовительных организационных мероприятий, достаточной правовой подготовленностью должностных лиц, правовой информированностью граждан и т. д. Данное обстоятельство наносит урон правам и свободам личности, формирует неуважительное отношение к законам, и, как следствие тормозит инновационное развитие страны. Человеческое измерение права станет побудительным фактором для осознания последствий халатности в проектно-нормативной деятельности, позволит избавиться от догмы «закон, пусть даже несовершенный лучше, чем его отсутствие».

Формальная определенность превалирует и в вопросе законодательной техники. Взять хотя бы для примера конструкцию фикции «аналогия права». Статьи об аналогии права есть в различных кодексах (ч. 2, ст. 6 ГК РФ, ч. 2, ст. 7 ЖК РФ, ст. 5 СК РФ, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ). Понятие «аналогия» используется для установления смысла законодательства. О каком сходстве и с чем может идти речь, в отношении общеправовых принципов, поскольку все они по своей сути уникальны и неповторимы. Смысл права, законодательства нужно устанавливать опираясь на основополагающие принципы, другие нормативные обобщения во всех ситуациях, как урегулированных конкретными нормами (включая и сходными), так и неурегулированных ими. Неконструктивная фикция аналогия права должна быть заменена презумпцией относительной беспробельности права². Это откроет дорогу как для своевременной, полной и упрощенной организации публичными органами власти осуществления прав и свобод, исполнения обязанностей, так и непосредственной их реализации гражданами, юридическими лицами.

¹ Российская газета 2020 7 августа.

² См.: Шафиров В.М. Проблемы пробелов в праве и современное (интегративное) правопонимание//Российское правосудие.2012, № 10.С.10-11.

В данной связи актуально предложение профессора В.М Баранова о необходимости готовить специалиста в области правотворчества¹. Сегодня нужен такой специалист, который способен использовать юридический инструментарий не механически, формально, а ориентируясь на потребности, интересы людей. От этого выиграют как граждане, так и государство.

Без переориентации в сторону человеческого измерения не обойтись в процессе применении права. Более того, оно должно направлять правоприменительную практику. На необходимость смены парадигмы в понимании права в судебной практике было обращено внимание еще в 1995 году в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с последующими изменениями и дополнениями). В пункте 2 постановления записано: «...судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия»².

Но до сих пор, считается нормальным, получившие распространение ситуации установления формального соответствия или, образно выражаясь, "подвода" фактов под гипотезу избранной нормы или даже совокупности норм. Принятие справедливого и разумного решения дела (содержательный подход), не главное, не является приоритетом юридического процесса. А.А. Иванов, работавший в свое время, Председателем Высшего Арбитражного Суда России, комментируя рассмотрение споров по наиболее сложным видам административной деятельности отмечал: «...Если гражданин начальник не вышел за рамки, его решение не отменяют... Суть же решения суды рассматривают редко»³. И как следствие, у значительной части юристов складывается устойчивая психологическая установка на то, что достижение формального соответствия действий и решений юридической норме и есть та цель, тот результат, к которым надо стремиться. Другая цель и результат в сфере правовой действительности считаются, почти или вообще недостижимыми. Такой психологической настрой формирует и соответствующее ему поведение.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно указал на недопустимость формального отношения к рассмотрению дел. Особо следует выделить постановление от 13 октября 2020 г. N 23 г. "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу". В п. 26 постановления записано: «Разрешая по уголовному делу иск о компенсации потерпевшему причиненного ему преступлением морального вреда, суд руководствуется положениями статей 151, 1099, 1100, 1101 ГК РФ, в соответствии с которыми при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему физических и (или) нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого, его материальное положение и другие конкретные обстоятельства дела, влияющие на решение суда по предъявленному иску. Во всех случаях при определении размера компенсации морального вреда должны учитываться требования разумности и справедливости»⁴.

Для того, чтобы неориентированный на существо дела подход ушел в прошлое, думается, при установлении фактической и юридической основы дела, надо проводить не просто оценку доказательств, правовую квалификацию, а правовую диагностику. Она предполагает развернутое исследование явления, процесса, раскрытие их наиболее значимых сторон. Для этого потребуются сделать обстоятельный анализ через призму человеческого измерения всего комплекса жизненных фактов, нормативных регулятивных средств (норм, принципов и т.п.), с помощью которых только и возможно выявить все обстоятельства дела, понять смысл правового регулирования тех или иных общественных отношений, в полном объеме обеспечить права, интересы субъектов. Без правовой диагностики ошибки неизбежны. Вот конкретный пример.

Жителя Екатеринбурга, как профессионала, пригласили сделать кровлю на большую крышу. Но за нелегкий труд ему ничего не заплатили. Рабочий обратился районный суд, но в иске было отказано. Свердловский областной суд подтвердил, что согласен с отказом коллег. Один из главных аргументов судебных инстанций — отсутствие договора подряда, т.е. письменная форма сделки не была соблюдена. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда России с доводами судов не согласилась. В определении говорится, что суды должны были выяснить обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательств. Если стороны не согласовали какое-либо важное условие договора, но потом фактически выполнили такое условие, то договор считается заключенным. Отсутствие договора подряда не освобождает заказчика от оплаты фактически выполненных подрядчиком и принятых заказчиком работ. В случае если результат выполненных работ находится у заказчика и у него нет замечаний по качеству и объему работ и результатом работ можно пользоваться, то отсутствие договора подряда не может являться основанием для освобождения заказчика от оплаты работ. Иной подход не защищал бы добросовестных подрядчиков, которые, выполнив строительные работы, не могли бы получить за них оплату. Вывод судов, что истец не выполнял работу, основанный на факте отсутствия договора подряда и актов, подтверждающих передачу ра-

¹ См.: Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии - 2017. — №6. — с. 16-29.

² Система Гарант: <http://base.garant.ru/10103328/#ixzz6b72yUbOH>

³ Куликов В. Решать по — человечески // Российская газета. 2013, 20 февраля

⁴ Российская газета 2020. 23 октября

бот от подрядчика к заказчику, сделан в нарушение норм ГК РФ без исследования и оценки предоставленных суду доказательств. ВС отменил принятые по делу решения и велел спор пересмотреть с учетом своих разъяснений¹.

Серьезной проблемой остается попытка публичных органов власти под любым предлогом отложить рассмотрение дела или перенаправить его в другие инстанции, органы и т.д. Для граждан подобный бюрократизм усложняет разрешение судьбоносных жизненных проблем, ведет к ухудшению здоровья, потере времени, лишним финансовым затратам. В данной связи, инновационным в полном смысле данного слова является названное выше постановление Пленума Верховного Суда "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу". В нем, в частности, в п. 27 разъяснено, что «суду в ходе уголовного процесса надлежит принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу, с тем чтобы нарушенные преступлением права потерпевшего были своевременно восстановлены, не допускать при постановлении обвинительного приговора необоснованной передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

При этом следует иметь в виду, что не является основанием передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства необходимость производства дополнительных расчетов, если они связаны в том числе с уточнением размера имущественного вреда, который имеет значение для квалификации содеянного и определения объема обвинения, даже когда такие расчеты требуют отложения судебного разбирательства.

В случае если в соответствии с частью 2 статьи 309 УПК РФ суд признал за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передал вопрос о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, такое решение всегда должно быть мотивировано в приговоре².

Итак, еще раз подчеркнем, что каждый юридический вопрос не может решаться по шаблону, механически. Ведь результат формального применения норм — существенные юридические ошибки в работе дознавателей, следователей, судей и т.д., приводящие нередко с тяжелыми последствиями для граждан. Ссылки на то, что такие действия (бездействия) с точки зрения формальной законности, не являются произвольными, не выходят за рамки законодательства неоправданы. Формализм подрывает доверие людей к закону, правоохранительным органам, суду. Поэтому принятие справедливого и разумного решения должно стать естественным, привычным делом, а безразличие к людям, волокита считаться неприличными, противоречащими высокой миссии юриста в обществе.

Конституционное правопонимание, в центре которого находится человек требует качественных изменений в профессиональном юридическом образовании. Однако учебный процесс по-прежнему строится на преподавании дисциплин с позиций позитивного (часто узконормативного) понимания права. Под воздействием такого понимания права в юридических вузах первенство отдается обучению навыкам, деятельности, а не фундаментальным знаниям. Обучающимся последовательно проводится мысль, что главная цель в работе юриста строго и неукоснительно следовать требованиям формальной законности, бороться с нарушениями норм.

Преуменьшение значения фундаментальных знаний, фетишизация узкой специализации, норм, процедуры в обучении ведет к подготовке в основном слабых "ремесленников", способных не особенно задумываясь о последствиях выполнять автоматически требуемый набор формально правильных действий. В подобной ситуации образуется дефицит специалистов с широким интеллектом, креативностью, снижается уровень профессионального правосознания и правовой культуры. Практическая составляющая в образовании укрепляется и развиваться, безусловно, должна, но только на базе фундаментальных знаний, навыков и умений.

Юридическая профессия — это сплав науки, практики и искусства. Подняться до таких вершин способны те, кто ответственно преодолевал трудности, не отлынивал и прошел с полной нагрузкой длительное сложное обучение. Лишь выпускники, нестандартно, глубоко, широко и разносторонне мыслящие, разбирающиеся не только в узкоотраслевых вопросах, но и в вопросах, находящихся на стыках различных отраслей права, понимающие право в целом будут способны решать самые сложные социально-правовые задачи в интересах личности, общества и государства. Ведь основная цель высшего образования — «обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров» (ст.69 ФЗ «Об образовании в РФ»). Следовательно, наличие диплома вовсе не гарантия подготовки специалиста. Сам по себе диплом просто «бумага», если в нем не заслужено зафиксировано присвоение квалификации. Высшая профессиональная грамотность (содержание) не должна подменяться дипломированностью (формой).

Таким образом, в условиях строительства правового, демократического, социального государства конституционное (естественно-позитивное) понимание права должно определять и направлять правотворчество, правоприменение, профессиональное правовое образование. Это будет способствовать развитию человеческого капитала, инновационной модернизации правовой и всех других систем российского общества.

¹ См.: Козлова Н. Заработал — получи. Российская газета 2020 7 июля.

² Российская газета 2020. 23 октября

**КОРПУС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ КАНДИДАТА НАУК
И ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ**

Варенцова Лариса Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Varentsova Larisa Yurievna

candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: l_varentsova.65@nail.ru

**Указ царя Алексея Михайловича
«О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г.
как инновация в законодательстве по вопросу
о социально-экономическом и политическом развитии царского домена
в Российском государстве в XVII в.**

**Decree of tsar Alexey Mikhailovich "On the lack of palace estates and empty
lands to landlords..." 1656 as an innovation in legislation
on the socio-economic and political development of the royal domain
in the Russian state in the XVII century**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии указа царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г. на политическое и социально-экономическое развитие царского домена в России в XVII столетии. Автор пришел к выводу, что данный указ стал инновацией в отечественном законодательстве, так как он определил статус царских вотчин в системе крупного землевладения и место дворцового крестьянства в социальной структуре Российского государства, выявил суть переселенческой политики царя Алексея Михайловича, поставил задачу максимального извлечения прибыли для государевой казны. Основным историческим источником для статьи послужил названный опубликованный законодательный акт.

Ключевые слова: инновация в законодательстве России второй половины XVII в., царский домен, дворцовое хозяйство, российский исторический опыт.

Summary. The article examines the impact of the decree of Tsar Alexey Mikhailovich "On the lack of Palace estates and empty lands to landlords..." in 1656 on the political and socio-economic development of the Royal domain in Russia in the XVII century. The author came to the conclusion that this decree was an innovation in domestic legislation, as it defined the status of the Royal fiefdoms in the system of large land ownership and the place of the Palace peasantry in the social structure of the Russian state, revealed the essence of the migration policy of Tsar Alexey Mikhailovich, and set the task of maximizing profit for the sovereign Treasury. The main historical source for the article was the published legislative act.

Key words: the innovation in Russian legislation of the second half of the XVII century, the Tsar's domain, the Palace economy, the Russian historical experience.

Инновацией называют нововведение, преобразование в социально-экономической и политической областях, связанное с какими-либо новыми идеями¹. Термин «инновация» происходит от латинского

---

¹ Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. С. 280.

слова «novatio» — обновление, изменение¹; слово «innovatio» означает процесс, идущий в направлении изменений, важнейшие идеи, руководства, которые составляют основу права, выражают его сущность, определяют его функционирование².

Цель данной статьи — рассмотреть указ царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г. как инновацию в законодательстве по вопросу о социально-экономическом и политическом развитии царского домена в Российском государстве в XVII в.

Актуальность данного исследования объясняется тем, что современный этап исторического развития России связан с преобразованиями в области политической системы, в сфере социальных отношений, с формированием и совершенствованием рыночных отношений. Организация эффективного использования частного сектора в экономике предполагает обращение к многовековому российскому историческому опыту. Важнейшее место в экономике Российского государства XVII в. занимали частновладельческие дворцовые земли, располагавшие особой системой власти, собственным хозяйством, особым правовым положением населения.

Значительный интерес представляет царское хозяйство. Оно включало различные отрасли производства, пахотные земли, лесные массивы, угодья, сады, постройки, инвентарь. В нем активно внедрялись передовые европейские технологии, привлекались иностранные специалисты. Его продукция поставлялась для царской семьи, для первостатейной знати, отправлялась за границу, в незначительных количествах поступала на внутренний рынок. Своего расцвета дворцовое хозяйство достигло в период правления и под непосредственным руководством царя Алексея Михайловича. Оно носило частный характер, было самым обустроенным, многоотраслевым хозяйством в стране, обслуживалось, в основном, трудом дворцовых уездных и посадских людей.

Царский домен (фр. *Domaine*, от лат. *Dominium* — владение) — это государевы наследственные земельные владения, состоявшие из вотчин в разных уездах Российского государства в XVII столетии. Московскому государю принадлежало право на обладание недвижимым имуществом для содержания себя, своего семейства и царского двора. Владения носили название дворцовых и состояли в ведении придворных приказов³.

После заключения Столбовского мира со Швецией (1617 г.), Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618 г.) изменилось геополитическое положение Российского государства. В условиях мирного времени появились относительно благоприятные условия для формирования дворцовых вотчин, находившихся в собственности царя и его семьи и составлявших основу царского землевладения в России XVII в. В царском домене имелись вотчины родовые — полученные по наследству, купленные, выслуженные — пожалованные за службу, а затем перешедшие в ведение царя. В 1613 — 1689 гг. масштабы царского домена увеличились и распространялись на 76 уездов России. Наибольшее их количество было сосредоточено в Московском, Костромском, Коломенском, Новгородском уездах. В каждом из них Дворцу принадлежали лучшие земли. В большей степени дворцовые земли концентрировались в центральной, северо-западной, южной частях России, в районах Поволжья. При этом по всей территории Российского государства были разбросаны города, волости, села, деревни, пустоши, леса, луга, принадлежавшие царской семье. Состав дворцовых владений постоянно изменялся. Они являлись базисом для раздачи поместных и вотчинных земель, монастырских земельных пожалований. Дворцовые земли могли продаваться в вотчины в приказе Большого дворца. Они пополнялись за счет конфискованных и выморочных земель российской политической элиты.

Научная новизна данной статьи обусловлена постановкой проблемы. В качестве источниковой базы послужил сам «Именной, объявленный Новгородским воеводам из приказа Большого Дворца. — О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно, дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селидбу, или на денежный оброк»⁴. Заметим, что это был именной государев указ с боярским приговором, который принимался царем совместно с Боярской думой. На официальном языке того времени он означал: «Царь указал, а бояре приговорили»⁵.

Нами использовались работы выдающихся российских ученых: Н.П. Загоскина, А.Г. Манькова, А.Б. Барихина и др. Применялись проблемно-хронологический, системно-исторический, синхронный методы исследования.

Законодательные акты, принимавшиеся в Российском государстве в XVII в. всемерно способствовали сохранению и приумножению дворцовой (домениальной) собственности — одному из основных ви-

¹ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 337.

² Там же.

³ Загоскин Н. П. История права Московского государства. Казань, 1871. Т. 1. С. 181.

⁴ 196. Именной, объявленный Новгородским воеводам из приказа Большого Дворца. — О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно, дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селидбу, или на денежный оброк // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное (далее — ПСЗРИ). Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 413.

⁵ Маньков А. Г. Государство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 17.

дов крупного землевладения в эпоху позднего феодализма в России. В связи с этим в истории российского законодательства XVII в. по вопросу об эволюции царского домена, на наш взгляд, можно выделить следующие периоды.

Первый период охватывает 1620—1640-е гг. Он стал эпохой массовых раздач дворцовых земель после событий Смутного времени, фиксирования границ царских вотчин. В это время царское правительство Михаила Федоровича стремилось навести порядок в дворцовых владениях. Был принят «Соборный приговор о закреплении за владельцами поместных и вотчинных земель по новым дозорным книгам» от 12 марта 1620 г.¹ Причину принятия данного приговора правительство объясняло следующим образом: «Ведомо государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси учинилося, что многие бояре, и окольные, и дворяне, и дьяки думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские и из городов приказные люди в смутное время... поимали государевы дворцовые села и черные волости в поместья и в вотчины неправдою»².

Выходом из сложившейся ситуации стало проведение переписи населения, составление писцовых книг, особенно на тех землях, которые давались в вотчины и поместья из дворцового фонда как награда за Московское осадное сидение 1618 г. «В те города послать писцов болших, и велеть бирючем кликать в торговые дни: которые дворцовые села и черные волости розданы всяким людям и вотчины и поместья...»³.

Другим важнейшим законодательным актом, принятым на первом этапе, стал указ о 10-летнем сроке вывоза крестьян, бежавших, как из дворцовых сел и слобод, так и в царские вотчины⁴. Он принят царем Михаилом Федоровичем Романовым 15 сентября 1628 г. с целью наведения порядка и обеспечения социальной стабильности в пределах домена. Царь Михаил Федорович поднял вопрос о создании системы государственного сыска беглых дворцовых крестьян.

Второй, важнейший период в развитии российского законодательства связан с 1649 г. — временем принятия «Соборного Уложения» — ценнейшего памятника отечественного права в XVII в.⁵. Решение о составлении основного свода законов Российского государства было принято на Земском соборе 16 июля 1648 г. Была учреждена специальная кодификационная комиссия во главе с боярином князем Н. И. Одоевским. Земским собором в январе 1649 г. окончательно утвержден текст «Соборного Уложения», состоявший из введения, 25 глав и 967 статей.

Дворцовое землевладение упоминалось в нем в таких главах, как «О государеве дворе...» (III), «О проезжих грамотах в иные государства» (V), «О искуплении пленных» (VIII), «О мытах и о перевозех, и о мостах» (IX), «О суде» (X), «Суд о крестьянех» (XI), «О поместных землях» (XVI), «О вотчинах» (XVII), «О печатных пошлинах» (XVIII), «О посадских людех» (XIX).

В 10 главах и 20 статьях «Соборного Уложения 1649 г.» были поставлены вопросы о развитии великокняжеской собственности на землю. Термин «дворцовые села» в тексте данного законодательства использовался 13 раз, «дворцовые волости» — 2, «государева земля» — 5 раз. Положение дворцовых крестьян и бобылей рассматривалось в 8 статьях «Соборного Уложения 1649 г.». Оно заняло ключевую позицию в ряду российских законодательных актов XVII в., оберегавших великокняжескую доменальную собственность.

Третий период в истории законодательства России XVII в. связан с 1650—1690-е гг. Для этого времени характерен рост абсолютизма, усиление крепостного гнета, заметное обострение классовой борьбы крестьянства. Следствием этих процессов стало появление новых законодательных актов, которые затрагивали разные стороны хозяйственной, общественной и политической жизни страны⁶. Укреплялись поместно-вотчинные права бояр и дворян, в том числе и полномочия царя на территорию домена.

К этому времени сложилась система государственного, массового сыска беглых крестьян и холопов. Она включала в себя деятельность сыщиков в уездах, составление писцами переписных книг, непосредственное участие в мероприятиях крупнейших приказов. Это был итог установленного «Соборным Уложением 1649 г.» прикрепления крестьян по писцовым, переписным книгам, в то же время следствие классовой борьбы крестьянства.

В законодательстве второй половины XVII в., касавшемся дворцового землевладения, явно прослеживались два основных направления. В первую очередь поставлены вопросы о прибыльности и неприкосновенности дворцовых земель, во вторую очередь решались проблемы борьбы с побегами двор-

¹ 1620 г., марта 12. Соборный приговор о закреплении за владельцами поместных и вотчинных земель по новым дозорным книгам // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. С. 98 — 100.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 99.

⁴ Не позднее 1628 г., сентября 15. Из указа о 10-летнем сроке сыска крестьян, бежавших из дворцовых сел и слобод и в дворцовые села и слободы // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. С. 147.

⁵ Соборное Уложение 1649 (1649) г. // ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 1 — 161.

⁶ Маньков А. Г. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII вв. // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 350.

цовых крестьян. Российские законодательные акты, начиная с 1650—х гг., существенно развивали и дополняли «Соборное Уложение 1649 г.».

Дворцовое хозяйство во второй половине XVII в. становилось неотъемлемой частью российской экономики. Оно определяло специализацию некоторых регионов страны. Во многих селах была заведена государева десятинная пашня, винное курение, обустроены конюшни, птичники, рыбные дворы, различные заводы¹.

В связи с этим появлялись законодательные акты, касавшиеся развития дворцового хозяйства. С целью приумножения доходов царской вотчины в 1651 г. вышел в свет именной указ царя Алексея Михайловича «О бытии во всех городах и в государевых больших селах по одному кружечному двору»². Их запрещалось обустраивать в малолюдных селах.

В 1656 г. вышел именной указ царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно, дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селидьбу, или на денежный оброк». На законодательном уровне был поставлен в 1656 г. вопрос о неприкосновенности дворцового землевладения. В указе отмечалось, что «дворцовых земель отнюдь никому не отдавать, и беречь того и смотреть накрепко», «помещикам никому в поместье не отдавать, в вотчину продавать не велено»³. Особое внимание в данном указе уделялось положению дворцовых крестьян.

Поместные пустые земли, находившиеся «меж дворцовых земель», по мнению царя Алексея Михайловича, могли быть «пристойны дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селитьбу»⁴. В связи с этим, запрещалось пустовавшие дворцовые земли выделять в качестве поместий и вотчин. Согласно указу царя Алексея Михайловича 1656 г., требовалось оберегать и порозжие дворцовые земли, «отданные на оброк кормовым новокрещенам (служилым татарам) и черкасам (черкасам — адыгам⁵)» вместо государева жалования и поденных кормов⁶.

Главным образом, в указе царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г. проявлялась забота о дворцовых крестьянах, которые «жили не на хлеббородных местах, пашню и всякими угодьями скудны»⁷. Именно поэтому пустовавшие дворцовые земли, оброчные угодья необходимо было расчищать и обживать дворцовым крестьянам. Если помещики насильно захватывали царские земли, то по указу царя Алексея Михайловича, требовалось принадлежавшие великому государю владения передавать дворцовым крестьянам в селитьбу или на денежный оброк.

По данному указу царя Алексея Михайловича в дворцовые земли разрешалось привлекать и нерусское население — корелу — древнее прибалтийско-финское племя, жившее на Карельском перешейке и Приладожье, в окрестностях города Корела (ныне город Приозерск), с XII в. находившееся во власти Новгорода Великого⁸.

Смысл переселенческой политики в дворцовых вотчинах, в соответствии с данным указом, сводился к фразе царя Алексея Михайловича в приведенном нами нормативно-правовом историческом источнике: «Как бы Великому Государю было прибыльнее, а крестьянам не в тягость»⁹. Основной задачей социально-экономического развития дворцовых вотчин было не только обеспечение максимальной выгоды для государевой казны, но и создание относительно терпимых условий жизни для населения царского домена. Как известно, это население обеспечивало семейство царя Алексея Михайловича всем необходимым и обслуживало обширное дворцовое хозяйство.

Заметим, что указ царя Алексея Михайловича был адресован новгородским воеводам, осуществлявшим непосредственное управление значительной частью территорий царского домена. В Новгородском уезде размещались обширные дворцовые вотчины, развивалось царское хозяйство, в том числе были заведены царские сады, государевы десятинные пашни. На оброк дворцовым крестьянам дава-

¹ Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII в. / Сост. А. И. Комиссаренко, Н. Ю. Блохина, А. Ю. Кононова. М. — СПб., 2010. С. 3.

² 1651 г. Именной указ. О бытии во всех городах и в государевых больших селах по одному кружечному двору // ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 262.

³ 1656 г. Именной указ, объявленный новгородским воеводам. О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селитьбу, или на денежный оброк... С. 413.

⁴ Там же.

⁵ Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия: в 2 т. / авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2003. Т. 2. С. 651.

⁶ 1656 г. Именной указ, объявленный новгородским воеводам. О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селитьбу, или на денежный оброк... С. 413.

⁷ Там же.

⁸ 1656 г. Именной указ, объявленный новгородским воеводам. О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам, и об отдаче земель, завлажденных ими насильственно дворцовым крестьянам и зарубежным выходцам в селитьбу, или на денежный оброк... С. 413.

⁹ Там же.

лись государевы пожни-покосы и рыбные ловли. В округе Новгорода Великого в XVII в. насчитывалось около 6000 государевых лугов. Из дворцовых вотчин Новгородского уезда в Москву поступали оброчная соленая и свежая рыба — сиги, лодуги, сырты, сиговая икра, а также приготовленные новгородскими дворцовыми крестьянами «государевы пастилы» — «ягоды вишни в патоке»¹.

Таким образом, указ царя Алексея Михайловича «О недаче дворцовых поместных и пустых земель помещикам...» 1656 г. имел характер именного, принятого с боярским приговором. Из приказа Большого дворца в 1656 г. он объявлялся новгородским воеводам. Он касался социально-экономического и политического развития царского домена. По своему содержанию это был запрет раздавать дворцовые земли в качестве поместий и вотчин, с целью сохранения неприкосновенности дворцовых земель.

Указ царя Алексея Михайловича 1656 г. являлся инновацией в российском праве XVII в. по вопросу развития дворцового землевладения. В нем впервые был поставлен вопрос о защите прав дворцового крестьянства как основной социальной категории на территории царского домена. Земли, захваченные насильственно помещиками, требовалось вернуть дворцовым крестьянам. Поощрялись заселение царскими крестьянами домениальных земель, взятие в оброчное содержание государевых угодий — лесов, рек, озер, лугов с условием выплаты ежегодного денежного и натурального оброка и пошлин (денег за доставку оброка в Москву).

Впервые был поставлен вопрос о заселении царского домена нерусскими народами, которые жили поблизости с населением дворцовых вотчин, в окрестностях Великого Новгорода, в том числе корелами. Обеспечение социальной стабильности дворцовых вотчин, по мнению царя Алексея Михайловича, влекло за собой повышение их прибыльности. Указ царя Алексея Михайловича 1656 г. поступал воеводам, которым вменялось в обязанность на местах приумножать доходность домениальных владений.

В данном указе рассматривались две главные проблемы: во-первых, речь велась о выгодном использовании фонда царских земель, и, во-вторых, был поставлен вопрос о правовом статусе дворцовых крестьян. Данный нормативно-правовой акт позволяет определить статус царских вотчин в системе крупного землевладения, а также место дворцового населения в социальной структуре России XVII в.

---

¹ Варенцова Л.Ю. Новгородский дворцовый приказ в системе управления царскими землями Российского государства в XVII в. // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 192.

Васильев Павел Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich

candidate of law, associate professor, associate professor of the department of legal disciplines Ulyanovsk branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

**Об инновационных предложениях по преодолению кризиса
юридической науки на основе критериального подхода**

**On innovative proposals to overcome the crisis of legal science based
on the criteria approach**

Аннотация. В статье поддержано мнение учёных о наличии кризисных проявлений в современном социокультурном институте российской юридической науки. К отдельным проявлениям указанного кризиса отнесены: обширное множество научных публикаций при отсутствии общезначимого социального результата; отсутствие организованного научного дискурса по социально-правовым и (или) научным юридическим проблемам; отсутствие единого механизма учёта социально-правовых и (или) научных юридических проблем, а также получаемых результатов попыток их решения

Констатировано отсутствие единого механизма прослеживания влияния научных работ на состояние социальной, в том числе юридической, практики. Отмечены социальный заказ на введение указанного механизма и неспособность существующих наукометрических систем обеспечить отражение качества влияния науки на правовую систему.

Предложен концепт: многоаспектной проблемы несоответствия состояния социокультурного института юридической науки потребностям современной социальной, в том числе юридической, практики; задачи по разработке инновационных подходов к организации и функционированию всего социокультурного института российской юридической науки; механизма решения указанной проблемы на основе оценки и сравнения научных достижений по основным критериям результативности и эффективности, также иные вспомогательным критериям.

Ключевые слова: юридическая наука, кризис юридической науки, научная проблема, критерии, результативность, эффективность

Annotation. The article supports the opinion of scientists about the existence of crisis manifestations in the modern sociocultural institute of Russian legal science. Separate manifestations of this crisis include: an extensive set of scientific publications in the absence of a generally significant social result; lack of organized scientific discourse on socio-legal and (or) scientific legal problems; lack of a unified mechanism for accounting for socio-legal and (or) scientific legal problems, as well as the results of attempts to solve them.

The lack of a unified mechanism for tracing the impact of scientific works on the state of social, including legal, practice was stated. The social order for the introduction of this mechanism and the inability of the existing scientometric systems to ensure the reflection of the quality of the influence of science on the legal system are noted.

Concept proposed: the multidimensional problem of the inconsistency of the state of the sociocultural institution of legal science with the needs of modern social, including legal, practice; tasks of developing innovative approaches to the organization and functioning of the entire socio-cultural institution of Russian legal science; a mechanism for solving this problem based on the assessment and comparison of scientific achievements according to the main criteria efficiency and effectiveness, as well as other auxiliary criteria.

Keywords: legal science, legal science crisis, scientific problem, criteria, effectiveness, efficiency.

Вопросы об инновациях на основе критериального подхода к познанию явлений правовой системы обусловлен кризисным состоянием социокультурного института российской юридической науки. Рассмотрим факты.

Во-первых, результат поиска по запросу «Кризис юридической науки» в опции «Что искать» в поисковой форме Научной электронной библиотеки Elibrary.ru на 27 августа 2020 г. показал наличие 20 публикаций, непосредственно посвящённых изучению указанного кризиса. Вроде бы количество их невелико. Однако, если расширить условия поиска отметкой «— искать похожий текст» в опции «Параметры», но ограничить его указанием «Государство и право. Юридические науки» в опции «Тематика», то количество проиндексированных публикаций составляет 245075 единицы. Это свидетельствует о существенном внимании научного сообщества к тем явлениям правовой системы, которые авторы считают кризисными.

Во-вторых, в современном социокультурном институте российской юридической науки в принципе отсутствует *единый* механизм прослеживания влияния научных работ на состояние социальной, в том числе юридической, практики. Данный факт позволяет констатировать *две невозможности*:

во-первых, использования каких-либо критериев для оценки функционирования всего социокультурного института российской юридической науки;

во-вторых, определения полезности результата конкретного научного юридического исследования или их предметно объединённого множества для решения проблем российской правовой системы.

Отметим, что наукометрические системы, обеспечивающие оценку научного продукта по степени цитирования, никак не отражают *качества* его влияния на правовую систему.

В-третьих, существуют отдельные институализированные системы, например, мониторинг правоприменения в Российской Федерации¹, обеспечивающие прослеживание обратных связей в системе правового регулирования. Данный факт говорит о наличии социального запроса на повышение качества правового регулирования и заинтересованности власти в этом. В диалектическое противоречие с данным обстоятельством вступает следующий факт.

В-четвёртых, существуют экспертные мнения учёных-юристов о том, что юридическая наука в России обществу и государству не нужна. Так, И. Л. Честнов, опросив 50 специалистов-учёных в области юриспруденции, в публикации 2016 года приводит следующее мнение одного из респондентов: «... развивается сравнительное правоведение ... в принципе нет запретных тем для научного дискурса. Но наука утратила потенциал социально-правового преобразования. Власти она не нужна»². Эта же мысль представлена в работе П. П. Баранова его фразой о том, что «В качестве одного из доказательств того, что юридическая наука медленно, но верно отходит на периферию общественного сознания, предлагается также осознать тот факт, что само общество не чувствует потребности в юридической науке и последняя отвечает взаимностью, развиваясь сама в себе»³. Диалектика данного аспекта противоречия состоит, с одной стороны, в наличии подтверждённого государством социального запроса на отслеживание не только прямых, но и обратных связей в системе правового регулирования, а с другой, — в ненужности российской юридической науки государству. Публикация И. Л. Честнова содержит множество экспертных суждений, относимых к рассматриваемому вопросу. Ценность методологической основы для настоящей работы имеют три из них. В аннотации сказано: «Эксперты полагают, что юридическая наука сегодня переживает кризис», в тексте представлено суждение одного из респондентов относительно причин и форм его проявления: «На мой взгляд, в теории и философии права глобальных, "прорывных" изменений вообще не произошло ... Различие между Россией и Западом есть. Юридическая наука на Западе последние два десятилетия все чаще тяготеет к "пограничным" ситуациям в исследованиях, которые проявляются в междисциплинарном расширении взгляда (исследуется обычно не тема, а **проблема**). Поэтому в Германии все чаще в группы исследований приглашаются специалисты других наук и ведутся "комплексные" исследования проблем, а не "предметных" направлений. ... Научный дискурс в России — скорее исключение, чем правило», а в заключительной части — комментариях к изложенным результатам экспертного опроса сам автор отмечает: «Просто наука (точнее — науковедение) должна более четко осознать свое место в изменившемся и изменяющемся мире: критичнее относиться к самой себе, отказаться от функции "законодательного разума" в пользу "интерпретативного (добавлю от себя — и критического) разума", по терминологии З. Баумана»⁴. Обратим внимание на то, что слово «проблема» в тексте публикации автором намеренно выделено. Это не случайно, так как констатация отсутствия научного дискурса в России самым непосредственным образом обусловлено существующей моделью обсуждения темы, а не проблемы.

Таким образом, мы разделяем позицию тех авторов, которые усматривают наличие кризиса современной российской юридической науки. Отметим некоторые формы его проявления:

обширное множество научных публикаций при отсутствии общезначимого социального результата;

¹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Российская газета. 2011. 25 мая.

² Честнов И.Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 160.

³ Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 29.

⁴ Честнов И. Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 155, 160, 162.

отсутствие организованного научного дискурса по социально-правовым и (или) научным юридическим проблемам;

отсутствие единого механизма учёта социально-правовых и (или) научных юридических проблем, а также получаемых результатов попыток их решения, включая апробацию в форме правового эксперимента.

В связи с этим считаем обоснованным утверждение о наличии *многоаспектной проблемы несоответствия состояния социокультурного института юридической науки потребностям современной социальной, в том числе юридической, практики.*

Последнее предполагает задачу, которую можно сформулировать как необходимость разработки инновационных подходов к организации и функционированию всего социокультурного института российской юридической науки. Решением данной задачи может стать создание целостной модели организации и функционирования социокультурного института российской юридической науки. Полагаем, что это требует обстоятельного обсуждения в ходе научно-практических конференций и обобщения их результатов на монографическом уровне. В данной работе уделим внимание отдельным инновационным предложениям, которые могут быть учтены при выполнении обозначенной задачи.

Ранее мы уделяли внимание отдельным аспектам критериального подхода к познанию юридических явлений. Представленное понимание критериального подхода как структурного компонента парадигмы метода научного исследования, функционально предназначенного для осуществления выбора направления познавательного процесса при решении научной юридической проблемы посредством установления юридических критериев, по мнению рецензентов, требует специального погружения в теорию структуры метода научного юридического исследования. Следуя рекомендациям рецензентов, в данной работе представляем значительно упрощённое понимание критериального подхода. Последний в целом полагаем возможным определить как *наиболее общий образ (описание, языковая конструкция) осуществления познавательной деятельности с использованием критериев.* Общее понимание юридических критериев представлено нами ранее¹. Полагаем, что в гносеологической деятельности существуют как минимум три самостоятельные познавательные операции и три соответствующих им метода познания, предполагающих использование критериального подхода:

классификация (распределение заранее сформированного исходного множества явлений на производные множества);

идентификация (установление наличия/отсутствия тождества явления и его информационного образа);

установление наличия/отсутствия групповой принадлежности единичного явления².

С точки зрения возможных инноваций в организации юридической науки на основе критериального подхода к познанию явлений правовой системы интерес представляют самые различные критерии. В настоящей работе особое внимание уделим возможности инноваций с применением критериев эффективности и результативности научных юридических исследований.

В науке представлено множество различных подходов к пониманию эффективности и результативности. Наиболее простое и вместе с тем самое, на наш взгляд, перспективное понимание указанных критериев представлено в ГОСТе Р ИСО 9000-2015 следующим образом: «3.7.10. эффективность (efficiency): Соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. 3.7.11. результативность (effectiveness): Степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов»³.

Существующая практика понимания результативности и эффективности и применения данных критериев требует существенных инноваций. Так, например, результативность юридических научно-представительских мероприятий в настоящее время часто оценивают по объективному, но сомнительному критерию *наличия/отсутствия публикуемого сборника статей или тезисов.* Такой сборник имеет существенное значение для участников. Часто польза сборника состоит в возможности оперативного получения сгруппированной информации по обсуждаемому предмету. Особенно удобно пользоваться сборниками материалов научно-представительских мероприятий, если проведена классификационная группировка содержания по критерию подхода к решению социально-правовой и (или) научной юридической проблемы.

Однако с точки зрения интересов социальной, в том числе юридической практики, публикацию такого сборника нельзя признать надлежащим итогом проведения указанных мероприятий. Кроме того, на-

¹ Васильев П. В. О возможностях критериального подхода к изучению юридических явлений (на примере понимания злоупотребления правом) // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23—24 мая 2019 года) / под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Н. Новгород, 2019. С. 170—172.

² В данной работе мы не ставим цели глубокого изучения проблемы соотношения понятий об указанных познавательных операциях, предполагая гносеологическую самостоятельность каждой из них.

³ Об утверждении национального стандарта: приказ Росстандарта от 28 сентября 2015 г. № 1390-ст // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.08.2020).

значение последних усматриваем не в продуцировании самих сборников, а в генерации реальных вариантов социального действия¹ по решению социально-правовых и (или) научных юридических проблем. Без решения последних публикуемые материалы часто можно сравнить с *холостыми выстрелами*, которые могут громко звучать, но не влечь сколько-нибудь полезных результатов. Заметим, что проследить и оценить авторские варианты решения указанных проблем без единого хорошо организованного механизма весьма затруднительно. В связи с этим в качестве инновационного предложения считаем целесообразным высказать идею о направлении научного поиска по пути создания единого механизма обеспечения прослеживаемости влияния результатов научных юридических исследований как на юридическую науку, так и на социальную практику. Полагаем, что модель такого механизма достойна стать предметом рассмотрения отдельной научно-практической конференции и последующего изучения на монографическом уровне.

Однако инновационный потенциал критериального подхода к изучению явлений правовой системы для российской юридической науки не может быть исчерпан оценкой совершенствования системы проведения научно-представительский мероприятий. Инновации, разрабатываемые на основе указанного подхода, могут быть значительно более масштабными, так как способны затронуть все аспекты социокультурного института российской юридической науки, ориентируя последний на выявление и разрешение социально-правовых и научных юридических проблем.

Используя аксиоматический метод, сформулируем основополагающее суждение — *основная функция социокультурного института юридической науки состоит в представлении научно обоснованных вариантов решения научных юридических проблем, отражающих существующие или возможные социально-правовые проблемы*. Обратим внимание на упоминание в настоящей работе двух типов проблем: социально-правовых и научных юридических. Не погружаясь в теорию отражения, отметим только, что научные юридические проблемы представляют собой отражения, в том числе опережающие, социально-правовых проблем. Поэтому решение научных юридических проблем предполагает снятие или общественно полезную трансформацию социально-правовых. Обобщенно их соотношение можно представить схематично: *социально-правовая проблема получает отражение в концепте научной юридической, а последняя в лаконичной форме представлена темой работы*. Заметим, что тема научной работы только наиболее кратко оформляет научную юридическую проблему. Описанию научных проблем посвящена обширная литература по эпистемологии. Значимая характеристика научной проблемы представлена В. И. Червонюком фразой: «Любая научная проблема отличается от простого вопроса тем, что ответ на нее нельзя найти путем преобразования информации. Решение проблемы предполагает выход за пределы известного и поэтому не может быть найдено по каким-то заранее известным и готовым правилам и методам»². Учитывая изложенное, *научная юридическая проблема* может быть определена как *специфическая гносеологическая ситуация, в которой субъекты познания имеют насущную потребность в знаниях о явлениях правовой системы, которые в настоящий момент объективно отсутствуют*.

Наши включенные наблюдения показывают, что обсуждение тем научных работ без предварительной концептуализации проблем *закономерно* не позволяет получить научный результат. Автор научной работы, принявший тему, но не уяснивший проблему *закономерно* возвращается к необходимости концептуализации проблемы. Очень часто это происходит после получения отрицательных отзывов рецензентов.

Обнаружение научных юридических проблем возможно различными фактофиксирующими методами (их часто называют эмпирическими, методами эмпирического уровня): ознакомление с письменными ненормативными источниками, догматический (формально-юридический) метод, наблюдение, интервьюирование, опрос репрезентативных групп и некоторые другие. Прогнозирование возникновения возможных социально-правовых проблем обеспечено методами концептуализации фактической информации (эти методы обозначают терминами «методы теоретического уровня», «теоретические методы» и некоторыми другими): экстраполяция, моделирование, синхронное или диахронное историческое сравнение политико-правовых ситуаций, анализ социально-политических тенденций и другие. Подробное изучение методов работы по решению научных юридических проблем не входит в предметную область настоящей работы. Однако указать на необходимость отражать методы в текстах научных юридических исследований полагаем уместным. Это обеспечит методологическое обоснование актуальности темы исследования.

Полагаем, что *результатом научного юридического исследования должно стать научно обоснованное, то есть доказанное с методологической и предметно-научной точки зрения решение научной юридической проблемы, предполагающее снятие (полное или в части), трансформацию (перевод в социально приемлемые формы) или предотвращение социально-правовой проблемы*. Отметим, что в

---

¹ Самойлов С. Ф. Насиров М. Н. Методологические основания интегративной природы социального познания. Краснодар, 2011. С. 90—117 и др.

² Червонюк В. И. Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки: учебное пособие. М., 2017. С. 454.

данном случае имеет значение *критерий соответствия/несоответствия жанра научной работы масштабу научной юридической проблемы*. В случае их несоответствия добросовестный рецензент укажет данное обстоятельство и обоснует своё мнение указаниями на материал, не относимый к предмету изучения, либо на аспекты проблемы, не получившие надлежащего отражения в тексте работы.

Теперь мы можем сформулировать общее понимание критерия результативности научного юридического исследования. Руководствуясь представленным выше пониманием, определим *критерий результативности научного юридического исследования как степень решения научной юридической проблемы, определяемую соотношением фактически полученных вариантов решения социально-правовой проблемы к ранее поставленной цели*. Особенно последовательно использование данного критерия в настоящее время можно наблюдать при рецензировании диссертаций на соискание учёных степеней. Это обеспечено значительной формализацией структуры текста работ указанного жанра. В разделе «Актуальность темы» научная проблема получает концептуализацию, как правило, достаточно полно для того, чтобы поставить цель и задачи исследования. В ходе рецензирования достаточно легко сопоставить описание научной юридической проблемы, поставленные цель и задачи, а также изучить авторский вариант её решения в тексте диссертации. При рецензировании научных статей или работ иных жанров оценить их результативность сложнее, так как авторы часто допускают имплицитное (неявное) изложение как научных юридических, так и социально-правовых проблем. В таких случаях рецензентам (а часто и самим авторам) непонятно, каких субъектов права затрагивает проблема, в каких формах она возникает и существует, в силу каких причин, какие условия этому способствуют, из каких аспектов состоит сама научная проблема, какова её видовая принадлежность, решаемая ли она на данном этапе развития научного знания. Заметим важное, если по *критерию решаемости/нерешаемости на данном этапе развития научного знания* проблема относима к группе нерешаемых, то вопрос о дальнейшем её исследовании подлежит отложению до появления соответствующих знаний. Далее речь пойдет только о научных юридических и соответствующих социально-правовых проблемах, в принципе решаемых на данном этапе развития научного знания.

Таким образом, критерий результативности научного юридического исследования предполагает чёткую постановку научной юридической проблемы в качестве отправного пункта исследования. *Наше инновационное предложение* состоит в ориентации российской юридической науки на то, чтобы:

во-первых, *реформировать практически все аспекты социокультурного института российской юридической науки, ориентируясь последний на выявление, концептуализацию и решение научных юридических проблем посредством централизованного размещения соответствующего заказа;*

во-вторых, *ориентировать отдельные самостоятельные научные юридические исследования на выявление, концептуализацию и решение научных юридических проблем, а также оценивать степень решения научной юридической проблемы, определяемую соотношением фактически полученных результатов к ранее поставленной цели*.

Применение критерия эффективности научного юридического исследования в свете представленного ранее понимания предполагает *определение количества затрачиваемых (расходуемые) ресурсов*. Последние могут быть самыми разнообразными: количество трудозатрат (человеко-часов), количество времени (скорость), бюджет денежных средств, интернет-трафик, личная заинтересованность и другие. В зависимости от жизненной ситуации принципиальное значение могут иметь как все ресурсы, так и некоторые из них. *Основной критерий для определения ресурсного обеспечения научного исследования — это степень достаточности каждого из ресурсов для получения научно обоснованного решения соразмерного по масштабу аспекта научной юридической проблемы*.

В наиболее общей форме *критерий эффективности научного юридического исследования* в рамках обозначенного выше понимания может быть определён как *соотношение суммарного количества затраченных и учитываемых ресурсов к фактически полученному доказанному с методологической и предметно-научной точек зрения решению научной юридической проблемы, предполагающему снятие (полное или в части), трансформацию (перевод в социально приемлемые формы) или предотвращение социально-правовой проблемы*.

Применительно к ресурсному обеспечению проведения научных юридических исследований полагаем целесообразным отдельно отметить количество времени и бюджет денежных средств. В научно исследовательской работе возможны ситуации, когда размер денежных средств может компенсировать недостаток времени (например, заказ социологического исследования специализированной организации вместо личного проведения) и наоборот (предпочтение бесплатного, но более отдалённого во времени опубликования отдельных результатов исследования). Однако в основном эти ресурсы не взаимозаменяемы, так как скорость возникновения в сознании познающего субъекта основного результата научного юридического исследования непосредственно не зависит от количества затрачиваемых на это денежных средств.

Если рассмотреть эффективность научных юридических исследований не на уровне личности исследователя или исследовательского коллектива, а в масштабе всего общества, то критерии количества времени (скорость) и бюджета денежных средств, затрачиваемых для получения социально значимого результата необходимо конкретизировать с учётом следующих обстоятельств.

Для применения критерия количества времени (скорость) целесообразно учесть такие факторы, как: требования нормативных правовых и правореализационных актов о сроках обеспечения наступления социального результата;

рекомендации международных организаций и иностранных государств (это часто нужно для синхронизации трансграничных, общемировых или региональных социальных процессов);

возможные издержки от промедления внедрения результатов исследования в юридическую практику.

Для применения критерия бюджета денежных средств сложно дать перечень факторов, так как размер финансирования может позволить как увеличить, так и снизить скорость исследовательских работ. Отдавая дань уважения, отметим, что первым исследователем, теоретически осмыслившим и обосновавшим нелинейность соотношения количества ресурсов и получаемого результата стал А. А. Богданов. Для обозначения этого явления он использовал термин «дезорганизация». Поясняя своё видение дезорганизации, указанный автор писал: «Всякое разложение на элементы, реально выполняемое или только мыслимое, есть, разумеется, дезорганизация. Оно для того ведь и делается, чтобы уменьшить сопротивление вещей нашим усилиям, посредством которых мы затем организуем элементы в новые, желательные для нас сочетания. Дезорганизованное целое практически меньше суммы своих частей ... . По поводу примера из области сотрудничества уже упоминалось, что общая рабочая сила двух сотрудников может оказаться и меньше суммы их отдельных рабочих сил. Это и есть случай дезорганизации; два работника не помогают, а мешают друг другу. В известной комбинации силы их могут совершенно парализоваться, когда, например, они тянут за одну веревку в противоположные стороны: тогда толчок ребенка приведет в движение всю эту систему. Если же силы тянущих выражаются, положим, 10 и 9 пудами, то практическая сумма, определяющая движение системы, равняется 1 пуду вместо 19»¹. Применительно к использованию критерия бюджета денежных средств это означает, что выделение избыточных средств может обусловить создание таких технологических отношений в социокультурном институте российской юридической науки, которые будут тормозить ход работ. Ярким примером этого может служить финансирование бюрократического аппарата (научно-исследовательские отделы в системе образовательных организаций и др.), который вместо облегчения научно-исследовательской работы, затрудняет её рассылкой реальным исследователям различных планов, актов и отчётов. Подчёркивая отсутствие линейности в отношении бюджета денежных средств к получаемому научному результату, отметим *факторы*, которые, на наш взгляд, следует учесть при применении указанного критерия:

степень социальной значимости результата решения научной юридической проблемы, определяемая как соотношение количества субъектов права, заинтересованных в нём непосредственно (косвенно заинтересованными можно считать всех субъектов права данного общества), к общему количеству правосубъектных лиц;

репутация государства на международной арене (например, конституционный образец США предопределил влияние правовой системы этого государства на право многих государств, Гражданский кодекс Наполеона I 1804 года продолжал действие на территории как Франции, так и других государств даже после падения режима этого императора).

В целом критерий эффективности научного юридического исследования целесообразно применять:

во-первых, как вспомогательный к результативности;

во-вторых, только в тех случаях, когда имеет значение оценка затрачиваемых ресурсов;

в-третьих, в системе централизованного учёта всех значимых ресурсов и в течение длительного времени, так как только при наличии сводных статистических данных можно будет проследить изменение в эффективности проведения научных юридических исследований.

Таким образом, *наши инновационные предложения состоят в следующем:*

во-первых, преодоление кризиса современной российской юридической науки возможно посредством создания *единого централизованного механизма учёта научных юридических и соответствующих им социально-правовых проблем, а также попыток их решения;*

во-вторых, попытки решения указанных проблем надлежит оценивать и сравнивать между собой по *критериям результативности и эффективности*, используя также и иные *вспомогательные критерии;*

в-третьих, для успешного применения критериев эффективности и результативности необходимо *выявить, сформулировать и описать все значимые аспекты научной юридической проблемы, отражающей существующую или возможную социально-правовую проблему* (лица, интересы которые непосредственно или косвенно затронуты, формы проявления, причины и условия возникновения, состав и структура, видовая характеристика, включая определение групповой принадлежности проблемы к решаемым или нерешаемым на данном этапе развития научного знания).

¹ Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) в 2-х кн. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Абалкин. М., 1989. С. 120.

Вершинина Екатерина Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления
Нижегородской академии МВД России*

Vershinina Ekaterina Sergeevna

*candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the
department of management Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal
affairs of Russia*

E-mail: Ver_es@mail.ru

**Принятие единого стандарта в области документационного обеспечения
управления как инновационный способ регламентации
данного вида деятельности**

**Adoption of a unified standard in the field of management documentation
as an innovative way of regulating this type of activity**

Аннотация. В статье рассматриваются нормативные правовые акты, регламентирующие документационное обеспечение управления и говорится о необходимости принятия единственного, выверенного государственного стандарта, полностью охватывающего деятельность в области делопроизводства.

Ключевые слова: государственный стандарт, ГОСТ, регламентация, делопроизводство, оформление документов.

Annotation. The article discusses the normative legal acts governing the documentary support of management and speaks of the need to adopt a single, verified state standard that fully covers the activities in the field of office work.

Key words: state standard, GOST, regulation, office work, paperwork.

В настоящее время деятельность по делопроизводству регламентируется двумя основными государственными стандартами. Это ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов», утвержденный Приказом Росстандарта 8 декабря 2016 года № 2004-ст и ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утвержденный Приказом Росстандарта 17 октября 2013 года № 1185-ст.

Что касается первого ГОСТа, то, по большей части, в нем приводятся требования по оформлению документов. Но это не единственный нормативный правовой акт, регламентирующий подобные правила.

Мало того, что вопрос оформления документов содержится в различных нормативных правовых актах, так многие положения этих документов противоречат друг другу.

После принятия государственного стандарта Р 7.0.97—2016¹ перечни реквизитов, содержащиеся в указанном ГОСТе и Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации² оказались несопоставимы. Это произошло в виду того, что указанная инструкция, как и многие другие аналогичные инструкции других ведомств, была принята на основе ранее действующего ГОСТа Р 6.30—

---

¹ ГОСТ Р 7.0.97-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов»: утв. приказом Росстандарта от 8 декабря 2016 г. № 2004-ст // М., Стандартинформ, 2017.

² Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

2003¹. Возникает вопрос, для чего необходимо было изменять привычный перечень реквизитов и стоит ли теперь приводить все имеющиеся инструкции по делопроизводству в соответствие с действующим в настоящее время Государственным стандартом? Хотелось отметить, что при поиске инструкций по делопроизводству соответствующих ведомств получается список более, чем из 30 позиций. И все эти инструкции регламентируют схожие вопросы.

Представляется, что принятие единого стандарта в области документационного обеспечения управления является инновационным, действенным и весьма оптимизирующим способом регламентации вида деятельности. Необходимо подготовить единственный выверенный Государственный стандарт, что позволит избежать всевозможных коллизий, противоречий, необходимости подготовки локальных инструкций и приведение их в соответствие с вышестоящими нормативными правовыми актами. Более того, правоприменительная практика в данной области может стать намного проще и прозрачнее, если мы будем пользоваться одним документом, а не искать необходимые требования в огромном массиве правоустановительных актов.

В настоящее же время получается следующая ситуация. Необходимо оформить нормативный правовой акт, смотрим Правила подготовки нормативных правовых актов в Центральном аппарате МВД России². В случае подготовки документа, образующегося в деятельности органов внутренних дел, обращаемся к приказу МВД России от 20 июня 2012 г. № 615³.

Кроме этого, существуют Правила делопроизводства для федеральных органов исполнительной власти⁴. Здесь мы сможем найти основные понятия, а также вопросы документирования, организации документооборота и особенности работы с электронными документами.

В типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти⁵ также приводятся правила подготовки и оформления отдельных документов (решения, договора, соглашения, контракты), порядок исполнения поручений. Данные вопросы также частично дублируют положения постановления Правительства от 15 июня 2009 г. № 477 и ГОСТа Р 6.30-2003.

Порядок подготовки и принятия нормативных правовых актов предусматривается также несколькими нормативными правовыми актами. Например, уже рассмотренным типовым регламентом и приказом МВД России от 27 июня 2003 г. № 484.

Представляется целесообразным хотя бы вопрос создания и оформления документов исчерпывающе раскрыть в одном едином государственном стандарте, а из других правовых актов изъять положения, касающиеся данного направления деятельности.

Если вы захотели написать и оформить научно-исследовательскую работу, то в этом случае уже рассмотренных документов будет недостаточно и вы столкнетесь с необходимостью ознакомиться с целым списком правовых актов, стандартизирующих данный вид деятельности.

Так, требования к издательской аннотации содержатся в отдельном ГОСТе 7.86-2003⁶.

Общие правила оформления выходных сведений можно найти в ГОСТе Р 7.0.4-2020⁷.

Библиографическая ссылка должна быть выполнена в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008⁸, а вот библиографическая запись предусмотрена ГОСТом Р 7.0.100-2018⁹.

¹ ГОСТ Р 6.30-2003 «Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»: утв. и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 3 марта 2003 г. № 65-ст // М., ИПК Издательство стандартов, 2003.

² Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов в Центральном аппарате МВД России: приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

³ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

⁴ Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти: постановление Правительства от 15 июня 2009 г. № 477 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 25, ст. 3060.

⁵ О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 31, ст. 3233.

⁶ ГОСТ 7.86-2003 «Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Общие требования к издательской аннотации»: введен в действие приказом Ростехрегулирования от 9 сентября 2004 г. № 5-ст // М., ИПК Издательство стандартов, 2004.

⁷ ГОСТ Р 7.0.4-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 3 марта 2020 г. № 109-ст // М.: Стандартинформ, 2020.

⁸ ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»: утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 28 апреля 2008 г. № 95-ст // М.: Стандартинформ, 2008.

⁹ ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 3 декабря 2018 г. № 1050-ст // М.: Стандартинформ, 2018.

В ГОСТе Р 7.0.7-2009 приводятся требования по оформлению статей в журналах и сборниках¹.

Книжные издания должны соответствовать ГОСТу Р 7.0.16-2014², а вот диссертации и авторефераты — ГОСТу Р 7.0.11-2011³.

И это далеко не весь список ГОСТов, устанавливающих требования при проведении научной деятельности. Представляется, что даже у сотрудников научно-исследовательских и редакционно-издательских отделов могут возникнуть трудности по применению и использованию рассмотренных государственных стандартов, не говоря уже об обычных сотрудниках, выразивших желание разработать и оформить свой научный труд.

Более того, при более подробном ознакомлении и изучении указанных стандартизирующих документов можно заметить, что требования по оформлению могут отличаться друг от друга в зависимости от вида документа и подготавливаемого научного труда. И пусть даже эти различия будут несущественными, но деятельность по оформлению соответствующих трудов усложняется в несколько раз, не говоря уже о времени, которое необходимо затратить на изучение данных документов.

Например, размеры полей, при написании различных работ, могут отличаться друг от друга. Нумерация страниц также проставляется в разных местах, где-то сверху где-то снизу, где-то по центру, а где-то сбоку. В какой-то работе сноски должны быть постраничными, а в иной — в квадратных скобках после текста работы. При этом сноски оформляются одним способом, а список литературы — иным. Возникает вопрос, неужели нельзя предусмотреть единые поля, единое место для нумерации и единые правила оформления для всех видов работ. В этом случае было бы не сложно даже запомнить правила технической эстетики оформления документов, использовать их повсеместно и не тратить времени на поиск, ознакомление и изучение соответствующего документа, устанавливающего правила. Представляется, что во всем необходимо стремиться к унификации и единообразию. И тогда, например, список используемых источников можно было бы составить путем простого копирования ссылок. Это сэкономило бы огромное количество времени. А так получается, что мы одну и ту же информацию предоставляем в разных вариантах.

Второй основной государственный стандарт по документационному обеспечению управления содержит большое количество терминов и определений — ГОСТ Р 7.0.8-2013⁴. Однако, как и в первом случае, дефиниции по делопроизводству мы также можем встретить и в других нормативных правовых актах.

Ряд терминов и определений содержатся также в Приказах МВД России №№ 615⁵, 484⁶, 130⁷, 935⁸ и других.

Ввиду этого представляется целесообразными исключить дефиниции из соответствующих приказов, а в ГОСТ Р 7.0.8-2013, наоборот, добавить термины и определения необходимые для осуществления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

В результате такой работы, мы должны получить два государственных стандарта в области делопроизводства, полностью регламентирующие данный вид деятельности, и признать утратившими силу ряд нормативных правовых актов, дублирующих эти положения. Это позволит оптимизировать и намного упростить осуществление документационных функций.

---

¹ ГОСТ Р 7.0.7-2009 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»: утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 27 мая 2009 г. № 180-ст // М.: Стандартинформ, 2009.

² ГОСТ Р 7.0.16-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Книжные издания. Издательско-полиграфическое оформление текстового блока»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 29 января 2014 г. № 12-ст // М.: Стандартинформ, 2018.

³ ГОСТ Р 7.0.11-2011 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления»: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 13 декабря 2011 г. № 811-ст // М.: Стандартинформ, 2012.

⁴ ГОСТ Р 7.0.8-2013. «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»: утв. приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст // М.: Стандартинформ, 2014.

⁵ Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

⁶ Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов в Центральном аппарате МВД России: приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, учета, хранения и уничтожения печатей, штампов и факсимиле, а также их выдачи и использования в системе МВД России: приказ МВД России от 6 февраля 2007 г. № 130 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

⁸ Об организации архивной работы в системе МВД России: приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 935 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

Ерыгин Алексей Алексеевич

кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

Erygin Alexey Alekseevich

candidate of political sciences, associate professor, professor of the department of state and legal disciplines of the Belgorod law institute of the Ministry of internal affairs of Russia named after I.D. Putilin

Email: ery-aleks@mail.ru

Новеллы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Novelties of the legal status of public councils under the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation

---

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации рассматриваются особенности формирования общественных советов при региональных органах исполнительной власти, порядок выдвижения кандидатов, предъявляемые к ним требования, а также процедуры назначения. Подчеркивается объективно возрастающая роль общественных палат субъектов Российской Федерации в формировании региональных общественных советов. Отмечается необходимость совершенствования механизма оценки эффективности деятельности общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Указывается на целесообразность разработки единых стандартов деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации; орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации; общественная палата субъекта Российской Федерации; общественный совет; полномочия общественного совета; общественный контроль.

Annotation. The article, based on an analysis of the regulations of the subjects of the Russian Federation, examines the specifics of the formation of public councils in the regional executive authorities, the procedure for nominating candidates, the requirements for them, as well as the procedures for appointment. The objectively increasing role of the public chambers of the subjects of the Russian Federation in the formation of regional public councils is emphasized. There is a need to improve the mechanism for assessing the effectiveness of public councils in the executive branch of the Subjects of the Russian Federation. It is pointed out that it is appropriate to develop uniform standards for the activities of public councils in regional executive bodies.

Keywords: subject of the Russian Federation; The executive branch of the subject of the Russian Federation; Public Chamber of the subject of the Russian Federation; Community Council; The powers of the public council; public scrutiny.

В условиях происходящих в России общественно-политических преобразований особое значение приобретает проблема совершенствования государственного управления, которое объединяет «разные уровни организации и функционирования публичной власти с участием и взаимодействием многочисленных государственных, негосударственных, общественных образований, организаций, объединений, коллективов»¹. Одним из важных способов повышения эффективности государственного управления является широкое вовлечение граждан в управленческие процессы. Очевидной представляется необходимость модернизации «существующих и развитие новых форм взаимодействия государства с институтами гражданского общества, совершенствование системы прямых и обратных связей между ними, развитие диалога власти и общественных структур»².

¹ Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2020. № 1. С. 28.

² Зеленский П. А. Эффективность работы общественных советов при органах государственной власти как показатель правовой культуры общества // Правовая культура. 2018. № 4 (35). С. 70.

При реализации полномочий органами государственной власти возникает объективная необходимость в привлечении широкого круга экспертов, специалистов в различных сферах. Одновременно гражданское общество должно иметь инструменты контроля деятельности органов публичной власти, особенно органов исполнительной власти, от эффективности деятельности которых в значительной степени зависит социально-экономическое положениеи государств в целом, и российских регионов. Одним из субъектов общественного контроля являются общественные советы при органах исполнительной власти, правовой статус которых совершенствуется по мере осмысления практики деятельности общественных советов.

Возможность учреждения общественных советов при региональных органах исполнительной власти предусмотрена Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», определившим предназначение общественных советов, которые «содействуют учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке деятельности органов исполнительной власти»¹. Общественные советы наделяются консультативно-совещательными функциями и участвуют в осуществлении общественного контроля. Однако вышеупомянутый закон, устанавливая ограничения, касающиеся членства в общественных советах, не регулирует порядок их формирования, объём полномочий, что предоставляет российским регионам определённую самостоятельность в регламентации правового статуса общественных советов.

Основы правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации закрепляются, в первую очередь, в региональных законах об общественном контроле, определяющих перечень субъектов общественного контроля. Отдельные аспекты формирования общественных советов и их взаимодействия с региональными общественными палатами урегулированы законами об общественных палатах субъектов Российской Федерации. Принципиально новым явлением стало принятие закона «Об общественных советах при органах исполнительной власти Калужской области», закрепляющего, в частности, принципы образования и деятельности общественных советов, к которым относятся: «а) самостоятельность и независимость от областных органов государственной власти; б) публичность и открытость; в) равноправие и законность; г) объективность, беспристрастность и добросовестность; д) формирование на конкурсной основе; е) добровольность членства в общественных советах»².

Типовое (примерное) положение об общественном совете при органе исполнительной власти утверждается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (Красноярский край, Удмуртская Республика, Саратовская область) или региональным правительством (Дагестан, Камчатский край, Белгородская область). В Типовом положении определяются, как правило: 1) порядок формирования состава общественного совета; 2) компетенция и организация деятельности общественного совета; 3) формы и порядок взаимодействия органа исполнительной власти с региональной общественной палатой; 4) основные полномочия председателя, его заместителя и секретаря общественного совета, права и обязанности членов общественного совета; 5) порядок и основания досрочного прекращения полномочий членов общественного совета³. Нормативный правовой акт, определяющий статус общественного совета при региональном исполнительном органе (министерстве, департаменте, комитете, управлении), разрабатывается указанным органом и утверждается его руководителем.

После принятия Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁴ повысилась роль региональных общественных палат в формировании общественных советов. Можно выделить несколько форм участия общественных палат в формировании общественных советов при региональных органах исполнительной власти: «1) согласование положений о правовом статусе общественных советов; 2) инициирование процесса формирования общественных советов; 3) организация (участие в проведении) конкурсного отбора кандидатов в члены общественных советов; 4) выдвижение и согласование кандидатов в составы общественных советов; 5) утверждение состава общественных советов»⁵.

Общественные советы учреждаются органами исполнительной власти, как правило, по предложению общественной палаты (Камчатский край, Кабардино-Балкарская Республика, Псковская область)

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 2014. 23 июля. № 163.

² Об общественных советах при органах исполнительной власти Калужской области: закон Калужской области от 26 мая 2014 г. № 581-ОЗ // Весть. 2014. № 19.

³ Ерыгин А. А. Общественные советы при органах государственной власти: учебное пособие / А. А. Ерыгин. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, 2020. С. 62.

⁴ Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 2016. 27 июня. № 26 (часть I). Ст. 3852.

⁵ Ерыгин А. А. Роль общественных палат субъектов Российской Федерации в формировании общественных советов при региональных органах государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 12.

или её совета (Белгородская и Костромская области, Ненецкий автономный округ, Республика Алтай). Например, руководитель органа исполнительной власти Воронежской области «не позднее 20 рабочих дней со дня получения указанного предложения направляет совету Общественной палаты уведомление о согласии либо об отказе (в случае, если общественный совет уже создан) образовать общественный совет при данном органе»¹.

Формирование общественных советов осуществляется, как правило, на основе конкурсов, организуемых органами исполнительной власти нередко с участием региональных общественных палат, как в Новгородской области. Общественные палаты Амурской, Кемеровской и Курганской областей являются непосредственными организаторами конкурсов.

Срок полномочий общественных советов при исполнительных органах устанавливается от 3 лет в Татарстане и Оренбургской области до 5 лет в Мордовии и Тюменской области, в Курганской области — не менее 3 и более 5 лет, а в Дагестане и Ярославской области данный срок вообще не указан. Общественный совет при Министерстве региональной политики и массовых коммуникаций Омской области формируется в составе 7 человек на неопределенный срок. Однако состав Общественного совета подлежит ротации по решению его председателя не реже одного раза в три года, путем замены не менее двух членов его состава².

Количественный состав общественного совета устанавливается соответствующим органом исполнительной власти и различается в зависимости от региона: не менее 5 человек в Калининградской области и Забайкальском крае, от 5 до 15 человек в Алтайском крае, не менее 5 и не более 30 человек в Республике Татарстан. В Республике Коми количественный состав общественного совета зависит от предельной штатной численности органа исполнительной власти: не менее 7 человек при численности работников от 5 до 50 включительно, не менее 10 человек — от 51 до 100 включительно, не менее 15 человек — свыше 100³. По нашему мнению, общественные советы в немногочисленном составе, например, менее 10 человек, могут испытывать трудности при реализации стоящих перед ними задач.

Региональными нормативными правовыми актами устанавливаются дополнительные требования к кандидатам в члены общественных советов, помимо тех, которые определены в ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁴. Указанные требования разрабатываются органами исполнительной власти нередко совместно с региональной общественной палатой (Кировская, Оренбургская и Тамбовская области). К наиболее распространенным требованиям, предъявляемым к членам общественных советов, относятся: а) достижение возраста 18 лет (Рязанская область, Кабардино-Балкарская Республика), 21 года (Чувашская Республика, Красноярский край, Ростовская область), 25 лет (Иркутская область); б) постоянное проживание на территории региона; в) отсутствие конфликта интересов, связанного с осуществлением деятельности члена общественного совета; г) наличие высшего образования (Тамбовская и Томская области); д) обладание опытом работы по профилю деятельности органа исполнительной власти от 1 года (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) до 5 лет (Вологодская область). Соблюдение указанных требований способствует привлечению в общественные советы профессионалов, обладающих жизненным и управленческим опытом.

Показательно, что в состав Общественного совета при органе исполнительной власти Республики Татарстан могут входить бывшие чиновники федерального, регионального и муниципального уровня в количестве, не превышающем одну пятую часть от общего числа членов Общественного совета⁵. В Псковской области не могут быть членами общественных советов не только государственные и муниципальные служащие, но и «работники государственных бюджетных учреждений и государственных унитарных предприятий, подведомственных соответствующему органу исполнительной власти»⁶. Не случайно в Докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества за

¹ О Порядке образования общественных советов при исполнительных органах государственной власти Воронежской области: Постановление Правительства Воронежской области от 23 апреля 2019 г. № 399 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.04.2019.

² Об Общественном совете при Министерстве региональной политики и массовых коммуникаций Омской области: Приказ Министерства региональной политики и массовых коммуникаций Омской области от 20 марта 2020 г. № 17 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.03.2020.

³ Об утверждении Порядка образования общественных советов при органах исполнительной власти Республики Коми, а также Перечня органов исполнительной власти Республики Коми, при которых образуются общественные советы: Постановление Правительства Республики Коми от 28 июня 2013 г. № 237 (ред. от 20.03.2019) // Официальный Интернет-портал Республики Коми. Режим доступа: <http://www.rkomi.ru>, 10.07.2013.

⁴ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 2014. 23 июля. № 163.

⁵ Об Общественном совете при министерстве, государственном комитете, ведомстве Республики Татарстан: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 18 ноября 2010 г. № 906 (ред. от 15.05.2019) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2010. № 47. Ст. 2194.

⁶ Об утверждении Положения о порядке создания общественных советов при органах исполнительной власти области: Постановление Администрации Псковской области от 25 апреля 2014 г. № 165 (ред. от 07.05.2019) // Псковская правда. 2014. 29 апреля. № 47.

2019 год отмечается, что «почти изжита практика назначения в общественные советы государственных служащих»¹, и это можно считать позитивной тенденцией в формировании и деятельности общественных советов, так как отсутствие в них чиновников может способствовать большей независимости и принятию самостоятельных решений.

Правом выдвижения кандидатов в члены общественных советов наделены органы исполнительной власти, общественные палаты, общественные объединения, целью которых является представление или защита общественных интересов в сфере деятельности органа исполнительной власти, реже — граждане (Архангельская, Ленинградская, Московская и Ярославская области). Более широкий круг субъектов права выдвижения в Тюменской области, где таким правом обладают также собрания граждан и консультативные и экспертные коллегиальные органы, образованные при органах местного самоуправления муниципальных образований².

При формировании Общественного совета при Государственной службе Чувашской Республики по делам юстиции кандидатуры оцениваются конкурсной комиссией с присвоением баллов (от 1 до 5) по следующим критериям: 1) опыт работы в установленной сфере деятельности, включая опыт общественной деятельности в установленной сфере и достигнутые результаты; 2) наличие ведомственных наград федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, государственных наград федерального и республиканского уровня; 3) профессиональные достижения кандидатуры: участие в проектах, конкурсах, публикация статей, выступление в средствах массовой информации, наличие ученого звания и (или) ученой степени, научных трудов³.

Персональный состав общественных советов утверждается актами соответствующих органов исполнительной власти. При этом во многих субъектах Российской Федерации, в частности, Кемеровской и Новосибирской областях, Чувашской и Кабардино-Балкарской республиках, предусмотрено согласование с региональными общественными палатами. Более значительна роль Общественной палаты Томской области, которая утверждает состав общественных советов при областных органах исполнительной власти⁴.

В целом, порядок формирования общественных советов при региональных органах исполнительной власти имеет как общие черты, так и особенности, свидетельствующие о самостоятельности субъектов Российской Федерации в определении конкретных процедур, предполагающей взаимодействие органов публичной власти, общественных палат, общественных объединений и иных структур гражданского общества⁵. В этой связи представляется целесообразным внести изменения в ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁶ с целью конкретизации полномочий региональных общественных палат по взаимодействию с общественными советами при органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Целью деятельности общественных советов, как правило, провозглашается осуществление общественного контроля за деятельностью региональных органов исполнительной власти в порядке и формах, установленных с Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и региональными законами. Нередко формы осуществления общественного контроля конкретизируются в региональных нормативных правовых актах. Так, общественные советы при органах исполнительной власти Архангельской области осуществляют общественный контроль посредством: а) рассмотрения проектов разрабатываемых общественно значимых нормативных правовых актов; б) участия в мониторинге качества оказания уполномоченным органом государственных услуг, реализации функций по осуществлению государственного контроля (надзора), хода проведения антикоррупционной и кадровой работы в уполномоченном органе, оценке эффективности государственных закупок товаров, работ,

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2019. С. 26.

² О Порядке образования и типовых правилах организации деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти Тюменской области: Постановление Правительства Тюменской области от 25 апреля 2013 г. № 131-п (ред. от 19.06.2020) // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. Режим доступа: <http://www.admtumen.ru>, 07.05.2013.

³ Об утверждении Положения об Общественном совете при Государственной службе Чувашской Республики по делам юстиции: Приказ Государственной службы Чувашской Республики по делам юстиции от 3 августа 2020 г. № 165-о // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.10.2020.

⁴ Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля на территории Томской области: Закон Томской области от 13 апреля 2016 г. № 25-ОЗ (ред. от 04.05.2018) // Официальные ведомости Законодательной Думы Томской области. 2016. 2 апреля. № 50 (226).

⁵ Ерыгин А.А. Порядок формирования общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Юриспруденция: вопросы истории, теории и практики: материалы II Международной научно-практической и научно-методической конференции (18 марта 2020 года); АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». Белгород: Издательство БУКЭП, 2020. С. 82.

⁶ Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 2016. 27 июня. № 26 (часть I). Ст. 3852.

услуг для обеспечения государственных нужд; рассмотрение ежегодных планов деятельности уполномоченного органа и отчета об их исполнении;в) выборочного анализа качества ответов уполномоченного органа на обращения граждан и организаций; г) участия в антикоррупционной работе и кадровой работе в уполномоченном органе, оценке эффективности государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд»¹.

Помимо осуществления общественного контроля общественные советы призваны реализовать иные полномочия. Так, общественный совет при органе исполнительной власти Ямало-Ненецкого автономного округа выполняет следующие функции: «а) готовит предложения исполнительному органу власти по вопросам повышения эффективности его деятельности; б) обсуждает годовые планы работы исполнительного органа власти, годовые отчеты о его деятельности и отчеты о реализации государственных программ автономного округа; в) взаимодействует со средствами массовой информации с целью расширения уровня информированности граждан и организаций о деятельности исполнительного органа власти; г) готовит предложения по развитию добровольчества (волонтерства) в соответствии с компетенцией исполнительного органа власти»².

Общественные советы наделены правом предварительного обсуждения правовых актов, разрабатываемых региональными органами исполнительной власти. В Белгородской области к таким документам относятся, в частности, Государственные программы области, за исключением программ, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне, или сведения конфиденциального характера, а также нормативные правовые акты, которые: а) включены в план законопроектной деятельности Правительства области на очередной год; б) разрабатываются органами исполнительной власти области на основании решений экспертной рабочей группы по результатам рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами; в) устанавливают публичные нормативные обязательства, определяют размеры публичных нормативных обязательств и (или) устанавливают порядок их индексации, а также порядок исполнения публичных нормативных обязательств³.

Новым явлением в последние годы становится создание в отдельных российских регионах, в частности, Вологодской, Курской и Новгородской областях, общественных советов при высших коллегиальных органах исполнительной власти. Так, Общественный совет при Правительстве Вологодской области формируется сроком на 4 года в количестве 8 человек, достигших возраста 18 лет, постоянно проживающих на территории области, имеющих высшее профессиональное образование, стаж работы по специальности не менее 5 лет, обладающих знаниями и навыками, позволяющими решать задачи, возложенные на общественный совет⁴.

В Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год, подготовленном федеральной Общественной палатой, дана критическая оценка деятельности общественных советов в российских регионах, которая «слабо структурирована и в значительной степени зависит от позиции местной власти и ее желания слышать голос гражданского общества»⁵. В этой связи актуальным является вопрос о качестве работы общественных советов, в том числе о создании рейтинга эффективности деятельности общественных советов, особенно в системе общественного контроля⁶.

К новеллам правового регулирования статуса региональных общественных советов следует отнести формирование системы и методики оценки эффективности деятельности общественных советов. Например, в Хабаровском крае эффективность деятельности общественных советов при органах исполнительной власти оценивается главным управлением внутренней политики краевого Правительства ежегодно, исходя из критериев оценки, разработанных совместно с Общественной палатой края и утвержденных Губернатором края, и на основании информации, представленной органами исполнитель-

¹ Об общественных советах при исполнительных органах государственной власти Архангельской области: Указ Губернатора Архангельской области от 19 июня 2015 г. № 68-у (ред. от 08.02.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.06.2015.

² Об утверждении Типового положения об общественном совете при исполнительном органе государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа и методики мониторинга эффективности деятельности общественных советов при исполнительных органах государственной власти Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 13 апреля 2015 г. № 322-П (ред. от 04.02.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 17.04.2015.

³ О порядке образования общественных советов при органах исполнительной власти Белгородской области: Постановление Правительства Белгородской области от 17 марта 2014 г. № 82-пп (ред. от 26.09.2016) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Губернатора и Правительства Белгородской области. Режим доступа: <http://www.belregion.ru>, 18.03.2014.

⁴ Об общественном совете при Правительстве Вологодской области: Постановление Правительства Вологодской области от 28 мая 2013 г. № 548 (ред. от 27.07.2020) // Красный Север. 2013. № 95.

⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. Москва: Общественная палата Российской Федерации, 2019. С. 26.

⁶ Тепляшин И.В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 7.

ной власти¹. По нашему мнению, отчетная информация должна представляться и общественным советом. Заслуживает внимания практика Кировской области, где информация о принятых решениях, заключения и результаты экспертиз по рассмотренным проектам нормативных правовых актов и иным документам, а также ежегодный отчет об итогах деятельности общественных советов при органах государственной власти подлежат публикации на официальном сайте областной Общественной палаты².

В Псковской области руководители органов исполнительной власти ежегодно представляют в Управление внутренней политики Администрации области информацию о взаимодействии органа исполнительной власти с общественным советом, включая:

«а) участие в заседаниях общественного совета руководителя (заместителя) органа исполнительной власти;

б) участие членов общественного совета в работе коллегиальных совещательных органов при органе исполнительной власти; в обсуждении плана закупок органом исполнительной власти; в конкурсной комиссии на замещение вакантных должностей органа исполнительной власти;

в) проведение общественных экспертиз, обсуждений проектов правовых актов, инициатив органа исполнительной власти;

г) проведение совместных (органа исполнительной власти и общественного совета) общественных проверок, общественных обсуждений и общественных (публичных) слушаний, мероприятий по общественному мониторингу;

д) рассмотрение общественным советом ежегодных (квартальных) планов и отчетов о деятельности органа исполнительной власти;

е) реализованные органом исполнительной власти решения по итоговым документам общественного совета;

ж) публикация информации о деятельности общественного совета на официальном сайте органа исполнительной власти»³.

Принимая во внимание перечисленные показатели, следует согласиться с мнением о том, что основным критерием оценки эффективности деятельности общественного совета должна стать «степень его влияния на решение соответствующим государственным органом той или иной общественной проблемы»⁴.

Таким образом, общественные советы при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации формируются с активным участием региональных общественных палат и общественных объединений. Основное предназначение общественных советов состоит в осуществлении общественного контроля за региональными органами исполнительной власти и совершенствовании механизма взаимодействия между органами публичной власти и институтами гражданского общества. Перспективным вопросом совершенствования правового статуса общественных советов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации является разработка единых стандартов их деятельности, а также обобщение позитивного опыта работы общественных советов, особенно в качестве субъектов общественного контроля.

---

¹ О порядке образования общественных советов при исполнительных органах государственной власти Хабаровского края: Постановление Правительства Хабаровского края от 15 апреля 2014 г. № 110-пр (ред. от 30.04.2020) // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. Режим доступа: <http://laws.khv.gov.ru>, 16.04.2014.

² Об общественном контроле в Кировской области: Закон Кировской области от 11 ноября 201 г. № 8-ЗО (ред. от 23.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.11.2016.

³ Об оценке деятельности органов исполнительной власти области по взаимодействию с общественными советами при органах исполнительной власти области» (вместе с «Методикой оценки деятельности органов исполнительной власти области по взаимодействию с общественными советами при органах исполнительной власти»): Распоряжение Администрации Псковской области от 30 июля 2019 г. № 339-р[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Нужнова С.Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 120.

Ерыгина Виктория Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования Белгородского института развития образования; преподаватель Инжинирингового колледжа Белгородского государственного национального исследовательского университета

Erygina Viktoriya Ivanovna

candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of management of general and professional education of the Belgorod institute of education development; teacher of the Engineering College of Belgorod state national research University

E-mail: erygina@list.ru

Инновационное правовое регулирование российской партийной системы

Innovative legal regulation of the Russian party system

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос о влиянии инноваций в партийном праве и избирательном законодательстве на развитие партийной системы. Объектом исследования явились три основных этапа в развитии партийного законодательства с 1990 по 2020 гг.: 1) 1990-2012 гг. — период сокращения численности политических партий; 2) 2012-2016 гг. — период либерализации партийного законодательства; 3) 2016-2020 гг. — период ликвидации политических партий ввиду невыполнения установленных законодательных ограничений по числу членов партий и обязанности участия в выборах. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что инновационное правовое регулирование партийной системы можно отнести к периоду с 2012 по 2014 гг., когда были отменены такие искусственные барьеры на пути ее развития, как завышенные требования к минимальной численности партийных рядов и обязательность сбора подписей для непарламентских партий для регистрации их кандидатов или списков кандидатов на выборах. Автор в работе предлагает ряд инновационных мер для дальнейшего правового регулирования партийной системы, направленных на ее развитие и совершенствование, в частности, отмена сбора подписей для регистрации кандидатов (списков кандидатов) от политических партий; требований к минимальной численности политических партий; равенство политических партий, в том числе при освещении их деятельности в средствах массовой информации; принятие закона об оппозиции.

Ключевые слова: конституционное право, многопартийность, политические партии, избирательная система, законодательство, партийная система, инновационное правовое регулирование, инновации.

Annotation. In the article, the author considers the impact of innovations in party law and electoral law on the development of the party system. The study was the subject of three main stages in the development of party legislation from 1990 to 2020: 1) 1990-2012, a period of decline in the number of political parties; 2) 2012-2014 — the period of liberalization of party legislation; 3) 2016-2020 — the period of liquidation of political parties due to non-compliance with the established legislative restrictions on the number of party members and the obligation to participate in elections. The study concluded that the innovative legal regulation of the party system can be attributed to the period from 2012 to 2014, when such artificial barriers to its development, such as inflated requirements for the minimum number of party ranks and the obligatory collection of signatures for non-parliamentary parties to register their candidates or lists of candidates for elections were abolished. The author in the paper proposes a number of innovative measures of legal regulation of the party system aimed at its development and improvement, in particular, the abolition of the collection of signatures for registration of candidates (lists of candidates) from political parties; requirements for a minimum number of political parties; equality of political parties, including when covering their activities in the media; the adoption of the law on the opposition.

Keywords: constitutional law, multipartyism, political parties, electoral system, legislation, party system, innovative legal regulation, innovation.

Несмотря на то, что в России политические партии существуют уже более сто двадцати лет, тем не менее для теории и практики конституционного права многопартийность явно имеет инновационное значение. В научной литературе тема регулирования деятельности политических партий получила достаточно хорошее освещение с начала 2000-х годов, когда был принят специальный Федеральный закон

«О политических партиях». Тем не менее очередные выборы вызывают потребность вновь проверить правильность теории.

На доктринальном уровне сложилась концепция многопартийности как основы конституционного строя Российской Федерации. В связи с этим интерес представляет реализация доктрины многопартийности и партийного права в российском законодательстве. Поскольку собственного опыта регламентации деятельности политических партий в стране не было, закон о политических партиях был заимствован из зарубежных аналогов¹. И на протяжении длительного времени интерес к теме не уменьшается в связи с периодически проводимыми выборами, изменением партийного и избирательного законодательства и трансформациями в системе политических партий.

В настоящее время в России формально существует многопартийная система, но в реальной действительности у власти уже на протяжении трех избирательных циклов, несмотря на смену избирательной системы, находятся четыре одни и те же партии, которые не образуют сильной оппозиции существующей власти, а скорее формируют в парламенте послушное большинство. При этом ведущую роль также, как в СССР, играет одна правящая партия, в ведении которой находится фактически и законодательная, и исполнительная ветви власти. Следовательно, партия власти участвует и в правообразовании, и в правотворчестве, и в исполнении принятых законов.

Политические партии будучи частью гражданского общества всегда являются конкурентами государства в сфере политики, так как они претендуют на занятие ведущих позиций во власти, в занятии выборных должностей и формировании представительных органов государственной власти и местного самоуправления. Поэтому государство устанавливает четкие границы и пределы сферы их деятельности прежде всего в интересах правящей элиты с помощью законодательства. Сами политические партии вопреки теории и законодательству создаются искусственно под конкретные выборы, конкретными людьми и за немалые деньги («Единая Россия», «Родина», «Справедливая Россия»).

Способствуют ли инновации в партийном праве и законодательстве развитию партийной системы? Для начала разберемся с понятием «инновации», которым мы часто оперируем, и под которым часто подразумеваем любые нововведения. Правовыми свойствами инноваций являются, во-первых, реализация новых знаний в общественной жизни, и, во-вторых, материализация объекта интеллектуальной собственности для удовлетворения потребностей человека и общества². Подытоживая разные мнения об инновациях, следует отметить, что они проводятся с целью улучшения или усовершенствования существующего правового механизма, однако последствия инноваций могут быть разными: может быть возврат к существовавшим институтам, слепое копирование чужого опыта, правовой идеализм правотворческих органов и правовой нигилизм граждан³. Итак, инновации — это не любые изменения в праве и законодательстве, а наиболее качественные преобразования для совершенствования общественных или политических отношений.

В развитии партийного законодательства с 1990 года можно выделить три основных этапа: 1) 1990-2012 гг. — период государственного управления политическими партиями, направленное на сокращение их численности; 2) 2012-2016 гг. — период либерализации партийного законодательства; 3) 2016-2020 гг. — период ликвидации политических партий ввиду невыполнения установленных законодательных ограничений по числу членов партий и обязанности участия в выборах. Можно ли назвать данное правовое регулирование российской партийной системы инновационным или наоборот контринновационным, т.е. препятствовавшим ее развитию? Для ответа на этот вопрос остановимся более подробно на анализе каждого из указанных этапов подробнее.

На первом этапе своего становления с 1990 по 2001 годы партии стихийно создавались, а партийная система в России регламентировалась Законом СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 «Об общественных объединениях» и Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ, в котором партии признавались разновидностью общественных объединений. С 2001 года политические партии стали регулироваться отдельным Законом «О политических партиях», который установил требования к их минимальной численности, порядку создания и деятельности.

На протяжении 19 лет действия данного закона он неоднократно подвергался изменениям, то расширяя, то сужая требования, предъявляемые к политическим партиям. Параллельно развивалось избирательное законодательство, которое также было направлено на регулирование участия политических партий в выборах, главного направления их деятельности. Функционирование парламентских фракций, их взаимодействие с политическими партиями подпадает под действие норм парламентского права. Финансовое право регламентирует процедуру финансирования политических партий. Кроме того, значительную роль в деятельности политических партий играют конвенционные нормы, соглашения между партиями о совместной деятельности на выборах, правила политической конкуренции. Огромный мас-

¹ Алимов Э.В. Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 34.

² Грибанов Д.В. Инновация и модернизация в жизни, экономике и праве: понятийный аппарат // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1. С. 49-50.

³ Курьшев Е.Ю. Реформа как одна из форм инноваций в праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4. С. 136-141.

сив источников партийного права составляют внутрипартийные нормы, включающие уставы, программы, положения, манифесты и т.п. акты, регулирующие отношения внутри партии между ее членами, между руководством организации и ее региональными, местными отделениями. Постепенно партийное законодательство складывается в самостоятельную комплексную подотрасль конституционного права.

С 2003 года законодательство расширяет сферу деятельности политических партий, преобразуя их в главных субъектов избирательного процесса, обладающих эксклюзивным правом на выдвижение кандидатов (списков кандидатов). Таким образом, государство искусственно сузило рамки политической сферы деятельности иных негосударственных структур, некоммерческих организаций, кроме общероссийских политических партий, а также запретило создание региональных, межрегиональных партий. В порядке исключения общественным объединениям в настоящее время оставили право выдвижения кандидатов на местных выборах депутатов представительных органов муниципальных образований по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам, глав муниципальных образований.

В 2004 году были внесены существенные и необоснованные поправки в действующее законодательство, на основании которых минимальная численность политических партий возросла в пять раз и составила 50 тысяч человек, что на практике привело к ликвидации тех партий, которые не соответствовали этим требованиям. За период с 2005 по 2007 годы число партий сократилось с 48 до 17¹. Затем вплоть до 2012 года круг участников выборов сократился до 7 политических партий, имевших право выдвигать кандидатов (списки кандидатов). Лишь одна из них добилась восстановления своего статуса — Республиканская партия России путем обращения в Европейский Суд по правам человека, по требованию которого Верховный Суд Российской Федерации отменил ранее принятое решение о ее ликвидации из-за недостаточной численности.

Таким образом, инновационным правовое регулирование российской партийной системы было в период с 1990 по 2001 гг., в течении которого шло строительство партийной системы в ходе создания новых партий или преобразования в партии общественных объединений. В 1995 году накануне выборов в Государственную Думу ФС РФ было 273 политических организации, имевшие право участвовать в выборах. Из них партий было около 50. В стране возникла настоящая политическая конкуренция, плюрализм. Однако в 2001 году с созданием партии «Единая Россия» был нарушен баланс между субъектами партийной системы в виду ее мощной поддержки Президентом РФ, руководителями высших органов власти, почти 80 % губернаторского корпуса, бизнес-структурами, крупными предприятиями, оказывающими финансовую помощь в виде пожертвований. В результате «государство приняло регрессный путь — к однопартийности, причем делая это за счет правового регулирования»².

Второй этап в развитии партийной системы был обусловлен акциями протеста под лозунгом «За честные выборы!», проходившими в декабре 2011—январе 2012 годов, под влиянием которых Президент РФ Д. А. Медведев вынужден был инициировать поправки в Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» о снижении минимальной численности партий до 500 человек. Данная норма дала толчок стремительному росту количества политических партий. Но они вряд ли составляли реальную конкуренцию парламентским партиям и тем более партии власти, так как для того, чтобы партии набрать политический вес, ей надо иметь немалые финансовые средства, значительную численность в региональных отделениях, сторонников, готовых поддержать партию своими подписями, а затем отдать голоса на выборах. Прошедшие восемь лет действия данной либеральной нормы о минимальной численности политических партий показали, что фактически ни одна политическая партия, кроме парламентских, не имела значительного успеха на выборах. Но этого срока было достаточно для того, чтобы возникли юридические основания для ликвидации политических партий, не участвовавших в выборах на основании пункта «в» части 3 статьи 41 Федерального закона «О политических партиях» и части 2 статьи 37 о том, что политическая партия, в течении семи лет подряд не принимавшая участие в выборах, подлежит ликвидации.

По данным Минюста на данный момент зарегистрированы 42 политические партии³, хотя еще год назад их было 59. Это свидетельствует о сокращении их количества по сравнению с периодом либерализации партийного законодательства 2012 года, когда для регистрации партий было достаточно набрать численность в 500 человек. В 2015 году их было 77. Из них в выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 году имели право участвовать 75. Однако до участия в голосовании были допущены 14 политических партий, имевших право выдвижения списков кандидатов без сбора подписей⁴.

Участию политических партий в выборах мешал такой барьер, как сбор подписей в поддержку выдвижения кандидатов (списков кандидатов), предусмотренный Федеральным законом от 12 июня 2002 года

¹ Порошин Е.Н. Пассивное избирательное право в современной России: теория и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 48.

² Иванкина Н.Ю. Пределы правового регулирования деятельности политических партий и состояние политической системы общества // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 34-37.

³ Список зарегистрированных политических партий. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/>

⁴ Белов М.Д., Саксина Ю.В. Проблемы правовой регламентации участия политических партий, имеющих льготу на выдвижение кандидатов, на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 75.

«Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Новеллой избирательного законодательства в 2012 году была отмена подписей избирателей для регистрации кандидатов, списков кандидатов, выдвигаемых политическими партиями, на всех выборах, кроме президентских¹. Но воспользоваться этим правом политические партии не успели, так как через два года в 2014 году вновь был восстановлен сбор подписей на всех выборах, кроме выдвижения политической партией кандидата на должность главы муниципального образования². Однако законодательство поставило партии в неравное положение, освободив от сбора подписей те из них, которые были допущены к распределению депутатских мандатов в федеральных и региональных представительных органах государственной власти. Тем самым законодательство не способствовало развитию партийной системы, а явно тормозило ее становление, так как искусственно сокращало количество партий, напрямую зависящих от количества выдвинутых, зарегистрированных и победивших на выборах кандидатов или списков кандидатов.

В 2012 году были возвращены выборы глав субъектов Российской Федерации. При этом федеральный законодатель оставил право за субъектами федерации самостоятельно решать вопрос о субъектах выдвижения кандидатов: в порядке самовыдвижения или выдвижения политическими партиями. Большинство субъектов федерации выбрали второй вариант выдвижения кандидатов политической партией, но с сохранением «муниципального фильтра», требующего поддержки кандидатов депутатами муниципальных образований региона.

Правоприменительная практика сбора подписей неоднократно являлась объектом критики как среди ученых-специалистов в сфере избирательного права, так и кандидатов, других участников избирательного процесса. Непрозрачность системы проверки подписей избирателей, а также отказ в регистрации кандидатов от оппозиционных политических партий вызвали массовую волну протестов в Москве в 2019 году. Таким образом, инновационное правовое регулирование партийной системы можно отнести к периоду с 2012 по 2014 г., когда были отменены такие искусственные барьеры на пути ее развития, как завышенные требования к минимальной численности партийных рядов и обязательность сбора подписей для непарламентских партий для регистрации их кандидатов или списков кандидатов почти на всех выборах, за исключением выборов Президента РФ.

Третий этап в развитии многопартийности в России с 2016 по 2020 г. характеризуется постепенной ликвидацией политических партий вследствие их неучастия в выборах или снижения численности, с одной стороны, и возрастанием количества депутатских мест в федеральном и региональных парламентах, занятых представителями партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ». Из-за законодательных ограничений при регистрации кандидатов (списков кандидатов) и проверки подписей основная масса политических партий не может выполнить требования законодательства, особенно вновь образованные партии из-за отсутствия достаточных финансовых и кадровых ресурсов. На данный момент 14 политических партий имеют право на льготное выдвижение своих кандидатов: это четыре партии («ЕДИНАЯ РОССИЯ», КПРФ, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», ЛДПР), имеющие фракции в Государственной Думе Федерального Собрания РФ; Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», по итогам выборов депутатов Государственной Думы VII созыва, набравшей более 3% голосов; «ПАТРИОТЫ РОССИИ», имеющая списочное представительство в шести региональных парламентах; «ПАРТИЯ РОСТА», «Гражданская платформа», «РОДИНА», представленные в двух региональных парламентах, пять партий, имеющих своих представителей только в одном субъекте РФ (КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «КОММУНИСТЫ РОССИИ», Российская партия пенсионеров за справедливость», «РОДИНА», «Партия народной свободы (ПАРНАС)», «Российская экологическая партия «Зеленые», «Гражданская сила»)³.

Наличие предусмотренных законодательством льгот у ряда политических партий нарушает принцип их равенства перед законом, который должен гарантироваться государством; не позволяет малым и новым партиям получить представительство во власти. Это ведет к снижению уровня конкуренции, кризису политической власти и ее стагнации.

На наш взгляд, развитию партийной системы в России будет способствовать реформирование действующего законодательства, направленное на снятие ряда препятствий на пути формирования формально равных субъектов партийной системы и партийного права. Роль законодательства как раз и должна заключаться в предоставлении равных прав и возможностей для неравных акторов политического процесса. Основными инновационными мерами правового регулирования партийной системы явля-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления : Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 41-ФЗ // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70169402/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#ixzz6cNdDyA33>

² Статья 1 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2300.

³ Белов М.Д., Саксина Ю.В. Проблемы правовой регламентации участия политических партий, имеющих льготу на выдвижение кандидатов, на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 75.

ются: во-первых, введение регистрации списка кандидатов от политической партии без сбора подписей; во-вторых, принятие закона о политической оппозиции, гарантирующей ее права и безопасность; в-третьих, введение антимонопольных мер в систему правового регулирования деятельности политических партий. Необходимо, в частности, расширить сферу действия Федерального закона от 12 мая 2009 г. № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» на непарламентские партии, дать им возможность хотя бы на платной основе освещать свою деятельность и таким образом информировать избирателей о своей работе и программе. В-четвертых, для того, чтобы в парламенты прошли малые партии, необходимо снизить заградительный барьер до 1-2 % на федеральных и региональных выборах, а на муниципальных выборах такого барьера вообще не должно быть. В-пятых, необходимо отменить минимальную численность политических партий. Деятельность большинства партий с любой численностью вообще становится бессмысленной, так как они не могут преодолеть законодательных препятствий на пути к политической арене, а соответственно их идеи и позиции не могут быть услышаны избирателями. Поэтому для того, чтобы политические партии эффективно функционировали, законодательство должно не только создавать благоприятные условия для их создания, но и снимать всякие искусственные барьеры для их успешного развития, равной конкурентной борьбы на выборах, участия в правотворческой и законотворческой деятельности.

Итак, главным инициатором нововведений в партийном и избирательном законодательстве является государство. Государство, его законодательная власть не допускают своего ограничения, расширения негосударственного сектора гражданского общества, о чем свидетельствует частое изменение избирательного законодательства, допускающего монополизацию сферы партийного представительства четким ограниченным числом парламентских партий. В Государственной Думе ФС РФ уже на протяжении трех избирательных циклов: 2007-2011 гг., 2011-2016 гг., 2016-2021 гг. представлены четыре партии, а численность «ЕДИНОЙ РОССИИ» возросла на 22 % по сравнению с предыдущими выборами 2011 года (54,2 %) и достигла (76, 22 %) на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ 2016 года. В литературе отмечается негативное влияние поправок в избирательное и партийное законодательство за последние 30 лет на трансформацию политического режима¹, «ограничение права граждан на участие в управлении делами государства в аспекте функционирования института политических партий»².

Инновационное же правовое регулирование сферы политики, к которым относятся политические партии, как видно из недавней истории возможно лишь по инициативе общества, под давлением «снизу» оппозиции, как это было в конце 2011 — начале 2012 гг.

Опыт участия в выборах 2020 года новой политической партии «Новые люди» демонстрирует пример использования новых инновационных технологий партийного строительства и участия в выборах. Несмотря на то, что Устав данной партии (ст. 10) предусматривает представление личного письменного заявления о вступлении в партию в Совет регионального или местного отделения партии³, тем не менее в нарушение требований Устава в члены партии принимали ее Интернет-сторонники путем использования соответствующих электронных средств связи и сайта организации. Программа данной партии предполагает проводить выборы «в электронной форме, а за участие в них начислять гражданам поощрительные баллы на оплату ЖКХ или налогов»⁴. Создание партии — это очень непростое дело, требующее значительных материальных, финансовых, людских ресурсов. Пример данной партии демонстрирует, что при ее создании использовались нетрадиционные способы: во-первых, технологии сетевого маркетинга, позволившие зарегистрировать в достаточно быстрые сроки с 1 марта по 1 июля 2020 г. 55 региональных отделений партии; во-вторых, личные связи лидеров партии-спойлера с руководителями Администрации Президента РФ. По сведению же ЕГРЮЛ юридически председателем партии «Новые люди» является директор по развитию сети «Faberlic» Ирэна Лукьянова⁵.

Таким образом, в эпоху цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, электронных способов голосования, инновации коснутся и политических партий. Возможны виртуальные партии, которые удаленно, дистанционно будут работать с избирателями посредством Интернета, чатов, социальных сетей. Сейчас данные виды коммуникаций уже являются альтернативой активности населения. В период пандемии коронавирусной инфекции, когда не проводятся массовые мероприятия, наиболее актуальными инновациями в сфере политики становятся виртуальное общение и агитация посредством электронных средств массовой информации посредством рассылки листовок, размещения материалов на сайтах политических партий, в рекламных роликах, мобильных социальных сетях.

¹ Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н. Классификация поправок в избирательное законодательство как марке целей и задач власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 29-37.

² Алимов Э.В. Партийное строительство в Российской Федерации: некоторые тенденции конституционно-правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 32.

³ Устав политической партии «НОВЫЕ ЛЮДИ». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7816/>

⁴ Программа политической партии «НОВЫЕ ЛЮДИ». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7816/>

⁵ Новые люди (партия). [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8_\(%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8_(%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F))

Зайцева Екатерина Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Zaitseva Ekaterina Sergeevna

candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of theory and history of law and state of Omsk academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: zay_tseva@mail.ru

Правовое прогнозирование как средство внедрения инноваций в праве

Legal forecasting as a way of introducing innovations in law

Аннотация. В статье анализируется правовое прогнозирование как юридическая инновация 60-70-х годов XX века, выявляются проблемы внедрения прогнозирования в процесс правообразования, а также его достоинства и недостатки. Обосновывается необходимость различения юридических инноваций и инноваций в праве. Делается вывод о наличии критериев, позволяющих отнести нововведение к разряду инноваций, обосновывается необходимость анализа инноваций в праве с учетом возможности существования контринноваций.

Ключевые слова: правовое прогнозирование, инновация в праве, юридическая инновация, контринновация, правотворчество, правообразование.

Annotation. The article analyzes legal forecasting as a legal innovation of the 60-70s of the XX century, identifies the problems of introducing forecasting into the legal education process, as well as its advantages and disadvantages. The necessity of distinguishing between legal innovations and innovations in law is substantiated. The conclusion about the existence of criteria allowing to classify the innovation as an innovation is made, the necessity of the analysis of innovations in law, taking into account the possibility of the existence of counter-innovations, is indicated.

Keywords: legal forecasting, innovation in law, legal innovation, counter-innovation, lawmaking, law education

---

Обращаясь к анализу понятия «инновация», можно выделить два основных направления. В рамках первого инновация трактуется предельно широко, в значении обновления, изменения, любого основанного на признаках новизны преобразования в экономической, технической, социальной, культурной, государственно-правовой и иных сферах¹, как «любой отвечающий признакам новизны процесс или результат»². Более узкий подход к понятию «инновация» представлен в условно выделенном нами втором направлении, в соответствии с которым инновация — это не любое новшество, а лишь такое, которое способно существенно повысить эффективность действующей системы или позволить ей приобрести ощутимую, строго фиксированную ценность от реализации³. Такой подход к оценке инноваций представляется более точным. Не случайно профессор Н.А. Колоколов, рассуждая об инновациях в уголовном праве, использует понятие «контринновация»⁴. Это обусловлено тем, что не любое нововведение приносит позитивные результаты. Наличие отрицательных последствий, которые деструктивно сказываются на развитии системы права и правовой системы в целом, позволяет говорить о существовании контринноваций. Контринновации — это фактически «инновационные неудачи», о которых в своем пленарном докладе в рамках данной конференции говорил профессор В.М. Баранов, отмечая, что неудач в инновационной сфере больше, чем историй успеха.

---

¹ Грибанов Д.В. Инновации и модернизация в жизни, экономике и праве: понятийный аппарат // Бизнес, менеджмент, право. 2012. № 1. С. 47.

² Там же.

³ Курышев Е.Ю. Понятие и цель механизма реализации инноваций в праве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 4. С. 9.

⁴ Колоколов Н.А. Инновации и контринновации в уголовном праве: прошлое, настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3. С. 92-99.

Следует отметить, что любое нововведение, задуманное изначально как инновация, в результате может оказаться контринновацией, как любая проблема — псевдопроблемой. Это обусловлено диалектикой объективного и субъективного в процессе правообразования, предполагающей, что внешние факторы, связанные с потребностями развития общественных отношений, проходят через восприятие субъектов правотворчества. Так, например, отмечается, что «современное развитие российского гражданского права, несмотря на изменение правовых идеологических установок, внесение новелл в нормативные акты, систематическое обновление, нельзя считать инновационным, так как нет кардинального улучшения в правовом регулировании»¹. Нередко контринновацией становятся нововведения, связанные с заимствованием зарубежных идей и институтов. В качестве таковой можно рассматривать институт сокращенного дознания в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (глава 32.1), в основе которого лежит идея сделки, заимствованная из англосаксонской правовой семьи, и который очень плохо работает в системе российского судопроизводства. Или нововведения, связанные с выходом за пределы правового регулирования, к таковым, на наш взгляд, можно отнести Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся», вступивший в силу с 1 сентября 2020 года.

Таким образом, не любое нововведение можно признать инновационным. Основным показателем инновационности является его юридическая и социальная эффективность, предполагающая не только результативность, но и полезность новшества для развития общественных отношений.

Говоря об инновациях, так или иначе связанных с правом, необходимо выделить две группы, которые имеют принципиальное отличие. Первая группа — это процедуры, средства, методы юридической техники, которые могут составлять самостоятельные правотворческие и правоприменительные технологии, вырабатываемые юридической наукой и практикой и направленные на повышение качества нормативных правовых актов, эффективность правового регулирования в целом. К их числу можно отнести общественное обсуждение законопроектов в сети «Интернет»; использование компьютерных программ для оценки экспертизы проектов нормативных правовых актов; электронные формы систематизации нормативного правового материала² и т.п. Их можно обозначить термином «юридические инновации». Вторая группа — это нововведения в системе права, связанные с появлением новых норм, институтов, отраслей, при условии их эффективности, которые следует обозначать как «инновации в праве». Юридические инновации и инновации в праве тесно взаимосвязаны, поскольку первые изначально создаются, чтобы обеспечить вторые. Фактически юридические инновации — это средства внедрения инноваций в праве.

Так, в 60-70-ые годы XX века юридической инновацией стало правовое прогнозирование как процедура, направленная на выявление тенденций развития системы права с целью повышения эффективности вновь созданных правовых норм. Прогнозирование можно рассматривать как научно — теоретическую апробацию инноваций в праве, позволяющую просчитать перспективы действия нововведений, оценить их потенциальную эффективность, на ранних этапах процесса правотворчества отличить инновации от контринноваций. К сожалению, эта значимая юридическая инновация не стала достаточно востребованной в практической правотворческой деятельности как советского, так и современного российского государства. С одной стороны, в качестве возможных причин невостребованности отмечается отсутствие практических рекомендаций, выполнение которых стало бы обязательным элементом процесса правотворчества, и необходимое для этого закрепление системы правил научного прогнозирования³, недостаточность адекватного юридического инструментария, который должна предоставлять наука⁴. С другой стороны, отмечается, что уже существующий методологический инструментарий и накопленный опыт прогнозирования были преданы забвению с распадом СССР⁵. В связи с этим хотелось бы отметить следующее, можно согласиться с мнением многих ученых, что реальное внедрение правового прогнозирования в правотворческий процесс требует совершенствования законодательной базы, а отсутствие должного правового регулирования этого вопроса создает для этого существенные препятствия. В то же время закрепление правового прогнозирования не является панацеей, об этом свидетельствует опыт государств ближнего зарубежья. Так, например, в Республике Казахстан необходимость проведения правового прогнозирования предусмотрена Законом Республики Казахстан «О правовых актах», аналогу закона «О нормативных правовых актах», в котором большинство современных исследователей предлагает закрепить обязательность правового прогнозирования. В соответствии с п. 2 ст. 29

¹ Курышев Е.Ю. Идеология как источник правовых инноваций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 57.

² Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 234.

³ Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 4.

⁴ Костенко М.А. Правовое прогнозирование: понятие и основные принципы юридической стратегии и тактики // Известия ТРТУ. 2006. № 10. С. 181.

⁵ Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5.

указанного закона внесение законопроекта сопровождается наличием прогнозов последствий (экономических, социальных, юридических, экологических) его действия. Однако, как отмечают специалисты, такие прогнозы, лишённые эмпирических данных, остаются «пустой формальностью»¹. Очевидно, что нет никаких гарантий, что юридическое закрепление прогнозирования в Российской Федерации может привести к аналогичным результатам. Представляется, что в данной ситуации важно не только и не столько формальное закрепление, сколько изменение отношения субъектов правотворчества к содержанию тех процедур, с которыми они сталкиваются в процессе своей профессиональной деятельности. Как этого достичь — большой вопрос. Оценивая инструментарий, который может предложить современная юридическая наука правотворческой практике в области прогнозирования, следует отметить, что, несмотря на существенные достижения, наличие которых в основном связано с деятельностью советских ученых, необходима выработка новых подходов и методов с учетом современных технологий, позволяющих повысить эффективность данного процесса. Абсолютно справедливо отмечается, что современные технологии позволяют проводить прогнозирование при помощи специальных компьютерных программ, использовать моделирование, привлекать для составления прогнозов гораздо больший, чем прежде, и даже практически неограниченный объем данных. Все это повышает точность прогнозирования и возможность его использования для развития правотворческой деятельности². Другое дело, что указанные возможности должны быть осмыслены научным сообществом и представлены в качестве конкретных результатов, которые можно использовать в процессе правотворчества.

Правовое прогнозирование как средство внедрения инноваций в праве имеет как существенные достоинства, так и недостатки. К числу значимых достоинств следует отнести тот факт, что любой социальный прогноз — «это большей частью не одновариантное «пророчество», которое обязательно должно «сбыться». Прогноз социальных явлений, как правило, вариантен и, как правило, предполагает возможность его воздействия на человеческое поведение³, влияние на прогнозируемые общественные процессы с точки зрения их ускорения, создания, преобразования, сдерживания и других модификаций последних⁴. Именно в этом проявляется положительный потенциал прогнозирования.

В то же время стоит отметить, что правовое прогнозирование — это очень затратная процедура, требующая значительных временных, человеческих, материальных и иных ресурсов, результат которой не всегда очевиден еще и потому, что любое прогнозируемое нововведение предполагает тесную связь с социальными, политическими и экономическими факторами, которые в принципе невозможно предвидеть. Как справедливо замечает А.А. Арямов, основной принцип детерминизма гласит: все зависит от всего, а такую всеобъемлющую взаимосвязь не способен просчитать ни один самый мощный компьютер⁵, ни один субъект правотворчества. Поэтому любой прогноз, в том числе и правовой, — это правотворческий риск. Но поскольку риск имманентен человеческой деятельности, возникает с ней и проявляется только через нее⁶, исключить его невозможно, да и не нужно, так как риск — это не только возможные убытки, потери, но и просчитываемый успех. В данном случае на весах находятся ресурсно-затратная процедура, использование которой может способствовать инновационному развитию права, или ее отсутствие, чреватое контринновациями и как следствие значительными экономическими, социальными и иными потерями, превосходящими затраты на прогнозирование. «Опыт применения поспешно принятых законов, приводивших к большим общественным и экономическим потерям, свидетельствует о том, что экономия на прогнозировании приводит к многократно большим убыткам»⁷. Тем более, что, как справедливо отметил профессор В.М. Баранов в уже упомянутом выше пленарном докладе, «стоимость» инновации должна измеряться, прежде всего, гуманитарно-аксиологическими параметрами.

¹ Тлембаева Ж.У. О роли прогнозирования в законотворчестве и критериях определения правовых последствий действия законов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 5. С. 31.

² Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 234.

³ Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука // Публичное и частное право. 2014. № 4. С. 177.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). М., 2009. С. 164.

⁶ Мамчун В.В. Культура риска в юридической деятельности // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 401.

⁷ Радченко В.И., Иванюк О.А., Плюгина И.В., Цирин А.М., Чернобель Г.Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 5.

Илюхина Вера Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, старший научный сотрудник Научного центра Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Ilyukhina Vera Aleksanovna

candidate of juridical science, assistant professor, assistant professor of chair of theory of state and law, international and european law of the Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia, senior researcher of the Scientific center of Nizhny Novgorod institute of management — branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation

E-mail: eva3011@bk.ru

Традиции и инновации в закреплении принципов права

Tradition and innovation in consolidating the principles of law

---

Аннотация. В статье на основе истории развития и современного состояния отдельных отраслей российского права анализируется сочетание традиций и инноваций в закреплении принципов права. Эволюция закрепления принципов права рассматривается применительно к дореволюционному, советскому и современному периодам.

Ключевые слова: принципы права, традиция, инновация, отрасль права.

Annotation. The article analyzes the combination of traditions and innovations in consolidating the principles of law based on the history of development and the current state of certain branches of Russian law. The evolution of the consolidation of the principles of law is considered in relation to the pre-revolutionary, Soviet and modern periods.

Key words: principles of law, tradition, innovation, branch of law.

Правотворчество относится к числу социально-юридических процессов, которые находятся в постоянном развитии. В свою очередь, эффективность правотворчества во многом обеспечивается качеством юридической техники подготовки нормативных правовых актов. Естественно, данное проблемное поле является чрезвычайно широким. По этой причине мы сузим цель нашей статьи до рассмотрения вопроса о традициях и инновациях в закреплении принципов права в российском законодательстве.

Мы исходим из позитивистского понимания принципов права, подразумевающего, что принципами права являются некие исходные, базовые идеи, лежащие в основе правового регулирования в целом, отдельной отрасли права или института и закрепленные в текстах нормативных правовых актов.

По нашему мнению, верной является позиция, в соответствии с которой идеи, не имеющие прямого нормативного закрепления, не могут рассматриваться в качестве принципов права, т.к. не обладают императивностью для правоприменителя и находятся не в сфере права, а представляют собой явление правосознания¹. Следовательно, не только теоретическое, но и практическое значение имеет проблема формулирования и технического закрепления принципов права. Полагаем, если субъект правотворчества хочет, чтобы его идеи дошли до правоприменения, то они должны найти нормативное выражение.

---

¹ См.: Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21; Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999. С.360-361; Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 7.

Анализ кодифицированных нормативных актов Российской Федерации, а также ряда стран СНГ приводит нас к выводу, что существуют разные способы закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов. В одних случаях можно говорить о традициях, идущих еще от советского права, в других — об определенных инновациях, проявляющихся в использовании более эффективных способов нормативного закрепления принципов права.

В период Российской империи категория «принципы права» не привлекала серьезного внимания ученых. Как верно отмечается в научной литературе, «каких-либо специальных исследований, посвященных анализу понятия принципов права, в дореволюционный период практически не существовало»¹. На доктринальном уровне в качестве синонима «принципов права» использовались такие понятия, как «основные начала» и «руководящие начала». Следствием неразработанности соответствующей категории в науке стало отсутствие четкого закрепления принципов права в текстах имперских нормативных актов. Несомненно, некие основополагающие идеи отражались в документах, но при этом не было сформулировано общих правил их закрепления, отсутствовали и какие-либо маркеры, указывающие на то, что конкретное положение воспринимается законодателем именно в качестве основополагающего, в качестве принципа права.

В советский период истории России в отношении закрепления принципов права уже в некоторых первых кодексах появились инновационные тенденции, которые в дальнейшем превратились в советскую традицию закрепления принципов права. В Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 10 июля 1923 г. глава 1 называлась «Основные положения». Именно в этой главе, включавшей 11 статей, и закреплялись основные идеи, лежащие в основе гражданского процессуального законодательства. Обратим внимание, что статьи в данном нормативном правовом акте названий не имели, что осложняет наименование того или иного принципа права. Кроме того, не все статьи, входящие в гл. 1 ГПК РСФСР 1923 г., содержали принципы права — в некоторых из них имелись и другие нормы (например, в ст. 11 закреплялись процессуальные права сторон, прокурора и третьих лиц на знакомство с материалами дела, делать выписки из них, получать копии документов).

По нашему мнению, в гл. 1 ГПК РСФСР 1923 г. было закреплено пять принципов гражданского процессуального законодательства:

- принцип единства гражданского процесса (ст. 1);
- принцип разрешения дел судом на основании действующих нормативных актов, постановлений местных органов власти, а при их недостаточности — руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства (ст. 3, 4);
- принцип процессуальной активности суда (ст. 5);
- принцип добросовестности сторон (ст. 6);
- принцип языка судопроизводства (ст. 9).

В Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 11 июня 1964 г. по сравнению с ГПК РСФСР 1923 г. инновационным стало появление названий статей, что способствует более ясному пониманию идей законодателя, выраженных в их содержании. Однако в названии ни одной из статей не было использовано слово «принцип». Также принципов гражданского процессуального законодательства стало больше. Теперь их уже было десять:

- принцип осуществления правосудия только судом (ст. 5);
- принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 5);
- принцип участия населения в отправлении правосудия (ст. 6);
- принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел (ст. 6);
- принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 7);
- принцип языка судопроизводства (ст. 8);
- принцип гласности судебного разбирательства (ст. 9);
- принцип разрешения дел на основании действующего законодательства (ст. 10);
- принцип обязательности решения, определения и постановления суда (ст. 13);
- принцип процессуальной активности суда (ст. 14).

Следующая кодификация российского гражданского процессуального права произошла уже в 2002 г. с принятием Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. Принципы гражданского процессуального законодательства по-прежнему традиционно сформулированы в главе 1 «Основные положения». Как и в ГПК РСФСР 1964 г. статьи в ГПК РФ имеют названия, однако в них также отсутствует слово принцип. Всего можно выделить десять принципов гражданского процессуального права:

- принцип осуществления правосудия только судом (ст. 5);
- принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 6);
- принцип разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления (ст. 6.1);

¹ Сахапов Р.Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 13.

— принцип сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел (ст. 7). В данном случае мы включаем данное положение в состав принципов гражданского процессуального права, однако это весьма спорно¹;

- принцип независимости судей (ст. 8);
- принцип государственного языка судопроизводства (ст. 9);
- принцип гласности судебного разбирательства (ст. 10);
- принцип осуществления правосудия на основе состязательности сторон (ст. 12);
- принцип процессуального равенства сторон (ст. 12);
- принцип обязательности судебных постановлений (ст. 13).

Сочетание традиций и инноваций в закреплении принципов права более рельефно выступает в сфере уголовно-процессуального законодательства. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 25 мая 1922 г. и Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 15 февраля 1923 г. принципы закреплялись главе 1 «Основные положения» и в обоих кодексах обладавших практически идентичным содержанием. Ни там, ни там статьи не имели названий. Всего можно выделить три принципа уголовно-процессуального права:

- принцип законности (ст. 5-7 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 9-11 УПК РСФСР 1923 г.);
- принцип публичности (ст. 19 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 14 УПК РСФСР 1923 г.);
- принцип языка судопроизводства (ст. 22 УПК РСФСР 1922 г. и ст. 15 УПК РСФСР 1923 г.).

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. основывался на союзном акте — Основых уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 25 декабря 1958 г. Принципы права, как и в более ранних нормативных правовых актах, в УПК РСФСР 1960 г. закреплялись в главе 1 «Основные положения», но каждая статья имела теперь собственное название.

В УПК РСФСР 1960 г. было закреплено всего тринадцать принципов уголовно-процессуального права, одиннадцать из которых были заимствованы из Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г.:

- принцип законности (ст. 4);
- принцип неприкосновенности личности (ст. 11);
- принцип неприкосновенности жилища (ст. 12). Данный принцип стал новеллой российского законодательства, он не был закреплен в Основых уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г.;
- принцип неприкосновенности тайны переписки (ст. 12). Аналогично предыдущему принципу данный принцип являлся новым для российского права и закреплялся в одной статье с неприкосновенностью жилища);
- принцип осуществления правосудия только судом (ст. 13);
- принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 14);
- принцип участия населения в отправлении правосудия (ст. 15);
- принцип коллегиальности в рассмотрении дел (ст. 15);
- принцип независимости судей (ст. 16);
- принцип языка судопроизводства (ст. 17);
- принцип гласности судебного разбирательства (ст. 18);
- принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 19);
- принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20).

По сравнению с советскими уголовно-процессуальными кодексами принятый 18 декабря 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в плане закрепления принципов права представляет собой существенный шаг вперед. Произошли изменения в структуре кодифицированного акта. «Основные положения» из главы трансформировались в раздел, и, самое важное, в УПК РФ появилась глава 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Именно использование законодателем понятия «принципы» стало главной инновацией в УПК РФ в интересующем нас аспекте. Тем не менее, в названиях статей законодатель вновь не стал использовать слово «принцип».

Всего в УПК РФ, по нашему мнению, закреплены четырнадцать принципов уголовного судопроизводства:

- принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1);
- принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 7);
- принцип осуществление правосудия только судом (ст. 8);
- принцип независимости судей (ст. 8.1);
- принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9);
- принцип неприкосновенности личности (ст. 10);
- принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11);

¹ Подробнее см.: Демичев А.А., Илюхина В.А. О некоторых дискуссионных проблемах принципов цивилистического процесса России (аналогия закона и аналогия права, сочетание единоличного и коллегиального начал в судопроизводстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 3-6.

- принцип неприкосновенности жилища (ст. 12);
- принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13);
- принцип презумпции невиновности (ст. 14);
- принцип состязательности сторон (ст. 15);
- принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16);
- принцип свободной оценки доказательств (ст. 17);
- принцип языка уголовного судопроизводства (ст. 18).

В семейном праве, которое сформировалось в самостоятельную отрасль только в советский период, закрепление принципов пошло по более сложному пути. В первом кодифицированном акте РСФСР — Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. не было ни в структурном, ни в содержательном плане чего-либо похожего на принципы семейного права. Здесь отсутствовала даже глава «Основные положения». Данный кодекс носил предельно конкретный характер: его первый раздел назывался «Акты гражданского состояния», а первая глава в нем — «Отделы записей актов гражданского состояния».

В плане закрепления принципов семейного права ничего не изменилось и с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. Первый раздел его назывался «О браке», а первая глава в нем — «Общие положения». Анализ содержания последней приводит к выводу, что в ней закрепились некоторые общие положения, касающиеся только института брака, а не семейных правоотношений в целом. Таким образом, можно утверждать, что новое семейное законодательство в интересующем нас аспекте шло в рамках дореволюционных традиций, игнорирующих нормативное закрепление принципов права.

А вот в Кодексе о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. произошли серьезные изменения, в том числе и юридико-технического характера. В главе 1 «Основные положения», входящей в раздел 1 «Общие положения» был изложен ряд принципов семейного права, причем некоторые принципы были закреплены в отдельных статьях (ст. 3 «Равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях», ст. 4 «Равноправие граждан в семейных отношениях», ст. 5 «Защита семьи государством. Охрана и поощрение материнства»), а некоторые — в качестве составного элемента других статей (ст. 1 «Задачи Кодекса о браке и семье РСФСР» и ст. 6 «Правовое регулирование брачных и семейных отношений государством»).

В данной работе мы не будем выделять конкретные принципы права, содержащиеся в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г., т.к. эта проблема требует отдельного изучения. Тем не менее, считаем необходимым отметить, что инновационным по сравнению с предшествующим периодом стало появление главы «Основные положения», в которой и нашли отражение основополагающие идеи советского семейного законодательства. При этом слово «принцип» не использовалось ни в названиях, ни в содержании статей.

В Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. новшеством стало появление ст. 1 «Основные начала семейного законодательства», входящей в главу 1 «Семейное законодательство» раздела 1 «Общие положения». Напомним, что еще в дореволюционной доктрине «основные начала» рассматривались в качестве синонима «принципов». Однако современный законодатель не имеет, видимо, четкого представления об их соотношении (скорее всего, такую задачу он и не ставил перед собой). Свидетельством этому является то, что в ч. 3 ст. 1 СК РФ содержится формулировка «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с **принципами** (выделено нами — *В.И.*) ...» и далее перечисляются следующие принципы: 1) добровольности брачного союза мужчины и женщины; 2) равенства прав супругов в семье; 3) разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию; 4) приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии; 5) обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Несомненно, использование слова «принцип» при закреплении основных идей семейного законодательства является инновационным в данной отрасли права. К сожалению, законодатель оказался непоследователен. Об этом свидетельствует то, что кроме ч. 3 ст. 1 СК РФ принципы права (уже без употребления этого термина) нашли закрепление в ч. 1 ст. 1 (принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства), в ч. 2 той же статьи (принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния) и в ч. 4 (принцип запрещения любых формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности). Таким образом, непосредственно в самом СК РФ закреплено восемь принципов семейного законодательства Российской Федерации.

В ряде других кодифицированных отраслях права с той или иной вариативностью имели место аналогичные тенденции, связанные с закреплением принципов права. В настоящее время в Российской Федерации существует многообразие вариантов закрепления принципов права в текстах нормативных правовых актов:

- принципы права закрепляются в отдельной главе кодекса (УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ). Данный подход является инновационным по сравнению с советским периодом. При этом удачным представля-

ется закрепление принципов права в УК РФ, в главе 1 которого «Задача и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации» в названиях статей 3-7 используется слово «принцип» («Принцип законности», «Принцип равенства граждан перед законом», «Принцип вины» и др.);

— принципы права закрепляются в отдельной статье кодифицированного акта. Это тоже является инновацией современного периода. Однако такой вариант представляется менее удачным, чем предыдущий. Кроме того, здесь используется четыре разных способа: 1) принципы без последующего их раскрытия их содержания просто перечисляются в одной статье (УИК РФ); 2) принципы перечисляются в одной статье нормативного правового акта, а в следующих статьях последовательно раскрывается их содержание (КАС РФ); 3) принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный пункт, но содержание принципов не раскрывается (Градостроительный кодекс РФ, ЛК РФ); принципы перечисляются в одной статье, каждому принципу посвящается отдельный пункт и при этом раскрывается содержание каждого принципа (ВК РФ, ЗК РФ, ТК РФ);

— в кодифицированном акте отсутствует структурный элемент, в названии которого используется термин «принципы». Здесь имеется два варианта: 1) отсутствует структурный элемент с названием «принципы», но ряд базовых положений соответствующей отрасли закреплен в статьях, находящихся в первом разделе кодекса «Общие положения» (ГК РФ, СК РФ, АПК РФ, ГПК РФ) и 2) принципы права не нашли закрепления в каком бы то ни было виде (Воздушный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ). Оба эти варианта являются традиционными в интересующем нас аспекте. Причем первый из них находится в рамках советских традиций, а второй — восходит даже к традициям Российской империи и первых советских кодексов.

Обобщая все сказанное ранее, выделим ряд традиционных и инновационных моментов в закреплении принципов права. В наглядной табличной форме соотношение традиций и инноваций в закреплении принципов права представлено в Таблице 1.

Для дореволюционного и раннего периода советской истории традиционным является отсутствие закрепления принципов права в текстах нормативных актов в каком бы то ни было виде.

В советский период инновационным становится то, что в качестве руководящих, базовых идей, основных начал принципы права закрепляются в тексте нормативных актов, но само слово «принцип» нигде не используется. Традиционным для этого периода становится закрепление руководящих идей отрасли в начальной части кодифицированного акта — как правило, в главе «Основные положения».

Указанная выше традиция существует и в настоящее время. В постсоветский период в интересующем нас аспекте инновационным стало выделение в некоторых кодексах глав и статей, содержащих в названии слово «принцип», а также раскрытие содержания отдельных принципов.

При этом, с одной стороны, наблюдается разнообразие способов закрепления принципов в разных кодексах. С другой стороны, имеются тенденции унификации закрепления отдельных принципов. Например, с принятием федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"» от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ были введены аналогичные по содержанию статьи, закрепляющие принцип разумного срока судопроизводства в процессуальных кодексах (ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», ст. 6.1 АПК РФ «Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта», ст. 6.1 ГПК РФ «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного постановления»). В принятом уже после этого закона Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. принцип разумного срока судопроизводства был закреплен в ст. 10 «Разумный срок административного судопроизводства и разумный срок исполнения судебных актов по административным делам».

Таблица 1

Российская империя	РСФСР	Российская Федерация
1. Принципы права не закрепляются в текстах кодифицированных актов. 2. Понятие «принцип» не используется в текстах нормативных правовых актов.	1. В некоторых кодексах принципы права никак не закрепляются (<i>традиция</i>). 2. Понятие «принцип» не используется в текстах нормативных правовых актов (<i>традиция</i>). 3. В некоторых кодексах основополагающие идеи отрасли закрепляются в главе «Основные положения» раздела «Общие положения» (<i>инновация</i>). 4. Содержание принципов не раскрывается.	1. В некоторых кодексах принципы права никак не закрепляются (<i>отмирающая традиция</i>). 2. В некоторых кодексах основополагающие идеи отрасли закрепляются в главах / разделах «Основные положения» / «Общие положения» (<i>традиция</i>). 3. Понятие «принцип» не используется в текстах ряда кодифицированных актов (<i>традиция</i>).

		<p>4. В некоторых кодексах принципы права закрепляются в отдельной главе, содержащей в названии слово «принцип» (<i>инновация</i>).</p> <p>5. В некоторых кодексах принципы права закрепляются в отдельной статье, содержащей в названии слово «принцип» (<i>инновация</i>).</p> <p>6. Понятие «принцип» используется в текстах <i>статей</i> (<i>инновация</i>).</p> <p>7. Содержание некоторых принципов раскрывается достаточно подробно (<i>инновация</i>).</p>
--	--	---